

Ferdinand de Saussure

Cours de linguistique generale

Public par Charles Bally et Albert Sechehaye avec la collaboration de Albert Riedlinger

Фердинанд де Соссюр

Курс общей лингвистики

Екатеринбург

Издательство Уральского университета 1999

ББКШ1г(0)5 С 66

Научный редактор *М. Э. Рут*

Перевод «Примечаний» и «Биографических и критических заметок» Туллио де
Мауро *С. В. Чистяковой*

(по книге: Sossure F. de. Cours de linguistique generale / Publ. par Ch. Bally et
A. Sechehaye avec la collaboration de A. Riedlinger. Ed. critique prep. par Tullio de
Mauro. Paris, 1972)

Редактор *Н. В. Чапаева*

Ответственный редактор *В. Е. Беспалов*

Соссюр Ф. де.

С 66 Курс общей лингвистики/Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.— 432 с.

ISBN 5—7525—0689—1

«Курс Общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра — работа, определившая все последующее развитие языкознания XX в. Соссюровская методология — различение языка и речи, синхронии и диахронии, предложенный им анализ природы языкового знака — вышла за рамки собственно лингвистики, найдя плодотворное применение в целом ряде гуманитарных наук, от этнологии до психоанализа.

В настоящем издании уточнен перевод ряда понятий, а также впервые в русскоязычном переводе в полной мере воспроизводится использованная автором система фонетической транскрипции. Издание дополнено ставшим уже классическим комментарием известнейшего итальянского лингвиста Туллио де Мауро.

Книга адресована лингвистам, а также всем интересующимся общими проблемами методологии гуманитарных наук.

,460200000—33

БКШ1г(0)5)

ISBN 5—7525—0689—1

г Издательство Уральского университета, 1999

Предисловие к первому изданию

Сколько раз нам приходилось слышать из уст Фердинанда де Соссюра сетования на недостаточность принципов и методов той лингвистики, в сфере которой развивалось его дарование. Всю свою жизнь он упорно искал те руководящие законы, которые могли бы ориентировать его мысль в этом хаосе [1]'. Только в 1906 г., приняв после Вертгеймера [2] кафедру в Женевском университете, он получил возможность публично излагать свои идеи, зревшие в нем в течение многих лет. Де Соссюр читал курс по общей лингвистике три раза: в 1906-1907, 1908-1909 и 1910-1911 гг.; правда, требования программы вынуждали его посвящать половину каждого из этих курсов индоевропейским языкам: описанию их и изложению их истории, в связи с чем ему приходилось значительно сокращать важнейшие разделы, составляющие основную тематику читаемых лекций [3].

Все, кому посчастливилось слушать эти столь богатые идеями лекции де Соссюра, жалели, что они не были опубликованы отдельной книгой. После смерти нашего учителя мы надеялись найти в его рукописях, любезно предоставленных в наше распоряжение г-жой де Соссюр, полное, или по крайней мере достаточное, отображение этих гениальных лекций; мы предполагали, что, ограничившись простой редакционной правкой, можно будет издать личные заметки де Соссюра с привлечением записей слушателей. К великому нашему разочарованию, мы не нашли ничего или почти ничего такого, что соответствовало бы конспектам его учеников: де Соссюр уничтожал, как только отпадала в том необходимость, наспех составленные черновики, в которых он фиксировал в общем виде те идеи, какие он потом излагал в своих чтениях. В его письменном столе мы нашли лишь довольно старые наброски [4], конечно, не лишенные ценности, но не пригодные для самостоятельного использования, а также для

соединения их с записями упомянутых курсов его слушателями.

Это было для нас тем более огорчительно, что профессиональные обязанности в свое время почти полностью помешали нам присутствовать лично на этих лекциях, ознаменовавших в деятельности Фердинанда де Соссюра этап, столь же блистательный, как и

Цифра в квадратных скобках после соответствующего слова или абзаца отсылает читателя «Курса» к соответствующему примечанию Туллио де Мауро. Эти примечания в нашем издании помещены в конце «Курса».—Прим. ред.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

тот, ныне уже далекий, когда появился «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках» [5].

Итак, нам пришлось ограничиться только записями, которые вели слушатели в течение трех упомянутых лекционных курсов. Весьма полные конспекты предоставили в наше распоряжение слушатели двух первых курсов: Луи Кай, Леопольд Го-тье, Поль Регар и Альберт Ридлингер, а также слушатели третьего, наиболее важного курса: г-жа Сеше, Жорж Дегалье и Франсис Жозеф [6]. Свои заметки по одному специальному вопросу предоставил нам Луи Брютш [7]. Всем перечисленным лицам мы выражаем свою искреннюю признательность. Мы выражаем также живейшую благодарность выдающемуся романисту Жюлю Ронжа, который любезно согласился просмотреть рукопись перед сдачей ее в печать и сообщил нам свои ценнейшие замечания.

Что же мы стали делать с этим материалом? Прежде всего потребовался серьезный критический анализ: в отношении каждого курса вплоть до отдельных деталей надо было путем сопоставления всех версий добраться до авторской мысли, от которой у нас остались только отголоски, порой противоречивые.

Для первых двух курсов мы прибегли к сотрудничеству с А. Ридлингером, одного из тех слушателей, кто с наибольшим интересом следил за мыслью учителя; его работа в этом отношении была нам очень полезна [8]. Для третьего курса та же кропотливая работа по сличению версий и редактированию была произведена одним из нас—А. Сеше [9].

Однако это еще не все. Форма устного изложения, часто противоречащая нормам книжной речи, создавала для нас величайшие затруднения. К тому же де Соссюр принадлежал к числу тех людей, которые никогда не останавливаются на достигнутом: его мысль свободно развивалась во всех направлениях, не вступая тем не менее в противоречие с самой собою. Публиковать все в оригинальной форме устного изложения было невозможно: неизбежные при этом повторения, шероховатости, меняющиеся формулировки лишили бы подобное издание цельности. Ограничиться только одним курсом (спрашивается, каким?) значило бы лишить книгу всех богатств, в изобилии разбросанных в остальных двух курсах;

даже третий курс, наиболее законченный, не мог бы сам по себе дать полное представление о теориях и методах де Соссюра [10].

Нам советовали издать некоторые отрывки, наиболее оригинальные по своему содержанию, в том виде, в каком они остались после де Соссюра; идея эта нам сперва понравилась, но вскоре стало ясно, что осуществление ее исказило бы концепцию нашего учителя, которая предстала бы в виде обломков постройки, имеющей подлинную ценность лишь как стройное целое [11].

Поэтому мы остановились на решении более смелом, но вместе с тем, думается, и более разумном: мы решились на реконструкцию, на синтез на основе

третьего курса, используя при этом все

бывшие в нашем распоряжении материалы, включая личные заметки де Соссюра. Дело это было исключительно трудным, тем более что речь шла о воссоздании, которое должно было быть совершенно объективным: по каждому пункту нужно было, проникнув до самых основ каждой отдельной мысли и руководствуясь всей системой в целом, попытаться увидеть эту мысль в ее окончательной форме, освободить ее от многообразных форм выражения и зыбкости, присущей устному изложению, затем найти ей надлежащее место и при всем том представить все составные части ее в последовательности, соответствующей авторскому намерению даже в тех случаях, где это намерение надо было не столько обнаружить, сколько угадать [12].

Из этой работы по объединению отдельных версий и реконструкции целого и выросла настоящая книга, которую мы ныне не без робости представляем на суд ученых кругов и всех друзей лингвистики [13].

Наша основная идея сводилась к тому, чтобы воссоздать органическое единство, не пренебрегая ничем, что помогло бы создать впечатление стройного целого. Но именно как раз за это мы, быть может, и рискуем подвергнуться критике с двух сторон.

С одной стороны, нам могут сказать, что это «стройное целое» неполно. Но ведь наш учитель никогда и не претендовал на то, чтобы охватить все разделы лингвистики и осветить их все равномерно ярким светом; фактически он этого сделать не мог, да и цель его была совершенно иная. Руководствуясь несколькими сформулированными им самим основными принципами, которые мы постоянно находим в его работе и которые образуют основу ткани, столь же прочной, сколь и разнообразной, он работал вглубь и распространялся вширь лишь тогда, когда эти принципы находили исключительно благоприятные возможности применения, а также когда они встречали на своем пути теории, которые могли **их** подорвать.

Этим объясняется тот факт, что некоторые дисциплины, например семантика, лишь слегка затронуты [14]. Нам кажется, однако, что эти пробелы не вредят архитектонике целого. Отсутствие «лингвистики речи» более ощутимо. Обещанный слушателям третьего курса этот раздел занял бы, без сомнения, почетное место в будущих курсах [15]; хорошо известно, почему это обещание не было выполнено. Мы ограничились тем, что собрали и поместили в соответствующем разделе беглые указания на эту едва намеченную программу; большего мы сделать не могли.

С другой стороны, нас, быть может, упрекнут за то, что мы включили в книгу некоторые достаточно известные еще до Соссюра вещи. Однако невозможно, чтобы при изложении столь широкой темы все было одинаково новым. И если некоторые уже известные положения оказываются необходимыми для понимания целого, неужели нам поставят в вину то, что мы их приводим? Так, глава о

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

фонетических изменениях включает сведения, уже высказывавшиеся ранее другими и только выраженные в более законченной форме; но, не говоря уже о том, что этот раздел книги содержит много оригинальных и ценных подробностей, даже поверхностное знакомство с ним показывает, что исключение его из книги отрицательно сказалось бы на понимании тех принципов, на которых де Соссюр строит свою систему статической лингвистики.

Мы полностью осознаем свою ответственность перед лицом научной критики и перед самим автором, который, возможно, не дал бы своего согласия на опубликование этих страниц [16]. Эту ответственность мы принимаем на себя целиком и хотели бы, чтобы она лежала только на нас. Сумеют ли наши критики провести различие между учителем и его интерпретаторами? Мы были бы признательны им, если бы они обрушили свои удары на нас: было бы несправедливо подвергать этим ударам память дорогого нам человека.

Женева, июль 1915

Ш. Балли, А. Сеше.

Предисловие ко второму изданию

В настоящем, втором, издании не внесено никаких существенных изменений по сравнению с первым. Издатели ограничились частичными поправками [17], цель которых—сделать редакцию некоторых пунктов более ясной и точной.

Ш. Б., А. С.

Предисловие к третьему изданию

За исключением нескольких незначительных исправлений, настоящее издание [18] полностью повторяет предыдущее.

Ш. Б., А. С.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	5
ВВЕДЕНИЕ.....'	9
Глава I. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ЛИНГВИСТИКИ	9
Глава II. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧА ЛИНГВИСТИКИ; ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К СМЕЖНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ .	14
Глава III. ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ	16
§ 1. Определение языка.....	16
§ 2. Место языка в явлениях речевой деятельности	19
§ 3. Место языка в ряду явлений человеческой жизни. Семиология	23
Глава IV. ЛИНГВИСТИКА ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИКА РЕЧИ	26
Глава V. ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА	28
Глава VI. ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ ПИСЬМА	31
§ 1. Необходимость изучения письма	31
§ 2. Престиж письма; причины его превосходства над устной формой речи . .	31 §
3. Системы письма	33
§ 4. Причины расхождения между написанием и произношением	34
§ 5. Последствия расхождения между написанием и произношением	35
Глава VII. ФОНОЛОГИЯ	39
§ 1. Определение	39
§ 2. Фонологическое письмо	40
§ 3. Критика показаний письменных источников	41
ПРИЛОЖЕНИЕ К ВВЕДЕНИЮ ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ.....	44
Глава I. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ.	44
§ 1. Определение фонемы	44
§ 2. Речевой аппарат и его функционирование	46
§ 3. Классификация звуков в соотношении с их ротовой артикуляцией	49
Глава II. ФОНЕМА В РЕЧЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ	54
§ 1. Необходимость изучения звуков в речевой цепочке	54
§ 2. Имплозия и эксплозия	56
§ 3. Различные комбинации эксплозии и имплозии в речевой цепочке	58

§ 4. Слогораздел и вокалическая точка	61
§ 5. Критика теории слогаделения.....	62
§ 6. Длительность имплозии и эксплозии.....	63
§ 7. Фонемы четвертой степени раствора. Дифтонги и вопросы их написания .	64
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ.....	68
Глава I. ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА	68
§ 1. Знак, означаемое, означающее	68
§ 2. Первый принцип: произвольность знака	^
§ 3. Второй принцип: линейный характер означающего	^
Глава II. НЕИЗМЕНЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЗНАКА	74
§ 1. Неизменчивость знака	"
§ 2. Изменчивость знака	7/
Глава III. СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА	8 ₁
§ 1. Внутренняя двойственность всех наук, оперирующих понятием значимости.	"
§ 2. Внутренняя двойственность и история лингвистики	"
§ 3. Внутренняя двойственность лингвистики, показанная на примерах . .	ч ³
§4. Различие синхронии и диахронии, показанное на сравнениях.	89
§ 5. Противопоставление синхронической и диахронической лингвистик в отношении их методов и принципов	91
§ 6. Синхронический закон и закон диахронический	92
§ 7. Существует ли панхроническая точка зрения?	96
§ 8. Последствия смешения синхронии и диахронии	97
§ 9. Выводы	99
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА.	101
Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	101
Глава II. КОНКРЕТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СУЩНОСТИ.	103
§ 1. [Конкретные языковые] сущности и [речевые] единицы. Определение этих понятий	103
§ 2. Метод разграничения сущностей и единиц.	104
§ 3. Практические трудности разграничения сущностей и единиц	105
§ 4. Выводы.....	107
Глава III. ТОЖДЕСТВА, РЕАЛЬНОСТИ, ЗНАЧИМОСТИ.	108
Глава IV. ЯЗЫКОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ.	112
§ 1. Язык как мысль, организованная в звучащей материи.	112
§ 2. Языковая значимость с концептуальной стороны	114
§ 3. Языковая значимость с материальной стороны	118
§ 4. Рассмотрение знака в целом	120
Глава V. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АССОЦИАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	123
§ 1. Определения.....	123
§ 2. Синтагматические отношения	124
§ 3. Ассоциативные отношения.	125
Глава VI. МЕХАНИЗМ ЯЗЫКА	128
§ 1. Синтагматические единства	128

§ 2. Одновременное действие синтагматических и ассоциативных групп . . .	129
Произвольность знака, абсолютная и относительная.	131
Глава VII. ГРАММАТИКА И ЕЕ РАЗДЕЛЫ.	134
§ 1. Определение грамматики; традиционное деление грамматики.	134
§ 2. Рациональное деление грамматики	136
Глава VIII. РОЛЬ АБСТРАКТНЫХ СУЩНОСТЕЙ В ГРАММАТИКЕ	137
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА.	140
Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	140
Глава П. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ	144
§ 1. Абсолютная регулярность фонетических изменений.	144
§ 2. Условия фонетических изменений.	144
§ 3. Вопросы метода	146
§ 4. Причины фонетических изменений	147
§ 5. Неограниченность действия фонетических изменений . . ."	151
Глава III. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ.	153
§ 1. Разрыв грамматической связи	153
§ 2. Стирание сложного строения слов	154
§ 3. Фонетических дублетов не бывает	155
§ 4. Чередование	156
§ 5. Законы чередования.	158
§ 6. Чередование и грамматическая связь	160
Глава IV. АНАЛОГИЯ	161
§ 1. Определение аналогии и примеры.	161
§ 2. Явления аналогии не являются изменениями	163
§ 3. Аналогия как принцип новообразований в языке	165
Глава V. АНАЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ	169
§ 1. Каким образом новообразование по аналогии становится фактом языка?	169
§ 2. Образования по аналогии — симптомы изменений интерпретации ...	170
§ 3. Аналогия как обновляющее и одновременно консервативное начало . .	172
Глава VI. НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ	174
Глава VII. АГГЛЮТИНАЦИЯ	177
§ 1. Определение агглютинации	177
§ 2. Агглютинация и аналогия	178
Глава VIII. ПОНЯТИЯ ЕДИНИЦЫ, ТОЖДЕСТВА И РЕАЛЬНОСТИ В ДИАХРОНИИ	180
ПРИЛОЖЕНИЕ КО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧАСТЯМ.	183
А. Анализ субъективный и анализ объективный	183
Б. Субъективный анализ и выделение единиц низшего уровня	185
В. Этимология	189
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА	190
Глава I. О РАЗЛИЧИИ ЯЗЫКОВ	190
Глава II. СЛОЖНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ГЕОГРАФИЧЕСКИМ РАЗНООБРАЗИЕМ ЯЗЫ- КОВ.....	193
§ 1. Сосуществование нескольких языков в одном пункте.	193
§ 2. Литературный язык и диалекты	194
Глава III. ПРИЧИНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЯЗЫКОВ . .	197
§ 1. Основная причина разнообразия языков—время.	197
§ 2. Действие времени на язык на непрерывной территории	199

§ 3. У диалектов нет естественных границ	200
§ 4. У языков нет естественных границ	202
Глава IV. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ВОЛН	205
§ 1. Сила общения и «дух родимой колокольни»	205
§ 2. Сведение обеих взаимодействующих сил к одному общему принципу . 207 § 3. Языковая дифференциация на разобщенных территориях	208
ЧАСТЬ ПЯТАЯ ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	212
Глава I. ДВЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ . 212 Глава II. НАИБОЛЕЕ ДРЕВНИЙ ЯЗЫК И ПРАЯЗЫК	216
Глава III. РЕКОНСТРУКЦИЯ.	219
§ 1. Характер реконструкции и ее цели	219
§ 2. Степень достоверности реконструкций.	221
Глава IV. СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫКА В АНТРОПОЛОГИИ И ДОИСТОРИИ	223
§ 1. Язык и раса	223
§ 2. Эгоизм	224
§ 3. Лингвистическая палеонтология	224
§4. Языковой тип и мышление социальной группы.	227
Глава V. ЯЗЫКОВЫЕ СЕМЬИ И ЯЗЫКОВЫЕ ТИПЫ	229
ПРИЛОЖЕНИЯ	233
Де Мауро Т. БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОФ.ДЕСОССЮРЕ	235
Де Мауро Т. ПРИМЕЧАНИЯ	294
БИБЛИОГРАФИЯ	395
ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	416

Введение

Глава I

Общий взгляд на историю лингвистики [19]

Наука о языке [20] прошла три последовательные фазы развития, прежде чем было осознано, что является подлинным и единственным ее объектом [21]. Начало было положено так называемой «грамматикой». Эта дисциплина, появившаяся впервые у греков и в дальнейшем процветавшая главным образом во Франции, основывалась на логике и была лишена научного и объективного воззрения на язык как таковой: ее единственной целью было составление правил для отличия правильных форм от форм неправильных. Это была дисциплина нормативная, весьма далекая от чистого наблюдения: в силу этого ее точка зрения была, естественно, весьма узкой [22].

Затем возникла филология. «Филологическая» школа существовала уже в Александрии, но этот термин применяется преимущественно к тому научному направлению, начало которому было положено в 1777 г. Фридрихом Августом Вольфом и которое продолжает существовать до наших дней [23]. Язык не является единственным объектом филологии: она прежде всего ставит себе задачу устанавливать, толковать и комментировать тексты. Эта основная задача приводит ее также к занятиям историей литературы, быта, социальных институтов и т. п. [24]. Всюду она применяет свой собственный метод, метод критики источников. Если она касается лингвистических вопросов, то главным образом для того, чтобы сравнивать тексты различных эпох, определять язык, свойственный данному автору, расшифровывать и разъяснять надписи на архаических или плохо известных языках. Без сомнения, именно исследования такого

рода и расчистили путь для исторической лингвистики: работы Ричля о Плавте уже могут быть названы лингвистическими [25]. Но в этой области филологическая критика имеет один существенный недостаток: она питает слишком рабскую приверженность к письменному языку и забывает о живом языке, к тому же ее интересы лежат почти исключительно в области греческих и римских древностей.

9

ВВЕДЕНИЕ

Начало третьего периода связано с открытием возможности сравнивать языки между собою. Так возникла сравнительная филология, или, иначе, сравнительная грамматика. В 1816г. Франц Бопп в своей работе «О системе спряжения санскритского языка...» исследует отношения, связывающие санскрит с греческим, латинским и другими языками [26]. Но Бопп не был первым, кто установил эти связи и высказал предположение, что все эти языки принадлежат к одному семейству. Это, в частности, установил и высказал до него английский востоковед Вильям Джоунз (1746-1794). Однако отдельных разрозненных высказываний еще недостаточно для утверждения, будто в 1816г. значение и важность этого положения уже были осознаны всеми [27]. Итак, заслуга Боппа заключается не в том, что он открыл родство санскрита с некоторыми языками Европы и Азии, а в том, что он понял возможность построения самостоятельной науки, предметом которой являются отношения родственных языков между собою. Анализ одного языка на основе другого, объяснение форм одного языка формами другого—вот что было нового в работе Боппа.

Бопп вряд ли мог бы создать (да еще в такой короткий срок) свою науку, если бы предварительно не был открыт санскрит. База изысканий Боппа расширилась и укрепилась именно благодаря тому, что наряду с греческим и латинским языками ему был доступен третий источник информации—санскрит; это преимущество усугублялось еще тем обстоятельством, что, как оказалось, санскрит обнаруживал исключительно благоприятные свойства, проливающие свет на сопоставляемые с ним языки.

Покажем это на одном примере. Если рассматривать парадигмы склонения латинского *genus* (*genus, generis, genere, genera, generum*¹ и т. д.) и греческого *genos* (*genos, geneos, genei, genea, geneon* и т.д.), то получаемые ряды не позволяют сделать никаких выводов, будем ли мы брать эти ряды изолированно или сравнивать **их** между собою. Но картина резко изменится, если с ними сопоставить соответствующую санскритскую парадигму (*ganas, ganasas, ganasī, ganassu, ganasam* и т. д.) [28]. Достаточно беглого взгляда на эту парадигму, чтобы установить соотношение, существующее между двумя другими парадигмами: греческой и латинской. Предположив, что *janas* представляет первоначальное состояние (такое допущение способствует объяснению), можно заключить, что *s* исчезало в греческих формах *gene(s)os* и т. д. всякий раз, как оказывалось между двумя гласными. Далее, можно заключить, что при тех же условиях в латинском языке *s* переходило в *g*. Кроме того, с грамматической точки зрения санскритская парадигма уточняет понятие индоевропейского корня, поскольку этот элемент оказывается здесь вполне определенной и устойчивой единицей (*ganas-*). Латинский и греческий языки лишь

Здесь и всюду в дальнейшем мы сохраняем транслитерацию греческих слов в том виде, в каком она дана во французском издании «Курса».—Прим. ред.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ЛИНГВИСТИКИ

на самых своих начальных стадиях знали то состояние, которое представлено санскритом. Таким образом, в данном случае санскрит показателен тем, что в нем сохранились все индоевропейские *s*. Правда, в других отношениях он хуже сохранил характерные черты общего прототипа: так, в нем катастрофически изменился вокализм. Но в общем сохраняемые **им** первоначальные элементы прекрасно помогают исследованию, и в огромном большинстве случаев именно санскрит оказывается в положении языка, разъясняющего различные явления в других языках.

С самого начала рядом с Боппом выдвигаются другие выдающиеся лингвисты: Якоб Гримм, основоположник германистики (его «Грамматика немецкого языка» была опубликована в 1819-1837 гг.); Август Фридрих Потт, чьи этимологические разыскания снабдили лингвистов большим материалом; Адальберт Кун, работы которого касались как сравнительного языкознания, так и сравнительной мифологии; индологи Теодор Бенфей и Теодор Ауф-рехт и др. [29].

Наконец, среди последних представителей этой школы надо выделить Макса Мюллера, Георга Курциуса и Августа Шлейхера. Каждый из них сделал немалый вклад в сравнительное языкознание. Макс Мюллер [30] популяризировал его своими блестящими лекциями («Лекции по науке о языке», 1861, на английском языке); впрочем, в чрезмерной добросовестности его упрекнуть нельзя. Выдающийся филолог Курциус [31], известный главным образом своим трудом «Основы греческой этимологии» (1858-1862, 5-е прижизненное изд. 1879 г.), одним из первых примирил сравнительную грамматику с классической филологией. Дело в том, что представители последней с недоверием следили за успехами молодой науки, и это недоверие становилось взаимным. Наконец, Шлейхер [32] является первым лингвистом, попытавшимся собрать воедино результаты всех частных сравнительных исследований. Его «Компендиум по сравнительной грамматике индогерманских языков» (1861) представляет собой своего рода систематизацию основанной Боппом науки. Эта книга, оказывавшая ученым великие услуги в течение многих лет, лучше всякой другой характеризует облик школы сравнительного языкознания в первый период развития индоевропеистики.

Но этой школе, неотъемлемая заслуга которой заключается в том, что она подняла плодородную целину, все же не удалось создать подлинно научную лингвистику. Она так и не попыталась выявить природу изучаемого ею предмета. А между тем без такого предварительного анализа никакая наука не в состоянии выработать свой метод.

Основной ошибкой сравнительной грамматики — ошибкой, которая в зародыше содержала в себе все прочие ошибки, — было то, что в своих исследованиях, ограниченных к тому же одними лишь индоевропейскими языками, представители этого направления никогда не задавались вопросом, чему же соответствовали производимые ими сопоставления, что же означали открываемые ими

ВВЕДЕНИЕ

отношения. Их наука оставалась исключительно сравнительной, вместо того чтобы быть исторической. Конечно, сравнение составляет необходимое условие для всякого воссоздания исторической действительности. Но одно лишь сравнение не может привести к правильным выводам. А такие выводы ускользали от компаративистов еще и потому, что они рассматривали развитие двух языков совершенно так же, как естествоиспытатель рассматривал бы рост двух растений. Шлейхер,

например, всегда призывающий исходить из индоевропейского праязыка, следовательно, выступающий, казалось бы, в некотором смысле как подлинный историк, не колеблясь, утверждает, что в греческом языке е и о суть две «ступени» (Stufen) одного вокализма. Дело в том, что в санскрите имеется система чередования гласных, которая может породить представление об этих ступенях. Предположив, таким образом, что развитие должно идти по этим ступеням обособленно и параллельно в каждом языке, подобно тому как растения одного вида проходят независимо друг от друга одни и те же фазы развития, Шлейхер видит в греческом о усиленную ступень е, подобно тому как в санскритском а он видит усиление а. В действительности же все сводится к индоевропейскому чередованию звуков, которое различным образом отражается в греческом языке и в санскрите, тогда как вызываемые им в обоих языках грамматические следствия вовсе не обязательно тождественны (см. стр. 157 и ел.) [33],

Этот исключительно сравнительный метод влечет за собой целую систему ошибочных взглядов, которым в действительности ничего не соответствует и которые противоречат реальным условиям существования человеческой речи вообще. Язык рассматривался как особая сфера, как четвертое царство природы; этим обусловлены были такие способы рассуждения, которые во всякой иной науке вызвали бы изумление. Нынче нельзя прочесть и десяти строк, написанных в ту пору, чтобы не поразиться причудам мысли и терминам, употреблявшимся для оправдания этих причуд.

Но с методологической точки зрения небесполезно познакомиться с этими ошибками: ошибки молодой науки всегда напоминают в развернутом виде ошибки тех, кто впервые приступает к научным изысканиям; на некоторые из этих ошибок нам придется указать

в дальнейшем.

Только в 70-х годах XIX века стали задаваться вопросом, каковы же условия жизни языков. Было обращено внимание на то, что объединяющие их соответствия не более чем один из аспектов того явления, которое мы называем языком, а сравнение не более чем средство, метод воссоздания фактов.

Лингвистика в точном смысле слова, которая отвела сравнительному методу его надлежащее место, родилась на почве изучения романских и германских языков. В частности, именно романистика (основатель которой Фридрих Диц [34] в 1836-1838 гг. выпустил свою «Граматику романских языков») очень помогла лингвистике

12

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ЛИНГВИСТИКИ

приблизиться к ее настоящему объекту. Дело в том, что романисты находились в условиях гораздо более благоприятных, чем индоевропеисты, поскольку им был известен латинский язык, прототип романских языков, и поскольку обилие памятников позволяло им детально проследивать эволюцию отдельных романских языков. Оба эти обстоятельства ограничивали область гипотетических построений и сообщали всем изысканиям романистики в высшей степени конкретный характер. Германисты находились в аналогичном положении; правда, прагерманский язык непосредственно неизвестен, но зато история происходящих от него языков может быть прослежена на материале многочисленных памятников на протяжении длинного ряда столетий. Поэтому-то германисты, как более близкие к реальности, и пришли к взглядам, отличным от взглядов первых индоевропеистов [35].

Первый импульс был дан американцем Вильямом Уитни [36], автором книги «Жизнь и развитие языка» (1875). Вскоре образовалась новая школа, школа младограмматиков (Junggrammatiker), во главе которой стояли немецкие ученые Карл Бругман, Герман Остгоф, германисты Вильгельм Брауне, Эдуард Сивере, Герман Пауль, славист Август Лескин и др. [37]. Заслуга их заключалась в том, что результаты сравнения они включали в историческую перспективу и тем самым располагали факты в их естественном порядке. Благодаря им язык стал рассматриваться не как саморазвивающийся организм, а как продукт коллективного духа языковых групп. Тем самым была осознана ошибочность и недостаточность идей сравнительной грамматики и филологии'. Однако, сколь бы ни были велики заслуги этой школы, не следует думать, будто она пролила полный свет на всю проблему в целом:

основные вопросы общей лингвистики и ныне все еще ждут своего разрешения. Новая школа, стремясь более точно отражать действительность, объявила войну терминологии компаративистов, в частности, ее нелогичным метафорам. Теперь уже нельзя сказать: «язык делает то-то и то-то» или говорить о «жизни языка» и т. п., ибо язык не есть некая сущность, имеющая самостоятельное бытие, он существует лишь в говорящих. Однако в этом отношении не следует заходить слишком далеко; самое важное состоит в том, чтобы понимать, о чем идет речь. Есть такие метафоры, избежать которых нельзя. Требование пользоваться лишь терминами, отвечающими реальным явлениям языка, равносильно претензии, будто в этих явлениях для нас уже ничего неизвестного нет. А между тем до этого еще далеко; поэтому мы не будем стесняться иной раз прибегать к таким выражениям, которые порицались младограмматиками [38].

13

Глава II

Предмет и задача лингвистики; ее отношение к смежным дисциплинам [39]

Предметом [40] лингвистики являются прежде всего все факты речевой деятельности человека как у первобытных народов, так и у культурных наций, как в эпоху расцвета того или другого языка, так и во времена архаические, а также в период его упадка, с охватом в каждую эпоху как форм обработанного, или «литературного», языка, [так и форм просторечных]—вообще всех форм выражения. Это, однако, не все: поскольку речевая деятельность в большинстве случаев недоступна непосредственному наблюдению, лингвисту приходится учитывать письменные тексты как единственный источник сведений о языках далекого прошлого или далеких стран. В задачу лингвистики входит:

- а) описание и историческое обследование [41] всех доступных ей языков, что ведет к составлению истории всех языковых семейств и по мере возможности к реконструкции их праязыков;
- б) обнаружение факторов, постоянно и универсально действующих во всех языках, и установление тех общих законов, к которым можно свести отдельные явления в истории этих языков [42];
- в) определение своих границ и объекта [43].

Лингвистика весьма тесно связана с рядом других наук, которые то заимствуют у нее ее данные, то предоставляют ей свои. Границы, отделяющие ее от этих наук, не всегда выступают вполне отчетливо. Так, например, лингвистику следует строго отграничивать от этнографии и от истории древних эпох, где язык учитывается лишь в качестве документа. Ее необходимо также отличать и от

антропологии [44], изучающей человека как зоологический вид, тогда как язык есть факт социальный. Но не следует ли включить ее в таком случае в социологию? Каковы взаимоотношения лингвистики и социальной психологии? В сущности, в языке все психично, включая его и материальные и механические проявления, как, например, изменения звуков; и, поскольку лингвистика снабжает социальную психологию столь ценными данными, не составляет ли она с нею единое целое? Всех этих вопросов мы касаемся здесь лишь бегло, с тем чтобы вернуться к их рассмотрению в дальнейшем.

В квадратные скобки взяты те части «Курса», которые отсутствуют в редакции Ш. Балли и А. Сеше, но обнаружены в конспектах слушателей «Курса».—Прим. ред.

14

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧА ЛИНГВИСТИКИ; ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К СМЕЖНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

Отношение лингвистики к физиологии выясняется с меньшим трудом: отношение это является односторонним в том смысле, что при изучении языков требуются данные по физиологии звуков, тогда как лингвистика со своей стороны в распоряжение физиологии подобных данных предоставить не может. Во всяком случае, смешение этих двух дисциплин недопустимо: сущность языка, как мы увидит не связана со звуковым характером языкового знака [45].

Что же касается филологии, то, как мы уже знаем, она резко обличается от лингвистики, несмотря на наличие между обеими науками точек соприкосновения и те взаимные услуги, которые они друг другу оказывают.

В чем заключается практическое значение лингвистики? Весьма немногие люди имеют на этот счет ясное представление, и здесь не место о нем распространяться. Во всяком случае, очевидно, что лингвистические вопросы интересны для всех тех, кто, как, например, историки, филологи и др., имеет дело с текстами. Еще более очевидно значение лингвистики для общей культуры: в жизни как отдельных людей, так и целого общества речевая деятельность является важнейшим из всех факторов. Поэтому немислимо, чтобы ее изучение оставалось в руках немногих специалистов. Впрочем, в действительности ею в большей или меньшей степени занимаются все; но этот всеобщий интерес к вопросам речевой деятельности влечет за собой парадоксальное следствие: нет другой области, где возникало бы больше нелепых идей, предрассудков, миражей и фикций. Все эти заблуждения представляют определенный психологический интерес, и первой задачей лингвиста является выявление и по возможности окончательное их устранение.

Глава Ш Объект лингвистики

§ 1. Определение языка [46]

Что является целостным и конкретным объектом [47] лингвистики? Вопрос этот исключительно труден, ниже мы увидим, почему. Ограничимся здесь показом этих трудностей.

Другие науки оперируют заранее данными объектами, которые можно рассматривать под различными углами зрения; ничего подобного нет в лингвистике. Некто произнес французское слово *ли* «обнаженный»: поверхностному наблюдателю покажется, что это конкретный лингвистический объект; однако более пристальный взгляд обнаружит в *ли* три или четыре совершенно различные вещи в зависимости от того, как он будет рассматривать это слово: только как звучание, как выражение определенного понятия, как соответствие латинскому

nudum «нагой» и т. д. В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими.

Кроме того, какой бы способ мы ни приняли для рассмотрения того или иного явления речевой деятельности, в ней всегда обнаруживаются две стороны [48], каждая из которых коррелирует с другой и значима лишь благодаря ей. Приведем несколько примеров:

1. Артикулируемые слоги—это акустические явления, воспринимаемые слухом, но сами звуки не существовали бы, если бы не было органов речи: так, звук η существует лишь в результате корреляции этих двух сторон: акустической и артикуляционной. Таким образом, нельзя ни сводить язык к звучанию, ни отрывать звучание от артикуляторной работы органов речи; с другой стороны, нельзя определить движение органов речи, отвлекаясь от акустического фактора (см. стр. 44 и ел.).

2. Но допустим, что звук есть нечто простое: исчерпывается ли им то, что мы называем речевой деятельностью? Нисколько, ибо он есть лишь орудие для мысли и самостоятельного существования не имеет. Таким образом возникает новая, осложняющая всю картину корреляция: звук, сложное акустико-артикуляционное единство, образует в свою очередь новое сложное физиолого-мыслительное единство с понятием. Но и это еще не все.

16

ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

3. У речевой деятельности (*langage*) есть две стороны:

индивидуальная и социальная, причем одну нельзя понять без другой.

4. В каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию; в любой момент речевая деятельность есть одновременно и действующее установление (*institution actuelle*) и продукт прошлого. На первый взгляд различие между системой и историей, между тем, что есть, и тем, что было, представляется весьма простым, но в действительности то и другое так тесно связано между собой, что разъединить их весьма затруднительно. Не упрощается ли проблема, если рассматривать речевую деятельность в самом ее возникновении, если, например, начать с изучения речевой деятельности ребенка [49]? Нисколько, ибо величайшим заблуждением является мысль, будто в отношении речевой деятельности проблема возникновения отлична от проблемы постоянной обусловленности [50]. Таким образом, мы продолжаем оставаться в том же порочном кругу.

Итак, с какой бы стороны ни подходить к вопросу, нигде объект не дан нам во всей целостности; всюду мы натываемся на ту же дилемму: либо мы сосредоточиваемся на одной лишь стороне каждой проблемы, тем самым рискуя не уловить присущей ей двустороннее™, либо, если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем дверь перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т. д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов [51].

По нашему мнению, есть только один выход из всех этих затруднений: *надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (попте) для всех прочих проявлений речевой деятельности.* Действительно, среди множества двусторонних явлений только язык, по-видимому, допускает независимое (autonome) определение и дает надежную опору для мысли.

Но что же такое язык [52]? По нашему мнению, понятие языка не совпадает с понятием речевой деятельности вообще [53]; язык — только определенная часть—правда, важнейшая часть—речевой деятельности. Он является социальным продуктом, совокупностью необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; ее нельзя отнести определенно ни к одной

17

ВВЕДЕНИЕ

категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство.

В противоположность этому язык представляет собою целостность сам по себе, являясь, таким образом, отправным началом (principe) классификации. Отводя ему первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе вообще не поддается классификации.

На это выдвинутое нами положение об отправном начале классификации, казалось, можно было бы возразить, утверждая, что осуществление речевой деятельности покоится на способности, присущей нам от природы, тогда как язык есть нечто усвоенное и условное, и что, следовательно, язык должен занимать подчиненное положение по отношению к природному инстинкту, а не стоять над ним.

Вот что можно ответить на это. Прежде всего, вовсе не доказано, что речевая деятельность в той форме, в какой она проявляется, когда мы говорим, есть нечто вполне естественное, иначе говоря, что наши органы речи предназначены для говорения точно так же, как наши ноги для ходьбы [54]. Мнения лингвистов по этому поводу существенно расходятся. Так, например, Уитни, приравнивающий язык к общественным установлениям со всеми их особенностями, полагает, что мы используем органы речи в качестве орудия речи чисто случайно, просто из соображений удобства; Лкэди, по его мнению, могли бы с тем же успехом пользоваться жестами, употребляя зрительные образы вместо слуховых [55]. Несомненно, такой тезис чересчур абсолютен: язык не есть общественное установление, во всех отношениях подобное прочим (см. стр. 76 и ел.); кроме того, Уигни заходит слишком далеко, утверждая, будто наш выбор лишь случайно остановился на органах речи: ведь этот выбор до некоторой степени был нам навязан природой. Но по основному пункту американский лингвист, кажется, безусловно прав:

язык — условность, а какова природа условно избранного знака, совершенно безразлично. Следовательно, вопрос об органах речи—вопрос второстепенный в проблеме речевой деятельности.

Положение это может быть подкреплено путем определения того, что разуметь

под членораздельной речью (*langage articule*). По-латыни *articulus* означает «составная часть», «член(ение)»; в отношении речевой деятельности членораздельность может означать либо членение звуковой цепочки на слоги, либо членение цепочки значений на значимые единицы; в этом именно смысле по-немецки и говорят *gegliederte Sprache*. Придерживаясь этого второго определения, можно было бы сказать, что естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (*langage parle*), а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям [56].

Брока открыл, что способность говорить локализована в третьей лобной извилине левого полушария большого мозга; и на это открытие пытались опереться, чтобы приписать речевой деятельности

18

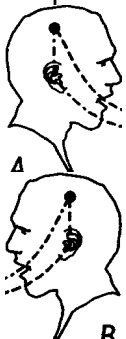
ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

естественно-научный характер [57]. Но как известно, эта локализация была установлена в отношении всего, имеющего отношение к речевой деятельности, включая письмо; исходя из этого, а также из наблюдений, сделанных относительно различных видов афазии в результате повреждения этих центров локализации, можно, по-видимому, допустить: 1) что различные расстройства устной речи разнообразными путями неразрывно связаны с расстройствами письменной речи и 2) что во всех случаях афазии или аграфии нарушается не столько способность произносить те или иные звуки или писать те или иные знаки, сколько способность любыми средствами вызывать в сознании знаки упорядоченной речевой деятельности. Все это приводит нас к предположению, что над деятельностью различных органов существует способность более общего порядка, которая управляет этими знаками и которая и есть языковая способность по преимуществу. Таким путем мы приходим к тому же заключению, к какому пришли раньше.

Наконец, в доказательство необходимости начинать изучение речевой деятельности именно с языка можно привести и тот аргумент, что способность (безразлично, естественная она или нет) артикулировать слова [58] осуществляется лишь с помощью орудия, созданного и предоставляемого коллективом. Поэтому нет ничего невероятного в утверждении, что единство в речевую деятельность вносит язык.

§ 2. Место языка в явлениях речевой деятельности [59]

Для того чтобы во всей совокупности явлений речевой деятельности найти сферу, соответствующую языку, надо рассмотреть индивидуальный акт речевого общения [60]. Такой акт предполагает по крайней мере двух лиц—это минимум, необходимый для полноты ситуации общения. Итак, пусть нам даны два разговаривающих друг с другом лица: А и В.

Отправная точка акта речевого общения находится в мозгу одного из разгова-

ривающих, скажем А, где явления сознания, называемые нами «понятиями», ассоциируются с представлениями языковых знаков, или с акустическими образами, служащими для выражения понятий. Предположим, что данное понятие вызывает в мозгу соответствующий акустический образ — это явление чисто психического порядка, за которым следует физиологический

19

ВВЕДЕНИЕ

процесс: мозг передает органам речи соответствующий образу импульс, затем звуковые волны распространяются из уст А к ушам В — это уже чисто физический процесс. Далее процесс общения продолжается в В, но в обратном порядке: от уха к мозгу — физиологическая передача акустического образа; в мозгу—психическая ассоциация этого образа с соответственным понятием. Когда В заговорит в свою очередь, во время этого нового акта речи будет проделан в точности тот же самый путь, что и во время первого,— от мозга В к мозгу А речь пройдет через те же самые фазы. Все это можно изобразить следующим образом:

Слушание

Говорение, фонация ..... ^,
 $I_{п-} \wedge \eta \setminus П = \text{понятие} \setminus \Pi \wedge .u \setminus o = \text{акустический образ}$

Говорение, фонация
 Слушание

Этот анализ не претендует на полноту. Можно было бы выделить еще чисто акустическое ощущение, отождествление этого ощущения с латентным акустическим образом, двигательный образ в отличие от фонации, говорения и т. д. Но мы приняли во внимание лишь те элементы, которые считаем существенными; наша схема позволяет сразу же отграничить элементы физические (звуковые волны) от элементов физиологических (говорение, фонация и слушание) и психических (словесные образы и понятия). При этом в высшей степени важно отметить, что словесный образ не совпадает с самим звучанием и что он столь же психичен, как и ассоциируемое с ним понятие.

Речевой акт, изображенный нами выше, может быть расчленен на следующие части:

- внешняя часть (звуковые колебания, идущие из уст к ушам) и внутренняя часть, включающая все прочее;
- психическая часть и часть непсихическая, из коих вторая включает как происходящие в органах речи физиологические явления, так и физические явления вне человека;
- активная часть и пассивная часть: активно все то, что идет от ассоциирующего центра одного из говорящих к ушам другого, а пассивно все то, что идет

от ушей этого последнего к его ассоциирующему центру [61].

20

ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

Наконец, внутри локализуемой в мозгу психической части можно называть экзекутивным все то, что активно (П-Ю), и рецептивным все то, что пассивно (О-*·П).

К этому надо добавить способность к ассоциации и координации, которая обнаруживается, как только мы переходим к рассмотрению знаков в условиях взаимосвязи; именно эта способность играет важнейшую роль в организации языка как системы (см. стр. 123 и ел.) [62].

Но чтобы верно понять эту роль, надо отойти от речевого акта как явления единичного, которое представляет собою всего лишь зародыш речевой деятельности, и перейти к языку как к явлению социальному.

У всех лиц, общающихся вышеуказанным образом с помощью речевой деятельности, неизбежно происходит известного рода выравнивание: все они воспроизводят, хотя, конечно, и не вполне одинаково, примерно одни и те же знаки, связывая их с одними и теми же понятиями.

Какова причина этой социальной «кристаллизации»? Какая из частей речевого акта может быть ответственна за это? Ведь весьма вероятно, что не все они принимают в этом одинаковое участие.

Физическая часть может быть отвергнута сразу. Когда мы слышим разговор на незнакомом нам языке, мы, правда, слышим звуки, но вследствие непонимания того, что говорится, сказанное не составляет для нас социального факта.

Психическая часть речевого акта также мало участвует в «кристаллизации»; ее экзекутивная сторона остается вообще непричастной к этому, ибо исполнение никогда не производится коллективом; оно всегда индивидуально, и здесь всецело распоряжается индивид; мы будем называть *это речью (la parole)* [63].

Формирование у говорящих примерно одинаковых для всех психических образов обусловлено функционированием рецептивной и координативной способностей. Как же надо представлять себе этот социальный продукт, чтобы язык вполне выделился, обособившись от всего прочего? Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и образует язык. Язык—это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе [64].

Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного [65].

Язык не деятельность (fonction) говорящего. Язык—это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не

21

ВВЕДЕНИЕ

предполагает преднамеренности и сознательно в нем проводится лишь классифицирующая деятельность, о которой речь будет идти ниже (см. стр. 123 и ел.).

Наоборот, речь есть индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (code) [66]

языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации [67].

Следует заметить, что мы занимаемся определением предметов, а не слов; поэтому установленные нами различия ничуть не страдают от некоторых двусмысленных терминов, не вполне соответствующих друг другу в различных языках. Так, немецкое *Sprache* соответствует французскому *langue* «язык» и *langage* «речевая деятельность»; нем. *Rede* приблизительно соответствует французскому *parole* «речь»; однако в нем. *Rede* содержится дополнительное значение: «ораторская речь» (= франц. *discours*); латинское *sermo* означает скорее и *langage* «речевая деятельность» и *parole* «речь», тогда как *lingua* означает *langue* «язык» и т. д. Ни для одного из определенных выше понятий невозможно указать точно соответствующее ему слово, поэтому-то определять слова абсолютно бесполезно; плохо, когда при определении вещей исходят из слов [68].

Резюмируем теперь основные свойства языка:

1. Язык есть нечто вполне определенное в разнородном множестве фактов речевой деятельности. Его можно локализовать в определенном отрезке рассмотренного нами речевого акта, а именно там, где слуховой образ ассоциируется с понятием. Он представляет собою социальный аспект речевой деятельности, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать его, ни изменять. Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива. Вместе с тем, чтобы знать его функционирование, индивид должен учиться; ребенок овладевает им лишь мало-помалу [60]. Язык до такой степени есть нечто вполне особое, что человек, лишившийся дара речи, сохраняет язык, поскольку он понимает слышимые им языковые знаки.
2. Язык, отличный от речи, составляет предмет, доступный самостоятельному изучению. Мы не говорим на мертвых языках, но мы отлично можем овладеть их механизмом. Что же касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них; более того, она вообще возможна лишь при условии, что эти прочие элементы не примешаны к ее объекту.
3. В то время как речевая деятельность в целом имеет характер разнородный, язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное—это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере психичны.
4. Язык не в меньшей мере, чем речь, конкретен по своей природе, и это весьма способствует его исследованию. Языковые знаки хотя и психичны по своей сущности, но вместе с тем они—не

22

ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу. Более того, знаки языка, так сказать, осязаемы: на письме они могут фиксироваться посредством условных написаний, тогда как представляется невозможным во всех подробностях фотографировать акты речи; произнесение самого короткого слова представляет собою бесчисленное множество мускульных движений, которые чрезвычайно трудно познать и изобразить. В языке же, напротив, не существует ничего, кроме акустического образа, который может быть передан посредством

определенного зрительного образа. В самом деле, если отвлечься от множества отдельных движений, необходимых для реализации акустического образа в речи, всякий акустический образ оказывается, как мы далее увидим, лишь суммой ограниченного числа элементов, или фонем, которые в свою очередь можно изобразить на письме при помощи соответственного числа знаков. Именно возможность фиксировать явления языка позволяет сделать словарь и грамматику верным изображением его: ведь язык — это сокровищница акустических образов, а письмо обеспечивает им осязаемую форму [70].

§ 3. Место языка в ряду явлений человеческой жизни. Семиология [71]

Сформулированная в § 2 характеристика языка ведет нас к установлению еще более важного положения. Язык, выделенный таким образом из совокупности явлений речевой деятельности, в отличие от этой деятельности в целом, занимает особое место среди проявлений человеческой жизни.

Как мы только что видели, язык есть общественное установление, которое во многом отличается от прочих общественных установлений: политических, юридических и др. Чтобы понять его специфическую природу, надо привлечь ряд новых фактов.

Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими рядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п. Он только наиважнейшая из этих систем [72].

Следовательно, можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии;

мы назвали бы ее семиологией' (от греч. *semeion* «знак») [73]. Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, чем она будет; но она имеет право на существование, а ее место определено

Надо остерегаться смешения семиологии с семантикой, изучающей [изменения] значения.

23

ВВЕДЕНИЕ

заранее. Лингвистика—только часть этой общей науки: законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя, таким образом, окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни.

Точно определить место семиологии—задача психолога'; задача лингвиста сводится к выяснению того, что выделяет язык как особую систему в совокупности семиологических явлений. Вопрос этот будет рассмотрен нами ниже; пока запомним лишь одно: если нам впервые удастся найти лингвистике место среди наук, то это только потому, что мы связали ее с семиологией.

Почему же семиология еще не признана самостоятельной наукой, имеющей, как и всякая другая наука, свой особый объект изучения? Дело в том, что до сих пор не удается выйти из порочного круга:

с одной стороны, нет ничего более подходящего для понимания характера семиологических проблем, чем язык, с другой стороны, для того чтобы как следует поставить эти проблемы, надо изучать язык как таковой; а между тем доныне язык почти всегда пытаются изучать в зависимости от чего-то другого, с чуждых ему точек зрения.

Прежде всего, существует поверхностная точка зрения широкой публики, усматривающей в языке лишь номенклатуру (см. стр. 68); эта точка зрения уничтожает самую возможность исследования истинной природы языка [74].

Затем существует точка зрения психологов, изучающих механизм знака у индивида; этот метод самый легкий, но он не ведет далее индивидуального акта речи и не затрагивает знака, по природе своей социального.

Но, даже заметив, что знак надо изучать как общественное явление, обращают внимание лишь на те черты языка, которые связывают его с другими общественными установлениями, более или менее зависящими от нашей воли, и таким образом проходят мимо цели, пропуская те черты, которые присущи только или семиологическим системам вообще, или языку в частности. Ибо знак всегда до некоторой степени ускользает от воли как индивидуальной, так и социальной, в чем и проявляется его существеннейшая, но на первый взгляд наименее заметная черта.

Именно в языке эта черта проявляется наиболее отчетливо, но обнаруживается она в такой области, которая остается наименее изученной; в результате остается неясной необходимость или особая полезность семиологии. Для нас же проблемы лингвистики—это прежде всего проблемы семиологические, и весь ход наших рассуждений получает свой смысл лишь в свете этого основного положения. Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка; а многие лингвистические факторы, кажущиеся на первый взгляд весьма существенными (например,

Ср. *Adrien Naville*. Nouvelle classification des sciences, 2^e ed., p. 104.

24

ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

функционирование органов речи), следует рассматривать лишь во вторую очередь, поскольку они служат только для выделения языка из совокупности семиологических систем. Благодаря этому не только прольется свет на проблемы лингвистики, но, как мы полагаем, при рассмотрении обрядов, обычаев и т. п. как знаков все эти явления также выступят в новом свете, так что явится потребность объединить их все в рамках семиологии и разъяснить их законами этой науки.

Глава IV

Лингвистика языка и лингвистика речи [75]

Указав науке о языке принадлежащее ей по праву место в той области знания, которая занимается изучением речевой деятельности, мы тем самым определили место лингвистики в целом. Все остальные элементы речевой деятельности, образующие речь, естественно подчиняются этой науке, и именно благодаря этому подчинению все части лингвистики располагаются по своим надлежащим местам.

Рассмотрим для примера производство необходимых для речи звуков. Все органы речи являются столь же посторонними по отношению к языку, сколь посторонни по отношению к азбуке Морзе служащие для передачи ее символов электрические аппараты. Фонация, то есть реализация акустических образов, ни в чем не затрагивает самой их системы. В этом отношении язык можно сравнить с симфонией, реальность которой не зависит от способа ее исполнения; ошибки, которые могут сделать исполняющие ее музыканты, никак не вредят этой

реальности [76].

Возражая против такого разделения фонации и языка, можно указать на факт фонетических трансформаций, то есть на те изменения звуков, которые происходят в речи и оказывают столь глубокое влияние на судьбы самого языка. В самом деле, вправе ли мы утверждать, что язык существует независимо от этих явлений? Да, вправе, ибо эти явления касаются лишь материальной субстанции слов. Если даже они и затрагивают язык как систему знаков, то лишь косвенно, через изменения происходящей в результате этого интерпретации знаков, а это явление ничего фонетического в себе не содержит (см. стр. 86). Могут представить интерес поиски причин этих изменений, чему и помогает изучение звуков, но не в этом суть: для науки о языке вполне достаточно констатировать звуковые изменения и выяснить их последствия.

То, что мы утверждаем относительно фонации, верно и в опущении всех прочих элементов речи. Деятельность говорящего должна изучаться целой совокупностью дисциплин, имеющих право на место в лингвистике лишь постольку, поскольку они связаны с языком.

Итак, изучение речевой деятельности распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть нечто социальное по существу и независимое от индивида; это наука чисто психическая; другая, второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, то есть речь, включая фонацию; она психофизична [77].

Несомненно, оба эти предмета тесно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем

26

ЛИНГВИСТИКА ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИКА РЕЧИ

самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку. Каким образом была бы возможна ассоциация понятия со словесным образом, если бы подобная ассоциация предварительно не имела места в акте речи? С другой стороны, только слушая других, научаемся мы своему родному языку; лишь в результате бесчисленных опытов язык отлагается в нашем мозгу. Наконец, именно явлениями речи обусловлена эволюция языка: наши языковые навыки изменяются от впечатлений, получаемых при слушании других. Таким образом, устанавливается взаимозависимость между языком и речью: язык одновременно и орудие и продукт речи. Но все это не мешает языку и речи быть двумя совершенно различными вещами [ТВ].

Язык существует в коллективе как совокупность впечатлений, имеющих у каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц (см. стр. 86). Это, таким образом, нечто имеющееся у каждого, вместе с тем общее всем и находящееся вне воли тех, кто им обладает. Этот модус существования языка может быть представлен следующей формулой:

$$1+1+1+1.. = I \text{ (коллективный образец [79])}.$$

Но каким образом в этом же самом коллективе проявляется речь? Речь — сумма всего того, что говорят люди; она включает: а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих; б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций [80].

Следовательно, в речи нет ничего коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны; здесь нет ничего, кроме суммы частных случаев по формуле

(1+1'+1''+1'''+...).

Учитывая все эти соображения, было бы нелепо объединять под одним углом зрения язык и речь. Речевая деятельность, взятая в целом, непознаваема, так как она неоднородна; предлагаемые же нами различия и иерархия (subordination) разъясняют все.

Такова первая дихотомия, с которой сталкиваешься, как только приступаешь к построению теории речевой деятельности. Надо избрать либо один, либо другой из двух путей и следовать по избранному пути независимо от другого; следовать двумя путями одновременно нельзя.

Можно в крайнем случае сохранить название лингвистики за обеими этими дисциплинами и говорить о лингвистике речи [81]. Но ее нельзя смешивать с лингвистикой в собственном смысле, с той лингвистикой, единственным объектом которой является язык.

Мы займемся исключительно этой последней, и, хотя по ходу изложения нам и придется иной раз черпать разъяснения из области изучения речи, мы всегда будем стараться ни в коем случае не стирать грань, разделяющую эти две области.

27

Глава V

Внутренние и внешние элементы языка [82]

Наше определение языка предполагает устранение из понятия «язык» всего того, что чуждо его организму, его системе,— одним словом, всего того, что известно под названием «внешней лингвистики» [83], хотя эта лингвистика и занимается очень важными предметами и хотя именно ее главным образом имеют в виду, когда приступают к изучению речевой деятельности.

Сюда, прежде всего, относится все то, в чем лингвистика соприкасается с этнологией, все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы или цивилизации. Обе эти истории сложно переплетены и взаимосвязаны, это несколько напоминает те соответствия, которые были констатированы нами внутри собственно языка (см. стр. 16 и ел.). Обычаи нации отражаются на ее языке, а с другой стороны, в значительной мере именно язык формирует нацию [84].

Далее, следует упомянуть об отношениях, существующих между языком и политической историей. Великие исторические события—вроде римских завоеваний—имели неисчислимы последствия для многих сторон языка. Колонизация, представляющая собой одну из форм завоевания, переносит язык в иную среду, что влечет за собой изменения в нем. В подтверждение этого можно было бы привести множество фактов: так, Норвегия, политически объединившись с Данией (1380 -1814 гг.), приняла датский язык; правда, в настоящее время норвежцы пытаются освободиться от этого языкового влияния. Внутренняя политика государства играет не менее важную роль в жизни языков: некоторые государства, например Швейцария, допускают сосуществование нескольких языков; другие, как, например, Франция, стремятся к языковому единству. Высокий уровень культуры благоприятствует развитию некоторых специальных языков (юридический язык, научная терминология и т. д.) [85].

Это приводит нас к третьему пункту: к отношению между языком и такими установлениями, как церковь, школа и т. п., которые в свою очередь тесно связаны с литературным развитием языка,—явление тем более общее, что оно само неотделимо от политической истории. Литературный язык во всех направле-

ниях переступает границы, казалось бы, поставленные ему литературой: достаточно вспомнить о влиянии на язык салонов, двора, академий. С другой стороны, вполне обычна острая коллизия между литературным языком и местными диалектами (стр. 194 и ел.). Лингвист должен также рассматривать взаимоотношение книжного языка и обиходного языка, ибо развитие всякого

28

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА

литературного языка, продукта культуры, приводит к размежеванию его сферы со сферой естественной, то есть со сферой разговорного языка [86].

Наконец, к внешней лингвистике относится и все то, что имеет касательство к географическому распространению языков и к их дроблению на диалекты. Именно в этом пункте особенно парадоксальным кажется различие между внешней лингвистикой и лингвистикой внутренней, поскольку географический фактор тесно связан с существованием языка; и все же в действительности географический фактор не затрагивает внутреннего организма самого языка [87].

Нередко утверждается, что нет абсолютно никакой возможности отделить все эти вопросы от изучения языка в собственном смысле. Такая точка зрения вообладала в особенности после того, как от лингвистов с такой настойчивостью стали требовать знания реалий. В самом деле, разве грамматический «организм» языка не зависит сплошь и рядом от внешних факторов языкового изменения, подобно тому, как, например, изменения в организме растения происходят под воздействием внешних факторов.—почвы, климата и т. д.? Кажется совершенно очевидным, что едва ли возможно разъяснить технические термины и заимствования, которыми изобилует язык, не ставя вопроса об их происхождении. Разве можно отличить естественное, органическое развитие некоторого языка от его искусственных форм, таких, как литературный язык, то есть форм, обусловленных факторами внешними и, следовательно, неорганическими? И разве мы не видим постоянно, как наряду с местными диалектами развивается койнэ?

Мы считаем весьма плодотворным изучение «внешнелингвистических», то есть внеязыковых, явлений; однако было бы ошибкой утверждать, будто без них нельзя познать внутренний организм языка. Возьмем для примера заимствование иностранных слов. Прежде всего следует сказать, что оно не является постоянным элементом в жизни языка. В некоторых изолированных долинах есть говоры, которые никогда не приняли извне ни одного искусственного термина. Но разве можно утверждать, что эти говоры находятся за пределами нормальных условий речевой деятельности, что они не могут дать никакого представления о ней, что они требуют к себе «тератологического» подхода как не испытывавшие никакого смешения?

Главное, однако, здесь состоит в том, что заимствованное слово уже нельзя рассматривать как таковое, как только оно становится объектом изучения внутри системы данного языка, где оно существует лишь в меру своего соотношения и противопоставления с другими ассоциируемыми с ним словами, подобно всем другим, исконным словам этого языка. Вообще говоря, нет никакой необходимости знать условия, в которых развивался тот или иной язык [88]. В отношении некоторых языков, например языка текстов Авесты или старославянского, даже неизвестно в точности, какие народы на них говорили; но незнание этого нисколько не мешает нам изучать их сами по

ВВЕДЕНИЕ

себе и исследовать их превращения [89]. Во всяком случае, разделение обеих точек зрения неизбежно, и чем строже оно соблюдается, тем лучше.

Наилучшее этому доказательство в том, что каждая из них создает свой особый метод. Внешняя лингвистика может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя стесненной тисками системы. Например, каждый автор будет группировать по своему усмотрению факты, относящиеся к распространению языка за пределами его территории; при выяснении факторов, создавших наряду с диалектами литературный язык, всегда можно применить простое перечисление; если же факты располагаются автором в более или менее систематическом порядке, то делается это исключительно в интересах изложения.

В отношении внутренней лингвистики дело обстоит совершенно иначе; здесь исключено всякое произвольное расположение. Язык есть система, которая подчиняется лишь своему собственному порядку. Уяснению этого может помочь сравнение с игрой в шахматы [90], где довольно легко отличить, что является внешним, а что внутренним. То, что эта игра пришла в Европу из Персии, есть факт внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Если я фигуры из дерева заменю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет «грамматику» игры. Такого рода различие требует, правда, известной степени внимательности, поэтому в каждом случае нужно ставить вопрос о природе явления и при решении его руководствоваться следующим положением: внутренним является все то, что в какой-либо степени видоизменяет систему [91].

Глава VI

Изображение языка посредством письма

§ 1. Необходимость изучения письма [92]

Итак, конкретным предметом нашего изучения является социальный продукт, который отражен в мозгу каждого, то есть язык. Но этот продукт у каждой языковой группы свой: конкретно нам даны разные языки. Лингвист должен знать возможно большее число языков, чтобы путем наблюдения над ними и сравнения их между собой извлечь из них то, что в них есть универсального.

Между тем по большей части мы знакомы с языками лишь в письменной форме. Даже в отношении нашего родного языка сплошь и рядом в качестве опосредствующего звена выступает письменный источник. Когда речь идет о языке, пространственно от нас удаленном, прибегать к письменным свидетельствам приходится в еще большей степени. В отношении же уже не существующих языков письменность вообще является единственным источником сведений.

Располагать во всех случаях непосредственными данными можно было бы лишь при том условии, если бы уже достаточно давно делалось то, что ныне делается в Вене и Париже, — мы имеем в виду собирание фонографических образчиков всех языков [93]. И все-таки и в этом случае пришлось бы прибегать к письму, чтобы сообщать другим сохраняемые таким образом тексты.

Итак, хотя письменность сама по себе и чужда внутренней системе языка, все же полностью отвлечься от письменности нельзя:

ведь это та техника, с помощью которой непрестанно фиксируется язык; исследователю надо знать ее достоинства и недостатки, а также опасности, которые воз-

никают при обращении к ней.

§ 2. Престиж письма; причины его превосходства над устной формой речи [94]

Язык и письмо суть две различные системы знаков; единственный смысл второй из них — служить для изображения первой; предметом лингвистики является не слово звучащее и слово графическое в их совокупности, а исключительно звучащее слово. Но графическое слово столь тесно переплетается со словом звучащим, чьим изображением оно является, что оно в конце концов присваивает себе главенствующую роль; в результате изображению звучащего знака приписывается столько же или даже больше значения, нежели самому этому знаку. Это все равно, как если бы утверждали, будто для

31

ВВЕДЕНИЕ

ознакомления с человеком полезнее увидеть его фотографию, нежели его лицо.

Такое заблуждение существует издавна, и ходячие о языке мнения этим именно и грешат. Так, обычно полагают, что при отсутствии письменности язык изменяется быстрее. Нет ничего более ошибочного! Правда, письмо может при некоторых условиях замедлять изменения в языке, но, с другой стороны, сохранность языка ничуть не страдает от отсутствия письменности. Литовский язык известен по письменным документам лишь с 1540 г., но и в эту позднюю эпоху он в общем представляет более верное изображение индоевропейского праязыка, нежели латынь III в. до нашей эры. Этого одного достаточно, чтобы показать, насколько язык не зависит от письма.

Некоторые очень тонкие языковые факты сохранились без помощи какого-либо письменного закрепления. В течение всего периода древневерхненемецкого языка писали *toten, fuolen, stozen*, а с конца XII века появляются написания *toten, fielen*, тогда как *stozen* сохраняет свой прежний вид. Откуда это различие? Всюду, где произошло изменение *o*->*ö*, *u*->*ü*, в следующем слоге имелось *y*: в прагерманском языке было **daupyan, *folyan*, но **stautan*. На пороге письменного периода, около 800 г., это *y* ослабло до такой степени, что не отражалось на письме в течение трех столетий; между тем оно сохраняло некоторый след в произношении, и вот около 1180 г., как мы только что видели, оно удивительным образом проявилось в виде «умлаута». Таким образом, этот оттенок в произношении был в точности сохранен без помощи какой бы то ни было фиксации на письме.

Итак, у языка есть устная традиция, независимая от письма и в не меньшей мере устойчивая; не видеть это мешает престиж письменной формы. Первые лингвисты споткнулись на этом, как до них гуманисты эпохи Возрождения. Сам Бопп не делает ясного различия между буквой и звуком; читая работы Боппа, можно подумать, что язык неотделим от своего алфавита. Его непосредственные преемники запутались в этом так же, как и он. Обозначение фрикативного *r* через *th* дало Гримму повод не только считать этот звук двойным, но и полагать, что он придыхательный смычный; этим объясняется то место, которое отводится звуку *f* (>*th*) в гриммовском законе передвижения согласных (так называемое *Lautverschiebung*; см. стр. 145). Доныне многие образованные люди смешивают язык с его орфографией; не говорил ли Гастон Дешан о Бертелло, что тот «спас французский язык от гибели», выступив против орфографической реформы [95].

Чем же объясняется такой престиж письма?

1. Прежде всего, графический образ слов поражает нас как нечто прочное и неизменное, более пригодное, нежели звук, для обеспечения единства языка во времени. Пусть эта связь поверхностна и создает в действительности мнимое единство, все же ее гораздо легче схватить, чем естественную связь, единственно истинную,—связь звуковую.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ ПИСЬМА

2. У большинства людей зрительные впечатления яснее и длительнее слуховых, чем и объясняется оказываемое им предпочтение. Графический образ в конце концов заслоняет собою звук.

3. Литературный язык еще более усиливает незаслуженное значение письма. Он имеет свои словари и грамматики; по книге и через книгу обучаются в школе, литературный язык выступает как некоторая кодифицированная система, а соответствующий кодекс представляет собою письменный свод правил, подчиненный строгому узусу:

орфографии. Все это придает письму первостепенную значимость. В конце концов начинают забывать, что говорить научаются раньше, чем писать, и естественное соотношение оказывается перевернутым.

4. Наконец, когда налицо расхождение между языком и орфографией, противоречие между ними едва ли может быть разрешено кем-либо, кроме лингвиста; но, поскольку лингвисты не пользуются никаким влиянием в этих делах, почти неизбежно торжествует письменная форма, потому что основываться на ней гораздо легче; тем самым письмо присваивает себе первостепенную роль, на которую не имеет права.

§ 3. Системы письма [96]

Существуют две системы письма:

1. Идеографическое письмо, при котором слово изображается одним знаком, не зависящим от звуков, входящих в его состав. Этот знак представляет слово в целом и тем самым выражаемое этим словом понятие. Классический пример такой системы—китайская письменность.

2. Система, обычно называемая «фонетической», стремящаяся воспроизвести звуковую цепочку, представляющую слово. Фонетические системы письма бывают то слоговыми, то буквенными, то есть основанными на неразложимых элементах речи.

Впрочем, идеографические системы письма легко переходят в системы смешанного типа: некоторые идеограммы, утратив свое первичное значение, превращаются в изображение отдельных звуков [97].

Мы говорили, что написанное слово стремится вытеснить в нашем сознании произносимое слово; это верно в отношении обеих систем письма, но эта тенденция сильнее в первой. Для китайца и идеограмма и произносимое слово в одинаковой мере суть знаки понятия;

для него письмо есть второй язык, и при разговоре, если два слова произносятся одинаково, ему иной раз приходится для выражения своей мысли прибегать к написанному слову. Но эта подстановка благодаря тому, что она может быть абсолютной, не имеет тех досадных последствий, какие наблюдаются в нашей письменности; китайские слова различных диалектов, соответствующие одному и тому же понятию, с одинаковым успехом связываются с одним и тем же графическим знаком.

Г "Г/". "" "" ' .

ВВЕДЕНИЕ

Мы ограничимся рассмотрением фонетических систем письма, и в частности той, которая употребляется доныне и имеет своим прототипом греческий алфавит.

В момент, когда возникает алфавит такого рода, он достаточно разумно отражает состояние языка (если только речь не идет об алфавите заимствованном и уже содержащем непоследовательности). С логической точки зрения греческий алфавит безупречен, как это мы увидим ниже (стр. 45). Однако согласованность между написанием и произношением существует недолго. Рассмотрим причины этого.

§ 4. Причины расхождения между написанием и произношением [98]

Причин этих много; мы приведем лишь важнейшие. Прежде всего, язык непрерывно развивается, тогда как письмо имеет тенденцию к неподвижности. Из этого следует, что написание в конце концов перестает соответствовать тому, что оно призвано изображать. Написание, последовательное в данный исторический момент, столетием позже оказывается нелепым. Вначале графический знак еще меняют, чтобы согласовать его с изменившимся произношением, но в дальнейшем от такого приспособления письма к произношению отказываются. Так, например, обстояло дело во французском с *oi*.

в XI в. в XIII в. в XIV в. в XIX в.

Произносили

rei, lei roi. Ioi roe, loe rwa, Iwa

Писали

rei, lei roi, loi roi, loi roi, loi

Как видим, в XI и XIII вв. еще соотносились с происходящими в произношении переменами: каждому этапу в истории языка соответствует определенный этап в истории орфографии. Но с XIV в. письмо застряло на мертвой точке, между тем как язык продолжал развиваться, и с этого момента возникло расхождение, все более растущее, между произношением и орфографией. В конце концов это укоренившееся несоответствие отозвалось на самой системе письма:

графический комплекс *oi* получил значение, не соответствующее элементам, в него входящим.

Примеры можно было бы умножать до бесконечности. Так, например, почему пишут как *mais* и *fait* то, что произносится *te vifi*? Почему *s* во французском часто имеет значение *д*? Потому что мы сохраняем написания, не имеющие разумного оправдания.

Эта причина действует во все времена; так, например, французское смягченное / перешло в йот: говорят *eveje, tuje*, хотя продолжают писать *eveiller* «будить», *mouiller* «мочить».

Другая причина расхождения между написанием и произношением заключается в следующем: когда один народ заимствует у

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ ПИСЬМА

другого его алфавит, часто случается, что средства чужой графической системы оказываются плохо приспособленными к своей новой функции и приходится прибегать к уловкам: так, например, пользуются двумя буквами для изображения од-

ного звука. Так случилось со звуком ^ (фрикативный зубной глухой) в германских языках: за неимением в латинском алфавите соответствующего знака его стали изображать через *th*. Меровингский король Хиль-перик пытался добавить к латинским буквам особый знак для этого звука, но ему это не удалось, и обычай освятил употребление *th*. В средневековом английском языке были два *e*: закрытое (например, в *sed* «семя») и открытое (например, в *led* «вести»); за неимением в алфавите различных знаков для этих двух звуков придумали написание *seed* и *lead*. Во французском для изображения шипящего *s* прибегли к двойному знаку *ch* и т. д. и т. п.

Есть еще соображения этимологического порядка; в некоторые эпохи, например в эпоху Возрождения, они играли преобладающую роль. При этом весьма часто орфография устанавливалась под давлением ложной этимологии: так, ввели букву *d* во французское слово *poids* «вес», полагая, что оно восходит к латинскому *pondus* «вес», тогда как в действительности оно происходит от латинского *pensum* «взвешенное». Но не в том дело, правильно или нет применен принцип этимологического письма, ложен самый принцип.

В иных случаях причина отсутствует вовсе: некоторые причуды орфографии не оправдываются даже этимологически. Почему, например, по-немецки пишут *thun* вместо *tun* «делать»? Утверждают, будто *h* изображает придыхательный характер согласного *t*, но тогда *h* следовало бы ввести всюду, где имеется подобное же придыхание, а между тем во множестве слов оно никогда не писалось (ср. *Tugend* «добродетель», *Tisch* «стол» и др.).

§ 5. Последствия расхождения между написанием и произношением [99]

Было бы слишком утомительно заниматься классификацией непоследовательностей орфографии. Одна из самых прискорбных непоследовательностей—это многочисленность знаков для одного звука. Так, во французском для звука *z* существуют написания ^ , *g*, *ge* (*foli*, *geler*, *geai*); для звука *z*—написания *z* и *s*; для звука *s*—написания *s*, *c*, *ç*, *t* (*nation*), *ss* (*chasser*), *sc* (*acquiescer*), *sç* (*acquiesçant*), *ç* (*dix*); для звука *k*—написания *c*, *qu*, *k*, *ch*, *cc*, *cqu* (*acquérir*). И наоборот, несколько звуковых значений изображаются одним знаком: так, *t* представляет как *t*, так и *s*; *g* изображает как *g*, так и *z* и т. д. [100].

Отметим еще так называемые «косвенные написания». Хотя в немецких словах *Zettel* «листок», *Teller* «тарелка» и т. п. и нет двойных согласных, все же пишут *ii*, // с единственной целью отметить, что предыдущий гласный является кратким и открытым. Вследствие подобного же рода заблуждения англичане добавляют в конце немое

35

ВВЕДЕНИЕ

е, чтобы отметить удлинение предшествующего гласного: ср. *made* (произносится *meid*) «сделал» и *mad* (произносится *meed*) «сумасшедший». Это и создает для глаза видимость второго слога.

Указанные нерациональные написания еще соответствуют чему-то в языке, но есть и такие, которые вовсе ничем не оправданы. В современном французском языке нет двойных согласных, за исключением старых форм будущего *mourrai* «умру», *courrai* «побегу», и, однако, французская орфография кишит неоправданными удвоениями вроде *bourru* «ворчун», *sotisse* «глупость», *souffrir* «страдать» и т. п.

Бывает и так, что орфография еще не установилась и в поисках правила про-

являет колебания; получают те колеблющиеся написания, которые свидетельствуют о производившихся в разные эпохи попытках по-разному изображать соответствующие звуки. Так, в древневерхненемецких словах *ertha*, *erdha*, *erda* или *thn*, *dhri*, *dn* графические знаки *th*, *dh*, *d*, несомненно, изображают один и тот же звуковой элемент. Но какой именно? На основании письма выяснить это невыносимо. Отсюда вытекает то затруднение, что при наличии двух написаний для одной формы не всегда возможно решить, действительно ли мы имеем дело с двумя разными произношениями. Письменные памятники двух соседних диалектов одно и то же слово изображают по-разному: один диалект через *asca*, другой—через *ascha*. Если это одинаковые звуки, то мы имеем дело с колеблющейся орфографией, в противном случае различие носит характер фонологический и диалектный, как в греческих формах *paizo*, *paizdo*, *paiddo*. Так же обстоит дело с двумя последовательными эпохами: в английских памятниках сначала встречается *hwat*, *hwheel* и т. п., а потом *what*, *wheel* и т. п. Что это — смена орфографии или фонетическое изменение?

Из всего сказанного нельзя не сделать того вывода, что письмо скрывает язык от взоров: оно его не одевает, а рядит. Это хорошо иллюстрируется орфографией французского слова *oiseau* «птица»: ни один из его звуков (*wazo*) не изображается соответствующим ему знаком — от реального языкового образа в этом написании не осталось ничего.

Другой вывод заключается в том, что чем хуже письмо выполняет свою функцию изображения живой речи, тем сильнее становится тенденция опираться именно на него; составители грамматик из кожи лезут вон, чтобы привлечь внимание к письменной форме речи. Психологически все это легко объяснимо, но тем не менее весьма прискорбно по своим последствиям. Частое употребление слов «произносить», «произношение» санкционирует это заблуждение и переворачивает закономерное и реальное соотношение между письмом и языком. Когда говорят, что нужно так-то и так-то произносить данную букву, то зрительное изображение принимают за оригинал. Для того чтобы *oi* произносилось *wa*, необходимо, чтобы *o*; существовало само по себе; в действительности же существует само по себе лишь *wa*, которое обозначается на письме через *o*; . Чтобы объяснить столь

36

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ ПИСЬМА

странное явление, добавляют, что в данном случае дело идет об исключении в произношении букв *o* и *i*; но такое объяснение тоже неверно, потому что тем самым признается зависимость языка от написания. Можно подумать, что при произнесении *oi* как *wa* нарушаются законы письма, как если бы нормой был графический знак.

Эти фикции обнаруживаются даже в грамматических правилах, например в правиле об *h* во французском языке. Имеются французские слова с начальным гласным без предшествующего *h*, которые, однако, пишутся с начальным *h* в силу воспоминания об их латинской форме: так, пишут *homme* (прежде —*ote*) по связи с латинским *homo* «человек». Однако существуют другие слова, германского происхождения, где *h* действительно произносилось: *hache* «топор», *ha-reng* «селедка», *honte* «стыд» и др. Пока этот начальный *h* сохранялся в произношении, такие слова подчинялись законам сочетания при начальных согласных: *deux* в сочетании *deux haches* произносили *do*; *Ie* в сочетании *Ie hareng* произносили *h*, тогда как *deux* в сочетании *deux hommes* произносили

dez, à l'e в сочетании *l'homme* произносили / и где, таким образом, при наличии начального гласного во втором слове действовало правило слияния (*liaison*) и происходили элизии. В ту пору правило «Перед придыхательным *h* слияния и элизии не происходит» имело реальный смысл. Но теперь эта формула лишена какого бы то ни было смысла, поскольку придыхательного *h* в начале слов больше не существует, если только не называть придыханием то, что не является звуком, но перед чем тем не менее не происходит ни слияния, ни элизии. Здесь мы имеем, таким образом, порочный круг, а *h*—лишь фикция, порожденная письмом.

Произношение слова определяется не его орфографией, а его историей. В каждый данный момент времени его форма представляет определенный этап эволюции, следовать которой оно вынуждено и которая регулируется точными законами. Каждый этап может быть определен предыдущим. Единственно, что подлежит рассмотрению, как раз то, о чем чаще всего забывают,—это происхождение слова, его этимология.

Название города Auch в фонетической транскрипции будет *oʃ*. Это единственный случай во французской орфографии, где конечное *s/g* изображает звук *S*. Не будет объяснением, если сказать: конечное *ey* произносится как *s* только в этом слове. По существу, вопрос заключается лишь в том, каким образом латинское *Auscii* могло видоизмениться в *os*; орфография тут ни при чем.

Как надо произносить *gageure* «заклад»: с *o* или *i*?

Одни отвечают: *gazor*, потому что *heure* «час» произносится *or*. Другие возражают: нет, *gaziir*, так как *ge* равносильно *z*, например в *geole* «тюрьма». Пустой спор! Вопрос, по сути, этимологический: *gageure* образовано от *gager* «закладывать», как *tourture* «оборот»—от *tourner* «вертеть, оборачивать»: оба они принадлежат к одному и тому же типу словообразования; следовательно, правильно только *gaziir*, произношение *gazor* вызвано лишь двусмысленностью написания.

37

ВВЕДЕНИЕ

Однако тирания буквы заходит еще дальше: подчиняя себе массу говорящих, она тем самым может влиять на язык и менять его. Это случается лишь в высоко развитых, литературно обработанных языках, где письменные тексты играют значительную роль. В такой обстановке зрительный образ может создавать ошибочные произношения. Примеры этого, собственно говоря, патологического явления часто встречаются во французском языке. Так, фамилия *Lefevre* (от лат. *faber* «кузнец») писалась двояко: по-народному и просто *Lefevre*, поученому и этимологически *Le/ebvre*. Вследствие смешения в старинной графике букв *v* и *i*, *Lefebvre* стало читаться *Lefebure*, с буквой *b*, которой никогда не было в этом слове, и с буквой *i*, которая появилась в нем по недоразумению. Между тем теперь эта форма произносится именно так.

Вероятно, такие деформации будут случаться все чаще и чаще, и все чаще и чаще будут произноситься лишние буквы. В Париже уже говорят *septfemmes*, произнося букву *f*. Дармстетер предвидит день, когда будут произносить даже обе конечные буквы слова *vingt*, что является поистине орфографическим уродством [101].

Эти звуковые деформации относятся, конечно, к языку, но они не вытекают из его естественного функционирования; они вызываются внеязыковым фактором. Лингвистика должна их изучать в особом разделе—это случаи тератологи-

ческие.

Глава VII Фонология

§ 1. Определение [102]

Пытаясь усилием мысли отрешиться от создаваемого письмом чувственного образа речи, мы рискуем оказаться перед бесформенной массой, с которой неизвестно, что делать. На ум приходит ситуация с человеком, которого учат плавать и у которого только что отняли его пробковый пояс.

Надо как можно скорее заменить искусственное естественным; но это невозможно, поскольку звуки языка изучены плохо; освобожденные от графических изображений звуки представляются нам чем-то весьма неопределенным; возникает соблазн предпочесть—пусть обманчивую—опору графики. Именно так первые лингвисты, ничего не знавшие из физиологии артикулируемых звуков, то и дело попадали впросак; расстаться с буквой значило для них потерять почву под ногами; для нас же это первый шаг к научной истине, ибо необходимую нам опору мы находим в изучении самих звуков. Лингвисты новейшего времени наконец это поняли; взявшись сами за изыскания, начатые другими (физиологами, теоретиками пения и т. д.), они обогатили лингвистику вспомогательной наукой, освободившей ее от подчинения графическому слову.

Физиология звуков (по-немецки Laut- или Sprachphysiologie) часто называется фонетикой (по-немецки Phonetik, англ. phonetics). Этот термин нам кажется неподходящим. Мы заменяем его термином *фонология*, ибо *фонетика* первоначально означала и должна по-прежнему означать учение об эволюции звуков; недопустимо смешивать под одним названием две совершенно различные дисциплины. Фонетика—наука историческая: она анализирует события, преобразования и движется во времени. Фонология находится вне времени, так как механизм артикуляции всегда остается тождественным самому себе [103].

Но эти две дисциплины не только не совпадают, они даже не могут противопоставляться. Первая — один из основных разделов науки о языке; фонология же (и мы на этом настаиваем) для науки о языке—лишь вспомогательная дисциплина и затрагивает только речь (см. стр. 26). Разумеется, трудно себе представить, для чего служили бы движения органов речи, если бы не существовало языка; но не они составляют язык, и, разъясняя все движения органов речи, необходимые для производства каждого акустического впечатления, мы тем самым нисколько не освещаем проблемы языка. Язык есть система, основанная на психическом противопоставлении акустических впечатлений, подобно тому как художественный ковер есть про-

39

ВВЕДЕНИЕ

изведение искусства, созданное путем зрительного противопоставления нитей различных цветов; и для анализа такого художественного произведения имеет значение игра этих противопоставлений, а не способы получения каждого цвета.

Очерк системы фонологии будет дан нами ниже (см. стр. 44); здесь же мы только рассмотрим, на какую помощь со стороны этой науки может рассчитывать лингвистика, чтобы освободиться от иллюзий, создаваемых письменностью.

§ 2. Фонологическое письмо [104]

Лингвист прежде всего требует, чтобы ему было предоставлено такое средство изображения артикулируемых звуков, которое устраняло бы всякую двусмыс-

ленность. Для этого уже предлагалось множество графических систем [105]. На каких принципах должно основываться подлинно фонологическое письмо? Оно должно стремиться изображать одним знаком каждый элемент речевой цепочки. Требование это не всегда принимается во внимание: так, английские фонологи, которые заботятся не столько об анализе, сколько о классификации, употребляют для некоторых звуков знаки из двух и даже трех букв [1 Об]. Кроме того, следовало бы проводить строгое различие между эксплозивными и имплозивными звуками (см. стр. 56 и ел.).

Стоит ли заменять фонологическим алфавитом существующую орфографию? Этот интересный вопрос может быть здесь затронут лишь вскользь; по нашему мнению, фонологическое письмо должно обслуживать только одних лингвистов. Прежде всего, едва ли возможно заставить принять единообразную систему и англичан, и немцев, и французов и т. д. Кроме того, алфавит, применимый ко всем языкам, грозил бы быть перегруженным диакритическими значками, не говоря уже об удручающем виде хотя бы одной страницы такого текста; совершенно очевидно, что в погоне за точностью такое письмо не столько способствовало бы чтению, сколько затрудняло и сбивало бы с толку читателя. Эти неудобства не могли бы быть возмещены достаточными преимуществами. За пределами науки фонологическая точность не очень желательна [107].

Коснемся в связи с этим вопроса о способах чтения. Дело в том, что мы читаем двумя способами: новое или неизвестное слово прочитывается нами буква за буквой, а слово привычное и знакомое схватывается глазами сразу, вне зависимости от составляющих его букв; образ этого слова приобретает для нас идеографическую значимость. В этом отношении традиционная орфография законно предъясвляет свои права: полезно различать *tant* «столько» и *temps* «время», *et* «и», *est* «есть» и *ait* «имел бы», *du* (артикль) и *ai* «должный», *il devait* «он был должен» и *Us devaient* «они были должны» и т. п. Пожелаем только одного, чтобы общепринятая орфография освободилась от своих вопиющих нелепостей. Если

40

ФОНОЛОГИЯ

при преподавании языков фонологический алфавит может оказывать услуги, это не значит, что его применение нужно сделать всеобщим.

§ 3. Критика показаний письменных источников [108]

Итак, ошибочно думать, будто, признав обманчивый характер письма, надо первым делом реформировать орфографию. Подлинная услуга, оказываемая нам фонологией, заключается в том, что благодаря ей мы получаем возможность принимать определенные меры предосторожности в отношении той письменной формы, через которую мы получаем доступ к языку. Всякие данные, получаемые посредством письма, ценны лишь при условии его правильного истолкования. В каждом данном случае надо установить фонологическую систему изучаемого языка, то есть таблицу используемых им звуков; в самом деле, каждый язык пользуется лишь ограниченным количеством четко дифференцированных фонем. Такая система есть единственная реальность, интересующая лингвиста. Графические знаки — только ее отображения, точность которых подлежит выяснению. Трудность такого выяснения различна в зависимости от языка и обстоятельств.

Когда речь идет о языке, принадлежащем прошлому, мы вынуждены довольствоваться косвенными данными; какие же средства применимы в этом случае

для установления фонологической системы?

1. Прежде всего *внешние показатели*, и в первую очередь свидетельства современников, описывавших звуки и произношение своего времени. Так, французские грамматисты XVI и XVII вв., в особенности те из них, которые желали ознакомить иностранцев с французским произношением, оставили нам много интересных замечаний. Но этот источник сведений весьма ненадежен, потому что эти авторы совсем не владели фонологическим методом. Их описания выполнены в случайных терминах без всякой научной точности. Их свидетельства в свою очередь требуют истолкования. Даваемые звукам названия весьма часто порождают сплошное недоумение: так, греческие грамматисты называли звонкие взрывные согласные *b, d, g* «средними» (*mesai*), а глухие взрывные *t, k* «лысыми», «голыми» (*psilai*, то есть, переносно, «лишенные густого придыхания»), что римляне переводили как «тонкие» (*tenues*).

2. К более надежным результатам можно прийти, комбинируя данные этого первого типа с *внутренними показателями*, которые мы распределяем по двум рубрикам:

а) Показатели, извлекаемые из факта регулярности фонетических изменений. Когда речь идет об определении значимости какой-либо буквы, весьма важно бывает указать, чем был в более раннюю эпоху изображаемый ею звук. Нынешняя ее значимость получилась в результате эволюции, позволяющей сразу же отвести некоторые предположения.

41

ВВЕДЕНИЕ

Так, мы в точности не знаем значимости санскритского знака, транскрибируемого нами посредством *s*, но поскольку передаваемый им звук восходит к индоевропейскому небному *k*, постольку количество обоснованных предположений заметно ограничивается.

Если наряду с исходной точкой известна еще параллельная эволюция аналогичных звуков того же языка в ту же эпоху, то можно умозаключать по аналогии и вывести соответствующую пропорцию. [Так, в письме текстов Авесты звукоряд, соответствующий индоевропейскому *tr*, обозначался посредством *fir* в начале слова и посредством *dr* в середине слова; в то же самое время звукоряд, соответствующий индоевропейскому/??; всюду изображался единообразно через *fr*. Обе эволюции должны были быть параллельными; отсюда следует, что *dr* должно было произноситься точно так же, как *br*, поскольку/ является фрикативным глухим, а не взрывным звонким].

Проблема, естественно, облегчается, если требуется определить промежуточное произношение, исходная и конечная точка которого известны [109]. Французское сочетание *ai* (например, в слове *sauter* «прыгать»), несомненно, в средние века было дифтонгом, так как оно занимает промежуточное положение между более ранним *aɪ* и современным французским *o*; и, если иным путем устанавливается, что в данный момент еще существовал дифтонг *ai*, не подлежит сомнению, что он существовал и в предыдущий период. Мы в точности не знаем, что обозначает *z* в таком древневерхненемецком слове, как *wa-zer* «вода», но ориентировочными точками являются, с одной стороны, более древнее *water*, с другой — современная форма *Wasser*. Следовательно, это *z* является звуком, промежуточным между *tus*; мы можем отбросить всякую гипотезу, которая исходит из близости только с *ʒ* или только с *s* (например, неправильно думать, что эта буква изображала небный звук, ибо между двумя зубными ар-

тикуляциями возможно предположить лишь зубную.

б) Косвенные указания, которые могут быть разными по своему характеру. Начнем с разнообразия написаний. В определенную эпоху древневерхненемецкого языка писали *wazer* «вода», *zehan* «десять», *ezan* «есть», но никогда не писали *wacer*, *cehan* и т. д. Если, с другой стороны, встречается и *esan* и *essan*, *waser* и *wasser* и т. д., то отсюда можно заключить, что буква *z* звучала очень близко к *s*, но довольно отлично от того, что в ту эпоху изображалось через *s*. Если в дальнейшем начинают попадаться формы типа *wacer* и т. д., то это свидетельствует о том, что названные две фонемы, прежде все же различавшиеся, в большей или меньшей степени совпали.

Ценным материалом для изучения произношения являются поэтические тексты; система стихосложения связана с числом слогов, с их количеством (долгота), с повторением одинаковых звуков (аллитерация, ассонанс, рифма); поэтические тексты могут содержать ценные сведения по соответствующим вопросам фонологии. В греческом языке некоторые долгие различаются графически (например, *ο*,

42

ФОНОЛОГИЯ

изображаемое графемой ω), а другие — нет, так что о количестве *a*, *i* или *и* приходится справляться у поэтов. В старофранцузском языке рифма позволяет, между прочим, определить, до какой эпохи конечные согласные в словах *gras* «жирный» и *аг* (лат./йсю «делаю») различались и с какого момента они стали сближаться и совпадать. Рифма и ассонанс также показывают нам, что в старофранцузском языке все *e*, происходящие от лат. *a* (например, *pere* «отец» от *patrem*, *tel* «таковой» от *talem*, *mer* «море» от *mare*), имели звук, совершенно отличный от прочих *e*. Эти слова никогда не рифмуются и не ассонируют с такими, как *elle* «она» (от лат. *;/a*), *vert* «зеленый» (от лат. *viridem*), *belle* «прекрасная» (от лат. *bella*) и т. д.

Упомянем в заключение о написании слов, заимствованных из иностранного языка, об игре слов, о каламбурах и т. п. Так, готское *kawtsjo* свидетельствует о произношении *cautio* в народной латыни. Произношение *rwe* слова *roi* «король» засвидетельствовано для конца XVIII в. следующим анекдотом, который приводит Нью-роп в «Grammaire historique de la langue française», 1, 2, стр. 174: в революционном трибунале спрашивают женщину, не говорила ли она при свидетелях, что нужен король; она отвечает, что «говорила не о том *rwe* (= *roi*), каким был Капет или кто другой, а совсем о другом *rwe* (= *rouet*), на котором прядут» [110].

Все эти источники информации помогают нам до некоторой степени познать фонологическую систему прошлой эпохи и критически использовать свидетельства письменных памятников.

Когда дело касается живого языка, единственно рациональным методом является, во-первых, установление системы звуков, как она выявляется непосредственным наблюдением; во-вторых, сопоставление ее с системой знаков, служащих для изображения (хотя и неточного) звуков. Многие грамматисты придерживаются еще старого метода, уже подвергнутого нами критике и сводящегося к указанию того, каким образом в описываемом языке произносится каждая буква. Но таким путем невозможно получить ясное представление о фонологической системе данного языка.

И все же несомненно, что в данной области достигнуты уже немалые успехи и

что фонологи во многом способствовали изменению наших взглядов на вопросы письма и орфографии.

Приложение к введению **Основы фонологии**
Глава I Фонологические типы

§ 1. Определение фонемы [111]

[Для этой части курса мы могли использовать сделанную Балли стенографическую запись трех лекций по теории слога, прочитанных Ф. де Соссюром в 1897 г.; в них он касается также общих принципов первой главы. Кроме того, добрая часть его личных заметок относится к фонологии; по многим пунктам эти заметки разъясняют и дополняют данные студенческих записей «Курса I» и «Курса 1П». (Лр«л(. БаллииСеше.)][{}2].

Многие фонологи обращают внимание исключительно на акт фонации, на образование звуков органами речи (гортанью, в полости рта и т. д.), то есть на физиологическую сторону, и пренебрегают акустической стороной. Такой подход неправилен: слуховое впечатление дано нам столь же непосредственно, как и двигательный образ органов речи; более того, именно слуховое впечатление является естественной базой для всякой теории [113].

Акустическая данность воспринимается нами, хотя и бессознательно, еще до того, как мы приступаем к рассмотрению фонологических единиц; на слух мы определяем, имеем ли мы дело со звуком *b* или со звуком *i* и т. д. Если бы оказалось возможным при помощи кино съемки воспроизвести все движения рта или гортани, порождающие звуковую цепочку, то в этой смене артикуляций нельзя было бы вскрыть внутренние членения: начало одного звука и конец другого. Как можно утверждать, не прибегая к акустическому впечатлению, что, например, в звукосочетании [^]?/ имеется три единицы, а не две и не четыре? Только в акустической цепочке можно непосредственно воспринять, остается ли звук тождественным самому себе с начала до конца или нет; поскольку сохраняется впечатление чего-то однородного, звук продолжает оставаться самим собой. Значение имеет вовсе не его длительность в одну восьмую или одну шестнадцатую такта (*ср. fil* и /ЗУ), а качество акустического впечатления. Акустическая цепочка

44

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

распадается не на равновеликие, а на однородные такты, характеризующиеся единством акустического впечатления, — в этом одном и состоит естественная отправная точка для фонологического исследования [114].

В этом отношении вызывает удивление первоначальный греческий алфавит. Каждый простой звук изображается в нем одним графическим знаком, и, наоборот, каждый знак соответствует одному, всегда одному и тому же простому звуку. Это гениальное открытие унаследовали от греков римляне. В написании слова *barbaros* «варвар» каждая буква соответствует однородному такту:

ВАРВАРОС

На этом чертеже горизонтальная линия изображает звуковую цепочку, вертикальные черточки — переходы от одного звука к другому, а промежутки между вертикальными черточками — однородные такты. В первоначальном греческом алфавите нет места сложным написаниям типа французского «сА» в значении *S*, ни двояким изображениям одного и того же звука типа «с» и «s» для *s*; нет также места и простым знакам для изображения двух звуков типа «х» в значе-

нии *ks*. Принципы, необходимые и достаточные для хорошего фонологического письма, греки реализовали почти полностью'.

Другие народы не осознали этого принципа; применяемые ими алфавиты не разлагают речевую цепочку на однородные акустические отрезки. Например, киприоты остановились на более сложных единицах типа /зд, *ti*, *ko* и т. д.; такое письмо называют слоговым, что не вполне точно, поскольку слог может быть образован и другими способами, как, например, *pak*, *tra* и т. д. Что касается семитов, то они обозначали лишь согласные; слово *barbaros* они написали бы так:

BRBRS.

Разграничение звуков в речевой цепочке может, следовательно, основываться только на акустическом впечатлении; иначе обстоит дело с их описанием, которое возможно лишь на базе артикуляционного акта, ибо цепочка акустических единиц сама по себе недоступна анализу; приходится прибегать к артикуляционной цепочке. При этом оказывается, что одному и тому же звуку соответствует одна и та же артикуляция: *b* (акустический такт) = &' (артикуляцион- Правда, они писали *Χ*, *Θ*, *Φ* в значении *kh*, *th*, *ph*; *ΦΕΡΩ* изображает *phero*, но это — позднейшая инновация; в архаических надписях мы встречаем *ΚΝΑΡΙΣ*, а не *ΧΑΡΙΣ*. Те же надписи дают два знака для *κ*, так называемые «каппа» и «коппа»; впрочем, коппа впоследствии исчезла. Наконец, более трудный случай — это частое изображение одной буквой двух согласных в архаических греческих и латинских надписях: так, латинское *fuisse* писалось *FUISE*, а это является нарушением принципа, поскольку это двойное *S* длится два такта, которые, как мы увидим ниже, не однородны и производят различные впечатления; но такую ошибку можно извинить, поскольку данные два звука, не сливаясь, все же имеют нечто общее (см. стр. 56 и ел.).

45

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

ный такт). Первичные единицы, получаемые при расчленении речевой цепочки, состоят из *b* и *V*; их называют *фонемами*; фонема — это сумма акустических впечатлений и артикуляционных движений, совокупность слышимой единицы и произносимой единицы, из коих одна обусловлена другой; таким образом, это единица сложная, имеющая опору как в той, так и в другой цепочке [115].

Элементы, получаемые первоначально при анализе речевой цепочки, являются как бы звеньями этой цепочки, неразложимыми моментами, которые нельзя рассматривать вне занимаемого ими времени. Так, сочетание типа *ta* всегда будет одним моментом плюс другой момент, одним отрезком определенной протяженности плюс другой отрезок. Наоборот, неразложимый отрезок *t*, взятый отдельно, может рассматриваться *in abstracto*, вне времени. Можно говорить о / вообще как о типе *T* (типы мы будем изображать заглавными буквами), об *l* как о типе /, обращая внимание лишь на отличительные свойства и пренебрегая всем тем, что зависит от последовательности во времени. Подобным же образом сочетание музыкальных звуков *do*, *re*, *mi* может трактоваться лишь как конкретная последовательность во времени, но, если я возьму один из его неразложимых элементов, я могу рассматривать его *in abstracto*.

Проанализировав достаточное количество речевых цепочек, принадлежащих к различным языкам, можно выявить и упорядочить применяемые в них элементы; при этом оказывается, что если пренебречь безразличными акустическими оттенками, то число обнаруживающихся типов не будет бесконечным. Их пере-

чень и подробное описание можно найти в специальных работах'; мы же постараемся показать, на какие постоянные и очень простые принципы опирается всякая подобная классификация [116].

Однако прежде скажем несколько слов о речевом аппарате, о возможностях органов речи и о роли этих органов в качестве производителей звуков.

§ 2. Речевой аппарат и его функционирование² [117]

Для описания речевого аппарата мы ограничимся схематическим чертежом, где *A* обозначает полость носа, *B* — полость рта,

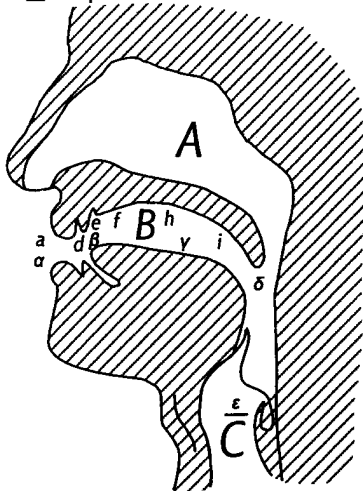
Sievers, Grundziige der Phonetik, 4. Aufl., Leipzig, 1892; Jespersen, Fonetik en systematisk fremstilling af laeren om sproglyd, 1897—1899; Roudet, Elements de phonetique generale, Paris, 1910.

Несколько общее рассуждение Ф. де Соссюра о речевом аппарате и его функционировании дополнено нами по упомянутой выше работе Есперсена «Fonetik...», откуда, между прочим, заимствован принцип составления формул для фонем. Но это касается лишь формы, редакции; мысли Ф. де Соссюра эти дополнения не искажают ни в чем.

46

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

С_ гортань с голосовой щелью ε между двумя голосовыми связками.

Во рту важно различать губы вид, язык β — γ (β обозначает кончик языка, а γ — само тело языка), верхние зубы d , [альвеолы e], нёбо, на котором различают переднюю часть/— h , твердую и неподвижную, и заднюю часть i , мягкую и подвижную, иначе называемую нёбной занавеской, и, наконец, язычок δ .

Греческие буквы обозначают органы, активно участвующие в артикуляции, латинские буквы — пассивные органы.

Голосовая щель ε , образуемая двумя параллельными мускулами, голосовыми связками, раскрывается при их размыкании и закрывается при их смыкании. Полное смыкание в счет не идет, размыкание же бывает то широким, то узким. В первом случае воздух проходит свободно, и голосовые связки не вибрируют; во втором случае прохождение воздуха вызывает звучащие вибрации.

Полость носа—орган совершенно неподвижный; доступ в нее воздуха может быть прегражден поднятием нёбной занавески; это, таким образом, просто проход—открытый или закрытый.

Полость же рта представляет широкий простор для всевозможных артикуляций: с помощью губ можно увеличить длину канала, можно надуть или сжимать

щеки, суживать или даже закрывать полость рта разнообразнейшими движениями губ и языка.

Роль всех этих органов в качестве производителей звука прямо пропорциональна их подвижности: однообразие в функциях гортани и полости носа, разнообразие в функциях полости рта.

47

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

Выдыхаемый из легких воздух сперва проходит через голосовую щель, где от сближения голосовых связок возможно образование так называемого голосового тона. Но артикуляция гортани не способна произвести такие фонологические разновидности, которые позволили бы различать и классифицировать звуки языка; в этом отношении голосовой тон однообразен. Будучи воспринят непосредственно при выходе из голосовой щели, он представился бы нам по своему качеству приблизительно постоянным.

Полость носа служит исключительно резонатором для проходящих через него звуковых колебаний; следовательно, она тоже не играет роли производителя звуков. Напротив, полость рта сочетает функции генератора звука и резонатора. Если голосовая щель широко раскрыта, то голосовые связки не колеблются и возникающий звук исходит только из полости рта (мы предоставляем физикам определять, звук это или просто шум). Если же, наоборот, сближение голосовых связок приводит к их колебанию, рот выступает главным образом в качестве модификатора голосового тона.

Таким образом, факторы, могущие участвовать в производстве звука, суть: экспирация (выдох), артикуляция в полости рта, вибрация голосовых связок и носовой резонанс.

Но простого перечисления этих факторов производства звуков недостаточно для определения дифференциальных элементов фонем. Для классификации этих последних важно знать не столько то, как они образуются, сколько то, чем они отличаются одна от другой. При этом отрицательный фактор может больше значить для классификации, чем фактор положительный. Например, экспирация — положительный фактор, но она не имеет различительной значимости, поскольку она участвует в каждом акте фонации; отсутствие же носового резонанса — фактор отрицательный, но отсутствие носового резонанса столь же значимо для характеристики фонем, как и наличие его. Дело в том, что два из перечисленных выше фактора—а) экспирация и б) роговая артикуляция— постоянны, необходимы и достаточны для производства звуков, тогда как два других фактора—в) вибрация голосовых связок и г) носовой резонанс— могут либо отсутствовать, либо добавляться к двум первым.

С другой стороны, мы уже знаем, что экспирация, вибрация голосовых связок и носовой резонанс, по существу, однообразны, тогда как ротовая артикуляция включает бесчисленные разновидности.

Кроме того, нельзя забывать, что для идентификации фонемы достаточно определить соответствующий акт фонации и что, с другой стороны, можно определить все типы фонем через идентификацию всех актов фонации. Между тем эти акты, как явствует из нашей классификации факторов, участвующих в образовании звука, различаются лишь с помощью трех последних («б», «в», «г») из перечисленных факторов. Таким образом, в отношении каждой фонемы возникает потребность установить: какова ее ротовая артикуляция, включает ли она голосовой тон (—) или нет ([ ]), включает ли она

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

носовой резонанс (...) или нет ([]). Когда один из этих трех элементов не определен, идентификация звука является неполной, но, коль скоро все три известны, их различные сочетания определяют все существенные типы актов фонации.

Получается таким образом нижеследующая схема возможных разновидностей:

	I	II	III	IV
а	Экспирация		Экспирация	Экспирация
б	Ротовая артикуляция		Ротовая артикуляция	Ротовая артикуляция
в	[]	—	[]	~
г	[]	[]		

Столбец I обозначает *глухие звуки*, столбец II—*звонкие звуки*, столбец III — *глухие назализованные звуки*, столбец IV — *звонкие назализованные звуки*.

Но одно неизвестное остается: характер ротовой артикуляции; следовательно, необходимо определить ее возможные разновидности.

§ 3. Классификация звуков в соотношении с их ротовой артикуляцией [118]

Обычно звуки классифицируют по месту их образования. Мы примем иную отправную точку. Где бы артикуляция ни локализовалась, она всегда представляет собою некоторую степень раствора;

пределами являются полная смычка и максимальное размыкание. Основываясь на этом признаке и двигаясь от наименьшего раствора к наибольшему, разобьем все звуки на семь категорий, обозначив их цифрами 0,1, 2, 3,4, 5,6. Внутри каждой из этих категорий мы будем распределять фонемы по группам в зависимости от места их образования.

Мы будем придерживаться общепринятой терминологии, хотя во многих отношениях она и несовершенна и неточна: такие термины, как заднеязычные, нёбные, зубные, плавные и т. д., все более или менее нелогичны. Было бы более рационально разделить небо на несколько зон, чтобы, опираясь на артикуляции языка, в каждом случае всегда можно было указать, против какой из зон приходится точка наибольшего приближения языка. Исходя из этой мысли и используя буквы рисунка на стр. 47, мы будем выражать каждую артикуляцию посредством формулы, где цифра, обозначающая степень раствора, помещена между обозначающей активный орган греческой буквой слева и обозначающей пассивный орган латинской буквой справа. Так, формула/? о е означает, что при степени раствора, совпадающей

49

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

с полной смычкой, кончик языка β прикасается к альвеолам верхних зубов е.

Наконец, внутри каждой артикуляции типы фонем отличаются друг от друга в зависимости от наличия или отсутствия голосового тона или носового резонанса, причем как наличие, так и отсутствие того или другого служит средством дифференциации фонем.

Итак, мы будем классифицировать звуки согласно вышеизложенным принципам. Так как речь идет только о простой схеме рациональной классификации,

то не следует рассчитывать найти в ней фонемы сложного или специального характера, каково бы ни было их практическое значение, как, например, придыхательные (*ph, dh* и др.), аффрикаты (*ts, di, pfvi* др.), палатализованные согласные, слабые гласные (э или «немое» е и др.), и, с другой стороны, те простые фонемы, которые лишены практического значения и не выступают как различаемые звуки.

А. НУЛЕВАЯ СТЕПЕНЬ РАСТВОРА: СМЫЧНЫЕ. В ЭТОТ класс входят все фонемы, образуемые полным смыканием, герметическим, но мгновенным затвором полости рта. Нет смысла разбирать, производится ли звук в момент смыкания или в момент размыкания; реально он может производиться обоими этими способами (см. стр. 56 и ел.).

В зависимости от места артикуляции различаются три главные группы смычных: губные (*p, b, t*), зубные (*t, d, n*), заднеязычные (*k, g, ɣ*).

Первые артикулируются обеими губами; при артикуляции вторых кончик языка прикасается к передней части неба; при артикуляции третьих спинка языка соприкасается с задней частью неба. Во многих языках, например в индоевропейском, четко различались две заднеязычные артикуляции: одна — палатальная — в точках /—*h*, другая — велярная — в точке *l*. Но в других языках, например во французском, это различие роли не играет, и заднее *k* в слове *court* воспринимается ухом так же, как переднее *k* в слове *qui*.

В нижеследующей таблице приведены формулы всех этих

фонем:

Р	Губные			Зубные			Заднеязычные		
	<i>ʙ</i>	<i>(t)</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>(n)</i>	<i>k</i>	<i>g</i>	<i>(ŋ)</i>	
<i>a0 a</i>	<i>a0 a</i>	<i>a 0 a</i>	<i>β0β</i>	<i>β0ε</i>	<i>β0ε</i>	<i>f0h</i>	<i>ɣ0A</i>	<i>ɣ0A</i>	
[ ]	—	—	[ ]	—	—	[ ]	—	—	
[ ]	[ ]		[ ]	[ ]		[ ]	[ ]		

Носовые *t, n, d*, собственно говоря, являются звонкими назализованными смычными: когда произносится *ambɑ*, мягкое небо приподнимается, чтобы закрыть проход в нос в момент перехода от *t* к *ʙ*.

50

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Теоретически в каждой группе имеется еще одна носовая без вибрации голосовых связок, иначе говоря, глухая фонема: так, например, в скандинавских языках после глухих появляется *t* глухое;

примеры подобного рода можно было бы найти и во французском языке, но говорящие не усматривают в глухости французских носовых дифференциальный элемент.

В таблице носовые заключены в скобки; дело в том, что, хотя их артикуляция включает полное смыкание рта, открытый выход в нос сообщает им более высокую степень раствора (см. класс В).

Б. ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ РАСТВОРА: ФРИКАТИВНЫЕ ИЛИ СПИРАНТЫ. Они характеризуются неполным смыканием в полости рта, не препятствующим проходу воздуха. Термин «спиранты» расплывчат; термин «фрикативные», хотя он и ничего не говорит о степени раствора, напоминает о впечатлении трения, производимого проходящим воздухом (лат./г/саге «тереть»).

В этом классе нельзя ограничиться тремя группами, как в первом классе. Собственно губные (соответствующие смычным *p, b*) употребляются чрезвычайно

редко; мы их в расчет не принимаем; обычно они заменяются губно-зубными, образованными сближением нижней губы с верхними зубами (французские /v/). Зубные распадаются на несколько разновидностей в зависимости от той формы, какую принимает при сближении кончик языка; не детализируя их, мы обозначим через β, β', β'' различные положения кончика языка. В звуках, имеющих отношение к нёбу, ухо в общем различает более переднюю артикуляцию (нёбные) и более заднюю артикуляцию (заднеязычные или велярные).

Губно-зубные	Зубные	Нёбные	Заднеязычные
/V f> d s z s i / y' / y			
aid aid	βi/ β'i/ β''i/ β'i/ β'i/ β'i/	γi/ γ'i/ η	γ1> γ'i
[] []	[] [] [] [] [] []	L J — [] []	[] - [] []

^=англ. th в слове thing z g в слове genie <?=англ. th
 » then χ' ch » ich ^=франц. s » si γ' g »
 liegen г=франц. s » rose χ ch » Bach д=франц. ch »
 chant y g » Tage

Существуют ли фрикативные, соответствующие т, η, у и др. в ряду смычных, то есть носовое v, носовое г и т. д.? Это вполне вероятно. Так, носовое v слышится во французском слове *inventer*, но в

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

общем носовые фрикативные не принадлежат к числу осознаваемых звуков в языке.

В. ВТОРАЯ СТЕПЕНЬ РАСТВОРА: НОСОВЫЕ (см. стр. 50). Г. ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ РАСТВОРА: ПЛАВНЫЕ. К второму классу относятся артикуляции двух типов.

1. *Латеральная* артикуляция: язык упирается в переднюю часть неба, но оставляет проход справа и слева. Положение это в наших формулах изображается через надстрочное*. По месту артикуляции различаются / зубное, /' небное или «смягченное» и / велярное или «твердое». Почти во всех языках эти фонемы звонкие, подобно b, z и др. Однако возможны и глухие латеральные, как, например, во французском языке, где /, следующее за глухой, произносится без голосового тона (например, в слове *pluie* в противоположность / в слове *bleu*); однако мы не сознаем этого различия.

Не стоит говорить о носовом /, весьма редком и неразличаемом, хотя оно и встречается, в особенности после носового согласного (например, во французском *brantant*).

2. *Вибрантная* артикуляция: язык приближается к небу, но в меньшей степени, чем при /; при этом он вибрирует, впрочем с неопределенным числом колебаний (знак надстрочное" в формулах), чем достигается степень раствора, примерно такая, как у латеральных. Эта вибрация может производиться двумя способами: кончиком языка, который касается альвеол, то есть спереди (так называемое «раскатистое» г), или задней частью языка, сзади (так называемое «картавое» г). По поводу глухих и носовых вибрантов можно повторить сказанное выше о латеральных.

i	Г	(	г	
P*Ze	γ*3/-A		/3,	^Ze γ3δ°
[]	[]	[]	[]	[]

За третьей степенью раствора мы вступаем уже в иную область: от *согласных* мы переходим к *гласным*. До сих пор мы не предупреждали о существовании такого различия, и это потому, что как при тех, так и при других механизмах фонации остается одним и тем же. Формула гласного вполне сравнима с формулой любого звонкого согласного. С точки зрения ротовой артикуляции между ними никакого различия нет. Отличается только акустический эффект. Превысив определенную степень раствора, рот начинает функционировать главным образом как резонатор. Доминирующим становится голосовой тон, а шум в полости рта скрадывается. Чем более закрывается рот, тем слабее становится голосовой тон; чем более он открывается, тем больше уменьшается шум; вот почему голос преобладает в гласных чисто автоматически.

52

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

д. четвертая степень раствора: *i, и, и*. По сравнению с прочими гласными эти звуки являются в значительной мере закрытыми, приближаясь в этом отношении к согласным. Из этого проистекают некоторые последствия, которые будут выяснены ниже, оправдывая наименование *полугласных*, обычно даваемое этим фонемам.

/ произносится с вытянутыми губами (знак') и передней артикуляцией, и— округленными губами (знак⁰) и задней артикуляцией, и—с положением губ, как при *к*, и с артикуляцией, как при /.

;'	u	ü
-γ4/	°γ 4i	°γ4/
[]	[]	[]

Как и у всех вообще гласных, у *i, и, и* могут быть назализованные формы; но они редки, и мы можем их не принимать во внимание. Следует отметить, что звуки, изображаемые во французской орфографии через *in* и *in*, сюда не относятся (см. ниже).

Существует ли глухое *i*, то есть *i*, артикулируемое без голосового тона? Тот же вопрос может быть поставлен и в отношении *u* и *u* и вообще всех гласных. Эти фонемы, как бы соответствующие глухим согласным, существуют, но их не следует смешивать с шепотными гласными, которые артикулируются при расслабленной голосовой щели. Глухие гласные можно уподобить произносимому перед ними придыханию А:

так, в *hi* сперва слышится *i* без вибрации голосовых связок, а затем нормальное *i*.

Е. ПЯТАЯ СТЕПЕНЬ раствора: *e, o, o*, артикуляция которых соответствует артикуляции *i, и, и*.

e	o	o	e	o	o	a	a
-γ5/	°γ 5 i	"γ 5/	-γ 5/	"γ 5 i	°γ5/	γ 6h	γ 6h
—	—	—	—	—	—	—	—
[]	[]	[]				[]	

Назализованные гласные встречаются часто (например, *e, o, o* во французских *pin, pont, brun*). Глухие формы: *h* в *he, ho, ho*.

Некоторые языки различают здесь несколько степеней раствора: так, во французском языке есть по крайней мере два ряда: так называемый «закрытый» — *e, o, o* (например, в словах *de, dos, deux*) и «открытый» — *e, o, o* (например, в словах *mer, mart, meurt*).

Ж. шестая степень РАСТВОРА: а — максимальный раствор; имеет и назализованную форму, правда, с некоторым сужением—а (например, во французском слове *grand*), и глухую форму — А (в *ha*).

Глава II Фонема в речевой цепочке

§ 1. Необходимость изучения звуков в речевой цепочке [119]

В специальных работах, особенно в трудах английских фонетистов, можно найти тщательный анализ звуков речи [120].

Но достаточно ли этого для того, чтобы фонология отвечала своему назначению: служить вспомогательной наукой для лингвистики? Обилие накопленных деталей само по себе ценности не имеет, ценен только их синтез. Лингвисту нет надобности быть законченным фонологом, он требует от фонологии только некоторого количества данных, необходимых при изучении языка.

Метод современной фонологии особенно недостаточен в следующем отношении: упускается из виду, что в языке имеются не только звуки, но и поток произносимых звуков; почти все внимание уделяется только изолированным звукам. Между тем нам первично дан не отдельный звук; слог дан более непосредственно, чем составляющие его звуки. Мы видели, что некоторые древние системы письма отмечали именно слоговые единицы; лишь впоследствии пришли к буквенной системе письма.

Сверх того, надо сказать, что для лингвистики никогда не представляла затруднения простая звуковая единица: если, например, в данном языке в данную эпоху все *a* перешли в *o*, то из этого ровно ничего не следует; можно ограничиться констатацией этого факта, не стараясь объяснить его фонологически. Ценность науки о звуках проявляется по-настоящему лишь тогда, когда мы наталкиваемся на факт внутренней взаимозависимости двух или большего числа элементов, когда, как оказывается, вариации одного элемента определяются вариациями другого. Здесь из самого факта наличия двух элементов уже вытекает определенное отношение и возможность формулировать правило, что резко отличается от простой констатации. Следовательно, если в поисках своих основных принципов фонология выказывает предпочтение изолированным звукам, то это противоречит здравому смыслу; достаточно ей столкнуться с двухфонемным сочетанием, как она оказывается беспомощной. Так, в древневерхненемецком языке *hagi, balg, wagn. Sang, donr, dom* дали впоследствии *ha-gal, balg, wagan, lang, donnar, dom*; таким образом, результат оказался неодинаковым в зависимости от характера и порядка следования звуков внутри звукосочетания: в одном случае между согласными возникает гласный, в другом случае звукосочетание сохраняется в прежнем виде. Но как сформулировать закон? Откуда проистекает разли-

ФОНЕМА В РЕЧЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ

чие? Без сомнения, от сочетания согласных (*gl, lg, gn* и т. д.), которые есть в этих словах. Бросается в глаза, что во все эти сочетания входит смычная фонема, причем в одних случаях ей предшествует, а в других за ней следует плавная или носовая фонема. Но что же из этого проистекает? Пока мы рассматриваем *g* и *ŋ* как однородные величины, мы не сможем понять, почему соприкосновение *gen* производит иной эффект, чем соприкосновение *ŋ eg*.

Итак, наряду с фонологией звуковых типов нужна наука совершенно иного ро-

да, отправляющаяся от парных сочетаний и последовательностей фонем во времени. При изучении изолированных звуков достаточно определить положение органов речи; акустическое качество фонемы не является проблемой — оно устанавливается ухом; что же касается артикуляции, то мы можем вполне свободно производить ее так, как хотим. Но как только речь заходит о произнесении сочетания двух звуков, вопрос осложняется; приходится принимать в расчет возможность расхождения между ожидаемым и полученным результатом; не всегда в нашей власти произнести то, что мы желаем. Свобода связывать между собою фонологические типы ограничена возможностью связывать артикуляционные движения. Чтобы понимать, что происходит внутри звукосочетаний, надо создать такую фонологию, где эти звукосочетания рассматривались бы как алгебраические уравнения; парное звукосочетание включает некоторое количество взаимообусловленных механических и акустических элементов; когда один варьирует, эта вариация по необходимости отражается и на других; задача и заключается в том, чтобы вычислить эти отражения. Если в явлениях фонации и есть нечто универсальное, стоящее как бы «над» артикуляционным разнообразием фонем, то это, без сомнения, именно тот упорядоченный механизм, о котором только что шла речь. Из этого явствует, какое значение должна иметь для общей лингвистики фонология звукосочетаний. Тогда как обычно ограничиваются преподнесением правил об артикуляции всех звуков, изменчивых и случайных элементов в языках, эта новая комбинаторная фонология очерчивает возможности и фиксирует постоянные отношения взаимозависящих фонем. Так, частный случай с *hagi, balg* и т. д. (см. выше) поднимает общий, широко обсуждавшийся вопрос об индоевропейских сонантах. Это как раз та область, где менее всего можно обойтись без понимаемой в вышеизложенном смысле фонологии, ибо учение о слоговой делении является основой, на которой здесь построено все, с начала и до конца. Это не единственная проблема, которая может быть разрешена подобным методом; но, во всяком случае, ясно одно: становится почти что невозможным обсуждать вопрос о сонантах, не выяснив с достаточной точностью законы, управляющие сочетаемостью фонем.

55

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

§ 2. Имплоссия и эксплозия [121]

Мы исходим из следующего основного наблюдения: когда произносятся звукосочетания типа *appa*, ощущается различие между обоими *p*, из которых первое соответствует смыканию, а второе — размыканию. Вместе с тем эти два впечатления настолько сходны, что понятны случаи изображения сочетания *pp* одним-единственным символом/? (стр. 46, сн.). И все же существование различия позволяет нам отличать особыми значками $>$ и $<$ первое и второе *p* в *appa* и тем самым характеризовать их, когда они следуют одно за другим в речевой цепочке (например, *apta, atpa*). То же различие можно наблюдать не только у смычных;

оно имеет место у фрикативных (*af/a*), носовых (*a/пота*), плавных (*aīia*) и вообще у всех фонем, включая гласные (*aōōa*), кроме *a*.

Смыкание называют *имплоссией*, а размыкание — *эксплозией*: *p* может быть имплоссивным (*p*) или эксплозивным (*p*). В том же смысле можно говорить о звуках *затворных* и звуках *растворных*.

Без сомнения, в сочетании типа *appa*, помимо имплоссии и эксплозии, выделя-

ется также момент покоя, в течение которого смычка может длиться *ad libitum*; если речь идет о фонеме с более широкой степенью раствора, например о/в сочетании *alia*, то звук продолжает произноситься и при неподвижности органов речи. Вообще в каждой речевой цепочке всегда имеются промежуточные фазы, которые мы будем называть *выдержками* или *артикуляциями выдержки*. Они могут быть уподоблены имплозивным артикуляциям, поскольку **их** эффект аналогичен; поэтому в дальнейшем мы будем принимать во внимание только имплозии и эксплозии¹.

Такое упрощение, недопустимое в специальной работе по фонологии, оправдано там, где рассматриваются лишь самые основные особенности явления слога-деления, сводимого к максимально упрощенной схеме. Мы не претендуем на разрешение всех затруднений, возникающих в связи с проблемой членения речевой цепочки на слоги; мы попытаемся только заложить рациональные основы изучения этой проблемы.

¹ Это один из тех пунктов теории, который может вызвать наибольшие возражения. Чтобы предупредить их, необходимо заметить, что всякая артикуляция выдержки, например звука / является равнодействующей двух сил:

1) давления воздуха на противостоящие ему преграды и 2) сопротивления преград, которые еще крепче смыкаются, с тем чтобы уравновесить это давление. Выдержка, таким образом, есть не что иное, как продолженная имплозия. Поэтому, если за имплозией следует выдержка того **же** места образования, возникает непрерывный по своему качеству эффект. Вследствие этого нет ничего нелогичного в том, что мы объединяем эти два вида артикуляций в механико-акустическое единство. Эксплозия же противостоит и той и другой артикуляции, взятым в их единстве: она по самой своей сути является размыканием; см. также § 6 в этой главе.

56

ФОНЕМА В РЕЧЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ

Еще одно замечание. Не надо смешивать имплозивные и эксплозивные движения, необходимые для производства звука, с различными степенями его раствора. Любая фонема может быть и имплозивной и эксплозивной, но, разумеется, степень раствора влияет на имплозию и эксплозию в том смысле, что различие обоих движений становится тем менее отчетливым, чем больше степень раствора. Так, в отношении (', и, и разница еще хорошо заметна: в *aiia* можно распознать имплозивное и эксплозивное /; равным образом в *аййа*, *аййа* имплозивные и, *й* отличаются от следующих за ними эксплозивных и, и до такой степени четко, что письменность в противоположность своему обыкновению иногда отмечает это различие: английское *w*, немецкое *eu* и зачастую французское *u* (например, в слове *уеих* «глаза») изображают растворные звуки (м, *й*) в противоположность и и *й*, употребляемым для обозначения и и *й*. Но при более высокой степени раствора (е и о) теоретически мыслимые имплозию и эксплозию (ср. *аёеа*, *адоа*) весьма затруднительно различать на практике. Наконец, как уже было отмечено выше, при самой высшей степени раствора, при степени *а*, нет места ни для имплозии, ни для эксплозии, так как открытость этой фонемы стирает всякое различие такого рода.

Таким образом, надо раздвоить каждую фонему, кроме *а*, и тогда таблица неразложимых звуковых единиц предстанет в следующем виде:

pp ит.д.
/ /[^] и т. д.

т т ит.д.
г г и т. д.
ї и ит.д.
е е и т. д.
 а.

Освященные традицией графические различия (*;'—у, и—w*) мы не только не устраняем, но, напротив, бережно сохраняем, обоснование этой точки зрения приводится ниже, в § 7.

Итак, мы впервые покидаем область абстракции; впервые появляются конкретные, неразложимые элементы, занимающие в речевой цепочке свое место и определенный отрезок времени. Можно сказать, что *P* — не что иное, как абстракция, объединяющая общие признаки *p* и *p*, которые только и существуют в действительности, совершенно так же, как *P*, *B*, *At* объединены в более высоком абстрактном единстве под названием губных. О *P* можно сказать то, что говорят о зоологическом виде: существуют конкретные особи мужского и женского пола данного вида, но самого вида в этом смысле не существует. До сих пор мы различали и классифицировали абстракции; ныне возникает необходимость пойти дальше и дойти до конкретного элемента. Великое заблуждение фонологии состояло в том, что она рассматривала свои абстракции в качестве реально существующих единиц, не давая точного определения единицы как

57

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

таковой. Греческий алфавит дошел до различения этих абстрактных элементов, и лежащий в основе его анализ, как мы уже говорили, замечателен; но все же это был анализ неполный, остановившийся на определенной черте.

В самом деле, что такое *p* без более точной характеристики? Если рассматривать его во времени как звено в речевой цепочке, оно не может быть ни Д ни Д ни тем более до, поскольку это звуко сочетание явно разложимо; если же брать его вне речевой цепочки и вне времени, оказывается, что оно не имеет своего существования и ни к чему не пригодно. Что значит само по себе такое сочетание, как */+g*? Ведь абстракции, даже если их две, не могут образовать момента во времени. Другое дело, когда говорят о *İK*, о *ik*, о *Ik*, о *ik*, соединяя таким образом подлинные элементы речи. Итак, достаточно, как мы видим, соединения двух элементов, чтобы поставить в тупик традиционную фонологию; таким образом, обнаруживается невозможность оперировать, как это она делает, только абстрактными фонологическими единицами.

Высказывалась мысль, будто каждая простая фонема, поскольку она находится в речевой цепочке, например/? в *pa* или в *apa*, содержит в себе последовательно момент имплозии и момент эксплозии (*apá*). Конечно, всякому размыканию органов речи должно предшествовать их смыкание; возьмем другой пример: при произнесении *gr* я должен, осуществив смыкание *г*, артикулировать язычком эксплозивное *г* в момент сближения губ для произнесения *p*. Чтобы ответить на это возражение, достаточно четко изложить нашу точку зрения. В акте фонации, к анализу которого мы приступаем, принимаются в расчет лишь дифференциальные элементы, улавливаемые слухом и могущие служить для разграничения акустических единиц в речевой цепочке. Только эти акустико-артикуляторные (*acous-tico-motrices*) единицы и должны приниматься во внимание; таким образом, артикуляция эксплозивного *г*, сопровождающая артикуляцию имплозивного *p*, для нас реально не существует, так как она не произ-

водит различного звука и, во всяком случае, в цепочке фонем в счет не идет. Это весьма существенный пункт, который надо хорошенько усвоить, чтобы понять дальнейшее.

§ 3. Различные комбинации эксплозии и имплозии в речевой цепочке [122]

Рассмотрим теперь, что произойдет из сочетания эксплозии и имплозии в четырех теоретически возможных случаях:

1. <>, 2. x, 3. «, 4. ».

1. Эксплозивно-имплозивная группа (< >). Всегда возможно, не разрывая речевой цепочки, соединить две фонемы, из коих первая является эксплозивной, а вторая — имплозивной, например: *Kr, ki, ит* и т. п. (ср. скр. *krta-*, франц. *kite* (пишется *quitter*}, и.-е. **umto* и т. п.). Правда, некоторые сочетания, как, например, » и др., не могут

58

ФОНЕМА В РЕЧЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ

практически реализоваться, но все же верно, что после артикуляции эксплозивного *k* органы речи находятся в положении, позволяющем произвести смыкание в любой точке. Эти две фазы фонации могут, не мешая друг другу, следовать одна за другой.

2. Имплозивно-эксплозивная группа (x). В тех же условиях и с теми же оговорками имеется полная возможность соединять две фонемы, из коих первая является имплозивной, а вторая — эксплозивной: например, *t, ki* и т. п. (ср. греч. *haima*, франц. *actifu* т. п.).

Разумеется, эти сменяющиеся артикуляционные моменты не следуют один за другим столь же естественно, как в первом случае. Между начальной имплозией и начальной эксплозией есть та разница, что эксплозия, ведущая к нейтральному положению рта, ни к чему не обязывает органы речи в следующий момент, тогда как имплозия создает определенное состояние органов речи, которое не может служить отправной точкой для любой эксплозии. Поэтому всегда необходимо какое-то приспособительное движение органов речи, их аккомодация, с тем чтобы они приняли положение, необходимое для артикуляции следующей фонемы: так, произнеся *s* в сочетании *sp*, мы должны затем сомкнуть губы, чтобы подготовить эксплозивное *p*. Но опыт показывает, что эта аккомодация не производит ничего сколько-нибудь существенного, если не считать одного из тех беглых звуков, которые не принимаются нами во внимание и которые никак не мешают течению речи.

3. Эксплозивная группа («). Две эксплозии могут быть произведены одна за другой; однако если вторая принадлежит фонеме с меньшей или равной степенью раствора, то не получится того акустического ощущения единства, которое возникло бы в противоположном случае и которое наблюдалось в обоих предыдущих случаях: *pk* может быть произнесено *pica*, но эти звуки не образуют непрерывной цепочки, так как типы *P* и *K* имеют одну и ту же степень раствора. Такое мало естественное произношение получится, если остановиться после первого *a* в слове *cha-pka'*. Напротив, *Dg* создает впечатление непрерывности, (ср. франц. *prix*); не представляет затруднений и *ric* (ср. франц. *rien*). Почему? Потому что к моменту, когда возникает первая эксплозия, органы речи уже смогли принять положение, необходимое для выполнения второй эксплозии, не мешая вместе с тем акустическому эффекту первой: например, в слове *prix* органы речи находятся в положении для произнесения *g* уже во время про-

изнесения *p*. Но невозможно произнести как непрерывный ряд обратное сочетание *gp* не потому, что органы речи не могли бы механически принять положение для *gp* момент артикуляции эксплозивного *g*, но потому, что артикуляция этого *g*, столкнувшись с меньшей степенью раствора *p*, не могла бы быть. Правда, некоторые звукосочетания этого рода являются весьма обычными в ряде языков (например, начальная группа *to* в греческом: ср. *kteino*); однако, легкопроизносимые, они все же не образуют акустического единства.

59

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

воспринята. Итак, если мы желаем произнести *gp*, надо сделать это в два приема с разрывом речевой цепочки.

Непрерывная эксплозивная группа может иметь в своем составе более двух элементов при условии перехода все время от меньшего раствора к большему (например, *krwa*). Отвлекаясь от некоторых частных случаев, останавливаясь на которых мы не будем, можно сказать, что возможное количество эксплозий в отрезке, естественно, ограничено количеством степеней раствора, доступных практическому различению.

4. Имплотивная группа («»). Подчиняется обратному закону. Если первая фонема более открыта, нежели следующая за ней, возникает впечатление непрерывности, например *ir*, *rt*; если же это условие отсутствует, если следующая фонема имеет большую или ту же степень раствора, как и предыдущая, произнесение возможно, но впечатление непрерывности исчезает: так, сочетание *sr* в *asrta* имеет тот же характер, что и сочетание */^* в *cha-pka* (см. стр. 59). Явление это совершенно параллельно тому, которое мы анализировали, рассматривая эксплозивную группу: в сочетании *rt* звук *r* (вследствие меньшей степени раствора освобождает *t* от эксплозий; если взять группу, обе фонемы которой имеют разное место образования, например *gt*, то *t* не освобождает *g* от эксплозий, но — что сводится к тому же — полностью покрывает его эксплозию посредством своей более закрытой артикуляции. В обратном же случае, в сочетании *tg*, беглая, механически неизбежная эксплозия разрывает речевую цепочку.

Ясно, что имплотивная группа, подобно эксплозивной, может иметь в своем составе более двух элементов при условии последовательного перехода от большего раствора к меньшему (ср. *arst*).

Оставляя в стороне разрывы внутри группы, рассмотрим теперь нормальную непрерывную цепочку звуков, которую можно было бы назвать «физиологической», как она представляется нам, например, во французском *particulierement*, то есть *partiiiul'jeeta*. Она характеризуется сменой градуированных и эксплозивных и имплотивных отрезков в соответствии со сменой размыканий и смыканий ротовых органов.

Здесь автор, сознательно упрощая реальное положение вещей, учитывает только степень раствора фонемы, не принимая в соображение ни места, ни специфического способа ее артикуляции (т. е. является ли она глухой или звонкой, вибрантом или латеральной и т. д.). Выводы, сделанные из этого единственного принципа, не могут, однако, прилагаться ко всем реальным случаям без исключения. Например, в таком сочетании, как *trua*, первые три элемента трудно произнести, не разрывая звукоряда: *trya* (если только и не сольется с *g*, палати-лизуя его); между тем эти три элемента *try* образуют безукоризненный эксплозивный звукоряд (ср., впрочем, ниже, прим. к стр. 65 по по-

воду *сјаватеиПлеги* т. д.); наоборот, группа *trwa* затруднений не представляет. Укажем еще на такие группы, как *ptla* и т. д., где весьма трудно произносить носовой имплозивно (*pt!a*). Эти отклоняющиеся от нормы случаи особенно часты при эксплозий, которая по своей природе есть акт моментальный, не терпящий промедлений.

60

ФОНЕМА В РЕЧЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ

Охарактеризовав таким образом нормальную цепочку, мы переходим к ниже-следующим положениям первостепенной важности.

§ 4. Слогораздел и вокалическая точка [123]

При переходе в звуковой цепочке от имплозии к эксплозий (>|<) возникает особый эффект, являющийся показателем *слогораздела*, например в *iii* слова *particulierement*. Это регулярное совпадение определенного механического состояния с определенным акустическим эффектом сообщает имплозивно-эксплозивной группе особый характер среди явлений фонологического порядка, присущий ей независимо от составляющих ее элементов; в результате образуется новое родовое понятие, содержащее столько разновидностей, сколько существует возможных комбинаций имплозии с эксплозией.

Слогораздел может в некоторых случаях помещаться в двух различных точках одного и того же ряда фонем — в зависимости от большей или меньшей быстроты перехода от имплозии к эксплозий. Так, в сочетании *ardra* цепочка не разрывается, будем ли мы делить *arlara* или *ara/ra*, так как имплозивный отрезок *ara* столь же удачно построен в своей постепенности, сколь и эксплозивный отрезок *Зг*. То же можно сказать и о *Шуе* в слове *particulierement* (*uiué* или *й1йе*).

Далее мы замечаем, что при переходе от состояния молчания к первой имплозии (>), например в *art* слова *artiste*, или от эксплозий к имплозии (o), как, например, *apart* слова *particulierement*, тот звук, на который приходится первая имплозия, отличается от других окружающих его звуков специфическим эффектом—вокалическим эффектом. Этот последний совсем не зависит от большей степени раствора звука *a*, ибо в сочетании [^]звук *г* производит тот же вокалический эффект; он присущ первой имплозии как таковой, какова бы ни была ее фонологическая характеристика, то есть ее степень раствора;

равным образом неважно, следует ли она за состоянием молчания или за эксплозией. Звук, производящий такое впечатление своим свойством первого имплозивного, может быть назван *вокалической точкой*.

Эту единицу называли также *сонантом*; под *консонантом* в этом случае разумели все предыдущие и последующие звуки того же слога. Термины «гласный» и «согласный» обозначают, как мы видели выше (стр. 52), различные типы звуков, тогда как термины «сонант» и «консонант» служат для обозначения различных функций звука в слоге. Такая двоякая терминология позволяет избежать путаницы, господствовавшей в течение долгого времени. Так, например, / как тип является одним и тем же в *snoesx.fidele* и *pied*—это гласный; но гласный этот в слове *fidele* функционирует как сонант, а в слове *pied*—как консонант. Анализ обнаруживает, что сонанты всегда имплозивны, а консонанты то имплозивны (например, *i* в англ. *boi* [пишется *boy*]), то эксплозивны (например, *и* во франц. *риё* [пишется *pied*]). Это лишь подтверждает различие, установленное между

61

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

двоякого рода явлениями. Правда, реально *e*, *o*, *a* выступают регулярно как сонанты, но это простое совпадение: обладая большей степенью раствора, чем все прочие звуки, они всегда находятся в начале имплозивного отрезка. Наоборот, обладающие минимальной степенью раствора смычные всегда являются консонантами. На практике только фонемы второй, третьей и четвертой степеней растворов (носовые, плавные, полугласные) могут выполнять то одну, то другую функцию в зависимости от их окружения и характера их артикуляции.

§ 5. Критика теории слогаделения [124]

Общеизвестно, что в любой речевой цепочке ухо различает деление на слоги и в каждом слоге—сонант. Позволительно, однако, спросить, каково разумное основание этих двух фактов? Предложено было несколько объяснений.

1. Исходя из факта большей сонорности одних фонем по сравнению с другими, пытались обосновать слог сонорностью фонем. Но в таком случае почему же такие сонорные фонемы, как *i*, *и*, не образуют обязательно слог? И затем, до каких пределов простирается требуемая сонорность, если фрикативные типа *s* могут образовывать слог, например *spsfi*. Если дело идет лишь об относительной сонорности соприкасающихся звуков, то как объяснить такие сочетания, как *\vĩ* (например, и.-е. **wlkos* «волк»), где слог образуется менее сонорным элементом?

2. Сивере первый установил, что звук, включаемый в разряд гласных, может не производить впечатления гласного (мы уже видели, что, например, *j* и *w* не что иное, как *i* и *и*). Когда спрашиваешь, откуда же возникает эта двоякая функция, или двоякий акустический эффект (слово «функция» не означает здесь ничего другого), ответ гласит: тот или иной звук имеет ту или иную функцию в зависимости от того, получает ли он «слоговое ударение» или нет. Но ведь это порочный круг: либо я вправе при всяких обстоятельствах и по своему усмотрению предполагать наличие слогового ударения всюду, где имеются сонанты, но в таком случае нет никакого основания называть его слоговым, а не сонантным, либо если выражение «слоговое ударение» имеет какой-то смысл, то, очевидно, лишь тот, что это—ударение, регулируемое законами слога. А между тем сами законы не формулируют, а это сонантное качество именуют «слогообразующим» (*silbenbildend*), как если бы образование слога зависело от этого ударения.

Мы видим, что наш метод противоположен обоим предыдущим: анализируя слог, как он дан в речевой цепочке, мы дошли до неразложимой единицы, до звука растворного и звука затворного;

затем, комбинируя эти единицы, мы смогли определить место слогораздела и вокалическую точку. Теперь мы уже знаем, в каких физиологических условиях должны возникать эти акустические

62

ФОНЕМА В РЕЧЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ

эффекты. Критикуемые нами теории следуют обратному направлению: они берут изолированные фонологические типы и из них пытаются вывести и место слогораздела, и местонахождение сонанта. Но если дана какая-либо цепочка фонем, то ей обычно присущ один способ артикуляции, который является более естественным и более удобным, чем все прочие; возможность же выбора между растворными и затворными артикуляциями в значительной мере сохраняется;

слогоделение же как раз и будет зависеть от этого выбора, а не непосредственно от фонологических типов.

Разумеется, теория эта не исчерпывает и не решает всех вопросов. Так, зияние, столь часто встречающееся, есть не что иное, как сознательно или бессознательно *разорванный импловзивный отрезок*, например $i - \acute{a}(\beta$ И *cria*) или $a - i$ (в *ebahi*). Оно чаще всего возникает при фонологических типах с большой степенью раствора.

Встречаются и *разорванные экспловзивные отрезки*, входящие, несмотря на то что они не градуированы, в звуковую цепочку на одинаковом основании с нормальными сочетаниями; мы затронули этот случай в связи с греч. *kteino* (см. стр. 59, сн.). Возьмем еще для примера сочетание *pzta*, которое нормально может быть произнесено только *KSKpzta*; оно должно, следовательно, заключать два слога, каковые оно в действительности и имеет, если четко воспроизвести голосовой тон в *z*; но если *z* оглушается, то поскольку это одна из тех фонем, которые требуют наименьшего раствора, группа *pzta* в силу резкой противоположности *г* и *а* воспринимается как один слог: слышится нечто *spou.epzta*. Во всех случаях этого рода воля и намерение говорящего могут вмешаться и в некоторой мере изменить физиологическую необходимость; часто случается, что трудно в точности выяснить, какую роль играет каждый из этих двух факторов. Но как бы то ни было, фонация всегда предполагает смену имплозии и эксплозий, а в этом и заключается основное условие слогоделения.

§ 6. Длительность имплозии и эксплозий [125]

Объяснив слог взаимодействием эксплозий и имплозии, мы приходим к важному наблюдению, обобщающему известный факт метрики. В греческих и латинских словах различаются двоякого рода долготы: по природе (*mater*) и по положению (*factus*). Почему *fac* считается долгим слогом в *fictus*? Отвечают: вследствие наличия группы *ct*; но если это зависит от сочетания звуков как такового, то любой слог, начинающийся двумя согласными, должен быть долгим, между тем это не так (ср. *cliens* и т. д.).

Истинная причина заключается в том, что эксплозия и имплозия по самой своей сути различны в отношении длительности. Эксплозия всегда протекает столь быстро, что для слуха является иррациональной величиной; по этой же причине она никогда не производит вокалического впечатления. Только имплозия

63

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

представляет ощутимую величину; отсюда впечатление, что гласный, с которого она начинается, длится дольше.

Известно, с другой стороны, что гласные, находящиеся перед сочетанием, образованным из смычного или фрикативного плюс плавный, могут трактоваться двояко: в слове *patrem* *a* может быть долгим или кратким, это объясняется тем же. В самом деле, группу *tr* к этому слову можно произнести как *tr*, так и *tr*; первый способ артикуляции дает возможность *a* оставаться кратким; второй способ создает долгий слог. В таком слове, *KSKJactus*, аналогичная двоякая трактовка *a* невозможна, потому что группу *ct* можно произнести только как *ct*, а нес?.

§ 7. Фонемы четвертой степени раствора. Дифтонги и вопросы их написания [126]

Фонемы четвертой степени раствора дают повод к некоторым замечаниям. Как мы видели (стр. 57), в противоположность всем прочим звукам обычай санк-

ционировал в отношении звуков четвертой степени раствора двойное написание ($w = \llcorner; u = u; j = j; i = t$). Дело в том, что в таких сочетаниях, как *aija*, *auwa*, ощущается лучше, чем где-либо, то различие, которое мы обозначаем диакритическими значками $\llcorner$ и $\triangleright$; i и u определенно производят впечатление гласных, f и i — впечатление согласных. Не претендуя на объяснение этого факта, отметим, что согласный (никогда не появляется как затворный. Поэтому нельзя встретить ai , в котором i производило бы тот же эффект, что uj в *aija* (ср. англ. *boy* и франц. *piéd*); следовательно, $\wedge$ является согласным, а i — гласным по положению, раз эти разновидности типа I не могут появляться одинаково всюду. Эти же замечания применимы и к i , w , а также к i , w .

Это проливает свет на вопрос о дифтонгах. Дифтонг есть частный случай импловзивного отрезка; сочетания *arta* и *auta* абсолютно параллельны; они отличаются лишь степенью раствора второго элемента: дифтонг — это такой импловзивный отрезок из двух фонем, второй элемент которого относительно открыт, что создает особое акустическое впечатление: сонант как бы длится во втором элементе группы. Наоборот, сочетание типа *tua* ничем не отличается от сочетания типа *tra*, разве что степенью раствора последнего экспловзивного члена. Это равносильно утверждению, что сочетания звуков, именуемые у фонологов восходящими дифтонгами, на самом деле не дифтонги, а экспловзивно-импловзивные группы, первый элемент которых относительно открыт, что, однако, не приводит ни к чему исключительному с акустической

Не следует смешивать этот элемент четвертой степени раствора с мягким небным фрикативным (нем. *liegen* в северном произношении). Этот последний фонологический тип относится к согласным и обладает всеми их свойствами.

64

ФОНЕМА В РЕЧЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ

точки зрения (*tua*). Что касается сочетаний типа *йо*, *ia* с ударением на k и g , которые встречаются в некоторых немецких диалектах (ср. *buob*, *liab*), то это тоже ложные дифтонги, не производящие впечатления единства, как om , ai и т. д.; нельзя произнести *йд* как группу из двух импловзивных, не нарушив непрерывного характера цепочки, если только какой-нибудь искусственный прием не сообщит этому сочетанию не свойственного ему от природы единства.

Такое определение дифтонга, подводящее его под общий принцип импловзивных отрезков, показывает, что дифтонг не есть, как это можно было бы подумать, нечто ни с чем не согласное, не укладывающееся в норму фонологическое явление. Нет надобности выделять его особо. Свойства его не представляют в действительности никакого интереса и никакой важности: важно фиксировать не конец сонанта, а его начало.

Сивере и многие лингвисты [127] различают на письме i , i , i , g , η и т. д. и i , y , y , g , η т. д. ($i =$ «неслоговые» i , $\wedge$ «слововые» i) и пишут *mirta*, *majrta*, *miarta*, тогда как мы пишем *mirta*, *mairta*, *myarta*. Найдя, что i и y относятся к одному и тому же фонологическому типу, они пожелали изображать их единым родовым знаком (это опять та же идея, будто звуковая цепочка состоит из сопологаемых звуковых типов). Но это написание, хотя и покоящееся на слуховом впечатлении, противоречит здравому смыслу и устраняет как раз наиболее существенное различие. Вследствие этого:

- 1);", и растворные ($=y$, w) смешиваются с i , i затворными, в результате чего становится невозможным отличить *лево* от *пеио*;
- 2) наоборот, расчлняются на два i , i затворные (ср. *mirta* и *mairta*). Вот не-

сколько примеров несообразности такого написания. Возьмем др.-греч. *dwis* и *dusi*, с другой стороны, *rhewo* и *rheuma*; эти два противопоставления происходят в тех же точно фонологических условиях и нормально отражаются одинаковым графическим противопоставлением: в зависимости от того, следует ли за и более или менее открытая фонема, оно становится то растворным (w), то затворным (и). Если же писать *dyis*, *dusi*, *rheyo*, *rheuma*, то все это различие стирается. Также и в индоевропейском языке оба ряда *mater*, *matrai*, *materes*, *matrsu* и *suneu*, *sunewai*, *sunewes*, *sunusu* строго параллельны в своей двойкой трактовке, с одной стороны—г, с другой стороны — и.

Ныне противопоставление имплозии и эксплозии отражается на письме по крайней мере в одном втором ряду; но, если принять критикуемое нами написание, это противопоставление исчезнет (*suneu*, *suneuai*, *suneyes*, *sunusu*). Не только следовало бы сохранить освященный обычай различения между растворными и затворными (u:w и т. д.), но и распространить их на всю систему и писать, к примеру: *mater*, *matpai*, *matepes*, *matrsu*; тогда слогоделение обнаружилось бы со всей очевидностью, а вокалические точки и слогоразделы выявились бы сами собой.

65

ОСНОВЫ ФОНОЛОГИИ

[Эти теории бросают свет на некоторые проблемы, лишь частично затронутые Ф. де Соссюром в его лекциях. Приведем несколько примеров.

1. Сивере приводит *beritnnnn* (нем. *berittenen*) в качестве типичного примера того, что один и тот же звук может функционировать попеременно: дважды как сонант и дважды как консонант (в действительности *η* функционирует как консонант только один раз; таким образом, следовало бы писать *beritnnn*, впрочем, это не столь важно). Нет более разительного примера, нежели этот, для иллюстрации того факта, что «звук» и «тип»—не синонимы. В самом деле, если бы мы ограничились только одним *п*, т. е. имплозией и артикуляцией выдержки, то мы получили бы только один долгий слог. Чтобы породить звукоряд, образованный из следующих друг за другом попеременно *η* (сонанта) и *п* (консонанта), необходимо вслед за имплозией (первое *п*) артикулировать эксплозию (второе *п*), а затем возобновить имплозивную артикуляцию (третье и). Поскольку каждая из этих двух имплозии не предваряется никакой другой имплозией, они имеют сонантный характер.

2. В таких французских словах, как *meurtrier*, *owner* и т. д., конечные отрезки их (*-trier*, *-vrier*) в прошлом были односложными (независимо, впрочем, от их произношения; см. прим. к стр. 60). Позднее их стали произносить в два слога (*meur-tri-er* с зиянием или без него, то есть *trie* или *trine*). Изменение произошло не путем постановки «слогового ударения» на (" , а путем преобразования его эксплозивной артикуляции в имплозивную.

Народ говорит *ouverier* вместо *ouvrier*—явление вполне сходное; только здесь изменил артикуляцию и стал сонантом второй элемент, а не третий: *uvrue-'* *uvrue*. Е могло развиваться позже, перед сонантом *г*.

3. Упомянем еще широкоизвестный факт появления протетического гласного перед «д+согласный» во французском языке: лат. *scutum* -> *iscutum* - *франц. *escu*, *escu*. Сочетание *sk*, как мы видели (см. выше), представляет собой разорванный звукоряд; *sic* является более естественным. Но это имплозивное *с* должно образовывать вокалическую точку, когда оно находится в начале предложения или когда предшествующее слово завершается согласным *с*

малой степенью раствора. Протетические *i*, *e* только подчеркивают это сонантное качество; всякое малозаметное фонологическое свойство имеет тенденцию возрастать, если только проявляется стремление его сохранить. То же самое явление воспроизводится и в *esclandre*, и в народном произношении *esquellette*, *estature*. Его же мы встречаем в вульгарном произношении предлога *de*, передаваемом через *ed*: *un oeil ed tanche*. В результате синкопы *de tanche* превратилось в *d'tanc-he*; но, чтобы дать себя обнаружить в этом положении, *d* должно быть имплозивным — *dtanche*, и перед ним развивается гласный, как в случаях, рассмотренных выше.

66

ФОНЕМА В РЕЧЕВОЙ ЦЕПОЧКЕ

4. Едва ли следует возвращаться к вопросу об индоевропейских сонантах и задаваться вопросом, например, о том, почему древневерхненемецкое *hagi* превратилось в *hagal*, тогда как *balg* осталось нетронутым. В этом последнем слове /— второй элемент имплозивной цепочки (*balg*)— выполняет функцию консонанта, и у него не было оснований менять свою функцию. Наоборот, равным образом имплозивное / в *hagi* образовывало вокалическую точку. Будучи сонантным, оно могло развить перед собой гласный с большей степенью раствора (*a*, если верить свидетельству написания). Впрочем, этот гласный с течением времени редуцировался, так что ныне *Ha-gel* опять произносят как *hag*}. Этим и отличается произношение этого слова от произношения французского *aigle*: / является в немецком слове затворным, а во французском слове растворным, с конечным немой *e* (*e^e*). (Прим. Балли и Сеше.)]

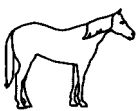
Часть первая **Общие принципы**

Глава I Природа языкового знака

§ 1. Знак, означаемое, означающее [128]

Многие полагают, что язык есть по существу номенклатура, то есть перечень названий, соответствующих каждое одной определенной вещи [129]. Например:

ARBOR

УТ.А

EQUOS

и т.д.

Такое представление может быть подвергнуто критике во многих отношениях. Оно предполагает наличие уже готовых понятий, предшествующих словам (см. стр. 113 и ел.); оно ничего не говорит о том, какова природа названия — звуковая или психическая, ибо слово *arbor* может рассматриваться и под тем и под другим углом зрения; наконец, оно позволяет думать, что связь, соединяющая название с вещью, есть нечто совершенно простое, а это весьма далеко от истины. Тем не менее такая упрощенная точка зрения может приблизить нас к истине, ибо она свидетельствует о том, что единица языка есть нечто двойствен-

ное, образованное из соединения двух компонентов.

Рассматривая акт речи, мы уже выяснили (см. стр. 19 и ел.), что обе стороны языкового знака психичны и связываются в нашем мозгу ассоциативной связью. Мы особенно подчеркиваем этот момент.

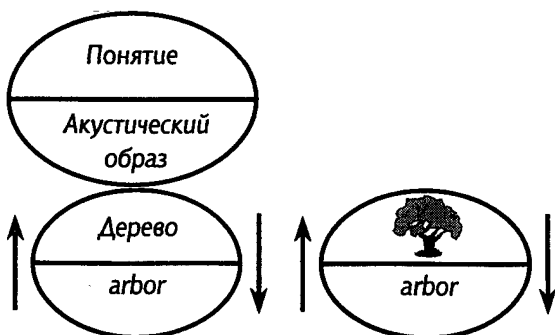
68

ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ [130]. Этот последний является не материальным звучанием, вещь чисто физической, а психическим впечатлом [131] звучания, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств; акустический образ имеет чувственную природу, и если нам случается называть его «материальным», то только по этой причине, а также для того, чтобы противопоставить его второму члену ассоциативной пары — понятию, в общем более абстрактному. Психический характер наших акустических образов хорошо обнаруживается при наблюдении над нашей собственной речевой практикой. Не двигая ни губами, ни языком, мы можем говорить сами с собой или мысленно повторять стихотворный отрывок. Именно потому, что слова языка являются для нас акустическими образами, не следует говорить о «фонемах», их составляющих. Этот термин, подразумевающий акт фонации, может относиться лишь к произносимому слову, к реализации внутреннего образа речи. Говоря о *звучах* и *слогах*, мы избежим этого недоразумения, если только будем помнить, что дело идет об акустическом образе.

Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность, которую можно изобразить следующим образом:

Оба эти элемента теснейшим образом связаны между собой и предполагают друг друга. Ищем ли мы смысл латинского *arbor* или, наоборот, слово, которым римлянин обозначал понятие «дерево», ясно, что только сопоставления типа

кажутся нам соответствующими действительности, и мы отбрасываем всякое иное сближение, которое может представиться воображению [132].

Термин «акустический образ» может показаться чересчур узким, так как наряду с представлением звуков слова есть еще и представление его артикуляций, мускульный образ акта фонации. Но для Ф. де Соссюра язык есть прежде всего клад, существующий в сознании говорящих (*depot*), нечто, полученное извне (см. стр. 21). Акустический образ является по преимуществу естественной репрезентацией слова, как факт виртуального языка вне какой-либо реализации его в речи. Двигательный аспект может, таким образом, лишь подразумеваться или, во всяком случае, занимать только подчиненное положение по отношению к акустическому образу [Прим. Баллы и Сеше].

69

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Это определение ставит важный терминологический вопрос [133]. Мы называем *знаком* соединение понятия и акустического образа, но в общепринятом употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ, например слово *arbor* и т. д. Забывают, что если *arbor* называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие «дерево», так что чувственная сторона знака предполагает знак как целое.

Двусмысленность исчезнет, если называть все три наличных понятия именами, предполагающими друг друга, но вместе с тем взаимно противопоставленными. Мы предлагаем сохранить слово *знак* для обозначения целого и заменить термины *понятие* и *акустический образ* соответственно терминами *означающее* и *означающее*; последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними самими, так и между целым и частями этого целого. Что же касается термина «знак», то мы довольствуемся им, не зная, чем его заменить, так как обиходный язык не предлагает никакого иного подходящего термина [134].

Языковой знак, как мы его определили, обладает двумя свойствами первостепенной важности. Указывая на них, мы тем самым формулируем основные принципы изучаемой нами области знания.

§ 2. Первый принцип: произвольность знака [135]

Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: *языковой знак произволен* [136].

Так, понятие «сестра» не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков *s-os:-r*, служащей во французском языке ее означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самим фактом существования различных языков: означающее «бык» выражается означающим *b-or-f* (франц. *boeuf*) по одну сторону языковой границы и означающим *o-k-s* (нем. *Ochs*) по другую сторону ее [137].

Принцип произвольности знака никем не оспаривается; но часто гораздо легче открыть истину, нежели указать подходящее ей место. Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы. Правда, не все они обнаруживаются с первого же взгляда с одинаковой очевидностью; их можно открыть только после многих усилий, но именно благодаря открытию этих последствий выясняется первостепенная важность названного принципа [138].

Заметим мимоходом: когда семиология сложится как наука, она должна будет поставить вопрос, относятся ли к ее компетенции [139] способы выражения, покоящиеся на знаках, в полной мере «естественных», как, например, пантомима. Но даже если семиология включит

70

ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

их в число своих объектов, все же главным предметом ее рассмотрения останется совокупность систем, основанных на произвольности знака. В самом деле, всякий принятый в данном обществе способ выражения в основном покоится на коллективной привычке или, что то же, на соглашении. Знаки учтивости, например, часто характеризуются некоторой «естественной» выразительностью (вспомним о ки-

тайцах, приветствовавших своего императора девятикратным падением ниц), тем не менее фиксируются правилом, именно это правило, а не внутренняя значимость обязывает нас применять эти знаки. Следовательно, можно сказать, что знаки, целиком произвольные, лучше других реализуют идеал семиологического подхода; вот почему язык—самая сложная и самая распространенная из систем выражения — является вместе с тем и наиболее характерной из них; в этом смысле лингвистика может служить моделью (*patron general*) для всей семиологии в целом, хотя язык—только одна из многих семиологических систем.

Для обозначения языкового знака, или, точнее, того, что мы называем означаемым, иногда пользуются словом *символ*. Но пользоваться им не вполне удобно именно в силу нашего первого принципа. Символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен;

он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означаемым и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей [140].

Слово *произвольный* также требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означаемое может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означаемое *немотивировано*, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи [141].

Отметим в заключение два возражения, которые могут быть выдвинуты против этого первого принципа.

1. В доказательство того, что выбор означаемого не всегда произволен, можно сослаться на *звукоподражания* [142]. Но ведь звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка. Число их к тому же гораздо ограниченной, чем обычно полагают. Такие французские слова, как *fouet* «хлыст», *glas* «колокольный звон», могут поразить ухо суггестивностью своего звучания, но достаточно обратиться к их латинским этимонам (*fouet orjagus* «бук», *glas* от *classicum* «звук трубы»), чтобы убедиться в том, что они первоначально не имели такого характера: качество их теперешнего звучания, или, вернее, приписываемое им теперь качество, есть случайный результат фонетической эволюции.

Что касается подлинных звукоподражаний типа *буль-буль*, *тик-так*, то они не только малочисленны, но и до некоторой степени произвольны, поскольку они лишь приблизительные и наполовину

71

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

условные имитации определенных звуков (ср. франц. *оиаоиа*, но нем. *waiwai* «гав! гав!»). Кроме того, войдя в язык, они в большей или меньшей степени поддаются под действие фонетической, морфологической и всякой иной эволюции, которой подвергаются и все остальные слова (ср. франц. *pigeon* «голубь», происходящее от на-роднолатинского *pirio*, восходящего в свою очередь к звукоподражанию),—очевидное доказательство того, что звукоподражания утратили нечто из своего первоначального характера и приобрели свойство языкового знака вообще, который, как уже указывалось, немотивирован.

2. Что касается междометий [143], весьма близких к звукоподражаниям, то о них можно сказать то же самое, что говорилось выше о звукоподражаниях. Они

также ничуть не опровергают нашего тезиса о произвольности языкового знака. Весьма соблазнительно рассматривать междометия как непосредственное выражение реальности, так сказать продиктованное самой природой. Однако в отношении большинства этих слов можно доказать отсутствие необходимой связи между означаемым и означающим. Достаточно сравнить соответствующие примеры из разных языков, чтобы убедиться, насколько в них различны эти выражения (например, франц. *ai'e!* соответствует нем. *ai!* «ой!»). Известно к тому же, что многие междометия восходят к знаменательным словам (ср. франц. *diable!* «черт возьми!» при *diable* «черт», *mordieu!* «черт возьми!» из *mort Dieu*, букв. «смерть бога» и т. д.).

Итак, и звукоподражания и междометия занимают в языке второстепенное место, а их символическое происхождение отчасти спорно.

§ 3. Второй принцип: линейный характер означающего [144]

Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение—это линия [145].

Об этом совершенно очевидном принципе сплошь и рядом не упоминают вовсе, по-видимому, именно потому, что считают его чересчур простым, между тем это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы. Он столь же важен, как и первый принцип. От него зависит весь механизм языка (см. стр. 123). В противоположность означающим, воспринимаемым зрительно (морские сигналы и т. п.), которые могут комбинироваться одновременно в нескольких измерениях, означающие, воспринимаемые на слух, располагают лишь линией времени; их элементы следуют один за другим, образуя цепь. Это их свойство обнаруживается воочию, как только мы переходим к изображению их на письме, заменяя

72

ПРИРОДА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

последовательность их во времени пространственным рядом графических знаков.

В некоторых случаях это не столь очевидно. Если, например, я делаю ударение на некотором слоге, то может показаться, что я куму-лирую в одной точке различные значимые элементы. Но это иллюзия;

слог и его ударение составляют лишь один акт фонации: внутри этого акта нет двойственности, но есть только различные противопоставления его со смежными элементами (см. по этому поводу стр. 130).

Глава II

Неизменчивость и изменчивость знака

§ 1. Неизменчивость знака [146]

Если по отношению к выражаемому им понятию означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано. У этого коллектива мнения не спрашивают, и выбранное языком означающее не может быть заменено другим. Этот факт, кажущийся противоречивым, можно было бы, грубо говоря, назвать «вынужденным ходом». Языку как бы говорят: «Выбирай!», но тут же добавляют: «... вот этот знак, а не другой!» Не только отдельный человек не мог бы, если бы захотел, ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принима-

ет язык таким, какой он есть (telle qu'elle).

Таким образом, язык не может быть уподоблен просто договору; именно с этой стороны языковой знак представляет особый интерес для изучения, ибо если мы хотим показать, что действующий в коллективе закон есть нечто, чему подчиняются, а не свободно принимают, то наиболее блестящим подтверждением этому является язык.

Рассмотрим, каким же образом языковой знак не подчиняется нашей воле, и укажем затем на вытекающие из этого важные следствия.

Во всякую эпоху, как бы далеко в прошлое мы ни углублялись, язык всегда выступает как наследие предшествующей эпохи. Нетрудно себе представить возможность в прошлом акта, в силу которого в определенный момент названия были присвоены вещам, то есть в силу которого было заключено соглашение о распределении определенных понятий по определенным акустическим образам, хотя реально такой акт никогда и нигде не был засвидетельствован. Мысль, что так могло произойти, подсказывается нам лишь нашим очень острым чувством произвольности знака.

Фактически всякое общество знает и всегда знало язык только как продукт, который унаследован от предшествующих поколений и который должен быть принят таким, как он есть. Вот почему вопрос о происхождении языка не так важен, как это обычно думают [147]. Такой вопрос не к чему даже ставить; единственный реальный объект лингвистики — это нормальная и регулярная жизнь уже сложившегося языка. Любое данное состояние языка всегда есть продукт

74

НЕИЗМЕНЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЗНАКА

исторических факторов, которые и объясняют, почему знак неизменчив, то есть почему он не поддается никакой произвольной замене.

Но утверждение, что язык есть наследие прошлого, решительно ничего не объясняет, если ограничиться только этим. Разве нельзя изменить в любую минуту существующие законы, унаследованные от прошлого?

Высказав такое сомнение, мы вынуждены, подчеркнув социальную природу языка, поставить вопрос так, как если бы мы его ставили в отношении прочих общественных установлений. Каким образом передаются эти последние? Таков более общий вопрос, покрывающий и вопрос о неизменчивости. Прежде всего надо выяснить, какой степенью свободы пользуются прочие общественные установления; мы увидим, что в отношении каждого из них баланс между навязанной обществу традицией и свободной от традиции деятельностью общества складывается по-разному. Затем надо выяснить, почему для данного общественного установления факторы первого рода более или, наоборот, менее действительны, чем факторы второго рода. И наконец, обратившись вновь к языку, мы должны спросить себя, почему исторический фактор преемственности господствует в нем полностью и исключает возможность какого-либо общего и внезапного изменения.

В ответ на этот вопрос можно было бы выдвинуть множество аргументов и указать, например, на то, что изменения языка не связаны со сменой поколений, которые вовсе не накладываются одно на другое наподобие ящиков комода, но перемешаны между собой и проникают одно в другое, причем каждое из них включает лиц различных возрастов. Можно было бы указать и на то, как много усилий требуется при обучении родному языку, чтобы прийти к выводу о не-

возможности общего изменения его. Можно было бы добавить, что рефлексия не участвует в пользовании тем или другим языком: сами говорящие в значительной мере не осознают законов языка, а раз они их не осознают, то каким же образом они могут их изменить? Допустим, однако, что говорящие относились бы сознательно к языковым фактам; тогда следовало бы напомнить, что эти факты не вызывают критики со стороны говорящих в том смысле, что каждый народ в общем доволен доставшимся ему языком.

Все эти соображения не лишены основания, но суть не в них: мы предпочитаем нижеследующие, более существенные, более прямые соображения, от которых зависят все прочие.

1. Произвольность знака. Выше мы приняли допущение о теоретической возможности изменения языка. Углубляясь в вопрос, мы видим, что в действительности сама произвольность знака защищает язык от всякой попытки сознательно изменить его. Говорящие, будь они даже сознательнее, чем есть на самом деле, не могли бы обсуждать вопросы языка. Ведь для того чтобы подвергать обсуждению какую-либо вещь, надо, чтобы она отвечала какой-то разумной норме. Можно, например, спорить, какая форма

75

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

брака рациональнее — моногамия или полигамия, и приводить доводы в пользу той или другой. Можно также обсуждать систему символов, потому что символ связан с обозначаемой вещью рационально (см. стр. 71); в отношении же языка, системы произвольных знаков, не на что опереться. Вот почему исчезает всякая почва для обсуждения: ведь нет никаких оснований для того, чтобы предпочесть означаемое *saeur* означаемому *sister* для понятия «сестра» и означаемое *Ochs* означаемому боги/для понятия «бык».

2. Множественность знаков, необходимых в любом языке. Значение этого обстоятельства немаловажно. Система письма, состоящая из 20-40 букв, может быть, если на то пошло, заменена другою. То же самое можно было бы сделать и с языком, если бы число элементов, его составляющих, было ограниченным. Но число знаков языка бесконечно.

3. Слишком сложный характер системы. Язык является системой. Хотя, как мы увидим ниже, с этой именно стороны он не целиком произволен и, таким образом, в нем господствует относительная разумность, но вместе с тем именно здесь и обнаруживается неспособность говорящих преобразовать его. Дело в том, что эта система представляет собой сложный механизм и постичь ее можно лишь путем специальных размышлений. Даже те, кто изо дня в день ею пользуются, о самой системе ничего не знают. Можно было бы представить себе возможность преобразования языка лишь путем вмешательства специалистов, грамматистов, логиков и т. д. Но опыт показывает, что до сего времени такого рода попытки успеха не имели.

4. Сопротивление коллективной косности любым языковым инновациям. Все вышеуказанные соображения уступают по своей убедительности следующему: в каждый данный момент язык есть дело всех и каждого; будучи распространен в некотором коллективе и служа ему, язык есть нечто такое, чем каждый человек пользуется ежечасно, ежеминутно [148]. В этом отношении его никак нельзя сравнивать с другими общественными установлениями. Предписания закона, обряды религии, морские сигналы и пр. затрагивают единовременно лишь ограниченное количество лиц и на ограниченный срок; напротив, языком каждый

пользуется ежеминутно, почему язык и испытывает постоянное влияние всех. Это фундаментальный фактор, и его одного достаточно, чтобы показать невозможность революции в языке. Из всех общественных установлений язык предоставляет меньше всего возможностей для проявления инициативы. Он составляет неотъемлемую часть жизни общества, которое, будучи по природе инертным, выступает прежде всего как консервативный фактор.

Однако еще недостаточно сказать, что язык есть продукт социальных сил, чтобы стало очевидно, что он несвободен; помня, что язык всегда унаследован от предшествующей эпохи, мы должны добавить,

76

НЕИЗМЕНЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЗНАКА

что те социальные силы, продуктом которых он является, действуют в зависимости от времени. Язык устойчив не только потому, что он привязан к косной массе коллектива, но и вследствие того, что он существует во времени. Эти два факта неотделимы. Связь с прошлым ежеминутно препятствует свободе выбора. Мы говорим *человек* и *собака*, потому что и до нас говорили *человек* и *собака* [149]. Это не препятствует тому, что во всем явлении в целом всегда налицо связь между двумя противоречивыми факторами—произвольным соглашением, в силу которого выбор означаемого свободен, и временем, благодаря которому этот выбор оказывается жестко определенным. Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию [150].

§ 2. Изменчивость знака [151]

Время, обеспечивающее непрерывность языка, оказывает на него и другое действие, которое на первый взгляд противоположно первому, а именно: оно с большей или меньшей быстротой изменяет языковые знаки, так что в известном смысле можно говорить одновременно как о неизменности языкового знака, так и о изменчивости его' [152].

В конце концов, оба эти факта взаимно обусловлены: знак может изменяться, потому что его существование не прерывается. При всяком изменении преобладающим моментом является устойчивость прежнего материала, неверность прошлому лишь относительна. Вот почему принцип изменения опирается на принцип непрерывности.

Изменение во времени принимает различные формы, каждая из которых могла бы послужить материалом для большой главы в теории лингвистики [153]. Не вдаваясь в подробности, необходимо подчеркнуть следующее.

Прежде всего требуется правильно понимать смысл, который приписывается здесь слову «изменение». Оно может породить мысль, что в данном случае речь идет специально о фонетических изменениях, претерпеваемых означаемым, или же специально о смысловых изменениях, затрагивающих обозначаемое понятие. Такое понимание изменения было бы недостаточным. Каковы бы ни были факторы изменения, действуют ли они изолированно или в сочетании друг с другом, они всегда приводят к *сдвигу отношения между означаемым и означающим* [154].

Вот несколько примеров. Лат. *pesage*, означающее «убивать», превратилось во французском в *louer* со значением «топить (в воде)». Изменились и акустический образ и понятие; однако бесполезно

Было бы несправедливо упрекать Ф. де Соссюра в нелогичности или парадоксальности в связи с тем, что он приписывает языку два противоречивых каче-

ства. Противопоставлением двух антонимичных терминов он лишь хотел резче подчеркнуть ту истину, что язык изменяется, а говорящие на нем изменить его не могут. Эту же мысль можно было бы выразить иначе; язык неприкосновенен, (*intangible*), но не неизменяем (*inalterable*).

77

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

различать обе эти стороны данного факта, достаточно констатировать *in globo*, что связь понятия со знаком [155] ослабла и что произошел сдвиг в отношениях между ними. Несколько иначе обстоит дело, если сравнивать классически латинское *pesage* не с французским *poeur*, а с народнолатинским *pesage* IV и V вв., означавшим «топить»; но и здесь, при отсутствии изменения в означаемом, имеется сдвиг в отношении между понятием и знаком.

Старонемецкое *dritteil* «треть» в современном немецком языке превратилось в *Drittel*. В данном случае, хотя понятие осталось тем же, отношение между ним и означаемым изменилось двояким образом: означаемое видоизменилось не только в своем материальном аспекте, но и в своей грамматической форме; оно более не включает элемента *Teil* «часть», оно стало простым словом. Так или иначе, и здесь имеет место сдвиг в отношении между понятием и знаком. В англосаксонском языке дописьменная форма, *jot* «нога» сохранилась в виде *ло/* (совр. *англ. foot*), а форма мн. *4*j5ti* «ноги» превратилась в *•&fet* (совр. *англ. feet*). Какие бы изменения здесь ни подразумевались, ясно одно: произошел сдвиг в отношении, возникли новые соответствия между звуковым материалом и понятием [156].

Язык коренным образом не способен сопротивляться факторам, постоянно меняющим отношения между означаемым и означаемым. Это одно из следствий, вытекающих из принципа произвольности знака.

Прочие общественные установления—обычаи, законы и т. п.—основаны, в различной степени, на естественных отношениях вещей; в них есть необходимое соответствие между использованными средствами и поставленными целями.

Даже мода, определяющая наш костюм, не вполне произвольна: нельзя отклониться далее определенной меры от условий, диктуемых свойствами человеческого тела. Язык же, напротив, ничем не ограничен в выборе своих средств, ибо нельзя себе представить, что могло бы воспрепятствовать ассоциации какого угодно понятия с какой угодно последовательностью звуков [157].

Желая ясно показать, что язык есть общественное установление в чистом виде, Уитни справедливо подчеркивал произвольный характер знаков [158]: тем самым он направил лингвистику по правильному пути. Однако он не развил до конца это положение и не разглядел, что своим произвольным характером язык резко отличается от всех прочих общественных установлений. Это ясно обнаруживается в том, как он развивается; нет ничего сложнее его развития: так как язык существует одновременно и в обществе и во времени, то никто ничего не может в нем изменить; между тем произвольность его знаков теоретически обеспечивает свободу устанавливать любые отношения между звуковым материалом и понятиями. Из этого следует, что оба элемента, объединенные в знаке, живут в небывалой степени обособленно и что язык изменяется, или, вернее, эволюционирует, под воздействием всех сил, которые могут повлиять либо на звуки, либо на смысл. Эта

78

эволюция является неизбежной: нет языка, который был бы от нее свободен. По истечении некоторого промежутка времени в каждом языке можно всегда констатировать ощутимые сдвиги.

Это настолько верно, что принцип этот можно проверить и на материале искусственных языков. Любой искусственный язык, пока он еще не перешел в общее пользование, является собственностью автора, но, как только он начинает выполнять свое назначение и становится общим достоянием, контроль над ним теряется. К числу языков этого рода принадлежит эсперанто; если он получит распространение, ускользнет ли он от неизбежного действия закона эволюции? По истечении первого периода своего существования этот язык подчинится, по всей вероятности, условиям семиологического развития: он станет передаваться в силу законов, ничего общего не имеющих с законами, управляющими тем, что создается продуманно; возврат к исходному положению будет уже невозможен. Человек, который пожелал бы создать неизменяющийся язык для будущих поколений, походил бы на курицу, высидевшую утиное яйцо: созданный **им** язык волей-неволей был бы захвачен течением, увлекающим вообще все языки [159].

Непрерывность знака во времени, связанная с его изменением во времени, есть принцип общей семиологии: этому можно было бы найти подтверждения в системе письма, в языке глухонемых и т. д.

Но на чем же основывается необходимость изменения? Нас могут упрекнуть в том, что мы разъяснили этот пункт в меньшей степени, нежели принцип неизменчивости. Это объясняется тем, что мы не выделили различных факторов изменения; надо было бы рассмотреть их во всем разнообразии, чтобы установить, в какой степени они необходимы.

Причины непрерывности а priori доступны наблюдению; иначе обстоит дело с причинами изменения во времени. Лучше пока отказаться от их точного выяснения и ограничиться общими рассуждениями о сдвиге отношений. Время изменяет все, и нет оснований считать, что язык представляет исключение из этого общего правила [160].

Резюмируем этапы нашего рассуждения, увязывая их с установленными во введении принципами.

1. Избегая бесплодных дефиниций слов, мы прежде всего выделили внутри общего явления, каким является/сетевая *деятельность*, две ее составляющих (facteur): язык и *речь*. Язык для нас — это речевая деятельность минус речь. Он есть совокупность языковых навыков, позволяющих отдельному человеку понимать других и быть ими понятым.

2. Но такое определение все еще оставляет язык вне социальной реальности, оно представляет его чем-то нереальным, так как включает лишь один аспект реальности, аспект индивидуальный: чтобы был язык, нужен говорящий коллектив. Вопреки видимости, язык никогда не существует вне общества, ибо язык—это семиологическое явление [161]. Его социальная природа—одно из его внутренних свойств;

Говорящий коллектив

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

полное его определение ставит нас перед лицом двух неразрывно связанных явлений, как это показано на нижеследующей схеме:

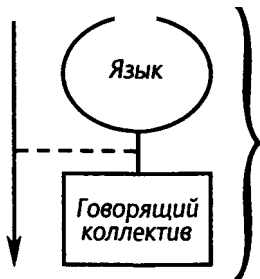
Но в этих условиях язык только жив- | неспособен, но еще не живет; мы приня- , ли во внимание лишь социальную реаль- ; ность, но не исторический факт [162].]

3. Может показаться, что язык в силу произвольности языкового знака представляет собой свободную систему, организуемую по воле говорящих, зависящую исклю- | чительно от принципа рациональности. \ Такой точке зрения, собственно, не противо- \ речит и социальный характер языка, взятый .| сам по себе. Конечно, коллективная психо- I логия не оперирует чисто логическим материалом; нелишне вспомнить и о том, как ра зум сдает свои позиции в практических отношениях между людьми. И все же рассматривать язык как простую условность, доступную изменению по воле заинтересованных лиц, препятствует нам не это, но действие времени, сочетающееся с действием социальных сил; вне категории времени языковая реальность неполна, и никакие заключения относительно нее невозможны.

Если бы мы взяли язык во времени, но отвлеклись от говорящего коллектива (представим себе человека, живущего изолированно в течение многих веков), то мы не обнаружили бы в нем, возможно, никакого изменения: время было бы не властно над ним. И наоборот, если мы будем рассматривать говорящий коллектив вне времени, то не увидим действия на язык социальных сил. Чтобы приблизиться к реальности, нужно, следовательно, добавить к приведенной выше схеме знак, указывающий на движение времени:

Теперь уже язык теряет свою свободу, так как время позволяет воздействующим на него социальным силам оказывать свое действие; мы приходим, таким образом, к принципу непрерывности, аннулирующей свободу. Однако непрерывность по необходимости подразумевает изменение, то есть более или менее значительные сдвиги в отношениях между означаемым и означающим.

Время _ \

Глава III

Статическая лингвистика и эволюционная лингвистика

§ 1. Внутренняя двойственность всех наук, оперирующих понятием значимости [163]

Едва ли многие лингвисты догадываются, что появление фактора времени спо-

собно создать лингвистике особые затруднения и ставит ее перед двумя расходящимися в разные стороны путями.

Большинство наук не знает этой коренной двойственности: фактор времени не сказывается на них сколь-нибудь существенным образом. Астрономия установила, что небесные светила претерпевают заметные изменения, но ей не пришлось из-за этого расчлениваться на две дисциплины. Геология почти всегда имеет дело с последовательными изменениями во времени, но, когда она переходит к уже сложившимся состояниям земли, эти состояния не рассматриваются как предмет совсем другой науки. Есть описательная наука о праве и есть история права, но никто не противопоставляет их друг другу. Политическая история государств разворачивается целиком во времени, однако, когда историк рисует картину какой-либо эпохи, у нас не создается впечатления, что мы выходим за пределы истории. И наоборот, наука о политических институтах является по существу своему наукой описательной, но она отлично может, когда встретится надобность, рассматривать исторические вопросы, не теряя при этом своего единства [164].

Наоборот, та двойственность, о которой мы говорим, властно тяготеет, например, над экономическими науками. В противоположность указанным выше отраслям знания политическая экономия и экономическая история составляют две резко разграниченные дисциплины в недрах одной науки. Это различие двух дисциплин особо подчеркивается в экономических работах последних лет [165]. Разграничивая указанные дисциплины, специалисты по политической экономии подчиняются внутренней необходимости, хотя и не отдают себе в этом полного отчета. Вполне аналогичная необходимость заставляет и нас членить лингвистику на две части, каждая из которых имеет свои собственные основания. Дело в том, что в лингвистике, как и в политической экономии, мы сталкиваемся с понятием *значимости*. В политической экономии ее именуют *стоимостью*. В обеих науках речь идет о *системе эквивалентностей между вещами различной природы*:

в политической экономии — между трудом и заработной платой,
81

с
у

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

в лингвистике—между означаемым и означающим [166]. Совершенно очевидно, что в интересах всех вообще наук следовало бы более тщательно разграничивать те оси, по которым располагаются входящие в их компетенцию объекты. Всюду следовало бы различать, как указано на нижеследующем рисунке:

1) *ось одновременности* (AB), касающуюся отношений между сосуществующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, и 2) *ось последовательности* (CD),

А ————— | ————— В на которой никогда нельзя
рассматривать больше од

ной вещи сразу и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями.

η

Для наук, оперирующих понятием значимости, такое различие становится практической необходимостью, а в некоторых случаях—абсолютной необходимостью. Смело можно сказать, что в этих областях невозможно строго научно организовать исследование, не принимая в расчет нали-

чия двух осей, не различая системы значимостей, взятых сами по себе, и этих же значимостей, рассматриваемых как функция времени.

С наибольшей категоричностью различение это обязательно для лингвиста, ибо язык есть система чистых значимостей, определяемая исключительно наличным состоянием входящих в нее элементов. Поскольку одной из своих сторон значимость связана с реальными вещами и с их естественными отношениями (как это имеет место в экономической науке: например, ценность земельного участка пропорциональна его доходности), постольку можно до некоторой степени проследить эту значимость во времени, не упуская, однако, при этом из виду, что в каждый данный момент она зависит от системы сосуществующих с ней других значимостей. Тем не менее ее связь с вещами дает ей естественную базу, а потому вытекающие из этого оценки никогда не являются вполне произвольными, они могут варьировать, но в ограниченных пределах. Однако, как мы видели, естественные вещи и их отношения вообще не имеют отношения к лингвистике [167].

Следует, далее, заметить, что чем сложнее и строже организована система значимостей, тем необходимее, именно вследствие сложности этой системы, изучать ее последовательно, по обеим осям. Никакая система не может сравниться в этом отношении с языком:

нигде мы не имеем в наличии такой точности обращаящихся значимостей, такого большого количества и такого разнообразия эле-

I)
82

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
ментов, и притом связанных такими строгими взаимозависимостями. Множественность знаков, о которой мы уже говорили при рассмотрении непрерывности языка, полностью препятствует одновременному изучению отношений знаков во времени и их отношений в системе.

Вот почему мы различаем две лингвистики. Как их назвать? Не все предлагаемые термины в полной мере способны обозначить проводимое нами различение. Термины «история» и «историческая лингвистика» непригодны, так как они связаны со слишком расплывчатыми понятиями [168]; поскольку политическая история включает и описание отдельных эпох и повествование о событиях, постольку можно было бы вообразить, что, описывая последовательные состояния языка, мы тем самым изучаем язык, следуя по вертикальной, временной оси; для этого пришлось бы тогда рассмотреть отдельно те явления, которые заставляют язык переходить из одного состояния в другое. Термины *эволюция* и *эволюционная лингвистика* более точны, и мы часто будем ими пользоваться; по контрасту другую науку можно было бы называть наукой о *состояниях языка* или *статической лингвистикой* [169].

Однако, чтобы резче оттенить это противопоставление и это скрещение двоякого рода явлений, относящихся к одному объекту, мы предпочитаем говорить о *синхронической* лингвистике и о *диахронической* лингвистике [170]. Синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все, что касается эволюции. Существительные же *синхрония* и *диахрония* будут соответственно обозначать состояние языка и фазу эволюции.

§ 2. Внутренняя двойственность и история лингвистики [171]

Первое, что поражает, когда приступаешь к изучению языка, — это то, что для говорящего не существует последовательности этих фактов во времени: ему

непосредственно дано только **их** состояние. Поэтому и лингвист, желающий понять это состояние, должен закрыть глаза на то, как оно получилось, и пре-небечь диахронией.

Только отбросив прошлое, он может проникнуть в сознание говорящих. Вторжение истории может только сбить его с толку. Было бы нелепостью, рисуя панораму Альп, фиксировать ее одновременно с нескольких вершин Юрских гор, панорама должна быть зафиксирована из одной точки. Так и в отношении языка: нельзя ни описывать его, ни устанавливать нормы его применения, не отрываясь от одного определенного его состояния. Следуя за эволюцией языка, лингвист уподобляется наблюдателю, который передвигается с одного конца Юрских гор до другого, отмечая при этом изменения перспективы.

Можно сказать, что современная лингвистика, едва возникнув, с головой ушла в диахронию. Сравнительная грамматика индоевропейских языков использует добытые ею данные для гипотетической

83

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

реконструкции предшествующего языкового типа; для нее сравнение не более как средство воссоздания прошлого. Тот же метод применяется и при изучении языковых подгрупп (романских языков, германских языков и т. д.), состояния языка привлекаются лишь отрывочно и весьма несовершенным образом. Таково направление, начало которому положил Бопп; поэтому его научное понимание языка неоднородно и шатко [172].

С другой стороны, как поступали те, кто изучал язык до возникновения лингвистической науки, то есть «грамматисты», вдохновлявшиеся традиционными методами? Любопытно отметить, что их точка зрения по занимающему нас вопросу абсолютно безупречна. Их работы ясно показывают нам, что они стремились описывать состояния; их программа была строго синхронической. Например, так называемая грамматика Пор-Ройяля пытается описать состояние французского языка в эпоху Людовика XIV и определить составляющие его значимости. Для этого у нее не возникает необходимости обращаться к средневековому французскому языку; она строго следует горизонтальной оси (см. стр. 82) и никогда от нее не отклоняется. Такой метод верен;

это не значит, впрочем, что он применялся безукоризненно. Традиционная грамматика игнорирует целые отделы лингвистики, как, например, отдел о словообразовании; она нормативна и считает нужным предписывать правила, а не констатировать факты; она упускает из виду целое; часто она не умеет даже отличить написанное слово от произносимого и т. п. [173].

Классическую грамматику упрекали в том, что она не научна, между тем ее научная база менее подвержена критике, а ее предмет лучше определен, чем у той лингвистики, которую основал Бопп. Эта последняя, покоясь на неопределенном основании, не знает даже в точности, к какой цели она стремится. Не умея строго разграничить наличное состояние и последовательность состояний во времени, она совмещает два подхода одновременно (*elle est a cheval sur deux domaines*).

Лингвистика уделяла слишком большое место истории; теперь ей предстоит вернуться к статической точке зрения традиционной грамматики, но уже понятой в новом духе, обогащенной новыми приемами и обновленной историческим методом, который, таким образом, косвенно помогает лучше осознавать состояния языка. Прежняя грамматика видела лишь синхронический факт; лингвис-

тика открыла нам новый ряд явлений, но этого недостаточно: надо почувствовать противоположность обоих подходов, чтобы извлечь из этого все вытекающие последствия [174].

84

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА

§ 3. Внутренняя двойственность лингвистики, показанная на примерах [175]

Противоположность двух точек зрения—синхронической и диахронической — совершенно абсолютна и не терпит компромисса [176]. Приведем несколько фактов, чтобы показать, в чем состоит это различие и почему оно неустранимо. Латинское *crispus* «волнистый, курчавый» оставило в наследство французскому языку корень *сгеп-*, откуда таголы *сгепир* «покрывать штукатуркой» и *дегепир* «отбивать штукатурку». С другой стороны, в какой-то момент из латинского языка во французский было заимствовано слово *decrepitus* «дряхлый» с неясной этимологией, и из него получилось *decrepit* с тем же значением. Несомненно, в настоящее время говорящие связывают между собою *ип тур дегепи* «облупившаяся стена» и *ип homme decrepit* «дряхлый человек», хотя исторически эти два слова ничего общего между собой не имеют; часто *говорт facade decrepite d'une maison* в смысле «облупившийся фасад дома». И это есть факт статический, поскольку речь идет об отношении между двумя сосуществующими в языке явлениями. Для того чтобы он проявился, оказалось необходимым стечение целого ряда обстоятельств из области эволюции: потребовалось, чтобы *crisp-* стало произноситься *сгеп-* и чтобы в некий момент из латинского было заимствовано новое слово. Вполне очевидно, что эти диахронические факты не находятся ни в каком отношении с порожденным ими синхроническим фактом; они — явления иного порядка.

Вот еще один пример, имеющий общее значение. В древневерхненемецком языке множественное число от существительного *gast* «гость» первоначально имело форму *gasti*, от существительного *hant* «рука» — *ahanti* и т. д. Впоследствии это *i* вызвало умлаут, то есть привело к изменению (в предшествующем слоге) две: *gasti-^{*}gesti*, *han-ti-[^]henti*. Затем это; утратило свой тембр, откуда *gesti-[^]geste* и т. д. В результате ныне мы имеем *Gast: Gaste, Hand: Hande*; целый разряд слов обнаруживает то же различие между единственным и множественным числом. Аналогичное, в общем, явление произошло и в англосаксонском языке: первоначально было *fof* «нога», мн. ч. **/5ft"*; *top* «зуб», мн.ч. **topi*; *gos* «гусь», мн.ч. **gosi* и т. д.; затем, в результате первого фонетического изменения — умлаута, **foti* превратилось в **jeti*, а в результате второго фонетического изменения—падения конечного *'—*/ей"* пало *jet*, так возникло отношение ед. ч. *jot*: мн. ч. *jet* и аналогично *top: tep*, *gos: ges* (совр. англ. *foot: feet*, *tooth: teeth*, *goose: geese*).

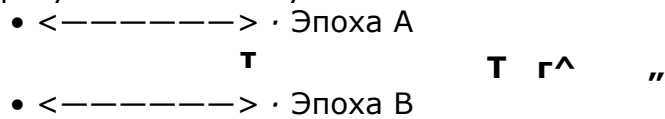
Первоначально, когда говорили *gast: gast*, *fof: foti*, множественное число выражалось простым прибавлением *i*; *Gast: Gaste* и *fof: jet* выявляют иной механизм для выражения множественного числа. Этот механизм неодинаков в обоих случаях: в староанглийском — только противопоставление гласных, в немецком — еще и наличие или отсутствие конечного *-e*, но это различие для нас несущественно.

85

Отношение между единственным числом и множественным, образованным от него, каковы бы ни были их формы, для каждого данного момента может быть выражено на горизонтальной оси, а именно

Эпоха А Эпоха В

Те же факты (каковы бы они ни были), которые вызвали переход от одной формы к другой, должны, наоборот, быть расположены на вертикальной оси, так что в результате мы получаем

Наш типовой пример порождает целый ряд соображений, непосредственно относящихся к нашей теме:

1. Диахронические факты вовсе не имеют своей целью выразить другим знаком какую-то определенную значимость в языке:

переход *gasti* в *gesti*, *geste* (*Gaste*) несколько не связан с множественным числом существительных, так как в *tragit-^tragt* тот же умлаут связан со спряжением. Таким образом, диахронический факт является самодовлеющим событием, и те конкретные синхронические последствия, которые могут из него проистекать, ему совершенно чужды [177].

2. Диахронические факты вовсе не стремятся изменить систему. Здесь отсутствует намерение перейти от одной системы отношений к другой; перемена касается не упорядоченного целого, а только отдельных элементов его [178].

Здесь мы снова встречаемся с уже высказанным нами принципом: система никогда не изменяется непосредственно, сама по себе она неизменна, изменению подвержены только отдельные элементы независимо от связи, которая соединяет их со всей совокупностью.

Это можно сравнить с тем, как если бы одна из планет, обращающаяся вокруг Солнца, изменилась в размере и массе:

этот изолированный факт повлек бы за собой общие последствия и нарушил бы равновесие всей солнечной системы в целом. Для выражения множественного числа необходимо противопоставление двух явлений: либо/oi: *foti, *nuQofof./et*; эти два способа в равной мере возможны, и говорящие перешли от одного к другому, как бы и не прикасаясь к ним: не целое было сдвинуто и не одна система породила другую, но один из элементов первой системы изменился, и этого оказалось достаточно для того, чтобы произвести новую систему.

3. Это наблюдение помогает нам понять случайный характер всякого состояния. В противоположность часто встречающемуся ошибочному представлению язык не есть механизм, созданный и

86

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА приспособленный для выражения понятий. Наоборот, как мы видели, новое состояние, порожденное изменением каких-либо его элементов, вовсе не предназначается для выражения значений, которыми оно оказалось пропитанным. Дано случайное состояние *jot*:

jet, и им воспользовались для выражения различия между единственным и множественным числом. Противопоставление *jot'*, *jet* служит этому не лучше, чем *jot*: *joti. Каждый раз, как возникает новое состояние, разум одухотворяет уже данную материю и как бы вдыхает в нее жизнь. Этот взгляд, внушенный нам исторической лингвистикой, не был известен традиционной грамматике, которая свойст-

венными ей методами не могла бы никогда прийти к нему. Равным образом ничего о нем не знает и большинство философов, между тем нет ничего более важного с философской точки зрения, чем эта концепция [179].

4. Имеют ли факты, принадлежащие к диахроническому ряду, по крайней мере ту же природу, что и факты синхронического ряда? Нет, не имеют, ибо, как мы уже установили, изменения происходят без всякого намерения. Синхронический факт, напротив, всегда облечен значением; он всегда апеллирует к двум одновременно существующим членам отношения: множественное число выражается не формой *Gaste*, а противоположением *Gast: Gaste*. В диахроническом плане верно как раз обратное: он затрагивает лишь один член отношения и для появления новой формы *Gaste* надо, чтобы старая форма *gasti* уступила ей место и исчезла.

Попытка объединить внутри одной дисциплины столь различные по характеру факты представляется фантастическим предприятием. В диахронической перспективе мы имеем дело с явлениями, которые не имеют никакого отношения к системам, хотя и обуславливают их.

Приведем еще несколько примеров, подтверждающих и дополняющих выводы, извлеченные из первых.

Во французском языке ударение всегда падает на последний слог, если только он не содержит в себе немого *e* (э). Это факт синхронический: отношение между совокупностью французских слов и ударением французского слова. Откуда он взялся? Из предшествовавшего состояния. В латинском языке система ударения была иная и более сложная: ударение падало на предпоследний слог, если он был долгим; если же он был кратким, то ударение переносилось на третий слог от конца (ср. *amicus* «друг», но *agata* «душа»). Этот закон описывает отношения, не имеющие ни малейшей аналогии с законом французского ударения. Тем не менее это то же самое ударение — в том смысле, что оно осталось на тех же местах; во французском слове оно падает всегда на тот слог, который имел его в латинском языке: *amicum*-[^]*ami*, *animam*-[^]*ame*. Между тем формулы ударения во французском и латинском различны, и это потому, что изменилась форма слов. Как известно, все, что

87

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

следовало за ударением, либо исчезло, либо свелось к немому *e*. Вследствие этого изменения слова позиция ударения по отношению к целому слову стала иной; в результате говорящие, сознавая наличие нового отношения, стали инстинктивно ставить ударение на последнем слоге даже в заимствованных, унаследованных через письменность словах (*facile*, *consul*, *ticket*, *burgrave* и т. п.). Ясно, что у говорящих не было намерения изменить систему, сознательного стремления к новой формуле ударения, ибо в словах типа *amicum*->*ami* ударение осталось на прежнем слоге; однако тут вмешалась диахрония: место ударения оказалось измененным, хотя к нему никто и не прикасался. Закон ударения, как и все, относящееся к лингвистической системе, есть соотношение (*disposition*) членов системы, то есть случайный и невольный результат эволюции [180].

Приведем еще более разительный пример. В старославянском языке *льто* имеет в творительном падеже единственного числа форму *л·ѣтомъ*, в именительном падеже множественного числа — *лѣта*, в родительном падеже множественного числа — *яьтъ* и т. д.; в этом склонении у каждого падежа свое окончание. Однако славянские «слабые» гласные *ь* и *ъ*, восходящие к и.-е. *i* и *i*, в конце кон-

цов, исчезли; вследствие этого данное существительное, например, в русском языке, склоняется так: *лето, летом, лета, лет*. Равным образом/ука склоняется так: вин. п. ед. ч. *руку*, им. п. мн. ч. *руки*, род. п. мн. ч. *рук* и т. д. Таким образом, здесь в *формах, лет, рук* показателем родительного падежа множественного числа является нуль [181]. И так, оказывается, что материальный знак [182] не является необходимым для выражения понятия; язык может ограничиться противопоставлением чего-либо ничему. Так, в приведенном примере мы узнаем родительный падеж множественного числа *рук* просто потому, что это *т рука, т руку*, ни какая-либо из прочих форм. На первый взгляд кажется странным, что столь специфическое понятие, как понятие родительного падежа множественного числа, стало обозначаться *нулем*, но это как раз доказывает, что все происходит по чистой случайности. Язык есть механизм, продолжающий функционировать, несмотря на повреждения, которые ему наносятся. Все вышеизложенное подтверждает уже сформулированные нами принципы, которые мы резюмируем здесь следующим образом:

Язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности.

Изменения никогда не происходят во всей системе в целом, а лишь в том или другом из ее элементов, они могут изучаться только вне ее. Конечно, всякое изменение сказывается в свою очередь на системе, но исходный факт затрагивает лишь одну ее точку; он не находится ни в какой внутренней связи с теми последствиями, которые могут из него проистечь для целого. Это различие по существу между сменяющимися

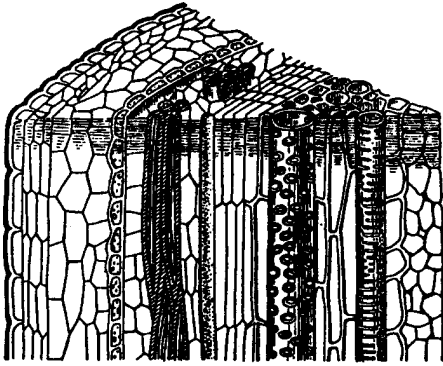
88

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
элементами и элементами сосуществующими, между частными фактами и фактами, затрагивающими систему, препятствует изучению тех и других в рамках одной науки [183].

§ 4. Различие синхронии и диахронии, показанное на сравнениях [184]

Чтобы показать одновременно и автономность и зависимость синхронического ряда от диахронического, первый из них можно сравнить с проекцией тела на плоскость. В самом деле, всякая проекция непосредственно зависит от проецируемого тела, и все-таки она представляет собою нечто особое, отличное от самого тела. Иначе не было бы специальной науки о проекциях: достаточно было бы рассматривать сами тела. В лингвистике таково же отношение между исторической действительностью и данным состоянием языка, представляющим как бы проекцию этой действительности в тот или иной момент. Синхронические состояния познаются не путем изучения тел, то есть диахронических событий, подобно тому как понятие геометрических проекций не постигается в результате изучения, хотя бы весьма пристального, различных видов тел. Возьмем еще одно сравнение, воспользовавшись следующим рисунком:

Если сделать поперечный срез стебля растения, то на месте среза мы увидим более или менее сложный рисунок — это не что иное, как перспектива продольных волокон, которые мы и обнаружим, если произведем второй срез, перпендикулярный первому. Здесь опять одна из перспектив зависит от другой: продольный срез показывает нам самые волокна, образующие растение, а поперечный срез — их группировку на перпендикулярной им плоскости; но второй срез отличается от первого, ибо он обнаруживает между волокнами некоторые отношения, не доступные наблюдению на продольной плоскости [185].

89

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Из всех сравнений, которые можно было бы придумать, наиболее показательным является сравнение, которое можно провести между функционированием языка и *игрой* в шахматы [186]. И здесь и там налицо система значимостей и наблюдаемое изменение их. Партия в шахматы есть как бы искусственная реализация того, что в естественной форме представлено в языке. Рассмотрим это сравнение детальнее. Прежде всего, понятие позиции в шахматной игре во многом соответствует понятию состояния в языке. Соответствующая значимость фигур зависит от их положения в каждый данный момент на доске, подобно тому как в языке значимость каждого элемента зависит лишь от его противоположения всем прочим элементам.

Далее, система всегда моментальна; она видоизменяется от позиции к позиции. Правда, значимость фигур зависит также, и даже главным образом, от неизменного соглашения: от правил игры, существующих еще до начала партии и сохраняющих свою силу после каждого хода. Но такие правила, принятые раз навсегда, существуют и в области языка: это неизменные принципы семиологии.

Наконец, для перехода от одного состояния равновесия к другому или — согласно принятой нами терминологии — от одной синхронии к другой достаточно сделать ход одной фигурой; не требуется передвижки всех фигур сразу. Здесь мы имеем полное соответствие диахроническому факту со всеми его особенностями. В самом деле:

- а) Каждый шахматный ход приводит в движение только одну фигуру; так и в языке изменениям подвергаются только отдельные элементы.
- б) Несмотря на это, каждый ход сказывается на всей системе; игрок не может в точности предвидеть последствия каждого хода. Изменения значимостей всех фигур, которые могут произойти вследствие данного хода, в зависимости от обстоятельств будут либо ничтожны, либо весьма значительны, либо, в общем, скромны. Один ход может коренным образом изменить течение всей партии и повлечь за собой последствия даже для тех фигур, которые в тот момент, когда

его делали, были им не затронуты. Мы уже видели, что точно то же верно и в отношении языка.

в) Ход отдельной фигурой есть факт, абсолютно отличный от предшествовавшего ему и следующего за ним состояния равновесия. Произведенное изменение не относится ни к одному из этих двух состояний; для нас же важны одни лишь состояния.

В шахматной партии любая данная позиция характеризуется, между прочим, тем, что она совершенно независима от всего того, что ей предшествовало; совершенно безразлично, каким путем она сложилась [187]; зритель, следивший за всей партией с самого начала, не имеет ни малейшего преимущества перед тем, кто пришел взглянуть на положение партии в критический момент; для описания данной шахматной позиции совершенно незачем вспоминать о том, что происходило на доске десять секунд тому назад. Все это рассуждение применимо и к языку и еще раз подчеркивает коренное

90

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
различие, проводимое нами между диахронией и синхронией. Речь функционирует лишь в рамках данного состояния языка, и в ней нет места изменениям, происходящим между одним состоянием и другим.

Лишь в одном пункте наше сравнение неудачно: у шахматиста имеется *намерение* сделать определенный ход и воздействовать на систему отношений на доске, язык же ничего не замышляет—его «фигуры» передвигаются, или, вернее, изменяются, стихийно и случайно. Умлаут в формах *Hande* вместо *hanti* и *Gaste* вместо *gasti* (ср. стр. 85) создал множественное число нового вида, но он также вызвал к жизни и глагольную форму *tragt* вместо *tragit* и т. д. Чтобы партия в шахматы во всем уподобилась функционированию языка, необходимо представить себе бессознательно действующего или ничего не смыслящего игрока. Впрочем, это единственное отличие делает сравнение еще более поучительным, показывая абсолютную необходимость различать в лингвистике два ряда явлений. В самом деле, если диахронические факты несводимы к обусловленной ими синхронической системе даже тогда, когда соответствующие изменения подчиняются разумной воле, то тем более есть основания полагать, что так обстоит дело и тогда, когда эти диахронические факты проявляют свою слепую силу при столкновении с организованной системой знаков.

§ 5. Противопоставление синхронической и диахронической лингвистик в отношении их методов и принципов [188]

Противопоставление между диахроническим и синхроническим проявляется всюду. Прежде всего (мы начинаем с явления наиболее очевидного) они неодинаковы по своему значению для языка. Ясно, что синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он—подлинная и единственная реальность (см. стр. 83). Это же верно и для лингвиста: если он примет диахроническую перспективу, то увидит отнюдь не язык, а только ряд видоизменяющих его событий. Часто утверждают, что нет ничего более важного, чем познать генезис данного состояния; это в некотором смысле верно: условия, создавшие данное состояние, проясняют нам его истинную природу и оберегают нас от некоторых иллюзий (см. стр. 86), но этим как раз и доказывается, что диахрония не является самоцелью. О ней можно сказать то же, что было как-то сказано о прессе: она открывает дорогу решительно ко всему—надо только [вовремя] уйти из нее.

Методы синхронии и диахронии тоже различны, и притом в двух отношениях: а) Синхрония знает только одну перспективу, перспективу говорящих, и весь ее метод сводится к собиранию от них языковых фактов; чтобы убедиться, в какой мере то или другое языковое явление

91

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

реально, необходимо и достаточно выяснить, в какой мере оно существует в сознании говорящих [189]. Напротив, диахроническая лингвистика должна различать две перспективы: одну *проспективную*, следующую за течением времени, и другую *ретроспективную* [190], направленную вспять; отсюда—раздвоение метода, о чем будет идти речь в пятой части этой работы.

б) Второе различие вытекает из разницы в объеме той области, на которую распространяется та и другая дисциплина. Объектом синхронического изучения является не все совпадающее по времени, а только совокупность фактов, относящихся к тому или другому языку;

по мере надобности подразделение доходит до диалектов и поддиалектов. В сущности, термин *синхрония* не вполне точен: его следовало бы заменить термином *идиосинхрония* [191], хотя он и несколько длинный. Наоборот, диахроническая лингвистика не только не требует подобной специализации, но и отвергает ее; рассматриваемые ею элементы не принадлежат обязательно к одному языку (ср. и.-е. **esti*, греч. *esti*, нем. *ist*, франц. *est*). Различие же между отдельными языками создается последовательным рядом событий, развертывающихся в языке на временной оси и умножаемых действием пространственного фактора. Для сопоставления двух форм достаточно, если между ними есть историческая связь, какой бы косвенной она ни была.

Эти противопоставления не самые яркие и не самые глубокие: из коренной антиномии между фактом эволюционным и фактом статическим следует, что решительно все понятия, относящиеся к тому или другому, в одинаковой мере не сводимы друг к другу. Любое из этих понятий может служить доказательством этой несводимости. Таким образом, синхроническое явление не имеет ничего общего с диахроническим (см. стр. 87): первое есть отношение между одновременно существующими элементами, второе — замена во времени одного элемента другим, то есть событие. Мы увидим ниже (стр. 108), что тождества диахронические и синхронические суть вещи совершенно различные: исторически французское отрицание *pas* «не» тождественно существительному *pas* «шаг», тогда как в современном языке это два совершенно разных элемента. Уже этих констатации, казалось бы, было достаточно для уяснения того, что смешивать обе точки зрения нельзя; но нигде необходимость такого разграничения не обнаруживается с такой очевидностью, как в том различии, к которому мы сейчас переходим.

§ 6. Синхронический закон и закон диахронический [192]

Мы привыкли слышать о законах в лингвистике, но действительно ли факты языка управляются законами и какого рода могут быть эти законы? Поскольку язык есть общественное установление, можно было бы а priori сказать, что он регулируется предписаниями, аналогичными тем, которые управляют жизнью общества. Как известно, всякий общественный закон обладает двумя основными признаками:

92

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
он является *императивным и всеобщим*. Он обязателен для всех, и он распространяется на все случаи, разумеется, в определенных временных и пространственных границах.

Отвечают ли такому определению законы языка? Чтобы выяснить это, надо прежде всего, в соответствии с только что сказанным, и здесь еще раз разделить сферы синхронического и диахронического. Перед нами две разные проблемы, смешивать которые нельзя:
говорить о лингвистическом законе вообще равносильно желанию схватить призрак.

Вот несколько примеров из области греческого языка, причем «законы» синхронии и диахронии здесь умышленно смешаны:

1. Индоевропейские звонкие придыхательные превратились в глухие придыхательные: **dhumus->thumos* «жизнь», **bhero-^phero* «несу» и т. д.
2. Ударение в слове никогда не бывает далее третьего слога от юнца.
3. Все слова оканчиваются на гласный или на *s, η, γ*, но не на какой-либо иной согласный.
4. Начальное *s* перед гласным превратилось в *h* (густое придыхание): **septm* (лат. *septem*)->*hepta* «семь».
5. Конечное *m* изменилось в *n*: *jugom->zugon* (ср. лат. *jugum*) «ярмо»¹.
6. Конечные смычные отпали: **gūnaik->gūnai*, зв. п. «(о) жена!», «(о) женщина!», **epheret->ephere* «он нес», **epheront->epheron* «они несли».

Первый из этих законов является диахроническим: что было *dh*, то стало *th* и т. д. Второй выражает отношение между словом как целым и уoarением — своего рода «соглашение» между двумя сосуществующими элементами: это синхронический закон. Таков же и третий закон, так как он касается слова как целого и его окончания. Четвертый, пятый и шестой законы являются диахроническими: что было *s*, то стало *h*; конечное *t* изменилось в *n*; конечное (*, k* и другие смычные исчезли бесследно.

Необходимо, кроме того, заметить, что третий закон есть результат пятого и шестого: два диахронических факта создали один синхронический.

Разделив таким образом эти две категории законов, мы убеждаемся, что второй и третий законы не однородны с первым, четвертым, пятым и шестым.

Синхронический закон — общий закон, но не императивный: попросту отображая существующий порядок вещей, он только

Согласно мнению Мейе («Mem. de la Soc. de Ling.», vol. IX, стр. 365 и ел.) и Готье («La fin de mot en indo-européen», стр. 158 и ел.), индоевропейский праязык знал лишь конечное *-n* и исключал конечное *-t*; если принять эту теорию, то ^закон 5 достаточно будет сформулировать следующим образом: индоевропейское конечное *-n* сохранилось в греческом языке; убедительность такой формулировки нисколько не уменьшится сравнительно с той, которую предложил Соссюр, поскольку фонетическое явление, сводящееся к сохранению старого состояния, однородно с явлением, выражающимся в изменении.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

констатирует некое состояние; он является законом постольку же, поскольку законом может быть названо, например, утверждение, что в данном фруктовом саду деревья посажены косыми рядами. Отображаемый им порядок вещей непрочен как раз потому, что этот порядок не императивен. Казалось бы, можно возразить,

что в речи синхронический закон обязателен в том смысле, что он навязан каждому человеку принуждением коллективного обычая (см. стр. 74), это верно, но мы ведь понимаем слово «императивный» не в смысле обязательности по отношению к говорящим — отсутствие императивности означает, что в языке нет никакой силы, гарантирующей сохранение регулярности, установившейся в каком-либо пункте. Так, нет ничего более регулярного, чем синхронический закон, управляющий латинским ударением (в точности сравнимый с законом греческого ударения, приведенным выше под рубрикой 2); между тем эти правила ударения не устояли перед факторами изменения и уступили место новому закону, действующему во французском языке (см. стр. 87 и ел.). Таким образом, если и можно говорить о законе в синхронии, то только в смысле упорядочения, в смысле принципа регулярности.

Диахрония предполагает, напротив того, динамический фактор, приводящий к определенному результату, производящий определенное действие. Но этого императивного характера недостаточно для применения понятия закона к фактам эволюции языка; о законе можно говорить лишь тогда, когда целая совокупность явлений подчиняется единому правилу, а диахронические события всегда в действительности носят случайный и частный характер, несмотря на видимые исключения из этого [193].

В отношении семантических фактов это сразу же бросается в глаза: если франц. *poutre* «кобыла» приняло значение «балка», то это было вызвано частными причинами и не зависело от прочих изменений, которые могли произойти в языке в тот же период времени; это было чистой случайностью из числа многих случайностей, регистрируемых историей языка.

В отношении синтаксических и морфологических изменений вопрос на первый взгляд не так ясен. В какой-то период все формы прежнего именительного падежа во французском языке исчезли. Разве здесь нет совокупности фактов, подчиненных общему закону? Нет, так как все это является лишь многообразным проявлением одного и того же отдельного факта. Затронутым преобразованием оказалось самое понятие именительного падежа, и исчезновение его, естественно, повлекло за собою исчезновение всей совокупности его форм. Для всякого, кто видит лишь поверхность языка, единственный феномен оказывается скрытым за множеством его проявлений; в действительности же он один, по самой глубинной своей сути, и составляет историческое событие, столь же отдельное в своем роде, как и семантическое изменение, происходящее со словом *poutre* «кобыла»; он принимает облик «закона» лишь постольку, поскольку осуществляется

94

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА в системе; строгая упорядоченность этой последней и создает иллюзию, будто диахронический факт подчиняется тем же условиям, что и синхронический.

Так же обстоит дело и в отношении фонетических изменений, а между тем обычно говорят о фонетических законах. В самом деле, констатируется, что в данный момент, в данной области все слова, представляющие одну и ту же звуковую особенность, подвергаются одному и тому же изменению. Так, рассмотренный выше (стр. 93) закон 1 (*dhiimos-**rpe4. thumos*) затрагивает все греческие слова, содержавшие звонкий придыхательный согласный: ср.

*nebhos->*nephos «облако», *medhu->*methu «вино», *anghδ->*ánkhδ «душить» и т. д. Рассмотренный выше закон 4 (*septm-*hepta) применим к *serpo-^*herpo

«пресмыкающееся», **sus-* [>]*hiis* «свинья» и вообще ко всем словам, начинающимся с *s*. Эта регулярность, которую иногда оспаривали, представляется нам весьма прочно установленной; кажущиеся исключения не устраняют неизбежного характера изменений этого рода, так как они объясняются либо более частными фонетическими законами (ср., например, *trikhes: thriksi*, см. стр. 98), либо вмешательством фактов иного порядка (например, аналогии и т. п.). Ничто, казалось бы, лучше не отвечает данному выше определению понятия «закон». А между тем, сколь бы ни были многочисленны случаи, на которых подтверждается фонетический закон, все охватываемые им факты являются всего лишь проявлением одного частного факта.

Суть вопроса заключается в том, что затрагивают фонетические изменения — слова или только звуки. Ответ не вызывает сомнений: в *nephos, methu, ankho* и т. д. изменению подвергается определенная фонема: в одном случае звонкая придыхательная превращается в глухую придыхательную, в другом — начальное *s* превращается в *A* и т. д., и каждое из этих событий изолировано, независимо от прочих событий того же порядка, а также независимо от слов, в которых оно происходит¹. Естественно, все эти слова меняются в своем звуковом составе, но это не должно нас обманывать относительно истинной природы явления.

В своем утверждении, что сами слова непосредственно не участвуют в фонетических изменениях, мы опираемся на то простое наблюдение, что такие изменения происходят фактически независимо от слов и не могут затронуть их в их сущности. Единство слова образовано ведь не только совокупностью его фонем, оно держится не на его материальном качестве, а на иных его свойствах. Предположим,

¹ Само собой разумеется, что приведенные выше примеры носят чисто схематический характер. Современная лингвистика прилагает значительные усилия к тому, чтобы свести возможно более широкие ряды фонетических изменений к единому начальному принципу. Так, Мейе объясняет все изменения греческих смычных последовательным ослаблением их артикуляции (см. «*Mem. de la Soc. de Ling.*», vol. IX, стр. 163 и ел.). Конечно, к этим общим фактам там, где они налицо, и относятся в конечном счете заключения де Соссюра о характере фонетических изменений.

95

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

что в рояле фальшивит одна струна: всякий раз, как, исполняя мелодию, будут к ней прикасаться, зазвучит фальшивая нота. Но где именно она зазвучит? В мелодии? Конечно, нет: затронута не она, поврежден ведь только рояль. Совершенно то же самое происходит и в фонетике. Система наших фонем представляет собою инструмент, на котором мы играем, произнося слова языка; видоизменись один **из** элементов системы, могут произойти различные последствия, но сам факт изменения затрагивает совсем не слова, которые, так сказать, являются лишь мелодиями нашего репертуара.

Итак, диахронические факты носят частный характер; сдвиги в системе происходят в результате событий, которые не только ей чужды (см. стр. 86), но сами изолированы и не образуют в своей совокупности системы [194].

Резюмируем: синхронические факты, каковы бы они ни были, обладают определенной регулярностью, но совершенно лишены какого-либо императивного характера; напротив, диахронические факты навязаны языку, но не имеют характера общности.

Короче говоря — к чему мы и хотели прийти,— ни синхронические, ни диахронические факты не управляются законами в определенном выше смысле. Если тем не менее, невзирая ни на что, угодно говорить о лингвистических законах, то термин этот должен иметь совершенно разное значение в зависимости от того, с чем мы его соотносим: с явлениями синхронического или с явлениями диахронического порядка.

§ 7. Существует ли панхроническая точка зрения? [195]

До сих пор мы понимали термин «закон» в юридическом смысле. Но быть может, в языке существуют законы в том смысле, как их понимают науки физические и естественные, то есть отношения, обнаруживающие свою истинность всюду и всегда? Иначе говоря, нельзя ли изучать язык с точки зрения панхронической?

Разумеется, можно. Поскольку, например, всегда происходили и будут происходить фонетические изменения, постольку можно рассматривать это явление вообще как одно из постоянных свойств языка — это, таким образом, один из его законов. В лингвистике, как и в шахматной игре (см. стр. 90 и ел.), есть правила, переживающие все события. Но это лишь общие принципы, не зависящие от конкретных фактов; в отношении же частных и осязаемых фактов никакой панхронической точки зрения быть не может. Так, всякое фонетическое изменение, каково бы ни было его распространение, всецело ограничено определенным временем и определенной территорией; оно отнюдь не простирается на все времена и все местности, оно существует лишь диахронически. В этом мы и можем найти критерий для отличия того, что относится к языку, от того, что к нему не относится. Конкретный факт, допускающий панхроническое объяснение, не может принадлежать языку. Возьмем французское слово *chose* «вещь»; с диахронической

96

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА

точки зрения оно противопоставлено лат. *causa*, от которого оно происходит, а с синхронической точки зрения — всем словам, которые могут быть с ним ассоциированы в современном французском языке. Одни лишь звуки этого слова, взятые сами по себе (*soz*), допускают панхронический подход, но они не имеют лингвистической значимости; и даже с панхронической точки зрения *soz*, взятое в потоке речи, например в составе *ип suz. admirabb (wie chose admirable* «восхитительная вещь»), не является единицей; это бесформенная масса, не ограниченная ничем. В самом деле, почему именно *Soz*, а не *ога* или *пso7* Все это не обладает значимостью, потому что не имеет смысла. Конкретные факты языка не могут изучаться с панхронической точки зрения.

§ 8. Последствия смещения синхронии и диахронии [196]

Могут представиться два случая:

а) При поверхностном взгляде может показаться, что синхроническая истина отрицает истину диахроническую и что между ними надо выбирать; в действительности этого не требуется: ни одна из этих истин не исключает другую. Если французское слово *depit* «досада» прежде означало «презрение», это не мешает ему ныне иметь совершенно иной смысл; этимология и синхроническая значимость—это две различные вещи. Или еще: традиционная грамматика современного французского языка учит, что причастие настоящего времени (*present Participe*) в одних случаях изменяется и согласуется с существительным как прилагательное (например, *ипе еаи courante* «проточная (букв. «бегущая») во-

да»), а в других случаях остается неизменяемым (например, *unepersonne courant dans la rue* «человек, бегущий по улице»). Однако историческая грамматика нам показывает, что в данном случае дело идет не об одной форме, а о двух: первая из них восходит к латинскому причастию *currentem*, которое изменяется по родам, а второе происходит от неизменяющегося по родам творительного падежа герундия *currendi*¹. Противоречит ли синхроническая истина истине диахронической и нужно ли осудить традиционную грамматику во имя грамматики исторической? Нет, потому что поступать так значило бы видеть лишь половину действительности; не следует думать, что только исторический факт важен и достаточен для образования языка. Разумеется, причастие *courant* имеет два разных источника, но языковое сознание их сближает и сводит к одному—эта синхроническая истина столь же абсолютна и непререкаема, как и другая, диахроническая.

б) Синхроническая истина до такой степени согласуется с истиной диахронической, что их смешивают или считают излишним их различать. Считают, например, достаточным для объяснения

Эту общепринятую теорию недавно подверг критике Лерх (см.: E. Lerch, *Das invariable Partizipium praesentis*, Eriangen, 1913), но, как нам думается, безуспешно. Поэтому нет надобности отбрасывать этот пример, который при любых обстоятельствах сохраняет свое дидактическое значение.

97

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

нынешнего значения франц. *pere* «отец» сказать, что латинское *pater* имело то же значение. Другой пример: латинское краткое *a* в открытом, не начальном слого изменилось в *i*; наряду с, *facio* «делаю» мы имеем *conficio* «совершаю», наряду с *amicus* «друг» — *inimicus* «недруг» и т. д. Часто закон формулируется так, что *a* в слове *facio* переходит в *i* в слове *conficio* потому, что оно оказывается уже не в первом слого. Это неточно: никогда *a* в слове *facio* не переходило в *i* в слове *conficio*. Для восстановления истины необходимо различать две эпохи и четыре члена отношения: сперва говорили *удс/о*— *confacio*; затем, после того как *confacio* превратилось в *conficio*, *á facio* осталось без изменения, стали произносить/асю— *conficio*. Получается, таким образом, следующее:

Эпоха А *facio* <-

^ Эпоха В *facio* <-

-^*confacio*

|

-> *conficio*

Если говорить об «изменении», то произошло оно между *confacio* и *conficio*; правило же, приведенное выше, было столь плохо сформулировано, что даже не упоминало о первом изменении! Далее, наряду с этим изменением, которое является, конечно, фактом диахроническим, существует другой факт, абсолютно отличный от первого и касающийся чисто синхронического противопоставления между *facio* и *conficio*. Обычно говорят, что это не факт, а результат. Однако это факт определенного порядка, и нужно подчеркнуть, что такими именно фактами являются все синхронические явления. Вскрыть истинный вес противопоставления *facio* — *conficio* мешает то обстоятельство, что значимость этого противопоставления невелика. Однако если рассмотреть пары *Gast*—*Gaste*, *gebe*—*gibt*, то нетрудно убедиться, что эти противопоставления, хотя они тоже являются случайным результатом фонетической эволюции, образуют в

синхроническом срезе существеннейшие грамматические феномены. Поскольку оба ряда явлений, сверх того, тесно между собою связаны и взаимообусловлены, возникает мысль, что нечего их и различать,— и, действительно, лингвистика их смешивала в течение целых десятилетий, не замечая, что метод ее никуда не годится.

Однако в некоторых случаях эта ошибка явно бросается в глаза. Так, для объяснения греч. *phuktos* «избежный», казалось бы, достаточно сказать: в греческом *g* и *kh* изменяются в *k* перед глухими согласными, что и обнаруживается в таких синхронических соответствиях, *vsiaphugem* «бежать»: *phuktos* «избежный», *lekhos* «ложе»:

lektron «ложе» (вин. п.) и т. д. Но тут мы наталкиваемся на такие случаи, как *trikhes* «волосы»: *thriksi* «волосам», где налицо осложнение в виде «перехода» (в *th*. Формы этого слова могут быть объяснены лишь исторически, путем использования относительной хронологизации явлений. Первоначальная основа *thrikh при наличии окончания -я дала *thriksi*—явление весьма древнее, тождественное тому, 98

СТАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
которое произвело *lektron* от корня *lekh-*. Впоследствии всякий придыхательный, за которым в том же слове следовал другой придыхательный, перешел в соответствующий глухой, и *thrikh превратилось в *trikhes*; естественно, что *thriksi* избежало действия этого закона.

§ 9. Выводы [197]

Так лингвистика подходит ко второй своей дихотомии. Сперва нам пришлось выбирать между языком и речью (см. стр. 26), теперь мы находимся у второго перекрестка, откуда ведут два пути: один — в диахронию, другой — в синхронию.

Используя этот двойной принцип классификации, мы можем теперь сказать, что *все диахроническое в языке является таковым лишь через речь* [198].

Именно в речи источник всех изменений;

каждое из них, прежде чем войти в общее употребление, начинает применяться некоторым числом говорящих. Теперь по-немецки говорят: *ich war* «я был», *wir waren* «мы были», тогда как в старом немецком языке до XVI в. спрягали: *ich was*, *wir waren* (по-английски до сих пор говорят: / *was*. *We were*). Каким же образом произошла эта перемена: *war* вместо *way*? Отдельные лица под влиянием *waren* создали по аналогии *war*—это был факт речи; такая форма, часто повторявшаяся, была принята коллективом и стала фактом языка. Но не все инновации речи увенчиваются таким успехом, и, поскольку они остаются индивидуальными, нам незачем принимать их во внимание, так как мы изучаем язык; они попадают в поле нашего зрения лишь с момента принятия их коллективом.

Факту эволюции всегда предшествует факт или, вернее, множество сходных фактов в сфере речи: это ничуть не противоречит установленному выше различию, которое этим только подтверждается, так как в истории любой инновации мы отмечаем всегда два момента:

1) момент появления ее у отдельных лиц и 2) момент превращения ее в факт языка, когда она, внешне оставаясь той же, принимается всем языковым коллективом.

Нижеследующая таблица показывает ту рациональную форму, которую должна принять лингвистическая наука:

Речевая деятельность

Язык

Речь

Синхрония Диахрония

Следует признать, что отвечающая теоретическим потребностям рациональная форма науки не всегда совпадает с той, которую навязывают ей требования практики. В лингвистике требования практики еще настоятельней, чем в других науках; они до некоторой степени оправдывают ту путаницу, которая в настоящее время царит в

99

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

лингвистических исследованиях. Даже если бы устанавливаемые нами различия и были приняты раз и навсегда, нельзя было бы, быть может, во имя этого идеала связывать научные изыскания чересчур строгими требованиями.

Так, например, производя синхроническое исследование старофранцузского языка, лингвист оперирует такими фактами и принципами, которые не имеют ничего общего с теми, которые ему бы открыла история этого же языка с XIII до XX в.; зато они сравнимы с теми фактами и принципами, которые обнаружались бы при описании одного из нынешних языков банту, греческого (аттического) языка V в. до нашей эры или, наконец, современного французского. Дело в том, что все такие описания покоятся на сходных отношениях; хотя каждый отдельный язык образует замкнутую систему, все они предполагают наличие некоторых постоянных принципов, на которые мы неизменно наталкиваемся, переходя от одного языка к другому, так как всюду продолжаем оставаться в сфере явлений одного и того же порядка. Совершенно так же обстоит дело и с историческим исследованием: обзреваем ли мы определенный период в истории французского языка (например, от XIII до XX в.), или яванского языка, или любого другого, всюду мы имеем дело со сходными фактами, которые достаточно сопоставить, чтобы установить общие истины диахронического порядка. Идеалом было бы, чтобы каждый ученый посвящал себя либо одному, либо другому аспекту лингвистических исследований и охватывал возможно большее количество фактов соответствующего порядка; но представляется весьма затруднительным научно овладеть столь разнообразными языками. С другой стороны, каждый язык представляет собой практически одну единицу изучения, так что силою вещей приходится рассматривать его попеременно и статически и исторически. Все же никогда не следует забывать, что чисто теоретически это единство отдельного языка как объекта изучения есть нечто поверхностное, тогда как различия языков таят в себе глубокое единство [199]. Пусть при изучении отдельного языка наблюдатель обращается как к синхронии, так и к диахронии;

всегда надо точно знать, к какому из двух аспектов относится рассматриваемый факт, и никогда не следует смешивать методы синхронических и диахронических исследований.

Разграниченные указанным образом части лингвистики будут в дальнейшем рассмотрены одна за другой.

Синхроническая лингвистика должна заниматься логическими и психологическими отношениями, связывающими сосуществующие элементы и образующими систему, изучая их так, как они воспринимаются одним и тем же коллективным сознанием.

Диахроническая лингвистика, напротив, должна изучать отношения, связы-

вающие элементы, следующие друг за другом во времени и не воспринимаемые одним и тем же коллективным сознанием, то есть элементы, последовательно сменяющие друг друга и не образующие в своей совокупности системы.

Часть вторая **Синхроническая лингвистика**

Глава I **Общие положения** [200]

Задачей общей синхронической лингвистики является установление принципов, лежащих в основе любой системы, взятой в данный момент времени, и выявление конститутивных факторов любого состояния языка. Многие из того, о чем говорилось выше, относится, по существу, к синхронии. Так, все сказанное об общих свойствах знака можно рассматривать в качестве одного из разделов синхронической лингвистики, хотя эти общие свойства знака и были использованы нами для доказательства необходимости различать обе лингвистики. К синхронии относится все, что называют «общей грамматикой», ибо те различные отношения, которые входят в компетенцию грамматики, устанавливаются только в рамках отдельных состояний языка. В дальнейшем мы ограничимся лишь основными принципами, без которых не представляется возможным ни приступить к более специальным проблемам статистики, ни объяснить детали данного состояния языка.

Вообще говоря, статической лингвистикой заниматься гораздо труднее, чем историей языка [201]. Факты эволюции более конкретны, они больше говорят воображению; наблюдаемые и без труда улавливаемые в них отношения завязываются между последовательно сменяющимися элементами, понять которые легко, а за рядом преобразований следить иногда даже занятно. Та же лингвистика, которая оперирует сосуществующими значимостями и отношениями, представляет для нас более значительные трудности.

Состояние языка не есть математическая точка. Это более или менее продолжительный промежуток времени, в течение которого сумма происходящих изменений остается ничтожно малой. Он может равняться десяти годам, жизни одного поколения, одному столетию и даже больше. Случается, что в течение сравнительно долгого промежутка времени язык почти не изменяется, а затем в какие-нибудь несколько лет претерпевает значительные изменения. Из двух сосуществующих

101

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

в одном периоде языков один может сильно эволюционировать, а другой почти вовсе не измениться: во втором случае изучение будет неизбежно синхроническим, в первом случае потребуются диахронический подход. Абсолютное состояние определяется отсутствием изменений, но поскольку язык всегда, хотя бы и минимально, все же преобразуется, постольку изучать состояние языка означает практически пренебрегать маловажными изменениями, подобно тому как математики при некоторых операциях, например при вычислении логарифмов, пренебрегают бесконечно малыми величинами.

В политической истории различают: *эпоха*—точка во времени, и *период*—отрезок, охватывающий некоторый промежуток времени. Однако историки сплошь и рядом говорят об эпохе Антонинов, об эпохе крестовых походов, разумея в данном случае совокупность признаков, сохранявшихся в течение соответствующего времени. Можно было бы говорить, что и статическая лингвистика занимается эпохами, но термин *состояние* все же предпочтительней. На-

чало и конец любой эпохи обычно отмечаются какими-либо переворотами, более или менее резкими, направленными к изменению установившегося порядка вещей. Употребляя термин *состояние*, мы тем самым отводим предположение, будто в языке происходит нечто подобное. Сверх того, термин *эпоха* именно потому, что он заимствован у исторической науки, заставляет думать не столько о самом языке, сколько об окружающих и обуславливающих его обстоятельствах,— одним словом, он вызывает, скорее всего, представление о том, что мы назвали выше внешней лингвистикой (см. стр. 28).

Впрочем, разграничение во времени—это не единственное затруднение, встречаемое нами при определении понятия «состояние языка»; такой же вопрос встает и относительно разграничения в пространстве. Короче говоря, понятие «состояние языка» не может не быть приблизительным. В статической лингвистике, как и в большинстве наук, никакое доказательное рассуждение невозможно без условного упрощения исходных данных [202].

Глава II Конкретные языковые сущности

§ 1. [Конкретные языковые] сущности и [речевые] единицы. Определение этих понятий [203]

Составляющие язык знаки представляют собой не абстракции, а реальные объекты (см. стр. 22); эти реальные объекты и их отношения и изучает лингвистика; их можно назвать *конкретными [языковыми] сущностями* этой науки.

Напомним прежде всего два основных принципа этой проблемы.

1. [Конкретная] языковая сущность реально возможна лишь в силу ассоциации означающего с означаемым (см. стр. 70): если упустить из виду один из этих компонентов сущности, она исчезнет, и вместо конкретного объекта мы окажемся перед чистой абстракцией. Ежеминутно мы рискуем овладеть лишь одной стороной [конкретной языковой] сущности, воображая при этом, что мы схватываем ее целиком. Это, например, неизбежно случится, если мы станем делить звуковую цепочку на слоги; у слога есть значимость лишь в фонологии. Звуковая цепочка только в том случае является языковым фактом, если она служит опорой понятия; взятая сама по себе, она представляет собою лишь материал для физиологического исследования.

То же верно и относительно означаемого, как только мы изолируем его от означающего. Такие понятия, как «дом», «белый», «видеть» и т. д., рассматриваемые сами по себе, относятся к психологии;

они становятся [конкретными] языковыми сущностями лишь благодаря ассоциации с акустическими образами. В языке понятие есть свойство звуковой субстанции [204], так же как определенное звучание есть свойство понятия.

Эту двустороннюю единицу часто сравнивали с человеческой личностью как целым, состоящим из тела и души. Сближение малоудовлетворительное. Правильнее было бы сравнивать ее с химическим соединением, например с водой, состоящей из водорода и кислорода; взятый в отдельности каждый из этих элементов не имеет ни одного из свойств воды [205].

2. [Конкретная] языковая сущность определяется полностью лишь тогда, когда она отграничена, отделена от всего того, что ее окружает в речевой цепочке [206]. Именно эти отграниченные [конкретные языковые] сущности, то есть [речевые] единицы, и противоплагаются друг другу в механизме языка [207].

На первый взгляд кажется соблазнительным уподобить языковые знаки зрительным, которые могут сосуществовать в пространстве, не смешиваясь между собою; при этом создается ложное представление, будто разделение языковых знаков может производиться таким же способом, не требуя никаких особых размышлений. Термин «форма», часто используемый для их обозначения (ср. выражения «глагольная форма», «именная форма» и т. п.), способствует сохранению этого заблуждения. Но, как мы знаем, основным свойством речевой цепочки является ее линейность (см. стр. 72). Поток речи, взятый сам по себе, есть линия, непрерывная лента, где ухо не различает никаких ясных и точных делений: чтобы найти эти деления, надо обратиться к значениям [208]. Когда мы слышим речь на неизвестном языке, мы не в состоянии сегментировать воспринимаемый поток звуков. Такая сегментация вообще невозможна, если принимать во внимание лишь звуковой аспект языкового факта. Лишь тогда, когда мы знаем, какой смысл и какую функцию нужно приписать каждой части звуковой цепочки, эти части выделяются нами, и бесформенная лента разрезается на куски. В этом анализе, по существу, нет ничего материального.

Итак, язык — это не просто совокупность заранее разграниченных знаков, значение и способы комбинирования (*agencement*) которых только и требовалось бы изучать; в действительности язык представляет собой расплывчатую массу, в которой только внимательность и привычка могут помочь нам различить составляющие ее элементы. [Речевая] единица не обладает никакими специальными звуковыми особенностями, и ее можно определить только так: *[речевая] единица — это отрезок звучания, который, будучи взятым отдельно, то есть безо всего того, что ему предшествует, и всего того, что за ним следует в потоке речи, является означающим некоторого понятия.*

§ 2. Метод разграничения сущностей и единиц [209]

Всякий владеющий языком разграничивает его единицы весьма простым способом, по крайней мере в теории. Способ этот состоит в том, чтобы, взяв в качестве отправного момента речь как манифестацию (*document*) языка, изобразить ее в виде двух параллельных цепочек: цепочки понятий А и цепочки акустических образов В.

Для правильности разграничения требуется, чтобы деления, установленные в акустической цепочке ($\alpha, \beta, \gamma \dots$), соответствовали делениям в цепочке понятий η в $\langle (\alpha, \beta', \gamma \dots) \rangle$: А.

Возьмем французское *sizlapra*; можно ли рассечь эту цепочку после / и выделить *sizi* как особую единицу?

Нет, нельзя: достаточно обратиться к цепочке поня-

104

КОНКРЕТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СУЩНОСТИ

тий, чтобы убедиться в ошибочности такого деления. Разделение на слоги *siz-la-pra* также не является а priori языковым. Единственно возможными делениями оказываются: *si-z-la-pra* (пишется *sije la prends*) «если я ее возьму» и *si-z-1-apra* (пишется *sije l'apprends*) «если я это узнаю», так как они оправдываются тем смыслом, который связывается с этими отрезками [210].

Чтобы проверить результат подобной операции и убедиться в правильности выделения какой-либо единицы, нужно, сравнив целый ряд предложений, где встречается одна и та же единица, убедиться в каждом отдельном случае в возможности ее выделения из контекста и удостовериться, что такое выделение оправдано по смыслу. Возьмем два отрезка: *lafqrsduva* (пишется *la force du*

vent) «сила ветра» и *abudfrys* (пишется *a bout de force*) «в упадке сил». Как в том, так и в другом отрезке одно и то же понятие — «сила» — соотносится с одной и той же звуковой цепочкой [211] *ʃftys*, из чего мы заключаем, что это [речевая] единица. Но в предложении *Umsfcysa-parle* (пишется *и te force aparler*) «он принуждает меня говорить» *fors* «принуждает» имеет совсем другой смысл, из чего мы заключаем, что это другая [речевая] единица.

§ 3. Практические трудности разграничения сущностей и единиц [212]

Легко ли на практике применить этот способ, теоретически столь простой? Может показаться, будто легко, если исходить при этом из представления, что подлежащие выделению единицы — это слова; в самом деле, что такое предложение, как не сочетание слов, и есть ли что-либо более непосредственно данное, нежели слово? Так, возвращаясь к прежнему примеру, можно сказать, что звуковая цепочка *sizlapra* распадается на четыре единицы, разграничиваемые нашим анализом, которые оказываются четырьмя словами: *si-je-l'-apprends*. Но вместе с тем у нас тотчас же возникает сомнение, как только мы вспомним, сколько споров ведется по поводу того, что такое слово; по зрелом размышлении мы убеждаемся в том, что обычное понимание слова несовместимо с нашим представлением о конкретной единице [213].

Чтобы удостовериться в этом, вспомним хотя бы франц. *cheval* «лошадь» и его множественное число *chevaux*. Обычно говорят, что это две формы одного и того же слова; однако, взятые в целом, это все же две совсем разные вещи — как по смыслу, так и по звукам. Во франц. *mwa* (в *le 10 is de decembre* «месяц декабрь») и *mwaz* (в *11 is apres* «месяцем позже») мы также имеем одно и то же слово в двух разновидностях, но и здесь опять-таки нельзя говорить об одной конкретной единице: смысл, несомненно, один, но отрезки звучаний разные. Таким образом, если бы мы пожелали приравнять конкретные единицы к словам, то сразу оказались бы перед дилеммой: либо игнорировать, несмотря на его очевидность, отношение,

105

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

объединяющее *cheval* и *chevaux*, *mwa* и *mwaz* и т. д., и утверждать, что это разные слова, либо довольствоваться вместо конкретных единиц абстракцией, объединяющей различные формы одного и того же слова. Итак, конкретную единицу следует искать не в слове. К тому же многие слова представляют собой сложные единицы, в которых нетрудно распознать единицы низшего уровня (суффиксы, префиксы, корни); производные слова, как, например, *desir-eux* «жаждущий», *malheur-eux* «несчастный», распадаются на отдельные части, каждая из которых явно наделена особым смыслом и особой функцией. И наоборот, есть единицы высшего уровня, большие, чем слово, как, например, композиты (*porte-plume* «ручка для пера»), устойчивые сочетания (*s'il vous plait* «сделайте милость!»), аналитические формы спряжения ((*' a ete* «он был») и т. д. Но при выделении и этих единиц наталкиваешься на такие же трудности, как и при выделении собственно слов. Представляется вообще чрезвычайно трудным выяснить функционирование встречающихся в потоке речи единиц и установить, какими конкретными элементами оперирует язык.

Говорящие не знают, разумеется, этих затруднений. Все, что в какой-либо мере является значимым, воспринимается ими как конкретный элемент, и они безошибочно распознают его в речи. Но одно дело — интуитивно владеть всеми тонкостями мгновенного функционирования этих единиц, и совсем другое дело

— уметь их систематически анализировать.

Одна довольно распространенная теория утверждает, будто единственными конкретными единицами являются предложения [214]: мы говорим только предложениями и лишь потом извлекаем **из** них слова. Но прежде всего, в какой мере предложение относится к сфере языка (см. стр. 124)? Если оно принадлежит к сфере речи, то оно не может служить единицей языка. Допустим, однако, что это затруднение устранено. Если мы представим себе всю совокупность предложений, которые могут быть сказаны, то их наиболее характерным свойством окажется их совершенное несходство. На первый взгляд кажется заманчивым уподобление огромного разнообразия предложений не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-либо зоологический вид. Однако это иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существенней, нежели разъединяющие **их** различия; в предложениях же преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то невольно опять натолкнешься на слово с его грамматическими свойствами и снова окажешься перед теми же трудностями. "

106

КОНКРЕТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СУЩНОСТИ

§4. Выводы [215]

В большинстве областей, являющихся предметом той или иной науки, вопрос о единицах даже не ставится: они даны непосредственно. Так, в зоологии мы с самого начала имеем дело с отдельными животными. Астрономия оперирует единицами, разделенными в пространстве, — небесными телами. В химии можно изучать природу и состав двуххромовокислого калия, ни минуты не усомнившись в том, что это некий вполне определенный объект.

Если в какой-либо науке отсутствуют непосредственно наблюдаемые конкретные единицы, это значит, что в ней они не имеют существенного значения. В самом деле, что является конкретной единицей, например, в истории: личность, эпоха, народ? Неизвестно! Но не все ли равно? Можно заниматься историческими изысканиями и без выяснения этого вопроса.

Но подобно тому, как шахматная игра целиком и полностью сводится к комбинации различных фигур на доске, так и язык является системой, целиком основанной на противопоставлении его конкретных единиц. Мы не можем отказаться от попытки уяснить себе, что это такое, точно так же мы не можем и шага ступить, не прибегая к этим единицам. Вместе с тем их выделение сопряжено с такими трудностями, что возникает вопрос, существуют ли они реально.

Итак, удивительное и поразительное свойство языка состоит в том, что мы не видим в нем непосредственно данных и различимых с самого начала [конкретных] сущностей, между тем как в их существовании усомниться невозможно, точно так же как нельзя усомниться и в том, что язык образован их функционированием. Это и есть, несомненно, та черта, которая отличает язык от всех прочих семиологи-ческих систем.

Глава III

Тождества, реальности, значимости [216]

Высказанные только что соображения приводят нас к проблеме тем более важной, что в статической лингвистике любое основное понятие непосредственно зависит от того, как именно мы будем представлять себе единицу языка. Это мы и постараемся показать в связи с рассмотрением понятий тождества, ре-

альности и значимости в синхронии.

А. Что такое синхроническое тождество [217]? Здесь речь идет не о тождестве, объединяющем французское отрицание *pas* с латинским существительным *possum* «шаг»; такое тождество является диахроническим, и речь о нем будет ниже (см. стр. 182). Нет, мы имеем в виду то не менее любопытное тождество, на основании которого мы утверждаем, что предложения *jenesais pas wswssaso» vine dites pas cela* «не говорите этого» содержат один и тот же элемент. Нам скажут, что это вопрос праздный, что тождество имеется уже потому, что в обоих предложениях одинаковый отрезок звучания—*pas*—наделен одинаковым значением. Но такое объяснение недостаточно: ведь если соответствие звуковых отрезков и понятий и доказывает тождество (см. выше пример *la force du vent: a bout deforce*), то обратное неверно: тождество возможно и без такого соответствия. Когда мы слышим на публичной лекции неоднократно повторяемое обращение *Messieurs'*, «господа!», мы ощущаем, что каждый раз это то же самое выражение. Между тем вариации в произнесении и интонации его в разных оборотах речи представляют весьма существенные различия, столь же существенные, как и те, которые в других случаях служат для различения отдельных слов (ср. *rotte* «яблоко» и *рашпе* «ладонь», *goutte* «капля» и *уе* *goute* «пробую», *filir* «убежать» *vifouir* «рыть» и т. д.); кроме того, сознание тождества сохраняется, несмотря на то что и с семантической точки зрения нет полного совпадения одного употребления слова *Messieurs* с другим. Вспомним, наконец, что слово может обозначать довольно далекие понятия, а его тождество самому себе тем не менее не оказывается серьезно нарушенным (ср. *adapter me mode* «перенимать моду» и *adapter un enfant* «усыновлять ребенка», *lafleur dupommier* «цвет яблони» и *lafleur de la noblesse* «цвет аристократии» и т. д.). Весь механизм языка зиждется исключительно на тождествах и различиях, причем эти последние являются лишь оборотной стороной первых. Поэтому проблема тождеств возникает повсюду; но, с другой стороны, она частично совпадает с проблемой [конкретных] сущностей и единиц, являясь усложнением этой последней, впрочем

108

ТОЖДЕСТВА, РЕАЛЬНОСТИ, ЗНАЧИМОСТИ

весьма плодотворным. Это ясно видно при сопоставлении проблемы языковых тождеств и различий с фактами, лежащими за пределами языка. Мы говорим, например, о тождестве по поводу двух скорых поездов «Женева — Париж с отправлением в 8 ч. 45 м. веч.», отходящих один за другим с интервалом в 24 часа. На наш взгляд, это тот же самый скорый поезд, а между тем и паровоз, и вагоны, и поездная бригада—все в них, по-видимому, разное. Или другой пример: уничтожили улицу, снесли на ней все дома, а затем застроили ее вновь; мы говорим, что это все та же улица, хотя материально от старой, быть может, ничего не осталось. Почему можно перестроить улицу до самого последнего камешка и все же считать, что она не перестала быть той же самой? Потому что то, что ее образует, не является чисто материальным: ее существо определяется некоторыми условиями, которым безразличен ее случайный материал, например ее положение относительно других улиц. Равным образом представление об одном и том же скором поезде складывается под влиянием времени его отправления, его маршрута и вообще всех тех обстоятельств, которые отличают его от всех прочих поездов. Всякий раз, как осуществляются одни и те же условия, получают одни и те же сущности. И вместе с тем эти сущности не абстрактны, потому что улицу или ско-

рый поезд нельзя себе представить вне материальной реализации.

Противопоставим этим двум примерам совсем иной случай, а именно кражу у меня костюма, который я затем нахожу у торговца случайными вещами. Здесь дело идет о материальном характере сущности, заключающейся исключительно в инертной субстанции:

сукне, подкладке, прикладе и т. д. Другой костюм, как бы он ни был схож с первым, не будет моим. И вот оказывается, что тождество в языке подобно тождеству скорого поезда и улицы, а не костюма. Употребляя неоднократно слово *Messieurs!*, я каждый раз пользуюсь новым материалом: это новый звуковой акт и новый психологический акт. Связь между двумя употреблениями одного и того же слова основана не на материальном тождестве, не на точном подобии смысла, а на каких-то иных элементах, которые надо найти и которые помогут нам вплотную подойти к истинной природе языковых единиц.

Б. Что такое синхроническая/реальность [218]? Какие конкретные или абстрактные элементы языка можно считать синхроническими реальностями? Возьмем для примера различение частей речи: на что опирается классификация слов на существительные, прилагательные и т. д.? Производится ли она во имя чисто логического, вневингвистическо-го принципа, накладываемого извне на грамматику, подобно тому как сетка меридианов и параллелей наносится на земной шар? Или же она соответствует чему-то, имеющемуся в системе языка и ею обусловленному? Одним словом, является ли различение частей речи синхронической реальностью? Это второе предположение кажется правдоподобным, но можно было бы защитить и первое. Так,

109

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

например, можно ли сказать, что в предложении *ses gants sont bon marche* «эти перчатки дешевы» группа слов *bon marche* «дешевы» является прилагательным? Логически она имеет смысл прилагательного, но грамматически это менее очевидно: *bon marche* не ведет себя как прилагательное (оно не изменяется, никогда не ставится перед существительным и т. д.), к тому же *bon marche* составлено из двух слов; между тем именно различение частей речи должно служить для классификации слов языка, а каким же образом группа слов может быть отнесена к одной из этих «частей»? Но *bon marche* нельзя истолковать и иначе, сказав, что *bon* — прилагательное, а *marche* — существительное. Таким образом, здесь мы имеем дело с неточной и неполной классификацией; деление слов на существительные, глаголы, прилагательные и т. д. не есть бесспорная языковая реальность [219].

Итак, лингвистика непрестанно работает на почве придуманных грамматистами понятий, о которых мы не знаем, соответствуют ли они в действительности конститутивным элементам системы языка. Но как это узнать? И если эти понятия — фикция, то какие же реальности **им** противопоставить?

Чтобы избежать заблуждений, надо прежде всего проникнуться убеждением, что конкретные языковые сущности не даны нам непосредственно в наблюдении. Надо стараться их уловить, понять и лишь тогда мы соприкоснемся с реальностью; исходя из нее, можно будет разработать все классификации, необходимые лингвистике для приведения в порядок подлежащих ее ведению фактов [220]. С другой стороны, базироваться при этих классификациях не на конкретных языковых сущностях, а на чем-либо ином, говорить, например, что части речи суть элементы языка только в силу того, что они соответствуют ло-

гическим категориям,— значит забывать, что не бывает языковых фактов вне звукового материала, расчлененного на значимые элементы [221].

В. В конце концов, все затронутые в этой главе понятия, по существу, не отличаются от того, что мы раньше называли значимостями [222]. Новое сравнение с игрой в шахматы поможет это понять (см. стр. 90). Возьмем коня: является ли он сам по себе элементом игры? Конечно, нет, потому что в своей чистой материальности вне занимаемого **им** поля на доске и прочих условий игры он ничего для игрока не представляет; он становится реальным и конкретным элементом в игре лишь постольку, поскольку он наделен значимостью и с нею неразрывно связан. Предположим, что во время игры эта фигура сломается или потеряется; можно ли будет заменить ее другой, равнозначной? Конечно, можно. Не только другая фигура, изображающая коня, но любой предмет, не имеющий с ним никакого сходства, может быть отождествлен с конем, если только ему будет придана та же значимость. Мы видим, таким образом, что в семиологических системах, как, например, в языке, где все элементы связаны друг с другом, образуя равновесие согласно определенным правилам, понятие тождества сливается с понятием значимости и наоборот [223].

НО

ТОЖДЕСТВА, РЕАЛЬНОСТИ, ЗНАЧИМОСТИ

Вот почему понятие значимости в конечном счете покрывает и понятие единицы, и понятие конкретной языковой сущности, и понятие языковой реальности. Но если между этими различными аспектами вообще не существует коренной разницы, то из этого следует, что проблема может последовательно ставиться в разной форме. Что бы мы ни хотели определить: единицу, реальность, конкретную сущность или значимость,— все будет сводиться к постановке одного и того же центрального вопроса, который доминирует над всем в статической лингвистике.

С практической точки зрения интересно начать с единиц языка, определить их и дать их классификацию с учетом всего их разнообразия. Необходимо выяснить, на чем основывается членение на слова, так как слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка; одной этой темы было бы достаточно для целого тома. Далее следовало бы перейти к классификации единиц низшего уровня, затем более крупных единиц и т. д. Таким образом, наша наука, определив элементы, которыми она оперирует, выполнила бы свою задачу целиком, так как тем самым свела бы все входящие в ее ведение явления к их основному принципу. Нельзя сказать, что в лингвистике эта центральная проблема когда-либо уже ставилась и что все ее значение и трудность ее решения полностью осознаны; до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными.

Но все же, несмотря на первостепенную важность понятия единицы, предпочтительнее подойти к проблеме со стороны понятия значимости, так как, по нашему мнению, в ней выражается наиболее существенный ее аспект.

Глава IV Языковая значимость

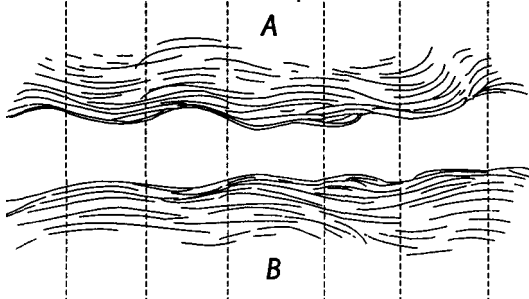
§ 1. Язык как мысль, организованная в звучащей материи [224]

Для того чтобы убедиться в том, что язык есть не что иное, как система чистых значимостей, достаточно рассмотреть оба взаимодействующих в нем элемента:

понятия и звуки.

В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собою аморфную, нерасчлененную массу. Философы и лингвисты всегда сходились в том, что без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка [225].

Но быть может, в отличие от этой расплывчатой области мысли расчлененными с самого начала сущностями являются звуки как таковые? Ничуть не бывало! Звуковая субстанция не является ни более определенной, ни более устоявшейся, нежели мышление. Это—не готовая форма, в которую послушно отливается мысль, но пластичная масса, которая сама делится на отдельные части, способные служить необходимыми для мысли означающими. Поэтому мы можем изобразить язык во всей его совокупности в виде ряда следующих друг за другом сегментаций, произведенных одновременно как в неопределенном плане смутных понятий (А), так и в столь же неопределенном плане звучаний (В). Все это можно весьма приблизительно представить себе в виде схемы:

Специфическая роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств для выражения понятий, а

112

ЯЗЫКОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц. Мысль, хаотичная по природе, по необходимости уточняется, расчленяясь на части.

Нет, таким образом, ни материализации мыслей, ни «спиритуализации» звуков, а все сводится к тому в некотором роде таинственному явлению, что соотношение «мысль—звук» требует определенных членений и что язык вырабатывает свои единицы, формируясь во взаимодействии этих двух аморфных масс [226]. Представим себе воздух, соприкасающийся с поверхностью воды; при перемене атмосферного давления поверхность воды подвергается ряду членений, то есть, попросту говоря, появляются волны; вот эти-то волны и могут дать представление о связи или, так сказать, о «спаривании» мысли со звуковой материей.

Язык можно называть областью членораздельности, понимая членораздельность так, как она определена выше (см. стр. 18). Каждый языковой элемент представляет собою *articulus* — вычлененный сегмент, в котором понятие закрепляется определенными звуками, а звуки становятся знаком понятия.

Язык можно также сравнить с листом бумаги. Мысль — его лицевая сторона, а звук—оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную.

Так и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли; этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии.

Лингвист, следовательно, работает в пограничной области, где сочетаются элементы обоего рода; *это сочетание создает форму, а не субстанцию* [227].

Эти соображения помогут лучше уяснить то, что было сказано выше (см. стр. 70) о произвольности знака. Не только обе области, связанные в языковом факте, смутны и аморфны, но и выбор определенного отрезка звучания для определенного понятия совершенно произволен. Если бы это было иначе, понятие значимости утратило бы одну из своих характерных черт, так как в ней появился бы привнесенный извне элемент. Но в действительности значимости целиком относительны, вследствие чего связь между понятием и звуком произвольна по самому своему существу [228].

Произвольность знака в свою очередь позволяет нам лучше понять, почему языковую систему может создать только социальная жизнь. Для установления значимостей необходим коллектив; существование их оправдывает только обычай и общее согласие; отдельный человек сам по себе не способен создать вообще ни одной значимости [229].

Определенное таким образом понятие языковой значимости показывает нам, кроме того, что взгляд на член языковой системы как на простое соединение некоего звучания с неким понятием является серьезным заблуждением. Определять подобным образом член

113

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

системы — значит изолировать его от системы, в состав которой он входит; это ведет к ложной мысли, будто возможно начинать с членов системы и, складывая их, строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до составляющих его элементов.

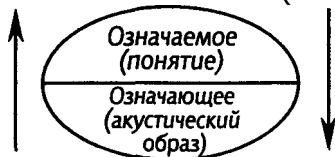
Для развития этого положения мы последовательно встанем на точку зрения «означаемого», или понятия (§ 2), «означающего» (§ 3) и знака в целом (§ 4). Поскольку непосредственно наблюдать конкретные сущности или единицы языка невозможно, мы будем оперировать словами. Хотя слово и не подходит в точности под определение языковой единицы (см. стр. 103), все-таки оно дает о ней хотя бы приблизительное понятие, имеющее то преимущество, что оно конкретно. Мы будем брать слова только как образцы, равнозначные реальным членам синхронической языковой системы, и принципы, установленные нами в отношении слов, будут действительны для языковых сущностей вообще.

§ 2. Языковая значимость с концептуальной стороны [230]

Когда говорят о значимости слова, обыкновенно и прежде всего думают о его свойстве репрезентировать понятие — это действительно один из аспектов языковой значимости. Но если это так, то чем же значимость отличается оттого, что мы называем *значением*? Являются ли эти два слова синонимами? Мы этого не думаем, хотя смешать их легко, тем более что этому способствует не столько сходство терминов, сколько тонкость обозначаемых ими различий [231].

Значимость, взятая в своем концептуальном аспекте, есть, конечно, элемент значения, и весьма трудно выяснить, чем это последнее отличается от значимости, находясь вместе с тем в зависимости от нее. Между тем этот вопрос разьяснить необходимо, иначе мы рискуем низвести язык до уровня простой номенклатуры (см. стр. 68).

Возьмем прежде всего значение, как его обычно понимают и как мы его представили выше (см. стр. 70 и ел.)

Как показывают стрелки на схеме, значением является то, что находится в отношении соответствия (*contre-partie*) с акустическим образом. Все происходит между акустическим образом и понятием в пределах слова, рассматриваемого как нечто самодовлеющее и замкнутое в себе.

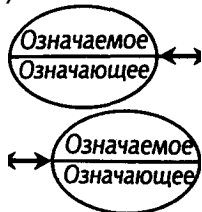
114

ЯЗЫКОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Но вот в чем парадоксальность вопроса: с одной стороны, понятие представляется нам как то, что находится в отношении соответствия с акустическим образом внутри знака, а с другой стороны, сам этот знак, то есть связывающее оба его компонента отношение, также и в той же степени находится в свою очередь в отношении соответствия с другими знаками языка.

Раз язык есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия прочих, согласно нижеследующей схеме, то спрашивается, как определенная таким образом значимость может быть спутана со значением, то есть с тем, что находится в соответствии с акустическим образом?

/Означае

^Означающее/

Представляется невозможным приравнять отношения, изображенные здесь горизонтальными стрелками, к тем, которые выше, на предыдущей схеме, изображены стрелками вертикальными. Иначе говоря, повторяя сравнение с разрезаемым листом бумаги (см. стр. 113), мы не видим, почему отношение, устанавливаемое между отдельными листами А, В, С, D и т. д., не отличается от отношения, существующего между лицевой и оборотной сторонами одного и того же листа, а именно А:А', В:В' и т. д.

Для ответа на этот вопрос прежде всего констатируем, что и за пределами языка всякая значимость [именуемая в этом случае ценностью] всегда регулируется таким же парадоксальным принципом.

В самом деле, для того чтобы было возможно говорить о ценности, необходимо:

- 1) наличие какой-либо *непохожей* вещи, которую можно *обменивать* на то, ценность чего подлежит определению;
- 2) наличие каких-то *сходных* вещей, которые можно *сравнивать* с тем, о ценности чего идет речь.

Оба эти фактора необходимы для существования ценности. Так, для того чтобы определить, какова ценность монеты в 5 франков, нужно знать: 1) что ее можно обменять на определенное количество чего-то другого, например хлеба, и 2) что ее можно сравнить с подобной ей монетой той же системы, например с мо-

нетой в один франк, или же с монетой другой системы, например с фунтом стерлингов и т. д. Подобным образом и слову может быть поставлено в соответствие нечто не похожее на него, например понятие, а с другой стороны, оно может быть сопоставлено с чем-то ему однородным, а именно с другими словами. Таким образом, для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, то есть что оно имеет то или иное значение; его надо, кроме

115

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

того, сравнить с подобными ему значимостями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить. Его содержание определяется как следует лишь при поддержке того, что существует вне его. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью, а это нечто совсем другое.

Для подтверждения этого достаточно немногих примеров. Французское слово *mouton* «баран», «баранина» может совпадать по значению с английским словом *sheep* «баран», не имея с ним одинаковой значимости, и это по многим основаниям, в частности потому, что говоря о приготовленном и поданном на стол куске мяса, англичанин скажет *mutton*, а не *sheep*. Различие в значимости между англ. *sheep* и франц. *mouton* связано с тем, что в английском наряду с *sheep* есть другое слово, чего нет во французском.

Внутри одного языка слова, выражающие близкие понятия, ограничивают друг друга: синонимы, например *redouter* «опасаться», *craindre* «бояться», *avoir peur* «испытывать страх», обладают значимостью лишь в меру взаимного противопоставления; если бы не существовало *redouter*, то все его содержание перешло бы к его конкурентам. И наоборот, бывают слова, обогащающиеся от контакта с другими словами: например, новый элемент, привходящий в значимость *decrepit* (*un vieillard decrepit* «дряхлый старик»; см. стр. 85), появляется в силу наличия рядом с этим словом другого слова—*decrepi* (*un mur decrepi* «облупившаяся стена»). Итак, значимость любого слова определяется всем тем, что с ним связано; даже у слова со значением «солнце» вряд ли возможно установить непосредственно его значимость, если не принять в соображение все то, что связано с этим словом; есть языки, в которых немислимо, например, выражение «сидеть на *солнце*».

Сказанное выше о словах имеет отношение к любым явлениям языка, например к грамматическим категориям. Так, например, значимость французского множественного числа не покрывает значимости множественного числа в санскрите, хотя их значение чаще всего совпадает: дело в том, что санскрит обладает не двумя, а тремя числами («мои глаза», «мои уши», «мои руки», «мои ноги» имели бы в санскрите форму двойственного числа); было бы неточно приписывать одинаковую значимость множественному числу в санскритском и французском языках, так как в санскритском языке множественное число употребляется не во всех тех случаях, где оно употребляется во французском; следовательно, значимость множественного числа зависит от того, что находится вне и вокруг него [в системе].

Если бы слова служили для выражения заранее данных понятий, то каждое из них находило бы точные смысловые соответствия в любом языке; но в действительности это не так. По-французски говорят *louer* (*we maison*) как в смысле «снять (дом)», так и в смысле «сдать (дом)», тоща как в немецком языке упот-

реблюются для этого два слова — *mieten* «снять» и *vermieten* «сдать», — так что точного соответствия значимостей не получается. Немецкие глаголы *schätzen* «ценить» и

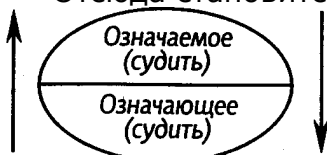
116

ЯЗЫКОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

urteilen «судить» представляют совокупность значений, соответствующих в общем и целом значениям французских слов *estimer* «ценить» *wjurer* «судить»; однако во многих случаях точность этого соответствия нарушается.

Словоизменение представляет в этом отношении особо поразительные примеры. Столь привычное нам различие времен чуждо некоторым языкам: в древнееврейском языке нет даже самого основного различия прошедшего, настоящего и будущего. В прагерманском языке не было особой формы для будущего времени; когда говорят, что в нем будущее передается через настоящее время, то выражаются неправильно, так как значимость настоящего времени в прагерманском языке не равна значимости его в тех языках, где наряду с настоящим временем имеется будущее время. Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид представляет действие в его завершенности, как некую точку, вне всякого становления; несовершенный вид — действие в процессе совершения и на линии времени. Эти категории затрудняют француза, потому что в его языке их нет; если бы они были предустановлены [вне зависимости от языка], таких затруднений бы не было. Во всех этих случаях мы, следовательно, находим вместо заранее данных *понятий значимости*, вытекающие из самой системы языка. Говоря, что они соответствуют понятиям, следует подразумевать, что они в этом случае чисто дифференциальны, то есть определяются не положительно — своим содержанием, но отрицательно — своими отношениями к прочим членам системы. Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие.

Отсюда становится ясным реальное истолкование схемы знака. Схема

означает, что понятие «судить» связано с акустическим образом судить, — одним словом, схема иллюстрирует значение. Само собой разумеется, что в понятии «судить» нет ничего изначального, что оно является лишь значимостью, определяемой своими отношениями к другим значимостям того же порядка, и что без них значение не существовало бы. Когда я ради простоты говорю, что данное слово что-то означает, когда я исхожу из ассоциации акустического образа с понятием, то я этим утверждаю то, что может быть верным лишь до некоторой степени и что может дать лишь частичное представление о действительности; но я тем самым ни в коем случае не выражаю языкового факта во всей его сути и во всей его полноте [232].

117

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

§ 3. Языковая значимость с материальной стороны [233]

Подобно концептуальной стороне, и материальная сторона значимости образуется исключительно из отношений и различий с прочими элементами языка. В

слове важен не звук сам по себе, а те звуковые различия, которые позволяют отличать это слово от всех прочих, так как они-то и являются носителем значения.

Подобное утверждение способно породить недоумение, а между тем иначе в действительности и быть не может. Поскольку нет звукового образа, отвечающего лучше других тому, что он должен выразить, постольку очевидно уже а priori, что любой сегмент языка может в конечном счете основываться лишь на своем несовпадении со всем остальным. *Произвольность и дифференциальность* суть два коррелятивных свойства.

Изменяемость языковых знаков является хорошим свидетельством этой коррелятивности. Каждый из членов отношения *a:b* сохраняет свободу изменяться согласно законам, независимым от его знаковой функции именно потому, что *a* и *b* по самой своей сути не способны проникнуть как таковые в сферу сознания, которое всегда замечает лишь различие *a:b*. Русский родительный падеж множественного числа *жен* не отмечен никаким положительным признаком (см. стр. 88), а между тем пара форм *жена: жен* функционирует столь же исправно, как и предшествовавшая ей исторически пара *•жена: жень*, и это потому, что в языке важно лишь отличие одного знака от другого: форма *жена* имеет значимость только потому, что она отличается от другой формы [234].

Другой пример еще лучше показывает, сколь важна системность в этом функционировании звуковых различий. В греческом языке *ephen*—имперфект, а *esten*—аорист, хотя обе формы образованы тождественным образом; объясняется это тем, что первая из них принадлежит к системе настоящего времени изъявительного наклонения глагола *phemi* «говорю», тогда как настоящего времени **stemi* не существует; между тем именно отношение *phemi: ephen* и отвечает отношению между настоящим временем и имперфектом (ср. *deihwmi* «показываю»: *edeiknun* «я показывал»). Указанные знаки функционируют, следовательно, не в силу своей внутренней значимости, а в силу своего положения относительно других членов системы.

К тому же звук, элемент материальный, не может сам по себе принадлежать языку. Для языка он нечто вторичное, лишь используемый языком материал. Вообще, все условные значимости характеризуются именно этим свойством не смешиваться с чувственно воспринимаемым элементом, который служит им лишь опорой. Так, ценность монеты определяет отнюдь не металл: серебряное эку номинальной ценой в пять франков содержит в себе серебра лишь на половину обозначенной суммы; она будет стоить несколько больше или несколько меньше в зависимости от вычеканенного на ней изображения, в зависимости от тех политических границ, внутри которых она имеет хождение. В еще большей степени это можно сказать об означающем в языке, которое по

118

ЯЗЫКОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

своей сущности отнюдь не является чем-то звучащим; означающее в языке бестелесно, и его создает не материальная субстанция, а исключительно те различия, которые отграничивают его акустический образ от всех прочих акустических образов [235].

Этот принцип имеет столь существенное значение, что он действует в отношении всех материальных элементов языка, включая фонемы. Каждый язык образует слова на базе своей системы звуковых элементов, каждый из которых является четко отграниченной единицей и число которых точно определено. И

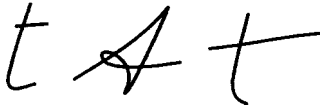
каждый из них характеризуется не свойственным ему положительным качеством, как можно было бы думать, а исключительно тем, что он не смешивается с другими. Фонемы—это прежде всего оппозитивные, относительные и отрицательные сущности [236].

Доказывается это той свободой, которой пользуется говорящий при произнесении того или иного звука при условии соблюдения границ, которыми данный звук отделяется от других. Так, например, по-французски почти всеобщее обыкновение произносить картавое *г* не препятствует отдельным лицам произносить его раскатисто; язык от этого ничуть не страдает, он требует только различения, а отнюдь не того, как можно было бы думать, чтобы у каждого звука всегда было неизменное качество. Я даже могу произносить французское *г* как немецкое *ch* в словах *Bach, doch* и т. п., но по-немецки я не могу произнести *ch* вместо *г*, так как в этом языке имеются оба элемента, которые и должны различаться. Так и по-русски не может быть свободы в произношении *t* наподобие /' (смягченного *t*), потому что в результате получилось бы смешение двух различаемых в языке звуков (ср. *говорить* и *говорит*), но может быть допущено отклонение в сторону *th* (придыхательного *t*), так как *th* отсутствует в системе фонем русского языка [237].

Поскольку такое же положение вещей наблюдается в иной системе знаков, каковой является письменность, мы можем привлечь ее для сравнения в целях лучшего уяснения этой проблемы [238]. В самом деле:

- 1) знаки письма произвольны; нет никакой связи между написанием, например, буквы *t* и звуком, ею изображаемым;
- 2) значимость букв чисто отрицательная и дифференциальная:

одно и то же лицо может писать *t* по-разному, например:

соблюдая единственное условие: написание знака / не должно смешиваться с написанием /, *d* и прочих букв;

- 3) значимости в письме имеют силу лишь в меру взаимного противопоставления в рамках определенной системы, состоящей из ограниченного количества букв. Это свойство, не совпадая с тем, которое сформулировано в п. 2, тесно с ним связано, так как оба они

119

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

зависят от первого. Поскольку графический знак произволен, его форма малосущественна или, лучше сказать, существенна лишь в пределах, обусловленных системой;

- 4) средство, используемое для написания знака, совершенно для него безразлично, так как оно не затрагивает системы (это вытекает уже из первого свойства): я могу писать буквы любыми чернилами, пером или резцом и т. д. — все это никак не сказывается на значении графических знаков.

§ 4. Рассмотрение знака в целом [239]

Все сказанное выше приводит нас к выводу, что в языке нет ничего, кроме различий. Вообще говоря, различие предполагает наличие положительных членов отношения, между которыми оно устанавливается. Однако в языке имеются только различия без положительных членов системы. Какую бы сторону знака мы ни взяли, означающее или означаемое, всюду наблюдается одна и

та же картина: в языке нет ни понятий, ни звуков, которые существовали бы независимо от языковой системы, а есть только смысловые различия и звуковые различия [240], проистекающие из этой системы. И понятие и звуковой материал, заключенные в знаке, имеют меньше значения, нежели то, что есть вокруг него в других знаках. Доказывается это тем, что значимость члена системы может изменяться без изменения как его смысла, так и его звуков исключительно вследствие того обстоятельства, что какой-либо другой, смежный член системы претерпел изменение (см. стр. 116) [241].

Однако утверждать, что в языке все отрицательно, верно лишь в отношении означаемого и означающего, взятых в отдельности;

как только мы начинаем рассматривать знак в целом, мы оказываемся перед чем-то в своем роде положительным. Языковая система есть ряд различий в звуках, связанных с рядом различий в понятиях, но такое сопоставление некоего количества акустических знаков с равным числом отрезков, выделяемых в массе мыслимого, порождает систему значимостей; и эта-то система значимостей создает действительную связь между звуковыми и психическими элементами внутри каждого знака. Хотя означаемое и означающее, взятые в отдельности,— величины чисто дифференциальные и отрицательные, их сочетание есть факт положительный. Это даже единственный вид фактов, которые имеются в языке, потому что основным свойством языкового устройства является как раз сохранение параллелизма между этими двумя рядами различий [242].

Некоторые диахронические факты весьма характерны в этом отношении: это все те бесчисленные случаи, когда изменение означающего приводит к изменению понятия и когда обнаруживается, что в основном сумма различаемых понятий соответствует сумме различающих знаков. Когда в результате фонетических изменений два элемента смешиваются (например, франц. *decrepit* при лат. *decrepitus* и

120

ЯЗЫКОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

франц. *decrepi* при лат. *crispus* — см. стр. 85), то и понятие проявляет тенденцию к смешению, если только этому благоприятствуют данные. А если слово дифференцируется, как, например, франц. *chaise* «стул» и *chaire* «кафедра»? В таком случае возникшее различие неминуемо проявляет тенденцию стать значимым [243], что, впрочем, удастся далеко не всегда и не сразу. И наоборот, всякое концептуальное различие, усмотренное мыслью, стремится выразить себя в различных означающих, а два понятия, более неразличаемые в мысли, стремятся слиться в одном означающем.

Если сравнивать между собой знаки, положительные члены системы, то говорить в данном случае о различии уже больше нельзя. Это выражение здесь не вполне подходит, так как оно может применяться лишь в случае сравнения двух акустических образов, например *отец* и *мать*, или сравнения двух понятий, например понятия «отец» и понятия «мать». Два знака, каждый [244] из которых содержит в себе означаемое и означающее, не различны (*differents*), а лишь различимы (*distincts*). Между ними есть лишь *оппозиция*. Весь механизм языка, о чем речь будет ниже, покоится на такого рода противопоставлениях и на вытекающих из них звуковых [245] и смысловых различиях.

То, что верно относительно значимости, верно и относительно единицы (см. стр. 111). Последняя есть сегмент в речевом потоке, соответствующий определенному понятию, причем как сегмент, так и понятие по своей природе чисто

дифференциальны.

В применении к единице принцип дифференциации может быть сформулирован так: *отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей*. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу.

Из того же принципа вытекает еще одно несколько парадоксальное следствие: то, что обычно называют «грамматическим фактом», в конечном счете соответствует определению единицы, так как он всегда выражает противопоставление членов системы; просто в данном случае противопоставление оказывается особо значимым. Возьмем, например, образование множественного числа типа *Nacht: Nachte* в немецком языке. Каждый из членов Этого грамматического противопоставления (ед. ч. без умлаута и без конечного е, противопоставленное мн. ч. с умлаутом и с е) сам образован целым рядом взаимодействующих противопоставлений внутри системы;

взятые в отдельности, ни *Nacht*, ни *Nachte* ничего не значат; следовательно, все дело в противопоставлении. Иначе говоря, отношение *Nacht: Nachte* можно выразить алгебраической формулой $a:b$, где a и b являются результатом совокупного ряда отношений, а не простыми членами данного отношения. Язык—это, так сказать, такая алгебра, где имеются лишь сложные члены системы. Среди имеющихся в нем противопоставлений одни более значимы, чем другие;

121

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

но «единица» и «грамматический факт»—лишь различные названия для обозначения разных аспектов одного и того же явления:

действия языковых противопоставлений. Это до такой степени верно, что к проблеме единицы можно было бы подходить со стороны фактов грамматики. При этом нужно было бы, установив противопоставление *Nacht: Nachte*, спросить себя, какие единицы участвуют в этом противопоставлении: только ли данные два слова, или же весь ряд подобных слов, или же a и a , или же все формы обоих чисел и т. д.?

Единица и грамматический факт не покрывали бы друг друга, если бы языковые знаки состояли из чего-либо другого, кроме различий. Но поскольку язык именно таков, то с какой бы стороны к нему ни подходить, в нем не найти ничего простого: всюду и всегда он предстает перед нами как сложное равновесие обуславливающих друг друга членов системы. Иначе говоря, *язык есть форма, а не субстанция* (см. стр. 113). Необходимо как можно глубже проникнуться этой истиной, ибо все ошибки терминологии, все наши неточные характеристики явлений языка коренятся в том невольном предположении, что в языке есть какая-то субстанциальность.

Глава V

Синтагматические отношения и ассоциативные отношения

§ 1. Определения [246]

Итак, в каждом данном состоянии языка все покоится на отношениях. Что же представляют собою эти отношения?

Отношения и различия между членами языковой системы развертываются в двух разных сферах, каждая из которых образует свой ряд значимостей; противопоставление этих двух рядов позволит лучше уяснить природу каждого из

них. Они соответствуют двум формам нашей умственной деятельности, равно необходимым для жизни языка.

С одной стороны, слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно (см. стр. 72). Эти элементы выстраиваются один за другим в потоке речи. Такие сочетания, имеющие протяженность, можно назвать *синтагмами* [247]. Таким образом, *синтагма всегда состоит минимум из двух следующих друг за другом единиц (например, re-lire «перечитать», contre tous «против всех», la vie humaine «человеческая жизнь», s'il fait beau temps, nous sortirons «если будет хорошая погода, мы пойдем гулять» и т. п.)*. Член синтагмы получает значимость лишь в меру своего противопоставления либо тому, что ему предшествует, либо тому, что за ним следует, или же тому и другому вместе.

С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения. Так, слово *enseignement* «обучение» невольно вызывает в сознании множество других слов (например, *enseigner* «обучать», *re-enseigner* «снова учить» и др., или *armement* «вооружение», *changement* «перемена» и др., или *education* «образование», *apprentissage* «учение» и др.), которые той или иной чертой сходны между собою.

Нетрудно видеть, что эти отношения имеют совершенно иной характер, нежели те отношения, о которых только что шла речь. Они не опираются на протяженность, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык. Эти отношения мы будем называть *ассоциативными отношениями* [248].

Излишне указывать, что учение о *синтагмах* не совпадает с *синтаксисом*, являющимся, как мы увидим ниже, лишь частью его.

123

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Синтагматическое отношение всегда *in praesentia*: оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности. Наоборот, ассоциативное отношение соединяет члены этого отношения в виртуальный, мнемонический ряд; члены его всегда *in absentia*.

Языковую единицу, рассмотренную с этих двух точек зрения, можно сравнить с определенной частью здания, например с колонной: с одной стороны, колонна находится в определенном отношении с поддерживаемым ею архитравом—это взаиморасположение двух единиц, одинаково присутствующих в пространстве, напоминает синтагматическое отношение; с другой стороны, если эта колонна дорического ордера, она вызывает в мысли сравнение с другими ордерами (ионическим, коринфским и т. д.), то есть с такими элементами, которые не присутствуют в данном пространстве,—это ассоциативное отношение.

Каждый из этих рядов отношений требует некоторых специальных замечаний.

§ 2. Синтагматические отношения [249]

Наши примеры на стр. 123 уже позволяли заключить, что понятие синтагмы относится не только к словам, но и к сочетаниям слов, к сложным единицам всякого рода и любой длины (сложные слова, производные слова, члены предложения, целые предложения).

Недостаточно рассмотреть отношения, объединяющие отдельные части синтагмы между собою (например, *centre* «против» и *tons* «всех» в синтагме *contre tons* «против всех» или *centre* и *maitre* в синтагме *contremaitre* «старший рабочий», «мастер»); нужно также принимать во внимание то отношение, которое связывает целое с его частями (например, *contre tous* по отношению к *contre*, с одной стороны, и к *tons*, с другой стороны, или *contremaitre* — по отношению к *contre*, с одной стороны, и *maitre*, с другой стороны).

Здесь можно было бы возразить: поскольку типичным проявлением синтагмы является предложение, а оно принадлежит речи, а не языку, то не следует ли из этого, что и синтагма относится к области речи? Мы полагаем, что это не так. Характерным свойством речи является свобода комбинирования элементов; надо, следовательно, поставить вопрос: все ли синтагмы в одинаковой мере свободны?

Прежде всего, мы встречаемся с огромным количеством выражений, относящихся, безусловно, к языку: это те вполне готовые речения, в которых обычай воспрещает что-либо менять даже в том случае, если по зрелом размышлении в них можно различить значимые части, например *a quoi bon?* «к чему?», *allons done!* «да полноте же!» и т. д. Приблизительно то же, хотя в меньшей степени, относится к таким выражениям, как *prendre la mouche* «сердиться по пустякам», *forcer la main a quelqu'un* «принудить к чему-либо», *prendre la lance* «ломать копья», *avoir mal a (la tete...)* «чувствовать боль (в

124

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АССОЦИАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
голове и т. д.)», *pas n'est besoin de...* «нет никакой необходимости. ..», *que vous en semble?* «что вы думаете об этом?». Узуальный характер этих выражений вытекает из особенностей их значения или их синтаксиса [250]. Такие обороты не могут быть импровизированы; они передаются готовыми, по традиции. Можно сослаться еще и на те слова, которые, будучи вполне доступными анализу, характеризуются тем не менее какой-либо морфологической аномалией, сохраняемой лишь в силу обычая (ср. *difficulte* «трудность» *premierite* «легкость», *mourrai* «умру» при *dormirai* «буду спать»).

Но это не все. К языку, а не к речи надо отнести и все типы синтагм, которые построены по определенным правилам. В самом деле, поскольку в языке нет ничего абстрактного, эти типы могут существовать лишь в том случае, если в языке зарегистрировано достаточное количество их образцов. Когда в речи возникает такая импровизация, как *indecorable* (см. стр. 167), она предполагает определенный тип, каковой в свою очередь возможен лишь в силу наличия в памяти достаточного количества подобных слов, принадлежащих языку (*impardonnable* «непростительный», *intolérable* «нетерпимый», *infatigable* «неутомимый» и т. д.). Точно то же можно сказать и о предложениях и словосочетаниях, составленных по определенному шаблону; такие сочетания, как *la terre tourne* «земля вращается», *que vous dit-il?* «что он вам сказал?», отвечают общим типам, которые в свою очередь принадлежат языку, сохраняясь в памяти говорящих [251].

Но надо признать, что в области синтагм нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы. Во многих случаях представляется затруднительным отнести туда или сюда данную комбинацию единиц, потому что в создании ее участвовали оба фактора, и в таких пропорциях, определить которые невоз-

можно.

§ 3. Ассоциативные отношения [252]

Образуемые в нашем сознании ассоциативные группы не ограничиваются сближением членов отношения, имеющих нечто общее,— ум схватывает и характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений. Так, в *enseignement* «обучение», *enseigner* «обучать», *enseignons* «обучаем» и т. д. есть общий всем членам отношения элемент—корень; но то же слово *enseignement* может попасть и в другой ряд, характеризуемый общностью другого элемента — суффикса: *enseignement* «обучение», *armement* «вооружение», *changement* «изменение» и т. д.; ассоциация может также покоиться единственно на сходстве означаемых (*enseignement* «обучение», *instruction* «инструктирование», *apprentissage* «учение», *education* «образование» и т. д.), или, наоборот, исключительно на общности акустических

125

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

образов (например: *enseignement* «обучение» *Hjustementf* «справедливо»)¹. Налицо, таким образом, либо общность как по смыслу, так и по форме, либо только по форме, либо только по смыслу. Любое слово всегда может вызвать в памяти все, что способно тем или иным способом с ним ассоциироваться.

(*enseignement*)

enseigner, ^' ; \ '-. { . l e m e n t

. *enseignons* ^ / ' , c e m e n t

ут. 'ó⁷""¹ *apprentice* *changement* "" ^

/ **Gf4i i / " ^ ^ ! / \ n** ^ f . ' v » / \ f » 4 r t M +

"" ● ' ^ u *

education *armement*

и т/д. и \.д.

и т'.ó. и г:о.

В то время как синтагма сразу же вызывает представление о последовательности и определенном числе сменяющих друг друга элементов, члены, составляющие ассоциативную группу, не даны в сознании ни в определенном количестве, ни в определенном порядке. Если начать подбирать ассоциативный ряд к таким словам, как *desir-aveux* «жаждущий», *chaleur-eux* «пылкий» и т. д., то нельзя наперед сказать, каково будет число подсказываемых памятью слов и в каком порядке они будут возникать. Любой член группы можно рассматривать как своего рода центр созвездия, как точку, где сходятся другие, координируемые с ним члены группы, число которых безгранично [253].

Впрочем, из этих двух свойств ассоциативного ряда — неопределенности порядка и безграничности количества — лишь первое всегда налицо; второе может отсутствовать, как, например, в том характерном для этого ряда типе, каковым являются

¹ Этот последний случай редок, и его можно считать ненормальным, потому что наш разум, естественно, устраняет ассоциации, способные затемнить понимаемость речи; однако существование подобных случаев доказывается явлениями игры слов, покоящимися на нелепых смешениях, которые могут произойти от самой простой омонимии типа *Les musiciens produisent les sons et les grainetiers les vendent*. Этот случай следует отличать от тех случаев, когда ассоциация, хотя и чисто случайная, может опереться на сближение понятий. «Музыканты производят звуки/отруби, а торговцы зерном их продают» — предложение, воз-

можно во французском языке в силу омонимии sons «звуки» и sons «отруби» (ср. франц. ergot «петушиная шпора»: ergo-ter «придираться»; нем. Blau «синий»: durchblauen «поколотить»): здесь дело идет о новом истолковании одного из членов сопоставляемой пары—это случай народной этимологии (см. стр. 174). Этот факт интересен для семантической эволюции, но с точки зрения синхронической он просто входит в упомянутую выше категорию типа enseigner: enseignement.

126

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АССОЦИАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ парадигмы словоизменения. В таком ряду, как лат. *dominus*, *do-mim*, *domino* и т. д., мы имеем ассоциативную группу, образованную общим элементом — именной основой *domin-*, но ряд этот небезграничен, наподобие ряда *enseignement*, *changement* и т. д.:

число падежей является строго определенным, но порядок их следования не фиксирован и та или другая группировка их зависит исключительно от произвола автора грамматики; в сознании говорящих именительный падеж — вовсе не первый падеж склонения; члены парадигмы могут возникать в том или ином порядке чисто случайно [254].

Глава VI Механизм языка

§ 1. Синтагматические единства [255]

Итак, образующая язык совокупность звуковых [256] и смысловых различий является результатом двоякого рода общностей—ассоциативных и синтагматических. Как те, так и другие в значительной мере устанавливаются самим языком; именно эта совокупность отношений составляет язык и определяет его функционирование.

Первое, что нас поражает в этой организации,— это *синтагматические единства*: почти все единицы языка находятся в зависимости либо от того, что их окружает в потоке речи, либо от тех частей, из коих они состоят сами.

Словообразование служит этому хорошим примером. Такая единица, как *desireux* «жаждущий», распадается на две единицы низшего порядка (*desir-eux*), но это не две самостоятельные части, попросту сложенные одна с другой (*desir* + *eux*), а соединение или произведение двух взаимосвязанных элементов, обладающих значимостью лишь в меру своего взаимодействия в единице высшего порядка (*desir* и *eux*). Суффикс *-eux* сам по себе не существует; свое место в языке он получает благодаря целому ряду таких слов, как *chaleux-eux* «пыльный», *chanceux-eux* «удачливый» и т. д. Но и корень не автономен, он существует лишь в силу своего сочетания с суффиксом: в слове *mul-is* «качка» элемент *rod-* ничего не значит без следующего за ним суффикса *-is*. Значимость целого определяется его частями, значимость частей—их местом в целом; вот почему синтагматическое отношение части к целому столь же важно, как и отношение между частями целого [257].

Это и есть общий принцип, обнаруживающийся во всех перечисленных выше синтагмах (см. стр. 124); всюду мы видим более крупные единицы, составленные из более мелких, причем и те и другие находятся в отношении взаимной связи, образующей единство.

В языке, правда, имеются и самостоятельные единицы, не находящиеся в синтагматической связи ни со своими частями, ни с другими единицами. Хорошими примерами могут служить такие эквиваленты предложения, как *oui* «да», *поп*

«нет», *merci* «спасибо» и т. д. Но этого факта, к тому же исключительного, недостаточно, чтобы опорочить общий принцип. Как правило, мы говорим не изолированными знаками, но сочетаниями знаков, организованными множествами, которые в свою очередь тоже являются знаками. В языке все сводится к различиям, но в нем все сводится равным образом и к группировкам. Этот механизм, представляющий собой ряд следующих друг за другом и выполняющих определенные функции членов отношения, напоминает работу машины, отдельные части которой находятся во взаимодействии, с той лишь разницей, что члены этого механизма расположены в одном измерении.

128

МЕХАНИЗМ ЯЗЫКА

§ 2. Одновременное действие синтагматических и ассоциативных групп [258]

Образующиеся таким образом синтагматические группы связаны взаимозависимостью [с ассоциативными]; они обуславливают друг друга. В самом деле, координация в пространстве способствует созданию ассоциативных координации, которые в свою очередь оказываются необходимыми для выделения составных частей синтагмы.

Возьмем сложное слово *defaire* «разрушать», «отделять». Мы можем его изобразить на горизонтальной оси, соответствующей потоку речи:

_____ *de-faire* —»-

Одновременно с этим, но только по другой оси, в подсознании хранится один или несколько ассоциативных рядов, содержащих такие единицы, которые имеют по одному общему элементу от данной синтагмы, например:

_____ *de-faire* ——^~
decoDer deplacer decoudhe ur.df
-fafre refaire

\

coniefaire
UNT.O.

Равным образом и лат. *quadruples* «четверной» является синтагмой лишь потому, что опирается на два ассоциативных ряда:

quadru-plex ——^-

\
quadnjpes 'simplex
quadrifrphs iriptex
quadracfihta centuplex
 и т.д. ù'т.ó.
 / \
 / \

Defaire и *quadruplex* могут быть разложены на единицы низшего порядка, иначе говоря, являются синтагмами лишь постольку, поскольку вокруг них оказываются все перечисленные другие формы. Если бы эти формы, содержащие *de-wmfaire*, исчезли из языка,

129

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

defaire перестало бы быть разложимым, оно превратилось бы в простую единицу и обе его части оказались бы непротивопоставимыми друг другу.

Так выясняется функционирование этой двоякой системы в речи.

Наша память хранит все более или менее сложные типы синтагм, какого бы рода и какой бы протяженности они ни были; когда нужно их использовать, мы прибегаем к ассоциативным группам, чтобы обеспечить выбор нужного сочетания. Когда кто-либо говорит *marchons!* «идем!», он, сам не сознавая того, обращается к ассоциативным группам, на пересечении которых находится синтагма *marchons!* Эта синтагма, с одной стороны, значит в ряду *marche!* «иди!», *marchez!* «идите!», и выбор определяется противопоставлением формы *marchons!* этим формам; с другой стороны, *marchons!* вызывает в памяти ряд *montons!* «взойдем!», *tap-geons!* «съедем!», внутри которого она выбирается аналогичным образом. Известно, какие мены надо проделать в каждом ряду, чтобы получить выделение искомой единицы. Достаточно измениться смыслу, который подлечит выражению, чтобы для возникновения другой значимости, например *marchez!* или *montons!*, оказались необходимыми другие противопоставления.

Итак, недостаточно сказать, встав на позитивную точку зрения, что мы выбираем *marchons!* потому, что оно означает то, что нам хочется выразить. В действительности понятие вызывает не форму, а целую скрытую систему, благодаря чему возникают противопоставления, необходимые для образования нужного знака. Знак же сам по себе никакого присущего ему значения не имеет. Если бы наступил момент, когда рядом с *marchons!* не оказалось бы ни *marche!*, ни *marchez!*, то отпали бы некоторые противопоставления и *ipso facto* изменилась бы значимость знака *marchons!*

Этот принцип применим к синтагмам и предложениям всех типов, даже наиболее сложным. Произнося *que vous dit-il?* «что он вам говорит?», мы меняем один из элементов в латентном синтагматическом типе, например: *que te dit-il?* «что он тебе говорит?», *que nous dit-il?* «что он нам говорит?» и т. д. И вот таким путем наш выбор останавливается на местоимении *vous* «вам». Таким образом, при этой операции, состоящей в умственном отстранении всего, что не приводит к желательной дифференциации в желательной точке, действуют и ассоциативные группы, и синтагматические типы.

С другой стороны, этому приему фиксации и выбора подчиняются и самые мелкие единицы, вплоть до фонологических элементов [259], когда они облечены значимостью. Мы имеем в виду не только такие случаи, как французское *patit* (пишется *petite*) «маленькая» наряду с *spati* (пишется *petit*) «маленький» или латинское *domim* «господина» наряду с *domino* «господину» и т. п., где в силу случайности смысловое различие покоится на одной фонеме, но и то более характерное и сложное явление, когда фонема сама по себе играет

130

МЕХАНИЗМ ЯЗЫКА

известную роль в системе данного состояния языка. Если, например, в греческом языке *t, p, t* и др. никогда не могут стоять в конце слова, то это равносильно тому, что их наличие или отсутствие в том или ином месте принимается в расчет в структуре слова и в структуре предложения. Ведь во всех такого рода случаях изолированный звук выбирается, как и все прочие языковые единицы, в результате двоякого мысленного противопоставления: так, в воображаемом сочетании

апта звук *m* находится в синтагматическом противопоставлении с окружающими его звуками и в ассоциативном противопоставлении со всеми теми, которые могут возникнуть в сознании,

§ 3. Произвольность знака, абсолютная и относительная [260]

Механизм языка может быть представлен и под другим, исключительно важным углом зрения.

Основной принцип произвольности знака не препятствует различать в каждом языке то, что в корне произвольно, то есть немотивировано, от того, что произвольно лишь относительно. Только часть знаков является абсолютно произвольной; у других же знаков обнаруживаются признаки, позволяющие отнести их к произвольным различной степени: *знак может быть относительно мотивированным*.

Так, *vingt* «двадцать» немотивировано; но *dix-neuf* «девятнадцать» немотивировано в относительно меньшей степени, потому что оно вызывает представление о словах, из которых составлено, и о других, которые с ним ассоциируются, как, например, *dix* «десять», *neuf* «девять», *vingt-neuf* «двадцать девять», *dix-huit* «восемнадцать» и т. п.; взятые в отдельности *dix* и *neuf* столь же произвольны, как и *vingt*, но *dix-neuf* представляет случай относительной мотивированности™. То же можно сказать и о франц. *poirier* «груша» (дерево), которое напоминает о простом слове *poire* «груша» (плод) и чей суффикс *-ier* вызывает в памяти *pommier* «яблоня», *cerisier* «вишня (дерево)» и др. Совсем иной случай представляют такие названия деревьев, как *frene* «ясень», *chene* «дуб» и т. д. Сравним еще совершенно немотивированное *berger* «пастух» и относительно мотивированное *vocher* «пастух», а также такие пары, как *geole* «тюрьма» и *cachot* «темница» (ср. *cacher* «прятать»), *concierge* «консьерж» и *portier* «портье» (ср. *porte* «дверь»), *jadis* «некогда» и *autrefois* «прежде» (ср. *autre* «другой» + /ои «раз»), *souvent* «часто» *nfrequemment* «нередко» (ср. *frequent* «частый»), *aveugle* «слепой» и *boiteux* «хромой» (ср. *hotter* «хромать»), *sourd* «глухой» и *bossu* «горбатый» (ср. *bosse* «горб»), нем. *Laub* и франц. *feuillage* «листва» (ср. *feuille* «лист»), франц. *metier* и нем. *Handwerk* «ремесло» (ср. *Hand* <. <рука> + *Werk* «работа»). Английское мн. ч. *ships* «корабли» своей формой напоминает весь *pw. flags*

131

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

«флаги», *birds* «птицы», *books* «книги» и т. д., а *men* «люди», *sheep* «овцы» ничего не напоминает. Греч. *doso* «дам» выражает идею будущего времени знаком, вызывающим ассоциацию с /иго «развяжу», *steso* «поставлю», *tupso* «ударю» и т. д., а *eimi* «пойду» совершенно изолировано.

Здесь не место выяснять факторы, в каждом отдельном случае обуславливающие мотивацию: она всегда тем полнее, чем легче синтагматический анализ и очевиднее смысл единиц низшего уровня. В самом деле, наряду с такими прозрачными формантами, как *-ier* в слове *po-ir-ier*, сопоставляемом *sromm-ier*, *ceris-ier* и т. д., есть другие, чье значение смутно или вовсе ничтожно, например, какому элементу смысла соответствует суффикс *-ot* в слове *cachot* «темница» [261]? Сопоставляя такие слова, как *coutelas* <. <ицак>, *fatras* «ворох», *platras* «штукатурный мусор», *sanevas* «канва», мы смутно чувствуем, что *-as* есть свойственный существительным формант, но не в состоянии охарактеризовать его более точно. Впрочем, даже в наиболее благоприятных случаях мотивация никогда не абсолютна. Не только элементы мотивированного знака са-

ми по себе произвольны (ср. *dix* «десять», *pe* «девять» в *dix-neuf* «евятнадцать»), но и значимость знака в целом никогда не равна сумме значимостей его частей; *poir* χ *ier* не равно *poir*+ *ier* (см. стр. 128).

Что касается самого явления, то объясняется оно на основе изложенных в предыдущем параграфе принципов: понятие относительно мотивированного пред-полагает 1) анализ данного элемента, следовательно, синтагматическое отношение, 2) притягивание одного или нескольких других элементов, следовательно, ассоциативное отношение. Это не что иное, как механизм, при помощи которого данный элемент оказывается пригодным для выражения данного понятия. До сих пор, рассматривая языковые единицы как значимости, то есть как элементы системы, мы брали их главным образом в их противопоставлениях; теперь мы стараемся усматривать объединяющие их единства: эти единства ассоциативного порядка и порядка синтагматического, и они-то ограничивают произвольность знака. *Dix-ne-uf* ассоциативно связано с *dix-huit*, *soixante-dix* и т. д., а синтагматически — со своими элементами *dix* и *pe* (см. стр. 129). Оба эти отношения создают известную часть значимости целого.

По нашему глубокому убеждению, все, относящееся к языку как к системе, требует рассмотрения именно с этой точки зрения, которой почти не интересуются лингвисты, — с точки зрения ограничения произвольности языкового знака [262]. Это наилучшая основа исследования. В самом деле, вся система языка покоится на иррациональном принципе произвольности знака, а этот принцип в случае его неограниченного применения привел бы к невероятной сложности. Однако разуму удается ввести принцип порядка и регулярности в некоторые участки всей массы знаков, и именно здесь проявляется роль относительной мотивированности. Если бы механизм языка был полностью рационален, его можно было бы изучать как вещь в себе (*en lui mème*), но, поскольку он представляет собой лишь частичное исправление хаотичной по

132

МЕХАНИЗМ ЯЗЫКА

природе системы, изучение языка с точки зрения ограничения произвольности знаков навязывается нам самой его природой [263].

Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но невысказано себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между этими двумя крайними точками — наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью — можно найти все промежуточные случаи. Во всех языках имеются двоякого рода элементы — целиком произвольные и относительно мотивированные, — но в весьма разных пропорциях, и эту особенность языков можно использовать при их классификации.

Чтобы лучше подчеркнуть одну из форм этого противопоставления, можно было бы в известном смысле, не придавая этому, впрочем, буквального значения, называть те языки, где немотивированность достигает своего максимума, *лексическими*, а те, где она снижается до минимума, — *грамматическими*. Это, разумеется, не означает, что «лексика» и «произвольность», с одной стороны, «грамматика» и «относительная мотивированность» — с другой, всегда синонимичны, однако между членами обеих пар имеется некоторая принципиальная общность. Это как бы два полюса, между которыми движется вся языковая система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексических средств — немотивированных знаков, с другой стороны — предпочтение, оказываемое

грамматическим средствам, а именно — правилам конструирования. Можно отметить, например, что в английском языке значительно больше немотивированного, чем, скажем, в немецком; примером ультралексического языка является китайский, а индоевропейский праязык и санскрит—образцы ультраграмматических языков. Внутри отдельного языка все его эволюционное движение может выражаться в непрерывном переходе от мотивированного к произвольному и от произвольного к мотивированному; в результате этих разнонаправленных течений сплошь и рядом происходит значительный сдвиг в отношении между этими двумя категориями знаков. Так, например, французский язык по сравнению с латинским характеризуется, между прочим, огромным возрастанием произвольного: лат. *inimicus* «враг» распадается на *in-* (отрицание) и *amicus* «друг» и ими мотивируется, а франц. *ennemi* «враг» не мотивировано ничем, оно всецело относится к сфере абсолютно произвольного, к чему, впрочем, в конце концов, сводится всякий языковой знак. Такой же сдвиг от относительной мотивированности™ к полной Немотивированности™ можно наблюдать на сотне других примеров: ср. лат. *constare* (*stare* «стоять») : франц. *coûter* «стоить», лат. *fabrica* (*faber* «кузнец»): франц. *forge* «кузница», лат. *magister* (*magis* «больше»): франц. *maitre* «учитель», нар. лат. *berbicularius* (*berbix* «овца»): франц. *berger* «пастух» и т. д. Этот прирост элементов произвольностей — одна из характернейших черт французского языка [264].

Глава VII Грамматика и ее разделы

§ 1. Определение грамматики; традиционное деление грамматики [265]

Статическая лингвистика, или, иначе, описание данного состояния языка, может быть названа *грамматикой* в том весьма точном и к тому же привычном смысле этого слова, который встречается в таких выражениях, как «грамматика шахматной игры», «грамматика биржи» и т. п., где речь идет о чем-то сложном и системном, о функционировании сосуществующих значимостей.

Грамматика изучает язык как систему средств выражения; понятие грамматического покрывается понятиями синхронического и значимого, а поскольку не может быть системы, охватывающей одновременно несколько эпох, мы отрицаем возможность «исторической грамматики»; то, что называется этим именем, в действительности есть не что иное, как диахроническая лингвистика [266].

Наше определение не согласуется с тем более узким определением, которое обычно дается грамматике. В самом деле, под этим названием принято объединять *морфологию* и *синтаксис*, а *лексикология* — иначе, наука о словах — из грамматики исключается вовсе.

Но прежде всего, в какой мере это деление отвечает действительности? Согласуется ли оно с только что установленными нами принципами?

Морфология занимается разными категориями слов (глаголы, имена, прилагательные, местоимения и пр.) и различными формами словоизменения (спряжение, склонение). Отделяя морфологию от синтаксиса, ссылаются на то, что объектом этого последнего являются присущие языковым единицам функции, тогда как морфология рассматривает только их форму: она ограничивается, например, утверждением, что родительный падеж от греческого слова *phulax* «сторож» будет *phulakos*, а синтаксис сообщает об употреблении этих двух форм.

Но это различие обманчиво: разные формы существительного *phulax* объединяются в единую парадигму склонения только благодаря сравнению функций, свойственных этим формам; с другой стороны, эти функции входят в мор-

фологию лишь постольку, поскольку каждой из них соответствует определенный звуковой показатель (sig-pe). Склонение не есть ни перечень форм, ни ряд логических абстракций, но соединение того и другого (см. стр. 103): формы и функции образуют единство и разъединение их затруднительно, чтобы не сказать — невозможно. С лингвистической точки зрения у морфологии

134

ГРАММАТИКА И ЕЕ РАЗДЕЛЫ

нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины.

А с другой стороны, логично ли исключать лексикологию из грамматики? На первый взгляд может показаться, что слова, как они даны в словаре, как будто бы не поддаются грамматическому изучению, объектом которого обычно бывают отношения между отдельными единицами. Но сразу же мы замечаем, что многие из этих отношений могут быть выражены с равным успехом как грамматическими средствами, так и словами. Так, латинские слова *facio* «делаюсь», «становлюсь» и *facio* «делаю» взаимно противопоставлены, совершенно так же, как *cror* «говорюсь» (=обо мне говорят) и *dfco* «говорю», являющиеся грамматическими формами одного и того же слова; в русском языке различие видов (совершенного и несовершенного) выражено грамматически в случае *спросить: спрашивать* и лексически в случае *ска-зять: говорить*. Предлоги обыкновенно относят к грамматике; однако предложное речение *е отношении к* по сути своей лексично, так как слово *отношение* фигурирует в нем в своем прямом смысле. Сравнивая греч. *peitho* «убеждаю»: *peithomai* «слушаюсь», «повинуюсь» с франц. *je persuade* «убеждаю»: *j'obeis* «повинуюсь», мы видим, что одно и то же противопоставление в одном языке выражено грамматически, в другом — лексически. Многие отношения, выражаемые в одних языках падежами или предлогами, в других языках передаются сложными словами, приближающимися к собственно словам (франц. *royaume des deux* и нем. *Himmelreich* «царство небесное»), или производными (франц. *moulin a vent* и польск. *wiatr-ak* «ветряная мельница»), или, наконец, простыми словами (франц. *bois de chauffage* и русск. *дрова*, франц. *bois de construction* и русск. [строевой] *лес*). Сплошь и рядом наблюдается также взаимная замена простых слов и составных речений внутри одного языка (ср. *соображать и принимать в соображение; наказывать и подвергать наказанию*).

Итак, мы видим, что с точки зрения функции лексические факты могут совпадать с фактами синтаксическими. С другой стороны, всякое слово, не являющееся простой и неразложимой единицей, ничем существенным не отличается от члена предложения, то есть от факта синтаксического: комбинирование (*agencement*) и порядок составляющих его единиц низшего уровня подчиняются тем же основным принципам, что и образование словосочетаний из слов. Не отрицая того, что традиционное деление грамматики практически может оказаться полезным, мы тем не менее приходим к выводу, что оно не соответствует естественным различиям; традиционно выделяемые разделы грамматики не связаны между собой какими-либо рациональными связями. Грамматика может и должна строиться на иных, более основательных принципах.

135

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

§ 2. Рациональное деление грамматики [267]

Взаимопроникновение морфологии, синтаксиса и лексикологии объясняется, по существу, тождественным характером всех синхронических фактов. Между ними не может быть никаких заранее начертанных границ. Лишь установленное выше различие отношений, синтагматических и ассоциативных, представляет основу для классификации, которую навязывают сами факты и на которой единственно может строиться грамматическая система.

Все, в чем выражено данное состояние языка, надо уметь свести к теории синтагм и к теории ассоциаций. Уже сейчас без особого труда можно было бы наметить распределение по этим двум разделам некоторых частей традиционной грамматики: словоизменение является, конечно, типичным примером ассоциации форм в сознании говорящих; с другой стороны, синтаксис, то есть, согласно наиболее распространенному определению, теория словосочетаний, входит в синтагматику, так как словосочетания всегда предполагают по меньшей мере две распределенные в пространстве единицы. Не все синтагматические явления попадают в синтаксис, но все явления синтаксиса относятся к синтагматике.

На любом разделе грамматики можно было бы показать все преимущества, проистекающие от изучения каждого вопроса под этим двояким углом зрения. Так, понятие слова ставит две разные проблемы, рассматриваем ли мы его ассоциативно или синтагматически;

французское прилагательное *grand* «большой» в синтагме выступает в двоякой форме (*gra garso* «*gran d garçon*» и *grat afa* «*grand enfant*») и ассоциативно — в другой двоякости (м. р. *gra* «*grand*», ж. р. *grad* «*grande*»).

Надо научиться сводить, таким образом, каждое явление к его ряду, синтагматическому или ассоциативному, и согласовывать все содержание грамматики с ее двумя естественными осями: только такое распределение сможет нам показать, что именно следует изменить в привычных рамках синхронической лингвистики. Разумеется, мы не берем сейчас на себя этой задачи, а ограничимся установлением самых общих принципов.

Глава VIII

Роль абстрактных сущностей в грамматике [268]

До сих пор мы еще не касались одного важного пункта, в котором наиболее ярко обнаруживается необходимость изучать каждый грамматический вопрос с двух выделенных выше точек зрения. Дело идет об абстрактных сущностях в грамматике. Рассмотрим их сперва с ассоциативной стороны.

Ассоциирование двух форм — это не только осознание того, что они имеют нечто общее; это также различие характера отношений, управляющих данными ассоциациями. Так, говорящие сознают, что отношение, связывающее *enseigner* «обучать» и *enseig-nement* «обучение», *juger* «судить» и *ijugement* «суждение», не тождественно тому отношению, которое они констатируют между *enseig-nement* «обучение» и *vijugement* «суждение» (см. стр. 125). Вот этой своей стороной система ассоциаций и связывается с грамматической системой. Можно сказать, что сумма осознанных и систематических классификаций, которые производит грамматист, изучающий данное состояние языка без привлечения истории, должна совпадать с суммой ассоциаций как осознаваемых, так и неосознаваемых, реализующихся в речи. При помощи этих ассоциаций и фиксируются в нашем уме гнезда слов, парадигмы словоизменения, морфологические элементы: корни, суффиксы, окончания и т. д. (см. стр. 185 и ел.).

Но какие же элементы выделяются путем ассоциации, только ли материальные?

Конечно, нет! Мы уже видели, что ассоциация может сближать слова, связанные между собою только по смыслу (ср. *enseignement* «обучение», *apprentissage* «учение», *education* «образование» и т. д.). Так же обстоит дело в грамматике; возьмем три латинские формы родительного падежа: *domin*-Г «господина», *reg-is* «царя», *Tos-arum* «роз»; в звучаниях этих трех окончаний нет ничего общего, что могло бы породить ассоциацию, а между тем они вступают между собою в ассоциативную связь вследствие наличия общей значимости, выражающейся в тождественности их употребления; и этого достаточно для возникновения ассоциации, несмотря на отсутствие какой-либо материальной опоры. Именно таким образом и возникает в языке понятие родительного падежа как такового. Совершенно аналогичным образом окончания *-us*, *-T*, *-o* и т. д. (в *dominus*, *domim*, *domino* и т. д.) связываются в сознании и дают начало таким еще более общим понятиям, как падеж и падежное окончание. Такого же рода ассоциации, но еще более широкие, объединяют все существительные, все прилагательные и т.д., приводя к такому понятию, как часть речи.

137

СИНХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Все это существует в языке, но лишь в качестве *абстрактных сущностей*; изучать их нелегко, так как нельзя знать в точности, заходит ли сознание говорящих столь же далеко, как и анализ грамматистов. Но основное состоит в том, что *абстрактные сущности в конечном счете всегда основываются на конкретных*. Никакая грамматическая абстракция немыслима без целого ряда материальных элементов, которые служат для нее субстратом и к которым в конечном счете необходимо всегда возвращаться. Встанем теперь на синтагматическую точку зрения. Значимость синтагмы часто связана с порядком ее элементов.

Анализируя синтагму, говорящий не ограничивается выделением ее частей; он устанавливает также определенный порядок их следования. Смысл таких слов, как франц. *desir-eux* «жаждущий», лат. *signi-fer* «знаменосец», зависит от положения составляющих их единиц низшего уровня друг относительно друга: нельзя, например, сказать *eux-desir* «ций-жажду», *fer-signum* «носек-знаме». Значимости может вообще не соответствовать какой-либо конкретный элемент, вроде *eux* *imfer*, ее носителем может быть только сам порядок следования членов синтагмы: так, например, французские словосочетания *je dois* «я должен» и *dois-je?* «должен ли я?» различаются по значению исключительно в силу различного порядка слов. Один и тот же смысл в одном языке выражается порой простым порядком слов, тогда как в другом — одним или несколькими словами. В синтагмах типа *gooseberry wine* «сидр из крыжовника», *gold watch* «золотые часы» и т. д. английский язык выражает одним лишь порядком слов такие отношения, которые в современном французском языке выражаются предлогами: *vin de groseille*, *montre en or*. В свою очередь современный французский язык выражает понятие прямого дополнения исключительно позицией существительного после переходного глагола (ср. *je cueille une fleur* «я срываю цветок»), тогда как латинский и другие языки выражают то же понятие винительным падежом, характеризующимся особыми окончаниями, и т. д.

Но если порядок слов несомненно является абстрактной сущностью, то не в меньшей мере верно и то, что она обязана своим существованием конкретным единицам, которые ее содержат и которые располагаются в одном измерении именно в этом порядке. Было бы заблуждением думать, будто существует бесплотный синтаксис вне этих расположенных в пространстве материальных еди-

ниц. При рассмотрении англ. *The man I have seen* «Человек, которого я видел» может показаться, что в данном случае изображается нулем то, что французский язык передает местоимением *que* «которого». Но это представление, буд-то нечто может быть выражено через ничто, основывается исключительно на сопоставлении с фактами французского синтаксиса и является ложным; в действительности же соответствующая значимость возникает исключительно благодаря выстроенным в определенном порядке материальным единицам. Нельзя обсуждать

138

РОЛЬ АБСТРАКТНЫХ СУЩНОСТЕЙ В ГРАММАТИКЕ

вопросы синтаксиса, не исходя из наличной совокупности конкретных слов. Впрочем, тот самый факт, что мы понимаем данное языковое сочетание (например, приведенный выше ряд английских слов) показывает, что данный ряд слов является адекватным выражением мысли.

Материальная единица существует лишь в силу наличия у нее смысла, в силу той функции, которой она облечена; этот принцип особенно важен для выделения простых единиц, так как может показаться, будто они существуют только в силу своей материальности, то есть будто, например, *aimer* «любить» существует лишь благодаря составляющим его звукам. И наоборот, как мы только что видели, смысл, функция существуют лишь благодаря тому, что они опираются на какую-то материальную форму; если мы сформулировали этот принцип на примере синтагм или синтаксических конструкций, то это только потому, что существует тенденция рассматривать их как нематериальные абстракции, парящие над элементами предложения. Оба эти принципа, дополняя друг друга, согласуются с нашими утверждениями о разграничении единиц (см. стр. 103).

Часть третья **Диахроническая лингвистика**

Глава I **Общие положения** [269]

Диахроническая лингвистика изучает отношения не между сосуществующими элементами данного состояния языка, а между последовательными, сменяющимися друг друга во времени элементами.

В самом деле, абсолютной неподвижности не существует вообще (см. стр. 77 и ел.); все стороны языка подвержены изменениям; каждому периоду соответствует более или менее заметная эволюция. Она может быть различной в отношении темпа и интенсивности, но самый принцип от этого не страдает; поток языка течет во времени непрерывно, а как он течет, спокойно или стремительно,—это вопрос второстепенный.

Правда, эта непрерывная эволюция весьма часто скрыта от нас вследствие того, что внимание наше сосредоточивается на литературном языке; как увидим ниже (см. стр. 194 и ел.), литературный язык, подчиняющийся иным условиям существования, нежели народный язык (то есть язык естественный), наслаивается на этот последний и заслоняет его от нас. Раз сложившись, литературный язык в общем проявляет достаточную устойчивость и тенденцию оставаться тождественным самому себе; его зависимость от письма обеспечивает ему еще большую устойчивость. Литературный язык, таким образом, не может служить для нас мерилom того, до какой степени изменчивы естественные языки, не подчиненные никакой литературной регламентации.

Объектом диахронической лингвистики является в первую очередь фонетика, и притом вся фонетика в целом. В самом деле, эволюция звуков не совместима с

понятием «состояния»; сравнение фонем или сочетаний фонем с тем, чем они были раньше, сводится к установлению диахронического факта. Предшествовавшая эпоха может быть в большей или меньшей степени близкой, но если она сливается со следующей, то фонетическому явлению более нет места; остается лишь описание звуков данного состояния языка, а это уже предмет фонологии.

140

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Диахронический характер фонетики вполне согласуется с тем принципом, что ничто фонетическое не является сигнификативным или грамматическим в широком смысле слова (см. стр. 26). При изучении истории звуков какого-либо слова можно, игнорируя смысл, рассматривать лишь его материальную оболочку, членить его на звуковые отрезки, не задаваясь вопросом, имеют они значение или нет. Можно, например, пытаться узнать, во что превращается в аттическом диалекте древнегреческого языка ничего не значащее сочетание *-ewo-*. Если бы эволюция языка всецело сводилась к эволюции звуков, противоположность объектов обоих разделов лингвистики сразу бы стала явной: ясно было бы видно, что диахроническое равнозначно неграмматическому, а синхроническое — грамматическому.

Но разве во времени изменяются одни только звуки? Меняют свое значение слова; эволюционируют грамматические категории; некоторые из них исчезают вместе с формами, служившими для их выражения (например, двойственное число в латинском языке). А раз у всех фактов ассоциативной и синтагматической синхронии есть своя история, то как же сохранить абсолютное различие между диахронией и синхронией? Действительно, сохранение этого различия становится весьма затруднительным, как только мы выходим из сферы чистой фонетики.

Заметим, однако, что многие изменения, которые считаются грамматическими, сводятся к фонетическим. В немецком языке образование грамматического типа *Hand: Hondo* вместо *hant. hanti* (см. стр. 85) всецело объясняется фонетически. Равным образом фонетический фактор лежит в основе сложных слов типа *Springbrwmen* «фонтан», *Reitschule* «школа верховой езды» и т. д. В древневерхненемецком языке первый элемент в словах этого рода был не глагольным, а именным: *beta-hits* означало «дом молитвы», но после того как конечный гласный фонетически отпал (*beta--*bet-* и т. д.), установился семантический контакт с глаголом (*beten* «молиться» и т. п.), и *Bethaus* стало означать «дом, где молятся».

Нечто подобное произошло и в тех сложных словах, которые в древнегерманском языке образовывались с участием слова *Rch* «внешний вид» (ср. *man-noUch* «имеющий мужской вид», *redoUch* «имеющий разумный вид»). Ныне во множестве прилагательных (ср. *verzeihlich* «простительный», *glaublich* «вероятный» и т. д.) *-lich* превратилось в суффикс, который можно сравнить с французским суффиксом *-able* в словах *pardonnable* «простительный», *ctuyable* «вероятный» и т. д.; одновременно изменилась интерпретация первого элемента: в нем теперь усматривается не существительное, а глагольный корень, это объясняется тем, что в ряде случаев вследствие падения конечного гласного первого элемента (например, *redo--*red-*) этот последний уподобился глагольному корню (*red-* or *reden*).

Так, *glaub-* в *glaublich* скорее сближается с *glauben* «верить», чем с *Glaube* «ве-

ра», а *sichtlich* «видимый» ассоциируется, несмотря на различие в основе, уже не с *Sicht* «вид», а с *sehen* «видеть».

141

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Во всех этих случаях и во многих других, сходных с ними, различие двух планов остается очевидным; это следует помнить, чтобы легкомысленно не утверждать, будто мы занимаемся исторической грамматикой, тогда как в действительности мы сначала вступаем в область диахронии, когда изучаем фонетические изменения, а затем — в область синхронии, когда рассматриваем вызванные этими изменениями следствия.

Но это не устраняет всех затруднений. Эволюция любого грамматического факта, ассоциативной группы или синтагматического типа несравнима с эволюцией звука. Она не представляет собой простого явления, а разлагается на множество частных фактов, которые только частично относятся к фонетике. В генезисе такого словосочетания, как французское будущее *prendre ai*, превратившееся в одно слово *prendrai* «возьму», различаются по меньшей мере два факта: один, психологический, — синтез двух понятийных элементов, другой, фонетический, зависящий от первого, — сведение двух словесных ударений к одному (*prendre ai-^prendrai*).

Спряжение германского сильного глагола (тип современного немецкого *geben* «давать»: *geben, gab, gegeben* и т. п.; ср. греч. *leipo* «оставляю»: *leipo, elipon, leloipa* и т. п.) в значительной мере основано на аблау-те гласных корня. Эти чередования (см. стр. 156 и ел.), система которых вначале была довольно простой, несомненно, возникли в результате действия чисто фонетического фактора. Однако, для того чтобы эти противопоставления получили функциональное значение, потребовалось^ чтобы первоначальная система спряжения упростилась в результате целого ряда всяческих изменений: исчезновение многочисленных разновидностей форм настоящего времени и связанных с ними смысловых оттенков, исчезновение имперфекта, будущего и аориста, исчезновение удвоения в перфекте и т. д. Все эти изменения, в которых, по существу, нет ничего фонетического, уменьшили число форм глагольного спряжения, а чередования основ приобрели первостепенную смысловую значимость. Можно, например, утверждать, что противопоставление *e:a* более значимо в *geben: gab*, чем противопоставление *e:o* в греч. *leipo*:

leloipa вследствие отсутствия удвоения в немецком перфекте. Итак, хотя фонетика так или иначе то и дело вторгается в эволюцию, она все же не может ее объяснить целиком; по устранении же фонетического фактора получается остаток, казалось бы, оправдывающий такое понятие, как «история грамматики»; именно здесь и скрывается настоящая трудность: различие между диахроническим и синхроническим, сохранить которое необходимо, потребовало бы сложных объяснений, что выходит за рамки этого курса'.

К этому дидактическому и чисто внешнему соображению присоединяется, быть может, и другое: Ф. де Соссюр никогда не касался в своих лекциях лингвистики речи (см. стр. 26 и ел.). Читатель помнит, что новая норма всегда начинается с отдельных лиц (см. стр. 99). Можно, по-видимому, признать, что автор отрицает за индивидуальными фактами свойство быть грамматическими в том смысле, что изолированный ает по необходимости чужд языку

142

В дальнейшем мы последовательно рассмотрим фонетические изменения, чередование и явления аналогии, коснувшись в заключение вкратце народной этимологии и агглютинации.

и его системе, зависящей только от совокупности коллективных навыков. Поскольку факты относятся к речи, они являются лишь специальными и чисто случайными способами использования установившейся системы. Лишь тогда, когда какая-либо инновация, часто повторяясь, запечатлевается в памяти и входит в систему, она приводит к нарушению установившегося равновесия значимостей и к тому, что язык *ipso facto* и спонтанно оказывается претерпевшим изменения. К грамматической эволюции можно было бы применить то, что было сказано на стр. 85 о фонетической эволюции: она протекает вне системы, ибо последняя никогда не наблюдается в развитии; мы лишь от момента к моменту находим ее другой. Впрочем, эта попытка объяснения представляет с нашей стороны только предположение.

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

§ 3. Вопросы метода

При описании фонетических явлений можно прибегать лишь к таким формулировкам, которые не противоречат указанным выше различиям; в противном случае мы рискуем представить факты в ложном свете.

Вот несколько примеров подобных неточностей.

Согласно прежней формулировке закона Вернера, «в германском языке всякое нена начальное *p* перешло в *d*, если за ним следовало ударение»; ср., с одной стороны, **faper-**fader* (нем. *Vater* «отец»), **Прите-**lidume* (нем. *litten* «страдали»), с другой стороны, **pns* (нем. *drei* «три»), **broper* (нем. *Bruder* «брат»), **Нро* (нем. *leide* «страдаю»), где *p* сохраняется. Такая формулировка приписывает активную роль ударению и вводит ограничительное условие относительно начального *p*. В действительности же дело совсем не в этом: в германском, как и в латинском языке, *f* проявляло тенденцию к спонтанному озвончению внутри слова; помешать этому могло только ударение на предшествующем гласном. Итак, все оказывается наоборот:

изменение является спонтанным, а не комбинаторным, и ударение выступает в качестве препятствующего фактора, а не порождающей причины. Закон следует формулировать так: «всякое *p* внутри слова перешло в *S*, если только этому не препятствовало ударение на предыдущем гласном».

Для правильного различения фактов спонтанного и комбинаторного изменения надо проанализировать фазы преобразования и не принимать опосредствованного результата за непосредственный. Так, для объяснения ротацизма (ср. лат. **'genesis- *generis*) неточно утверждать, будто *ʃ* между двумя гласными превратилось в *g*, так как глухое *s* ни в коем случае не может перейти прямо в *g*. В действительности было два события: *s* комбинаторно изменилось в *z*, а *g*, не сохранившееся в звуковой системе латинского языка, было заменено очень близким ему звуком *g*, и это есть спонтанное изменение. Выходит, таким образом, что прежде ошибочно смешивали в одном явлении два различных факта; ошибка состояла в том, что, с одной стороны, принимали опосредствованный результат за непосредственный (*s- *r* вместо *z- *r*), а, с другой стороны, все явление рассматривали как комбинаторное, тогда как таковым является только его первая часть [272]. Это равносильно тому, как если бы кто-либо стал утверждать, что во французском *e* перешло в *a* перед носовым согласным. В дей-

ствительности сперва произошло комбинаторное изменение—назализация е. Перед л (ср. лат. *ventum* «ветер»-»4)ранц. *vent*, лат. *femina* «женщина»-^франц. /етэ-^/ётэ), а затем спонтанное изменение е в а (ср. *vant, fama*, теперь — *va, fam* (пишется *vent, femme*)). Напрасно было бы возражать, утверждая, что это могло произойти лишь перед носовым согласным: вопрос не в том, почему е назализовалось, но только в том, спонтанным или комбинаторным является переход е в а.

146

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Грубейшая методологическая ошибка, на которую мы считаем нужным указать, хотя она и не связана с изложенными выше принципами, состоит в том, что фонетический закон формулируется в настоящем времени, как если бы предусматриваемые им факты существовали раз и навсегда, тогда как в действительности они возникают и исчезают в определенные отрезки времени. Такая формулировка приводит к путанице, ибо в результате устраняется всякая хронологическая последовательность событий. Мы уже обращали внимание на это (стр. 98 и ел.), когда анализировали цепь явлений, объясняющих пару *trikhes: thriksi*. Когда говорят «s в латинском переходит в г», то этим хотят внушить мысль, будто ротацизм присущ этому языку по природе, а в результате попадают в тупик перед такими исключениями, как *causa* «причина», *nsus* «смех» и др. Только формула «интервокальное s в определенный период развития латинского языка переходит в г» позволяет говорить, что в тот момент, когда s переходило в г, в таких словах, как *causa, nsus* и т. п., еще не было интервокального s, почему они и были защищены от изменения; и, действительно, тогда еще говорили *caussa, nssus*. По той же причине следует говорить: «в ионическом диалекте древнегреческого языка [в определенный период его развития] а перешло в е (ср. *mater-*meter* «мать»», ибо в противном случае нельзя объяснить таких форм, как *pasa* «вся», *phasi* «они говорят» и т. п. (которые в эпоху изменения произносились еще *vsK.pansa, phansi* и т. д.).

§ 4. Причины фонетических изменений

Выяснение причин фонетических изменений является одним из труднейших вопросов лингвистики. Было предложено несколько объяснений, ни одно из которых не пролило окончательного света на этот вопрос.

1. Высказывалось мнение, что предрасположения, предопределяющие направление фонетических изменений, заложены в расовых особенностях говорящих. Но тут возникает вопрос, относящийся к компетенции сравнительной антропологии: различен ли речевой аппарат у разных рас? Едва ли в большей степени, чем у разных людей. Ведь негр, живущий со своего рождения во Франции, столь же хорошо говорит по-французски, как и местные жители. Кроме того, когда пользуются такими выражениями, как «органы речи у итальянцев», «уста германцев не допускают этого», то рискуют чисто историческому факту придать постоянный характер. Это ошибка, аналогичная той, какую делают, когда формулируют фонетическое явление в настоящем времени; утверждать, что органы речи ионических греков противятся произнесению я и изменяют его в е, столь же ошибочно, как говорить, что в ионическом диалекте древнегреческого языка а переходит в е.

Органы речи ионических греков вовсе не отказывались произносить а: звук этот в названном диалекте встречается. Дело,

147

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

следовательно, не в антропологической неспособности, а в изменении артикуляционных навыков. Сошлемся также на латинский язык, в котором не сохранилось первоначального интервокального *s* (**genesis- *generis* «рода»), которое, однако, вновь появилось позже (ср. **nssus- *risus* «смех»); эти изменения указывают на отсутствие у римлян постоянной предрасположенности к определенному артикуляционному навыку.

Конечно, у каждого народа в каждую данную эпоху обнаруживается определенная направленность фонетических изменений; в монофтонгизации дифтонгов в новом французском языке отражается одна и та же общая тенденция. Но ведь и в политической истории можно найти аналогичные общие течения без того, чтобы ставить под сомнение их чисто исторический характер, и без того, чтобы объяснять их непосредственно влиянием расы.

2. Фонетические изменения часто рассматриваются как результат приспособления к природным и климатическим условиям. Некоторые северные языки нагромождают согласные, некоторые южные языки весьма широко пользуются гласными, чем и объясняется их гармоничность. Разумеется, климат и условия жизни могут влиять на язык, но при внимательном рассмотрении вся проблема оказывается более сложной: ведь наряду со скандинавскими наречиями, столь перегруженными согласными, саамский и финский языки изобилуют гласными еще в большей степени, чем даже итальянский язык. Заметим также, что нагромождение согласных в современном немецком языке во многих случаях оказывается новейшим явлением, вызванным отпадением послеударных гласных; далее, некоторые диалекты Юга Франции допускают скопления согласных более охотно, чем северные французские диалекты; в сербском языке их столько же, сколько и в русском и т. д.

3. Далее, иногда ссылаются на закон наименьшего усилия, вследствие которого будто бы две артикуляции заменяются одной, трудная артикуляция—более легкой. Что бы ни говорили об этой идее, она все же заслуживает рассмотрения; она до некоторой степени может разъяснить причину явления или по крайней мере наметить пути для ее отыскания.

Закон наименьшего усилия, по-видимому, объясняет некоторые случаи, как, например, переход смычного согласного в спирант (лат. *babēre-^* франц. *avoir* «иметь»), отпадение конечных согласных во многих языках, явления ассимиляции (например, *ly->ll*, *atyos-^rpm. alias* «другой», *u»-*wi*, **a&»од-**. лат. *annus* «год»), монофтонгизацию дифтонгов, представляющую собой лишь частный случай ассимиляции (например, *ai-^e*, франц. *maizon-^mezo* (пишется *maison*) «дом») и т. п.

Но дело в том, что можно указать на такое же количество случаев, когда происходит как раз обратное. Монофтонгизации можно, например, противопоставить переход *ī, ū, ūk ei, au, ей* в немецком. Если считать, что сокращение *a, e* в *a, e*, которое наблюдается на славянской почве, объясняется действием закона наименьшего

148

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

усилия, тогда обратное явление, наблюдаемое в немецком языке (*later-' Voter* «отец», *geben-'-geben* «давать»), придется объяснять действием закона наибольшего усилия. Если считать, что звонкие произносятся легче, нежели глухие (ср.

лат. *opera* «труды»-»пров. *obra* «труд»), тогда для объяснения обратных случаев надо будет привлечь понятие наибольшего усилия; между тем, такие обратные случаи наблюдаются и в испанском языке, где перешло в *χ* (ср. *Hijo* (пишется *hijo*) «сын»), и в германских языках, где *b, d, g* перешли в *p, t, k*. Если утрата придыхания (ср. и.-е. [^]*bhero*-[^]герм. *beran* «нести») рассматривается как уменьшение усилия, то что сказать тогда о немецком языке, в котором оно появляется там, где его раньше не было (*Tappe* «ель», *Pute* «индейка», которые произносятся соответственно *Thanne, Phute*)?

Наши замечания нисколько не претендуют на то, чтобы опровергнуть теорию наименьшего усилия. Просто фактически едва ли возможно определить в отношении каждого языка, что является более легким для произношения и что более трудным. Совершенно верно, что сокращение звука соответствует меньшему усилию, в смысле уменьшения длительности, но ведь верно и то, что небрежное произношение приводит к удлинению гласных и что краткие гласные требуют большего внимания при их произношении. Таким образом, предполагая различные предрасположения, можно два противоположных факта представить в одинаковом свете. Возьмем еще случай с *k*, которое перешло в *is* (ср. лат. *cedere*-[^]*wmi. cedere* «уступить»);

если принимать во внимание только крайние точки этого процесса, то может показаться, что произошло увеличение усилия; но это впечатление меняется, стоит только восстановить всю цепь преобразования: *k* становится небным *k* 'вследствие уподобления последующему гласному; затем [^]'переходит в *ku*, но произношение не становится от этого более трудным, наоборот, оба включенных в *A*'элемента в результате перехода оказываются четко разграниченными, и дальнейший переход от *ku* к *ty, ix* 'и, наконец, к *ts* каждый раз сопровождается уменьшением усилия.

Здесь открывается обширное поле для исследований, которые, чтобы стать полными, должны принять во внимание и физиологическую точку зрения (проблема артикуляции), и психологическую точку зрения (проблема внимания).

4. Согласно распространившемуся за последние годы взгляду, изменения в произношении приписываются нашему фонетическому воспитанию в детстве. Только после долгих проб, ошибок и исправлений ребенок научается произносить то, что он слышит от окружающих; здесь будто бы таится источник фонетических изменений: некоторые не исправленные в детстве неточности в произношении закрепляются у целого ряда лиц и охватывают все подрастающее поколение. Наши дети часто произносят (вместо *k*, хотя в истории наших языков соответствующее фонетическое изменение не встречается. Иначе обстоит дело с некоторыми другими отступлениями от нормы; так, в

149

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Париже многие дети произносят /? 'еиг, *bl* 'апс со смягченным /; между тем в итальянском вследствие аналогичного процесса *mv.florem* перешло *ay/we*, затем *•ufiore* «цветок».

Эти наблюдения заслуживают внимания, но все же не решают проблемы. В самом деле, нельзя понять, почему данное поколение удерживает одни из усвоенных в детстве неточностей, а не другие, в одинаковой мере естественные; действительно, выбор неправильных произношений представляется чисто произвольным, рационально не обоснованным. Далее, почему данное явление прокладывает себе путь именно в данную эпоху, а не в другую?

Впрочем, это замечание относится и ко всем перечисленным выше факторам, если

только допускать эффективность их действия: и влияние климата, и предрасположение, коренящееся в расовых особенностях говорящих, и тенденция к наименьшему усилию существуют постоянно или, во всяком случае, длительно. Почему же они действуют эпизодически, то в одной точке фонологической системы, то в другой? У исторического события должна быть определяющая его причина, а между тем для нас остается неясным, что же именно в каждом отдельном случае вызывает данное изменение, причина которого в общем виде существовала уже давно. А ведь в этом-то и состоит вопрос, требующий разрешения.

5. Иногда стараются найти эти определяющие причины в общих условиях бытия народа в данный момент. Одни из переживаемых языками эпох связаны с большими сдвигами, чем другие; пытаются приурочить такие эпохи к бурным периодам внешней политической истории, устанавливая таким образом связь между политической неустойчивостью и неустойчивостью языка; полагают, что, исходя из этого, к фонетическим изменениям можно применить выводы, сделанные в отношении языка вообще. Указывают, например, что наиболее резкие перемены в латинском языке в период сложения романских языков совпадают с весьма беспокойной эпохой вражеских нашествий. Чтобы не запутаться в этом вопросе, следует принимать во внимание следующие два момента:

а) Политическая стабильность влияет на развитие языка вовсе не так, как политическая нестабильность, никакой симметрии здесь нет. Когда политическое равновесие замедляет эволюцию языка, речь идет о положительной, хотя и внешней, причине, тогда как политическая неустойчивость, эффект которой должен быть обратным, может действовать лишь отрицательно. Неподвижность, большая или меньшая фиксированность данного конкретного языка может проистекать из явлений, внешних по отношению к языку (*langue*) (влияние двора, школы, академии, письменности и т. п.), которым в свою очередь благоприятствует установившееся социальное и политическое равновесие. Наоборот, если какое-либо внешнее потрясение, происшедшее в истории народа, ускоряет языковую эволюцию, то это значит только, что язык вновь обрел состояние свободы и следует своему нормальному течению [273]. Неподвижность латинского языка в классическую эпоху объясняется

150

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

внешними факторами и не может сравниваться с теми изменениями, которые он испытал впоследствии, ибо эти изменения произошли сами собой благодаря отсутствию сдерживающих внешних причин.

б) Здесь речь идет лишь о фонетических явлениях, а не о всякого рода изменениях в языке. Можно еще понять, что грамматические изменения связаны с вышеуказанными причинами; грамматические факты какими-то своими сторонами всегда связаны с мышлением и легче отражают на себе действие внешних потрясений, поскольку эти последние более непосредственно влияют на человеческий ум. Но у нас нет никаких данных утверждать что бурным эпохам в истории народа соответствуют резкие фонетические изменения в языке. Впрочем, нельзя указать ни одной эпохи, даже из числа тех, когда язык пребывает в состоянии искусственной неподвижности, в течение которой не произошло бы никакого фонетического изменения.

6. Высказывалась также гипотеза о «предшествующем языковом субстрате»:

некоторые изменения будто бы обязаны своим возникновением туземному населению, поглощенному новыми пришельцами. Так, различие между *langue d'oc* (говоры Юга Франции) и *langue d'oïl* (говоры Севера Франции) будто бы соответствует различной пропорции коренного кельтского элемента в южной и северной Галлии; эту теорию применяли также для объяснения диалектных различий итальянского языка, сводя их в зависимости от географического положения диалектов к лигурским, этрусским и другим влияниям. Прежде всего, следует сказать, что эта гипотеза предполагает наличие ситуации, которая встречается довольно редко. Кроме того, следует уточнить, что имеют в виду, говоря о языковом субстрате. Если этим хотят сказать, что, принимая новый язык, местное население вводит в него нечто от своих произносительных навыков, то это вполне допустимо и естественно. Но если при этом опять начинают ссылаться на неуловимые факторы расы и т. п., то мы снова сталкиваемся с теми же затруднениями, о которых говорилось выше.

7. Наконец, последнее объяснение, совсем не заслуживающее такого названия, приравнивает фонетические изменения к изменениям моды. Но причин изменения моды пока никто не вскрыл: известно только, что они зависят от законов подражания, интересующих многих психологов. Однако, хотя такое объяснение и не решает вопроса, оно все же имеет то преимущество, что делает его частью более широкой проблемы: причина фонетических изменений оказывается чисто психологической. Тайной остается лишь одно: где же искать отравную точку для подражания как у изменений моды, так и у фонетических изменений?

§ 5. Неограниченность действия фонетических изменений

Если кто-либо пожелает выяснить действие тех или иных фонетических изменений, тог легко убедится, что они безграничны и неисчислимы; иначе говоря, невозможно предвидеть, где они прекратятся. Наивно думать, что слово может видоизменяться лишь до определенного предела, как будто в нем есть нечто оберегающее его от дальнейших

151

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

изменений. Это свойство фонетических изменений обусловлено произвольностью знака, ничем не связанного со значением [274].

В каждый данный момент можно констатировать, как и в какой мере видоизменились звуки какого-либо слова, но нельзя предвидеть заранее, до какой степени это слово стало или станет неузнаваемым.

Индоевропейское **aiwom* (ср. лат. *дето/я*) «вечность», «век» в германском языке перешло, как и все слова с подобным окончанием, в **aiwan*, **aiwa*, **aiw*; в дальнейшем **aiw*, как и все слова с этой группой звуков, превратилось в древненемецком языке в *ej* «вечность», «время», затем, поскольку всякое конечное *w* изменилось в *o*, получилось *eo*, в свою очередь *eo* перешло в *eo*, *io* в соответствии с другими, столь же общими законами; в дальнейшем *io* дало *ie, je* и, наконец, в современном немецком языке — *je* (ср. *das schonste, was ichy'e gesehen habe* «прекраснейшее из того, что я когда-либо видел»).

Если рассматривать только исходный и конечный пункты, современное слово не содержит ни одного из первоначальных элементов; тем не менее каждый этап, взятый в отдельности, абсолютно определен и регулярен; кроме того, каждый из них ограничен в своем действии, а совокупность их создает впечатление безграничной суммы модификаций. Аналогичные наблюдения можно сделать относительно лат. *calidwn* (вин. п. от *ccidichis* «теплый»), сравнив его

сперва непосредственно с тем, во что оно превратилось в современном французском языке (*so*, пишется *chaud* «теплый»), а затем восстановив все этапы: *calidwn, calidu, cal-du, cold, call, tsalt, tsaut, saut, sot, so*. Ср. также нар.-лаг. **waidanfu-ge* (Пишется *gain*) «выигрыш», *minus-^mwe* (пишется *moins*) «меньше», *hoc ilR-^wi* (пишется *oui*) «да».

Действие фонетических изменений безгранично и неисчислимо еще и в том смысле, что оно захватывает любого рода знаки, не делая различий между прилагательным, существительным и т. д., между основой, суффиксом, окончанием и т. д. Так и должно быть, рассуждая а priori, ибо, если бы сюда вторглась грамматика, фонетический факт сливался бы с синхроническим фактом — вещь совершенно невозможная. В этом-то и состоит «слепой» характер звуковых изменений [275].

Так, в греческом *s* отпало после *y* не только в **khanses* «гуси», **menses* «месяцы» (откуда *chenes, menes*), где у него не было грамматической значимости, но и в глагольных формах типа **etensa, *ephansa* и т. д. (откуда *eteina, ephena* и т. д.), где оно характеризовало аорист. В средневерхненемецком языке послеударные гласные *i, e, a, b* слились в *e* (*gibil-^Giebel* «конек крыши», *meistar->Meister* «мастер»), несмотря на то что различиями в качестве гласного характеризовались многие окончания; вследствие этого, например, формы винительного падежа ед. ч. *boton* «вестника», «гонца» и родительного—дательного падежа ед. ч. *boten* «вестнику», «гонцу» совпали в *boten*.

Если, таким образом, фонетические явления не встречают никакого ограничения, они должны вызывать глубочайшие потрясения в грамматическом организме в целом. К рассмотрению их под этим углом зрения мы теперь и перейдем.

Глава III

Грамматические последствия фонетической эволюции

§ 1. Разрыв грамматической связи [276]

Первым последствием фонетического изменения является разрыв грамматической связи, соединяющей два или несколько слов. В результате этого получается, что одно слово не воспринимается уже как произведенное от другого, например:

лат. *mansio* «жилище» — **mansionaucus* франц. *maison* «дом» || *menage* «хозяйство».

Языковое сознание видело прежде в **mansionaticus* слово, производное от *mansio*, потом превратности фонетической судьбы развели их врозь. Другой пример:

(*vervex — vervecarius*)

нар.-лат.оогоЕс «баран» — *berbicarius* «пастух»

франц. *brebis* «овца» || *berger* «пастух».

Такой разрыв связи, естественно, отзывается и на значимости: так, в некоторых французских говорах *berger* означает ныне «коровий пастух». Или еще пример:

лат. *Gratianopolis* «Грацианополь» — *gratianopolitanus* «Грациа-нопольский [округ]»'

франц. *Grenoble* «Гренобль» || *Gresivaudan* «Грезиводан» лат. *decem* «десять» — *undecim* «одиннадцать» франц. *dix* «десять» || *onze* «одиннадцать».

Аналогичный случай представляет собой гот. *bitan* «кусать» — *bitum* «мы кусали» — *bitr* «кусающий», «горький»;

вследствие перехода $t \rightarrow ts(z)$, с одной стороны, и сохранения группы согласных tr , с другой стороны, в западногерманском получилось: *bizan*, *bizum* \ \ *bitr* [277].

Фонетическая эволюция может также разрывать нормальную связь между двумя формами одного и того же слова. Так, форма именительного падежа лат. *comitem* «спутник» — винительного падежа *comitem* «спутника» дает в старофранцузском *evens* «граф» (прямой падеж) || *co/Же* «графа» (косвенный падеж); ср. так же

Название той части долины р. Изер, которая примыкает к Греноблю; франц. *Gresivaudan* фонетически восходит к *Gratianopolitanus* (сокращение от *pagus gratianopolitanus* — «Грацианопольский округ»).

153

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

нар.-лат. *бард* «свободнорожденный» — *baronet* «свободнорожденного» —

> старофранц. *her* «барон» || *baron* «барона», лат. *presbiter* «старейшина», «пресвитер» — вин. п. *presbiterum* «пресвите-ра» — *старофранц. *pzestre* «священник» || *provoire* «священника».

В других случаях надвое расчленяется окончание. В индоевропейском языке винительный падеж ед. ч. во всех случаях характеризовался звуком $-t$ \ *например*: *eki \ *vom*, *owim, *podm, *matenn и т. д.

В латинском языке никаких существенных изменений в этом окончании не произошло; но в греческом языке очень разная трактовка носового сонанта и носового консонанта привела к двум различным рядам форм: *blppon* «коня», *o(w)in* «овцу»: *poda* «ногу», *matera* «мать». Нечто вполне аналогичное представляет собой и форма винительного падежа мн. ч.: ср. *hippous* «коней», *podas* «ноги».

§ 2. Стирание сложного строения слов

Другое грамматическое следствие фонетического изменения состоит в том, что отдельные значимые части слова теряют способность выделяться: слово становится неделимым целым. Примеры:

франц. *ennemi* «враг» (ср. лат. *in-irmcus* «недруг» — *amicus* «друг»), лат. *perdere* «губить» (ср. более древнее *per-dare* — *dare* «давать»), *amicio* «окутываю» (вместо *ambjacio — *jade* «бросаю, кладу»), нем. *Drittel* «треть» (вместо *drit-teil* «третья часть» — *teil* «часть»).

Нетрудно заметить, что подобные случаи сводятся к тем, которые были рассмотрены в предыдущем параграфе; если, например, *Drittel* неразложимо, то это значит, что его более нельзя сближать, подобно *drit-teil*, со словом *teil*.

Формула

teil — *dritteil*

Teil || *Drittel*

во всем подобна формуле

mansio — *mansionaticus*

maison || *menage*.

Ср. еще *decem* — *undecim*, но *dix* \ \ *onze*.

Простые формы классической латыни *hunc* «этот» (форма винительного падежа от местоимения мужского рода «этот»), *hanc* «это» (форма винительного падежа от местоимения среднего рода «это»), *hac* «здесь» и т. д., восходящие к заведомо засвидетельствованным в эпиграфических памятниках *hon-ce*, *han-ce*, *ha-ce*, сложились в результате агглютинации местоимения с частицей *-ce*; прежде *hon-ce* и др. можно было сближать с *es-ce*; но впоследствии после фонетиче-

ского отпадения -е это стало невозможно; таким образом, перестали различаться составные элементы, входящие в *hunc, hane, has* и т. д.

Прежде чем сделать разложение на значимые элементы совершенно невозможным, фонетическая эволюция начинается с того, что

Или -п? Ср. прим. на стр. 93.

154

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

делает его в большей или меньшей мере затрудненным. Примером этого является индоевропейское склонение.

В индоевропейском существительное **pods* склонялось следующим образом: им. п. ед. ч. **pod-s*, вин. п. ед. ч. **pod-m*, дат. п. ед. ч.

*pod-ai, мест. п. ед. ч. **pod-i*, **им. п. мн. ч.** **pod-es*, вин. п. мн. ч.

*pod-ns и т. д.; первоначально точно таким же образом склонялось и

*ekiwo-s: **им. п. ед. ч.** *^ek/wo-s*, **вин. п. ед. ч.** **ekfwo-m*, дат. п. ед. ч.

*ekiwo-ai, мест. п. ед. ч. **ekiwo-i*, им. п. мн. ч. **eki\vo-es*, вин. п. мн. ч. **ekiwo-ns* и т. д. В ту эпоху основа **eki\vo-* выделялась столь же легко, как и **pod-*. Но впо-

следствии стяжения гласных внесли перемену в это положение, получилось: дат.

п. ед. ч. **ekiwoi*, места, п. ед. ч. **eki\voi*, им. п. мн. ч. **ekJ-wos*. С этого момента

основа **eki\vo-* потеряла свою прозрачность и разложение на основу и флексию стало затрудненным. В еще более позднюю эпоху дальнейшие изменения, как, на-

пример, дифференциация окончаний в винительном падеже (см. стр. 153), окончательно стерли последние черты прежнего состояния. Современникам Ксенофонта,

вероятно, казалось, что основой является *hipp-* и что окончания начинаются на гласный (*hipp-os* и т. д.). Таким образом, типы **ekiwo-s* и **pod-s* окончательно разошлись.

В области словоизменения, как и во всех прочих, все, затрудняющее разложение на значимые элементы, способствует ослаблению грамматической связи.

§ 3. Фонетических дублетов не бывает

В обоих случаях, рассмотренных в § 1 и 2, в результате эволюции в разные стороны расходятся элементы языка, первоначально грамматически связанные.

Это явление может дать повод к грубейшей ошибке в интерпретации фактов.

Когда мы констатируем относительную тождественность нар.-лат. *baro* «свободнорожденный»: *baronet* «свободнорожденного» и несходство старофранц.

ber «барон»: *baron* «барона», то разве это не наводит нас на мысль, что одна и

та же исходная единица *bar-* развилась в двух расходящихся направлениях и

породила две формы? Между тем это неверно, потому что один элемент не может

одновременно и в одном и том же месте подвергаться двум различным преобразованиям: это противоречило бы самому определению фонетического изменения.

Эволюция звуков не способна сама по себе создать две формы вместо одной.

Против нашего тезиса можно выдвинуть ряд возражений. Допустим, что они

подкреплены следующими примерами: нам могут сказать, что лат. *collocare*

«помещать», «класть» дало во французском *coucher* «положить» и *colloquer*

«помещать». Но это верно лишь относительно *coucher, colloquer* является всего

лишь книжным заимствованием из латинского (ср. франц. *tañçoñ* «выкуп» и *redemption* «искупление» и т. п.).

155

Но разве от лат. *cathedra* «кресло» не произошло два подлинно французских слова: *chaire* «кафедра» и *chaise* «стул»? Нет! В действительности *chaise* есть форма диалектная. В парижском говоре интервокальное *g* переходило в *г*: например, говорили *pese, mese* вместо *pere* «отец», *mere* «мать»; во французском литературном сохранились лишь два образца этого местного произношения: *chaise* «стул» и *besides* «очки» (дублет *bericles* восходит к *beryl* «берилл»). Этот случай можно сравнить со случаем недавнего перехода во французский литературный язык пикардийского слова *rescape* «спасшийся», «избавившийся», оказавшегося, таким образом, противопоставленным *rechappe*. Если у нас есть такие пары слов, как *cavalier* «всадник» и *chevalier* «рыцарь», *cavalcade* «кавалькада» и *chevauchee* «поездка верхом», то это потому, что *cavalier* и *cavalcade* заимствованы из итальянского языка. В сущности, этот случай аналогичен лат. *calidum* (вин. п. от *calidus* «теплый»), которое дало во французском *chaud*, а в итальянском *caldo*. Во всех этих случаях мы имеем дело с заимствованиями.

Если нам укажут, что латинское местоимение *te* «меня» представлено во французском двумя формами—*te* и *moi* (ср. *il me voit* «он видит меня» и с *'est moi qui 'il voit* «он видит именно меня»), то мы ответим так: французское *te* восходит к безударному лат. *te*, ударяемое лат. *te* дало во французском *moi*, наличие же или отсутствие ударения зависит не от фонетических законов, превративших *te* в *te* и *moi*, а от роли этого слова в предложении; таким образом, два способа существования (*dualite*) слова представляют собой явление грамматическое. Так и в немецком **иг-*: под ударением осталось *иг-*, а в предударной позиции *иг-* превратилось в *ег-* (ср. *U'rlaub* «отпуск» и *eriaubea* «позволять»); но ведь само место ударения связано с типами сочетаний, в которые входило *иг-*, а следовательно, с грамматической и тем самым с синхронической ситуацией. Наконец, возвращаясь к нашему первому примеру, заметим, что различия в форме и ударении, представляемые парой *baro*: *baroenem*, несомненно, предшествуют фонетическому изменению.

Фактически нигде нельзя найти фонетических дублетов. Эволюция звуков только подчеркивает уже существовавшие до нее различия. Всюду, где эти различия не обязаны своим существованием внешним причинам, как это имеет место в отношении заимствований, они предполагают наличие грамматических и синхронических дублетов (*dualites*), абсолютно не совместимых с фонетическим изменением, как таковым.

§ 4. Чередование

По-видимому, в таких двух словах, как *maison* «дом» и *menage* «хозяйство», нет смысла искать, что отличает **их** друг от друга, отчасти вследствие того, что различительные элементы (-*его* и -*ей-*) дают мало материала для сопоставления, отчасти же вследствие

156

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ отсутствия других слов с аналогичным противопоставлением. Но часто случается, что два близких слова различаются лишь одним или двумя элементами, выделяемыми без труда, и что то же самое различие регулярно повторяется в целом ряде аналогичных пар; в таком случае мы имеем дело с наиболее широким и наиболее обычным из тех грамматических явлений, в которых участвуют фонетические изменения — это явление называется *чередованием* (*altemance*).

Всякое латинское *o* в открытом слоге превратилось во французском в *ей* под

ударением и в *ou* в предударной позиции; отсюда такие пары, *KSKprouvons* «мы можем»: *peuvent* «они могут», *douloureux* «больной»: *douleur* «боль», *nouveau* «новый»: *neuf* «новый» и т. п., в которых можно без труда выделить элемент различия и регулярного варьирования. В латинском языке в связи с явлением ротацизма чередуются *gero* «ношу»: *gestus* (причастие от *gero*), *oneris* «бремени»: *onus* «бремя», *maeror* «печаль»: *maestus* «печальный» и т. д. Ввиду различной трактовки *s* в зависимости от места ударения в германских языках в средневерхненемецком мы имеем *ferliesen* «терять»: *ferloren* (прич. прош. вр. от *ferliesen*), *kiesen* «избирать»: *gekoren* (прич. прош. вр. от *kiesen*), *friesen* «мерзнуть»: *gefivren* (прич. прош. вр. *mfriesen*) и т. д. Падение и.-е. *e* отражается в современном немецком языке в виде противопоставлений *beissen* «кусать»: *biss* «кусал», *leiden* «страдать»: *litt* «страдал», *reiten* «ехать (верхом)»: *ritt* «ехал» и т. д.

Во всех этих случаях чередование затрагивает корневой элемент, однако само собой разумеется, что аналогичные противопоставления могут распространяться на все части слова. Нет более обычного явления, чем, например, изменение формы префикса в зависимости от свойств начального звука основы (ср. греч. *apo-didomi* «отдавать», «возвращать»: *ap-erchomai* «уходить», «возвращаться», франц. *in-connu* «неизвестный»: *inutile* «ненужный»). Индоевропейское чередование *e: o*, которое должно так или иначе иметь в конечном счете фонетические причины, встречается в большом числе суффиксальных элементов [греч. *hippos* «конь» (им. п. ед. ч.): *hippe* «конь» (зват. п. ед. ч.), *рпег-о-теп* «несем»: *pher-e-te* «несете», *gen-os* «род»: *gen-e-os* (вместо **gen-es-os* «рода») и т. д.]. В старофранцузском языке особо трактуется латинское ударяемое *a* после небных;

отсюда чередование *e:ie* во многих окончаниях (ср. *chant-er* «петь»: *jug-ier* «судить, решать», *chant-e* «спетый»: *jug-ie* «присужденный, решенный», *chant-ez* «поете»: *jug-iez* «судите, решаете» и т. д.).

Итак, чередование может быть определено как соответствие между двумя определенными звуками или сочетаниями звуков, подвергающимися регулярной пермутации по двум рядам сосуществующих форм.

Ясно, что, подобно тому, как фонетическое изменение не объясняет само по себе дублетов, оно равным образом не является ни единственной, ни главной причиной чередования. Когда говорят, что лат. *nov-* в результате фонетического изменения превратилось в *neuv-*

157

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

и *nov-* (*neuve* «новый» и *potеаи* «новый», «молодой»), то создают тем самым вымышленную единицу и пренебрегают наличием предшествующей синхронической двойственности; позиционное различие *nov-* в лат. *nov-its* «новый» и *nov-ellus* «новый», «молодой» предшествует фонетическому изменению и является исключительно грамматическим фактом (ср. *baro: baronem*). Такая двойственность служит как источником любого чередования, так и необходимым для него условием. Фонетическое изменение не уничтожило прежней единицы, оно только сделало более наглядным противопоставление уже сосуществующих элементов, подчеркнув его расхождением звучания. Многие лингвисты до сих пор делают ошибку, полагая, что чередование есть явление фонетическое, основываясь на том, что материалом для него служат звуки, и что в его генезисе участвуют тоже изменения звуков. В действительности же чередование, как и в его исходной точке, так и

в его окончательном виде, всегда принадлежит только грамматике и синхронии.

§ 5. Законы чередования

Можно ли свести чередования к определенным законам и какого рода эти законы?

Разберем столь часто встречающееся в современном немецком языке чередование *e: i*; при этом возьмем все случаи вперемешку, не упорядочивая их: *geben* «давать» : *gibt* «дает», *Feld* «поле» : *Gefilde* «нива». *Wetter* «погода» : *wittem* «чувать», *helfen* «помогать» : *Hilfe* «помощь», *sehen* «видеть» : *Sicht* «вид» и т. д., — тут мы не можем сформулировать никакого общего принципа. Но если из этой массы извлечь пару *geben: gibt* и сопоставить ее с *schelten* «бранить» : *schih* «бранит», *helfen* «помогать» : *hilft* «помогает», *nehmen* «брать» : *nimmt* «берет» и т. д., то окажется, что это чередование совпадает с различием времени, лица и т. д.; в *long* «длинный» : *Lunge* «длина», *stark* «сильный» : *Starke* «сила», *hart* «твердый» : *Harte* «твёрдость» и т. д. подобное же противопоставление *a: e* связано с образованием существительных от прилагательных; в *Hand* «рука» : *Hande* «руки», *Gast* «гость» : *Gaste* «гости» и т. д. — с образованием множественного числа, и так во всех столь многочисленных случаях, которые объединяются германистами под названием аблауга (ср. *emefinden* «находить» : *.fond* «нашел» *u.fmden* «находить» : *Fund* «находка»; *binden* «связывать» : *band* «связал» и *binden* «связывать» : *Bund* «связка»; *schliessen* «стрелять» : *sechoss* «стрелял» *Schuss* «сбичрпен»; *fliessen* «течь» : *.floss* «тёк» : *Fluss* «поток» и т. д.). Аб-лаут — иначе перегласовка гласных корня, совпадающая с грамматическим противопоставлением, — может служить прекрасным примером чередования; от явления чередования в целом он не отличается никакими особыми чертами.

Мы видим, что чередование обычно распределяется (*est distribuee*) между несколькими соотнесенными элементами языка регулярным образом и что оно совпадает с существенными противопоставлениями по

158

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ
линии функции, категории, детерминации. Благодаря этому можно говорить о грамматических законах чередования, но эти законы не более как случайный результат породивших их фонетических фактов. Эти последние создают регулярное звуковое противопоставление между двумя рядами противопоставленных по значимости языковых элементов;

сознание ухватывается за это материальное различие с целью сделать его значимым и связать его с различием понятий (см. стр. 86 и ел.). Как и все другие синхронические законы, грамматические законы чередования — это всего лишь отправные начала соотношений (*principes de disposition*), не имеющие обязательной силы. Таким образом, неправильно говорить, как это часто делают, будто *a* слова *Nacht* «ночь» изменяется в *a* во множественном числе — *Nachte*, в результате этого создается ложное представление, будто один элемент преобразуется в другой под давлением какого-то императивного начала. В действительности же мы имеем дело с простым противопоставлением форм, возникшим в результате фонетической эволюции. Совершенно верно, что аналогия, о которой будет сказано ниже, может способствовать созданию новых пар, представляющих такое же звуковое различие [278] (ср. *Kranz* «венок» : *Kranze* «венки» по образцу *Gast* «гость» : *Gaste* «гости» и т. д.). Создается впечатление, будто закон применяется в качестве правила, достаточно императивного, чтобы изменить установившийся

обычай. Но не надо забывать, что в языке все эти пермутации всегда могут подпасть под аналогические влияния, действующие в противоположном направлении. Этого достаточно, чтобы подчеркнуть всю непрочность подобного рода правил, вполне отвечающих тому определению, которое мы дали синхроническому закону.

Бывают случаи, когда фонетическое условие, вызвавшее чередование, очевидно. Так, у указанных на стр. 158 и ел. пар в древневерхненемецком языке была следующая форма: *geban* «давать»: *gi-bit* «дает», *ye/ </ >* «поле»: *gafildi* «нива» и т. д. В ту эпоху, если за основой следовало *i*, она сама выступала с *i* вместо *e*, а во всех прочих случаях — *se*. Латинское чередование *u/ds/o* «делать»: *conficio* «сделать», *amicus* «друг» : *inimicus* «недруг», *^асйд* «легкий» : *difficilis* «нелегкий» и т. д. равным образом связано с фонетическим условием, которое говорящие выразили бы следующим образом: звук *a* в словах *vmufacio*, *amicus* и т. д. чередуется с *i* в словах того же гнезда, где это *a* оказывается во внутреннем слоге.

Но эти звуковые противопоставления вызывают совершенно те же замечания, как и все вообще грамматические законы: они синхроничны; как только это забывают, рискуют впасть в уже указанную выше (см. стр. 97) ошибку. Перед лицом такой пары, как *facio*: *conficio*, надо остерегаться смешения отношений между этими сосуществующими элементами с тем отношением, которое связывает последовательные во времени элементы факта диахронического: *confacio* > *coficio*. Если у нас имеется соблазн впасть здесь в ошибку, то это означает, что причина фонетической дифференциации в данной паре еще ощутима, однако действие ее

159

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

принадлежит прошлому, а для говорящих здесь имеет место только обыкновенное синхроническое противопоставление.

Все вышесказанное подтверждает выдвинутое нами положение о строго грамматическом характере чередования. Для его наименования пользовались термином «пермутация»; термин вполне точный, но лучше его избегать именно потому, что его часто применяли к фонетическому изменению, а также потому, что он вызывает ложное представление о движении там, где есть только состояние.

§ 6. Чередование и грамматическая связь

Как мы уже видели, фонетическая эволюция, изменяя форму слов, приводит к разрыву соединяющих их грамматических связей. Но это верно лишь относительно таких изолированных пар, как *maison* «дом»: *menage* «хозяйство», *Teil* «часть»: *Dritt* «треть» и т. д. С чередованием же дело обстоит совершенно иначе.

Прежде всего, ясно, что всякое хоть сколько-нибудь регулярное звуковое противопоставление двух элементов содействует установлению между ними связи. *Wetter* «погода» инстинктивно сближается с *witem* «чувать», так как чередование *e* с *i* является вполне обычным. Когда же говорящие осознают, что данное звуковое противопоставление регулируется общим законом, оказывается еще больше оснований к тому, чтобы это привычное соответствие навязывалось их вниманию и тем самым способствовало закреплению, а отнюдь не ослаблению грамматической связи. Вот почему немецкий аблаут (см. стр. 158 и ел.) только подчеркивает восприятие единства основ через их варианты с разной огласовкой.

То же относится и к незначащим чередованиям, которые обусловлены лишь фонетически. Французский префикс *re-* (*reprendre* «снова брать», *regagner* «снова получать», *retoucher* «снова трогать» и т. д.) перед гласным сокращается в *r-* (*rouvrir* «снова открывать», «снова покупать» и т. д.), равным образом префикс *in-*, вполне живой, несмотря на свое книжное происхождение, в тех же условиях появляется в двух различных формах: *e-* (в *inconnu* «неизвестный», *indigne* «недостойный», *invertebre* «беспозвоночный» и т. д.) и *in-* (*inavouable* «постыдный» = «непризнаваемый», *inutile* «бесполезный», *inesthetique* «неэстетичный» и т. д.). Такие различия нисколько не разрушают смыслового единства, так как смысл и функция воспринимаются как тождественные; а случаи употребления той или другой формы строго фиксированы в языке.

Глава IV Аналогия

§ 1. Определение аналогии и примеры [279]

Из всего вышесказанного следует, что фонетические изменения являются деструктивным фактором в жизни языка. Всюду, где они не создают чередований, они способствуют ослаблению грамматических связей, объединяющих между собою слова; в результате этого бесполезно увеличивается количество форм, механизм языка затемняется и усложняется в такой степени, что порожденные фонетическим изменением неправильности берут верх над формами, которые группируются по общим образцам, — иначе говоря, в такой степени, что абсолютная произвольность оттесняет на задний план относительную произвольность (см. стр. 132 и ел.).

К счастью, действие этих изменений уравнивается действием аналогии [280]. Аналогией объясняются все нормальные модификации внешнего вида слов, не имеющие фонетического характера.

Аналогия предполагает образец и регулярное подражание ему. *Аналогическая форма* — это форма, образованная по образцу одной или нескольких других форм согласно определенному правилу.

Так, в латинском им. п. *honor* «честь» есть результат аналогии. Прежде говорили *honos* «честь» (им. п.): *honosem* «честь» (вин. п.), затем в результате ротацизма *s* — *honos: honorem*. Основа получила, таким образом, двоякую форму; эта ее двойственность была устранена появлением новой формы *honor*, созданной по образцу *orator* «оратор»: *oratozem* «оратора» и т. д. посредством приема, который мы анализируем ниже, а сейчас сведем к формуле вычисления четвертого члена в пропорции

$$oratozem: orator = honorem: x \quad x = honor$$

Итак, мы видим, что, уравнивая действие фонетического изменения, приводящего к расхождению (*honos: honorem*), аналогия снова воссоединила формы и восстановила регулярность (*honor:*

honorem).

По-французски долгое время говорили *Il prouve* «он доказывает», *nous prouvons* «мы доказываем», *ils prouvent* «они доказывают». Теперь же говорят *il prouve*, *ils prouvent*, то есть употребляют формы, фонетически необъяснимые; *il aime* «он любит» восходит к лат. *amat*, тогда как *nous aimons* «мы любим» представляет собой аналогическое образование вместо *amons*; следовало бы также говорить *atable* вместо *aimable* «любезный». В греческом *s* исчезло между двумя гаас-

ными: *-eso-* превратилось в *-eo-* (ср. *geneos* «рода» вместо **genesos*). Между тем это интервокальное *s* встречается в будущем времени и аористе всех глаголов на гласный: буд. вр. *lueso*, аор. *elusa* (от *Iúð* «развязывать») и т. д. Аналогия с формами типа буд. вр. *tupso*, аор. *etupsa* (от *tupto* «бить»), где *s* не выпадало, сохранила *s* в форме будущего времени и аористе указанных глаголов. В немецком языке в таких случаях, как *Gast* «гость»: *Gaste* «гости», *Balg* «шкура»: *Bulge* «шкура» и т. д., мы имеем фонетические явления, тогда как случаи *Kranz* «венки»: *Kranze* «венки» (прежде *kranz: kranza*), *Hals* «шея»: *Halse* «шеи» (прежде *halsa*) и т. д. своим происхождением обязаны подражанию.

Аналогия действует в направлении большей регулярности и стремится унифицировать способы словообразования и словоизменения. Но у нее есть и свои капризы: наряду с *Kranz* «венки»: *Kranze* «венки» и т. д. мы имеем *Tag* «день»: *Tage* «дни», *Salz* «соль»: *Sake* «соли» и т. д., по той или иной причине устоявшие против действия аналогии. Таким образом, нельзя наперед сказать, до какого предела распространится подражание образцу и каковы те типы, по которым будут равняться другие. Так, далеко не всегда образцом для подражания при аналогии служат наиболее многочисленные формы. В греческом перфекте наряду с действительным залогом *perpheuga* «я убежал», *perpheugas* «ты убежал», *perpheugamen* «мы убежали» и т. д. весь средний залог спрягается без *a*: *perphugmai* «я убежал», *perphugmetha* «мы убежали» и т. д., и гомеровский язык показывает нам, что это *a* первоначально отсутствовало во множественном и двойственном числах действительного залога: ср. *idmen* «мы знаем», *e'lkton* «мы (двое) похожи» и т. д. Исходной точкой для распространения аналогии явилась, таким образом, исключительно форма первого лица единственного числа действительного залога, которая и подчинила себе почти всю парадигму перфекта изъявительного наклонения. Этот случай примечателен еще в том отношении, что здесь в силу аналогии к основе отходит элемент *-a-*, первоначально бывший элементом словоизменительным, откуда *perpheuga-men*; как мы увидим ниже (стр. 170), обратный случай—отход элемента основы к суффиксу — встречается гораздо чаще.

Иногда бывает достаточно двух или трех изолированных слов, чтобы образовать общую форму, например окончание; в древневерхненемецком языке слабые глаголы типа *haben* «иметь», *lobon* «хвалить» и т. д. в первом лице единственного числа настоящего времени имеют *-t*: *habem*, *lobom*. Это *-t* восходит к нескольким глаголам, аналогичным греческим глаголам на *-mi*: *bim* «я семь», *stam* «стою», *gem* «иду», *tuom* «делаю», под влиянием которых это окончание охватило все слабое спряжение. Заметим, что в данном случае аналогия не устранила фонетического разнообразия, а просто обобщила способ образования.

162

§ 2. Явления аналогии не являются изменениями

Первые лингвисты не поняли природы образования по аналогии и называли ее «ложной аналогией». Они полагали, что, вводя форму *honor* «честь» вместо *honos*, латинский язык «ошибся». Всякое отклонение от данного порядка представлялось им неправильностью, нарушением некоей идеальной формы. Отдавая дань весьма характерной для их эпохи иллюзии, они рассматривали начальное состояние языка как нечто высшее и совершенное и даже не задавались вопросом, не предшествовало ли этому состоянию какое-нибудь более древнее. С этой точки зрения всякое нарушение прежнего порядка представлялось анома-

лией. Истинную роль аналогии впервые обнаружили младограмматики, которые показали, что она является наряду с фонетическими изменениями могучим фактором эволюции языков, переходящих благодаря ей от одного строя (*etat d'organisation*) к другому.

Но какова же природа аналогии? Является ли она, как это обычно думают, изменением?

Каждый факт аналогии — это событие, в котором участвуют три действующих лица: 1) традиционный законный, наследственный тип (например, *honos*); 2) конкурент (*honor*); 3) коллективный персонаж, образованный теми формами, которые создали этого конкурента (*honorem, orator, oratorem* и т. д.). В этих условиях проявляется тенденция рассматривать *honor* как модификацию, как «метаплазму» *honos*, из которой оно будто бы извлекло наибольшую часть своей субстанции. Между тем единственная форма, не участвующая в производстве *honor*, — это именно *honos*. Все это можно изобразить в виде следующей схемы:

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ

honos (в счет не идет)

]

honorem, orator, oratorem... (производящая группа)

НОВАЯ ФОРМА

Как видим, все сводится к «параплазме», к узаконению конкурента наряду с традиционной формой — одним словом, к новообразованию. В то время как фонетическое изменение не вводит ничего нового, не аннулировав вместе с тем предыдущего состояния (*honoset* заменяется формой *honorem*), образование по аналогии не связано с обязательным исчезновением прежней, дублируемой формы. *Honor* и *honos* сосуществовали в течение некоторого промежутка времени и могли заменять одно другое. Но поскольку языку несвойственно сохранять два означаящих для одного понятия, обычно первоначальная форма, как менее регулярная, сперва начинает употребляться реже, а затем и вовсе исчезает. Вот этот результат и создает впечатление преобразования.

163

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Едва только возникает образование по аналогии, как начинает казаться, что прежнее состояние (*honos: honorem*) и новое состояние (*honor. honorem*) образуют такое противоположение, какое могло возникнуть вследствие фонетической эволюции. Между тем в момент возникновения *honor* ничего еще не изменилось, так как эта форма ничего не замещает; исчезновение *honos* тоже не есть изменение, поскольку это явление не зависит от первого. Всюду, где можно проследить ход языковых событий, мы замечаем, что образование по аналогии и исчезновение прежней формы суть два независимых явления и что ни о каком преобразовании здесь нет и речи.

Аналогия, таким образом, вовсе не характеризуется заменой одной формы другой формой; это находит себе подтверждение, между прочим, и в том, что сплошь и рядом новая форма вообще ничего не замещает. В немецком языке от любого существительного с конкретным значением можно образовать уменьшительное имя на *-chen*;

если бы в немецком языке появилась форма *Elefantchen* «слоненок» (от *Elefant* «слон»), она не заменила бы ничего существовавшего раньше. Так и во французском языке по образцу *pension* «пенсия»: *pen-sionnaire* «пенсионер», *reaction* «ре-

акция»: *reactionnaire* «реакционер» и т. д. можно образовать такие слова, как *interventionnaire* «сторонник интервенции», *repressionnaire* «сторонник репрессий». Совершенно очевидно, что тут мы имеем процесс, подобный процессу возникновения *honor*; оба они сводятся к формуле

reaction: reactionnaire=repression: χ \=repressionnaire,

и ни в том ни в другом случае нет ни малейшего повода говорить об изменении: *repressionnaire* ничего не замещает. Другой пример: с одной стороны, встречается аналогическое образование *βηαυχ* «конечные» вместо *ουγπα/у*, и эта форма считается более правильной; с другой стороны, может случиться, что кто-нибудь образует от существительного *^rtaawenf* «небесная твердь» прилагательное *firmamental*, а от него—форму множественного числа *firmamentaux*. Можем ли мы сказать тогда, что в случае *βηαυχ* мы имеем дело с изменением, а в случае *firmamentaux*—с новообразованием? В действительности в обоих случаях имеет место новообразование. По образцу *τιγ* «стена» : *εττιγεγ* «обносить стеной» образовано *tour* «окружность»: *en-tourer* «обводить», «окружать», *jour* «ажурная вышивка» : *ajourer* «делать ажурным» (ср. *un travail ajoure* «ажурная работа»); эти образования, сравнительно недавние, представляются нам созданными заново. Но если удастся открыть, что в предшествующую эпоху существовали глаголы *entomer* и *ajomer*, образованные от существительных *torn vijorn*, то, спрашивается, придется ли нам изменить мнение и заявить, что *entourer* и *ajourer* являются лишь модификациями этих более старых слов? Итак, представление об аналогическом «изменении» появляется в результате установления связи между вытесненным элементом и новым; но это представление ошибочно, ибо

164

образования, квалифицируемые как изменения (тип *honor*), по своей природе одинаковы с теми, которые мы называем новообразованиями (тип *repressionnaire*).

§ 3. Аналогия как принцип новообразований в языке

Выяснив, чем не является аналогия, и переходя к изучению ее с положительной точки зрения, мы сразу же замечаем, что принцип аналогии попросту совпадает с принципом языковых новообразований вообще. В чем же он заключается?

Аналогия есть явление психологического характера; но этого положения еще недостаточно, чтобы отличить ее от фонетических изменений, так как эти последние также могут рассматриваться как психологические (см. стр. 151). Надо пойти дальше и сказать, что аналогия есть явление грамматического порядка: она предполагает осознание и понимание отношения, связывающего формы между собой. Если в фонетическом изменении мысль не участвует, то участие ее в создании чего-либо по аналогии необходимо.

В фонетическом переходе интервокального *s* в *г* в латинском языке (ср. *honosem*->*honorem*) не принимает участия ни сравнение с иными формами, ни смысл слов; можно сказать, что в *honorem* переходит только труп формы *honosem*. Напротив, чтобы объяснить появление *honor* наряду с *honos*, надо обратиться к другим формам, как это явствует из нижеследующей формулы четвертого члена в пропорции:

oratores: orator == honores: χ χ = honor

Эта пропорция не была бы возможна, если бы входящие в ее состав формы не ассоциировались по смыслу.

Итак, в явлении аналогии все грамматично. Однако прибавим тут же, что новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принад-

лежит исключительно сфере речи;
оно — случайное творчество отдельного лица. Именно в этой сфере и вне языка следует искать зарождение данного явления. Однако при этом следует различать: 1) понимание отношения, связывающего между собою производящие формы, 2) подсказываемый сравнением результат, то есть форму, импровизируемую говорящим для выражения своей мысли. Только этот результат относится к области речи. И так, на примере аналогии мы лишней раз убедились, насколько необходимо различать язык и речь (см. стр. 26); аналогия показывает нам зависимость речи от языка и позволяет проникнуть в самую суть работы языкового механизма, как она нами описана выше (см. стр. 129). Всякому новообразованию должно предшествовать бессознательное сравнение данных, хранящихся в сокровищнице языка, где производящие формы упорядочены, согласно своим синтагматическим и ассоциативным отношениям.

165

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Таким образом, значительная часть процесса образования по аналогии протекает еще до того, как появляется новая форма. Непрерывная деятельность языка, заключающаяся в разложении наличных в нем элементов на единицы, содержит в себе не только все предпосылки для нормального функционирования речи, но также и все возможности аналогических образований. Поэтому ошибочно думать, что процесс словотворчества приурочен точно к моменту возникновения новообразования; элементы нового слова были даны уже раньше. Импровизируемое мною слово, например *in-decor-able* «такой, которого невозможно украсить», уже существует потенциально в языке: все его элементы встречаются в таких синтагмах, как *decor-er* «украшать», *decor-ation* «украшение», «декорация»;

pardonn-able «простительный», *muni-able* «такой, с которым удобно работать», «гибкий»; *in-cognu* «неизвестный», *in-sense* «безрассудный» и т. д., а его реализация в речи есть факт незначительный по сравнению с самой возможностью его образования.

Резюмируя, мы приходим к выводу, что аналогия сама по себе есть лишь один из аспектов явления интерпретации, лишь частное проявление той общей деятельности, содержание которой состоит в обеспечении различения языковых единиц, чтобы затем их можно было использовать в речи. Вот почему мы утверждаем, что аналогия—явление целиком грамматическое и синхроническое. Такая характеристика аналогии приводит нас к двум следующим замечаниям, подкрепляющим, на наш взгляд, произвольность абсолютную и произвольность относительную (см. стр. 131 и ел.):

1. Все слова можно расклассифицировать в зависимости от их способности производить новые слова, что связано с их большей или меньшей разложимостью. Простые слова по основному своему свойству непродуктивны (ср. *magasin* «кладовая», *arbre* «дерево», *racine* «корень» и т. д.): *magasinier* «кладовщик» не произведено от *magasin*; оно образовано по образцу *prison* «тюрьма»: *prisonnier* «заключенный (в тюрьму)» и т. д. Точно так же *emmagasiner* «помещать на склад» обязано своим существованием аналогии с *emmaillot-ter* «пеленать», *encadrer* «вставлять в раму», *encapuchonner* «надевал» капюшон» и т. д., заключающим в себе *maillot* «пеленка», *cadre* «рамка», *capuchon* «капюшон» и т. д.

Таким образом, в каждом языке есть слова продуктивные и слова «бесплод-

ные»; пропорция между теми и другими бывает разная. В общем это сводится к различению, проведенному нами на стр. 133 между языками «лексическими» и «грамматическими». В китайском языке слова в большинстве случаев неразложимы; наоборот, в искусственном языке они почти все подвергаются анализу. Любой эсперантист волен создавать новые слова на основе данного корня.

2. Мы уже указывали (см. стр. 161), что всякое новообразование по аналогии может быть представлено в виде операции, сходной с вычислением четвертой величины в пропорции. Весьма часто этой формулой пользуются для объяснения самого явления аналогии; мы

166

же старались объяснить аналогию возможностями разложения единиц на значимые элементы и использования этих имеющихся в языке готовых элементов.

Обе названные концепции противоречат одна другой. Если применение формулы пропорции является достаточным объяснением, к чему тогда гипотеза о разложимости единиц? Чтобы образовать такое слово, как *indecorable*, нет никакой необходимости извлекать соответствующие элементы: *in-decor-able*; совершенно достаточно взять его в целом и поместить в уравнение:

pardonner: impardonnable и т. *a. = decorer: x \ = indecorable*

При таком объяснении у говорящего не предполагается наличия сложной умственной операции, чересчур напоминающей сознательный анализ грамматиста. В таком случае, как Kranz «венок»: *Krate* «венки» по образцу *Gast* «гость»: *Gaste* «гости», разложение на элементы как будто менее вероятно, чем решение пропорции, так как в образце основой является то *Gast-*, то *Gast-*, и может показаться, что звуковое свойство *Gaste* было просто перенесено на *Kranz*. Какая же из этих теорий соответствует действительности? Заметим прежде всего, что в случае с *Kranz* нет необходимости исключать возможность анализа. Мы ведь констатировали наличие чередований и в корнях и в префиксах (см. стр. 156 и ел.), а ощущение чередования может отлично уживаться с разложением на значимые элементы.

Эти две противоположные концепции отображаются в двух различных грамматических доктринах. Наши европейские грамматики оперируют пропорциями; так, они объясняют образование немецкого прошедшего времени, исходя из целых слов; ученику говорят: по образцу *setzen* «поставить»: *setzte* «поставил» образуй прошедшее время от *lachen* «смеяться» и т. д. А вот если бы немецкую грамматику стал излагать древнеиндийский ученый, он коснулся бы в одной главе корней (*setz-*, *loch-*), в другой — окончаний прошедшего времени (*-te* и т. д.), таким образом были бы даны полученные путем анализа элементы, при помощи которых предстояло бы синтезировать целые слова. Во всех санскритских словарях глаголы располагаются в порядке, определяемом их корнями. В зависимости от основных свойств данного языка грамматисты склоняются либо к одному, либо к другому из этих двух методов.

Древнелатинский язык, по-видимому, благоприятствовал аналитическому методу. Нижеследующее явление может служить этому блестящим доказательством. В словах *factus* «искусно обработанный» и *actus* «движение» количество первого гласного неодинаково, хотя и *Vficio* «делаю» и в *ago* «двигаю» *a* является кратким; следует предположить, что *actus* восходит к **agtos*, и объяснять удлинение гласного следующим за ним звонким согласным; эта гипотеза полностью подтверждается романскими языками; противопоставление

167

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

specio «смотрю»: *spectus* (прич. прош. вр. от *specio*) наряду с *tego* «крою»: *tectus* «крытый» отражается во французском языке в *depit* «досада» (= *despectus*) и *toil* «кровля» (= *tectum*), ср. *conficio* «совершаю»: *confectus* «совершенный» (франц. *confit* «вареный [в сахаре]») наряду с *rego* «правлю»: *rectus* «прямой», «правильный» (*cRrectus* «прямой»-*.франц. *droit* «прямой»). Но **agtos*, **tegtos*, **regtos* не унаследованы латинским языком из индоевропейского, в котором, несомненно, было **aktos*, **tektos* и т. д., — они появились в доисторической латыни, несмотря на трудность произносить звонкий перед глухим. Из этого явствует, что в древнейшей латыни ясно осознавались коренные единицы *ag-*, *teg-*. Следовательно, латинский язык сильно способствовал осознанию частей слова (основ, суффиксов и т. д.) и их взаимодействия. В наших современных языках это чувство развито у говорящих, вероятно, в меньшей степени, но у немцев оно все же острее, чем у французов (см. стр. 187).

Глава V Аналогия и эволюция

§ 1. Каким образом новообразование по аналогии становится фактом языка?

Все, что входит в язык, заранее испытывается в речи: это значит, что все явления эволюции коренятся в сфере деятельности индивида. Этот принцип, уже высказанный нами выше (см. стр. 99), особенно применим к новообразованиям по аналогии. Прежде чем *honor* стало опасным конкурентом *honos*, способным вытеснить это *honos*, оно было просто сымпровизировано одним из говорящих, примеру которого последовали другие, так что в конце концов эта новая форма сделалась общепринятой.

Отсюда вовсе не вытекает, что такая удача выпадает на долю всех новообразований по аналогии. На каждом шагу мы встречаемся с недолговечными новыми комбинациями, которые не принимаются языком. Ими изобилует детская речь, так как дети еще недостаточно освоились с обычаем и не поработаны **им** окончательно: они говорят *viendre* вместо *venir* «приходить», *тоиги* вместо *mart* «мертвый», «умерший» и т. д. Но примеры этого рода можно найти и в языке взрослых. Так, многие вместо *trayait* (прошедшее несовершенное от *traire* «дойти») говорят *traisait* (встречается, между прочим, у Руссо). Все эти новообразования вполне правильны; они объясняются совершенно так же, как и те, которые приняты языком; так, *viendre* основано на пропорции

eteindrai: eteindre = viendrai: χ χ= viendre,

а *traisait* образовано по образцу *plaire: plaisait* и т. д.

В языке удерживается лишь незначительная часть новообразований, возникших в речи; но те, какие остаются, все же достаточно многочисленны, чтобы с течением времени в своей совокупности придать словарю и грамматике совершенно иной облик.

В предыдущей главе мы ясно показали, что аналогия не может быть сама по себе фактором эволюции; это несколько не противоречит тому, что вызываемая аналогией непрерывная замена одних форм другими представляет собой одно из наиболее бросающихся в глаза явлений в переживаемых языками преобразованиях. Каждый раз, как закрепляется какое-либо новообразование, вытесняя предшествовавший ему элемент, создается нечто новое, а нечто старое отбрасывается — вот на этом основании аналогия и занимает преобладающее положение в теории языковой эволюции. На этом мы считаем нужным особенно

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

§ 2. Образования по аналогии — симптомы изменений интерпретации

Язык непрестанно интерпретирует и разлагает на составные части существующие в нем единицы. Чем же можно объяснить, что истолкование этих единиц непрерывно меняется от одного поколения к другому?

Причину этого следует искать в огромном множестве факторов, непрерывно влияющих на тот способ анализа, который принят при данном состоянии языка. Напомним некоторые из этих факторов.

Первым и наиболее важным является фонетическое изменение (см. гл. II). Поскольку благодаря ему некоторые способы анализа становятся двусмысленными, а другие — невозможными, постольку изменяются условия разложения на составные части, а вместе с тем и его результаты; отсюда — перемещение границ внутри отдельных единиц и видоизменение их характера. Ранее (см. стр. 141) было сказано об этом по поводу таких сложных слов, как *beta-hus* и *redolich*, и по поводу индоевропейского склонения (см. стр. 155).

Но не все сводится к фонетическому фактору. Есть еще агглютинация, о которой речь будет ниже; в результате агглютинации из сочетания отдельных элементов возникает единое целое. Затем следует упомянуть о всевозможных обстоятельствах, внешних по отношению к слову, но способных изменить его анализ. В самом деле, поскольку разложение на составные части является результатом целого ряда сопоставлений, постольку совершенно ясно, что в каждый данный момент оно зависит от ассоциативных связей данного слова. Так, превосходная степень и.-е. **swad-is-to-s* заключала в себе два независимых друг от друга суффикса: *-is-* — показатель идеи сравнения (ср. лат. *mag-is* «более») и *-to-*, обозначавший определенное местонахождение предмета в ряду других предметов (ср. греч. *tri-to-s* «третий»). Эти два суффикса подверглись агглютинации (ср. греч. *hed-isto-s* или, вернее, *hed-ist-os* «самый приятный»). Но этой агглютинации в свою очередь чрезвычайно благоприятствовало обстоятельство, чуждое самой превосходной степени: формы сравнительной степени на *-is-* вышли из употребления, будучи вытеснены образованиями на *-jos-*;

-is-, переставшее осознаваться самостоятельным элементом, не стало более выделяться внутри *-isto-*.

Заметим мимоходом, что обнаруживается общая тенденция сокращать основу в пользу форманта, в особенности в тех случаях, когда основа оканчивается на гласный. Так, в латинском суффикс *-tat-(yeri-tat-em* «правду» вместо **vem-itat-em*, ср. греч. *deino-tet-a* «силу») притянул к себе *i* основы, так что слово *veri-tat-em* стало анализироваться как *ver-itat-em*; равным образом *Roma-nus* «римский», *Alba-nus* «албанский» (ср. *aenus* «медный» вместо **aes-no-s*) превратилось в *Rom-anus*, *Alb-anus*.

Какова бы ни была причина изменений в интерпретации, эти изменения всегда обнаруживают себя в появлении аналогических

170

АНАЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

форм. В самом деле, не только живые единицы, ощущаемые говорящим в каждый данный момент, могут порождать образования по аналогии; верно и то, что всякое

определенное распределение единиц допускает возможность расширения их употребления. Аналогия может, таким образом, служить несомненным доказательством того, что данный формативный элемент в данный момент существует как значимая единица. *Mendionalis* «полуденный» у Лактанция вместо *mendialis* показывает, что в то время римляне делили *septentri-onalis* «северный», *regi-onalis* «областной», а для того чтобы показать, что к суффиксу *-tat-* отошел элемент ("), заимствованный у основы, достаточно сослаться на *ce-ler-itate* «быстроту»; *pug-anus* «сельский» от *pag-us* «село» ясно показывает, каким образом римляне анализировали *Romanus*; анализ немецкого *redlich* «честный» (см. стр. 141) подтверждается существованием *sterblich* «смертный», образованного от глагольного корня.

Нижеследующий, исключительно любопытный пример показывает, как с течением времени в аналогические сопоставления вовлекаются все новые единицы. В современном французском языке слово *somnolent* «сонливый» разлагается на *somnol-* и *-ent*, как если бы это было причастие настоящего времени; доказательством этому служит наличие глагола *somnoler* «дремать». Однако в латинском *somnolentus* делили на *somno-* и *-lentus* по образцу *succulentus* «сочный» и т.д., а еще раньше — на *somn-* и *-olentus* «пахнущий сном» (от *olere* «пахнуть») по образцу *vinolentus* «пахнувший вином».

Таким образом, наиболее ощутимым и наиболее важным действием аналогии является замена старых форм, нерегулярных и обветшалых, новыми, более правильными формами, составленными из живых элементов.

Разумеется, не всегда дело обстоит так просто: функционирование языка пронизано бесчисленным множеством колебаний, приблизительных и неполных разложений. Никогда никакой язык не обладал вполне фиксированной системой единиц [281]. Вспомним, что было сказано (см. стр. 155) о склонении **eki-wos* сравнительно со склонением **pods*. Эти приблизительные (*imparfaites*) разложения приводят иногда к нечетким аналогическим образованиям. Индо-европейские формы **geus-etai*, **gus-tos*, **gus-tis* позволяют выделить корень *geus-*: *gus-* «вкушать»; но в греческом интервокальное *s* исчезает, и тем самым разложение форм *geuomai*, *geustos* осложняется; в результате возникает колебание: выделяется не то *geus-*, не то *geu-*, в свою очередь и образования по аналогии начинают подпадать под воздействие этого колебания, и мы видим, как основы на *ей-* принимают это конечное *s*: например, *рпей-*, *рпейта* «дыхание», от глаг. прилагательное *рнеус-тос*.

Но даже и при этих колебаниях аналогия оказывает свое влияние на язык. Не являясь сама по себе фактом эволюции, она тем не менее в каждый момент отражает изменения, происходящие в системе языка, и

171

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

закрепляет их новыми комбинациями старых элементов [282]. Она принимает активное участие в деятельности всех тех сил, которые непрерывно видоизменяют внутреннее строение языка. В этом смысле она может считаться мощным фактором эволюции.

§ 3. Аналогия как обновляющее и одновременно консервативное начало

Может возникнуть сомнение, действительно ли так велико значение аналогии, как это, казалось бы, следует из предшествующего изложения, и действительно ли она охватывает область, столь же обширную, как и область фонетических изменений. Фактически история каждого языка обнаруживает бесчислен-

ное множество громоздящихся друг на друга аналогических фактов, и, взятые в целом, эти непрекращающиеся перестройки играют в эволюции языка значительную роль, более значительную, чем изменения звуков.

Но наибольший интерес для лингвиста представляет следующее: в великом множестве изменений по аналогии, охватывающих целые столетия развития, почти все старые элементы сохраняются и только иначе распределяются. Порождаемые аналогией инновации носят скорее кажущийся, нежели реальный характер. Язык напоминает одежду, покрытую заплатами, которые сделаны из материала, отрезанного от этой одежды. Если иметь в виду субстанцию французской речи, то можно сказать/что французский язык на % восходит к индоевропейскому; однако все слова, дошедшие до современного французского языка из праязыка в чистом виде, без изменений по аналогии, могут уместиться на одной странице (например, *est* = *esti, имена числительные и еще несколько слов, как-то: *ours* «медведь», пег «нос», *pere* «отец», *chien* «собака» и т. д.). Огромное же большинство французских слов представляет собой того или другого рода новые сочетания звуковых элементов, извлеченных из более старых форм. В этом смысле можно сказать, что аналогия — именно потому, что она для своих инноваций пользуется исключительно старым материалом, — является определенно консервативным началом.

И действительно, аналогия во многих случаях работает и как чисто консервативный фактор; можно сказать, что она действует не только там, где имеет место распределение существовавшего ранее материала по новым единицам, но и там, где имеет место сохранение в неприкосновенности прежних форм. В обоих случаях дело идет об одинаковом психологическом процессе. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить, что принцип аналогии по существу совпадает с принципом, лежащим в основе механизма речевой деятельности (см. стр. 165).

Лат. *agunt* «двигают» сохранилось почти в полной неприкосновенности с доисторической эпохи, когда говорили *agonti, до самой римской эпохи. В течение всего этого долгого периода сменявшиеся поколения пользовались этим словом, и никакие конкурирующие формы не смогли его вытеснить. Но разве аналогия ни при чем в этом

172

АНАЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

сохранении прежнего слова? Своей устойчивостью *agunt* обязано действию аналогии не в меньшей степени, чем любая инновация. *Agunt* включено в рамки системы; оно связано с такими формами, как *dicunt* «говорят», *legunt* «читают» и т. д., и с такими, как *agimus* «двигаем», *agitis* «двигаете» и т. д. Не будь этих связей, оно легко могло бы оказаться вытесненным какой-либо формой, составленной из новых элементов. Пережило века не *agunt*, но *ag-unt*; форма не изменилась потому, что *ag-* и *-unt* находили регулярные соответствия в других рядах: вот этот сопутствующий ряд ассоциируемых с *agunt* форм и сохранил его в неприкосновенности во время его многовекового пути. Ср. еще *sex-tus* «шестой», также опирающееся на компактные ряды: с одной стороны, *sex* «шесть», *sex-aginta* «шестьдесят» и т. д., с другой стороны, *quar-tus* «четвертый», *quin-tus* «пятый» и т. д.

Таким образом, формы сохраняются потому, что они непрерывно возобновляются по аналогии; слово одновременно осознается и как единица, и как синтагма и сохраняется постольку, поскольку входящие в его состав элементы не изменяются. И наоборот; угроза его существованию появляется лишь тогда,

когда составляющие его элементы выходят из употребления. Обратим внимание на то, что происходит с французскими формами *dites* «говорите» *vifaites* «делаете», соответствующими непосредственно лат. *dic-itis, fac-itis*, но не имеющими больше опоры в современном спряжении; язык стремится их вытеснить; начинают говорить *disez, faisez*—по образцу *plaisez* «нравиться», *lisez* «читаете» и т. д., и эти новые формы уже стали общеупотребительными в большинстве производных глаголов (*contre-disez* «противоречите» и т. д.). Единственные формы, на которые аналогия вовсе не может распространиться,—это, разумеется, такие изолированные слова, как собственные имена, в частности географические названия (ср. *Paris, Geneva, Agen* и др.), которые не допускают никакого осмысленного разложения и, следовательно, никакой интерпретации составляющих их элементов; конкурирующих новообразований рядом с ними не возникает.

Таким образом, сохранение данной формы может объясняться двумя прямо противоположными причинами: полнейшей изоляцией или же принадлежностью к определенной системе, неприкосновенной в своих основных частях и постоянно приходящей ей на помощь. Преобразующее действие аналогии может развиваться наиболее успешно в той промежуточной области, которая охватывает формы, не имеющие достаточной опоры в своих ассоциативных связях.

Но идет ли речь о сохранении формы, составленной **из** нескольких элементов, или о перераспределении языкового материала по новым конструкциям, роль аналогии безмерно велика, ее воздействие сказывается повсюду,

173

Глава VI Народная этимология [283]

Нам иногда случается коверкать слова, форма и смысл которых нам малознакомы; бывает, что обычай впоследствии узаконивает такого рода деформации слов. Так, старофранц. *coute-pointe* «стеганое одеяло» (от *coute*, вариант *couette* «покрышка», *vipointe*—причастие прош. вр. *currpointre* «стегать») было изменено в *courte-pointe*, как будто это было составное слово из прилагательного *court* «короткий» и существительного *pointe* «кончик». Такие инновации, как бы они ни были нелепы, не возникают совершенно случайно; в них обнаруживаются попытки приблизительного объяснения малопонятного слова путем сопоставления его с чем-либо хорошо знакомым.

Этому явлению дано название народной этимологии. На первый взгляд оно не очень отличается от явления аналогии. Когда говорящий по-французски, забывая о существовании слова *surdite* «глухота», образует по аналогии *sourdite*, результат получается тот же, как если бы он, плохо понимая *surdite*, деформировал это слово под впечатлением прилагательного *sourd* «глухой»; единственное различие, казалось бы, сводится к тому, что образования по аналогии рациональны, а народная этимология действует несколько на авось и приводит к несурзнице, к чепухе.

Однако это различие, относящееся лишь к результатам, не главное. Есть другое, более глубокое различие по существу; чтобы показать, в чем оно состоит, приведем несколько примеров главнейших типов народной этимологии.

Разберем случаи, когда слово получает новое истолкование, не меняя своей внешней формы. Нем. *durchblaaen* «поколотить» этимологически восходит к *bliuwan* «бичевать»; но теперь его связывают с *blau* «синий» вследствие синяков, производимых ударами. В средние века немецкий язык заимствовал из

французского слово *aventure* «приключение», которое в немецком приняло форму *abenture*, затем *Abenteuer*; не деформируя слова, его стали связывать с *Abend* «вечер» («то, что рассказывают по вечерам»), и вплоть до XVIII в. его даже писали *Abendteuer*. От старофранцузского *soufrait* «лишение» (лат. *suffracta* от *subfrangere* «надламывать») произошло прилагательное *souffreteux* «немошный», «хворый»; его теперь связывают с глаголом *souffrir* «страдать», с которым у него, однако, нет ничего общего. *Lais* «отказ по завещанию» (отглагольное существительное от *laisser* «оставлять») ныне рассматривается как производное от *leguer* «завещать», и его пишут *legs*; некоторые даже производят *leg-s*, что может создать впечатление, будто здесь произошло изменение формы в результате изменения интерпретации; но это произношение объясняется только

174

НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

влиянием письменной формы, при помощи которой хотели отметить, не меняя произношения, происхождение этого слова. Аналогичным образом французское слово *homard* «омар», заимствованное из древнескандинавского *humarr* (ср. датск. *hummer*), приняло на конце *d* по аналогии с французскими словами на *-ard*; только в данном случае интерпретационная ошибка, обнаруживаемая орфографией, касается конца слова, принятого за хорошо знакомый суффикс (ср. *bavard* «болтливый» и др.) [284].

Однако в большинстве случаев слово искажают с целью приспособить его к будто бы заключенным в нем элементам. Так обстоит дело с франц. *choucroute* «кислая капуста» (от нем. *Sauerkraut*)', лат. *dromedarius* «двугорбый верблюд» превратилось в немецком в *Trampeltier* «топчущееся животное»; сложное слово является новым, но составлено оно из уже существовавших элементов *trampein* и *Tier*. Древневерхненемецкий язык из лат. *marganta* «жемчужина» сделал *mari-greoz* «морской камешек» путем комбинации двух уже существующих слов [285].

А вот еще один, особо поучительный случай: лат. *carbunculus* «уголек» дало в немецком *Karfunkel* по ассоциации *cfankein* «сверкать», а во французском — *escarboucle*, связываемое с *boucle* «локон». *Calfeter*, *calfetrer* «конопатить» превратилось в *calfeutrer* под влиянием *feutre* «войлок». Во всех этих примерах на первый взгляд более всего поражает то, что каждый из них заключает наряду с понятным элементом, наличествующим в других словах, другую часть, ничему старому не соответствующую: *kar-*, *escar-*, *cal-*. Но было бы ошибочным думать, что в этих элементах есть нечто, созданное заново, нечто возникшее в связи с данным явлением; в действительности налицо совершенно обратное: это просто-напросто отрезки, оставшиеся неинтерпретированными, это, если угодно, народные этимологии, застрявшие на полпути. *Karfunkel* в этом отношении не отличается от *Abenteuer*, если считать, что *-teuer* — оставшийся без объяснения остаток; его можно сравнить и с *homard*, где *horn-* ничему не соответствует. Таким образом, степень искажения не создает каких-либо существенных различий у слов, исковерканных народной этимологией; все они, безусловно, являются не более как истолкованиями непонятых форм посредством форм известных.

Итак, теперь ясно, чем народная этимология походит на аналогию и чем она от нее отличается.

У обоих этих явлений есть только одна общая черта — и в том и в другом случае

используются предоставляемые языком значимые элементы,—но в остальном они диаметрально противоположны. Аналогия всегда предполагает забвение прежней формы; в основе аналогической формы *И traisait* (см. стр. 169) отсутствует какое бы то ни было разложение прежней формы *И trayait* на составные части; забвение этой формы даже необходимо, чтобы могла возникнуть конкурирующая с ней форма. Аналогия ничего не извлекает из субстанции

175

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

замещаемых ею знаков. Наоборот, народная этимология сводится к интерпретации прежней формы, воспоминание о которой, хотя бы и смутное, является исходной точкой для ее искажения. Таким образом, в основе анализа в одном случае лежит воспоминание, а в другом случае—забвение. Это различие является фундаментальным.

Народная этимология представляет собой в языке явление патологическое [286]; она выступает лишь в исключительных случаях и затрагивает лишь редкие слова, технические термины или заимствования из других языков, с трудом осваиваемые говорящими. Наоборот, аналогия есть явление общее, относящееся к нормальному функционированию языка. Эти два явления, некоторыми своими сторонами между собою сходные, по существу друг другу противоположны;

их следует строго различать.

Глава VII АГГЛЮТИНАЦИЯ [287]

§ 1. Определение агглютинации

Наряду с аналогией, важное значение которой мы только что отметили, в создании новых языковых единиц участвует и другой фактор: агглютинация. С этими двумя факторами не может сравниться никакой другой способ образования слов: звукоподражания (см. стр. 71), новые, целиком выдуманные отдельными лицами безо всякого участия аналогии слова (например, *газ*) и даже явления народной этимологии имеют в этом отношении лишь весьма маловажное или даже вовсе ничтожное значение.

Агглютинация состоит в том, что два или несколько слов, первоначально раздельные, но часто встречающиеся внутри предложения в одной синтагме, сливаются в полностью или почти полностью неанализируемую единицу. Таков агглютинационный процесс; мы говорим *процесс*, а не *прием*, так как с этим последним словом связано представление о волевом акте, о преднамеренности, тогда как одним из характернейших свойств агглютинации является именно отсутствие преднамеренности.

Приведем несколько примеров. По-французски прежде говорили *се d* «это вот» в два слова, а затем стали говорить *сесі*. Получилось новое слово, хотя его материал и составные элементы ничуть не изменились. Таковы еще франц. *tous jours*-*toujours «всегда», *aujourd'hui*-**aujourd'hui* «сегодня», *desja*-*deja «уже», *vertjus*-[^]*verjus* «кислое вино» и т. п. В результате агглютинации спаиваются также и единицы низшего уровня внутри слова, как это мы уже показывали на примере индоевропейской превосходной степени *swad-is-to-s и греческой превосходной степени *hed-isto-s* (стр. 141).

Пристальное рассмотрение обнаруживает в этом явлении три фазы:

1. Сочетание нескольких элементов в одной синтагме.
2. Собственно агглютинация, то есть синтез элементов синтагмы в некую новую

единицу. Этот синтез происходит сам собою в силу механической тенденции: когда составное понятие выражено весьма привычным рядом значимых единиц, наш ум, выбирая, так сказать, дорожку напрямик, отказывается от анализа и начинает связывать понятие в целом со всем сочетанием знаков, которое тем самым превращается в неразложимую единицу.

3. Все прочие изменения, способствующие еще большему превращению прежнего сочетания в единое простое слово: сведение

177

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

нескольких ударений к одному (*vert-jus-^verjus*), особые фонетические изменения и т. д.

Часто высказывалось мнение, будто фонетические и акцентуационные изменения (3) предшествуют изменениям, происходящим в области понятий (2), и будто семантический синтез следует объяснять агглютинацией и синтезом звукового материала. По всей вероятности, это не так: такие сочетания, как *vert jus*, *tous jours* и т. д., были обращены в простые слова именно потому, что в этих сочетаниях стали усматривать единое понятие; было бы заблуждением менять местами члены этого отношения.

§ 2. Агглютинация и аналогия

Контраст между аналогией и агглютинацией разителен:

1. При агглютинации две или несколько единиц в результате синтеза сливаются в одну единицу (например, *encore* «еще» от *hanc horam*) или же две единицы низшего уровня превращаются в одну единицу того же уровня (ср. *hed-istos* «самый приятный» от **swadis-to-s*). Наоборот, аналогия исходит из единиц низшего уровня, превращая их в единицы высшего уровня. Чтобы образовать лат. *pag-anus* «деревенский», аналогия соединила основу *pag*-и суффикс *-anus*.

2. Агглютинация действует исключительно в синтагматической сфере: действие ее распространяется на данное сочетание; все прочее ее не касается. Аналогия же апеллирует к ассоциативным рядам в той же мере, как и к синтагмам.

3. В агглютинации вообще нет ничего преднамеренного, ничего активного; как мы уже говорили, это просто механический процесс, при котором сложение в одно целое происходит само собою. Напротив, аналогия есть прием, предполагающий анализ и соединение (*combinaison*), умственную деятельность и преднамеренность.

В связи с образованием новых слов очень часто употребляют термины *конструкция* и *структура*, но эти термины имеют различный смысл в зависимости от того, применяются они к агглютинации или к аналогии. В первом случае они напоминают о медленном цементировании элементов, которые от соприкосновения внутри синтагмы подвергаются синтезу, а синтез может привести к полнейшему исчезновению первоначальных единиц. В случае же аналогии термин «конструкция» означает нечто иное, а именно группировку (*agencement*), полученную сразу же в акте речи благодаря соединению нескольких элементов, заимствованных из разных ассоциативных рядов.

Мы видим, как важно различать эти два способа образования слов. Так, в латинском *possum* «могу» мы имеем не что иное, как слияние двух слов *potis sum* «могущий есть», — это агглютинированное слово. Наоборот, *signifer* «знаменосец», *agricola* «земледелец» и др. — суть продукты аналогии — конструкции, построенные

по имеющимся в языке образцам. Только к образованиям по аналогии следует относить термины *сложное слово* (=композит) и *производное слово* (=дериват)¹.

Часто бывает трудно решить, является ли данная форма порождением агглютинации или же она возникла как аналогическое образование? Лингвисты бесконечно спорили об индоевропейских формах **es-mi*, **es-ti*, **ed-mi* и т. д. Были ли элементы *es-*, *ed-* и т. д. когда-то, в отдаленном прошлом, подлинными словами, которые впоследствии агглютинировались с другими словами *mi*, *ti* и т. д., или же **es-mi*, **es-ti* и т. д. явились в результате соединения с элементами, извлеченными из иных сложных единиц того же порядка, что означало бы отнесение агглютинации к эпохе, предшествовавшей образованию индоевропейских окончаний? При отсутствии исторической документации вопрос этот, по видимому, неразрешим.

Только история может ответить на подобные вопросы. Всякий раз, как она позволяет утверждать, что тот или другой простой элемент состоял в прошлом из двух или нескольких элементов, мы вправе говорить об агглютинации: таково лат. *hunc* «это», восходящее к *horn se* (*se* засвидетельствовано эпиграфически). Но если у нас нет исторической информации, то оказывается чрезвычайно трудным определить, что является агглютинацией, а что относится к аналогии. Отсюда следует, что оба эти явления комбинированно действуют в истории языка, но агглютинация всегда предшествует аналогии и создает для нее образцы. Такой тип сложных слов, как, например, греч. *hippy-dromo-s* и т. п., происходит от частичной агглютинации, имевшей место в такую эпоху индоевропейского праязыка, когда еще не было окончаний (**ekwo dromo* соответствовало тогда такому английскому словосочетанию, как *country house*); но только благодаря аналогии получилось здесь продуктивное образование еще до окончательной спайки составных элементов. То же можно сказать и о форме будущего времени во французском языке (*jeferai* и т. п.), зародившейся в народной латыни от агглютинации инфинитива с настоящим временем глагола *habere* (*facere habeo* «сделать имею»). Таким образом, лишь благодаря вмешательству аналогии агглютинация создает синтагматические типы и обслуживает грамматику; предоставленная же самой себе, она доводит синтез составных элементов до абсолютного объединения и образует лишь неразложимые и непродуктивные слова (типа *hanc horam-*en-core*), то есть обслуживает лексику.

Глава VIII

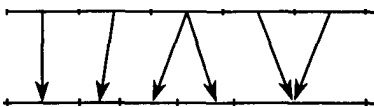
Понятия единицы, тождества и реальности в диахронии [288]

Статическая лингвистика оперирует единицами, существующими в синхроническом ряду. Все, что сказано нами выше, показывает, что в диахронической последовательности мы имеем дело не с элементами, разграниченными раз и навсегда, как это можно было бы изобразить в виде следующей схемы:

—.Эпоха А

\

Наоборот, каждый раз эти элементы оказываются иначе распределенными в результате разыгрывающихся в языке событий, так что их правильнее было бы изобразить следующим образом:

Это вытекает из всего того, что было сказано выше о результатах действия фонетической эволюции, аналогии, агглютинации и т. д.

Почти все приводившиеся нами примеры относились к образованию слов; возьмем теперь один пример из области синтаксиса. В индоевропейском языке не было предлогов; выражаемые ими отношения передавались посредством многочисленных падежей, облеченных широким кругом значений. Не было также глаголов с приставками, но вместо этого были частицы, словечки, прибавлявшиеся к предложениям, которые уточняли и оттеняли обозначение действия, выраженного глаголом. Тогда не было ничего, что соответствовало бы такому латинскому предложению, как *ire ob mortem* «идти навстречу смерти», или такому предложению, как *obire mortem* с тем же значением; тогда сказали бы *ire mortem ob*. Такое положение вещей мы застаем еще в древнейшем греческом языке: *oreos baino kata*; *oreos baino* само по себе означает «иду с горы», причем родительный падеж обладает значимостью аблатива; *kata* добавляет оттенок «вниз». Позже появляется *kata oreos baino*, где *kata* играет роль предлога, а также *kata-baino oreos* — в результате агглютинирования глагола с частицей, ставшей глагольной приставкой.

180

ПОНЯТИЯ ЕДИНИЦЫ, ТОЖДЕСТВА И РЕАЛЬНОСТИ В ДИАХРОНИИ

Здесь перед нами два или три различных явления, которые, впрочем, все основаны на интерпретации отдельных единиц:

1) Образование нового разряда слов, предлогов, что происходит просто путем перестановки имеющихся единиц. Особое расположение слов, первоначально безразличное к чему бы то ни было, вызванное, быть может, случайной причиной, создало новое сочетание:

kata, первоначально бывшее самостоятельным, связывается теперь с существительным *oreos*, и они вместе присоединяются к *baino* в качестве его дополнения.

2) Появление нового глагольного типа *katabaino*; это психологически новое сочетание, ему благоприятствует к тому же особое распределение единиц, и его закрепляет агглютинация.

3) Как естественный вывод из предыдущего — ослабление значения окончания родительного падежа *ore-os*; отныне выражение того понятия, которое прежде передавал один родительный падеж, принимает на себя *kata*; тем самым и в той же мере понижается вес окончания *-os*; его исчезновение в будущем уже дано здесь в зародыше.

Во всех трех случаях речь идет, как мы видим, о перераспределении уже существующих единиц. Превращение субстанции получает новые функции; в самом деле — и это следует особо подчеркнуть, — для осуществления всех этих сдвигов не потребовалось никаких фонетических изменений. С другой стороны, хотя звуковой материал вовсе не изменился, не следует полагать, что все произошло только в смысловой сфере: не бывает синтаксических явлений вне единства некоей цепи понятий с некоей цепью звуковых единиц (см. стр. 138); именно это отношение в данном случае и оказалось видоизмененным. Звуки — прежние, а значимые единицы уже не те.

Как мы видели (см. стр. 77), изменчивость знака есть не что иное, как сдвиг отношения между означающим и означаемым. Это определение применимо не только к изменчивости входящих в систему элементов, но и к эволюции самой

системы; в этом именно и заключается диахрония в целом.

Однако одной констатации сдвига синхронических единиц еще недостаточно для выяснения того, что произошло в языке. Существует проблема *диахронической единицы* как таковой: по поводу каждого события необходимо выяснить, какой элемент непосредственно подвергся трансформирующему действию. Мы уже встречались с проблемой подобного рода в связи с фонетическими изменениями (см. стр. 95); они касались лишь изолированных фонем, а не слов, взятых как особые единицы. Поскольку диахронические события по своему характеру разнообразны, постольку придется разрешать множество аналогичных проблем, причем ясно, что единицы, разграниченные в этой области, не будут обязательно соответствовать единицам синхронического порядка. В согласии с принципом, установленным нами в первой части этой книги, понятие единицы не может быть одинаковым в синхронии и диахронии. Во всяком случае, оно не будет окончательно установлено, пока мы его не изучим в обоих аспектах, статическом и эволюционном. Только

181

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

разрешение проблемы диахронической единицы даст нам возможность преодолеть внешнюю видимость явления эволюции и добраться до его сути. Здесь, как и в синхронии, знакомство с единицами необходимо для отделения воображаемого от реального (см. стр. 109).

Другой вопрос, чрезвычайно сложный,—это вопрос о *диахроническом тождестве*. В самом деле, для того чтобы у меня была возможность сказать, что данная единица сохранилась тождественной самой себе или же, продолжая быть той же особой единицей, она вместе с тем изменилась по форме или по смыслу (все эти случаи возможны), мне необходимо знать, на чем я могу основываться, утверждая, что извлеченный из какой-либо эпохи элемент, например франц. *chaud* «теплый», есть тот же самый, что и взятый из более ранней эпохи элемент, например лат. *calidum* (вин. п. от *calidus* «теплый»).

На этот вопрос, конечно, ответят, что *calidum* в силу действия фонетических законов, естественно, должно было превратиться в *chaud* и что, следовательно, *chaud=calidum*. Вот это и называется фонетическим тождеством. То же относится и к такому случаю, как франц. *sevrer* «отнимать от груди» и лат. *separare* «отделять»; наоборот, относительно франц. *fleurir* «цвести» скажут, что это не то же самое, что лат. *florigere*, которое должно было бы дать **flowoir*.

На первый взгляд кажется, что такое соответствие покрывает понятие диахронического тождества вообще. Но в действительности совершенно невозможно, чтобы звук сам по себе свидетельствовал о тождестве. Мы, разумеется, вправе сказать, что лат. *mare* «море» во французском должно иметь форму *mer*, потому что всякое *a* в определенных условиях переходит в *e*, потому что безударное конечное *e* отпадает и т. д.; но утверждать, будто именно эти отношения (*a*→*e*, *e*-^{нуль}) и составляют тождество,—это значит выворачивать все наизнанку, так как, наоборот, исходя именно из соответствия *mare: mer*, я и заключаю, что *a* перешло в *e*, что конечное *e* отпало и т. д.

Если из двух французских слов, происходящих из различных областей Франции, один говорит *se facher* «сердиться», а другой—*se focher*, то разница между их произношением весьма незначительна по сравнению с грамматическими фактами, позволяющими распознать в этих двух различных формах одну и ту же языковую единицу. Диахроническое тождество двух столь различных слов, как

calidum и *chaud*, попросту означает, что переход от одного к другому произошел через целый ряд синхронических тождеств в области речи, причем связь между ними никогда не нарушалась, несмотря на следующие друг за другом фонетические преобразования. Вот почему на стр. 109 мы могли утверждать, что столь же интересно установить, почему повторяемое несколько раз в одной и той же речи слово *Messieurs!* «господа!» остается тождественным самому себе, как и выяснить, почему французское отрицание *pas* тождественно существительному *pas* или, что то же, почему франц. *chaud* тождественно лат. *calidum*. Второй вопрос в действительности является только продолжением и усложнением первого.

Приложение ко второй и третьей частям [289]

А. Анализ субъективный и анализ объективный

Анализ языковых единиц, ежеминутно производимый говорящими, может быть назван *субъективным анализом*, не следует смешивать его с *объективным анализом*, опирающимся на историю языка. В такой греческой форме, как *hippos* «конь», грамматика различает три элемента: корень, суффикс и окончание — *hipp-o-s*; древний же грек осознавал в этом слове только два элемента: *hipp-os* (см. выше, стр. 155). В лат. *amabas* «ты любил» объективный анализ обнаруживает четыре единицы низшего уровня: *am-a-ba-s*, а римляне делили это слово на три элемента: *ama-ba-s*; вероятно даже, что они рассматривали *-has* как словоизменительное целое, противопоставленное основе. Во французских словах *entier* «целый» (от лат. *in-teger* «нетронутый»), *enfant* «ребенок» (от лат. *in-fans* «неговорящий»), *enceinte* «беременная» (от лат. *in-cincta* «неопоясанная») историк языка выделяет общий префикс *ей-*, тождественный латинскому отрицательному префиксу *1'я-*; субъективный же анализ говорящих полностью его игнорирует.

Грамматист зачастую склонен находить ошибки в спонтанном анализе языка; в действительности же субъективный анализ не более ложен, чем «ложная» аналогия (см. стр. 163). Язык не ошибается; у него только иная точка зрения. Анализ говорящих и анализ лингвиста, опирающегося на историю языка, несоизмеримы, несмотря на то что в обоих случаях используется одинаковый прием: сопоставление рядов, в которых встречается один и тот же элемент. Оба вида анализа вполне оправданны, и каждый из них сохраняет свою ценность, но в конечном счете непререкаемое значение имеет только анализ говорящих, так как он непосредственно базируется на фактах языка.

Исторический анализ, т. е. анализ, опирающийся на историю языка, — лишь производная форма этого непосредственного анализа. Он, в сущности, состоит в проецировании на одну плоскость построений различных эпох. Как и спонтанный анализ языка, исторический анализ лингвистов стремится к познанию образующих слово единиц низшего уровня; разница только в том, что он, стремясь добраться до древнейшего разложения слова на составные части, синтезирует все те субъективные разложения, которые производились в течение

ПРИЛОЖЕНИЕ КО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧАСТЯМ

веков. Слово напоминает собою дом, внутреннее устройство и назначение которого много раз менялось. Объективный анализ подытоживает эти сменявшиеся во времени переустройства, накладывая их одно на другое. Но те, кто живет в доме, знают только одно его устройство. Рассмотренный выше анализ греч. *hipp-o-s* не

ложен, поскольку состав слова осознавался говорящими именно так; он только «анахроничен», поскольку он относится не к той эпохе, в которую мы сталкиваемся с этим словом. Это *hipp-o-s* не противоречит греческому классическому *hipp-os*; к нему только надо подходить с иной оценкой. Иначе говоря, мы опять возвращаемся к фундаментальному противопоставлению диахронии и синхронии.

Тем самым мы подходим к разрешению важного методологического вопроса.

Старая школа делила слова на корни, основы, суффиксы и т. д. и приписывала этим категориям абсолютную значимость. Читая работы Боппа и его учеников, можно подумать, что греки с незапамятных времен хранили все тот же запас готовых корней и суффиксов и что, разговаривая, они занимались массовым производством своих слов, что, например, *pater* «отец» было для них «корень *po*+суффикс *ter*», а *doso* «дам» в их устах представляло собою сумму *gfo*+*lo*+личное окончание и т. д.

Разумеется, нужно было реагировать на подобного рода заблуждения, и лозунгом этой реакции, лозунгом совершенно правильным, сделалось следующее требование: наблюдайте за тем, что происходит в современных языках, в нашей повседневной речи, и не приписывайте древним периодам языка никаких процессов, никаких явлений, которые не были бы засвидетельствованы в живой речи. А поскольку в живой речи чаще всего нет почвы для такого рода анализов, какие производил Бопп, младограмматики, твердо держась своего принципа, стали заявлять, что корни, основы, суффиксы и т. д. — это чистейшие абстракции нашего ума и что если мы ими пользуемся, то исключительно только в интересах удобства изложения. Но если установление этих категорий принципиально не оправдывается, к чему же их тогда устанавливать? А если их установили, то на каком основании в таком случае решают, что разложение *hipp-o-s* предпочтительнее разложения *hipp-osi*

Новая школа, признав недостатки прежней доктрины, что сделать было нетрудно, удовлетворялась отказом от нее в теории, а на практике осталась во власти того же научного аппарата, без которого, несмотря ни на что, не могла обойтись. Стоит нам поразмыслить над этими «абстракциями», чтобы установить степень их соответствия реальности; достаточно самого простого корректива, чтобы правильно и точно осмыслить эти искусственные построения грамматистов. Это мы и старались сделать в нашем предшествующем изложении, показав, что объективный анализ, внутренне связанный с субъективным анализом живого языка, занимает свое законное и определенное место в лингвистической методологии.

184

Б. Субъективный анализ и выделение единиц низшего уровня

Итак, в отношении анализа можно установить метод и сформулировать определения, лишь исходя из синхронической точки зрения. Это мы и хотим показать, высказав ряд соображений относительно частей слова: префиксов, корней, основ, суффиксов, окончаний¹.

Начнем с *окончания*, то есть со словоизменительной характеристики, иначе говоря, с того меняющегося элемента на конце слова, который служит для различения форм именной и глагольной парадигм. В греческом спряжении *zeugnu-mi*, *zeugnu-s*, *zeugnu-si*, *zeugnu-men* и т. д. «запрягаю, запрягаешь» и т. д. окончания *-mi*, *-si*, *-s* и т. д. выделяются просто тем, что они противопоставлены друг другу и предшествующей им части слова (*zeugnu-*). Как мы уже видели (см. стр. 88 и 118) на примере русск. *рук* (форма род. п.), противопоставлен-

ной форме *рука* (им. п. ед. ч.), отсутствие окончания может играть такую же роль, как и обычное окончание. Так, греч. *zeugnu!* «запрягай!», противопоставленное форме мн. ч. *zeugnu-te* «запрягайте!» и т. д., или форма зват. п. *rhetor* «оратор!», противопоставленная форме *rhetor-os* и прочим падежам, и франц. *mars* (пишется *marche*) «иди!», противопоставленное *marso* (пишется *marchons*) «идем!», являются словоизменительными формами с нулевыми окончаниями.

Откинув окончание, получаем базу словоизменения (*theme de flexion*), или *основу*, которая, вообще говоря, есть тот общий элемент, выделяемый непосредственно путем сопоставления ряда родственных слов, изменяемых или нет, с которым связано общее всем этим словам понятие. Так, в гнезде французских слов *roulis* «качка (боковая)», *rouleau* «каток», «свиток», *router* «катить», «скатывать», *roula-ge* «укатывание (почвы)», *roulement* «скатывание» нетрудно усмотреть основу *roul-* «кат-». Но анализ, производимый говорящими, зачастую различает в одном и том же гнезде слов основы нескольких сортов, или, лучше сказать, нескольких степеней. Элемент *zeugnu-*, выделенный нами выше из *zeugnu-mi*, *zeugnu-s* и т. д., представляет собой основу первой степени, которая не является неразложимой, так как путем сравнения с другими рядами (*zeugnumi* «запрягаю», *zeuktos* «запряженный», *zeuksis* «запряжка», *zeukter* «запрягающий», *zugon* «ярмо» и т. д., с одной стороны, *zeugnumi* «запрягаю», *deiknumi* «показываю», *ornumi* «поднимаю» и т. д., с другой стороны) само собой

Ф. де Соссюр не затронул, по крайней мере с синхронической точки зрения, вопроса о сложных словах. Эта сторона вопроса должна, следовательно, быть выделена особо; само собой разумеется, что установленное выше диахроническое различие между сложными словами и словами агглютинированными не может быть перенесено без изменения в синхронию, где речь идет об анализе определенного состояния языка. Едва ли стоит даже отмечать, что эта глава, касающаяся единиц низшего уровня, не претендует на решение более трудного вопроса, затронутого на стр. 105 и 111, относительно определения слова как единицы.

185

ПРИЛОЖЕНИЕ КО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧАСТЯМ

обнаруживается деление *zeug-nu*. Таким образом, *zeug-* (со своими чередующимися формами *zeug-*, *zeuk-*, *zug-*) есть основа второй степени, которая является уже неразложимой, так как сопоставление с родственными формами не дает возможности разделить ее на более дробные части.

Этот неразложимый элемент, общий для всех слов, образующих одну родственную группу, называется *корнем*. С другой стороны, поскольку всякое субъективное и синхроническое разложение может членить звуковые элементы, лишь исходя из той частицы смысла, которая приходится на долю каждого элемента, постольку корень является тем элементом, где общий всем родственным словам смысл достигает наивысшей степени абстракции и обобщения. Разумеется, эта смысловая неопределенность у каждого корня различна; она, между прочим, зависит в некоторой мере от степени разложимости основы: чем больше эта последняя подвергалась последовательным рассечениям, тем больше шансов у ее смысла сделаться абстрактным. Так, греческое *zeugmation* означает «упряжка», *zeugta* «упряжь» без более точной спецификации, наконец, *zeug-* выражает неопределенное представление о «(за/со)прягании».

Из этого следует, что юрень как таковой не может выступать в качестве слова и непосредственно принимать окончания. В самом деле, слово всегда выражает более или менее определенное представление, по крайней мере с грамматической точки зрения, что не согласуется со свойственными корню общностью и абстрактностью. Что же в таком случае нужно думать о тех весьма частых случаях, когда корень и база словоизменения совпадают, как это мы, например, видим в *rpen.phloks* «пламя», *phlogos* «пламени», когда сравниваем их с корнем *phleg-*: *phlog-*, который встречается во всех словах одного и того же гнезда (ср. *phleg-δ* «жгу» и т. д.)? Не противоречит ли это только что установленному нами различию? Нисколько, так как следует различать *phleg-*. *phlog-* в общем смысле и *phlog-* в специальном смысле, если только мы не желаем рассматривать звуковые формы в полном отрыве от смысла. У одного и того же звукового элемента здесь две различные значимости, так что он составляет два различных языковых элемента (см. стр. 105). Выше мы рассматривали *zeugnu!* «запрягай!» как спрягаемое слово с нулевым окончанием; подобно этому, мы должны будем сказать, что и в данном случае *phlog-* «пламя» является базой с нулевым суффиксом. Никакое смешение невозможно: основа остается отличимой от корня, даже если в звуковом отношении она с ним совпадает.

Итак, для сознания говорящих корень представляет собой реальность. Правда, говорящие не всегда умеют выделять его с одинаковой точностью; в этом отношении наблюдаются различия как внутри одного языка, так и между языками.

В некоторых языках корень обладает определенными характерными свойствами, которые привлекают к нему особое внимание говорящих. Так обстоит дело в немецком языке, где корень

186

отличается единообразными качествами: он почти всегда односложен (ср. *streit-*, *bind-*, *haft-* и т. д.), его строение подчиняется определенным правилам — фонемы не могут располагаться в нем в любом порядке; некоторые сочетания согласных, как, например, смычный плюс плавный, в конце корня недопустимы — возможно *werk-*, а *wekr-* невозможно; встречаются *helf-*, *werd-*, а *heft-*, *wedr-* не встречаются.

Напомним, что регулярные чередования, особенно гласных, скорее усиливают, нежели ослабляют ощущение корня и вообще единиц низшего уровня; в этом отношении немецкий язык с разнообразной игрой аблаута (стр. 158 и ел.) глубоко отличен от французского. В еще большей степени этими свойствами характеризуются семитические корни. Чередования в них весьма регулярны и выражают множество сложных противопоставлений (ср. др.-евр. *qatal* «он убил», *qaltam* «вы (мужчины) убили», *qtol* «убить», «убей, ты (мужчина)!», *qitlu* «вы (мужчины) убейте!» и т. д. — все это формы одного и того же тоа-гола со значением «убивать»); кроме того, в них мы находим нечто напоминающее немецкую односложность, но в еще более разительном виде: семитические корни имеют всегда три согласных (см. стр. 230).

В этом отношении совершенно иную картину представляет французский язык. В нем мало чередований и наряду с односложными корнями (*roul-*, *march-*, *tang-* и т. д.) много двух- и трехсложных корней (*соттепс-*, *hesit-*, *epouvant-*). Кроме того, формы этих корней представляют, особенно в своих финалях, слишком разнообразные сочетания, чтобы их можно было подвести под определенные правила (ср. *tu-er*, *regn-er*, *guid-er*, *grond-er*, *souffl-er*, *tard-er*, *entr-er*, *hurl-er* и т. п.). Поэтому не приходится удивляться, что во французском языке

ке корень ощущается весьма слабо.

Выделение корня влечет за собой выделение префиксов и суффиксов. *Префикс* предшествует той части слова, которая признана основой, например *hupo-* греч. *horo-zeugnumi* «впрягаю». *Суффикс*—это тот элемент, который прибавляется к корню для превращения его в основу (например, *zeug-mat-*) или к основе первой степени для превращения ее в основу второй степени (например, *zeugmat-go-*). Мы уже видели, что этот элемент, как и окончание, может выступать в виде нуля. Выделение суффикса является, таким образом, лишь оборотной стороной анализа основы.

Суффикс то облечен конкретным смыслом, то есть семантической значимостью, как, например, в *zeuk-ter-* «запрягающий», где *-ter-* обозначает действующее лицо (субъект действия), то наделен чисто грамматической функцией, как, например, в *zeug-nu(-mi)* «я запрягаю», где *-пй-* выражает идею настоящего времени. Префикс также может играть и ту и другую роль, но в наших языках он редко обладает грамматической функцией; примеры: *ge-* в немецком причастии прошедшего времени (*ge-setzt*), глагольные префиксы совершенного вида в славянских языках (русск. *на-писать*).

187

ПРИЛОЖЕНИЕ КО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧАСТЯМ

Префикс отличается от суффикса еще одним свойством, которое, хотя и не абсолютно, но весьма распространено: он лучше отграничен, то есть легче отделяется от слова в целом. Это зависит от самой природы префикса; в большинстве случаев, откинув префикс, мы получаем законченное цельное слово (ср. франц. *гесот-тепсер* «начинать снова» : *соттепсер* «начинать», *indigne* «недостойный» : *digne* «достойный», *maladroit* «неловкий» : *adroit* «ловкий», *contre-poids* «противовес» : *poids* «вес» и т. д.). Еще более разительно проявляется это свойство префикса в латинском, греческом и немецком языках. Заметим еще, что некоторые префиксы могут выступать и как самостоятельные слова: ср. франц. *contre* «возле», *mat* «скверно», *avant* «перед», *sur* «на», нем. *unter* «под», *vor* «перед» и т. д., греч. *kata* «с (чего-либо)», *πρ* «перед» и т. д. Совершенно иначе обстоит дело с суффиксами. Откинув этот элемент, мы получим основу, которая законченным словом не является: например, франц. *organisation* «организация» : *organis-* «орга--низ-», нем. *Trennung* «разъединение»: *trenn-* «разъединен-», греч. *zeugma* «упряжка» : *zeug-* «упряж-» и т. д.; с другой стороны, сам суффикс не имеет самостоятельного существования. Из всего этого следует, что чаще всего основа в своей начальной части отграничена заранее: даже не прибегая к сопоставлению с другими формами, говорящий знает, где находится грань между префиксом и тем, что за ним следует. Иначе обстоит дело с концом слова: тут установление границы без сопоставления с формами, имеющими ту же основу или тот же суффикс, невозможно; в результате подобных сопоставлений получаются те или другие разграничения, целиком зависящие от свойств сопоставляемых элементов.

С точки зрения субъективного анализа суффиксы и основы обладают значимостью лишь в меру своих синтагматических и ассоциативных противопоставлений; можно, смотря по обстоятельствам, найти формативный элемент и основу в двух противопоставленных частях слова, каковы бы они ни были, лишь бы они давали повод для противопоставления. Например, в лат. *dictatorem* «диктатора» можно выделить основу *dictators-on*), если его сопоставлять с *consul-em* «консула», *ped-em* «ногу» и т. д.; основу *dicta (-torem)*, если его сближать с

lic-torem «ликтора», *scrip-torem* «писца» и т. д., наконец, основу *die {-tatoreм)*, если вспомнить *opd-tatoreм* «пьющего», *can-tatoreм* «певчего» и т. д. Вообще говоря, при благоприятных обстоятельствах говорящий имеет основания производить все мыслимые членения (например, *dictat (-дгет)*, исходя из *ат-дгет* «любовь (вин. п.)», *ard-orem* «огонь (вин. п.)» и т. д., *diet (-atoreм)*, исходя из *or-atoreм* «оратора», *ar-atoreм* «пахаря» и т. д.). Как мы уже видели (см. стр. 170), результаты этого рода спонтанных анализов обнаруживаются в постоянно возникающих аналогических образованиях в любую эпоху истории, языка;

именно на основании их мы получаем возможность выделять единицы низшего уровня (корни, префиксы, суффиксы, окончания), осознаваемые в языке, и те значимости, которые он с ними связывает.

188

В. Этимология [290]

Этимология не является ни отдельной дисциплиной, ни частью эволюционной лингвистики; это всего лишь применение принципов, относящихся к синхроническим и диахроническим фактам. Этимология проникает в прошлое слов и следует в этом направлении до тех пор, пока не находит материала для их объяснения.

Когда говорят о происхождении какого-либо слова и утверждают, что оно «происходит» от другого слова, то под этим можно разумеать самые разнообразные вещи: так, франц. *sel* «соль» происходит от лат. *sal* в результате простого звукового изменения; франц. *labourer* «обрабатывать землю» происходит от старофранц. *labourer* «работать вообще» в результате изменения только смысла; *comer* «сидеть на яйцах» происходит от лат. *cubare* «лежать» в результате изменения смысла и звучания; наконец, когда говорят, что франц. *potmier* «яблоня» происходит *агротте* «яблоко», то устанавливают отношение грамматического словопроизводства. В трех первых случаях мы оперируем диахроническими тождествами, а четвертый случай покоится на синхроническом отношении нескольких различных элементов; все сказанное выше по поводу аналогии показывает, что она составляет самый важный раздел этимологического исследования.

Этимологию лат. *bonus* «добрый» нельзя считать установленной, если ограничиться утверждением, что оно восходит к **dvenos*; но когда мы устанавливаем, что *bis* «дважды» восходит к **dvis* и что тем самым устанавливается связь с *duo* «два», то это можно назвать операцией этимологического порядка; то же можно сказать и о сближении франц. *oiseau* «птица» с лат. *avicellus* «птица» (<- «птичка»), так как оно позволяет найти связь между *oiseau* и *avis* «птица».

Таким образом, этимология — это в первую очередь объяснение того или другого слова при помощи установления его отношения к другим словам. Объяснить — значит свести к элементам уже известным, а в лингвистике *объяснить слово* — значит свести его к другим словам, ибо необходимого отношения между звучанием и смыслом не существует (принцип произвольности знака; см. стр. 70).

Этимология не довольствуется объяснением отдельных слов; она занимается и историей родственных групп слов, а также историей формантов, префиксов, суффиксов и т. д.

Подобно статической и эволюционной лингвистике, этимология описывает факты, но это описание не является систематическим, ибо оно не производится в каком-либо определенном направлении. Взяв в качестве предмета исследова-

ния какое-нибудь отдельное слово, этимология черпает информацию по поводу его из области то фонетики, то морфологии, то семантики и т. д. Для достижения своей цели она использует все те средства, которые предоставляет в ее распоряжение лингвистика, но при этом она не задерживает своего внимания на выяснении характера тех операций, которые ей приходится производить.

Часть четвертая **Географическая лингвистика**

Глава I **О Различии языков** [291]

Переходя к вопросу о языке в пространстве, мы покидаем внутреннюю лингвистику и переходим к лингвистике внешней, обширность и разнообразие которой уже были нами показаны в пятой главе введения.

При изучении языков нас прежде всего поражает их многообразие, те языковые различия, которые обнаруживаются между разными странами и даже между частями одной страны. То же как расхождения во времени часто ускользают от наблюдателя, расхождения в пространстве бросаются в глаза всем и каждому: их замечают даже дикари при контактах с иноязычными племенами. Именно вследствие таких сопоставлений народ начинает осознавать свой собственный язык.

Заметим мимоходом, что осознание языка создает у первобытных народов представление о том, что язык есть некий навык, некий обычай, подобный обычаю носить одежду или оружие. Французское слово *idiome* в значении «(конкретный) язык» хорошо подчеркивает характер языка как отражения специфических черт определенного общественного коллектива (греч. *idioma* уже означало «особый обычай»). В этом заключена верная идея, переходящая, однако, в заблуждение в том случае, если рассматривать язык как признак уже не народа, а расы, в том же смысле, как цвет кожи или строение черепа.

Прибавим еще, что каждый народ уверен в превосходстве своего языка. Люди, говорящие на других языках, часто рассматриваются как вообще неспособные к речи; так, греческое слово *barbaros* «варвар, не грек», по-видимому, первоначально означало «заика» и было родственно латинскому слову *balbus* с тем же значением; по-русски представители германского народа называются немцами, то есть «немыми».

Географическое разнообразие языков—вот что констатировала лингвистика прежде всего; это предопределило первоначальное направление научных исследований в области языка уже у греков; правда,

190

О РАЗЛИЧИИ ЯЗЫКОВ

греки обратили внимание только на различия, существовавшие между различными эллинскими диалектами, но это объясняется тем, что их интересы вообще не выходили за пределы самой Греции.

Констатировав, что какие-либо два наречия отличаются друг от друга, мы уже затем начинаем инстинктивно обнаруживать в них аналогичные черты. В этом проявляется тенденция, свойственная всем говорящим. Крестьяне охотно сравнивают свой говор с говором соседних деревень; те люди, которым приходится говорить на нескольких языках, замечают между ними черты сходства. И вместе с тем любопытно отметить, что прошло немало времени, прежде чем наука использовала наблюдения этого рода: так, греки, усмотревшие значительное сходство между латинским и греческим словарем, не сумели сделать из этого никаких лингвистических выводов.

Научное наблюдение этих черт сходства в некоторых случаях позволяет утверждать, что два или несколько языков связаны между собой узами родства, то есть что они имеют общее происхождение. Группа языков, сближаемых таким образом, называется семьей; современная лингвистика установила одну за другой ряд семей: индоевропейскую, семитскую, башу и др. Эти семьи могут в свою очередь сравниваться между собой, в результате чего порой обнаруживаются еще более широкие и более древние связи. Делались попытки найти черты сходства между угро-финской и индоевропейской семьей языков, между индоевропейской и семитической семьей языков и т. д. Но такого рода сопоставления сразу же наталкиваются на непреодолимые преграды. Не следует смешивать правдоподобное с доказуемым. Всеобщее родство всех языков маловероятно, но, будь даже оно реальным, как это думает итальянский лингвист Тромбетти¹, его нельзя было бы доказать вследствие великого множества происшедших в языках изменений.

Таким образом, наряду с различием внутри родственных языков имеется абсолютное различие, где родство нельзя установить или доказать. Каков же метод лингвистики в том и другом случае? Начнем со второго, наиболее часто встречающегося случая. Как мы только что сказали, имеется множество языков и языковых семей, несводимых друг к другу. Таким является, например, китайский язык по отношению к языкам индоевропейским. Это вовсе не значит, что в данном случае от сравнений следует отказаться совсем; сравнение всегда возможно и полезно; оно может касаться как грамматической организации и общих типов выражения мысли, так и системы звуков; равным образом можно сопоставлять факты диахронического порядка, фонетическую эволюцию двух языков и т. п. Но возможности в этом отношении, хотя по количеству своему и неисчислимы, ограничены некоторыми постоянными данными звукового и психического характера, определяющими строение каждого языка, и обратно, как раз обнаружение этих постоянных данных и является главной целью любого сопоставления несводимых друг к другу языков.

См.: Trombetti, L'unita d'origine del linguaggio. Bologna, 1905.

191

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Что же касается различий другого рода, которые обнаруживаются внутри отдельной языковой семьи, то они представляют неограниченные возможности для сравнения. Два языка могут отличаться друг от друга в самых различных отношениях: они могут поразительно походить друг на друга, как, например, авестийский язык и санскрит, или казаться совершенно несходными, как, например, санскрит и ирландский; возможны всяческие промежуточные случаи: греческий и латинский ближе друг к другу, чем каждый из них к санскриту и т.д. Наречия, расходящиеся в весьма слабой степени, называются *диалектами*; впрочем, этому термину не следует придавать чересчур строгий смысл; как мы увидим далее (стр. 202), между диалектом и языком имеется только количественное, но не качественное различие.

Глава II

Сложности, связанные с географическим разнообразием языков [292]

§ 1. Сосуществование нескольких языков в одном пункте

До сих пор мы рассматривали географическое разнообразие языков в его иде-

альном виде: сколько территорий, столько и различных языков. Мы были вправе так поступать, ибо географическое разделение является наиболее общим фактором языкового многообразия. Перейдем теперь к явлениям вторичным, нарушающим неизменность этого соответствия и приводящим к сосуществованию нескольких языков на одной территории.

Речь идет не о реальном, органическом смешении, не о взаимопроникновении двух языков, приводящем к изменению языковой системы (ср. английский язык после норманского завоевания). Речь идет и не о нескольких строго разграниченных территориально языках, заключенных в пределы одного государственного целого, как это мы видим, например, в Швейцарии. Мы коснемся только таких явлений, когда два языка живут бок о бок в одной и той же местности и сосуществуют не смешиваясь. Это встречается весьма часто, и здесь следует различать два случая.

Прежде всего, может случиться, что язык пришлого населения накладывается на язык туземного населения, так, в Южной Африке наряду с многими туземными языками мы встречаем голландский и английский языки, появившиеся там в результате двух последовательных колонизации; таким же порядком в Мексике утвердился испанский язык. Не надо думать, что подобного рода языковые вторжения характерны только для нашего времени. Во все времена наблюдалось явление смешения народов без слияния их языков. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на карту современной Европы: в Ирландии говорят по-кельтски и по-английски; многие ирландцы владеют обоими языками. В Бретани распространены языки бретонский и французский; в области басков пользуются языками французским или испанским наряду с баскским. В Финляндии с давних пор сосуществуют языки шведский и финский; в более позднее время к ним присоединился русский язык; в Курляндии и Лифляндии говорят по-латышски, по-немецки и по-русски, причем немецкий язык, занесенный сюда в средние века колонистами, явившимися в этот край в связи с деятельностью Ганзы, распространен среди опре-

193

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

деленного класса населения; русский язык появился здесь впоследствии. В Литве наряду с литовским языком утвердился польский (следствие прежней унии этой страны с Польшей) и русский (результат ее присоединения к Российской империи). Вплоть до XVIII в. во всей восточной части Германии, начиная с Эльбы, говорили по-славянски и по-немецки. В некоторых странах смешение языков оказалось еще более значительным: в Македонии встречаются самые разные языки, по-разному смешанные в зависимости от местности: турецкий, болгарский, сербский, греческий, албанский, румынский и др.

Языки смешиваются не всегда в абсолютном смысле; их сосуществование в какой-либо области не исключает возможности их относительного территориального размежевания. Случается, например, что из двух языков один распространен в городах, другой—в сельских местностях; но такое распределение не всегда вполне отчетливо.

В древности наблюдалась та же картина. Если бы у нас была под руками карта Римской империи, мы увидели бы нечто вполне сходное с явлениями нашей эпохи. Так, в Кампанье к концу Римской республики говорили на следующих языках: оскском (как это доказывают помпейские надписи), греческом (на котором говорили основавшие Неаполь и другие города колонисты), латинском и,

быть может, даже этрусском, господствовавшим в этой области до появления римлян. В Карфагене пунический (иначе—финикийский) язык продолжал существовать наряду с латинским (он засвидетельствован еще в эпоху арабского завоевания), не говоря уже о том, что на части карфагенской территории, несомненно, говорили по-нумидийски. Есть даже основания полагать, что в древности в средиземноморском бассейне одноязычные страны составляли исключение. В большинстве случаев такое насаждение языков друг на друга было вызвано нашествием завоевателей; но встречаются случаи и мирного проникновения, колонизации, а также случаи миграции кочевых племен, вместе со своими передвижениями распространяющих и свое наречие. В качестве примера можно указать на цыган, осевших главным образом в Венгрии, где они населяют целые деревни; изучение их языка показало, что в неизвестную эпоху они должны были прийти из Индии. В Добрудже, в устье Дуная, попадаются кое-где татарские деревни, отмеченные маленькими пятнышками на лингвистической карте этой области.

§ 2. Литературный язык и диалекты

Это еще не все: языковое единство может быть нарушено в результате влияния, оказанного литературным языком на диалекты. Это неукоснительно случается всякий раз, когда народ достигает определенного уровня в развитии культуры. Под «литературным языком» мы понимаем не только язык литературы, но и в более общем смысле, любой обработанный язык, государственный или нет, обслуживающий весь общественный коллектив в целом. Будучи предоставлен

194

СЛОЖНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ГЕОГРАФИЧЕСКИМ РАЗНООБРАЗИЕМ ЯЗЫКОВ сам себе, язык пребывает в состоянии раздробления на диалекты, из коих ни один не вторгается в область другого; и в таких условиях он обречен на бесконечное дробление. Но по мере того, как с развитием цивилизации усиливается общение между людьми, один из существующих диалектов в результате своего рода молчаливого соглашения начинает выступать в роли средства передачи всего того, что представляет интерес для народа в целом. Мотивы выбора именно данного диалекта весьма разнообразны: в одних случаях предпочтение отдается диалекту наиболее развитой в культурном отношении области, в других случаях—диалекту того края, который осуществляет политическую гегемонию и где пребывает центральная власть;

бывают также случаи, когда двор навязывает народу свой язык. Поднявшись до роли официального и общего языка, привилегированный диалект редко остается тем же, каким он был раньше. В него проникают элементы других областных диалектов; он становится все более и более сложным, не теряя, однако, полностью своих первоначальных черт; так, во французском литературном языке легко узнать диалект Иль-де-Франса, а в общеитальянском языке—тосканский диалект. Как бы то ни было, литературный язык не торжествует сразу же на всей территории, так что значительная часть населения оказывается двуязычной, говоря одновременно и на общем языке, и на местном наречии. Такая картина до сих пор наблюдается во многих областях Франции, как, например, в Савойе, где французский язык занесен извне и еще не вытеснил окончательно местное наречие. Подобное же явление замечается в Германии и в Италии, где всюду диалекты сохраняются рядом с официальным языком.

Аналогичные факты наблюдались во все времена у всех народов, достигших

определенного уровня цивилизации. У греков было свое *койне*, восходящее к аттическому и ионийскому диалектам, а наряду с ним продолжали существовать местные диалекты. Даже в древней Вавилонии, по-видимому, можно установить наличие официального языка наряду с областными диалектами.

Обязательно ли существование общего языка обусловлено наличием письменности? Гомеровские поэмы как будто доказывают противоположное; несмотря на то, что они появились в то время, когда письменность или вовсе, или почти не существовала, их язык носит черты условности и обнаруживает обычные свойства литературного языка.

Затронутые в этой главе факты имеют столь общее распространение, что их можно было бы считать нормальным явлением в истории языка. Однако в нашем изложении мы отвлечемся от всего, что заслоняет от нас картину естественного географического разнообразия языков, и сосредоточим все наше внимание на основном феномене, оставив в стороне факты проникновения чужого языка или образования литературного языка. Такое схематическое упрощение как будто противоречит реальности, но естественный факт должен быть изучен прежде всего в чистом виде.

195

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Исходя из принятого нами принципа, мы будем считать, например, что лингвистически Брюссель — германский город, так как он расположен во фламандской части Бельгии; в нем говорят по-французски, но нас интересует исключительно демаркационная линия между фламандской и валлонской языковой территорией. С другой стороны, с той же точки зрения, Льеж—лингвистически романский город, так как он находится на валлонской территории; французский язык является в нем иностранным, наложившимся на родственный ему диалект. Равным образом Брест лингвистически относится к бретонской территории; французский язык, на котором там говорят, ничего не имеет общего с туземным наречием Бретани; Берлин, где слышится только верхненемецкая речь, мы отнесем к нижненемецкой территории и т. д.

Глава Ш

Причины географического разнообразия языков [293]

§ 1. Основная причина разнообразия языков—время

Абсолютное многообразие языков (см. стр. 190) ставит чисто умозрительную проблему. Наоборот, многообразие родственных языков ставит нас на почву конкретного наблюдения; это многообразие может быть сведено к единству. Так, французский и провансальский языки восходят к народной латыни, эволюционировавшей различно на севере и на юге Галлии. Общность их происхождения подтверждается материально.

Для уяснения того, как на самом деле обстоят дела, представим себе чисто теоретическую, насколько возможно простую ситуацию, позволяющую обнаружить основную причину языковой дифференциации в пространстве, и спросим себя, что должно произойти, если какой-либо язык, распространенный на замкнутой территории, например на небольшом острове, окажется перенесенным колонистами в другой пункт, равным образом замкнутый, например на другой остров. По истечении некоторого времени мы увидим, что между языком первого очага F и языком второго очага F' обнаружатся всяческие различия в отношении словаря, грамматики, произношения и т. д.

Не следует думать, что изменению может подвергнуться только наречие колонистов в очаге F', а то же наречие в очаге F не изменится вовсе; абсолютным образом нельзя утверждать и обратное. Вообще говоря, инновации могут возникать либо тут, либо там, или даже в обоих пунктах одновременно. Поскольку любое языковое явление *a* может смениться каким-либо другим — *b*, *c*, *d* и т. д., постольку дифференциация может произойти тремя различными способами:

ОчагР ОчагГ

Случай 1 $\sigma \rightarrow a$ $a \rightarrow b$

Случай 2   Случай 3

$a \rightarrow b$

$a \rightarrow b$ $a \rightarrow c$

Значит, исследование изменений не должно быть односторонним; для лингвиста равно важны инновации как в одном, так и в другом языке.

Что же порождает эту дифференциацию? Ошибочно было бы думать, что в этом виновно только пространство. Само по себе пространство не может оказывать никакого влияния на язык. На следующий

197

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

день после своего появления в F отплывшие из F колонисты говорили точь-в-точь на том же языке, как и накануне. Обычно мы упускаем из виду фактор *времени*, так как он менее конкретен, нежели фактор пространства; но в действительности языковая дифференциация обусловлена именно временем. Географические различия должны быть переведены на различия во времени.

Как получились фигурирующие в нашей схеме различные признаки *i* и *c*, если никогда не было ни перехода $\& \rightarrow c$, ни перехода $c \rightarrow i$? Чтобы найти путь от единства к различию, следует вернуться к исходной форме *a*, замененной *b* и *c*, ведь форма *a* уступила место последующим формам! Таким образом, схема географической дифференциации, годная для всех аналогичных случаев, принимает следующий вид:

F

$\leftarrow \rightarrow$

Географическое разобщение двух наречий является осязаемой формой их языкового расхождения, но не объясняет его. Без сомнения, данный язык не оказался бы дифференцированным, не будь пространственного разобщения, хотя бы и минимального; однако само по себе разобщение не создает различий. Подобно тому как нельзя судить об объеме по одной лишь поверхности, а надо привлечь третью координату — глубину, подобно этому и схема географической дифференциации становится полной, лишь будучи проецирована на время. Можно было бы возразить, что разнообразия среды, климата, ландшафта, особенности народных обычаев (не совпадающих, например, у горских племен и у приморского населения) могут влиять на язык и что в таком случае расхождения, о которых идет речь, оказываются обусловленными географически. Но эти влияния спорны (см. стр. 148); будь они даже доказаны, необходимо все-таки и в этом случае не забывать следующего существенного различия. Влиянию среды можно, пожалуй, приписывать *направление движения*, которое, вообще говоря, определяется действующими в каждом отдельном случае, но недоступными обнаружению и описанию неуловимыми причинами. В определенный момент в определенной среде звук *i* превращается в *i*; но почему он изменился в этот момент и в этой среде и почему он превратился в *i*, а не в *o*, например? На

этот вопрос ответить нельзя. Но *само изменение*, за вычетом его направления и его специальных проявлений, — иными словами, неустойчивость языка — определяется только действием времени. Итак, географическое разнообразие представляет собой только вторичный аспект общего явления. Единство родственных языков обнаруживается только во времени. Этим принципом должен проникнуться компаративист, если он не желает сделаться жертвой опасных иллюзий.

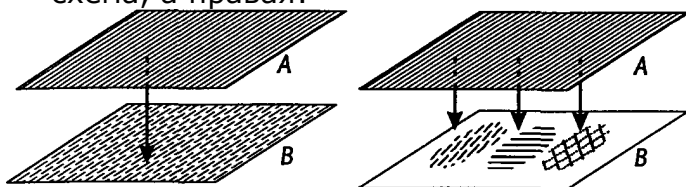
198

ПРИЧИНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЯЗЫКОВ

§ 2. Действие времени на язык на непрерывной территории

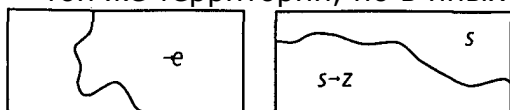
Возьмем теперь одноязычную страну, то есть такую, где всюду говорят на одном языке и где население оседло, например Галлию около 450 г. н. э., когда в ней повсюду прочно укоренился латинский язык. Что должно произойти с языком в этом случае?

1. Поскольку абсолютной неподвижности языка не существует (см. стр. 77 и ел.), постольку по истечении некоторого времени рассматриваемый язык уже не будет тождественным самому себе.
2. Эволюция не будет происходить единообразно на всей территории, она будет варьировать в зависимости от местности; еще никогда и нигде не было зарегистрировано случая, чтобы язык изменялся одинаковым образом всюду, где он распространен. Таким образом, действительности соответствует не левая схема, а правая:

С чего же начинается и как развивается то разнообразие, которое впоследствии приводит к созданию всевозможных диалектных форм? Ответ на этот вопрос не так прост, как могло бы казаться с первого взгляда. Это явление имеет две основные черты:

1. Эволюция осуществляется в виде последовательных и строго определенных инноваций, слагающихся из отдельных фактов, которые нетрудно перечислить, описать и классифицировать, исходя из их природы (факты фонетические, лексические, морфологические, синтаксические и т. д.).
2. Каждая из этих инноваций возникает в определенном месте, имеет свою область распространения. Зона, охватываемая инновацией, либо покрывает всю территорию распространения языка, и в таком случае диалектных различий не возникает (это случай наиболее редкий), либо, как это обыкновенно случается, охватывает лишь часть территории распространения языка, и тогда у каждого диалектного факта оказывается своя особая область. Приводимые ниже примеры, взятые из истории звуков, действительны не только в отношении фонетических изменений, но и всяких других. Если, например, на части территории произошел переход *a* в *e*, то может случиться, что переход *ʃ* в *z* произойдет на той же территории, но в иных границах:

199

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Наличием этих особых зон распространения того или другого явления и объясняется разнообразие говоров на территории распространения данного языка, предоставленного своему естественному развитию. Зону распространения того или другого из этих изменений предвидеть нельзя, ничто не позволяет заранее определить размеры этих зон; можно только констатировать их наличие. Накладываясь одна на другую на карте, где их границы перекрещиваются, они являют чрезвычайно сложные комбинации. Их очертания порой кажутся весьма причудливыми: так, лат. *s* и *g* перед *a* перешли в *ts*, *d*, затем — в *s*, (ср. *captur* «пение» (вин. *n.*)-*chant «пение», *virga* «прут, лоза»-[^]*verge* «прут, лоза») на всем севере Франции, кроме Пикардии и части Нормандии, где *s*, *g* сохранились в неприкосновенности (ср. пикард. *cat* вместо *chat* «кошка», *rescape*, недавно вошедшее во французский литературный язык, вместо *re-chappe* «уцелевший», *vergue* — от приведенного выше *virga* и т. п.).

Что же должно получиться в результате всех этих явлений? Если в какой-либо определенный момент один и тот же язык господствует на всей территории А, то по истечении пяти-десяти столетий жители двух ее крайних пунктов, по всей вероятности, не будут понимать друг друга; с другой стороны, жители одного из этих пунктов по-прежнему будут понимать говор смежных с ним местностей. Путешественник, пересекающий эту страну с одного конца до другого, заметит, переходя от одной местности к другой, лишь самые незначительные диалектные различия; но по мере его продвижения эти различия будут увеличиваться, так что в конце концов он встретится с языком, непонятным для жителей той области, из которой он начал свое путешествие. Если же из какого-либо пункта территории А отправиться по разным направлениям, то окажется, что на каждом из этих направлений сумма расхождений будет увеличиваться, хотя и по-разному.

Особенности, обнаруженные в говоре какой-либо деревни, могут повторяться в соседних местностях, но совершенно невозможно предвидеть, до каких пределов распространяется каждая из них. Так, например, в Дувене, местечке департамента Верхняя Са-войя, название города Женевы произносится *aenva*; такое произношение простирается далеко на восток и юг; но на другом берегу Женевского озера город называют *dzenva*; между тем речь идет не о двух резко разграниченных диалектах, поскольку в отношении других явлений границы оказываются иными; так, в Дувене числительное *deux* «два» произносится *daue*, но у этого произношения гораздо меньшая площадь распространения, чем у *Senva*; в нескольких километрах оттуда, у подножия Салева, говорят *due*.

§ 3. У диалектов нет естественных границ

Обычное представление о диалектах совершенно иное. Их представляют себе как вполне определенные языковые типы, строго

200

а	t ĩ— c "\	y If	/ /	f	\ t ^ к	I • ^ ,....'
	-4 ^d \		\ /	^	v	'
ь	r-'' 1 * P	A	\	9	1 I \	I \ \ \
	i \ - /	\		I		\ \

отделенные друг от друга во всех отношениях и занимающие на карте вполне отдельные, хотя и смежные территории я, А, с, d и т. д.:

В действительности же естественные диалектные изменения приводят к совершенно иной картине. Как только наука принялась за изучение каждого языкового явления в отдельности и за определение области его распространения, оказалось необходимым заменить старое представление новым, которое сводится к следующему:

существуют только естественные диалектные признаки, но естественных диалектов нет, или — что то же — диалектов столько же, сколько местностей.

Итак, представление о естественном диалекте в принципе несовместимо с представлением о более или менее значительной области. Одно из двух: либо мы определяем диалект суммой его отличительных черт, и в таком случае придется ограничиться одним пунктом на карте и считать диалектом говор ровно одного населенного пункта, так как стоит от него удалиться, и мы более не найдем той же самой суммы особенностей; либо мы определяем диалект по одному какому-нибудь признаку, в таком случае у данного языкового явления получится, конечно, некая область распространения, но едва ли стоит указывать, что такой прием является чисто искусственным и что проводимые по такому методу границы не соответствуют никакой диалектной реальности.

Исследования диалектных особенностей послужили отправной точкой для работ по лингвистической картографии, образцом которой может служить «Atlas linguistique de la France» Жильерона; следует упомянуть также о немецком атласе Венкера [294]. Форма атласа подходит для этого лучше всего, так как приходится изучать страну область за областью, а для каждой из них отдельная карта могла бы охватить лишь небольшое число диалектных признаков; одна и та же область должна изображаться много раз, чтобы дать представление о наслонившихся в ней фонетических, лексикологических, морфологических и прочих особенностях. Подобного рода изыскания требуют целой организации, систематических обследований посредством вопросников, содействия корреспондентов на местах и т. п. В связи с этим надо упомянуть и об обследовании говоров романской Швейцарии. Одним из преимуществ лингвистических атласов является то, что они дают материал для диалектологических работ: многие недавно появившиеся монографии базируются на атласе Жильерона.

Границы между диалектными признаками называются «линиями изоглосс» или «изоглоссами». Этот термин создан по образцу слова «изотерма», но он неясен и неточен, так как означает фактически «одинаковязычный». Если принять термин *глоссема* в значении «признак, характерный для данного языка или диалекта», то

201

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

можно было бы с большим правом говорить об *изоглоссематических линиях*, но, поскольку этот термин едва ли приемлем, мы предпочитаем говорить в дальнейшем о *волнах инноваций*, используя образ, пущенный в оборот И. Шмидтом, о чем мы еще будем говорить в следующей главе.

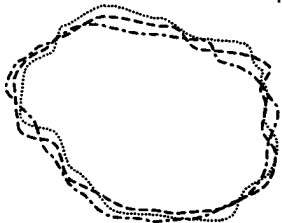
Когда мы смотрим на лингвистическую карту, мы иногда замечаем, что две или три из этих волн почти совпадают, а иногда даже где-то и вообще сливаются (см. рисунок):

А

^-x-

---' ^- ...--
.-<

Ясно, что в двух точках *A* и *B*, разделенных подобного рода полосой, обнаруживается некоторая сумма различий, так что можно говорить о двух четко дифференцированных говорах. Может также случиться, что эти совпадения уже не носят частичного характера, а происходят по всему периметру двух или нескольких площадей:

Когда таких совпадений оказывается достаточно много, уже можно говорить о диалекте в первом приближении. Совпадения эти объясняются социальными, политическими, религиозными и иными факторами, которые мы сейчас вовсе исключаем из нашего рассмотрения; они только заслоняют, никогда не устраняя окончательно, изначальное и естественное явление языковой дифференциации по самостоятельным областям.

§ 4. У языков нет естественных границ

Трудно определить, в чем состоит разница между языком и диалектом. Часто диалект называют языком, потому что на нем имеется своя литература; таковы языки португальский и голландский. Некоторую роль играет также вопрос взаимопонимания: о лицах, друг друга не понимающих, естественно говорить, что они разговаривают на разных языках. Как бы то ни было, те языки, которые развились на непрерывной территории среди оседлого населения, обнаруживают те же явления, что и диалекты, только в большем масштабе; мы встречаем в них такие же волны инноваций, однако эти волны

202

ПРИЧИНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЯЗЫКОВ охватывают территорию, общую для нескольких языков. В воображаемой идеальной обстановке столь же невозможно устанавливать границы между родственными языками, как и между диалектами; большая или меньшая величина территории роли не играет. Подобно тому как нельзя сказать, где кончается верхненемецкий диалект и где начинается нижне-немецкий, не представляется возможным провести демаркационную линию между языками голландским и немецким, между французским и итальянским. Разумеется, если взять крайние точки, то всегда можно с уверенностью сказать: вот здесь господствует французский язык, а тут— итальянский; но, как только мы попадаем в области, промежуточные между этими крайними точками, различия стираются; не является реальностью и такая более ограниченная компактная зона, которую можно было бы вообразить себе в качестве переходной между двумя языками, как, например, провансальский язык в качестве переходного между французским и итальянским. И в самом деле, как и в какой форме можно себе представить точную лингвистическую границу на территории, которая с одного конца до другого занята диалектами с незаметными переходами от одного к другому? Границы между языками, как и между диалектами, тоже тонут в переходных явлениях. Подобно тому как диалекты представляют собой лишь произвольные подразделения на территории распространения того или другого языка, так и граница, будто бы раз-

деляющая два языка, не может не быть условной.

Однако очень часто встречаются и резкие переходы от одного языка к другому; чем же это объясняется? Тем, что неблагоприятные обстоятельства воспрепятствовали сохранению незаметных переходов. Главнейшим фактором здесь являются миграции народов. Испокон веков народы то и дело передвигались в разных направлениях. Наслаиваясь одно на другое в течение столетий, эти переселения все перепутали и во многих местах не оставили и следов от переходных явлений от одного языка к другому. Характерным примером может служить индоевропейская семья языков. Первоначально эти языки должны были находиться в весьма тесном общении и образовывать непрерывную цепь языковых областей, главнейшие из которых в их общих чертах **мы** даже можем восстановить. Славянская группа языков по своим признакам пересекается с иранской и германской, что вполне соотнобразуется с географическим распределением соответствующих групп; равным образом германскую группу можно рассматривать как связующее звено между славянской и кельтской; последняя в свою очередь тесно связана с италийской, а италийская занимает промежуточное положение между кельтской и греческой. Таким образом, даже не зная географического расположения всех этих языков, лингвист не колеблясь мог бы установить положение каждого из них по отношению к другим. А между тем, как только мы начинаем рассматривать границу между двумя группами языков, например, между германскими и славянскими языками, мы тотчас обнаруживаем резкий скачок без всяких переходных явлений: два языка сталкиваются,

203

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

а вовсе не переливаются один в другой. Объясняется это тем, что промежуточные диалекты исчезли. Ни славяне, ни германцы не оставались неподвижными; они переселялись, завоевывали друг у друга территории: славянские и германские народы, соседствующие ныне, живут уже не на тех территориях, на которых они жили в прежние времена. Предположим, что итальянцы из Калабрии переселились бы к границам Франции: такое передвижение, разумеется, разрушило бы те незаметные переходы, которые мы отмечаем между языками итальянским и французским. Развитие индоевропейской семьи характеризуется множеством аналогичных фактов.

Но есть и другие причины, способствующие стиранию переходных явлений, например распространение койне за счет народных говоров (см. стр. 195). В настоящее время французский язык (прежнее наречие Иль-де-Франса) сталкивается на границе государства с официальным итальянским языком (представляющим собой обобщившийся тосканский диалект), и чистой случайностью является то, что еще и теперь в Западных Альпах можно найти переходные наречия, тогда как во всех других местах на лингвистических границах воспоминание о промежуточных говорах полностью стерлось.

Глава IV Распространение языковых волн

§ 1. Сила общения и «дух родимой колокольни» [295]

Распространение фактов языка подчинено тем же законам, что и распространение любой привычки, например моды. В любом человеческом коллективе непрерывно и одновременно действуют в двух разных направлениях две силы: с одной стороны, дух локальной ограниченности, так сказать, «дух родимой колокольни», с другой стороны — тяга к взаимному общению, создающая связи

между людьми.

«Духом родимой колокольни» объясняется то явление, что замкнутый языковой коллектив сохраняет верность разившимся внутри него традициям. Эти традиции усваиваются каждым человеком в детстве прежде всего; отсюда их сила и устойчивость. Если бы действовали только они, то это порождало бы в области человеческой речи особенности, расходящиеся до бесконечности.

Однако действие их уравнивается противодействием противоположной силы. Если «дух родимой колокольни» делает людей домоседами, то тяга к взаимному общению заставляет их вступать между собой в различные отношения; взаимообщение приводит в гаухую деревню пришельцев из других местностей, оно же перебрасывает часть населения из одного места в другое по случаю праздников или ярмарок и объединяет в рядах армии людей из разных провинций и т. д. Одним словом, это фактор объединяющий, в противоположность разобщающему действию «духа родимой колокольни».

На взаимообщении держится распространение языка и его внутреннее единство. Оно действует двояко: то отрицательно, предупреждая дробление на диалекты и препятствуя распространению любой инновации в любом месте и в любой момент ее возникновения; то положительно, благоприятствуя объединению путем принятия и распространения инноваций. Вот этот второй вид действия взаимообщения и оправдывает термин *волна* в применении к географическим пределам диалектных явлений (см. стр. 201); изоглоссематическая линия представляет собою как бы крайнюю черту, которой достигло наводнение, каждую минуту готовое схлынуть.

Иногда мы замечаем с изумлением, что в двух говорах одного и того же языка, отстоящих друг от друга весьма далеко, наблюдается общая особенность; объясняется это тем, что изменение, первоначально возникшее в одном пункте какой-либо территории, не встретило препятствий для своего распространения и мало-помалу достигло весьма отдаленной точки. Ничто не может воспрепятствовать действию взаимообщения в такой языковой среде, где налицо лишь незаметные постепенные переходы.

205

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Такое распространение отдельного языкового факта, каковы бы ни были его пределы, требует времени. И продолжительность этого времени иногда можно измерить. Так, общение распространило по всей Германии переход звука *p* в *S*, сперва осуществившийся между 800 и 850 гг. на всем юге, за исключением территории франкского наречия, где *p* сохранилось в звонкой разновидности *S* и уступило место (/лишь впоследствии. Изменение *t* в *ts* произошло в более узких пределах и началось в эпоху, предшествующую первым письменным памятникам; оно, должно быть, возникло в Альпах около 600 г. и распространилось как на север, так и на юг — в Ломбардию, *t* читается еще в Тюрингенской хартии VIII в. В более близкую нам эпоху германские *Г* и *м* превратились в дифтонги (ср. *mein* «мой» вместо *mm*, *braun* «коричневый» вместо *briin*); этому явлению, которое возникло в Богемии около 1400 г., понадобилось 300 лет, чтобы достигнуть Рейна и охватить занимаемую им ныне площадь.

Эти языковые факты распространялись, как бы заражая все новые области, и весьма возможно, что так обстоит дело со всеми волнами языковых инноваций: каждая из них зарождается в каком-либо пункте и оттуда распространяется по радиусам. Это приводит нас к еще одному важному выводу.

Как мы видели, для объяснения географического разнообразия достаточно фактора времени. Но этот принцип верен в полной мере лишь относительно того места, где возникла инновация.

Вернемся к примеру передвижения согласных в немецком языке. Стоит фонеме *t* в одном пункте германской территории превратиться в *ts*, чтобы новый звук начал как бы излучаться **из** своей точки возникновения. И вот посредством такого движения в пространстве он и вступает в борьбу с прежним (или другими звуками, которые могли из него возникнуть в других пунктах. В месте своего возникновения такого рода инновация является фактом чисто фонетическим, но в дальнейшем она распространяется уже географически, заражая новые области. Поэтому схема

годится во всей своей простоте лишь для того очага, где инновация возникла; применяя ее к распространению инновации, мы только исказили бы картину.

Итак, фонетист должен строго различать очаг инновации, где фонемы эволюционируют исключительно на временной оси, и ареалы распространения «инфекции», в которых действует и фактор времени, и фактор пространства и в отношении которых теория чисто фонетических факторов недействительна.

При замене традиционного (пришедшим извне *ts* речь идет не об изменении традиционного прототипа, но о подражании соседнему говору без какого-либо отношения к этому

206

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ВОЛН

прототипу; когда форма *herza* «сердце», придя с Альп, заменяет в Тюрингии более древнюю форму *herta*, следует говорить не о фонетическом изменении, а о заимствовании фонемы.

§ 2. Сведение обеих взаимодействующих сил к одному общему принципу

В некоторой точке пространства, то есть на минимальной площади, которую можно приравнять точке, например, в отдельной деревне, не составляет труда отличить, что обусловлено действием «духа родимой колокольни», а что — действием силы взаимообщения; каждый факт может зависеть только от одной из этих сил, но не от другой; всякое явление, встречающееся и в другом говоре, объясняется действием фактора взаимообщения; всякое явление, встречающееся только в говоре данного места, объясняется действием фактора локальной ограниченности.

Но как только мы переходим от точки к площади, например, от деревни к кантону, возникает известная трудность: оказывается, что установить, каким из двух факторов следует объяснить то или другое явление, невозможно; оба они, противоположные друг другу, тем не менее могут усматриваться в каждой особенности говора. То, что является отличительным признаком для кантона А, присуще всем его частям; здесь действует фактор локальной ограниченности, препятствующий этому кантону подражать в чем-нибудь соседнему кантону В, и обратно. Но здесь действует и унифицирующий фактор, то есть сила взаимообщения, обнаруживаемая между различными частями кантона А (*a*[, *A*;, *Az*, и т. д.). Таким образом, как только мы переходим от точки к площади, обнаруживается, что оба фактора действуют одновременно, хотя и в различных пропорциях. Чем более взаимообщение содействует какой-либо инновации, тем более расширяется область ее распространения; что же касается «духа родимой колокольни», то его действие заключается в удержании языкового факта в завоеванных им границах и в защите его от внешней конкуренции. Результатов

действия каждой из этих двух сил предвидеть нельзя. Как уже говорили (см. стр. 206), на германской языковой территории, которая простирается от Альп до Северного моря, переход *b* в *d* был общим, а изменение *t* в *ts* (*z*) затронуло лишь юг; «дух родимой колокольни» создал противопоставление между севером и югом; однако внутри этих границ благодаря силе взаимообщения налицо языковое единство. Таким образом, в принципе нет существенной разницы между этим вторым явлением и первым. Налицо те же силы, но интенсивность их действия различна.

Все это сводится к тому, что на практике при изучении языковых эволюции, охватывающих некоторое пространство, можно отвлекаться от фактора локальной ограниченности или, что то же, рассматривать его как отрицательный аспект унифицирующего фактора. Если этот последний достаточно могуществен, он обеспечит един-

207

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ство на всей территории; в противном случае явление остановится на полпути и охватит только часть территории; эта более ограниченная площадь будет тем не менее единым целым по отношению к своим частям. Вот почему все может быть сведено к действию одной лишь унифицирующей силы без какого-либо участия фактора локальной ограниченности, который представляет собой не что иное, как свойственную каждой данной области силу взаимообщения.

§ 3. Языковая дифференциация на разобщенных территориях

Лишь после того, как мы убедились, что в одноязычной массе сила внутреннего сцепления варьирует от одного языкового явления к другому, что не все инновации получают общее распространение, что непрерывность территории не препятствует постоянным процессам дифференциации, — и лишь после всего этого мы можем перейти к вопросу о языке, параллельно развивающемся на двух разобщенных территориях.

Подобное явление встречается очень часто; с того момента, когда, например, германское наречие проникло с материка на Британские острова, его эволюция пошла в двух разных направлениях: с одной стороны (на материке) — немецкие диалекты, с другой стороны (на островах) — англосаксонский язык, от которого произошел английский. Можно еще указать на французский язык, перенесенный в Канаду. Разрыв языковых связей возникает не только в результате колонизации или завоевания, он может произойти и вследствие изоляции: так, румынский язык утратил контакт с романской средой, будучи оторван от нее славянским населением. Впрочем, дело не в причине; вопрос заключается прежде всего в том, чтобы выяснить функцию изоляции: играет ли она роль в истории языков и если играет, то порождает ли она последствия, не встречающиеся в случае непрерывности языковой территории.

Чтобы лучше выяснить преобладающее действие фактора времени, мы представили себе выше такой язык, который развивается параллельно в двух местах, незначительных по своей протяженности, например на двух островках, — случай, когда можно отвлечься от постепенного распространения языка в пространстве. Но едва мы обращаемся к двум территориям более или менее значительной протяженности, как вступает в действие этот последний фактор, а это ведет к появлению диалектных различий; таким образом, вся проблема вовсе не упрощается от наличия разобщенных территорий. Не следует приписывать фактору разобщенности то, что может быть объяснено помимо него.

Подобную ошибку совершали первые индоевропеисты (см. стр. 10). Изучая большую семью значительно разошедшихся друг с другом языков, они не представляли себе, чтобы эта дифференциация могла произойти иначе, чем путем географического дробления. В самом деле, можно легко представить себе различие языков

208

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ВОЛН

при раздельности их территорий, а при поверхностном наблюдении эта раздельность кажется необходимым и достаточным объяснением самого факта дифференциации. Но это не все: названные ученые связывали понятие языка с понятием народа и при помощи этого второго объясняли первое; они представляли себе славян, германцев, кельтов и т. д. как несколько роев, последовательно вылетающих из одного улья; эти племена, оторвавшись от своей родной почвы, будто бы разнесли в своих переселениях общий индоевропейский язык по различным территориям.

Потребовалось много времени, чтобы обнаружить ошибочность этого взгляда; только в 1872 г. работа И. Шмидта «Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen» открыла лингвистам глаза и положила начало теории непрерывности, получившей название «теории волн» (Wellentheorie) [296]. Стало ясно, что для объяснения соотношений между индоевропейскими языками совершенно достаточно допущения об их дифференциации на месте и что для этого нет никакой необходимости предполагать перемещения народов друг относительно друга в пространстве в результате миграций.

Диалектные различия могли и должны были развиваться в их среде еще до того, как они расселились по разным местам. Таким образом, теория волн не только приводит нас к более верному взгляду на индоевропейскую доисторию, но и вскрывает основные законы всех явлений языковой дифференциации и условия, определяющие родство языков.

Однако теория волн, противопоставленная теории миграций, не исключает ее. История индоевропейских языков являет нам немало примеров, когда народы в результате переселения отрывались от своей языковой семьи, и это обстоятельство имело специфические последствия для их языка; дело лишь в том, что эти последствия сливаются с последствиями, проистекающими из действия фактора дифференциации языка на непрерывной территории, так что весьма трудно установить, в чем они заключаются; таким образом, мы опять возвращаемся к проблеме эволюции одного наречия на разобщенных территориях. Возьмем староанглийский язык. В результате миграции он отделился от общего германского ствола. Возможно, что у него был бы другой, не нынешний вид, если бы в V в. саксы не покинули материка. Но в чем же выразились специфические последствия разобщения? Чтобы ответить на это, надо сначала выяснить, не могло ли бы то или другое изменение возникнуть и в условиях географической смежности. Допустим, англы заняли бы Ютландию, а не Британские острова; можно ли утверждать, что ни один из фактов, приписываемых фактору абсолютной разобщенности, не имел бы места в случае, если бы непрерывность территории сохранилась? Говорить, будто разобщение позволило английскому языку сохранить древний звук *d* перешедший на всем материке в *d* (ср. англ. *thing* я нем. *Ding* «вещь»),

209

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

равносильно утверждению, что в германских языках на материке это явление сделалось общим благодаря географической непрерывности, тогда как на самом деле всеобщность этого явления могла бы и не реализоваться, невзирая на непрерывность территории. Как и всегда, ошибка коренится в противопоставлении изолированного диалекта диалектам географически связанным. А между тем ничем фактически не доказано, будто англ. *a*, если бы они утвердились в Ютландии, непременно «заразились» бы общим примером и стали произносить *a*. Мы уже видели, что во французской языковой области *k(+a)* сохранилось только в Пикардии и части Нормандии, тогда как на всей прочей территории оно изменилось в шипящее *S*. Таким образом, объяснение фактором изоляции оказывается недостаточным и поверхностным. Ни при каких обстоятельствах нет необходимости ссылаться на этот фактор для объяснения факта дифференциации; то, что приписывается действию изоляции, отлично может осуществиться и в случае географической смежности; если даже и есть разница между этими двумя рядами явлений, то установить ее не в наших силах.

Тем не менее, рассматривая два родственные наречия уже не в отрицательном аспекте их дифференциации, но в положительном аспекте их единства, мы констатируем, что при изоляции все возможные взаимоотношения потенциально прерываются с самого момента разделения этих наречий; напротив, при географической смежности некоторое единство сохраняется даже между резко различными наречиями, лишь бы они были связаны промежуточными диалектами.

Таким образом, для установления степеней родства между языками следует проводить строгое различие между территориальной непрерывностью и изоляцией. В этом последнем случае оба языка сохраняют от своего общего прошлого некоторые черты, свидетельствующие об их родстве; но, поскольку каждый из них развивается самостоятельно, возникшие в одном из них новые признаки не будут встречаться в другом (за исключением тех случаев, когда некоторые возникшие после разделения явления оказываются случайно тождественными в обоих языках). Во всяком случае, исключается возможность распространения этих новых признаков путем «инфекции». Вообще говоря, развивавшийся в географической разобщенности язык представляет по сравнению с родственными языками совокупность черт, принадлежащих только ему; когда же этот язык в свою очередь подвергается дроблению, происшедшие от него отдельные диалекты свидетельствуют благодаря общности своих черт о более тесном родстве, связывающем их между собою, но не с диалектами другой территории. Они действительно образуют особую ветвь, отделившуюся от общего ствола. Совершенно иные отношения наблюдаются у языков на непрерывной территории; наблюдаемые у них общие черты не обязательно должны быть древнее тех черт, которые их разделяют: в

210

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ВОЛН

самом деле, в каждый данный момент какая-либо инновация, возникшая в каком-нибудь определенном пункте, может получить общее распространение и даже захватить целиком всю территорию. Кроме того, поскольку площади инноваций в каждом отдельном случае различны по своей протяженности, постольку у двух смежных языков может оказаться общая особенность, хотя они и не образуют особой группы в общем целом и каждая из них может связываться со смежными

языками другими своими чертами, как это мы видим на примере индоевропейских языков.

Часть пятая
Вопросы ретроспективной лингвистики
Глава I

Две перспективы диахронической лингвистики [297]

В то время как синхроническая лингвистика знает только одну точку зрения, точку зрения говорящих, а следовательно, один метод, диахроническая лингвистика предполагает одновременное наличие двух точек зрения или перспектив: проспективную — взгляд, направленный по течению времени, и ретроспективную — взгляд, направленный вспять, против течения времени (см. стр. 91).

Первая перспектива диахронической лингвистики соответствует действительному ходу событий; этой перспективой по необходимости пользуются при написании любой главы исторической лингвистики, при освещении любого момента в истории языка. Метод при этом сводится исключительно к критике доступных источников. Но во многих случаях этот метод диахронической лингвистики оказывается недостаточным или вообще неприменимым.

В самом деле, для того чтобы описать историю языка во всех подробностях, следуя за течением времени, нужно было бы обладать бесчисленным множеством фотографий языка, снятых в каждый момент его существования. Между тем это условие никогда не может быть выполнено; романисты, например, преимущество которых состоит в том, что они знакомы с латинским языком, который является отправным пунктом их исследования, а также в том, что они обладают внушительным числом документов, относящихся к длинному ряду веков, ежеминутно убеждаются в огромных пробелах в их документации. В таких случаях приходится отказываться от проспективного метода, от непосредственного использования источников, и следовать в обратном направлении, идя против течения времени, то есть прибегать к ретроспективному

212

ДВЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
методу. В этом случае, отправляясь отданной эпохи, выясняют не то, к чему привела какая-либо из свойственных ей форм, а то, какой была более древняя форма, которая могла породить данную.

В то время как проспективный метод сводится к простому повествованию и целиком опирается на критику источников, ретроспективное исследование требует метода реконструкции, который опирается на сравнение. Нельзя установить первоначальную форму для одного изолированного знака, тогда как два различных, но общих по происхождению знака, как, например, лат. *pater* «отец», скр. *pitar*-«отец» или основы лат. *ger-δ* «ношу» и *ges-tus* (причастие прошедшего времени от *ger-o*), позволяющие в результате их сравнения наметить ту диахроническую единицу, которая связывает их с неким прототипом, который можно восстановить путем индукции. Чем многочисленней члены сравнения, тем точнее оказывается эта индукция, которая — при наличии достаточно обильных данных — может привести к подлинным реконструкциям.

То же относится и к языку в целом. Из баскского языка самого по себе ничего нельзя извлечь, так как, будучи изолированным, он не дает материала для сравнений. Но из пучка родственных языков, какими являются греческий, ла-

тинский, старославянский и т. д., оказалось возможным путем сравнения выявить первоначальные общие элементы, в них заключенные, и восстановить общую физиономию индоевропейского праязыка, как он существовал до своего раздробления в пространстве. То, что было сделано для всей языковой семьи в целом, было повторено в более ограниченных масштабах, но при помощи тех же самых приемов для каждой из ее частей, всюду, где это оказалось необходимым и возможным. Так, например, многочисленные германские языки засвидетельствованы непосредственно, то есть письменными памятниками, а общегерманский праязык, откуда произошли все эти языки, известен нам только косвенно—благодаря ретроспективному методу. Теми же самыми способами лингвисты исследовали с большим или меньшим успехом первоначальное единство прочих языковых семей (см. стр. 191).

Итак, ретроспективный метод дает нам возможность проникнуть в прошлое языка глубже самых древних документов. Так, проспективная история латинского языка едва начинается в III или IV в. до н. э., а путем восстановления индоевропейского праязыка удалось составить себе представление о том, что должно было происходить в течение периода от первоначального единства до первых известных нам латинских памятников, и только после этого оказалось возможным нарисовать проспективную картину развития.

В этом отношении эволюционную лингвистику можно сравнить с геологией, которая также является исторической наукой; геология иногда описывает уже сложившиеся состояния (например, нынешнее состояние бассейна Женевского озера), отвлекаясь от того,

213

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

что предшествовало данному состоянию во времени; но главным образом она занимается событиями, трансформациями, последовательность которых создает диахронические ряды. В теории, правда, можно мыслить проспективную геологию, но фактически чаще всего ее точка зрения оказывается ретроспективной; перед тем как приступить к рассказу о происшедшем в той или другой точке земной поверхности, приходится восстанавливать цепь событий и исследовать, что именно привело данную часть земного шара к ее нынешнему состоянию.

Ясно, что методы обеих перспектив расходятся очень резко, и, более того, с чисто дидактической точки зрения не представляется целесообразным применять их в одном изложении одновременно. Так, при изучении фонетических изменений обнаруживаются две совершенно различные картины в зависимости от использования того или другого метода. Опираясь на проспективный метод, мы пытаемся, например, узнать, во что превратился во французском языке звук *e* классического латинского языка; оказывается, что этот единый звук пошел в своей эволюции разными путями и явился источником нескольких фонем:

ср. *pedem* «ногу»—»*7y'e* (пишется *pied*) «нога», *ventum* «ветер» (вин. п.)—»*va* (пишется *vent*) «ветер», *lectum* «ложе» (вин. п.)—»*7l* (пишется *lit*) «ложе, кровать», *l'escage* «убивать»—»*яи'a/e* (пишется *poyer*) «топить» и т. д.; если же в ретроспективном разрезе исследовать, что представляет собою в латинском языке французское открытое *e*, то окажется, что этот единый звук является конечной точкой нескольких первоначально различных фонем:

ср. *ter* (пишется *terre*) «земля»—» *terram* «землю», *ver* (пишется *verge*)

«прут» (вин. п.), *fe* (пишется *fait*) «дело» (вин. п.)

и т. д. Эволюция формантов также могла бы быть представлена этими обоими способами, и получившиеся две картины оказались бы различными; это а priori уже ясно из всего того, что мы говорили выше об аналогических образованиях (см. стр. 170 и ел.). Если, например, мы станем исследовать ретроспективно происхождение суффикса французского причастия *-e*, то дойдем до латинского *-Stum*; этот суффикс по своему происхождению прежде всего связывается с латинскими отыменными глаголами на *-are*, восходящими в свою очередь в большей части к существительным женского рода на *-a* (ср. *plantare* «сажать» (растения) : *planta* «растение», греч. *timao* «ценить»: *fima* «почесть» и т. п.); с другой стороны, *-atum* не существовало бы, если бы индоевропейский суффикс *-to-* не был сам по себе живучим и продуктивным (ср. греч. *klu-to-s* «знаменитый», лат. *in-clu-tu-s* «известный», скр. *ṣṇi-ta-s* «известный» и т. д.); *-atum* включает в себе еще формант винительного падежа ед. ч. *-t* (ср. стр. 155). Если же затем, встав на ретроспективную точку зрения, спросить себя, в каких французских формах встречается первоначальный

214

ДВЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

суффикс *-to-*, то можно указать не только на различные суффиксы, как продуктивные, так и непродуктивные, причастия прошедшего времени (франц. *aime*^*-лал. amatum* [вин. п. от *amatus* «любимый»], франц. *fini*^*-nw.fimtum* [вин. п. от *fimtus* «оконченный»], франц. *c/од*^*лат. clausum* [вин. п. от *clausus* «запертый»] вместо **claudtum* «запертый»), но и на многое другое, как-то: франц. *-»*<*-лат.-й(мт* (франц. *cornu*'*-Jizi. cornutum* [вин. п. от *cornutus* «рогатый»]), книжный французский суффикс *-й/ч-лат. fivum* (франц. *fugitif*<*-лиг. fugitlvum* [вин. п. от/*к-gitivus* «беглый»]; тоже во франц. *sensitif* «чувствены», *nega-tif* «отрицательный» и т. д.) и на множество ныне не анализируемых слов, как-то: франц. *point* «дырка (в ремне и т. п.)^*-^лат. punctum* [вин. п., *otpunctus* «проколотый», «продырявленный»], франц. *de* «игральная кость»<*-лат. datum* [вин. п. *OTdatus* «брошаемый», «брошенный»], франц. *chetif* «плохой», «бедный»·**-лат. captlvum* [вин. п. от *captlvus* «пленный»] и т. д.

Глава П

Наиболее древний язык и праязык [298]

Первые индоевропейцы не понимали ни истинного назначения сравнения, ни важности метода реконструкции (см. стр. 10). Этим объясняется одно из наиболее поразительных заблуждений: преувеличенная и почти исключительная роль, которую отводили санскриту в деле сравнения; поскольку санскрит представляет собой наиболее древний засвидетельствованный индоевропейский язык, он был возведен в сан прототипа, то есть праязыка. Но одно дело — предполагать, что некий индоевропейский праязык породил языки санскритский, греческий, славянский, кельтский, италийский, а другое дело — поставить один из этих языков на место индоевропейского. Это грубое смешение привело к многообразным и глубоким следствиям. Правда, такая гипотеза никогда не была сформулирована столь категорически, как мы это только что сделали, но на практике ее молчаливо допускали. Бопп писал, что он «не думает, чтобы санскрит был общим источником индоевропейских языков», допуская тем самым возможность существования, хотя бы проблематически, подобного предположения.

Это приводит нас к постановке следующего вопроса: что значит, когда говорят,

что один язык более древен или более стар, чем другой? Теоретически здесь возможны три толкования:

1. Прежде всего, можно думать об абсолютном начале, об исходной точке какого-либо языка; но достаточно самого простого рассуждения, чтобы убедиться в том, что нет языка, которому можно было бы приписать возраст, ибо любой язык в любой момент является не более как продолжением состояния, существовавшего до него. В этом отношении развитие языка отличается от развития человеческого рода: абсолютная непрерывность языкового развития не позволяет видеть в нем смену поколений, и Гастон Пари справедливо восставал против концепции «языков-матерей» и «языков-дочерей», так как такая концепция предполагает прерывистость.

Следовательно, не в этом смысле можно говорить о том, что один язык старше другого.

2. Можно, далее, считать, что одно состояние языка засвидетельствовано в более древнее время, нежели другое: так, персидский язык ахеменидских надписей древнее персидского языка Фирдоуси. Поскольку речь идет, как в этом частном случае, о двух наречиях, из которых одно в точном смысле происходит от другого и оба одинаково нам известны, само собою очевидно, что в этих условиях является древним. Но если оба эти условия не выполнены, то

216

НАИБОЛЕЕ ДРЕВНИЙ ЯЗЫК И ПРАЯЗЫК

древность никакого значения не имеет: так, литовский язык, засвидетельствованный лишь с 1540 г., не менее драгоценен в этом отношении, чем старославянский, известный с X в., или даже чем ведийский санскрит.

3. Слово «древний» может, наконец, применяться к более архаическому состоянию языка, то есть к такому его состоянию, когда формы в нем ближе к своему начальному образцу, и это независимо от вопроса о датировке. В этом смысле можно было бы сказать, что литовский язык XVI в. древнее, чем латинский язык III в. до н. э.

Итак, если приписывать санскриту большую древность по сравнению с прочими языками, то только во втором или третьем смысле, и на самом деле он древнее других индоевропейских языков и во втором и в третьем смысле. С одной стороны, считается, что ведические гимны старше самых древних греческих текстов, с другой стороны — и это особенно важно, — сумма сохраняемых в нем архаических черт более значительна по сравнению с прочими языками (см. стр. 10).

Вследствие довольно смутного представления о древности, превращавшего санскрит в нечто предшествовавшее всем прочим языкам индоевропейской семьи, лингвисты, даже освободившись от идеи, будто он является праязыком, неоднократно в дальнейшем продолжали придавать чересчур большое значение свидетельству санскрита как одного из ответвлений индоевропейского праязыка.

В своих «Les engines indo-europeennes» (см. стр. 225) А. Пикте, хотя и признает открыто существование первобытного индоевропейского народа, говорившего на своем собственном языке, тем не менее убежден, что прежде всего надо справляться с показаниями санскрита, которые по своей ценности превосходят показания других языков той же семьи, вместе взятых [299]. Вот это заблуждение и затемняло в течение многих лет первостепенные проблемы, как, например, вопрос о первоначальном вокализме.

Эта ошибка повторялась неоднократно и в других, более частных случаях. При изучении отдельных ветвей индоевропейской семьи обнаруживалась тенденция считать древнейший из известных языков адекватным и достаточным представителем всей группы, причем не делалось попыток выяснить точнее характер начального состояния прототипа данной ветви. Так, например, вместо того чтобы говорить о прагерманском языке, не стеснялись ссылаться попросту на готский, так как он на несколько веков старше прочих германских диалектов; таким образом, он узурпировал положение прототипа, источника всех остальных германских наречий. В отношении славянских языков долго базировались исключительно на церковнославянском (=старославянском), известном с X в., потому что прочие славянские языки известны с более поздних времен.

Фактически чрезвычайно редко встречается, чтобы две закрепленные письменностью в разные сроки формы языка представляли в

217

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

точности одно и то же наречие в два различных момента его истории. Чаще всего мы имеем дело с двумя диалектами, которые не являются в лингвистическом смысле продолжением один другого. Из исключений, только подтверждающих это правило, наиболее разительным являются романские языки по отношению к латинскому: восходя от французского к латинскому, мы все время находимся на вертикальной прямой; территория, занимаемая этими языками, по случайности совпадает с той территорией, где говорили на латинском языке, и каждый из них не что иное, как эволюционировавший латинский язык. Равным образом, как мы уже видели, древнеперсидский язык надписей Дария представляет собой тот же язык, что и средневековый новоперсидский. Но обратное встречается гораздо чаще: письменные памятники различных эпох принадлежат разным языкам одной и той же семьи. Так, германская группа языков последовательно открывается нам в готском языке Ульфилы, не оставившем продолжения, затем в текстах древневерхне-немецкого языка, еще позже—в памятниках языков англосаксонского, древнескандинавского и т. д.; и вот ни один из этих языков или групп языков не является продолжением языка, засвидетельствованного ранее. Такое положение вещей может быть представлено в виде нижеследующей схемы, где буквы изображают языки, а строчки — последовательные эпохи:

A

. . . . . B
. . . C . . . . . П
. . . 1 . . . . E . . .

Эпоха 1 Эпоха 2 Эпоха 3 Эпоха 4

Лингвистика может только радоваться такому положению вещей: если бы дело обстояло иначе, то первый известный нам язык А уже заключал бы в себе все, что можно извлечь путем анализа из последующих состояний языка, тогда как, отыскивая точку схождения всех реально представленных языков А, В, С, D и т. д., мы найдем форму более древнюю, чем А, а именно прототип Х, и тогда смешение А и Х окажется невозможным.

Глава III Реконструкция

§ 1. Характер реконструкции и ее цели [300]

Реконструкция возможна лишь путем сравнения, и в свою очередь у сравнения

нет иной цели, кроме реконструкции. Если мы не хотим, чтобы установленные нами соответствия между несколькими формами оказались бесплодными, мы должны поместить их во временную перспективу и прийти к восстановлению их единой праформы; на этом пункте мы настаивали уже несколько раз (см. стр. 10 и 198), для объяснения лат. *medius* «средний» сравнительно с греч. *mesos* «средний» оказалось нужным, не восходя к индоевропейскому состоянию, установить более древнее состояние **methyos*, которое можно считать исторически связанным и с *medius* и с *mesos*. При сравнении не двух слов двух различных языков, но двух форм, взятых внутри одного языка, обнаруживается то же самое: так, лат. *gero* «ношу» и *gestus* (прич. прош. вр. от *gero*) позволяют установить основу **ges-*, некогда общую для этих обеих форм.

Заметим, что сравнение, которое касается фонетических изменений, всегда должно учитывать морфологические соображения. Исследуя лат. *p tior* «терплю» и *p ssus* «терпевший», я привлекаю *fetus, dictus* и др., потому что *p ssus* является образованием того же типа; лишь основываясь на морфологическом соотношении между *c* и *s* о «делаю» и *fetus* «сделанный», *dico* «говорю» и *dictus* «сказанный» и т. п., я могу установить такое же соотношение в более раннюю эпоху между *p tior* и **p t-tus*. В свою очередь, если сравнение носит морфологический характер, я должен подкреплять его с помощью фонетики: лат. *melior* (вин. п. от *melior* «лучший») можно сравнить с греч. *hedio* (вин. п. от *hedion* «более приятный»), потому что фонетически первое восходит к **meliosm*, **meliosm*, а второе — к **hadio*, **hadios*, **hadiosm*.

Итак, сравнение в лингвистике не есть механическая операция; оно требует сопоставления всех тех данных, из которых можно извлечь материал для объяснения. Но оно всегда должно приводить к некоторой гипотезе, выраженной в определенной формуле и стремящейся восстановить что-то, существовавшее раньше; сравнение всегда должно вести к реконструкции форм.

Однако требует ли ретроспективный подход обязательной реконструкции цельных и конкретных форм более раннего состояния? Или же, наоборот, мы можем довольствоваться абстрактными частными утверждениями, которые касаются частей слов, каким, например, является утверждение, что лат./вуйотм.у «дым»

219

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

соответствует общеиталийскому *p* или что первым элементом греч. *allo* «другое», лат. *aliud* «другое» уже в индоевропейском было *a*? Ретроспективный подход может ограничивать свою задачу изысканиями второго рода; можно даже утверждать, что у его аналитического метода нет другой цели, кроме частных констатации. Оказывается, однако, что из суммы изолированных фактов можно извлекать более общие выводы: например, ряд фактов, аналогичных только что указанному относительно лат. *firmus*, позволяет с уверенностью утверждать, что *p* входило в фонологическую систему общеиталийского языка; равным образом, если можно утверждать, что в индоевропейском так называемом местоименном склонении обнаруживается окончание ед. ч. ср. р. *-d*, отличное от окончания прилагательных *-t* с тем же значением, то это есть общий морфологический факт, выведенный из совокупности отдельных констатации (ср. лат. *istud* «это», *ali-ud* «другое» при *вопит* «хорошее», греч. *to* (артикуль ср. *p*). *-*tod*, *allo wpyToe* **-allod* при *kalon* «прекрасное», англ. *that* «это» и т. д.). Можно идти дальше: установив эти отдельные факты, мы переходим к синтезированию всех тех из них, которые относятся к какой-нибудь целой форме, с целью реконструировать целые слова (на-

пример, и.-е. **aljud*), парадигмы словоизменения и т. п. Для этого мы соединяем в один пучок ряд совершенно не зависящих друг от друга утверждений; сравнивая, например, отдельные части такой восстановленной нами формы, как **aljud*, мы замечаем большую разницу между *-d*, связанным с грамматической проблемой, и *a-*, не имеющим никакого грамматического значения. Реконструированная форма не есть единое целое: она всегда представляет собой разложимую сумму фонетических выводов, причем каждый из них может быть в отдельности аннулирован или пересмотрен. И действительно, восстановленные формы всегда являлись верным отражением общих, относящихся к ним выводов. Индоевропейское слово в значении «конь» последовательно предполагалось в формах **akvas*, **ak]vas*, **ekivos*, наконец, **ekiwos*, бесспорными остались только *s* да число фонем.

Целью реконструкции является, следовательно, не восстановление цельной формы ради нее самой, что к тому же было бы довольно смешным, но как бы кристаллизация или конденсирование целого ряда признаваемых правильными выводов в соответствии с результатами, установленными в каждом отдельном случае: короче говоря, цель реконструкции—регистрация успехов нашей науки.

Нет надобности оправдывать лингвистов в приписываемом им нелепом намерении восстановить индоевропейский язык во всей его полноте, как если бы они желали пользоваться им в повседневной речи. В действительности у них нет такого намерения даже в тех случаях, когда они исследуют известные исторические языки (лингвист изучает латинский язык не для того, чтобы лучше на нем говорить), тем более, когда они исследуют отдельные слова доисторических языков.

220

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Если даже реконструкции и остаются подверженными пересмотру, без них обойтись нельзя, если мы хотим получить представление об изучаемом языке в целом и о том языковом типе, к которому он принадлежит. Реконструкция — это необходимый инструмент, с помощью которого с относительной легкостью устанавливается множество общих фактов синхронического и диахронического порядка. Основные особенности индоевропейского языка сразу же получают надлежащее освещение в результате всей совокупности реконструкций, например, тот факт, что суффиксы были составлены из определенных элементов (*t*, *s*, *r* и др.) с выключением прочих или что сложное разнообразие в вокализме немецких глаголов (ср. *werden*, *wirst*, *ward*, *wurde*, *warden*) таит в себе одно и то же первоначальное чередование:

e — o — нуль. Тем самым косвенно весьма облегчается историческое исследование последующих периодов: без помощи предварительной реконструкции было бы крайне трудно объяснить изменения, происшедшие в течение стольких веков, начиная с доисторического периода.

§ 2. Степень достоверности реконструкций

Одни из восстановленных форм совершенно несомненны, другие спорны или вообще сомнительны. А между тем, как мы только что видели, степень достоверности целых форм зависит от той относительной достоверности, которую можно приписать участвующим в синтезе этих форм частным реконструкциям. В этом смысле нельзя найти и двух слов, восстановленных с одинаковой достоверностью; между столь убедительными индоевропейскими формами, как **esti* «он есть» и **didoti* «дает», есть разница, потому что во втором слове гласная в

удвоении [корня] допускает сомнения (ср. скр. *dadati* и греч. *didosi*).

Существует тенденция считать реконструкции менее надежными, чем они являются на самом деле. Нижеследующие три обстоятельства позволяют нам быть в этой области более уверенными [301].

Первое обстоятельство, основное, уже было указано на стр. 44: если дано слово, то можно отчетливо различить составляющие его звуки, их число и их границы; мы уже видели (см. стр. 58), что именно следует думать о возражениях некоторых лингвистов, рассматривающих звуки сквозь фонологический микроскоп. В таком сочетании, как *-sn-*, конечно, есть звуки беглые или переходные; однако было бы антилингвистичным принимать их в соображение; обыкновенное ухо их не различает, а говорящие всегда сходятся во мнениях относительно числа элементов. Поэтому мы вправе утверждать, что в индоевропейской форме **ekiwos* есть только пять различных, дифференциальных элементов, принимавшихся во внимание говорящими.

221

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Второе обстоятельство касается системы этих фонологических элементов в каждом языке. Всякий язык оперирует определенной гаммой фонем, число которых точно ограничено (см. стр. 39). В индоевропейском праязыке все элементы системы обнаруживаются по меньшей мере в дюжине форм, установленных путем реконструкции; число этих реконструкций может достигать нескольких тысяч. Следовательно, мы можем быть уверены, что знаем все элементы системы. Наконец, чтобы познать звуковые единицы языка, нет необходимости характеризовать их положительные качества, достаточно рассмотреть их как дифференциальные величины, сущность которых состоит в том, чтобы не смешиваться друг с другом (см. стр. 118). Это до такой степени существенно, что звуковые элементы восстанавливаемого языка можно было бы обозначать при помощи цифр или каких-либо других условных значков. В **ekiwos* бесполезно определять абсолютное качество звука *e* и выяснять, был он открытым или закрытым, более продвинутым вперед или нет и т. п.; поскольку не установлено наличие нескольких разновидностей *e*, все эти тонкости не имеют значения; важно только одно: не смешивать этого звука ни с одним из прочих различаемых в этом языке элементов (*a*, *o*, *e* и т. д.). Иначе говоря, дело сводится к тому, чтобы первая фонема слова **ekiwos* не отличалась от второй фонемы в **medhj6s*, от третьей фонемы в **age* и т. д. и чтобы можно было, не уточняя ее звуковых свойств, поместить ее под определенным номером в таблице индоевропейских фонем. Таким образом, реконструкция **ekj·wos* означает только то, что индоевропейское соответствие лат. *equos*, скр. *aṣva-s* и т. д. состояло из пяти определенных фонем, взятых из фонологической гаммы праязыка.

В указанных нами границах реконструкции сохраняют, следовательно, свою полную силу.

Глава IV

Свидетельства языка в антропологии и доистории

§ 1. Язык и раса [302]

Благодаря ретроспективному методу лингвист может двигаться назад—в глубь веков и восстанавливать языки, на которых говорили народы еще до своего вступления на арену истории. Но не могли ли бы подобные реконструкции дать нам сведения и о самих народах, об их расовой принадлежности, происхожде-

нии, общественных отношениях и институтах, нравах и пр.? Одним словом, может ли язык помочь антропологии, этнографии, доистории? Обычно на это отвечают утвердительно, но мы полагаем, что в этой уверенности есть значительная доля иллюзии. Рассмотрим вкратце некоторые стороны этой проблемы. Начнем с расы. Ошибочно думать, что от общности языка можно прийти к заключению о единокровности, что понятие языковой семьи покрывает понятие антропологического семейства. Действительность не так проста. Имеется, например, германская раса, антропологические признаки которой весьма четки: белокурые волосы, удлиненный череп, высокий рост и т. д.; совершеннее всего представлена эта раса в скандинавском типе. А между тем говорящие на германских языках народы далеко не целиком отвечают этим приметам: так, алеманны, живущие у подножия Альп, своим антропологическим типом существенно отличаются от скандинавов. Но нельзя ли по крайней мере предположить, что сам по себе язык принадлежал первоначально одной расе и если на нем говорят чуждые этой расе народы, то лишь вследствие того, что данный язык был навязан этим народам путем завоевания? Конечно, мы часто встречаемся со случаями добровольного или насильственного принятия какой-либо нацией языка ее завоевателей: примером могут служить галлы, покоренные римлянами; но это не объясняет всего; например, в случае с германцами, даже если допустить, что они подчинили себе столько разных народов, они все же не могли полностью поглотить их—для этого следовало бы предположить долгое доисторическое владычество и иные обстоятельства, ничем не устанавливаемые. Итак, единокровность и языковая общность не находятся, по-видимому, в необходимой связи между собой, и поэтому нельзя умозаключать от одной к другой. Следовательно, в тех многочисленных случаях, когда показания антропологии и языка не сходятся, нет необходимости ни противопоставлять их друг другу, ни делать между ними выбор: каждое сохраняет свою полную значимость в своей области.

223

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

§ 2. Этнизм

О чем же свидетельствуют показания языка? Единство расы само по себе может быть лишь второстепенным и вовсе не необходимым фактором языковой близости. Но есть другое единство, бесконечно более важное, единственно существенное, возникающее на основе общественных связей,—мы будем называть его *этнизмом*. Под этнизмом мы разумеем единство, покоящееся на многообразных взаимоотношениях в области религии, культуры, совместной защиты и т. д., устанавливающихся даже между народами различного расового происхождения и при отсутствии всякой политической связи.

Именно между этнизмом и языком и устанавливается то отношение взаимной связи, которое мы уже констатировали выше (см. стр. 28). Общественные связи имеют тенденцию создавать общность языка и налагают, быть может, некоторые свои черты на этот общий язык; и наоборот, общностью языка в некоторой мере и создается этническое единство. Этого последнего, вообще говоря, совершенно достаточно для объяснения языковой близости. Например, в начале средних веков существовал романский этнизм, объединяющий при отсутствии политической связи народы весьма разнообразного происхождения. С другой стороны, по вопросу об этническом единстве надо прежде всего осведомляться у языка, так как его показания существеннее всех прочих. Вот пример этому: в

древней Италии рядом с латинянами мы встречаем этрусков; разыскивая, что между ними общего, в надежде найти их общее происхождение, можно обращаться ко всему тому, что эти народы оставили: к вещественным памятникам, религиозным обрядам, политическим учреждениям и т. п.; но таким путем мы никогда не получим той уверенности, которая появится, как только мы обратимся к языку: четырех строк этрусского текста достаточно, чтобы убедиться в том, что говоривший на этом языке народ в корне отличался от той этнической группы, которая говорила на латинском языке.

Итак, в этом отношении и в указанных границах язык может служить историческим документом: так, например, тот факт, что индоевропейские языки образуют семью, дает нам основание умозаключить о некоем первоначальном этнизме, более или менее прямыми наследниками которого, в результате социальной преемственности, являются говорящие ныне на этих языках народы.

§ 3. Лингвистическая палеонтология

Если общность языка позволяет говорить о социальной общности, лежащей в ее основе, то не дает ли язык возможности вскрыть природу этого общего этнизма?

Долго предполагали, что языки являются неисчерпаемыми источниками свидетельств о народах, на них говорящих, и о доис-

224

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫКЛ В АНТРОПОЛОГИИ И ДОИСТОРИИ
тории этих народов. Адольф Пикте, один из пионеров кельтологии, особенно известен своей книгой «Происхождение индоевропейцев» («Les origines indoeuropeennes», 1859—1863). Эта работа послужила образцом для многих других и до сих пор остается самой увлекательной из них. Пикте стремится, основываясь на показаниях индоевропейских языков, вскрыть основные черты цивилизации «ариев»; он считает возможным установить ее различные аспекты: материальный быт (орудия, оружие, домашние животные), общественную жизнь (были ли они кочевниками или земледельцами), тип семьи, управление; он старается найти колыбель «ариев», которую он помещает в Бактрии; он изучает флору и фауну населенной ими страны. Его работа представляет самый значительный опыт, сделанный в этом направлении; развившаяся отсюда дисциплина получила название лингвистической палеонтологии. С тех пор делались дальнейшие попытки в этом направлении;

одна из последних принадлежит Герману Хирту («Die Indogermanen», 1905-1907)'. Для определения прародины индоевропейцев он опирается на теорию И. Шмидта (см. стр. 233); однако он часто прибегает и к лингвистической палеонтологии: словарные факты привлекаются им для доказательства того, что индоевропейцы были земледельцами, и он отказывается считать их родиной южную Россию, поскольку она более пригодна для кочевого образа жизни; повторяемость названий деревьев, в особенности некоторых пород (ель, береза, бук, дуб), наводит его на мысль, что родина их была лесистой и что находилась она между Гарцем и Вислой, а именно в районе Бранденбурга и Берлина. Напомним также, что еще до Пикте Адальберт Кун и другие пользовались лингвистикой для реконструкции мифологии и религии индоевропейцев.

Однако нам кажется, что нельзя требовать от языка показаний такого рода; причины, почему он не может их дать, по нашему мнению, следующие.

Прежде всего, недостоверность этимологии: мало-помалу выяснилось, сколь редки слова, происхождение которых установлено абсолютно надежно, и в ре-

зультате лингвистам пришлось стать более осторожными. Приведем пример, свидетельствующий о смелости прежних изысканий: сближают лат. *servus* «раб» и *servare* «сторожить», хотя, быть может, без особых на то оснований; затем первому из этих слов приписывают значение «сторож» и умозаключают, что раб первоначально был сторожем дома! А между тем нельзя даже утверждать, что *servare* имело вначале смысл «сторожить». Но это не все: смысл слов эволюционирует; значение слов часто меняется одновременно с перемещением местопребывания народов. Предполагалось также, что отсутствие слова служит доказательством

Ср. еще: d'Arbois de Jubainville, *Les premiers habitants de l'Europe*, 1877; O. Schrader, *Sprachvergleichung und Urgeschichte*; O. Schrader, *Reallexikon der indogennanischen Altertumskunde* (работы, появившиеся ранее труда Хирта); S. Feist, *Europa im Lichte der Vorgeschichte*, 1910.

225

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

отсутствия в первобытной культуре того, что этим словом обозначают, но это заблуждение. Так, например, слово со значением «возделывать землю» отсутствует в индоевропейских языках Азии; но из этого вовсе не следует, что земледелие было вначале там неизвестно;

оно могло быть оставлено данными народами позже или осуществляться иными приемами, которые обозначались иными словами.

Третьим фактором, подрывающим достоверность этимологии, является возможность заимствований. Вслед за вещью, входящей в обиход народа, в его язык может проникнуть и слово, служащее в другом языке для обозначения этой вещи; так, конопля лишь в весьма позднее время стала известна в средиземноморском бассейне, еще позже — в северных странах, и каждый раз название конопли заимствовалось вместе с заимствованием самого растения. Во многих случаях отсутствие внеязыковых данных не позволяет установить, объясняется ли наличие в нескольких языках одного и того же слова результатом заимствования или же оно доказывает преемственную общность его происхождения. Это вовсе не значит, что нельзя с уверенностью выделить некоторые общие черты и даже кое-какие конкретные факты; общие термины родства, например, встречаются в большом количестве, сохранив свою отчетливость до нашего времени; благодаря им можно утверждать, что у индоевропейцев семья была институтом столь же сложным, сколь и регулярным: в этом отношении их язык обнаруживает такие оттенки, которые непередаваемы, например, по-французски. Так, у Гомера *einateres* означает «невестки», *sigalooi* «золотки»; *n'scr.janitnces* соответствует греч. *einateres* и по форме и по значению. «Зять» называется иначе, чем «свояк». Здесь, таким образом, выявляется тщательная детализация родственных отношений. Но обычно приходится довольствоваться самой общей информацией. Тоже и в отношении животных: в наименовании важных пород, как, например, крупного рогатого скота, мы не только видим совпадение греч. *bous*, нем. *Kuh*, скр. *gau-s* т. д. со значением «корова» и можем, таким образом, восстановить индоевропейское **gi5u-s*, но обнаруживаем, что и склонение соответствующих слов во всех этих языках характеризуется одинаковыми признаками, что не было бы возможно, если бы речь шла о позднейшем заимствовании.

Позволим себе остановиться несколько подробнее на другом морфологическом факте, ограниченном определенной зоной распространения и относящемся к

сфере социальной организации.

Несмотря на все то, что было высказано по поводу связи лат. *dominus* «хозяин», «господин» с лат. *domus* «дом», лингвисты не чувствуют себя вполне удовлетворенными, так как здесь в высшей степени необычно употребление суффикса *-по-* для образования производного имени; в греческом нет таких образований, как **oiko-no-s* или **oike-no-s* от *oikos* «дом», в санскрите—таких, как **aṣva-ṇa-* от *aṣva-* «конь». Но именно эта редкость и сооб-

226

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫКА В АНТРОПОЛОГИИ И ДОИСТОРИИ

щает суффиксу слова *dominus* всю его значимость и характерность. Несколько германских слов являются, по нашему мнению, настоящими откровениями в этом отношении:

1) **peuaa-na-z* «вождь **peudo*», то есть «король», гот. *piudans*, ст.-сакс. *thiodan* (**peuaa*=гот. *piuda*=оск. *touto* «народ»);

2) **druyi-na-z* (частично изменившееся в **dru·yfi-na-z*) «вождь» *dru·[^]-ti-z*, откуда христианское обозначение «господа», то есть «бога»; ср. др.-сканд. *Drotinn*, англосакс. *Dryhten*, оба с конечным *-iṇa-z*;

3) **kindi-na-z* «вождь **kindi-z*» (=лат. *gens*), т. е. «рода». Поскольку вождь *gens* «рода» был по отношению к вождю **peudo* «народа» своего рода «вице-королем», германский термин *kindins* (в других языках полностью утраченный) был использован Ульфилой для обозначения римского губернатора провинции, ибо легат императора был, по германским представлениям, тем же самым, что и вождь клана по отношению к *piudans* «королю». Как бы ни была интересна эта ассимиляция терминов с исторической точки зрения, едва ли можно сомневаться, что слово *kindins*, чуждое римской обстановке, свидетельствует о подразделении германских племен на *Idndi-z*.

Таким образом, мы видим, что вторичный суффикс *-по-* присоединяется к любой германской основе и вносит в нее значение «вождь той или другой социальной группы». Остается только констатировать, что в таком случае лат. *tribunus* буквально означает «вождь *tri-bus*», то есть «трибы», подобно тому как *piudans* означает «вождь *piuda*», то есть «народа», и, наконец, точно так же *domi-nus* означает «вождь *domus*», где *domus*—мельчайшее подразделение *touta* или *piuda*—«народа». *Dominus* с его причудливым суффиксом представляется нам едва ли опровержимым доказательством не только языковой общности, но и общности в социальных институтах между эт-низмом италиков и эт-низмом германцев.

Однако мы должны еще раз напомнить, что сопоставление языков редко приводит к столь характерным наблюдениям.

§ 4. Языковой тип и мышление социальной группы [303]

Итак, если язык дает сравнительно мало точных и достоверных сведений о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком, то не может ли он служить хотя бы для характеристики типа мышления данной социальной группы? Достаточно распространено мнение, что язык отражает психологический склад народа, однако против этого взгляда можно выдвинуть весьма существенное возражение: языковые средства (*procede*) не обязательно определяются психическими причинами.

Семитские языки выражают отношение определяющего существительного к определяемому существительному типа франц. *la parole de Dieu* «слово бога» простым соположением обоих слов, которое сопровождается, правда, особой

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

constructus определяемого имени, помещаемым перед определяющим именем. Так, в древнееврейском соединении двух слов *aabar* «слово» и *'elohim* «боге давало словосочетание *dbar, 'elohim* со значением «слово бога». Станем ли мы утверждать, что эта синтаксическая конструкция открывает нам какие-либо особенности семитского мышления? Подобное утверждение было бы слишком смелым, так как в старофранцузском языке регулярно употреблялась аналогичная конструкция: ср. /е сот- *Roland* «рог Роланда», *les quatre fils Aymon* «четыре сына Эймона» и др. А между тем на романской почве эта конструкция развилась благодаря чистой случайности, столь же фонетического, сколь и морфологического характера: она была навязана языку в результате отпадения падежных окончаний. Почему не допустить, что и в прасемитском языке это синтаксическое явление было вызвано аналогичной случайностью? Таким образом, конструкция, которая, как кажется, является одной из характернейших черт семитских языков, не позволяет делать каких-либо определенных выводов относительно семитского мышления.

Другой пример — в индоевропейском языке не было составных слов с первым глагольным элементом. Но такие слова имеются в немецком языке: ср. *Bethaus* «дом молитвы», *Springbrunnen* «фонтан» и т. п. Но разве это свидетельствует о том, что в определенный момент своей истории германцы видоизменили один из унаследованных от предков модусов мышления? Как мы видели, это новшество обязано своим происхождением случаю не только материального, но также и отрицательного характера: исчезновению звука *a* в *betahus* (см. стр. 141). Все произошло независимо от деятельности сознания в сфере звуковых изменений, насильно толкнувших мысль на тот единственный путь, который предоставляется ей материальным состоянием знаков. Целый ряд подобных наблюдений убеждает нас в этом; психологический характер той или другой языковой группы мало значит по сравнению с таким фактом, как исчезновение одного гласного или перестановка ударения и прочими аналогичными явлениями, в каждый данный момент способными перевернуть взаимоотношения между знаком и понятием в любой из форм языка.

Не лишены интереса определения грамматического типа языков (как исторически известных, так и научно реконструированных) и классификация их в зависимости от приемов, используемых ими для выражения мысли; но из этих определений и классификаций нельзя с уверенностью делать каких-либо заключений о том, что лежит за пределами языка как такового.

Глава V**Языковые семьи и языковые типы [304]**

Мы только что видели, что язык непосредственно не подвластен мышлению говорящих. В заключение обратим особое внимание на одно из следствий из этого принципа: ни одна языковая семья не принадлежит раз и навсегда к определенному лингвистическому типу.

Спрашивать, к какому типу относится данная группа языков, — это значит забывать, что языки эволюционируют, полагать, что в этой эволюции есть какой-то элемент постоянства. Но во имя чего имеем мы право предполагать границы у этого развития, которое не знает никаких границ?

Правда, многие, говоря о характерных признаках какой-либо языковой семьи,

думают преимущественно о характере ее праязыка, и в таком случае проблема представляется вполне разрешимой, поскольку речь идет об определенном языке и определенной эпохе. Однако, если кто-нибудь станет предполагать наличие в языке каких-то постоянных признаков, над которыми не властно ни пространство, ни время, тот посягнет непосредственно на основные принципы эволюционной лингвистики. Неизменяющихся признаков, по существу, не бывает, они могут сохраняться только случайно.

Возьмем для примера индоевропейскую семью. Нам известны характерные признаки того языка, от которого произошла эта семья: очень простая система звуков; никаких сложных сочетаний согласных, никаких удвоенных согласных; бедный вокализм, характеризующийся, однако, в высшей степени регулярной системой чередований, глубоко грамматических по своей природе (см. стр. 156 и 221); музыкальное ударение, падающее в принципе на любой слог слова и потому используемое для подчеркивания грамматических противопоставлений; количественный ритм, покоящийся исключительно на противопоставлении долгих и кратких слогов; большой простор для образования сложных и производных слов; исключительно богатая именная и глагольная флексия; автономность в предложении отдельного слова, изменяющегося с помощью флексии и заключающего в самом себе все свои определения, и в результате этого — большая свобода конструкций при малочисленности служебных (грамматических) слов с детерминативным или релятивным значением (глагольные приставки, предлоги и т. д.).

Нетрудно убедиться, что ни один из этих признаков полностью не сохранился в целостном виде ни в одном из индоевропейских языков; что некоторые из этих признаков, как, например, роль

229

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

количественного ритма и музыкального ударения, вообще не встречаются ни в одном из этих языков и что такие языки, как английский, армянский, ирландский и ряд других, до такой степени изменили свой первоначальный индоевропейский характер, что кажутся представителями совершенно иного языкового типа.

С несколько большим основанием мы вправе говорить о более или менее общих трансформационных процессах, свойственных различным языкам какой-либо семьи. Так, указанное нами выше постепенное ослабление механизма словоизменения встречается во всех индоевропейских языках, хотя и в этом отношении они представляют значительные расхождения: наиболее сохранилось словоизменение в славянских языках, а в английском языке оно сведено почти на нет. С этим упрощением флексии следует поставить в связь другое явление, тоже довольно общего характера, а именно более или менее постоянный порядок элементов в предложении, а также вытеснение синтетических приемов выражения смысла приемами аналитическими: передача падежных значений предлогами (см. стр. 180 и ел.), образование глагольных форм при помощи вспомогательных глаголов и т. п.

Как мы видели, та или иная черта прототипа может отсутствовать в том или другом из восходящих к нему языков; но верно и обратное: нередко случаи, когда общие черты, свойственные всем представителям семьи, не встречаются в праязыке, — примером может служить гармония гласных, то есть ассимиляция качества всех гласных в суффиксах последнему гласному корня. Это явление свойственно обширной урало-алтайской группе языков, на которых говорят в

Европе и Азии, от Финляндии до Маньчжурии; но, по всей вероятности, это замечательное явление связано с позднейшим развитием отдельных языков этой группы; таким образом, это черта общая, но не исконная, а это значит, что в доказательство общности (к тому же весьма спорной) происхождения данных языков на гармонию гласных ссылаться нельзя, как нельзя ссылаться и на их агглютинативный характер. Установлено также, что китайский язык не всегда был односложным.

При сравнении семитских языков с реконструированным пра-семитским мы сразу же поражаемся устойчивости некоторых их черт; более всех прочих семей эта семья языков производит впечатление единства неизменного, постоянного и присущего всей семье. Оно проявляется в следующих признаках (некоторые из них резко противоположны характерным чертам индоевропейской семьи): почти полное отсутствие сложных слов, ограниченная роль словопроизводства, малоразвитая флексия (впрочем, более развитая в языке, чем в восходящих к нему языках), с чем связано подчинение порядка слов определенным строгим правилам. Самая замечательная черта проявляется в устройстве корней (см. стр. 230): они регулярно состоят из трех согласных (например, *q-t-l* «убивать»); эти корневые согласные сохраняются во всех формах одного слова внутри данного языка (ср. др.-евр. *qatal* «он

230

ЯЗЫКОВЫЕ СЕМЬИ И ЯЗЫКОВЫЕ ТИПЫ

убил», *qatia* «она убила», *qtol* «убить», «убей, ты (мужчина)!», *qitll* «ты (женщина) убей!» и т. д.) и даже в разных языках (ср. араб. *qa-tala* «он убил», *qutila* «он убит» и т. д.), — иначе говоря, согласные выражают «конкретные значения» слов, их лексическую значимость, тогда как чередующиеся гласные, правда с помощью некоторых префиксов и суффиксов, обозначают исключительно грамматические категории: например, др.-евр. *qatal* «он убил», *qtol* «убить», «убей, ты (мужчина)!», с суффиксом—*qatl-ü* «они убили», с префиксом—*ji-qtol* «он убьет», «он убивает», с тем и другим—*ji-qtl-й* «они убьют», «они убивают» и т. д.

Перед лицом этих фактов и вопреки тому, как их иногда истолковывают, мы настаиваем на провозглашенном нами принципе:

неизменных признаков не бывает; их постоянство есть дело случая; если какой-нибудь признак в течение долгого времени все же сохраняется, то он все равно в любой момент может исчезнуть. Что касается признаков семитских языков, то заметим, что «закон» трех согласных не так уж характерен для этой семьи, ибо и в других семьях встречаются совершенно аналогичные явления. Так, и в индоевропейском языке консонантизм корней подчиняется строгим правилам: в них, например, никогда не встречается после с сочетание двух звуков из ряда *i, и, г, I, т, л*; корень типа **serl* здесь невозможен. То же можно сказать, с еще большим основанием, о роли гласных в семитских языках: нечто аналогичное, хотя и в менее развитом виде, встречается ведь и в индоевропейских языках—такие противопоставления, как древнееврейские *dabar* «слово», *dbur-Tm* «слова», *dibre-kem* «ваши слова», напоминают нем. *Gast* «гость»: *Gaste* «гости», *fliessen* «течь»: *floss* «тек» и т. п. В обоих случаях генезис грамматического приема один и тот же. И тут и там речь идет о чисто фонетических превращениях, вызванных слепой эволюцией; порожденные этой эволюцией чередования были удержаны сознанием, связавшим с ними определенные грамматические значимости и распространившим их применение по аналогии с образцами, созданными случайным действием фонетического развития. Что же касается неизменности трехсогласного характера семитского

корня, то она является относительной и ничего абсолютного не заключает. В этом можно быть уверенным a priori; но это подтверждается и фактами: так, например, в древнееврейском корень слова 'anas-Тт «люди» состоит, как и следует ожидать, из трех согласных, но в единственном числе 'is «человек» их всего только две, и получилось это в результате фонетического сокращения более древней формы, заключавшей в себе три согласных. Впрочем, если даже и принять эту мнимую неизменность, следует ли видеть в ней нечто присущее самим корням? Нисколько! Дело просто заключается в том, что семитские языки меньше многих других подверглись фонетическим изменениям, вследствие чего в них лучше, чем в других языках, сохранились согласные. Таким образом, все это является исключительно

231

ВОПРОСЫ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

результатом эволюции, чисто фонетическим, а вовсе не грамматическим явлением, неизменным по своему характеру. Утверждение о неизменности корня равносильно утверждению, что корни никогда не подвергались фонетическим изменениям,—ничего иного в этом утверждении не содержится; однако нельзя поручиться, что изменение никогда не произойдет. Вообще говоря, все, что создано временем, может быть временем же переделано или уничтожено.

Давно признано, что Шлейхер насиловал действительность, рассматривая язык как нечто органическое, в самом себе заключающее свои законы развития; а между тем продолжают, даже не подозревая этого, видеть в языке нечто органическое в другом смысле, полагая, что «гений» расы или этнической группы непрерывно направляет язык на какие-то определенные пути.

Из сделанных нами экскурсов в пограничные области нашей науки вытекает следующий принцип чисто отрицательного свойства, но тем более интересный, что он совпадает с основной идеей этого курса: *единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя* [305].

Приложения

Редакция выражает благодарность И. М. Любарский за помощь в переводе с итальянского языка и Т. П. Брусницшуй — за помощь в переводе с немецкого.

Биографические и критические заметки О Ф. де Соссюре

1. Семья

Фердинанд де Соссюр родился 26 ноября 1857 г. в Женеве¹. Семья его была одной из самых известных и старинных в городе: ее основателем был Монжен, или Манжен Шуэль, выходец из города Соксюр-сюр-Мозелотт (Лотарингия), советник и главный сокольничий герцога Лотарингии. Его сын Антуан (1514-1569) унаследовал посты и имущество от родителя, но впоследствии стал сторонником Кальвина, был обвинен регентшей Кристиной в приобщении молодого герцога Шарля к реформированной религии и в 1550 г. посажен в тюрьму. Совершив побег, в 1552 г. он покидает Лотарингию со всеми своими близкими и после долгих лет странствий, побывав в Невшателе, Страсбурге и других городах, он находит в Лозанне и Женеве (в 1556 г. он стал официальным гражданином

Bur-net, 1930. Подробной биографии Соссюра не существует. Источниками биографических записей, помимо швейцарских биографических справочников, в хронологическом порядке являются: Bally 1913 b; F. d. S. (= Ferdinand de

Saussure (1857-1913), некоммерческое, недатированное издание, появившееся по инициативе г-жи Мари Соссюр в марте 1915 г., в Женеве, повторное издание Жака и Раймона Сос-сюр, 1962 г.), с памятными статьями и речами (см. ниже *Список библиографических сокращений*); *Steitberg* 1914 (на с. 204 видно, что он отсылает к редакции, отличной от «*Souvenirs*»: см. ниже); *Duchosal*, 1950; *Benveniste* 1965; *Floury* 1965 (две последние являются фундаментальными для описания периода жизни в Париже). Информация имеется также в *Rec. (Recueils des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure. Geneve, 1922; с предисловием Ш. Балли и Л. Готье)* и в записях и письмах самого Соссюра (полный перечень в *Godel*, 1960), из которых на данный момент изданы *Notes (= Notes inedites de F. d. S. / Ed. Par R. Godel // C. F. S. 1954. 12. 49-71)*, *Souvenirs (Sow. De F.d.S. Concernant sa jeunesse et ses etudes / Ed. Par R. Godel IIC.F.S. 1964.12-25)*, *Let-tres (Lettres de F.d.S. a Antoine Meillet I Ed. Par E. Benveniste // C. F. S. 1964. 21.89-130)*. Очевидна и важность записей учеников, присутствовавших на лекциях по общей лингвистике: тетради с записями второго курса изданы в 1957 г. (*F. d. S. Cours de linguistique generale (1908-1909). Introduction // C. F. S. 1957. 15.3-103*; итальянский перевод с предисловием был издан Р. Симон, Рим, 1970; перевод учитывает лучшие прочтения рукописей, обязанные своим появлением самому Р. Гodelю) и тетради Е. Константэна, начиная с 1959 г. (*Godel R. Nouveaux documents saussuriens. Les cahiers E. C. // C. F. S. 1959. 18. 23—32*). Весь материал авторских лингвистических записей и записей студентов включен сегодня в критическое издание К. О. Л. Р. Энглера (Wiesbaden, 1967 и ел.). Информация из неизданных материалов и устных первоисточников находится в основном труде Соссюра по филологии: *S M. (= Godel R. Les sources manuscrites du Cours de linguistique generale de F. d. S. Geneve; Paris, 1957; труд был переиздан в 1969 г.)*. Недавно были опубликованы другие соссюровские тексты: тексты об анаграммах в

235

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

второго из них) то гостеприимство, которое они, в особенности Женева, оказывали угнетенным всей Европы. Основная ветвь семьи, начиная с Эли де Соссюр (1635-1662), сыном Жана-Батиста (умершего в 1647 г.) остается жить в Женеве (где Антуан в 1569 г. скончался); таким образом, устанавливается связь Соссюров с Женевой, этой «протестантской Спартой», «душой всего того, что было сильного, правого, а также гордого и нетерпимого в протестантском движении» (Ficher).

В начале XVIII в. Соссюры покупают у Ж. А. Люллэна красивый дом на улице Сите; несколькими годами позже, в 1723 г., у них был уже и загородный дом в Кре де Жантод в небольшой лесистой бухте Лемана. Именно в этот период рождается первый из Соссюров, проявивший себя в научных исследованиях: Никола (1709-1791), адвокат, агроном с европейской репутацией, сотрудничавший в этой области с *Энциклопедией* (откуда берет начало его труд *Vignes, raisins, vendanges et vins [Виноградники, виноград, сбор винограда и вина]*. Lausanne, 1778). Его сын, Гораций Бенедикт (17 февраля 1740 - 22 января 1799), в среде женевских интеллектуалов XVIII в. занимал едва ли не первое место и, возможно, уступал лишь Жан-Жаку Руссо. Он удивительно рано проявил свои таланты, о чем свидетельствуют биографы его внучатого племянника, отмечая сходство природных задатков: в 22 года он уже профессор философии и естественных наук в Академии Женевы, ректором которой станет впо-

следствии, в 1774-1775 гг.; он интересуется ботаникой, учением об электрических и магнитных явлениях, механикой, минералогией, гидрологией, геологией; 3 августа 1787 г. он предпринимает знаменитое восхождение на Монблан; его научные заметки включены в несистематизированной форме в *Voyage dans les Alpes precedes d'un Essai sur l'histoire naturelle des environs de Geneve* [Путешествие в Альпы с предварительным очерком о естественной истории окрестностей Женевы]. Vol. 4. Neuchatel; Geneve; Paris, 1779-1796. Двое из его детей продолжили дело отца: дочь—Альбертин-Адриен (1766-1841), автор *Education progressive* [Прогрессивное воспитание], супруга Жака Неккера (профессора ботаники в Женеве), кузина и подруга г-жи де Сталь, переводчица *Драматургии* Шлегеля, состоявшая в дружеских отношениях с наиболее крупными представителями идеалистической и романтической Германии, а в Женеве — с Адольфом Пикте, первым учителем Фердинанда (см. *Bernandi-ni sA. M. II pensiero educative di A. N. de S. Florence, 1965. XXXIV*, письмо, работах *Starobinski 1964, 1967, 1969*; переписка с Асколи в *Gazdaru 1967*; *Morphologic* (три лекции из женевского курса 1894-1895 гг.) в работе *Godel 1969. 26-38*; тексты о понятии *спивал* и *выражение* в комментарии (см. ниже). Неизданные фрагменты находятся также в издании *Englei 1969*.

Собрать то, что осталось от переписки Соссюра, и внимательно изучить лекции по индоевропейской, германской филологии и т. д. — вот задачи, которые предстоит решить соссюрской филологии. О портретах Соссюра см.: *Benveniste 1965 ad. 21* (фотография, относящаяся к эпохе *Memoire*, в Буасона, принадлежащая г-ну Жаку де С.); *Benveniste 1965. 34, Fleury 1965. 35* (репродукция портрета, написанного маслом на холсте *Horas de S.*, принадлежащего Жаку де С., хранящаяся в Вюфлансе, относящаяся к парижскому периоду); *Fleury 1965. 52-53* (фотография из «*Gazette de Lausanne*», относящаяся к последним годам жизни, лицо и бюст в две трети); *Streitberg 1914* (фото, относящееся к последним годам жизни, профиль, повернутый налево, с автографом; возможно, идентичное клише *F. H. Julien* в *Oltramare 1916.257*); *Duchosal 1950* (профиль, повернутый направо, клише *Амор*, также относящееся к последним годам жизни).

236

адресованное Пикте (1822), о диалектическом соотношении необходимости накопления «большого количества фактов» и построения «системы»); сын — Никола Теодор (1767-1845), дед Фердинанда, химик, натуралист, профессор геологии и минералогии в Женеве (помимо прочего, ему принадлежит выявление и описание процесса образования минерала, который он назвал соссюритом, в честь отца).

Старший сын Никола Теодора был назван Теодором (1824-1903). В течение полувека (1850-1900) он был мэром Жан-года, дважды избирался депутатом в Большой Совет, был полковником швейцарской артиллерии, патриотом (возможно, он принимал участие в возвращении своего племянника из Парижа на родину), президентом швейцарского Общества искусств, основателем и президентом швейцарского Общества исторических памятников, автором двух драматических произведений, а также исследования *Etudes sur la languefrançais. De l'Orthographe des nomspropres* [Об орфографии имен собственных во французском языке]. Супруга Теодора, общепризнанная глава семьи, посвятила себя передаче племянникам «традиций и культа предков...». Второй сын, Анри, (27 ноября 1829 — 20 февраля 1905) занялся изучением геологии, стал доктором в Гессене, затем *honoris causa* в Женеве. В возрасте 25-27 лет он предпринял

длительное исследовательское путешествие на Антильские острова, в Мексику, Соединенные Штаты и привез оттуда ценные коллекции минералов и энтомологические коллекции. По возвращении на родину он женился на представительнице одной из аристократических семей Женевы, m-lle Пуртале. От их брака появились на свет Фердинанд, а после него Гораций (1859-1926), офортист, портретист и пейзажист (сохранился портрет Фердинанда, написанный им в замке Вюфланса:

см. сноску 1 на с. 235); Леопольд (1866-1925), с 1881 г. — морской офицер Франции (*Valois* 1913.127), с 1899 г. посвятивший себя исследованиям аннамитской и китайской культуры и изучению древней китайской астрономии;

Рене (род. в 1868 г.), математик, в 27 лет — профессор католического университета Вашингтона, приват-доцент в Женеве, затем в Берне (1904-1924), автор философских работ и работ по логике искусственных и естественных языков.

Вот в такой среде, где «наивысшая интеллектуальная культура стала традицией» (Meillet) рос молодой Соссюр.

Ему было с кого брать пример. Его прадед Гораций Бенедикт был отцом альпийской геологии, минералогии и метеорологии... Его отец... также натуралист, внушал, например, своим детям необходимость методической работы и учил их не довольствоваться полученными результатами... По-видимому, его мать... обладала замечательным умом и вкусом, будучи, помимо прочего, прекрасным музыкантом. Скромная элегантность дома в Крё де Жантод с его прелестным газонем, окруженным двойным рядом столетних деревьев, зеркальная поверхность озера, Альпы на горизонте летом; зимой — просторная квартира в Тертассе в Женеве, со стеклянными шкафами, наполненными самыми разнообразными коллекциями, книгами, альбомами, многочисленными гравюрами. Вот в какой среде... рос Фердинанд де Соссюр (Davide).

Его чувства сливались с дорогами ему пейзажами, с местами, где ему был знаком каждый уголок. Крё де Жантод, где огромные каштаны отбрасывают тень, подобную тени древнего монастыря, с улицами, ниже которых он видел голубые дали нашего озера, а выше — вершину Монблана, покоренную впервые ученым предком,— все это напоминало ему и о славе семьи, и о его детских играх и воспоминаниях, разделяемых со столькими милыми братьями и сестрами в этом земном раю. Кроме того, была высокая терраса

237

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

в Тертассе, аристократический дом, где грациозная хозяйка дома... поддерживала традиции и культ предков... (F. de Crue) .

2. Начало учебы

Соссюр начал свою учебу в коллеже Хофвила недалеко от Берна, где ранее учился А. Пикте, автор работы *Origines indo-europeennes. Essai de pale-ontologie linguistique* (In 2 vol. Geneve, 1859-1863). Он стал одним из опекунов Соссюра в период его детства. Соссюр познакомился с ним в возрасте 12—13 лет, во время летнего отдыха на даче в Маланье (Версуа). Соссюр сам рассказывает о своих разговорах со старым ученым, о своем еще детском энтузиазме относительно лингвистической палеонтологии и этимологии, усиленном его дедом по материнской линии, Александром Жозефом де Пуртале, конструктором-любителем, строившим *яхты* согласно тонким математическим законам и, по словам Соссюра, автором этимологии, не более прочных, чем его яхты, погружавшиеся в волны Лемана, едва их спускали на воду. Как бы то ни было, пре-

данный отныне лингвистике, благодаря Пикте и своему деду, в 1870 г. Соссюр поступает в институт Мартин, где профессор Миллене, умерший в девяностолетнем возрасте немногим ранее 1913 г., приобщает его к греческому языку на основе грамматики Хааса. Изучив этот язык (он знал к тому времени французский, немецкий, английский и латинский языки), Соссюр решает попробовать заняться «общей системой языка» и в 1872 г. заканчивает рукопись, названную *Essai sw les tongues*, посвященную Пикте. Основной ее тезис заключается в том, что, исходя из анализа любого языка, можно добраться до двух- и трехконсонантных корней, если исходить из условия, что $p = b \neq v$, $k = g = ch$, $t = d \neq th$. «Доказательств» было множество. Например, R — K было «универсальным знаком неограниченного могущества: *rex, reps; ρήγυριμ; Rache, rugen;* и т. д.», как напомним об этом сам Соссюр в своих *Воспоминаниях [Souvenirs]*. Пикте любезно откликнулся на старания мальчика, предлагая ему упорно продолжать изучение языков, но держаться подальше от «любой универсальной системы языка». Влияние ученого, которому было в то время более семидесяти лет, на молодого юношу должно быть имело масштабы, гораздо большие, чем этот эпизод. Пикте рассказывал ему о своих исследованиях, о своих интересах: учитывая, что он был другом и соратником Кузена и другом В. фон Шлегеля (которого он познакомил с французской и швейцарской культурой с помощью своей подруги Альбертины-Андриен, тети Фердинанда) и что он занимался эстетикой в духе теорий своих учителей-идеалистов — Гегеля, и в особенности Шеллинга, вполне вероятно, что он является первым посредником между Соссюром и романтической и идеалистической культурой. Если это не более чем гипотеза, то, напротив, совершенно точно, что Соссюр нашел в нем пример того, как надо жить: в 1878 г., через три года после смерти автора, вышло второе издание книги Пикте, и Соссюр написал на него рецензию («Journal de Geneve», 17, 19 и 21 апреля 1878 г. = *Recueil*. 391-402), в которой,

¹⁰ семье и среде, в которой рос С., см. Champignon M., Cuvier, Anon.: Saussure (Nicolas de), S. (Horace-Benedicte de), S. (Nicolas-Theodor de) // *Biographic universelle ancienne et moderne*. Paris, s. d. Vol. 38. P. 75-79; Saussure // *Nouvelle biographic generale*. Vol. 43. Paris, 1867; Meillet 1913. CLXV (= P. d. S. 69: исправить «дед» на «прадед»), David 1913, De Crue // P. d. S. 15-23, Streitberg 1914.204, Brunei 1930. Сведения о двух домах Соссюра можно найти в любом путеводителе по Женеве, даже в кратком. Цитаты Н. А. Л. Fisher взяты из *Storia d'Europa*. Vol. II, Ie nd. Ban, 1938. P. 125, 129.

238

как кажется, можно найти секрет призвания того, кого Бенвенист называл «основположником»:

Казалось бы, следует отказаться от попыток найти в работах, настолько разнообразных, что мы назвали лишь наиболее значительные, ту секретную нить, общую идею, соединяющую в одно целое все продукты одного мозга. И однако, если присмотреться более внимательно, можно без труда увидеть, что все работы Пикте появились из одного и того же очага мысли. Прежде всего, он обладал неумемной любознательностью, питал пристрастие к исследованиям, находящимся на дальних рубежах человеческого знания. Пикте останавливался перед всеми сфинксами и размышлял над всеми тайнами... Кажется, что известные факты являются лишь базой для открытия неизвестного, членами уравнения, которое надо составить и, если возможно, решить... Именно здесь, на границе воображения и науки, предпочитала развиваться его мысль (*Rec*. 394-395).

Осенью 1872 г. его родители решают, что мальчик еще недостаточно «созрел» для гимназии, и заставляют его проучиться один год в публичном коллеже. В эти годы молодой человек выглядел следующим образом:

Его очаровывала, гипнотизировала любая проблема: он смотрел на нее с разных сторон, копал вглубь, не оставлял ее до тех пор, пока не формулировал для себя и для своих друзей решение, которое он излагал с резкостью суждений, удивительной для подростка, каким он тогда был. После этого он заявлял, что истина может быть иной и даже противоположной. Таким образом, поскольку он не только стремился к безапелляционности суждений, но и испытывал уважение к истине, то через несколько мгновений после того, как он высказал свое мнение, можно было подумать, что он выстроил все это только для того, чтобы показать, насколько непрочен тезис, не имеющий достаточных оснований (Davide).

Его вкус к антитезам представляется скорее врожденной привычкой, чем влиянием образования.

Однажды в классе читали отрывок из Геродота, и этот еще «недостаточно зрелый» юноша столкнулся с формой третьего лица множественного числа одного из многочисленных «исключений» греческой грамматики: τῆτάχῃται.

В тот момент, когда я увидел форму... мое внимание, обычно крайне рассеянное, что было естественным в этот год повторения, было разбужено необычным образом, так как я только что произвел следующие рассуждения...

λεῦαρεῖθα: λῆϋονται, следовательно τῆτάϋρεῖθα: τῆτάχῃται, и, следовательно, N = ε.

Таким образом, в шестнадцать лет, за три года до Бругмана, Соссюр открыл в предыстории греческих форм *назальный сонант*.

В 1873 г. он записывается в гимназию; и, следуя советам Пикте, в 1874 г. он начинает изучать санскрит по грамматике Боппа, найденной в Публичной библиотеке Женевы. Возможно, именно к этим годам относится первый контакт с Полем Ольтамаром, профессором латинского языка и литературы в университете Женевы и индианистом³. В библиотеке

³ Возможно, Поль Ольтамар является тем персонажем, на который намекает Ф. де Крю в своей речи (*F. d. S.* 1 б): «Этот достойный потомок выдающихся ученых [Соссюр]... получив образование в Женеве, в особенности на лекциях добровольного гида, большого друга, которого я вижу здесь... и т. д.». Профессор Годель писал мне (частное письмо от 20 января 1967 г.): «Я проконсультировался у г-на Леопольда Готье, который, на основании своих собственных воспоминаний и воспоминаний профессора Поль-Е. Мартена, говорит мне, что персонажем, указанным деканом де Крю, *вероятно*, является Поль Ольтамар».

239

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ
филологического факультета Соссюр находит второе издание *Grundzuge der griechischen Etymologic* [Основы греческой этимологии] Курциуса.

В 1875 г., в возрасте 18 лет, он оставляет гимназию: исполняя желание родителей и соблюдая семейную традицию, он записывается на курс физики и химии университета Женевы. Но его интересуют совершенно другие области, исследованием которых занимался его недавно умерший учитель Пикте. Одновременно он посещает курс философии и истории искусств и намеревается продолжить занятия лингвистикой. На филологическом факультете профессором «лингвистики и филологии» уже в течение двух лет является Жозеф Верт-

геймер, сменивший некоего Краусса, преподававшего с 1869 по 1873 гг. тот же самый предмет, называвшийся «филология», затем — «сравнительная лингвистика». Вертгеймер (Сульц, 1833 — Женева, 1908) будет возглавлять кафедру до 1905 г., когда на его место придет Фердинанд де Соссюр. Будучи теологом и главным раввином Женевы в течение более полувека, Вертгеймер был недалек от полного невежества в области лингвистики. За тридцать лет преподавания его единственным трудом был небольшой опус *Лингвистика. Речь, произнесенная 30 октября 1877 г. на открытии курса лингвистики* (Женева, 1877)—плохо замаскированный плагиат (*SM.* 29) лекции М. Бреала *De la forme et de la foriction des mots [О форме и о функции слов]* (Paris, 1866). Соссюр, обладающий здравым смыслом, избегает профессора лингвистики и, напротив, посещает лекции по греческой и латинской грамматике приват-доцента Луиса Мореля, практически повторяющего то, что он узнал в прошлом году в Лейпциге, на практических занятиях и семинарах Георга Курциуса. Соссюр ведет долгие разговоры с Морелем, особенно по вопросу, который занимает его уже в течение трех лет: Курциус в своих *Grundzuge* приходит к корням с *-п-* в таких случаях, как $\mu\epsilon\mu\alpha\acute{\omega}\varsigma$, но что он говорит об альфе $\tau\epsilon\tau\acute{\alpha}\chi\alpha\tau\alpha\iota$, $\tau\alpha\tau^{\wedge}\varsigma$? Но Морель не дает удовлетворительного ответа. Соссюр находит *Vergleichende Grammatik [Сравнительную грамматику]* Боппа: открытие звонкого *-г-* древнеиндийского языка выводит его на верный путь (если возможно *bhrtas*, почему бы не допустить также и **tntas!*), но затем он отклоняется от правильного пути, принимая ошибочную теорию Боппа о более позднем характере типа *bhrtas* по отношению к греческому $\phi\epsilon\rho\tau\acute{o}\varsigma$. Бопп является величайшим авторитетом для молодого женева: у Соссюра пропадает желание искать другие доказательства существования первоначального назального сонанта. Во всяком случае, Соссюр сделал свой выбор. Весной 1876 г. через своего друга Леопольда Фора он направляет Абелью Бергэню просьбу записать его в основанное недавно Парижское лингвистическое общество. 13 мая 1876 г. он принят и, таким образом, фигурирует в списке членов Общества на 1 января 1878 г. как студент философии, живущий в Лейпциге, Хоспитальштрассе, 12: М. S. L. (Записки Лингвистического общества) 1878. 3). В 1876 г. многие женеvские друзья Соссюра (Эдуард Фавр, Люсьен, Рауль и Эдмонд Готье) изучают теологию и право в Лейпциге; родители Соссюра отвечают согласием на выбор молодого человека. Он может поехать в знаменитый немецкий университет и, самое главное, изучать там лингвистику .

⁴ По этому параграфу см.: *Saussure. Souvenirs.* 16-20, а также *Streitberg* 1914.204;

fsvnIIF. d. S. 27-28; йоте/е 1913. 37; *Meillet* 1913 (= *F. d. S.* 70-71; заменить «гимназия» на «публичный коллеж» и $\tau\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ на $\tau\epsilon\tau\acute{\alpha}\chi\alpha\tau\alpha\iota$; но важно само свидетельство, так как оно показывает, какое значение этому эпизоду придавал Соссюр); *Bally* 1913. О Вертгеймере см. также: *Diction, hist. et biograph. de la Suisse; o* Пикте — в основном отчет от 1878 г. и, в частности, с. 391,394,395 в *Recueil. Essai sur les langues* упоминается в *Souvenirs.* 16 как *Systems generate du langage*, но назван *ibid.* 19 *Essai...*, и 240

3. Лейпциг и «мемуар» [«MEMOIRE»]

В Лейпциге Соссюр прожил 4 года, включая длительный период пребывания в Берлине, с осени 1876 до первого семестра 1880 г. В течение 1876 г. (*Streitberg* 1914. 204) до приезда в Лейпциг он готовит свои первые доклады для

Общества: первый был прочитан в Париже на заседании 13 января 1877 г. М. S. L. 1877 содержит различные заметки 19-летнего студента 'Lesuffixe -T- [Суффикс -Г-] (197 et sv. = Rec. 339-352) и 5кг *ipe classe de verbes latins en -eo* [О группе латинских глаголов на -eo] (179-192 = Rec. 353-369), «еще частично отмеченные теориями предшествующей эпохи» (Meillet), «не показывающие когтей льва» (Streitberg); однако намечаются уже некоторые тенденции: он «ссылается на авторитет» Боппа, но цитирует *Compendium* Шлейхера (Rec. 352), соблюдая дистанцию, принимая скорее критическую позицию Бреалля (Meillet. *Linguistique historique et linguistique generate*. 2. 218).

Осенью 1876 г. Соссюр приезжает в Лейпциг. Он отправляется к Г. Хюбшману, чтобы посещать *privatissimum* по древнеперсидскому языку, и великий иранист во время их разговора интересуется его мнением относительно гипотезы, сформулированной К. Бругманом. Согласно этой гипотезе -ε- в таких формах, как $t\dot{h}t^{\wedge}c$, восходит к первоначальному назальному сонанту, превратившемуся в -т- в германских языках. Это открытие вызвало у молодого женева разные чувства: разочарование (это чувствуется в отчете, хотя и ироническом, в *Souvenirs*. 20-21) от потери преимуществ, которые могло бы дать ему это открытие, но одновременно и новая вера в свои возможности. Первым доказательством этого является третья работа, написанная Соссюром для Общества (*La transformation latine de П en ss suppose-t-il т in-intermediaire st?* [Предполагает ли превращение латинского tt e ss промежуточное st?]. См.: М. S. L. 1877. 3. 293-298 = Rec. 379-390)6 и особенно четвертая, написанная в ноябре-декабре 1876 г. (Streitberg 1914. 204). Наиболее обоснованный результат последней (*Essai d'une distinction des differents a indo-europeens* [Очерк о различии различных индоевропейских а]. См.: М. S. L. 1877. 3. 359-370 = Rec. 379-390), одновременно появившийся также и у других (это станет основой намеков Остхофа в работе *Die neuste Sprachvorschung*. 14, безосновательность которых показал Streitberg 1914. 204-206), — приписывание гласных тембра е индоевропейскому языку, на основании различной обработки задненёбных звуков древнеиндийского языка перед а, соответствующими а, о греческого и латинского языков, и перед а, соответствующими греческим и латинским е. С первых страниц молодой автор извиняется за пробелы в своих знаниях и обещает провести «последующее и более обширное исследование этой темы». После прочтения своего доклада в Париже Соссюр посвящает себя написанию *Memoire*; уже в течение года он возвращается в научной среде Лейпцига.

Помимо лекций Хюбшмана по древнеперсидскому языку, Соссюр посещает лекции Виндиша по древнеирландскому языку (записи этих лекций он хранит в тетрадях, названных им *Altirische Grammatik*. SM. 15), лекции Брауна по истории немецкого языка, А. Лескина по истории славянского и именно так называет его *Bally* 1913 (= *Le langage etc*. 3' ed. 147), видевший рукопись этой работы, впоследствии утерянную. О дате: Балли говорит о возрасте 17 лет, т. е. — в 1874 г., но происшедший в этот год эпизод с реконструкцией назального сонанта и знание санскрита показывают нам гораздо большую зрелость Соссюра в плане теории и техники, так что предпочтительней дата 1872 г., указанная в *Souvenirs*. Впрочем, по-видимому, при написании *Essai* санскрит не использовался, так что знание этого языка (1874 г.) может быть взята как подходящий крайний срок.

литовского: отношения с Лескином имеют большое значение, так как первый сторонник тезиса младограмматиков о слепом характере фонетических законов (До/е///1965. 160, 171) был также переводчиком Уитни (см. ниже с. 248) и другом Нурена (см. ниже с. 291). И самое главное, теперь Соссюр может слушать Г. Курциуса, на семинарах которого он делает два *Vortrag* [нем, доклада], один из которых посвящен «окультурному» аблауту типа λαθεῖν:

λέλαθα, δάμνε-μεν: δάμνη-μι. Бругман (из лекций которого Соссюр прослушал лишь одну, о чем он пишет в *Souvenirs*, и лишь две лекции Остгофа), не присутствовавший на семинаре, на следующий день подошел к Соссюру и потребовал указать ему другие случаи чередования типа *status: stator*, что доказывает, по мнению Соссюра (*Souvenirs*. 21-23), насколько идеи Бругмана об аблауте были еще расплывчаты.

Сразу, или почти сразу, возникает некоторое напряжение в отношениях Соссюра с молодыми профессорами Лейпцига: постоянное сожаление о назальных сонантах, первые намеки Остгофа, затем горячая полемика, начатая последним против Соссюра и Мёллера и дошедшая до оскорбления (см. ниже), заговор молчания, встретивший *Memoirs*, — это лишь отдельные примеры его проявления. Не случайно единственным новым другом Соссюра в Лейпциге, не считая специалиста по эпиграфике Теодора Баунака, стал Рудольф Кегель, ученик Брауна и противник Бругмана. В течение двух семестров 1877 г. и первого семестра 1878г. Соссюр пишет несколько незначительных работ (*Exceptuins au rhotacism II* M. S. L. 1877. 3. 299; / *U = ES, OS II* M. S. L. 1877. 3.299 = *Rec.* 376, 377-378) и *Memoire*. В июле 1878 г. Соссюр едет в Берлин, где слушает курс лекций специалиста по санскриту Германа Олденберга и кельтолога и инданиста Генриха Циммера, переводчика Уитни (оба они были в тот период приват-доцентами). Соссюр возвращается в Лейпциг в конце 1879 г.

(*Souvenirs*. 15; *Streitberg* 1914. 210). К тому времени прошел уже год с момента публикации *Memoirs*, и, несмотря на все проявления враждебности, имя Соссюра стало известно: незадолго до защиты диссертации молодой человек приходит на лекции одного германиста в Лейпциге, Ф. Царнке, который благожелательно спрашивает его, не является ли он родственником автора *Memoire*, знаменитого швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра (*De Crue II* F.d.S. 16; *Wackemagel* 1916. 165).

Memoire sur le systems primitif des voyelles dans les langues in-do-europeennes [Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках] выходит в свет в Лейпциге, в 1878 г. (дата фронтисписа— 1879 г.; переиздание в Париже, 1887 г.). В преамбуле мы видим черты, которые станут типичными для поведения Соссюра в науке:

Изучение многочисленных форм, в которых проявляется то, что называют индоевропейским *a*, — такова ближайшая цель этой небольшой работы: другие гласные будут рассматриваться лишь постольку, поскольку явления, характерные для *e*, предоставят для этого повод. Но если, дойдя до конца очерченной таким образом области, картина индоевропейской системы гласных постепенно изменится на наших глазах и если мы увидим, что вся она группируется вокруг *a*, занимает иное отношение к ней, ясно, что в радиус нашего наблюдения фактически попадет вся система гласных в ее совокупности, и, значит, на первой странице должно быть написано ее название.

Нет ни одного предмета, о котором было бы больше споров: мнения делятся почти до бесконечности, различные авторы редко представляют свои идеи с совершенной точностью. К этому добавляется то, что вопрос, касающийся *a*, свя-

зан с рядом проблем фонетики и морфологии, часть из них ожидают своего решения, а многие еще даже не были поставлены. Итак, в ходе нашего странствования нам придется пройти по наиболее невозделанным участкам индоевропейской лингвистики. Если тем не менее мы решаемся на это,

242

будучи изначально убеждены, что наша неопытность не заблудится в лабиринте, мы делаем это потому, что для того, кто занимается этими исследованиями, рассмотрение подобных вопросов не является дерзостью, как это часто говорят: это необходимость, это первая школа, которую следует пройти; ведь здесь речь идет не о спекуляциях возвышенного порядка, а о поиске элементарных данных, без которых все плывет, все является произвольным и неточным (*Memoire. 1-2 = Rec. 3*).

Выводы *Memoire* были неоднократно обобщены (*Meillet 1913; Streitberg 19H; Meillet 1937.473^75; Waterman 1963.43-48; Bimbaum 1957.7-8; Leroy 1965.56-59; Vallini 1969*): рамки совпадений между гласными фонемами исторических языков, можно сказать, окончательно определены; выделена двойная функция, гласная и согласная, серии артикуляций: речь идет о сонантах **/, *и, */, *г, *т, *п*; общему индоевропейскому языку присвоены две формы чередования гласных (*нуль, е/о, е/о и А/а, е, о*), вторая из них сведена к первой посредством присвоения элементу А (определенному по аналогии с латинским и греческим *а* = древнеинд. *а* и иранск. *и*) функции «сонантного коэффициента», имеющего свойство соединяться с вершиной предшествующего слога и давать длинное соответствие (так, **а < *аА, *ё < *еА* и т. д.), что проясняет структуру двусложных корней и позволяет выделить долгие сонанты.

Судьба *Memoire* состоит из контрастов: история с Царнке достоверно показывает, что работа, с ее «блестящим открытием», быстро привлекла к молодому человеку восхищенное внимание специалистов, выраженное, например, Л. Аве, в то время являвшимся профессором Коллеж де Франс, в его рецензии («*Journal de Geneve*», 25 февраля 1879 г.), или, на другом юнце Европы, М. Крушевским (см. ниже прим. 6). Но реакция светил немецкой лингвистики того времени была недоброжелательной. Молодой скандинав Г. Мёллер, которому мы обязаны названием элемента *А sva indogermanicum*, принял соссюровский тезис. Остгоф начал критику его и Соссюра, тон которой становился все более резким: «Однако сам принцип Соссюра—звук *е (ai)* во всех корнях без исключения—я должен признать в реальности ошибочным. Я должен отметить большое остроумие автора, проявленное в формулировании и осуществлении этого принципа, хотя сам этот принцип сверх меры пронизан искусственной и навязчивой комбинаторикой последовательностей» (*Morphol. Untersuch. aufd. Gebiete der idg. Sprachen. Leipzig, 1879. Vol. II. 125-126*); в IV томе той же работы (*Leipzig, 1881*) Остгоф вновь критикует «необходимость системы», о которой говорит Соссюр (*Memoire. 163*), и называет его труд «*misslungene*» [нем. неудачным], «*унезрелым*», «*vein radicaler irrthum*» [нем. е корне ошибочным] (*Op. cit. 215. № 1. 279,331,246-348*).

Однако, явно контрастируя с этой критикой, отдельные положения *Memoirs* используются, без указания автора, в трактатах некоторых младограмматиков, таких как *Griechische Grammatik* (*Leipzig, 1880*) Густава Мейе-ра, первым осознавшего значение разработок и открытий десяти предшествующих лет, по мнению Мейе (*Meillet 1937. 477*), но также «первого из тех, кто игнорировал мое имя», как с горечью напишет Соссюр (*Sow. 23*) в 1903 г. Однако эти случаи

частичного присвоения, приспособления

⁵ Мы сталкиваемся с сопротивлением и умалчиванием теории *e* как сонантного коэффициента *a e o* (*Met.* 135 = *Rec.* 127 et sv.), благодаря которой два типа чередования были сведены в общую формулу. Среди тех, кто представляет собой исключение, следует напомнить имена исследователей, первыми попытавшихся интерпретировать *э* как ла-рингальный звук: *Fick N. II Gott. Gelehrn. Anzeig.* 1880.437; *Moller H. Zur Conjugation... Die Entstehung des o // Paul und Braune's Beitrage, zur Gesch. d. deutschen Sprache und Lit.* 1880. 7.492, note 2; *Pedersen H. Das Prasensinfix η II I. F.* 1893.2.285-332, в частности, 292;

243

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗЛМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

показывают наилучшим образом, насколько официальные представители лингвистики того времени не понимали сущности теории и позиции Сос-сюра (*Meillet* 1913 // *F. d. S.* 74; *De Crue II F. d. S.* 16; *Streitberg* 1914. 208; *Sommerfeld* 1962. 297). Совокупность соссюровской теории получила рассмотрение в серьезном немецком труде лишь с появлением *Ablaut* Хирта (1900 г.). А эффективное использование идей Соссюра (не считая А. Г. Ну-рена) началось лишь с появлением *S indo-europeen eth hittite (Symbolae in honorem J. Rozwadowski, I.* Cracovie, 1927. 95-104), с *Etudes indo-europeen-nes* (I. Cracovie, 1927, в частности р. 27-76) Ежи Куриловича и, наконец, *Origines de la formation des noms en indo-europeen* (1, Paris, 1935) Эмиля Бенвениста, подчеркнувшего, насколько после Соссюра проблема индоевропейских форм была обойдена вниманием (*Origines Г*).

Опыт, полученный Соссюром при написании *Memoire*, выходит за рамки одного лишь заголовка. Как и у его друга Г. Мёллера, у Соссюра появляется желание оставить лингвистику и посвятить себя германской эпопее (*ClunyA. Chamito-Semitique et indo-europeen // Melanges de linguistique ecc. Ginneken. Paris,* 1937. 141-147, 142); подтверждение тому дает, по крайней мере, относительно самого себя (и Карла Вернера), сам Мёллер, переживающий около 1880 г. кризис, побуждающий его заняться сравнительным изучением индоевропейского и семитского языков (*MollerH. Semitische und Indogennanisch. 1. T. Konsonanten. Copenhagen, 1906 [но 1907]. VIII—IX*). По мнению Годеля (предисловие к *Souv.* 14), мы, напротив, не имеем точных данных относительно Соссюра, так, явные признаки упадка духа обнаруживаются лишь в 1894 г., но в связи с проблемами общей лингвистики (см. ниже с. 262), и нет уверенности в том, что Соссюр занимался «Песней о Нибелунгах» до 1900 г. (однако в программах парижских лекций, таких, какими их представляет *Fleury* 1965. 54-66, интерес к литературным документам на древнем и средневековом немецком очевиден: см. ниже с. 251). Несомненно, столь незначительная симпатия, неоднократно проявляемая Соссюром по отношению к «чудовищной глупости немцев» (*Souv.; Lettres.* 121-123, *Notes.* 59), большей частью была следствием отношения ученых Лейпцига.

Memoire значительно повлиял на формирование Соссюра (*Grammont* 1933. 153-154; *Birnbaum* 1957. 8; *Lepschy* 1966.42-43,48): исследования, которые он проводил для этой работы, побуждали его к синтезу (*Havel* 1908), к выделению «элементарных данных», превращали его в «основоположника» (*Benveniste* 1963. 8). Кроме того, в ходе исследований он столкнулся с проблемами реконструкции лингвистической системы, обязательно асубстанциальной, поскольку ее реализация в речи не известна, он приходит к рассмотрению чистых оппозиционных и реляционных единиц, а затем к анализу их совместного функцио-

нирования, «системному», а не как изолированных атомов (*Hjelmslev* 1942. 37 etsv.; 1944. 141; 1947.

Notes de phonetique historique. mdoeuropeen et semitique // *Revue de phonetique*. 1912. 2. 101-132; *Pedersen H.* Vergleich. Gramm. d. keltischen Spr. 2 vol. Gottingen, 1903, Vol. I. 173,177.0 других исключениях, среди которых выделяется имя Нупена см.: *Wackema-gel J.* Altindische Gramm. Gottingen, 1897. Vol. 1. 81; *Debvnnner A.* II *Wackernagel J.* Op. cit. Nachtrage zu B. Gottingen, 1957. Vol. 1.46-47; *Polome E.* The Laryngeal Theory So Far:

A Critical Bibliographical Survey // *Evidence for Laryngeals*. La Haye, 1965. 9-78. Но общее отношение лингвистов к *Memoire*, так же как позже к *К. О. Л.*, можно выразить фразой *C. J. S. Marstrander* по поводу первых работ Куриловича: «Лингвистика это не математика, систему языка не всегда можно определить с помощью уравнений» («*Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*». 1929. 3.290-296, 290).

244

72; 1951.59-60; \96\79; *BuysSENS* 1961. 20 etsv.; *Kukenheim* 1962. 68; *De-rossi* 1965.9 etsv.), что, впрочем, «витало в воздухе», по мнению *Collinder* 1962. 13 (но ср. *BuysSENS* 1961. 18).

В феврале 1880 г. (*Meillet* 1913) Соссюр защищает диссертацию *De l'emploi du genitif absolu en sanserif* [Об использования абсолютного генитива в санскрите] (*Geneve*, 1881, переиздано в *Rec.* 269-338). Те, кто уже получил «эстетическое удовольствие» (*Wackernagel*) от чтения *Memoire*, приняли диссертацию как доказательство филологического мастерства, но не придавая ей особого значения с концептуальной или методологической точки зрения. Это неверно. В первую очередь, выбор темы из области синтаксиса, то есть из области, проигнорированной Боппом и его последователями, последователями Шлейхера и младограмматиками, а позже большей частью структурной лингвистики Европы и Америки (*Meillet* 1937. 477; *DeMauro* 1966. 177 et sv.), заслуживает внимания. Во-вторых, в противоположность предшествующей специальной литературе, посвятившей абсолютному генитиву, с точки зрения сравнительного исследования, лишь беглые заметки (*Rec.* 271-272), Соссюр предполагает определить значение конструкции, поместив ее в определенное состояние языка, согласно направлению исследования, выбранному ранее Уитни (впрочем, упоминаемого в начале работы: *Rec.* 272). С этой точки зрения, значение абсолютного генитива определено посредством выявления его «особых характеристик» (*Rec.* 275), «его дистинктивного характера» (278) «по сравнению с использованием абсолютного локатива» (275). Итак, можно констатировать, что даже в лингвистической области, состоящей из конкретных проявлений, а не только в вынужденно материализованной атмосфере реконструированного индоевропейского языка (что позволяет нам поправить *BuysSENS* 1961. 20 et sv.), Соссюр демонстрирует свою новую точку зрения, согласно которой значение единицы языка является реляционным и оппозитивным. Наконец, присутствие ключевого слова (*дистинктивный характер*) и замечания относительно терминов, использованных в описании (*Rec.* 273), показывают, сколь рано Соссюр начал уделять внимание проблемам терминологии.

Блестящая защита диссертации завершилась присвоением ему степени доктора *Summa cum laude et disseratione egregia* (*De Crue II F. d. S.* 16).

Э. Фавр, соратник по учебе, оставил такие воспоминания об этой защите: «Если бы он не был таким скромным, они вполне могли бы поменяться местами: молодой экзаменуемый мог бы вполне сам посадить на "скамейку для допроса"»

своих экзаменаторов» (*F. d. S.* 30). И он продолжает: Его знания были универсальны: ни одна из тем, будь то поэзия или литература, политика или изящные искусства, история или естественные науки,— ничто не было ему чуждо. Он сочинял стихи, рисовал. Он не знал искусства *блефа*, отвратительного слова, обозначающего отвратительные вещи; он был скромным, добросовестным, искренним и прямым. Мы, его товарищи по учебе, знали это по опыту. [*Souv.* 20]

Нам не известны мотивы, но мы можем догадаться, что побудило молодого доктора из Лейпцига (уже находящегося в плохих отношениях с некоторыми немецкими специалистами и, напротив, уже имеющего отношения со средой Общества) продолжить учебу в Париже. Во всяком случае, до отъезда в Париж Соссюр успевает выдержать еще одно важное испытание: путешествие в Литву. Бенвенист (1965. 23) подчеркивает, что

245

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗЛМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

это темный период его биографии⁶. Конечно, многие вещи нам не известны: точный период (в промежутке между мартом и сентябрем 1880 г.), места, которые он посетил. Было бы не совсем верно утверждать, что мы не знаем, «что он там изучал». С одной стороны, мы можем утверждать, что Соссюр *in loco* [на месте] разработал понятия, использованные им впоследствии либо в своих лекциях, посвященных литовскому языку, в 1888-1889 гг. в Париже (*Пеигу* 1965. 66) и в 1901-1902 гг. в Женеве (см. ниже), либо при составлении карты литовских диалектов, обещанной, но, по-видимому, так и не отправленной Р. Готьё (*Lettres.* 100). С другой стороны, мы располагаем тремя весьма интересными свидетельствами относительно этого путешествия:

а) Что касается литовского языка, столь ценного для изучения индоевропейского языка, он отправился изучать его на месте и взял из него материал для своих наиболее проницательных исследований (*Bally // F. d. S.* 53).

б) Будучи совсем молодым он создал один метод: при изучении лингвистики он заменил письменное доказательство устным свидетельством, и в один прекрасный день он прибыл в Литву для изучения диалектов, сохранивших до наших дней крайне архаичный индоевропейский вид (*Favre II F. d. S.* 31).

в) Молодой доктор из Лейпцига приехал в Литву для изучения во всех их устных разновидностях диалектов, сохранивших до наших дней весьма архаичный индоевропейский вид, чьи нюансированные вокалические инф-лексии должны были открыть ему некоторые секреты из истории человеческой речи. Итак, он один из первых начал это непосредственное изучение языка, столь радикально изменившее методы и проблемы лингвистики. Через некоторое время Соссюр приехал в Париж... (*Muret* 1913 // *F. d. S.* 43).

Благодаря точным совпадениям в этих трех свидетельствах, мы можем увидеть, каково было мнение самого Соссюра относительно этого опыта: 1) литовский язык был важен вследствие его архаизма для изучения индоевропейского языка (*а, б, в*); 2) еще более важен тот факт, что Соссюр приезжает непосредственно на место (*а*); 3) таким образом, одним из первых (*е*) он создал метод (*б*), заменивший письменное доказательство устным (*б*), косвенное изучение языка — изучением непосредственным (*е*), то есть это изучение базируется у него на устных свидетельствах (*б*), на человеческой речи (*е*).

⁶ Дата этого периода, продолжавшегося с марта по сентябрь 1880 г., выявлена на основании свидетельства Мюре (*F. d. S.* 43), цитируемого полностью не-

сколько ниже. Оно принято Бенвенистом. Но у других есть сомнения. Ж. Редар (в статье для «Journal de Geneve» от 22.02.1963, о существовании которой я узнал благодаря Р. Го-делю) относит это путешествие к 1888-1889 гг., когда «по причинам, связанным со здоровьем, Соссюр попросил и ему был предоставлен отпуск на один год» (Fleury 1965.41, со ссылками на документы из архива). По мнению Годеля (частное письмо от 01.07.1970), заключение Редара «весьма вероятно», поскольку «невозможно, чтобы Соссюр провел весь этот год в бездеятельности». Однако это обоснование представляется слишком хрупким, чтобы подвергнуть сомнению ясное свидетельство Мюре. Добавим к этому, что в 1888-1889 гг. Соссюр читает лекции «пяти ученикам, выразившим желание заняться изучением литовского языка» (Fleury 1965.66), следовательно, его знание литовского языка должно быть уже достаточно непосредственным и полным, чтобы позволить ему (вспомним о его крайней скрупулезности и точности) давать уроки и «обучать» этому языку. Таким образом, дата 1888-1889 гг. является крайним сроком для путешествия в Литву с целью учебы, которое, исходя из вышеизложенного, представляется более уместным по-прежнему отнести к 1880 г., как это утверждал Мюре.

246

Столкнувшись с такой интерпретацией и отодвинув в сторону сомнения Бенвениста, вполне преодолимые, мы открываем для себя совершенно отличную позицию наиболее авторитетного специалиста по соссюрскому учению. Годель (5М 33) в целом считает, что фраза, начинающая предисловие К. О. Л., согласно которой проблемы лингвистики «настойчиво» сопровождали Соссюра «в течение всей его жизни», является преувеличением и утверждает, в частности, что Соссюр занялся радикальной критикой использовавшихся методов и вопросами общей лингвистики лишь по прибытии в Париж. Однако проведенный нами анализ *Memoire*, докторской диссертации и свидетельств относительно путешествия в Литву ставит утверждение Годеля под сомнение. Остается обсудить еще один момент. Соссюр сам подчеркивал, какое значение имел в его глазах «американец Уитни», в частности в том, что касается фундаментальной ориентации лингвистики; Годель недооценил точное свидетельство Сеше относительно даты встречи Соссюра с Уитни. По словам Сеше (1917.9), «в этот период [года жизни в Лейпциге] на ход его мыслей, несомненно, большое влияние оказала одна книга, она указала ему верное направление: мы имеем в виду работу американского санскритиста Уитни *La vie du langage* [*Жизнь языка*] (опубликованную в 1875 г.)». По мнению Годеля, «слово „несомненно“ показывает, что речь идет скорее о предположении, чем об информации, полученной от самого Соссюра», и Годель добавляет, что нет уверенности в том, что книги Уитни наделали много шума в Лейпциге: «Соссюр мог ознакомиться с ними лишь несколько позже». В этом можно не согласиться с Годелем.

Уитни (1827 — 7 июня 1894; см. о нем: Bender H.H.// Dictionary of American Biography. Londres; New York, 1936. Vol. 20; и обширный портрет *Terra-cini* 1949. 73-121) был хорошо известен как санскритист в Германии, где он в 1850 г. совершенствовал свое образование в Берлине, с Боппом, и в Лейпциге (в частности), с Рудольфом Рогом. В сотрудничестве с Рогом он подготовил издание /1(дагго *Veda Samhita* (Berlin, 1856), за которым последовало /1/p-*habelische Verzeichnis der Versanfänge der Atharva-Samhita* (Indische Studien. 1857. 4). Деятельность Уитни как индианиста, в целом высоко оцененная в Германии (см., например, *Schweizer-Siedler H. II KZ. p. F. I. 1873. 269-272*), получила

официальное признание, и в 1870 г. Берлинская Академия вручила ему премию Боппа. Наконец, именно в период пребывания Соссюра в Лейпциге вышла работа Уитни *A Sanskrit Grammar, Including both the Classical Language, and the Older Dialects of Veda and Brahmana (Bibliothekin-dogermanischer Grammatiken. Leipzig: Ed. Breitkopf und Hartel, 1879. Vol. 2)*. Работа опубликована одновременно с ее переводом на немецкий язык, сделанным Циммером, берлинским учителем Соссюра. Из уже упоминаемого отрывка диссертации (Rec. 272) очевидно, что Соссюр ознакомился с *Sanskrit Grammar*, в действительности надевавшей много шума в немецких кругах, в основном по причине оригинальности своей методологической направленности: А. Хиллебрандт, давший весьма одобрительную рецензию (Bezenberger Beitrage. 1880.5.338-345), называет ее «вехой в истории грамматики древнеиндийского языка», хваля ее за то, что в противоположность традиционным сравнительным работам она стремится быть и является «исследованием состояний языка» (338). Невозможно предположить, что такая черта могла ускользнуть от теоретика синхронии. Впрочем, факт, что влияние на Соссюра относится уже к годам пребывания последнего в Лейпциге, признан сегодня, с присущей ему честностью, и самим Гodelем в «*Journal de Geneve. Samedi litteraire*». 110 (11-12 мая 1968 г.).

Мы не располагаем настолько же достоверными фактами (не считая свидетельства Сеше), чтобы утверждать, что Соссюр был знаком с

247

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф ДЕ СОССЮРЕ

теоретическими работами Уитни. Однако мы позволим себе обсудить еще раз этот вопрос. Теоретическими работами Уитни (ссылки на них в различных источниках и различных очерках часто искажаются) являются:

1. *Language and the Study of Language. Twelve Lectures on the Principles of Linguistic Science* by W. D. W. Londres, 1867 (лекции, прочитанные в 1863 г.);
2. *Life and Growth of Language*. Londres, 1875;
3. *Language and its Study with Special Reference to the Indoeuropean Family of Languages. Seven Lectures* by W. D. W. Londres, 1876; 2° ed. 1880 (сокращенное издание первой работы).

По-видимому, первая работа не была переведена на немецкий язык (но она была широко прокомментирована: *Clemm W. II K2. 1869. 18. 119-125*);

вторая работа в год своей публикации вышла также и на французском языке (*La vie du langage*. Paris, 1875), а на следующий год на итальянском языке в переводе F. D'Ovidio (Milan, 1876) и на немецком (*Leben und Wachstum der Sprache (Жизнь и развитие языка)*. Leipzig, 1876) в переводе учителя Соссюра Августа Лескина; сокращенное переиздание первой работы, соответствующее третьей работе, было подготовлено в 1874 г.: *Die Sprachwissenschaft IV. D.W.'s Vorlesungen uber die Principien der vergleichenden Sprachforschung. fir das deutsche Publikum bearbeitet und erweitert van J. J. (Julius Jolly)*. Munich, 1874 (с предисловием об Уитни и его теориях. III—XVII). В тот же год, 18 февраля 1874 г., в G G A. (205-218) выходит длинная статья Жолли об Уитни, ориенталисте и специалисте по общей лингвистике.

Почти невероятно, что настолько распространенные труды, на такую тему и принадлежащие автору, которого учителя Соссюра и он сам знали и восхищались им, не были бы замечены Соссюром. Чтобы утверждать это, нам придется, помимо прочего, отказаться от недвусмысленного свидетельства Сеше. Конечно, даже вне связи с Уитни-теоретиком, теоретические интересы Соссюра яв-

ляются общепризнанными и доказанными, но можно смело довериться Сеше и допустить, что за годы жизни в Германии эти интересы к общей теории языка (в 1894 г. Соссюр скажет, что они присутствуют в его голове «уже давно») нашли точку опоры в трудах американского ориенталиста, создателя статической лингвистики.

4. Париж: школа и «общество»

Осенью 1880 г. Соссюр поселяется в Париже (в 1881 г. он живет на ул. Одеон, д. 3). Помимо прочих, его товарищем по учебе является Френсис Крю (*F. d. S.* 21). Он посещает лекции Мишеля Бреалья и, начиная с февраля 1881 г., в *Ecole des Hautes Etudes*, лекции по иранскому языку Ж. Дармстетте-ра, по санскриту — А. Бергэня (оба несколько прохладно отзываюся о новичке В своих годовых отчетах) и, наконец, лекции по латинской филологии Луи Аве, уже высказывавшего свое восхищение Соссюром и прекрасно характеризовавшего его в своем отчете за 1881 г. (*Fleury* 1965. 39). Эдуард Фавр вспоминает: «Однажды, как мне рассказывали, один профессор, начиная работу с темой, уже изучавшейся Соссюром, пригласил последнего прийти и занять его место. Женевский студент прочитал лекцию» (*F. d. S.* 31); вероятно, этим профессором был Аве. Действительно, в ходе лекций Аве Соссюр выступал на тему о *η* и *τ* и о «гласных» задненёбных (*Fleury* 1965. 40). Авторитет Соссюра быстро утверждается. Бреаль уступает ему свой курс лекций: 30 октября 1881 г., в 24 года, он единогласно назначен «лектором по готскому и древневерхненемецкому языкам» (*M. S. L.* 1884. 5. XIII; *Gauthiot II F. d. S.* 75). Курс лекций начинается 5 ноября (*Muret II F. d. S.*).

248

На практике речь идет о начале «курса германских языков» (*Gauthiot.* 90; *Meillet II F. d. S.* 15). Зарплата (одобренная Счетной палатой, несмотря на некоторые трудности, поскольку Соссюр должен был принять французское гражданство, а он этого не сделал) сначала составляет 2 000 франков. Затем, поскольку программа курса расширяется и начиная с 1888 г. должность Соссюра обозначается просто как «лектор», без пояснений, зарплата увеличивается сначала до 2 500, а затем до 3 000 франков (*Fleury* 1965.40-41).

О количестве и «качестве» слушателей парижских лекций довольно много писалось (*Meillet* 1913 = *F. d. S.* 76; *Muret* 1913 = *F. d. S.* 43-44; *Gauthiot* 1914 = *F. d. S.* 90-92). Однако эти утверждения имеют меньше значения, чем результаты более поздних исследований (*Fleury* 1965. 53-67). За девять лет количество учеников достигло 112, число очень большое, учитывая, что преподавание исторической и сравнительной лингвистики во французском университете предпринималось впервые (*Benveniste* 1965. 22) и что молодой ученый, как мы это увидим, не довольствовался тем, что у него были слушатели, и требовал от них личных еженедельных работ. Но качество важно так же, как и количество. 40 учеников были иностранцами: 16 немцев, 9 швейцарцев (среди которых лингвисты и филологи М. Meylan, Н. Micheli, Е. Muret, G de Blonay), 4 румын (М. Callo'fano, М. Demetrescu, J. Dianu или Diano, D. Evolceanu), 4 бельгийцев (среди которых один из наиболее многообещающих учеников, скоропостижно скончавшийся, F. Motil, L. J. Parmentier и индианист L. de La Vallee-Poussin), 2 русских (Ф. Браун, И. Гольдштейн), 2 венгров (Ch. Gerecz, I. Kont), 2 голландцев (G B. Huet, A. G van Hamel), швед А. Enander, австриец J. Kirste. Среди французов, помимо представителей мира литературы, таких как поэт Пьер Кийар и Марсель Швоб, преподавателей лицеев и многочисленных преподавателей уни-

верситетов, выделяется около двадцати преподавателей лингвистики, классической филологии, кельтологии, индианистики и славистики: E. M. Audouin, P. Boyer (1887-1891), Arsene Dannesteter (1881-1892), H. G. Dottin (1886-1891), E. Emault, A. Jacob (1887-1888), E. Ch. Lange, H. Lebegue, L. Leger (1881-1882), P. Lejay, S. Levi, H. Lichtenberger (1883-1884), F. Lot (1890-1891), H. Pemot (1890-1891), J. Psic-hari (1887-1888). Ученые записки о Брауне, родившемся в 1862 г. в Санкт-Петербурге и названном Федором, сначала занимавшемся в России германистикой, затем в Германии (под именем Фридрих) — славистикой, и умершем в Германии, были собраны *Lepschy G. Contributo all' identificazione degli ascoltatori di Saussure a Parigi: Fedor-Friedrich Braun // Studi e saggi linguistici. 1969.32. 206-210.*

Следует отдельно упомянуть G. E. Guieysse, посещавшего лекции, начиная с 1887 г. и, по-видимому, бывшего любимым учеником Соссюра, оплакивавшего его потерю в 1889 г., L. L. Duvau, который по предложению самого Соссюра /юлжен был прийти ему на смену на посту преподавателя Ecole des Hautes Etudes (ум. 14 июля 1903 г.), Мориса Граммона (посещавшего лекции последнего года), Поля Пасси (посещавшего их в период между 1885 и 1887 гг.) и Антуана Мейе, записавшегося в Ecole des Hautes Etudes в 1885 г., посещавшего лекции начиная с 1887 г. и заменившего Соссюра в 1889-1890 гг., когда тот получил отпуск по причине проблем со здоровьем (или чтобы отправиться в Литву? [Redard]).

Говоря о значении Соссюра для французской лингвистической школы, а значит, и для мировой культуры, следует на первое место поставить его педагогический талант.

Он читал свои лекции в Высшей школе... Он испытывал природную неприязнь к торжественным формулировкам, а также к ссорам, часто грубым, ученого мира... (*De Saussure II F. d. S. 17*).

249

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

Он... блестяще преподавал в течение десятка лет, был несравненным авторитетом среди стольких выдающихся учителей, одним из тех, кого слушали и любили более всего. В его лекциях мы восхищались широтой и надежностью информации, строгостью методов, сочетанием общих взглядов с точными подробностями, ясностью речи, величайшей легкостью, непринужденностью и элегантно-стью. Через тридцать лет я вспоминаю о нем, как об одной из величайших радостей, которые мне довелось испытать в своей жизни (*Muret II F. d. S. 43-44*). Ф. де Соссюр действительно был настоящим учителем: чтобы быть учителем, недостаточно знать учебник и хорошо рассказывать его содержание перед студентами; необходимо иметь учение и методику и представлять науку с личностным акцентом. Образование, которое студенты получали от Ф. д. С., имело большое значение: они формировали свой разум и готовились работать; его формулировки и определения оставались в памяти как проводники и модели. И он заставлял полюбить и почувствовать науку, которую он преподавал; его поэтический образ мысли часто придавал высказываниям образную форму и их уже невозможно было забыть. За деталью, которую он представлял нашему вниманию, угадывался целый мир общих идей и впечатлений; при этом казалось, что он никогда не давал в своих лекциях уже готовых истин: он тщательно подготавливал то, что он собирался сказать, но законченный вид его идеи принимали лишь тогда, когда он говорил; он находил формы их выражения в про-

цессе самого выражения; слушатель соединялся с этой мыслью, находящейся в процессе формулирования, рождающейся перед ним, и которая в момент, когда она обретала наиболее точные и захватывающие формы, заставляла ожидать форм еще более точных и захватывающих. Сама его личность заставляла любить науку; было удивительно, как эти синие глаза, полные тайн, могут видеть реальность с такой строгой точностью; его мелодичный приглушенный голос лишал грамматические факты их сухости и резкости; глядя на его аристократическое изящество и молодость, нельзя было и предположить, что лингвистику можно упрекать в недостатке жизненности (*Meillet/f.d.S. 76-77*).

Соссюр постоянно контактирует со своими учениками: после лекции они должны выполнить «практические упражнения», «составить... грамматику на основании определенного текста», «по очереди интерпретировать тексты», выполнять «упражнения на чтение» и т. д. (об отношении Соссюра к ученикам см. *Fleury 1965.56,57,59* и т. д.). И поэтому через тридцать или сорок лет ученики, даже не лингвисты, вспоминают о его лекциях (*Benveniste 1965. 27*).

Лекции 1881-1887 гг. посвящены готскому и древневерхненемецкому языкам, в 1887-1888 гг. курс расширяется за счет сравнительной грамматики греческого и латинского языков; на следующий год к ним добавляется литовский, и таким образом лекции практически становятся курсом по индоевропейской лингвистике (*Gauthiot II F. d. S. 90* и *Fleury 1965. 53-67*).

Каждый год Соссюр составлял краткие отчеты по своему обучению (изданные *Fleury, cit.*), в которых просматривается «доктрина, дававшая материал для его методики преподавания» (*Benveniste 1965. 29*). Дуализм «физиологической» и «исторической» точек зрения явно утверждается и доминирует уже в курсе лекций 1881 г. (*Fleury 1965.5 5*). Здесь и в последующих курсах конечной целью становится «выявление дистинктивных признаков готского языка в среде германской семьи» (*Ibid. 56*). Бенвенист (*Op. cit. 29*) отмечает, что выражение «дистинктивные признаки» является «на удивление современным»: в действительности, Соссюр уже использовал соответствующим образом термин «дистинктивная характеристика» в своей диссертации (выше, 245). Сам Бенвенист привлекает внимание к заключительному отчету о втором парижском курсе лекций:

250

Сходство диалектов, либо между собой, либо с современным немецким, таит в себе опасность. О смысле фраз довольно легко догадаться, поэтому грамматические особенности ускользают из поля зрения. Отсюда часто весьма расплывчатое представление о формах и правилах... Начинаящий должен сам составить свою грамматику на основе определенного текста и взять себе за правило не выходить за ее рамки. Здесь интерпретация касалась исключительно отрывков, довольно длинных, из поэмы Отфрида. Лишь в конце года, после достаточного ознакомления с грамматикой Отфрида, ученикам был предложен текст Татиана и Исидора, в котором они должны были найти различия с уже известным им диалектом (*Fleury 1965.57*).

Бенвенист комментирует (1965. 30-31):

Мы видим здесь неявно выраженный принцип синхронического описания, примененный к состоянию данного языка или текста: это предполагает, и здесь тоже, дифференцированное определение состояний языка или диалектов. Это подразумевает, что особенности одного языка находятся в отношениях между собой и их не следует рассматривать изолированно. .. Соссюр обучал своих

учеников гораздо большему, нежели прежняя сравнительная грамматика, где сравнивали лишь разрозненные формы в бессвязных совпадениях, он обучал студентов описательному методу, который он отличал уже от исторического анализа...

Возможно, что это желание экспериментального сочетания лингвистического анализа с общими проблемами спасает Соссюра от «кризиса», о котором мы упоминали (выше 244): конечно, в лекциях присутствуют также и литературные интересы (например, к *Песне о Хильдебранте*, прочитанной в 1883-1884 гг.), но эти отношения чаще всего проявляются в форме сожаления по поводу того факта, что в течение года не предоставляется возможности читать тексты на скандинавских языках (*Fleury* 1965. 61) или на средневерхненемецком языке (включенные в программу относительно поздно, в 1887-1888 гг.: *Fleury* 1965. 65).

Однако интерес к общей лингвистике представлял собой не только скрытую предрасположенность к ясным описательным формулировкам, к пронизательному историческому анализу. Мейе напишет (1916. 33):

Я ни разу не присутствовал на лекциях Ф. де Соссюра по общей лингвистике. Но мысль Ф. де Соссюра сделала свой выбор очень рано... Теории, которые он излагал в своем курсе общей лингвистики [в Женеве], уже лежали в основе его лекции по сравнительной грамматике двадцатью годами ранее в *Ecole des Hautes Etudes*, которые я посещал. Я нахожу их сейчас такими, какими их уже тогда часто можно было себе представить.

Но в 1885-1886 гг., за два года до того, как Мейе начал посещать лекции Соссюра, курс имел характер весьма необычный:

Поскольку большинство учеников прослушали лекции прошлого года, стало возможным продвинуться гораздо дальше, чем обычно, и в направлении, более научном, в изучении грамматики готского языка. Это изучение... и несколько лекций, посвященных общим положениям о лингвистическом методе и жизни языка, заняли весь первый семестр и часть второго (*Fleury* 1965.62).

Лекции посещает также и будущий фонетист Поль Пасси, чья работа *Etudes sur changements phonétiques et leurs caracteres généraux [О фонетических изменениях и их общих характеристиках]* (Paris, 1890, в особенности р. 227), по справедливости получившая положительную оценку Нурена (ниже с. 293), была названа «наиболее ясным изложением функционалистской теории фонетических изменений» (*Martinet* 1955. 42).

Помимо лекций в Сорбонне, Соссюр работает также и для Лингвистического общества. Являясь его постоянным и известным членом (выше, с. 240), он лично присутствует на заседаниях с 4 декабря 1880 г. (*Meillet II*

251

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗЛМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

F. d. S. 75), вскоре начинает заниматься административной деятельностью (*Venveniste* 1965. 24) и делает доклады на заседаниях 22 января и 28 мая 1881 г. об арийско-европейских корнях на *eiva* (*Rec.* 600), 3 декабря 1881 г. — о фонетике фрибургского говора (*Rec.* 600-601; на этом заседании присутствовал Бодуэн, см. ниже), 4 февраля 1882 г. — опять о говоре Фрибура (*Rec.* 601). Именно к первому году пребывания в Париже относится запись в *M. S. L.* 1881. 4.132 (*Rec.* 403) о Ἀυεῖμῆνων < *Ἀυή-μῆνων (в связи с санскритским топ-то — «тысль»). На заседании 16 декабря 1882 г. Л. Аве оставляет пост заместителя секретаря. Его занимает Соссюр.

До самого его отъезда из Парижа все протоколы заседаний составлены им с присущей ему строгой элегантностью; но в этих протоколах весьма редко упоминаются замечания, посредством которых Ф. де Соссюр с исключительной скромностью и вежливостью указывал слабые места докладов, которые он только что прослушал, или отмечал их достоинства (*Meillet II F. d. S. 75-76*). В этот же период Соссюр весьма тщательно исполняет обязанности директора «Записок Лингвистического общества» (*M. S. L.*), следя за редакцией и обеспечивая корректуру. Заседания общества с Бреалем, Бергенем, Аве и иностранными членами являются средой, в которой формируется стиль соссюрской школы. Среди иностранцев следует особо отметить И. Бодуэна де Куртенэ, неоднократно встречавшегося с Соссюром и познакомившего его с работами Н. В. Крушевского⁷.

Jan Ignacy (или по-русски Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ родился в 1845 г. в окрестностях Варшавы, где он учился, совершенствуясь затем в Праге, Иене, Берлине, Санкт-Петербурге. Начиная с 1874 г. он преподает в Казани, где его учеником становится Крушевский. Бодуэн занимается в основном филологией. Три соссюрских текста отсылают непосредственно к Бодуэну де Куртенэ: 1) письмо Соссюра Бодуэну де Куртенэ от 16 октября 1889 г., частично опубликованное в *Н. Слюсарева* 1963.28, написанное, вероятно, после долгой паузы в отношениях вследствие «эпистолофобии» Соссюра: «Я не знаю [поправка Бенвениста; Слюсарева прочитала не/e *nesaispas*—«я не знаю», *sje ne vaispas* — «я не поеду»], могу ли я надеяться, что вы помните нашу встречу, весьма приятную для меня, в Париже семь лет назад» (см. ниже); 2) в вводной лекции курса 1891 г. в Женеве (*SM 37, 51*, прим. 42 и Соссюр *Notes 66*): «Лингвисты, охватывающие почти все языки мира, сделавшие когда-либо хоть один шаг к познанию языка,, это не Фридрих Мюллер из венского университета и подобные ему; имена, которые следовало бы назвать здесь, это имена таких романистов, как г-н Гастон Пари, г-н Поль Мейер, г-н Шухардт, имена таких германистов, как г-н Герман Пауль, имена представителей русской школы, занимающейся специально русским и славянскими языками, таких как г-да И. Бодуэн де Куртенэ и Крушевский»; 3) в записях 1908 г. для рецензии на работу Сеше *PiOgrananeset Methodes*: «Бо-дуэн де Куртенэ и Крушевский были ближе всех к теоретическому видению языка; и это не выходя за рамки чисто лингвистических утверждений; они впрочем не знали обобщенности взглядов, присущей западным лингвистам» (*SM 51*).

Слюсарева дает другое доказательство знакомства женева с польским лингвистом — фрагмент письма Б. де К. Ж. Карловичу от 21 ноября 1881 г., в котором, говоря о заседании, в ходе которого он был избран членом Общества, Бодуэн пишет, что «де Соссюр также там присутствовал». *Benveniste* 1964. 129-130 дает различные важные уточнения по этому поводу: в действительности, 19 ноября 1881 г. Б. де К. был лишь представлен (А. Chodzko и Н. Gaidoz) Обществу и принял участие в заседании в качестве «присутствующего иностранца», Соссюр на нем не присутствовал. Напротив, когда 3 декабря 1881 г. он был избран членом общества, Соссюр присутствовал (*M. S. L. 1884. 5. VI.*); в ходе этих двух первых и последующих заседаний: 17 декабря 1881 г., 7 января, 4 марта и 4 ноября 1882 г. Бодуэн представил Обществу свои публикации и

252

публикации Крушевского (список их есть в *V. S. L. 1881. S. LI*). Письмо Карловичу подразумевает, что Соссюр уже был хорошо известен в среде Бодуэна. В любом

случае, он слушал фонологический анализ диалекта Фрибура, представленный Соссюром 3 декабря 1881 г., и Соссюр слушал 17 декабря 1881 г. и 7 января 1882 г. доклад Бодуэна «о различных положениях славянской фонетики».

Понятие фонемы, введенное в 1873 г. А. Дюфриш-Деженетгом и известное Соссюру через Л. Аве, было передано двум русским ученым (*Ti-ubeckoj* 1933.229; *Jakobson* 1967.14, 17, 19) прежде всего посредством *Memoire* (работа, на которую, так же как и на работы Бругмана, Крушевский дает положительную рецензию, именно с точки зрения методики:

Крушевский Н. Новейшие открытия в области арио-европейского вокализма // Русский филологический вестник. 1880. 4. 33-45). С другой стороны, вполне вероятно, что *Versuch einer Theoriephonetischer Allemlationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik* (Strasbourg, 1895) Бодуэна могли укрепить Соссюра в убеждении (появляющемся уже, как мы показывали, в парижском курсе лекций 1881 г.: см. выше с. 250) относительно разделения двух дисциплин: одной, относящейся к звукам, другой — к дифференциальным единицам (чтобы принять его, но несколько смягчив, *Lepschy* 1966.60-61), и что Соссюр нашел несколько подсказок (относительно синтагматики и ассоциативности, системного характера языковых явлений и тд.) при чтении работ Крушевского: его докторской диссертации (раскритикованной немецкими журналами и, несомненно, поэтому еще больше понравившейся Соссюру!) *Uber die Lcaitabwechslung*. Казань, 1881, и, возможно, *Очерки науки о языке* (Казань, 1883; пер. на нем. F. Techmer, *Prinzipien der Sprachentwiddung II* Internationale Zeitschrift fur allgemeine Sprachwissenschaft. 1884. /. 11, 22; 1885. 2. 33-44; 1886. 3. 555-566; 1890. 5. 77-88.). Этот вопрос обсуждался множество раз с целью подчеркнуть или приуменьшить долг представителей Пражской школы перед их славянскими предшественниками, отвергнуть или признать их долг перед Соссюром (*Treuecfay* 1933. 243 etsv.; *Jakobson* 1953; *7a-kobson* 1962. 232-233; *Jakobson* 1967; и см. также *Vendryes* 1950. 446; *Hjelmslev* 1951. 60; *Martinet* 1953.577; *Malmberg* 1954.22; *Scerba* 1957.94-95; *Belardi* 1959.66 et sv.; *Чикобава* 1959. 86-87; Ламютьев 1961; *Collinder* 1962.13; *Benveniste* 1964.129-130; *Pisani* 1966.297; *Lepschy* \ 966.60-62).

Этот вопрос заслуживает повторного глубокого обсуждения, включающего в себя развитие сравнения позиций Соссюра и двух славянских лингвистов: Б. де К. (начатое Н. G. SchogL 1966.18,29), и Крушевского (*Jakobson* 1967 считает, что последний намного превзошел своего учителя Б. де К.). Помимо возможных отдельных подсказок, из знакомства с Б. де К. Соссюр должно быть вынес осознание того, что не он один понимал важность общей теории языка и лингвистической теории. Письмо, отправленное 2 мая 1882 г. Крушевским Бодуэну во Францию, могло бы вполне, если так можно выразиться, принадлежать Соссюру. Сообщая учителю то, что впоследствии будет включено в *Очерк...*, Крушевский писал: «Я не знаю, как будет называться моя работа; тема ее заключается в следующем: 1) наряду с существующей ныне наукой о языке, необходима другая наука, более общая, подобная феноменологии языка; 2) предвидение (неосознанное) этой науки можно увидеть в недавно созданной группе младограмматиков, но принципы, которые они отстаивают, либо не подходят для того, чтобы на их основании создать науку такого типа, либо являются недостаточными; 3) прочные основы этой науки можно найти в самом языке» (*Baudouin de Courtenay*J. Szkice jezykoznowcze. Варшава, 1904. 4-135; цит. по: *Jakobson* 1967.7). Подтверждая свое согласие с выраженным здесь мнением, Соссюр как в 1891, так и в 1908 г. в особенности настаивает на том факте, что

основной заслугой Бодуэна и Крушевского является разработка общего «теоретического взгляда». Это самое главное. Крушевский пришел в лингвистику из серьезной философской школы, возглавляемой М. М. Троицким, «фанатичным специалистом по английской мысли от Бэкона до Локка, Юма и Милла» (*Jakobson* 1967. 2), и из слов Бодуэна мы знаем, что Крушевский совершенствовал свое образование посредством кропотливого чтения, конспектирования и внесения изменений в работы великих эмпириков XVIII в. Крушевский является звеном, соединяющим структуралистскую концепцию Соссюра с великими лингвистическими концепциями европейской философии до Канта.

253

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

Десять лет, проведенных в Париже, были также относительно плодотворными на записи и исследования, иногда весьма краткие, но все представляющие собой «ein Kabinettsstück» [*шедевр*] (*Wackemagel*).

1884 г.: *Une loi rithmique de la langue grecque* [*Ритмический закон в греческом языке*], это закон Соссюра о трибрахии, *Melanges Graus 737-748 = Rec. 464-476*); письмо об арийских словах, обозначающих родство, опубликованное в *Giraud-Teulon A. Les origines du mariage et de la famille. Geneve, 1884. 494-503 (= Rec. 477-480)*; записи в *M. S. L. 1884. 5:*

Vedique libuji-paleoslave lobuzati, Sudo, vieux-haut-allemand murg murgi (соответственно 232, 418, 449 = *Rec. 404, 405, 406-407*).

1885 г.: 5 декабря сообщение о *lex βουκαλος* (*Rec. 417-418*).

1887 г.: *Comparatifs et superlatifs germaniques de la forme inferus, infimus* [*Германский компаратив и суперлатив форм inferius, infimus*] (*Me/. Renier et sv. = Rec. 481-489*); доклад Обществу (17 декабря) о сходстве латинского *callis* и древневерхненемецкого *holz* (*Rec. 601*); 8 января и 2 апреля 1887 г. — *Sur un point de laphonetique des consonnes en indo-europeen* [*О согласных в индоевропейском праязыке*] (*M. S. L. 1889. 6. 246-257 = Rec. 420-432*).

1888 г.: доклад о латинском герундии (14 января 1888 г. = *Rec. 601*).

1889 г.: том VI *M. S. L.* содержит записи, уже частично цитировавшиеся, поскольку они принадлежат прошлым годам, об ἀδῆν, *Indus*, ελκυών:

нем. *Schwalbe*, υουτάζω, λύθρον, ἰμβηρίς, κρήνη, санскрит—*stoka-s*; о сравнительной степени σῶφρων; о готском *wilwan* (*Rec. 408—419, 433-434*). К этому же году относятся записи *M. S. L. 1892. 7. 73-93* о числе «шесть» в индоевропейском языке; о *φрукτας, λιγύς*; древнепрусском *siran*; о к и женском роде на к в древнепрусском; о готском *raurban*; о ἀκέων, ἐπιτηδες, περί<*ὑπερί, ἠνίη, ὀκρούεις, υγιής. X, Φ для KS, PS, O -ῦμνο- для -ομνο-, об аттическом -ρη- для -ρα-, о литовском *kumste* (*Сб. 435-463*). Также в 1889 г. Соссюр делает несколько докладов Обществу: 26 января — об особенностях стихосложения Гомера (*Rec. 602*), 9 февраля — о *πολλας*, 8 июня — об ударении в литовском языке (переработано для *M. S. L. 1894. 8. 425-448 = Rec. 490-512*, в качестве первой статьи из серии, которая так и не получила своего продолжения: *Meillet // F. d. S. 82*).

1891 г.: на трех заседаниях Общества Соссюр обсуждает немецкое название Вислы, этимологию *Hexe* (нем. *ведьма*) и, наконец, некоторые глухие придыхательные звуки, такие как *th sprthus*, «широкий», где могло бы быть *h < z*; этими заметками, повторяющимися проблемы, затронутые в *Memoire*, заканчивается парижский период (*S. M. 23*, прим. 1).

В парижских заметках в значительно большей степени, нежели это показывают заголовки, преобладают намеки и сравнения с германскими языками (ср. эти-

мологию ἀδὴν, *ludus*, κρήνη, φφукτος, ἀκέων) и с балтийскими (vuotāzω, īmβηρις, ἀκέων, περι, ηνία, υγιής). Балтийские языки занимают Соссюра в особенности в последние годы пребывания в Женеве: он переделывает свой доклад об ударении в литовском языке и посвящает этой теме доклад, прочитанный на X международном конгрессе ориенталистов в сентябре 1894 г. (*Actes I 89* и затем *Anzeiger II IF. 1896. 6.157-166*). Он также посвящает литовскому языку свой очерк для тома *IF. 1894. 4* в честь Лескина, *Sur po-minatifpluriel et genitifsmgulier de la declinaison consonantique en lituanien [О номинативе множественного числа и генитиве единственного числа в консонантном склонении литовского языка]* (456-470 = *Rec. 513-525*). Мейе, несомненно вспоминая о письме от 4 января 1894 г. (см. ниже с. 266), напишет по поводу этих исследований литовского языка:

254

Ф. д. С. опасался более всего испортить работу над вопросами такого рода частичными указаниями, касающимися лишь деталей вопроса, представляющих целое в ложном свете. Нет научной истины вне полной системы, где все явления расставлены по своим местам... (*mF. d. S. 82*).

Впрочем, Соссюр сам писал в своем очерке о номинативе (*Op. cit. 457 = Rec. 514*):

Прежде всего, не следует отступать от принципа, что значение формы полностью находится в тексте, из которого ее взяли, то есть в совокупности морфологических, фонетических, орфографических обстоятельств, окружающих и объясняющих ее.

Размышления эпохи *Memoire* и диссертации о дифференциальное™ и систематичности языковых единиц находят отклик в этих словах; то же самое можно сказать о дискуссиях с Бодуэном де Куртенэ и о чтении Принципов Крушевского. Сегодня мы знаем, что они являются отражением размышлений первых лет пребывания в Женеве, и мы находим в них зародыш *Курса общей лингвистики*. В 1891 г. по не вполне выясненным причинам Соссюр решает покинуть Париж. Ф. де Крю пишет по этому поводу (*in F. d. S. 18-19*):

Патриотическое чувство подобно религии. Итак, именно в тот момент, когда Ф. д. С. должен был взойти на прославленные кафедры Парижа и знаменитого Коллеж де Франс... он отказался от сей великой чести, предложенной ему, чтобы сохранить швейцарское гражданство.

Е. Фавр говорит об этом более ясно (*F. d. S. 33-34*): «Он мог бы прийти на смену г-ну Бреалю из Коллеж де Франс, если бы он был французом», но «этот ученый остался женецем и патриотом», видимо, поэтому он вернулся в Женеву, где университет создал для него кафедру лингвистики (см. ниже). Итак, Соссюр покидает Париж. В Государственном архиве сохранился документ (созданный, по-видимому, по инициативе Гастона Пари), излагающий причины награждения Соссюра орденом Почетного легиона «в качестве иностранца»:

Г-н Соссюр имел уже вполне сформировавшуюся репутацию лингвиста и филолога, когда по нашему приглашению он приехал в Париж, где выразил согласие исполнять функции лектора в Отделении истории и филологии *Ecole des Hautes Etudes*. В настоящее время он намеревается занять в Женеве профессорскую кафедру, созданную специально для него. Покидая нас, он увозит с собой сожаления всех своих коллег, и г-да Мишель Бреаль и Гастон Пари, члены Института, выразили единодушное мнение Школы, высказав пожелание, чтобы г-н де Соссюр, в качестве доказательства нашего уважения и признания, был награж-

ден орденом Почетного легиона (цит. по: *Fleury* 41-42).

5. Женева: преподавание и исследования

В Женеве Соссюр начинает свои занятия с начала семестра зимой 1891 г. (*S. M.* 24 и *Muret II F. d. S.* 44 et 47). С 1891 по 1896 г. он был внештатным преподавателем, затем был включен в штат как преподаватель санскрита и индоевропейских языков (де Крю и Фавр в *Ф. д. С.* 17 и 31). К его педагогическим задачам прибавляются задачи директора библиотеки факультета филологии и социальных наук, и он выполняет эту работу, «день за днем руководя приобретением книг и их классификацией» (*De Crie II E d. S.* 18). Начиная с летнего семестра 1899 г. по зимний семестр 1908 г. каждый год он читает лекцию по

255

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ
фонологии современного французского языка, а начиная с 1900 г.—также лекцию по французскому стихосложению («Изучение его законов начиная с XVI века до наших дней»), обе они организованы в рамках семинара по современному французскому языку (*S. M.* 13 и 26). В течение летнего семестра 1904 г. он заменяет Эмиля Редара на кафедре немецкого языка и литературы и читает лекцию о «Песне о Нибелунгах»; начиная с 1907 г. он также преподаёт общую лингвистику (см. ниже).

В течение 21 года, до самой своей смерти, Соссюр каждый год проводит полный курс санскрита. Он сам с большой тщательностью готовит упражнения для студентов, которые отправляют их к нему домой, так что к следующему занятию они уже исправлены:

Нет ничего менее банального, чем его оценка наших работ. Если он замечал, что удалось избежать какой-либо специальной трудности, он рассыпался в похвалах, несмотря на множество ошибок. Но случалось и наоборот, некоторые ошибки могли вывести его из себя. Однажды, сказав мне (что случалось весьма редко), что на всей странице я сделал лишь одну ошибку, он объявил мне с печальным видом, что тем не менее ставит мне ноль, потому что я спутал краткое *asa* долгим в случае, когда это было недопустимо (*Duchosal* 1950. Посещал лекции в 1896-1898 гг.).

Тем авторитетом, который он завоевал у нас сразу, этот учитель заставил нас соблюдать интеллектуальную дисциплину, которой мы (я имею в виду себя) совершенно не знали. Я вспоминаю, как однажды он мне вернул небольшую работу по санскриту (надо сказать, что он брал на себя труд давать нам упражнения и исправлять их), в которой я спутал немалое число долгих *asa* краткими и множество раз забыл поставить точку над *i* и под *p*. Он написал на ней следующее замечание:

«Я должен предостеречь вас уже сейчас от приблизительного санскрита (*Sechehaie//F. d. S.* 64).

С. Карцевский, посещавший лекции Соссюра по санскриту в 1911-1912 гг., представил 40 страниц этих упражнений, составленных рукой Соссюра (*S. M.* 26, прим. 13).

Помимо санскрита и уже названных лекций по французской фонологии и стихосложению, Соссюр сосредотачивает свое преподавание в основном на латинском и греческом языках и, в меньшей степени, особенно в первые годы, на германских языках⁸. По причинам, прежде всего педагогическим,

⁸ В начале каждого курса Соссюр с некоторым педагогическим оптимизмом предупреждал учеников, что он считает, что они уже знают латинский, грече-

ский, английский, французский, немецкий, итальянский язык, «что часто, как об этом можно догадаться, тут же сбивало их с толку» (*Duchosal* 1950). Темы курсов были следующие (в скобках указан источник или имя студента, чьи записи сохранились в общественной Библиотеке Женевы: *SM* 16-17): 1891-92 гг. — история индоевропейских языков (*SM* 24,30); 1892-93 гг. — фонетика греческого и латинского языка; история индоевропейского гаагола (*SM*24); 1893—94 гг. — изучение греческой и латинской этимологии (Балли); греческий глагол (*SM* 24); 1894—95 гг. — изучение выбора древнегреческих написаний; изучение греческого склонения (Балли; *SM* 25); 1895-1896 гг.—греческие диалекты и древнегреческие написания; этимологические и грамматические исследования творчества Гомера; персидские надписи ахеменидских королей (Балли); 1896-1897 гг.— лекции по лексике Гесихия с изучением форм, важных для грамматики и диалектологии (Балли); 1897—1898 гг. — грамматика готского языка (Балли, Дюшо-заль); 1898—1899 гг. — древнегерманский язык (Балли); сравнительная грамматика греческого и латинского языков (Балли, П. Бове); 1899-1900 гг. — англосаксонские языки (Балли); 1900-1901 гг. — изучение диалекта Гомера и основных вопросов, связанных с ним (Балли, Бове); 1901-1902 гг.—литовский язык (Балли); 1902-1903 гг.—географическая лингвистика Европы (древняя и современная), с введением, посвященным объектам географической лингвистики; 1903—1904 гг.—греческая диалектология;

256

Соссюр отказался от более узких тем, над которыми он работал в Париже перед аудиторией, имевшей более высокий уровень. Лишь с 1897 г., когда в Женеве начинает создаваться группа преданных ему учеников высокого уровня, курсы становятся более специальными, разнообразными. В 1897 г. Балли просит Соссюра прочесть курс готского языка, а четырьмя годами позже он просит его прочесть курс литовского языка (*Duchosal* 1950; *S.M.* 26). Учеников немного (*Gautier* 1916): среди самых преданных—Балли, посещавший лекции с 1893 по 1906 г. (*S.M.* 16); в течение целого года единственным учеником, изучавшим санскрит, был Дюшо-заль; первый курс готского языка посещали кроме Балли Тожегетти и Дюшо-заль; другие преданные ученики — А. Сеше, посещавший лекции с 1891 по 1893 г., и В. Тожегетти, посещавший первый курс и затем курс готского языка (*Sechehaye II F. d. S.* 61). В последние годы лекции регулярно посещали также Л. Готье, А. Ридлингер, П. Ф. Регар. Редкие сохранившиеся записи (обычно Соссюр рвал записи, приготовленные для лекций) показывают, с какой тщательностью и скрупулезностью он относился к своему преподаванию в Женеве (*S. M.* 26), несмотря на очевидное начальное различие «между аудиторией Парижа и аудиторией Женевы»:

Но это не приводило его в уныние. С мелом в руке с момента своего появления, всегда на ногах, никогда не пользуясь записями, он исписывал огромное пространство доски разнообразными словами, удивительными схемами и, не останавливаясь, не оборачиваясь, иногда устремив взгляд в небо через высокое окно, давал пояснения тихим монотонным голосом. Следовать и поспевать за ним не всегда было легко... (*Duchosal* 1950).

Как и парижские ученики, женевцы поражены ясностью изложения, которая представляется им методологически значимой: Объяснить ваш способ изложения невозможно, потому что это уникальная вещь: это научное, воображение, самое плодотворное, о котором только можно мечтать, из которого вырастают как трава творческие идеи; это метод, одновременно гибкий и строгий... это... удивительная ясность видения... (*Bally* 1908)

II F. d. S. 32-33; см. также *Bally* 1913; *Sechehaye II F. d. S.* 62-63; *S.M.* 26-27). Если не считать университетской нагрузки, выполняемой с таким рвением, жизнь, казалось бы, текла спокойно: Соссюр женится на Мари Фэш, происходящей из древней женевской семьи, от этого брака рождаются Рай-мон и Жак. Зимой он большей частью живет в городе, в доме на Тертасс, летом — в Маланьи, близ Версуа, летней резиденции его детства, затем, сначала спорадически, но с 1903 г. более регулярно, — в Крё де Жантод (*David II F. d. S.* 36 и *Lettres* 94,98,99, а также письмо от 26 февраля 1903 г.). С 1907 г. на некоторых письмах стоит «Вуфланс сюр Морж» (*Lettres* 107), где у семьи Фэш был роскошный загородный замок, одна из главных башен которого согласно легенде принадлежала королеве Берте. Путешествия, о которых 1904-1905 гг.; древнескандинавский язык (Балли); 1905 г. — историческая грамматика английского и немецкого языка (зимой Соссюр был в Неаполе и Риме); 1906-1907 гг. — историческая грамматика немецкого языка; 1907-1908 гг. — историческая грамматика греческого и латинского языков (Ридлингер); 1908-1909 гг. — историческая грамматика греческого и латинского языков (с более углубленным изучением латинского языка); готский и древнесаксонский языки, изученные в качестве введения в грамматику германских языков (А. Ридлингер, Л. Готье); 1910-1911 гг. — древнегерманский язык, введение в историческую грамматику немецкого и английского языков (Ридлингер, Дегалье, г-жа П. Лофе-Готье); 1911-1912 гг. — готский язык (Ридлингер); греческая и латинская этимология: семьи слов и способы деривации (Briitsch).

257

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

сохранились какие-либо следы, редки: во Францию и в Париж в 1893 г. (*Lettres* 93); в Италию, где он живет со своей женой в декабре 1905 г. в Неаполе и с января 1906 г. в Риме, в гостинице Pincio de la via Grigioriana (*Lettres* 7 05-106); вновь в Париж, в сопровождении жены и свояченицы, в 1909 г. (*Lettres* 120-121); в Англию и в Париж в 1911 г. (письмо, адресованное Мейе от 11 октября 1911 г.). После конгресса ориенталистов в 1894 г. (см. далее) он редко контактирует с внешним миром, в основном посредством нерегулярной переписки. Соссюр сам шутит о своей *эпистолофобии* (*Lettres* 93), пример тому находим в письме, адресованном Мейе, от 27 ноября 1900 г.:

«Я начал писать вам письмо, но так его и не отправил. Я скоро это сделаю», этим «скоро» будет 28 октября 1902 г., дата следующего письма. Помимо Мейе (письма, полученные им от Соссюра, были изданы Бенвенистом в 1963 г.), среди его корреспондентов был также Штрайтберг, попросивший у него в 1903 г. информацию относительно происхождения *Memoire*. Из этого родятся *Souvenirs* (см. выше прим. 1) которые, впрочем, Штрайтберг получил не от Соссюра, а от г-жи де Соссюр, уже после его смерти (*Streitberg* 1914. 203, note 1).

В женевский период публикации также становятся реже и научная активность уменьшается. Он проводит некоторую работу в 1894г. по подготовке X конгресса ориенталистов, состоявшегося в Женеве в сентябре, в ходе которого Соссюр 8-го сентября делает доклад относительно ударения в литовском языке (письмо, адресованное Мейе от 4 января 1894 г. // *Lettres* 94, 95; *Meillet W3=F.d. S.* 79,81-82; *Bally II F. d. S.* 55; *Rec.* 603-604). «Начиная с этой даты периоды от одной до другой публикации все более увеличиваются...» (*Meillet* 1913). Лишь в 1897г. вновь публикуется краткая заметка (in: *I. F.* 1897. 7.216 = *Rec.* 539-541), рецензия на работу И. Шмидта *Kritik der Sonantentheorie. Eine*

sprachwissenschaftliche Untersuchung (Weimer, 1895). В 1898г. он публикует две фригийские работы в *Chantre E. Mission en Cappados* (Paris, 1898.165 et sv. = *Rec.* 542-575). В 1897-1898 гг. появляются стенограммы трех лекций по теории слога, прочитанные в ходе летнего курса и записанные Балли, но поскольку разрешение Соссюра не получено, они не были опубликованы (*Bally II E a. S.* 56 и см. *К. О. Л.* 44). Он делает три доклада Обществу истории и археологии, членом которого является с 14 февраля 1892 г. (*Favre II F. d. S.* 33):

28 марта 1901 г. — о названии Орон римской эпохи (in: *Journal de Geneve.* 7 апреля 1901 г. == *Rec.* 604-605; изданный с примечаниями Л. Гоша в «*Indicateur d'histoire suisse*», 1920.286-298); 29 января 1903 г. — о топонимах *Jowc* и *Jura* (фр. *Юра*) (о которых он дает разъяснения Ж. Лоту, см.: *Revue celtique.* 1907. 28.340 = *Rec.* 607), *Genthod* и т. д. (*Origines de quelques noms de lieux de la region genevoise II Bull. de la Soc. d'hist. et d'arch. de Geneve.* 2.342 = *Rec.* 605); 7 декабря 1904 г. — о Бургундах на римской территории (*Les Burgondes et la langue burgonde en pays roman* = *Rec.* 606). В течение девяти последних лет своей жизни он публикует еще несколько небольших работ: *Ὠμήλουσις в Τριπτολεμος* (*Melanges Nicole.* Geneve, 1905.503-514 = *Rec.* 576-584), *Sur les composes latin du type agricola* [О латинских сложных словах типа *agricola*] (*Melanges Havet.* Paris, 1909. 59-71 = *Rec.* 585-594), *Adjectifs indo-europeens au type caecus «ave-ugle»* [Индоевропейские прилагательные типа *caecus*, «слепой»] (*Festschrift/. W. Thomson.* Leipzig, 1912.202-206 = *Rec.* 595-599). К перечисленному следует добавить рецензию на работу П. Ольтамара *Histoire des idees theosophiques dans I 'Inde* [История теософских идей в Индии] («*Journal de Geneve*», 29 июля 1907 г.) и статью *Alamans* [Алеманы] (in: *Dictionnaire historique, géographique et statistique du canton de Vaud*, опубликовано Е. Моттаз, 1911.1. 54-56. После его смерти благодаря П. Е. Мартену выйдет в свет *La destruction d'Avenches*

258

dans les sagas scandinaves, d'apres des notes de F. d. S. // *Indicateur d'histoire suisse.* 1915.1-13.

Мейе в своем некрологе предлагает два объяснения скудной «производительности» Соссюра после 1894г.: некое подобие мании перфекциониста («Ф. д. С. более не считал, что он достаточно продвинулся в разработке теории какого-либо языкового явления, чтобы излагать ее публике... Он был слишком занят работой над окончательным трудом, и с этого времени прерывал молчание, лишь публикуя довольно краткие заметки...») и интерес к новым темам, отчасти чуждым лингвистике, таким, как поэма «Песнь о Нибелунгах» (*F. d. S.* 78-79). Основным моментом в интерпретации научной биографии Соссюра является определение значения этих двух объяснений, предложенных Мейе.

Изучение неизданных бумаг подтвердило, что Соссюр в значительной степени интересовался «Песней о Нибелунгах»: сохранилось (*S. M. Inv. A. V.*) 150 листов заметок о «Песне о Нибелунгах», 14 тетрадей и 22 страницы о Тристане; одна из заметок находится в письме, датированном 1903 г., а одна тетрадь имеет дату 1910 г.: Мейе (цит. выше), по-видимому, имеет в виду дату, предшествующую 1903 г., близкую 1894 г. Тезис Соссюра заключается в том, что «именно книга мифов о приключения Тесея стала основой одной из наиболее распространенных ветвей германских героических легенд», что, вероятно, было обусловлено «продвижением классических мифов к северу при помощи мореходства... и отчасти через названия созвездий» (*S. M.* 14 и 28). Увеличение количества курсов, посвященных германским языкам, начиная с 1898 г. (во-

семь за двенадцать лет), курсы о «Нибелунгах», которые он читал вместо Е. Редара, связаны с этими интересами Соссюра, о которых, впрочем, можно также догадаться по докладу о бургундах: «Следовало бы выяснить, какова роль бургундской Швейцарии в генезисе и распространении легенды о Нибелунгах» (*Bull. cit. = Rec. cit.*). Эти интересы контрастируют с представлением о Соссюре как о борце за разделение внутренней и внешней лингвистики, стороннике необходимости изучения языка «лишь в нем самом и для него самого», вне его социально-исторического контекста. Не желая обсуждать сейчас верность такого представления, напомним, что в 1894 г. Соссюр писал Мейе: «В конечном счете интерес для меня представляет лишь живая, выразительная сторона языка, та, которая определяет его своеобразие как принадлежащего определенному народу, имеющему определенные корни, то есть сторона почти этнографическая» (*Lettres* 95). А один из его женевских учеников заявляет: Слабым местом в целом замечательного труда, опубликованного г-ми Балли и Сеше, является то, что они позволяют считать, что Ф. д. С. отделял изменения языка от внешних условий, от которых они зависят... Но автор данного предисловия слышал множество раз, как Ф. д. С. объяснял этими внешними условиями не только изменения языка, но и сохранение некоторых черт. Так, например, он объяснял то, что литовский язык сохранил свою удивительную древность, тем фактом, что на литовских землях долгое время сохранялось язычество... (*Redard* 1919. 10-11).

Именно с таких позиций (которые, как мы увидим, получили осознанную теоретическую разработку в общей лингвистике Соссюра) может быть оправдан интерес Соссюра к явлениям, принадлежащим к культурному контексту германских языков.

Эта связь между внешними, филологическими исследованиями и собственно лингвистическими интересами приводит к тому, что в записях, посвященных общезнаменитым вопросам, можно найти ценные замечания по теории языка. Вскоре мы увидим, что это можно также отнести и к исследованиям анаграмм. Мы находим это и в тетрадях о «Песне о

259

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

«Нибелунгах». В одной из них (сохранившейся в *Bibliothèque publique et universitaire de Genève. Ms. Fr. 3958 4*) находятся, например, важные замечания относительно семиотического характера символа (с. 4 обложки и с.1):

—Легенда состоит из серии символов, в смысле, который следует уточнить.

—Эти символы, сами того не подозревая, подчиняются тем же случайностям и тем же законам, что и все другие серии символов, например, символы, являющиеся словами языка.

—Они являются частью *семиотики*.

—Ни один из методов не позволяет предположить, что символ остается неподвижным, либо что он должен изменяться до бесконечности. Вероятно, он должен изменяться в определенных границах.

—Идентичность определенного символа невозможно зафиксировать, начиная с того момента, когда он становится символом, то есть погружается в социальную массу, каждое мгновение фиксирующую его значение. Так, руна Y— это «символ». Его *идентичность* кажется вещью, до нелепости ощутимой, чтобы лучшим образом обеспечить ее, и заключается в следующем:

она имеет форму Y; она читается как z; она является восьмой буквой алфавита;

она имеет таинственное название *zapp*, наконец, иногда она стоит первой в слове. Через некоторое время... *она* десятая в алфавите... но уже здесь *она* подразумевает собой единицу. Где теперь идентичность? Обычно на это отвечают улыбкой, в массе своей не замечая философского характера происшедшего, позволяющего утверждать, что для *всякого символа*, с момента включения его в движение,— а ведь символ существует лишь *постольку, поскольку он* включен в движение—совершенно невозможно сказать, в чем будет заключаться его идентичность в последующее мгновение.

Именно с этой общей точки зрения мы приступаем к изучению какой-либо легенды, поскольку каждый ее персонаж является символом, у которого может изменяться (в точности как у руны): а) имя, б) позиция по отношению к другим, в) характер, г) функция и поступки; если перемещается какое-либо имя, то может последовать перемещение части поступков, и наоборот, или в подобном случае может измениться вся драма в целом.

Еще одним занятием Соссюра в первые годы века было изучение «анаграмм» (*Starobinski* 1964). Должно быть, он говорил с Мейе об этой проблеме или писал ему до 23 сентября 1907 г. (дата письма, в котором он благодарит своего парижского ученика за обещание прочесть тетради об анаграммах Гомера и объясняет ему, что он распространяет свои исследования творчества Гомера на другие области индоевропейской лингвистики). Гипотеза Соссюра заключается в том, что в древних индоевропейских языках стихосложение, наряду с известными нормами, подчиняется также некоторым фундаментальным правилам, касающимся распределения звуковых элементов в стихах: 1) в конце стихов 6-е и 8-е звуковые элементы должны иметь парное количество; это происходит потому, что 2) двухсложные и трехсложные чередования перекликаются; 3) независимо от правил 1 и 2 можно выдвинуть гипотезу, что многосложные единицы (двух- и трехсложные) воспроизводят в стихах фонемы «важного слова» (обозначающего божество и т. п.) и являются, таким образом, анаграмматическими сочетаниями (*Lettres* 110-112). По мнению Соссюра, эта нормы встречаются не только у Гомера и в сатур-нической латинской поэзии, но также в *Песне о Хильдебранде* и в ведах (*Lettres* 113), так что «то, что заставляло сочинителя какой-нибудь песни продуманным образом располагать слоги, составляющие эту песню, и рифмы, которые они образовывали между собой или с определенным словом, идет из индоевропейских времен. Любой античный поэт был прежде всего специалистом по фонемам...» (*Lettres* 114). Значение, которое Соссюр придает

260

этому исследованию, можно определить на основании того факта, что всего за несколько месяцев, с 23 сентября 1907 г. по 8 января 1908 г., Соссюр пишет своему парижскому ученику четыре длинных письма, составляющие половину всего того, что он написал в течение 17 лет их переписки. Письма на эту тему внезапно прекращаются с января 1908 г.: возможно, ученые обсудили эту проблему, когда Мейе приезжал в Женеву в июле 1908 г. Из писем Соссюра можно заключить, что парижский ученик не решается ответить напрямую и, видимо, негативно оценивает всю совокупность исследований. Из фактов, собранных Старобински (1964, 1967, 1969), и из воспоминаний Л. Готье, ученика, имевшего в те годы близкие отношения с Соссюром (см. с. 257, 265, 268), можно предположить, что исследования анаграмм продолжались до осени 1908 г.: «Изучение современных поэтов, пишущих на латинском языке, заставило его заинтересоваться лауреатами Certa-

men Hoef-ftianum Академии Амстердама. Он внимательно изучил итальянские поэмы Джованни Пасколи, получившего множество наград этого конкурса: из его текстов было ясно видно, что он прибегал к гипограмме. Однажды (Леопольд Готье относит это событие к концу 1908 г.) Соссюр написал Пасколи и спросил, сознательно ли тот использовал этот метод стихосложения. Ответа он не получил. Соссюр воспринял молчание Пасколи как отрицание и оставил занятие анаграммами». Итак, конец этим исследованиям положило скорее не сдержанное отношение Мейе, а молчание Пасколи: Rossi 1968 также настаивает на этом. По мнению Р. Якобсона (неизданная лекция, Рим, январь 1967), исследования Соссюра заслуживают того, чтобы их опубликовали целиком и проверили. В действительности, это представляется спорным. Если сдержанное отношение Мейе (или, как некоторые предпочитают думать, молчание итальянского поэта Пасколи) и подтолкнуло Соссюра к прекращению исследований, это произошло потому, что сам Соссюр имел множество сомнений относительно правильности своей работы. Старобински, основной издатель заметок, посвященных анаграммам, казалось бы, разделяет эти сомнения, кажущиеся нам более чем оправданными. Помимо биографических моментов, эти соссюровские рукописи интересны тем, что в них встречаются продуктивные теоретические высказывания: например, идея о «последовательности» и линейности языковых знаков впервые высказана именно в этих тетрадах, посвященных анаграммам (Starobinski 1964. 254 et sv., Rossi 1968.113-127); см. также: Navá G. Lettres de F. d. S. a G. Pascoli // C. F. S. 1968. 24. 73-81 и Wunderli P. Saussures Anagramm-Studien // Neue Zurcher Zeitung. 13. 2. 1972. 73. 51-52).

Осталось выяснить, почему эти исследования и другие, относящиеся к периоду после 1894 г., так и не увидели свет? Мейе, как мы видели, объясняет это психологическими причинами: Соссюра сдерживало стремление к совершенству. В действительности, мы имеем дело с несколько иным явлением. Многочисленные свидетельства парижских и женеvских соратников показывают, что Соссюр требовал предельной точности и от учеников. Бен-венист отлично уловил смысл этого:

Обучение строгости в лингвистике было необходимо еще более, чем в любой другой дисциплине. Следовало научить студентов тому, что язык состоит из определенного количества специфических элементов, и каждый из них должен быть точно выявлен; если ограничиваться приблизительными данными, результаты анализа будут ложными. Здесь поставлена на карту сама база описания; установленное соответствие или воссоздание не может быть правильным, если оно базируется на плохо выведенных или небрежно воспроизведенных формах... Сравнительная грамматика тогда была бы не более чем... набором соответствий, взятых без разбора из всех

261

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗЛМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

родственных языков. Соссюр же, напротив, сравнивает диалекты лишь для выявления характеристик, присущих определенному языку... Он восстанавливает... индивидуальность языка... Это подразумевает, что особенности языка связаны между собой и не должны изучаться изолированно... (Benveniste 1965. 28-29, 30).

Структурная лингвистика вообще и соссюровская лингвистика в частности слишком долгое время рассматривались в основном как лингвистика антифилологическая. Истинным же является обратное утверждение. «Если поставить се-

бе целью определить, в чем заключается наиболее характерная черта лингвистики XX в. по сравнению с лингвистикой века прошлого, следует отметить... стремление последней дойти до конкретных фактов, чтобы на их основе определить единицы языка» (Prieto 1964. 11). Значение языковых единиц нельзя определить при указании, на манер сравнительной грамматики, более или менее схожих соответствий **из** другой языковой среды. Напротив, его можно определить, если определить функциональность и функционирующие совместно элементы самой системы. Если, как писал Соссюр в своем докладе по номинативу в литовском языке (*Rec.* 514 = *Sur le pot. II* Op. cit. 457), «значение формы полностью находится в тексте, из которого ее взяли, то есть в совокупности морфологических, фонетических, орфографических обстоятельств, окружающих и объясняющих ее», то филологическое исследование (в случае с мертвыми языками) является не роскошью, а жизненной необходимостью. Путешествие в Литву, филологическое мастерство, проявленное в диссертации, вкус к «живой, выразительной стороне языка, отличающей его от всех остальных» становятся уже не любопытными фактами биографии, а отражают центральное понятие новой лингвистики: понятие систематизированности языковых единиц, включающее в себя понятие исторической особенности любой языковой реальности в плане семантического содержания и в плане выражения. Начиная с периода Лейпцига, со все большей ясностью Соссюр должен был осознавать всю «тщетность» (*Lettres* 95) частичного подхода к языковым явлениям, необходимость начинать все в свете операционного понятия системы. Г. Мунен (1966) показал, что это понятие осталось большей частью чуждым Мейе. Соссюр, подавленный осознанием «грандиозного объема работы», которую следовало провести для эффективного внедрения новой лингвистики (*Lettres* 95), представлял в глазах своего парижского коллеги лишь как человек, страдающий от комплексов гиперкритичности. В действительности же, сознавая исключительную сложность задачи, к решению которой он готовился в 1894 г. (см. ниже), он предпочел перенести ее в далекое будущее и рассматривать ее как задачу коллективную. Он пишет об этом в своей рецензии на *Kritik* Шмидта:

Когда теория языка будет создана, одним из первейших принципов... явится то, что всегда, в любом случае, правило, характеристикой которого является его движение внутри *состояния языка* (= меж двух терминов, существующих одновременно), а не в *фонетическом событии* (= двух терминов, сменяющих один другого), может иметь не более чем случайное значение.

На вопрос, поставленный Гodelем («Каково было в действительности место общей лингвистики в научной карьере и деятельности Ф. д. С.?» [*S. M.* 24]), вероятно, следует ответить, подтверждая написанное Балли и Сеше в начале предисловия к *К. О. Л.*:

Сколько раз нам приходилось слышать из уст Фердинанда де Соссюра сетования на недостаточность принципов и методов той лингвистики, в

262

сфере которой развивалось его дарование. Всю свою жизнь он упорно искал те руководящие законы, которые могли бы ориентировать его мысль в этом хаосе (*К. О. Л.* 5).

Утверждение, следующее непосредственно за этим, не вполне верное: «Лишь в 1906 г., сменив на его посту Жозефа Вертгеймера в университете Женевы, он смог представить публике свои личные идеи, вынашиваемые в течение стольких лет». В действительности, как мы это много раз подчеркивали, Соссюр

уже представил публике в период *Memoire* и диссертации серию общих положений. К уже сказанному прибавляется свидетельство Адриена Навиля, декана факультета филологии и социальных наук Женевы⁹. Оно не противоречит другим публичным представлениям соссюровской мысли и известным нам сегодня рукописным записям, показывающим, что Соссюр весьма быстро пришел к некоторым фундаментальным идеям и что затем, более медленно и трудно, он занимался выработкой взаимосвязей, сети доказательных аргументов, бесчисленных короляри-ев. Именно эта работа, как один из аспектов соссюровской мысли, оставалась неизвестной до женевских курсов, и этот аспект позволяет сказать, что теоретические вопросы также занимали, хотя с разной интенсивностью, **ум** Соссюра. Но повторимся, некоторые центральные идеи соссюровской мысли — идея относительного значения, оппозитивности языковых единиц, связанная с этим идея системы, следующая **из** этого необходимость отличать лингвистику состояний от лингвистики реализации и развития — появились у женевца весьма рано.

⁹ В работе *Nouvelle classification des sciences. Etudes philosophique* (Paris, 1901), А. Навиль полностью переработал предшествующий труд (*De la classification des sciences. Etudes logique*. Geneve-Bale, 1888); в главе V (Филологические науки), параграфе B, посвященном социологии, он пишет (103-106):

«Социология—это наука о законах жизни сознательных существ — а именно людей — е *обществе*. Она должна признать в качестве данных величин все условия, без которых мы не можем представить себе социальную жизнь. Каковы эти условия? Мне не известно, достаточно ли они выявлены и перечислены наукой.

Одно из наиболее очевидных условий—это существование знаков, посредством юго-рых живущие вместе существа сообщают друг другу о своих чувствах, мыслях, желаниях.

Г-н де Соссюр настаивает на необходимости весьма общей науки, называемой им *семиотикой*, объектом которой должны стать законы создания и изменения знаков и их смысла. *Семиотика*— важная часть социологии. Поскольку наиважнейшей системой знаков является конвенционный язык людей, наиболее развитой семиотической наукой является *лингвистика*, или наука о законах жизни языка. *Фонология* и *морфология* изучают в основном слова, *семантика* — смысл слов. Но, несомненно, существует взаимодействие слов и их смысла, и наоборот, смысла и слов; попытки разделить эти исследования будут означать непонимание их объекта. Современные лингвисты отказались от чисто биологических (физиологических) объяснений в фонологии и справедливо считают лингвистику психологической наукой.

Лингвистика является или, по крайней мере, стремится стать наукой законов; она все более четко будет отделяться от истории языка и от грамматики.

Еще одним условием социальной жизни... является *принуждение*... Само развитие языка подразумевает принуждение...».

263

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

6. Курсы общей лингвистики. Последние годы жизни

После выхода Вертгеймера на пенсию (выше с. 240) факультет филологии и социальных наук Женевы доверил Соссюру преподавание «общей лингвистики и сравнения индоевропейских языков», о чем свидетельствует постановление от 8 декабря 1906 г. К четырем часам в неделю сравнительной грамматики и санскрита добавились два часа общей лингвистики (*S. M.* 34). Мюре пишет по

этому поводу (вторя Балли, *К. О. Л. 5*):

Хотя он не рассматривал непосредственно в своих работах общие проблемы развития и психологии языка, они постоянно побуждали этот высокий ум к глубоким и своеобразным размышлениям. Итак, после того как профессор Вергеймер вышел на пенсию, мы были очень рады, что Соссюр согласился... взять на себя курс общей лингвистики (*F. d. S. 45-46*).

В 1949 г. Готье восстановил список записавшихся на лекции, более многочисленный, чем на предыдущих курсах (Фавр и Мюре в *F. d. S. 31* и 47): пять в первый год, среди них А. Ридлингер (*S. M. 15*), или шесть, с Луи Каем (*Godel 1959. 23, note; S. M. 53*); одиннадцать на втором курсе, среди них А. Ридлингер, Л. Готье, Ф. Бушарди (*S. M. 15*), Е. Константэн (*Godel 1959.23-24*); двенадцать на третьем, среди них Ж. Дегалье, Ф. Жо-зеф, г-жа Сеше (*S. M. 15*), Е. Константэн (*Godel 1959*). Постоянным учеником был Поль Ф. Регар, оставивший важные свидетельства относительно этих курсов лекций (*Regard 1919. 3-11*). Три курса были прочитаны в периоды с 16 января 1907 г. по 3 июля 1907 г., с первой недели ноября 1908 г. по 24 июня 1909 г., с 29 октября 1910 г. по 4 июля 1911 г. (*S.M. 15, 66, 77, 91; Godel 1959. 23-24*).

Читая курс в первый раз, Соссюр говорил прежде всего о «фонологии» или о *Lautphysiologie*, затем об эволюционной лингвистике, фонетических и аналогических изменениях, об отношении между единицами, воспринимаемыми говорящим в синхронии («субъективный» анализ), и корнями, суффиксами и другими изолированными единицами исторической грамматики («объективный» анализ), о народной этимологии, проблемах реконструкции. Рассуждения на эти темы располагаются издателями во второстепенных частях (в приложениях, последних главах) *К. О. Л.*

При вторичном чтении курса (1908-1909), напротив, Соссюр быстро и решительно подходит к рассмотрению проблемы отношения между теорией знаков и теорией языка и дает с самого начала определение системы, единицы, идентичности и лингвистического значения. Из этого *основания* он выводит фундаментальные определения существования двух различных методологических перспектив изучения языковых явлений: описание синхроническое и описание диахроническое, проблемы которых он кратко очерчивает. Курс в целом отражает его озабоченность, суть которой он излагал Ридлингеру 19 января 1909 г. (*S. M. 29-30*):

Язык является сжатой системой, и теория должна представлять собой систему, столь же сжатую, как язык. Это трудная задача, так как выстроить в цепочку следующие друг за другом утверждения, взгляды на язык еще ничего не значит: главное — соединить их в систему.

В ходе того же разговора Соссюр неоднократно выражал недовольство ходом курса, неопределенностью своих идей и говорил о лекциях года как о «подготовке к философскому курсу лингвистики».

264

На третий год Соссюр двигался именно в этом направлении: он объединил дедуктивный характер второго курса с богатым анализом первого. Вначале он развивал тему «языки», то есть тему внешней лингвистики. В этом заключается старый постулат Соссюра: уже в 1891 г. в трех первых лекциях женевского курса он утверждал, что нельзя предполагать или явно различать существование наиболее элементарных феноменов языка, классифицировать их и понимать, если в первой и в по-

следней инстанции не прибегать к изучению *языков*... С другой стороны, попытки изучать языки, забыв, что они прежде всего подчиняются определенным принципам, объединенным в идею/хгчевой деятельности, были бы также лишены всякого серьезного основания, всякой действительной научной основы. Следовательно, общее изучение языка будет постоянно использовать разного рода замечания, сделанные на обособленном поле того или иного языка (*Notes 65*). Общие исследования и исследования историко-описательные объединяет постоянная диалектическая связь; но с дидактической точки зрения преимущество принадлежит «языкам», поскольку изучение «выполнения этой функции [речевой деятельности] возможно лишь... исходя из существующих языков» (там же). Такой порядок, согласно которому теория идет от «языков», чтобы затем прийти до «языка» в его универсальности, и, наконец, «к реализации и способности к речевой деятельности индивидуумов» (*Godel II Notes 65*), является лингвистическим завещанием Соссюра. Однако этот порядок слабо просматривается в организации материала К. О. Л. (см. К. О. Л. 6, прим. 11). Впрочем, Редгар уже отмечал (1919.10-11):

Слабым местом в целом замечательного труда, опубликованного г-ми Балли и Сеше, является то, что они позволяют считать, что Ф. д. С. отделял изменения языка от внешних условий, от которых они зависят, тем самым лишая их реальности и сводя к абстракции, которую невозможно объяснить.

В курсе третьего года общие характеристики «языка» взяты также и из изучения «языков», но к изучению способности к речевой деятельности «у индивидуумов» Соссюр только приступает.

В разговоре с Готье 6 мая 1911 г. Соссюр еще раз выразил свое недовольство: Я стою перед дилеммой: либо излагать материал по теме во всей его сложности и признаться в моих сомнениях, что не может удовлетворять требованиям курса, по материалам которого сдается экзамен. Либо сделать нечто упрощенное, в большей степени адаптированное к аудитории студентов, не являющихся лингвистами. Но на каждом шагу меня останавливают сомнения... (*S. M. 30*).

Он ясно видит «первейшую истину» (то есть, что «язык отличается от речи»), «являющуюся основной», «проблему единства», но он утверждает, что, чтобы прийти к верному заключению, ему потребовалось бы «потратить несколько месяцев исключительно на размышления»; и Соссюр не уверен, стоит ли вновь браться за старые «записи... затерявшиеся в отрывках» и «вновь начинать длительные исследования для публикации» по «темам, которые занимали меня в особенности до 1900 г.».

Это последнее высказывание полностью подтверждается неизданными материалами, на основании которых можно сказать, что период наибольшего внимания к выработке законченной теории языка относится к 1890-1900 гг. В 1891 г. во вводных лекциях в Женеве затрагивается проблема отношения между эволюцией и консервацией (рассматриваемого как

265

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

отношение диалектическое) и между общей лингвистикой и лингвистикой исторической и филологией (*S. M. 37-39; Sechehaye II F. d. S. 62*). Балли (1913. 9) говорит об общих исследованиях, относящихся к периоду «двадцатью годами раньше», то есть приблизительно к 1893 г. Наиболее важный для данного вопроса частный документ — письмо, адресованное Мейе, от 4 января 1894 г.:

Скоро будет опубликовано начало моей статьи об интонации... Но все это вы-

зывает у меня отвращение, так же как и затруднение, возникающее всякий раз, когда необходимо написать лишь десять строк общего значения относительно лингвистических явлений. Занимаясь уже долгое время прежде всего логической классификацией этих явлений, классификацией точек зрения, с которых мы их рассматриваем, я все отчетливее вижу, сколь необъятную работу следовало бы провести, чтобы показать лингвисту, *что он делает*, отнеся каждую операцию к предусмотренной для нее категории, и одновременно в значительной степени тщетность всего того, что в конечном счете можно сделать в лингвистике.

В последнем анализе интерес для меня представляет лишь живая, выразительная сторона языка, та, которая отличает его от всех остальных, как принадлежащего определенному народу, имеющему определенные корни, то есть сторона, почти этнографическая; и, выражаясь точнее, теперь я лишен удовольствия погружения в это исследование без всякой задней мысли и радости от отдельного факта, связанного с отдельной средой. Абсолютная нелепость используемой терминологии, необходимость ее реформирования, необходимость показать для этого, какого рода объект представляет собой язык вообще, постоянно нарушает-то удовольствие, которое я получаю как историк, хотя моим самым заветным желанием является желание избежать необходимости заниматься языком вообще. Несмотря на мое нежелание, это закончится какой-нибудь книгой, где без энтузиазма и увлеченности я объясню, почему я не придаю никакого значения терминам, используемым в лингвистике. И лишь после этого я смогу возобновить мою работу с того места, на котором я ее оставил. Вот положение, возможно, глупое, которое, вероятно, объяснит Дюво, почему, например, я уже год тяну с публикацией статьи, казалось бы не представляющей собой никакой трудности, не имея возможности избежать выражений, логически невыносимых, поскольку для этого потребовалась бы совершенно радикальная реформа (*Lettres* 95-96).

От этой работы по подготовке «совершенно радикальной реформы», относящейся к 1893-1894 гг., осталось мало рукописных заметок. Наиболее законченный вид имеет запись 9 (*S. M.* 36, *Notes* 55-59; и см. *К. О. Л.* 122), в которой он уточняет, почему язык является формой, а не субстанцией. Возможно, это разъяснение было фундаментальным для интеллектуальной биографии Соссюра. Оно готовит отход от конвенционализма Уитни, несомненно, преобладавшего в его взглядах изначально; в действительности, редакция книги, о которой говорилось в письме, адресованном Мейе, должно быть была прервана, когда после смерти Уитни (17 июля 1894 г.) Американская филологическая ассоциация пригласила Соссюра для участия в церемонии поминаения лингвиста по случаю первого конгресса американских лингвистов, который должен был состояться в конце декабря 1894 г. в Филадельфии. В ноябре Соссюр быстро пишет примерно 70 страниц (*S. M.* 32): но эта работа так и не была завершена и Соссюр даже не отправил послания в Америку (*S. M.* 32). Сохранившиеся записи (*S. M.* 43-46 и *Notes* 59-65) представляют, однако, определенную ценность: в них принимается идея Уитни о том, что язык является «установлением людей» (*S. M.* 43), но Соссюр

266

подчеркивает, что по отношению к другим типам установления язык характеризуется тем, что между задействованными им элементами нет «внутренней связи», нет никакой логической или естественной необходимости, которая бы их связыва-

ла. Вот почему «язык, не будучи основанным на естественных отношениях, не может быть исправлен с помощью разума». По мнению Соссюра, ограниченность конвенционализма Уитни и философского конвенционализма заключается в том, что они рассматривают звуковую реальность и значение как величины данные, существующие вне системы языка и до нее, которые можно уловить так, что затем было бы возможно установить между ними конвенционные связи. В действительности, до вступления в отношения задействованные единицы не имеют консистенции, индивидуальности: «Язык образован из некоторого количества внешних объектов, которые разум использует как знаки. Внешний объект является той или иной частью языка лишь в той мере, в какой этот объект является знаком (воспринимается как знак)» (S. M. 43). Понятие «произвольности знака» не появляется в явно выраженной форме на этих страницах, но оно есть там по сути (см. ниже с. 270-275).

Невозможность определения индивидуальности языковой единицы на основе «фонологической» консистенции (или, как мы говорим сегодня, фонетической) является основной темой рукописных заметок 1897 г. (*Notes* 49-54) и трех лекций, использованных в *K. O. L. 44* и ел. Упоминание дифференциального и оппозитивного характера языковых единиц и вытекающей из этого «фундаментальной двойственности» языка, рождающегося на почве исторического случая, и при этом функционирующего, совершенно не учитывая историю предшествующую (та и другая сторона антиномии зависят от конститутивной произвольности языкового знака), присутствует во всех частных беседах (*Muret II F. d. S. 47; Meillet II F. d. S. 84; Sechehaye II F. d. S. 65*):

Ему случалось также развивать перед нами эту идею, занимающую его постоянно, ставшую основой его мыслей об организации и функционировании языков, идею о том, что значение имеют не знаки сами по себе, а различия между знаками, создающие игру противоположных значений.

Хотя Соссюр и занимался ранее подобными темами (в записках об Уитни он говорит, что убежден «вот уже много лет» в «фундаментальной двойственности» лингвистики (S. M. 45); подобное выражение — «занимаюсь уже давно» — встречаем в письме, адресованном Мейе в январе 1894 г., и эти два утверждения, как мы видели, полностью подтверждены), как утверждал Годель, периодом наиболее интенсивных размышлений, несомненно, является последнее десятилетие века.

Однако в лекциях еще чувствуется колебание и неуверенность сос-сюрской мысли (Регар 1919. 11). Объяснить их можно лишь одним образом: лингвистике понадобилось полвека, чтобы понять, что в действительности представляет собой произвольность знака, о которой говорил Соссюр, чтобы усвоить понятие значимости, чтобы вновь открыть для себя понятие экономии и дискретного характера языковых единиц в плане содержания и выражения, чтобы вновь поднять вопрос о *universals of language* [языковых универсалиях] и явной потребности в теории описания языка. Как Пирс, Крушевский, Бодуэн, Марти и Нурен, Соссюр на полвека опередил свое время, даже на век, если учесть, что основные идеи появились у него уже в годы пребывания в Лейпциге. Говорят, что для ученого большим несчастьем является «открытие Америки», то есть открытие

викингов, открывших Америку слишком рано. Соссюр пережил эту драму, этот раскол: с одной стороны — ощущение очевидности и тривиальности, исходящей от фундаментальных истин после их открытия, а с другой стороны — болезненное ощущение одиночества, изолированности в разработке и развитии этой истины.

Общее впечатление таково... что достаточно одного здравого смысла... чтобы уничтожить всех призраков... Однако мы не придерживаемся такого мнения. Мы, напротив, глубоко убеждены, что тот, кто ступает ногой на территорию *языка*, лишается всех аналогий, земных и небесных {Notes 64}.

В последние годы, однако, он получает признание: немецкая наука относится к нему еще враждебно (*Lettres* 108), но *Ablaut* Хирта приводит к тому, что начинается обсуждение *Memoire*; лучший, после смерти Дюво, из его учеников, Мейе, посвящает ему свой шедевр *Introduction*; 14 июля 1908 г. тот же Мейе и Женевские ученики вручают ему сборник исследований, организуя для этого специальную церемонию, предназначенную для выражения их любви (*Muret, De Crue, Bally II F. d. S. 47-48, 23, 51* и *Bally* 1908); в 1909 г. он становится членом Датской Академии наук, а еще через год — членом-корреспондентом Французской Академии (*Lettres* 120-121; *De Crue* и *Muret II Ed. S. 23* и 48). Однако, как напишет в 1916 г. Готье, «этот человек... прожил свою жизнь в одиночестве». Его «последний образ» — «стареющий дворянин с достойными манерами, с несколько усталым видом, несущий в своем мечтательном, беспокойном взгляде вопрос, на котором прервется его жизнь» (*Benveniste* 1965. 34). Неясная печаль преобладает в разговорах с Ридлингером (*S. M. 29*) и Готье (*S. M. 30*). Летом 1912 г. Соссюр вынужден по причине болезни временно прекратить преподавание, он уединяется в замке Фэшей в Вуфлансе, пытается еще заняться новыми исследованиями, в частности китаеведением (возможно, по примеру своего брата Леопольда), но его состояние постоянно ухудшается, и 22 февраля 1913 г. Соссюр умирает. «*Gazette de Lau-zanne*» от 27 февраля пишет:

Последние почести были отданы праху Фердинанда де Соссюра. Церемония состоялась в Жантоде. Она началась в церкви, где перед многочисленной собравшейся толпой пастор и профессор г-н Люсьен Готье произнес... краткую речь... Затем декан факультета филологии и социальных наук Женевы, профессор Френсис де Крю, рассказал о карьере умершего. На могиле пастор Жорж Берге произнес прощальную молитву.

Несколько позже Мейе напишет:

Он создал наилучшую из всех написанных книг по сравнительной грамматике, полную идей и основанную на прочных теориях, оставил свой отпечаток в умах многих учеников, однако ему не удалось до конца выполнить свое предназначение.

Для выполнения этого предназначения был создан *К. О. Л.*, критический труд лингвистов двух поколений, объемное и плодотворное развитие идей Соссюра, «как его вторая жизнь, сливающаяся с нашей» (*Benveniste* 1963. 21).

268

7. Формирование общей лингвистики Соссюра

Как писал Р. Энглер (1966. 35), «система не вышла во всеоружии из головы Соссюра». Она явилась результатом, лишенным, впрочем, последней своей реорганизации, упорядочения приобретений, часть из которых были, как мы видели, весьма преждевременными. Но, прежде чем говорить об этих приобретениях и достижениях, следует вспомнить учения его первых учителей и, погру-

жаясь еще глубже в процесс формирования теории, воскресить врожденные черты столь исключительной личности, черты, которые трудно отделить от объективно различимых черт его теоретического творчества и превратностей его формирования.

Навык научных размышлений у Соссюра, как мы уже говорили, является наследственным (выше с. 236), так же как, возможно, и влечение ко «всяким сфинксам» (выше с. 239), усиленное ранним общением с Пикте, влечение к исследованиям фундаментальных фактов во всех областях (выше с. 245). Здесь нет никакого мистицизма, но, напротив, потребность избегать «торжественных фраз», потребность понять вещи полностью, до самого их основания и объяснить другим (выше с. 250). Именно это является источником его диалектического и проблемного отношения, удивившего уже его современников (выше с. 239). Наконец, если отметить тот факт, что интуитивное осознание объективно структурированного, «системного» характера языковых единиц предшествовало раннему открытию *назального сонанта* (выше с. 239) и идее «общей системы языка» (выше с. 238), еще ранней и почти детской, можно задаться вопросом, не является ли идея системы неким подобием энтелехии интеллектуальной жизни Соссюра, конечным принципом, кульминационной точкой его теоретических размышлений, связанных с самим происхождением его гения.

Среди всех тех, кто оказал непосредственное влияние на формирование Соссюра, как мы уже говорили (выше с. 238 - 240), первой роль, по-видимому, принадлежит Пикте. Встреча с учеными Лейпцига и Берлина, несомненно, содействовала окончательному овладению Соссюром техникой сравнительного анализа языков. Но, не имея более точных документов, невозможно признать за кем-либо из них влияние, сравнимое с влиянием Пикте или таких духовных учителей, как Бопп (о котором см. выше с. 240) и в особенности Уитни (выше с. 247 и ел.). В парижский период Соссюр, несомненно, смог сблизиться также с Г. Пари (выше 255); именно его имя (а не Бреалья) названо наряду с именами Г. Пауля, П. Мейера, Г. Шухардта, Бодуэна и Крушевского (о которых см. выше с. 252 и прим. 7), в кратком списке «сделавших шаг к познанию языка» (*Notes* 66), приводившемся на вводных лекциях женеvских курсов.

Среди первых сознательных теоретических приобретений Соссюра находится понятие оппозитивного и реляционного характера языковых единиц, присутствующее уже в *Memoirs* (выше с. 244) и в диссертации по абсолютному генитиву (245), использованное затем в парижских курсах и в исследованиях литовского языка (*Meillet II F. d. S.* 82 и выше с. 254). Понятие системы, дополняющее первое понятие, также преобладает в *Мемуаре* (выше с. 244), в парижских курсах и в исследованиях литовского языка (Сб. 514).

269

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗЛМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

Эти открытия вскоре оказали влияние на методику исследования и на теорию этой методики: благодаря им анализ языковой единицы стал исследованием ее «дистанктивного признака» по отношению к другим единицам, сосуществующим с ней (выше с. 245), а описание языка стало прежде всего «лингвистикой состояния», уже отличающегося от лингвистики развития в парижских курсах 1882 г. (выше с. 250) и затем в рецензии на работу Шмидта 1897 г. (выше с. 262).

Появление этого первого ядра идей имело различные последствия: прежде всего, крайняя филологическая аккуратность, тщательность при описании

языка распространяется и на методику преподавания, отличавшуюся особой строгостью (выше с. 256, 262); это позволяет при сравнении двух живых языков заменить упрощенные знания, полученные **из** книг, конкретными, непосредственными знаниями, полученными при исследовании языковых явлений (выше с. 247). Идея системы ведет к осознанию различия между статической и диахронной лингвистикой, а также к пониманию различия и связи между системой и ее реализацией, между *языком* и *речью*, относящемуся к периоду путешествия в Литву (выше с. 245) и усиленному затем встречей с Бодуэном и открытием Крушевско-го (выше с. 252 и прим. 7). Необходимым следствием этого стало разграничение физиологического и «исторического» исследования фонематической системы, о котором уже говорилось в отчете о парижском курсе 1881г. (выше с. 250).

Первоначально эти идеи располагаются в рамках конвенционализма Уитни: на-мек на него явно просматривается в первой попытке синтезировать общие взгляды относительно «жизни языка», предпринятой Соссюром в 1885 г. (выше с. 251). Однако концепция Уитни, должно быть, не удовлетворила Соссюра, и после 1885 г. он не оставляет мыслей об общей теории. Об этой потребности говорилось в рецензии на работу Шмидта от 1891 г., где, как мы уже отмечали (выше с. 262), он подчеркивает необходимую взаимодополняемость частных анализов и общей теории. И именно в силу осознания этой необходимости Соссюру отвратительно чрезмерное увлечение фактами, присущее позитивистской лингвистике того времени, полное постулатов, неосознанно связанных с используемой терминологией: осознание необходимости реконструкции терминологического аппарата (а значит, концептуального), благодаря которому лингвистика сможет изучать явления с большей точностью, возникло в период написания диссертации, но оно становится доминирующим к 1894 г., об этом упоминается в первом письме, адресованном Мейе, от 1894 г., и в рукописной записи, также относящейся к 1894 г., приведенной ниже.

Именно в эти годы созревают наиболее оригинальные идеи Соссюра, в которых еще не скоро будут замечены центральные идеи соссюровской мысли: идея языка как формы, идея относительности, произвольности и радикальной историчности организации лингвистики во всей ее совокупности. Ценное свидетельство на этот счет оставил нам Сеше:

Он неоднократно пытался приобщить нас к работе своей мысли. В частных беседах он говорил о вопросах методики, о теоретических проблемах, над которыми он впоследствии работал... в своих курсах по общей лингвистике... Ему случалось также развивать перед нами эту идею, занимающую его постоянно, ставшую основой его размышлений об организации и функционировании языков, идею о том, что следует знать, что значение имеют не знаки сами по себе, а различия между знаками, создающие игру противоположных значений (*Sechehaye II F. d. S. 65*).

270

Эту «основу» мы находим в записях 1893 и 1894 гг., в набросках книги, о которой Соссюр говорит в письме Мейе от 1894 г., и в набросках статьи об Уитни: Некоторые просветители говорили: «Язык — вещь совершенно экстра-человеческая, организованная сама по себе, как паразитическая растительность, распространенная на поверхности нашего вида». Другие утверждали: «Язык — вещь человеческая, но одновременно имеющая природные функции». Уитни сказал: «Язык является установлением людей». Это изменило направление лингвистики.

По-видимому, следующим утверждением будет: «Это установление людей, но такого рода, что все прочие установления людей, *кроме письма*, могут лишь навести нас на ложный путь в поисках сущности, если мы будем исходить из аналогии с ними».

Действительно, другие установления полностью базируются на *естественных* отношениях между вещами... Например, *система права* нации или политическая система. И даже капризная мода, определяющая нашу одежду, не имеющая возможности ни на мгновение отклониться от данных величин пропорций человеческого тела. Язык же и письмо не *основаны* на естественном отношении между вещами. Не существует никогда никакого отношения между каким-либо свистящим звуком и формой буквы S или, например, слово *sow* с такой же легкостью может обозначать «корова», как и слово *vassa*. Уитни неустанно повторял это, чтобы дать лучше почувствовать, что язык является чистым, стопроцентным установлением людей. Однако это доказывает весьма большее: что язык является установлением, *не имеющим аналогов* (если присоединить сюда и письмо), и что после этого было бы действительно самонадеянным считать, что история языка должна походить, даже отдаленно, на историю какого-либо другого установления (*Notes 59-60*).

Это объяснение особого характера лингвистических установлений, это «весьма большее» по отношению к конвенционализму Уитни находится в пространственных набросках предисловия к книге по общей лингвистике, которую он предполагал написать в 1893-1894 гг.: в языке ничто не является субстанцией, ничто не существует столь автономно, как лингвистика, и, наоборот, все является результатом «комбинированных или изолированных действий физиологических, психических, умственных сил». То есть язык—это не определенное посредством договора место встречи некой звуковой субстанции и некой мыслительной субстанции («понятий»):

По мере того как углубляешься в материал лингвистических исследований, все более убеждаешься в истинности утверждения, наводящего (скрывать это бесполезно) на размышления: связь, обнаруживающаяся между вещами, в этой области предшествует *самим вещам* и служит для *их* определения (*Notes 56*).

Различия языка имеют объяснение лишь сами по себе, а не в природе звукового или понятийного материала, в которой они действуют.

Отсюда двойная необходимость как можно большей формальной точности в теории лингвистических фактов, поскольку это не та область, в которой вещи могут рассматриваться с одной или с другой точки зрения,— напротив, в этой области переплетаются произвольные различия, и, следовательно, необходима предварительная работа по первичному определению этих различий:

Важнейшей задачей теории языка станет выяснение того, как обстоит дело с нашими исходными различиями. Невозможно утверждать, что мы имеем

271

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗЛМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

право выстраивать теорию без этой работы по определению, хотя этот удобный способ, по-видимому, до сих пор удовлетворял лингвистическую публику (*Notes 55-56*).

Коррелятивный характер лингвистической единицы подтверждается впоследствии в следующем отрывке:

Мы не имеем права рассматривать одну сторону языка как предшествующую и высшую по отношению к другим и превращать ее в точку отсчета. Мы имели бы

на это право, если бы существовала сторона, данная вне других, то есть вне какой-либо операции по абстрагированию и обобщению с нашей стороны, но достаточно подумать, чтобы понять, что таких сторон не существует (*Notes 56*).

Завершение этой цепочки размышлений носит чисто гегелевский характер : К каждой вещи, рассматриваемой нами как истина, мы приходим столь разнообразными путями, что, признаться, не знаем, какому из них следует отдать предпочтение. Для лучшего представления совокупности наших предложений следовало бы выбрать постоянную и хорошо определенную отправную точку. Но мы как раз пытаемся установить, что в лингвистике предположение, будто бы один факт может быть определен сам по себе, является ложным. Таким образом, на деле наблюдается полное отсутствие какой-либо отправной точки, если какой-либо читатель внимательно проследит нашу мысль от начала до конца этого тома, он признает, мы в этом убеждены, что, если можно так выразиться, невозможно следовать строгому порядку (*Notes 56-57*).

Проблема порядка, в котором следует расположить тезисы лингвистической теории, присутствовала в размышлениях Соссюра до последних лет его жизни, как это показывает уже упоминавшийся отрывок из разговоров с Ридлингером (выше с. 264) и изменение плана читаемого на протяжении трех лет курса. Возможно, что концепция семиотики как общей теории знаков, появившаяся ранее 1901 г. (дата публикации *Classification de sciences* Навили, в которой упоминается новая соссюровская наука: выше прим. 9), и связанная с ней формулировка «первейшего принципа», то есть принципа произвольности, в течение определенного времени представляли удовлетворительное решение, проблемы для Соссюра. Это показывает тот факт, что именно на них базируются начало и основное содержание второго курса.

¹⁰ См.: *Hegel G.W.F. Precis de l'Encyclopedie des sciences philosophiques / Trad. francais de J. Gibelin. Paris, 1970.29 (§ 1): «Философия лишена привилегии, которой пользуются другие науки, имеющие возможность предполагать свои объекты как данные непосредственно представлением, так же как и методика знания для начала и продолжения исследований как принятую предварительно. Ее объект, это правда, является также объектом религии... Философия, несомненно, может предполагать знание своего объекта, она даже должна его предполагать, так же как и интерес к этому объекту, уже по причине того, что сознание имеет представления об объектах прежде, чем получает их понятие (*Begriffe*), и того, что *думающий* разум достигает знающего и понимающего размышления, лишь проходя *через* представление и находясь в соотношении с ним.*

Однако исследующая мысль вскоре понимает, что это изучение требует показать *необходимость* его содержания и *доказать как* определения, так и существование своих объектов. То есть простое знание этих объектов представляется недостаточным, также как и *выдвижение* или *принятие* предположений и утверждений представляется недопустимым. Однако одновременно появляется трудность начала, поскольку начало, будучи *непосредственностью*, устанавливает предположение, или, точнее, является одним из предположений».

272

Однако при переходе от второго к третьему курсу план меняется (выше с. 265), и лишь на лекции от 19 мая 1911 г., под конец своего третьего курса, Соссюр вводит термины *означаемое* и *означающее* (*S. M. 85*), необходимые для более строгой формулировки принципа произвольности, изложенного двенадцатью днями ранее в других терминах (*S. M. 82*), и рассмотренного с иной точки зрения в двух по-

следних лекциях курса, от 30 июня и от 4 июля (S. M. 90-92). То есть в самом конце своей преподавательской деятельности Соссюр с полной ясностью видит, что произвольность знака касается не только означающей, но и означаемой стороны знака и языков (что придает ей полностью исторический характер), поскольку значения имеют определенную значимость лишь по отношению к тому, что их окружает (S. M 91, прим. 150 и 151), а мир содержаний, так же как и мир звуков, является аморфным до начала формирования внутренней организации языка, произвольной и, следовательно, «системной» (и, следовательно, историчной) (S. M. 91, 152). Соссюр открыл объединяющий принцип теории языка лишь под конец (или лишь под конец он счел возможным изложить его своим ученикам).

Согласно двум традиционным концепциям лингвистических явлений, данную единицу языка можно идентифицировать либо посредством смысла, либо посредством звука. Есть множество способов произнести слово *Госпо-да*, но эти разнообразные реализации можно идентифицировать на том основании, что они выражают определенный смысл, являющийся «одним и тем же для всех», согласно старому аристотелевскому утверждению, ставшему основой этой точки зрения. Критика этой точки зрения, открытие флуктуации в мире означаемых подтолкнула лингвистов, придерживающихся идей Боппа, к звуку, «проводнику, более надежному» (по словам Потта), чем флуктуирующие означаемые, для изучения единиц языка. *Господа* может иметь бесконечное количество смыслов, но тем не менее эти бесчисленные реализации имеют звуковое сходство. Соссюр исходит из четкого осознания аргументов обеих точек зрения, т. е. из принятия этих двух фактов: звуковые формы изменяются бесконечно, смысл изменяется бесконечно. Одно произношение *Господа* отделяет от другого целая пропасть, в которой может поместиться бесконечное количество промежуточных произношений. Таким же образом существует пропасть между одним смыслом и другим, связанными между собой одной из возможных реализации слова, меж которыми также могут располагаться новые промежуточные варианты смысла. С другой стороны, Соссюр отмечает, что промежуточные варианты смысла и промежуточные звуковые формы могут также располагаться между вариантами смысла и звуками слов, рассматриваемых как отличные друг от друга. Другими словами, он уловил непрерывный характер конкретных реализации, конкретных актов речи. Имя Г. Шухардта не случайно названо среди тех, кто содействовал развитию знаний о языке. И если бы Соссюр читал Кроче, в качестве начала своих размышлений он мог бы процитировать его «Эстетику».

Однако в этот мир смыслов и артикуляций, колеблющихся сходным образом, в котором непрерывность кажется единственным объективно действующим правилом, говорящие члены общества вводят различия и идентификации: серия неисчислимого количества артикуляций и смыслов и смысловых оттенков слова *Господа* (*Messieurs*) объединена в единство и отделена от соседних, сходных артикуляций (например, *Господин* (*Monsieur*), *мои сестры* (*Mes soeurs*) и т. д.) и соседних, сходных смыслов («Дорогие друзья», например, или «Почтенная публика» и т. д.). Артикуляционное сходство либо его отсутствие, психологическое и логическое

ем еще раз (хотя это приводит к риску привести в возмущение сторонников историзма и структурализма), что Соссюр идет в точности тем же путем, каким шел Шухардт, а позже Кроче.

И однако (и это начало расхождения) эти объединения являются реальными: именно на них каждое мгновение строится речь, в которой эти дополнительные различия и идентификации действуют конкретным и действительным образом. На что же опираются эти объединения?

В течение нескольких лет (между Парижем и первыми годами в Женеве) Соссюр, должно быть, считал приемлемым конвенционалистский ответ Уитни: договор и только договор позволяет объединять в единства различные артикуляции и различные смыслы (или производить различие между этими артикуляциями и этими смыслами и соседними артикуляциями и смыслами с психологической и звуковой точки зрения). Но конвенционализм (не учитывая его слабость с точки зрения конкретной историчности, поскольку непонятно, когда и каким образом осуществляется договор) исключительно слаб в плане теории: он предполагает, что термины, о которых говорится, что **их** идентичность установлена, являются уже идентифицированными. Язык, как механизм, руководящий идентификациями и различениями, является предшествующим по отношению к любому договору. Вот почему анализирующий его оказывается «лишен всех аналогий, небесных и земных».

Окончательный ответ Соссюра сосредоточен вокруг теории произвольности. В бесконечной серии различных звуковых реализации, так же как и в бесконечной серии различных смыслов, обе они образуют непрерывное полотно. Язык разделяет различные единицы, проводя границы, внутри которых психологически или фонически различные явления являются идентифицированными. Язык является механизмом, руководящим (помимо воли индивидуума) этими идентификациями и этими различиями. Он является совокупностью артикуляций, границ, придающих прерывистый характер (сегодня мы сказали бы дискретный) массе звуковых реализации и массе значений. Благодаря языку говорящий относит конкретную звуковую единицу к той или иной категории означающих единиц, а перцептивную, или воспринимающую, или концептуальную, единицу к той или иной категории означаемых единиц. В этих категоризациях отсутствуют какие-либо основания, присущие фоно-акустической или понятийной субстанции, [e] и [a:] классифицируются как различные реализации одной и той же единицы, обозначаемой символом *1a1* в итальянском языке или в неаполитанском диалекте, как различные реализации двух различных реализации, обозначаемых символами *1a1* и *1a:1* (или *á* и *o*) во французском или латинском языке. Соссюр с все большей ясностью видит, что и в плане значений (смыслов) и в плане означаемых происходит одно и то же. Молодое создание женского пола и такое же создание мужского пола имеют лишь одно означаемое в немецком языке («*Kind*») или в греческом языке («*τέκνον*»), тогда как они имеют два означаемых в итальянском языке («*bambino*» и «*bambino*») или в латинском языке («*puer*» и «*puella*»).

Фоно-акустические или понятийные и психологические сходства и различия не объясняют причин этих идентификаций и различий. То есть они принадлежат не к области естественного, природного, обусловленного, а к области исторической случайности. Иными словами, они являются произвольными.

Самый глубокий смысл (о законных основаниях исследования этой глубины см.: *Martinet* 1957.115-116 и *Godel* 1959.32) произвольности знака выражен

не на сумбурных страницах 70-7/ К. О. Л., а в главе ГУ второй части, посвященной языковой значимости (/С О. Л., //2-/22): языковой знак является произвольным, поскольку он представляет собой комбинацию (произвольную, но выявление этого уже не вызывает интереса) двух сторон, *означаемого* и *означающего*, являющихся произвольными в той мере, в какой они объединяют (и различают) произвольно, не имея на то мотиваций логического или природного характера, различные смыслы и различные типы звуковой реализации.

«Системная» природа языкового знака идет от его произвольности. Разграничение знаков, лишенное какой-либо мотивации, связанной с понятийной или звуковой субстанцией, происходит посредством разграничения, производимого самими знаками. Именно по причине того, что это разграничение не имеет иной базы, кроме *usus loquendi* языкового сообщества, языковой системе свойственна радикально-социальная природа во всех своих проявлениях, то есть как в плане семантики, так и в плане фонологии или морфологии (Фрей). Признание произвольности приводит также к появлению обновленной методики описания языков, которое следует производить не в фоно-акустических или онтолого-логико-психологических терминах, а в терминах фо-но-акустических и онтолого-логико-психологических различий, используемых в данном языке для создания всевозможных знаков. В К. О. Л. дается лишь набросок принципов этой методики: они были развиты значительно позже, в исследованиях представителей пражской, французской школ и глос-сематики, а также при создании функциональной семантики, благодаря трудам швейцарских ученых (Фрея, Бюргера, Годеля), а также Ламба и Прието.

8. Судьба К. О. Л. в различных странах

К. О. Л. был издан в 1916 г. (337 страниц), затем, с новой нумерацией страниц, в 1922, 1931, 1949, 1955, 1962 гг. и т. д. Первое издание сопровождали многочисленные рецензии (в основном критические): Bourdon 1917; Gau-tier 1916; Grammont 1917; Jaberg 1937. 123-136 (опубликовано в декабре 1916 г.); Jespersen 1917; Lommel 1921; Meillet 1916; Niedermann 1916; Oltra-mar 1916; Ronjat 1916; Schuchardt 1917; Sechaye 1917; Terracini 1919; Wacker-nagel 1916. Второе издание также имело рецензии: Abegg 1923; Gombocz 1925; Gregoire 1923; Lommel 1922; Lommel 1924; Maimaeau 1923; Uhlenbeck 1923. Кроме того, было опубликовано множество переводов: на японский язык (*Gengogakugenron I Trad. de H. Kobayashi. Tokio, 1928; 2^e ed. 1940 [с библиографией, 1-10]; 3^e ed. 1941 [с новым предисловием]; 4^e ed. 1950); на немецкий язык (*Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft. Berlin; Leipzig, 1931, с коротким Vorwort [нем. предисловием] с выражением благодарности Л. Готье, Балли, Сеше), книга, рецензию на которую написали Herman 1931, Аттап 1934 b, была переиздана двадцатью шестью годами позже в Берлине, в 1967 г. «с новым алфавитным указателем и послесловием Петера фон Поленца»; на русский язык (*Курс общей лингвистики 1* Пер. А. М. Сухотина, коммент. Р. О. Шора; Предисл. Д. Н. Введенского [издание упоминается здесь как *Введенский 1933*]. М., 1933; первый выпуск серии «Языковеды запада», не переиздававшийся, мало известный в западной Европе: см. S. M. 24, прим. 3; Slusareva 1963.34); на испанский язык (*Curso de linguística general I Trad. et preface de Amado Alonso (упоминается здесь как ^ lonso 1945). 2^e ed. 1955; 3^e ed. 1959; 4^e ed. 1961); на английский язык (*Course in General Linguistics II Trad. and transl. intr. by W. Baskin. New York; Toronto; London, 1959, переиздано в обложке в 1966 г.; рецензия****

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗЛМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

перевод *langue—parole—langage* как *language—speaking* [а также *speech*]— [*human*] *language*); на польский язык (*Kurs jezykoznawstwa ogolnego II* Trad. de Krystina Kasprzyk. Varsovie, 1961); на венгерский язык (см. ниже с. 281); на итальянский язык (автором данной работы; 1^e ed. Van, 1967; 4^e ed. в обложке. Van, 1972).

Всего этого, однако, недостаточно, чтобы показать, насколько велико было влияние К. О. Л. Это скорее позволяет напомнить, что с 1930 г. «лишь немногие работы по общей лингвистике... не начинались с упоминания о Курсе» (*Malmberg* 1954. 9 и см. *Sechaye* 1940. 1). Встречаются, конечно, и случаи умолчания: работы, в которых упоминаются ученые, давшие лингвистике основные идеи, и не называется имя Соссюра. Это, например, популярная ризаторская книга М. Пея (*Pei M. The Story of Language. 1st ed. L., 1952; 2 ed., 1957*) или работы иного уровня, отличные учебники (*Gleason H. A. An Introduction to Descriptive Linguistics. N. Y., 1956; Hockett Ch. F. A Course in Modern Linguistics. N. Y., 1958*). В некоторых случаях (*Carroll* 1953.15) К. О. Л. упоминается среди хороших учебников по введению в лингвистику, что несколько напоминает упоминание *Одиссеи* среди работ по технике навигации. Но более подробного рассмотрения заслуживает судьба К. О. Л. в США.

Говоря в общих чертах, цитирование К. О. Л. было, если можно так выразиться, обязательным. Часто речь шла о нескольких упоминаниях каких-либо знаменитых различий Соссюра, таких как *язык—речь, синхрония—диахрония, означающее—означающее*: см. в качестве примера *Otto* 1934.180; *Herman* 1936-1938.1, II; *Brondal* 1943. 92 и ел.; *Sturtevant* 1947.3;

Dieth 1950. 3,8, 16; *Porzig* 1950.108; *Kronasser* 1952.21; *Carroll* 1953.11,12, 15; *Baldinger* 1957. 12, 21; *Ammer* 1958. 9 и ел., 46 и ел., 59; *Schmidt* 1963. 6-10; *Borgstrom* 1963. 4-5; *Malmberg* 1963. 8-9. Уже в упомянутых случаях ссылки имеют скорее критический характер; попытки дать оценку всего труда были предприняты во многих работах, среди которых, ограничившись лишь наиболее значительными по объему и резонансу, можно назвать (в хронологическом порядке): *Bally* 1908; *Havet* 1908; *Bally* 1913; *Idem II F. d. S. 51-57*; *Breal* 1913; *Meillet* 1913; *Streitberg* 1914 (труды, вышедшие ранее публикации К. О. Л., но содержащие в себе попытки оценить всю совокупность трудов Соссюра, включая методологический аспект, хорошо разъясненный в К. О. Л.); *Gautier* 1916; *Jaberg* 1937 (но впервые опубликованный в 1916 г.); *Meillet* 1916; *Wackernagel* 1916; *Grammont* 1919; *Jespersen* 1917; *Schuchardt* 1917; *Sechaye* 1917; *Regard* 1919. 3-11; *Terracini* 1919; *Lommel* 1922; *Idem* 1924; *Jakobson* 1929.16исл.; *Ртея* 1930. II-16; *Paglia-ro* 1930.86исл.; *Weisgerber* 1932; *Mathesius* 1933; *Trubeckoj* 1933; *Введенский* 1933; *Аттан* 1934; *Дйет-* 1934. 17-20; *Jakobson* 1936.237; *Alonso* 1945; *Wagner* 1947. 21; *Wells* 1947; *Sommerfelt* 1952; *Birnbaum* 1957; (*Godel*) *S. M. (1957)*; *Redard* 1957; *Чикобава* 1959. 13, 63, 84 и ел., 97-99, 125, 160; *ffeini-mann* 1959; *Штат* 1959.2; *Hjelmslev* 1961.7; *Collinder* 1962; *Jakobson* 1962. 293-294; *Kukenheim* 1962. 91-94; *Malmberg* 1963. 8; *Benveniste* 1963; *Gipper* 1963.13,19.20 и ел., 22 и ел. 29 и ел. 46 и ел.; *Jaberg* 1965.17-19; *Leroy* 1965. 79-91; *Benveniste* 1966. 20-21; *Lepchy* 1966. 31^8.

Этот далеко не полный список показывает, что К. О. Л. представлен хотя бы

отчасти во всех странах. Мы попытаемся обрисовать это более подробно, опираясь, в частности, на весьма точное описание, сделанное в работе *Kserper E. F. F. Bibliographia Saussureana 1870-1970. Metuchen (N. J.), 1972.*

ФРАНЦИЯ. Это страна, в которой влияние Соссюра в наибольшей степени получило всеобщее признание (*Meillet 1913; Gauthiot 1914; Grammont 1933 153-154; Kuckenheim 1962.91 и еп.; Benveniste 1965.24-28;* см. так-

276

же выше с. 250). Глубокое, непосредственное влияние Соссюра сформировало Мейе (*Alonso 1945. 28-29; Martinet 1953. 577; Чикобава 1959. 84; Benveniste 1962. 93; Bolelli 1965. 401; Lepchy 1966. 134-135*) и Граммона (*Grammont 1933. 9-10; Benveniste 1962. 93*), который, в основном благодаря этому, смог, вопреки всем спорам, раньше всех начать структуралистские исследования (*Malmberg B. M. G. // Studia Linguistica. 1947. / 52-55*). Конечно, влияние не всегда включало в себя полное понимание теоретических позиций Соссюра. Ж. Мунен множество раз справедливо подчеркивал, что Мейе так и не понял до конца соссюрское понятие «системы» и что это непонимание велико у таких «мейистов», как Ж. Вандриес и М. Лежен (*Мои-нин 1966. 26 и ел.; 1968. 76-78*). Отмечена также возможность влияния Соссюра на П. Пасси (выше, с. 249). Не напрямую, но не менее глубокое влияние оказал Соссюр на Р. Готьо (*Purler de Buividze. Paris, 1903.4; Benveniste 1965. 27*), Вандриеса (*Vendryes 1921. 437; Jordan—Bahner 1962. 326;*

Sommerfelt 1962. 90; Чикобава 1959. 84 и ел.; Bolelli 1965.421) и Бенвениста (Чикобава 1959. 84 и ел.; *Lepshy 1966. 134*), возобновившего работу над проблематикой *Memoire* (выше с. 250) и пришедшего в конечном счете, хотя и через колебания и непонимание, вероятно «мейистского» происхождения, «к положительной оценке и полному одобрению соссюрской мысли» (по признанию *Mounin 1968.76-78*) и посвятившего Соссюру фундаментальные исследования (см. список сокращений). В работах Мартине упоминания о Соссюре встречаются редко и являются весьма краткими, но каждое из них проливает новый свет на основные аспекты *К. О. Л.*, ставя надежные и окончательные точки над *i* в истории интерпретации соссюрской мысли. Работа *Elements de linguistique generate [Принципы общей лингвистики]*, хотя Соссюр в ней не упоминается, является учебником общей лингвистики, написанном в самом что ни на есть соссюрском духе. Соссюрский дух живет и в одной из наиболее значительных особенностей работы Мартине: «Он имеет одинаковое право обращаться и к структуралистам, и к специалистам по традиционной сравнительной грамматике; вклад Мартине отличает качество, все более редкое сегодня: он может использоваться как первыми, так и вторыми» (*Lepshy 1966. 129*).

Через Мейе, Граммона, Вандриеса, Бенвениста и Мартине Соссюр оказал влияние, более или менее очевидное, на всех французских лингвистов. В качестве примера можно назвать Л. Теньера (*Tesniere 1939. 83-84;*

Lepshy 1966. 146), чья работа *Elementes de syntaxe structurale [Принципы структурного синтаксиса]* (Paris, 1959) базируется на соссюрских идеях в гораздо большей степени, нежели это видно по явным ссылкам (см., например, с. 17, прим.); Ж. Мунена (см., в частности, *Mounin 1963. 21-24* и отличный сборник *Mounin 1968*); Одрикура и Жюяна (*Burger 1955. 19 и ел.*). Доза (*Dozat*) заявлял, что он первый обратился к соссюрским идеям (*Lepshy 1966. 71, прим. 41*). Пишон выступал с критикой (1937 и 1941 гг.); особый интерес представляют критические высказывания Марселя Коэна, к тому же, несмотря на критику, он без ко-

лебаний заявляет, что современная лингвистика решительно находится в долгу у Соссюра (*Cohen* 1956. 26, 75, 89, 163). Как мы увидим, влияние Соссюра распространилось за пределы лингвистики, особенно во Франции, и, возможно, что именно это несколько раз неизбежно приводило к «газетной „приблизительности"», на которую указывал *Mounin* 1968. 79-83.

ЯПОНИЯ. Влияние Соссюра «огромно» (*Izui*, 1963. 54-55), чему, возможно, способствовало предшествующее влияние идей Е. Д. Поливанова, ученика Бодуэна (*Иванов В. В.* Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова // *ВЯ*. 1957. 7: 3.55-76; *Леонтьев* 1961; *Из неопубликованного наследства*

277

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф ДЕ СОССЮРЕ

Е. Д. Поливанова // *ВЯ*. 1963.12: 3. 96-98; *Lerpshy* 1966. 63, 73, прим. 65), а также преподавание Э. Г. Палмера, настаивавшего, независимо от Соссюра (*Jespersen* 1925. 11-12), на различии между *language* (языком) и *speech* (речью—речевой деятельностью) (*Palmer* 1924. 40). Как мы видели, издание перевода К. О. Л., первого в мире, имело большой успех.

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА. Влияние Соссюра было велико и хорошо заметно. В Норвегии оно подкреплялось трудом Соммерфельта, интересовавшегося социолингвистическими аспектами соссюрской концепции (см.: *Sommerfelt A.* La linguistique science sociologique // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. 1932. 5. 315-331; *Sommerfelt* 1962, *passim*; *Leroy* 1965. 145-146), и его последователя Боргстрема (1949; 1963.4-5). В Швеции, несмотря на полемику Коллиндера (1962), традиция, созданная Нуреном, облегчила распространение влияния Соссюра, проявившегося через Мальмбергера (*Vendryes* 1950.455) и др. Специалисты в области философии также время от времени признавали значение К. О. Л. (*Regnell* 1958. 10, 140, 175, 185-186, 187). Особенно чувствовалось влияние Соссюра в Дании (*Вимба-шп* 1957.10): он был хорошо известен как член Академии (выше с. 268) и на него часто ссылались Брэндалль (1943.90-97), хотя тот факт, что он правильно усвоил сущность соссюрской мысли, был объектом спора (/те» 1955.50 и ел., например: *Brondal V.* Les panics du discours // *Trad. francais*. Copenhagen, 1948. 11-12, 76 и ел., 142 и ел.), Л. Ельмслев, с совершенно иной степенью проникновения (*Hjelmslev* 1928; 1947. 72; 1951.62; 1961.7; *Borgstroem* 1949;

Ege 1949. 23-24; *Wells* 1951. 564; *Siirtsema* 1955.1-13,54-57, 95,146; *Чико-бава* 1959.160 и ел.; *Coseriu* 1962.176; *Sommerfelt* 1962. 59,90), и специалисты по глоссематике (см. ниже с. 283).

РОССИЯ. Судьба идей Соссюра состоит из крайних контрастов. Они были первоначально привнесены С. Карцевским, посещавшим лекции Соссюра в Женеве начиная с 1905 г.; получив в 1914 г. степень кандидата филологических наук, в 1917 г. он вернулся на родину и сообщил молодым москвичам (Р. Якобсону и Н. С. Трубецкому) об учении Соссюра, сторонником которого он был в то время и остался впоследствии. Прежде всего, он изложил это учение в Академии наук в Москве, затем, в качестве преподавателя лингвистики, в Екатеринославле (Днепропетровске) и, наконец, в своих работах по применению учения к русскому языку (*Введенский* 1933. 20; *Stel-ling-Michaud* 1956; *Jakobson* 1956. 9-10; *Поспелов* 1957; *Jahobson* 1962.631). Даже после распада московского кружка идеи Соссюра продолжали привлекать внимание, как это, например, показывает Р. Шор в работе *Язык и общество*. М., 1926, или *Волошина*» 1930.60-65. В 1933 г. выходит наконец перевод Сухотина (см. выше). Объемное предисловие

Д. Н. Введенского, хотя и настаивает на явно выраженном, по его мнению, «буржуазном» характере идеологии К. О. Л., но признает и подчеркивает исключительное значение труда. Тем не менее марксистская однобокость повредила дискуссии, начавшейся после опубликования работы (Cohen 1956. 29-30; Leroy 1965. 172-173). Лишь после 1950г. появляются работы, по достоинству оценившие соссюрское учение: Будагова, Чикобавы, Жирмунского, Шаумяна и др. Слюсарева в 1963 г. написала первую рецензию. Соссюру (так же как Ельмслеу) придавалось большое значение в последующих работах С. Шаумяна и И. И. Ревзина (Birnbaut 1957.10).

Соссюр находился в центре дискуссии, начатой в 1965 г. Абаевым: на обвинения (в субъективизме в концепции языка, формализме, антиисторизме выделения синхронии и диахронии: Абаев 1965. 27-28) ответили в более общем плане, одобряя «новое» в лингвистике, А. В. Гладкий и И. И. Ревзин (ВЯ. 1965. 14: 3.44-59; 1966.15: 3.52-59) и в более узком плане— Ю. В. Рождественский

278

в работе О современном строении языкознания //ВЯ. 1965. 14: 3.60-69 (на с. 62 о значении Соссюра для лингвистики вообще), Л. Р. Зиндер в работе О новом в языкознании II ВЯ. 1966. 15: 3. 60-64 (с. 61; значение Соссюра и Бодуэна для синхронной лингвистики), Чшобава А. 1966.47-49 (сравнивал Соссюра с Кантом и говорил о значении различия между синхронией и диахронией) и, наконец, П. С. Кузнецов в работе Еще о гуманизме и дегуманизации II ВЯ. 1966. 15: 4,62-74, в которой были выделены исторические составляющие соссюрской мысли, в противоположность обвинениям в антиисторичности и мнению, которого придерживался не один структуралист (с. 65 и ел.).

США И АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ СТРАНЫ. На другом берегу Атлантического океана симпатия Соссюра к Уитни не нашла никакого отголоска. Среди крупных руководителей американских лингвистических школ XX в. интересные совпадения с Соссюром наблюдаются у Сепира, но он не имеет с ним совершенно никакой связи (Wariburg—Ullmann 1962.157; Mikus 1963.11-12; Wein 1963. 5). Отношения с Блумфилдом являются более сложными. Он, учитывая работы Сепира, назвал К. О. Л. «теоретической базой новейшего направления лингвистических исследований» (Bloomfield 1924). Еще двумя годами позже Блумфилд подчеркивает «свой духовный долг» перед Сепиром и Соссюром (Bloomfield 1926. 153), но через несколько лет, в *Language*, имя Соссюра появляется лишь один раз (р. 19). Ценное свидетельство по данному вопросу предоставлено Романом Якобсоном (частное письмо от 04.03.1968): «В разговоре со мной Блумфилд упомянул среди четырех из пяти работ, оказавших на него наибольшее влияние, и соссюрский *Курс*». Всего лишь однократное упоминание Соссюра в *Language* позволяет утверждать, что начинается вытеснение его идей, характерное для по-стблумфилдистской лингвистики. «В Америке [США] принято считать, что *Language* Леонарда Блумфилда является наиболее значительной книгой по общей лингвистике из всех опубликованных на сегодняшний день» (Hall R. L. *Linguistica americana dal 1925 al 1950//Ricerche linguistiche. 1950./*.279). В Hockett 1952 оспаривается наличие какого-либо влияния Соссюра на Блумфилда, чья независимость от Соссюра является общепризнанной (Garvin 1944.53-54; Wells 1951.558; Martinet 1953.577; Benveniste 1954.134; Coseriu 1962. 117; Waterman 1963. 93). Бирнбаум (1957.10) признает, что здесь присутствует нечто большее, нежели простое совпадение. Было бы ошибочно сводить отношение американцев к простому шовинизму. У блумфилдистов действительно просмат-

ривается опасение вновь впасть в ментализм, говоря о языке, и расстаться с бихевиоризмом. Косериу (1962.117) напоминает как раз, что для «американцев» язык является не чем иным, как «совокупностью всех высказываний во всех ситуациях» (*Harris Z. S. Methods in Structural Linguistics. Chicago, 1951.27* и см. ниже *К. О. Л. 19*, прим. 60).

Не следует, естественно, забывать, что самый лучший сборник о Соссюре написан все же именно в США (*Wells 1947*). Но суждения, подобные суждению *Waterman (1956, 1963. 61)*, называющего Соссюра «величайшим теоретиком новой эпохи», являются исключением. Лишь после возрождения интереса к тому, что находится «за» бесконечным множеством *высказываний*, к механизму языка, производящему *высказывания*, Соссюр вновь стал объектом внимания: у истоков возрождения этого интереса стоит, несомненно, Хомский. Вскоре появляются результаты: *Dineen 1967* посвящает продолжительный пассаж длинным ссылкам на Соссюра; *Godel 1969* публикует свою работу в «*Indiana University Studies in the History and Theory of Linguistics*». Даже Хоккет изменил свое отношение. Он подчеркивает, что находится в долгу у Соссюра (как и Л. Блумфилд), см.: *The State of the Art. The Hague, 1968. Chap. I, passim*.

279

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

Помимо молчания постблумфилдистов, присутствие Соссюра в англосаксонских странах было ограничено вследствие жесткой отрицательной оценки Огдена и Ричардса (1923); Соссюр — ученый, увлеченный «софизмами» (с. 4 и примечание), «наивный» (с. 5), необоснованно усложняющий (*id.*), неспособный описать функционирование языка (с. 232).

Присутствие идей Соссюра в английских университетах в определенной мере было гарантировано, прежде всего, А. Гардинером (*Sommerfelt 1962. 90; Robins 1963. 13*; и см. также *Gardiner 1932. 59-60, 62, 68-93, 106* и ел.; *Gardiner 1935; Gardiner 1944*), Джоунзом (1950. VI, 213; *Lepchy 1966. 135*) и Фёрсом (1935. 50 и ел.; 1956. 133; о Фёрсе см.: *Lepchy 1966. 135* и 147). Отдельно следует упомянуть Ульмана, венгра по происхождению, переехавшего в Англию, в большой степени находившегося под влиянием Соссюра и занимавшегося распространением его идей среди романистов и специалистов по семантике (*Ullmann 1949; Ullmann 1935*; см. также: *Antal 1963.19* и ел.; *Sommerfelt 1962.91; Rosiello 1966. XXIX* и ел.), хотя, по некоторым утверждениям, он не до конца понял соссюровскую мысль (*Godel 1953; Frei 1955. 50-61*).

Еще более чем в США присутствие Соссюра в Великобритании было в значительной степени усилено благодаря таким ученым, как Р. Х. Робине (*General Linguistics. An introductory Survey. London, 1964. 32,62,78, 129,378*), Р. Диксон (*What is Language? A New Approach to Linguistic Description. London, 1965. 73-78*) и особенно Дж. Лайонз (*Lyons 1963. 31, 35, 37; Lyons 1968. 38* и *passim*). ШВЕЙЦАРИЯ. Судьба учения Соссюра была менее удачной, чем это можно себе представить (*Frei 1949*). Кроме неясно очерченного окружения Соссюра, было несколько значительных личностей, продолживших в той или иной мере труд мэтра из Женевы. Прежде всего, следует упомянуть Балли, у которого, однако, часто отмечались расхождения с Соссюром (*Segre 1963.12-13,15-16*), подчеркивание аффективных значений языка и, то, что было особенно дорого Балли (*Bally 1909, I, VII*), оригинальность (*Alonso 1945.29-30; Godel 1947; Frei 1949.54; Чикобава 1959. 84* и ел.; *Wartburg. Ullmann 1962.249; Segre\1963 сй.и 14; Boelli 1965.391* и ел.) и, наряду с Балли, Сеше, возможно, более близкого к

проекту Соссюра, в особенности в том, что касается произвольности (*Alonso* 1945.30; *Godel* 1947; *Frei* 1949.55; *Godel* 1956. 59). Оба они образовали «Женевскую школу», вышедшую из соссюрского учения (*Sechaye* 1927; *Devoto* 1928; *Grammont* 1933. 155; *Frei*. 1949; *Godel* 1961; *Mourelle-Lema* 1969; *Godel* 1969; *Lepchy* 1970. 52 и т. д.), которое они широко распространяли и за которым они ревниво наблюдали. Их полемики в защиту того или иного пункта *К. О. Л.* не знают числа: отражая первую атаку Дорошевского на понятие фонемы (*Bally* 1933), отвечая на критику Вартбургом и представителями Пражской школы «разделения» синхронии и диахронии (*Bally* 1937; *Sechaye* 1939 и 1940, ср. *Alonso* 1945. 19, 26), отвечая Бейсенсу (*Sechaye* 1944) и т. д. Со «вторым соссюрским поколением» (Бюргер, Фрей, Гodel) апологетические интонации уступают место желанию интерпретации, часто сопровождаемой новыми взглядами: например, Фрей (*Sollberg* 1953. 45-46; *Martinet* 1955. 45), также вступивший, однако, в дискуссию для защиты соссюрских принципов (произвольность: *Buysens* 1941; *Frei* 1950; *Buysens* 1952; *Antal* 1963. 81; синонимия:

Frei 1961. 39). На каждой странице этого комментария и этих примечаний мы упоминаем о вкладе Р. Гodelя в интерпретацию и углубление соссюрской мысли. Наконец, говоря о присутствии соссюрских идей в его стране, не следует забывать о Карцевском (см. выше с. 278), о вкладе А. Бюргера 280

(1955; 1961), о работах и деятельности Р. Энглера, немецкоязычных ученых Швейцарии (см. ниже с. 281).

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ Е В Р О П Ы. В Польше (где перевод *К. О. Л.* вышел в 1961 г.) судьба соссюрских идей связана с судьбой традиции, Бодуэна и Крушевского, и с деятельностью Витольда Дорошевского (1930; 1933; 1933 *b*; 1958), в особенности интересовавшегося социологической интерпретацией семантических явлений (*Schqff'*1965.17 и ел.), и Е. Куриловича, работавшего над проблемами *Memoire* в историко-сравнительной области (выше, с. 250) и над проблемами *Курса* в области теории. В Польше, так же как и в Швейцарии, идеями Соссюра заинтересовались представители философской среды. Эти идеи были центром работ А. Шафа (1965 и 1964).

В Венгрии первым ученым, занявшимся анализом и углублением соссюрской проблематики, был Витолг Гомбоц, написавший в 1925 г. рецензию на *К. О. Л.* (*Gombocz* 1925) и широко использовавший его в своем небольшом очерке о семантике (*Jelentestan*. Budapest, 1926; ср. *Rosiello* 1966. XVII и ел.) и в других работах (*Melich J. G. Z. Ernlekezete // Kulonle-nyomat a magyar nyelv*. 1936. 32. 65-86). В этом направлении работали и другие ученые: *Laziczius* (1939; 1939 *b*; 1945; 1961. 15, 174 и ел.), *Fonagy* (1957 и *Zeichnen und System* 1,52), *Antal* (1963.17 и ел., 81 и ел.). Е. *Lorinczy* подготовил перевод *Курса* на венгерский язык (Budapest, 1967), о критериях и проблемах которого см. *Lorinczy E. Saussure magyar forditasa ele // Kulonlenyomat a magyar nyelv*. 1966. 279-285.

В Чехословакии почва для распространения *К. О. Л.* была подготовлена различными учеными. Прежде всего, оригинальной личностью, философом и политиком Томашом Гарригом Масариком, сформулировавшим в своей работе *Zakladove konkretne logiky* (Prague, 1885; перевод на нем. яз.: *Versuch einer concreten Logik*. 1886) четкое различие между статическим и историческим исследованием языка, что стало предвестником принятия представителями Пражской школы аналогичного соссюрского различия (*Jakobson* 1933. 167; *Alonso*

1945. 13). Мы еще вернемся к отношениям последних с Соссюром, но сейчас упомянем еще и вклад в развитие идей Соссюра В. Ма-тезиуса(1933)и Вахе-ка(1939. 95-96).

ИСПАНОЯЗЫЧНЫЕ СТРАНЫ. Прежде всего, отличный, ясный перевод *Prologo* А. Алонсо, относящийся к 1945 г., затем деятельность и исследования Э. Косериу (1958; 1962), преподававшего в течение многих лет в Монтевидео, способствовали ознакомлению с творчеством Соссюра, оцененном, однако, довольно сдержанно (*Alonso D.* 1950. 19-33, 599-603; *Catalan Menedez Pidal* 1955.18,20, 28-29,33-37). Широкое использование идей Соссюра и теорий соссюрковского происхождения находим в фундаментальном учебнике *RodriguezAdradosF.* *Linguistica estructural: In2vol.* Madrid, 1969. Исследования аргентинца Л. Прието, достигшие кульминации в работе *Принципы ноологии.* La Haye, 1964, представляют собой наиболее выраженное содействие развитию семантики в соответствии с идеями *К. О. Л.*

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ СТРАНЫ. Помимо Штрайтберга 1914, Юнкера 1924, Ломмеля, переводчика *К.О. Л.*, те, кто внесли вклад в распространение творчества Соссюра в немецкоязычных странах, были его критиками: Вартбург множество раз критиковал различие между синхронией и диахронией (1931; 1937; 1962); Аммер (1934) и Роггер (1941;

1942) критиковали некоторые пункты *К. О. Л.* Другие, напротив, ссылались на Соссюра (и на Гумбольдта): Л. Вайсгербер и И. Трир (*Weisgerber* 1932; *Trier* 1934. 174; см. кроме того: *Springer* 1938. 168; *Quadri* 1952. 143-144; *Hjelmslev* 1961. 47; *Wem* 1963. 11; *Antal* 1963. 19 и ел.; *Schaff*

281

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

1964. 12). Некоторое уважение к идеям Соссюра в немецких университетах появилось лишь после второй мировой войны.

ИТАЛИЯ. Для итальянских лингвистов, учившихся, как Бартоли, Баттисти, Бертольди, в Вене до первой мировой войны, *«Курс общей лингвистики... был... открытием»*, омраченным, однако, большим влиянием Жи-льерона и мнением, что удалось «отделиться» от *Курса*, «превзойдя его» (*Battisfi C.* Vittorio Bertoldi //Arch. glott. ital. 1953. 39. 1-19. P. 1-2). Отношение Б. Террачини не меняется, отраженное в рецензии на *К. О. Л.*, написанной довольно давно (*Terracini* 1919), оно развивается в критических статьях (1929; 1942; 1949.23-24, 37,40-^3 и т. д.; 1957.9,10,51;1963.24,26,37,48, 51, 62), так, в работе одного из его учеников (*Schik C.* II linguaggio. Natura, struttura, storicita del fatto linguistico. Turin, 1960) имя Соссюра упоминается четыре раза в связи с теорией слога, с понятием ассоциативного отношения и с именем Террачини, разработавшего понятие языка, отличное от понятия *К. О. Л.* (с. 63,73,83,197). В. Пизани (1966.298) считал, в свою очередь, что *К. О. Л.* является «грубым и примитивным».

В адрес *К. О. Л.* была направлена и критика исторического характера с требованиями пересмотра фундаментальных соссюрских понятий: Дж. Девото(1928; 1951.3-15),А.Патиаро(1930.8бисл.; 1952.48-61; 1957.32,198, 367-368, 377-378), Ж. Ненчиони (1946), Т. Болелли (1949. 25-28; 1965. 8, 150-152,358-359). У лингвистов последующих поколений, таких как Л. Хей-лман, В. Беларди, М. Лючиди (о которых см. *сокращения*), более выражена причастность если не к решениям, то, по крайней мере, к проблемам *К. О. Л.* Большой вклад в интерпретацию соссюрских идей внес Ж. Лепши (1962;

1965; 1966 и т. д.) и Ж. Деросси (1965). Традиционное «антисоссюровское» настроение, присущее итальянской лингвистике, по-видимому, уже не наблюдается у Леруа (1965.160-161 и примечание).

Отмечают также возрастающий интерес к *К. О. Л.* среди философов. Таких, как, например, G Delia Voipe (*Critica del gusto*. 1 ed. Milan, 1960. 91-100 и *passim*) или Ф. Ломбарди (*Aforismi inattuali sull'arte*. Rome, 1965. 65-162 [= *Note- nelle in tema di linguaggio // De Homine*. 1963. 7-8.146-242] (см. *Derossi 1965. 40-41*)).

После первого издания *К. О. Л.* (1967 г.) наблюдается значительный прогресс в распространении идей Соссюра в Италии (Engler 1970). Среди наиболее значительных событий и рецензий: посвященные критическому изданию Р. Энглера: *Segre C. II Strumenti critici*. 1967. / 437-441; 1969. 3. 58 (велик и семиологический интерес Сегре, уходящий корнями в проблематику соссюровского происхождения, см.: *I segni e la critica. Fra strutturalismo e semiologia*. Turin, 1969. 37, 38, 45, 61, 62, 64, 69); *Pisani V. II Paideia*. 1968. 23. 375-377; *Lepschy G. II Study e saggi linguistici*. 1969. 9. 216-218; о публикации отрывков из второго курса общей лингвистики: *Simone R. II II cannocchiale*. N. 5-9. P. 155-172 (где анонсируется полный перевод записей второго курса, намеченный издателем Ubaldini de Rome); о широком и глубоком использовании идей Соссюра специалистами по эстетике, семиотике, философии (Р. Барилли, Дж. Деросси, У. Эко, Э. Гаррони, Э. Меландри, Дж. Морпурго Та-льябуэ, Ф. Росси Ланди и др.); о замечательном использовании соссюровских идей в свете более поздних исследований в работах институционального характера (молодых и очень молодых ученых) таких, как *Cardona G Linguistica generale*. Rome, 1969; *Simone R. Piccolo dizionario della linguistica moderna*. Turin, 1969; *Varvaro A. Storia, problemi e metodi della linguistica romana*. Naples, 1968. Интересно, что урок, преподанный Соссюром (и Ельмслевом) с большим трудом, исчезает у наиболее молодых итальянских сторонников Хомского: см. *Introductione F. Antinucci (VII-XXXI) к Chomsky N. Le strutture*

282

della sintassi. Van, 1970. Следовательно, дни хронического «антисоссюриз-ма» итальянской лингвистики сочтены?

9. Присутствие идей Соссюра в различных лингвистических тенденциях

Картину судьбы *К. О. Л.* в различных странах мира можно дополнить картиной присутствия идей Соссюра в различных лингвистических тенденциях. Не считая самого Блумфилда, присутствие идей Соссюра у блумфилдистов было минимальным. Кроме того, до сих пор остается не вполне ясным, существовал ли также запрет на Соссюра и в среде сторонников Хомского вопреки самому лидеру. Конфронтация с соссюровскими позициями наблюдается чаще в различных тенденциях, отдающих преимущество обращению к истории: в некоторых случаях (Pagliaro: *Lero*y 1965.161-162 и примечание; Coseriu: *Rosiello* 1966.56-60) можно говорить о синтезе соссюровских идей и точек зрения сторонников обращения к истории. Соссюр в той или иной степени присутствует у таких ученых, как Wartburg (см. выше), Nencioni, Devoto, Tenacini (*DeMauro* 1955. 310 и ел.).

На Соссюра также ссылаются представители социологического направления: Мейе, Вандриес, Sommerfelt (см. выше и см. *Alonso* 1945. 29-29). Об отношении лингвистики материалистического и марксистского порядка см. выше с. 277 (Коэн) и 278 - 279.

Такие ключевые понятия глоссематики, как «форма» и «система», явно и очевидно имеют соссюрское происхождение, см. выше, с. 278, и см.: *Wells 1951; Sierlsema 1955.1-13; Чикобава 1959.160* и ел.; *Watermum 1963. 83* и ел.; *Lepchy 1966. 76-77*.

Отношения Соссюра с Пражской школой представляют собой сложную проблему. Неоднократно подчеркивалось (с целью вызвать полемику), что представители Пражской школы, к примеру, рассматривали фонему как «фонетическую абстракцию» (*Siertsema 1955.2*) или что они неоднократно приближались к семантическому эквиваленту «нулевого означаемого» (*Jakobson 1939; Godel 1953. 31*, прим. 1) и т. д. и этим показали, что они сформировались не на соссюрской территории (*Lepchy 1961.207* и ел.; *De Майю 1965. 115; Lepchy 1966. 54*). Действительно, и сами представители Пражской школы демонстрировали свою независимость от Соссюра, подчеркивая первенство, которое имели, по их мнению, в определении серии понятий (фонема, синхрония и диахрония и т. д.) различные славянские ученые: прежде всего, Бодуэн де Куртенэ и Крушевский (см. выше прим. 7), а также Поливанов (выше с. 278), Фортунатов (*Jakobson 1929 = 1962. 104*;

Щерба Л. В. Ф. Ф. Фортунатов в истории наук о языке // ВЯ. 1963. 12: 5. 88-93), *Uperbsi (Jakobson 1929. 8*, прим.; *Qelardi 1959. 67; Чикобава 1959.118* и ел.; *Леонтьев 1961. 118* и ел.; *Lepchy 1966. 63* и ел.).

Невозможно оспаривать наличие новых направлений, не имеющих связи с Соссюром (но не настолько уж чуждых Соссюру; достаточно сказать, что Бодуэн де Куртенэ и Крушевский сами обязаны Соссюру понятием фонемы: см. выше прим. 7). С другой стороны, не подлежит сомнению тот факт, что знакомство, сначала через Карцевского (см. выше с. 278), с идеями женевского мэтра имело решающее значение для Н. С. Трубецкого и Р. Якобсона. Дискутируя с *Lepchy 1961* и *DeMauro 1965. 115* (исправляющегося здесь), Е. Каррони утверждал (1966. 11 и ел.), «что связь между Соссюром и Пражской школой является *апостериорной*, а не объективно-исторической... это нужно понимать... в том смысле... что на деле

283

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

почва, взрастившая пражцев, не была соссюрской... Но невозможно и не нужно отрицать, что не только определение целой серии частных проблем, но и некоторые (методологически) примитивные теоретические и терминологические приемы идут от Соссюра». А. Мартине в докладе, прочитанном на *Arbeitsgemeinschaft fur Phonologie* в сентябре 1966 г. в Вене (*Диахроническая и синхроническая фонология*), придерживается тех же позиций: «Хотя фонологи и не последовали за Соссюром в его идентификации системы и синхронии, они не смогли бы отрицать свой долг перед человеком, заявившим с присущей ему строгостью и точностью о необходимости различия между двумя точками зрения, синхронической и диахронической. Конечно, весьма сложно с точностью определить границы вклада какого-либо мыслителя или исследователя в последующее развитие науки. Но представляется совершенно ясным тот факт, что влияние других ученых, справедливо рассматриваемых как пионеры фонологии, без вмешательства Соссюра никогда бы ни привело к строгому разделению синхронии и диахронии....» (In: *Phonologie der Gegenwart. Vortrage und Diskussionen*. Graz; Vienne: J. Hamm, 1967. 64-74,66). Различия между строгой гносеологией, к которой стремилась соссюрская мысль, и понятием «структуры» (как данной онтологической единицы) у представителей

Пражской школы подчеркиваются в работе *Lo Piparo F. Saussure e Io strutturalismo pragnese // Annali della Facolta di Magistero di Palermo. 1970.*

Именно в такой диалектической перспективе следует рассматривать отношения Соссюра с Якобсоном (помимо Jakobson 1962. 631 см.: *Martinet II Haudricour—Jtuilland 1949. IX; Burger 1955. 20 и ел.; Lepchy 1966. 120-123*), Трубецким (*Terracini 1939; Roger 1941. 193-212, 218-224; Alonso 1945. 14-15; Jakobson 1949. XIX, XXVIII; Martinet 1955. 18-19; Burger 1955. 19 и ел.; Catalan Menedez Pidal 1955. 28-29; Coseriu 1962. 149 и ел.; Jakobson 1962. 631; Sommerfelt 1962. 90; Lepchy 1966. 60-62*) и с представителями Пражской школы вообще (к названной библиографии можно добавить: *Jakobson 1933; Gammont 1933. 155; Tesniere 1939. 83-84; van Wijk 1939. 297; Alonso 1945. 13-16, 29; Hjelmslev 1947. 71; Martinet 1953. 577; Malmberg 1954.10-11,17; Spang-Hanssen 1954.93; Catalan Menedez Pidal 1955.28-29, 33-37; Greimas 1956; Selling—Michaud 1956. 7; Waterman 1956; Waterman 1963.68; Garroni 1966.11-18; Vachek J. The ling. School of Prague. L., 1966.4, 18-22,107,133, 160 и ел.).*

Общепризнано также влияние Соссюра на ученых, которых сложно отнести к какой-либо конкретной школе, таких как Г. Гийом (*Guillaume 1952; Benveniste 1962. 93; Valin 1964. 7*) или Есперсен, несмотря на случаи явного непонимания (*Jespersen, Selected Writings 3S9; Jespersen 1933.109 и ел.; Gardiner 1932.107; Sommerfelt 1962.90*). Впрочем, учитывая интерес Соссюра к «живому языку», к речи, предпринимались также попытки найти точки соприкосновения с весьма отдаленными позициями, такими как позиции Гий-ерона (*Jaberg 1937. 123-127; Terracini 1957. 10; Jordan—Banner 1962. 203-204, 223*) и Шухардта (*Jordan—Banner 1962. 80*).

На границе лингвистики с другими дисциплинами соссюровские идеи были использованы в психологии языка (*Delacroix 1930.9,53-54; Sechehaye 1930; Kainz 1941.10-11, 19-21; Garvin 1944.54; Kainz 1954. 334; Kainz 1965. 10-11, 213; Bresson 1963. 15, 27; Ajuriaguerra 1966. 123; об отношениях с Кантором см.: Garvin 1944. 54; Kantor 1952. 69, 162, 172*), науке, в которой Осгуд, исходя из различия между языком и речью, сформулировал различие между лингвистикой и психолингвистикой. Соссюровские идеи были приняты и использовались в лингвистике, ориентированной на преподавание (*Guberina 1961; Titone 1966. 43^U; Halliday M. Л. К., Mdnatosha., StrevensP.*

284

The Linguistic Science and Language Teaching. London, 1964. 148), в математической теории коммуникации и лингвистических фактов (*Mandelbrot 1954. 7 и ел., 13, 26; Guiraud 1959. 19; Ellis II Zeichen und System 48; Wein 1963. 5; Revzin 1. I. Models of Language. London, 1966. 2*); в особенности *Herdan G. 1966. 13* утверждал: «Существует тесная взаимосвязь между этой книгой как представителем качественной лингвистики и классикой общей лингвистики, соссюровским *Курсом*; таким образом, мою работу можно описать как количественное представление дихотомии Соссюра *язык—речь*» (см.: *Herdan 1956. 80; DeMauro, Statistica linguistica//Enciclo-pedia italiana. App. III: In 2 vol. Rome, 1961*). Идеи Соссюра перешли также в социологию (*Braga G. Comunicazione e societa. Milan, 1961.193,197*исл.) и в труды Марселя Мосса по антропологии (*Levi-Strauss C. L'analyse stmcturale en linguistique et en anthropologie // Word. 1945. /. 33-53. 35*).

В среде философов Соссюр известен меньше. Бюлер широко использовал и обсуждал/С. О. Л. (*Laziczius 1939. 162-}67; Lohmann 1943; Garvin 1944. 54; Lazic-*

zius 1945). Предпринимались поиски сходства между Соссюром и Кассирером (*Guntert* 1925. 9; *Lerch* 1939.145), который, впрочем, не упоминает имя Соссюра в работе *Philosophic der symbolischen Formen* и в других местах упоминает о нем лишь один раз (*Cassirer* 1945.104). Таким же образом рассматривалась возможность приблизить к Соссюру Гуссерля (*Pos* 1939.358-359; *Urban* 1939. 50; *Alonso* 1945. 8; *Merleau-Ponty* 1967.119 и ел.;

Derossi 1965. 33-34), Морриса (*Wein* 1963. 5-6), Витгенштейна (*Verburg* 1961; *Wein* 1963. 5; *De Mauro* 1965. 133 и ел., 152 и ел.) и даже Кроче (*Leroy* 1953. 461-462; *Lepchy* 1966. 19-20), мало цитировавшего Соссюра и не читавшего *К. О. Л.* (которого не было в его библиотеке), но тем не менее живо чувствовавшего наличие проблемы идентичности языковых форм, которые он рассматривал, как и Соссюр, в плане простой конкретной случайности как совершенно отличные, и начавшего рассматривать в своих последних работах язык в связи с общественной жизнью (*DeMauro* 1965.156 и ел.).

Можно констатировать, что ознакомление с подлинными соссюрсовскими идеями пробуждает все возрастающий интерес к тезисам Соссюра у всех тех, кто в том или ином виде занимается анализом языковой реальности. Следующее высказывание относится, конечно, не только к этим авторам и не к одной только среде психолингвистов, хотя и довольно обширной: «Мы принимаем, что классическое соссюрсовское различие языка и речи необходимо, если надо найти смысл в такой сложной области, каковой является функционирование языка. В этом смысле описание языка является описанием знания о языке, усвоенным зрелым идеализированным „говорящим слушателем"» (*Wales R. J., Marshall J. S. The Organization of Linguistic Performance, in Psycholinguistics. Papers; Edinbourg, 1966. 29*).

10. Вопрос о предшественниках

Такой широко распространенный текст, как *К. О. Л.*, не мог не встретить на своем пути разного рода препятствий и разногласий. Один из способов, наиболее распространенных и академически удобных и в наименьшей степени наказуемых, с помощью которого проявлялась враждебность по отношению к *Курсу*, это указание «предшественников». В перечисляемых ниже исследованиях, конечно, есть и научно значимые факты: исторически подтвержденное намерение найти *авторов*, которые могли оказать влияние на формирование Соссюра.

Следующие страницы имеют, таким образом, двойную цель: с одной стороны, напомнить с

285

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

помощью анализа «предшественников», каких масштабов достигла мало скрываемая оппозиция *К. О. Л.*, с другой стороны, подготовить материалы для обширных исследований процесса формирования Соссюра, необходимость которых остро ощущается (*Lepschy* 1966. 48) и вклад в которые мы хотели бы внести, написав предшествующие страницы (о Пикте, Уитни, Бодуэне и Крушевском, 322-323, 339), а также последующие.

Панини, индийский грамматик V-VI вв. до Рождества Христова, своей работой *Astadhyayi*, вероятно, дал Соссюру отправную точку в разработке понятия «нулевого знака» (*К. О. Л.* 186). Здесь же можно назвать таких современных авторов, как Sweet (*Alien W. S. Phonetics in Ancien India. Oxford, 1953. 13, прим. 4*). Это утверждал в полемической манере Коллиндер (1962. 6-11,15) и более объективно Аллен (1955.112). Действительно, например, в отрывке из работы Па-

нини VI 1 66-67 /ορὸν *veh* «выпадение из произношения *v*» о *Iopa* говорится как о «нулевом» означаемом, в соответствии с определением *Iopa* как *adarsana*, «отсутствия», данным в 11 и 60 (см. также: *Renou L. Term. Gramm. du Sanscrit. Paris, 1957, Iopa, Iup-*).

Стоики, Августин (глубокий анализ лингвистических идей Августина и их отношений с современной семиотикой был дан в *Simone R. Semiologia agostiniana // La culture. 1969. 7.88-117*), Сюгер, Т. Гомперц (*Ribins 1951.26, 82-83*; затем *Jakobson 1966.22-23*) были предшественниками различия между *означаемым* и *означающим* соссюрсовской теории двух сторон языкового* знака. Действительно, в работах Хрисиппа (*S. V.F.I. 48,18*) встречается пара οημαίνοντες—οημήνιμμενς; по правде говоря, речь идет, как в случае с многими другими элементами, называемыми «стоическими», о концептуальном и терминологическом различии, встречающемся уже у Аристотеля (см. *Poet. 1457a*, τα οημήνιοντα, противопоставляемое ἄσημα и *Rhet. 1405 b 8 τ^ οημαίναμενον* «означаемое») и которое традиционно относилось к «стоическим» (так же как идеи, принадлежавшие в действительности Локку и Лейбницу, приписывались Гумбольдту). Отличие Аристотеля от Августина проходит через Хрисиппа (*Robins cit. и Barwick K. Probleme der stoischen Sprachlehre und Rhetorik. Berlin, 1957.8 и ел.*), затем переходит в средневековую логику, в частности в учение о *modi significandi* Сюгера, и, наконец, в работы Т. Гомперца. Последний (о котором см. *Ogden, Richards 1923.274 и ел.*) был приват-доцентом в Берне в 1900 г. и автором работы *Weltanschauungs-lehre* (2 vol. Iena, 1905-1908), второй том которой озаглавлен *Ноалогия: «ноо-логия»* Гомперца превращается в науку о содержании знаков (*семасиологию*) и в науку об их истинности (*алетологию*). В библиотеке Соссюра нет томов Гомперца. Однако нельзя исключать возможности того, что именно с его помощью Соссюр пришел к данному терминологическому выводу, заменив в курсах по лингвистике термины *понятие* и *акустический образ* (*К. О. Л. 70*) терминами *означаемое* и *означающее*.

Типично конвенционалистская интерпретация соссюрсовского принципа произвольности (*К. О. Л. 70*) позволила предполагать целые толпы предшественников: список, составленный недавно, находится в работе *Coseriu E. L'arbitraire du Signe. Zur Spatgeschichte eines aristotelisches Begriffes // Arch. f. d. Studium der neuen Sprachen u. Lit. 1967.204.68-112*. В качестве предшественника называют, прежде всего, Платона (*Robins 1955. 10 и ел.; Jakobson 1966.25*), но было бы справедливо назвать также Парменида, некоторых софистов, Демокрита, Аристотеля, стоиков, некоторых эпикурейцев, Августина (в особенности отрывок из *Conf. 18*, высоко оцененный Витгенштейном в *Философских исследованиях (Phil. Unters. § 1)*) и т. д.; кроме того, называли Лейбница (*Perrot 1953. 12*), а именно кн. III *Новых опытов о человеческом разумении* (Собр. соч.: В 4 тт. М., 1983. Т. 2), повторяющую точку зрения

286

Локка (Опыт о человеческом разумении, I. III, в особенности гл. II, § 8 // Локк. Дж. Собр. Соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 1); Тюрго, *Этимология* в большой *Энциклопедии* (*Perrot 1953.12*); Дж. Буля *An Investigation on the Laws of Thought. London, 1854. 25-26* (см.: *Benveniste 1964.131-132*); А. Манцони *Prose Minori. 2^e ed. Florence, 1923. 317* (цитируется в *Boilelli 1965. 85*); П. Валери, рецензия на *Essai de semantique* М. Бреая (*CEuvres II, 1453*; процитировано в *Benveniste 1964.132-133*); *Madwig (Jespersen W1; Sechaye 1917. ^Delacroix 1930. 62; Boilelli 1965. 152; Jakobson 1966. 25)*.

Указывали и предшественников провозглашенной Соссюром семиотики в I. VIО *достоинстве и приумножении наук* (Бэкон Ф. Собр. соч.: В 2 тт. М., 1977-1978. Т. 1)), в особенности в учении о *characteres pop nominales*: «Hoc igitur plane statuendum est, quicquid scindi possit in differentias satis numerosas ad notionum varietatem explicandam (modo differentiae illae sensui perceptibiles sunt) fieri posse vehiculum cogitatonum de homine in homine» (Итак, должно быть ясно установлено, что все то, что может быть сведено из достаточно многочисленного разнообразия к вполне исчислимому набору понятий (если только разнообразие это доступно чувству), может стать передатчиком смыслов от человека к человеку—лат), см. *Verburg* 1952. 203-208); а также в *semiotica* Локка (*Wein* 1963. 6) и Ч. Пирса (*Wein* 1963. 6, *Jakobson* 1966. 23-25)¹².

Если Апель (1963. 117 и ел.) пытается объяснить некоторые различия в *De Vulgari Eloq.* Данте (*locutio, sermo, loquela, lingua ydioma*), используя сравнение язык—речь, другие ищут истоки соссюровских

" Отметим, однако, что ссылка на Лейбница как теоретика произвольности (в аристотелевском смысле этого термина) является, по крайней мере, спорной: Лейбниц, вместе с Локком и Вико, придерживается концепции языка как исторического образования (даже в его семантических аспектах), и у него можно наблюдать, как и у Вико и в несколько ином виде у Локка, Беркли и Юма, лишь некоторые остатки универсализма (см. отрывок, процитированный в *DeMauro* 1965.58, и по всей этой проблеме — ту же работу, 55-59). Вряд ли Соссюр читал работы Локка, Юма, Лейбница: иначе как объяснить тот факт, что он приписывал «философам» аристотелевские, пор-роялевские, рационалистские идеи. Представляется более вероятным предположение, что он усвоил их идеи через знакомство с идеями Крушевского (выше прим. 7).

¹² Локк использует термин *σημειωτική* в последнем параграфе *Опыта* (IV 21,4) в значении «учение о знаках»: «Ее задачей является рассмотрение природы знаков, используемых разумом для понимания вещей или для передачи другим своих знаний». В противоположность мнению, высказанному Н. Аббаньяно в своем *Dizionario aβio-sofia*, тем не менее заслуживающего уважения, следует сказать, что семиотика Локка представляет собой нечто отличное от «традиционной логики». В действительности, это одна из трех больших областей человеческого знания (другими являются «физика» и «практика»), и логика является лишь ее частью. Вероятно, что использование этого термина Локком было идентично употреблению [термина] *семиотика* у врачей; см. *σημειωτικὸν μέρος* «наука о симптомах» у Галена, *Op.* XIV 689 Kiihn. Как подчеркивает Аббаньяно, *Semiotik* появляется как заголовок третьей части *Нового Органона* И. Г. Ламберта (*Neues Organon oder Gedanken iiber die Erforschung und Bezeichnung des Wahren und dessen Unterscheidung von Irritum und Schein*. In 2 vol. Leipzig, 1764). А уже четырнадцатью годами ранее термин *семиотика* появляется в *synopsis* в *Эстетике* Баумгартена (*Ban*, 1936. 53) в качестве заголовка главы III *Aesthetica theoretica* или как название науки «de signis pulcre cogitatorum et dispositorum» (*Op. cit.* 58); но часть работы вышла в 1758 г., затем публикация была остановлена примерно в конце главы I и продолжения не последовало по причине смерти Баумгартена (1763). Как бы то ни было, все вышеизложенное, вероятно, показывает, что термин должно быть использовался в окружении Лейбница и Вольфа даже до Ламберта.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О <Б. ДЕ СОССЮРЕ
понятий в понятии «социального факта» Дюркгейма (*Doroszewski* 1930; *Doroszewski* 1933. 146; *Doroszewski* 1933 b; *Doroszewski* 1958. 544, прим. 3 [дискуссия с Мейе, цитируемым с *Doroszewski* 1933. 147 и *Sommerfelt* 1962. 37; 89-90]; *Mathesius* [*Doroszewski* 1933. 147]; *Введенский* 1933.16-18; 5уйагов 1954. 11.13; *Kukenheim* 1962. 83) и в роли индивидуума, о которой писал Тард (*Delacroix* 1930. 66; *Doroszewski* 1933 b; *Doroszewski* 1958. 544, прим. 3; S. M. 282).

В качестве предшественника различия терминов язык — *речь* как эквивалентов «коллективного наследия» и «индивидуального использования наследия» называли Г. Пауля, который в своей работе *Prinzipien der Sprachgesch-ichte* [*Принципы истории языка*] (1^e ed. Halle, 1880; 5^e ed. Halle, 1920) различает *Sprachus* и *individuelle Sprechtaetigkeit* [*языковой обычай (узус) и языковую деятельность*] (31 и ел., 286 и ел.), намечает путь движения речи способом, который сочли аналогичным способу Соссюра (14, где можно заметить, помимо прочего, что Пауль говорит о *Seele*, а Соссюр о *mozge*), и говорит о «дескриптивной грамматике», определяя ее, однако, как «абстракцию» (404) в обычном, негативном значении этого термина (*Alonso* 1945.23 *ttn.*; *Jordan—Bahner* 1962.326; *Wartburg—Ullman* 1962.41; *Coseriu* 1962.18, 282; и в особенности *Введенский* 1933.6 и ел.). Таким же образом упоминали о *Sprachwissenschaft* Габеленца (1891. 3-4), где различается «язык как явление, как соответствующее средство выражения для соответствующего мышления» (= *Rede* = *речь*) и «язык как единая общность, являющаяся средством выражения для мышления любого рода», «как совокупность той способности и склонности, которая определяет субстанцию речи...» (= *Sprache* = язык) (*Spitzer L. Aufsätze zur romanischen Syntax und Stilistik*. Halle, 1918.345; *Kainz* 1941. 20-21, *Meier* 1953. 529; *Jordan—Bahner* 1962. 326; *Coseriu* 1962. 282; *Rensch* 1966. 33-36). Ельмслев (1928. 112-113) отмечает у Габеленца различие между *Staff*— субстанцией и *Forms* — формой', см. также: *Zwinger K. Grundfr. der Phonometrie*. 2^e ed. Berne; New York, 1966. 81,101-105,166.

Указывали и другого предшественника различия между языком и речью: /•'incA: *F. N. Die Aufbau und gliederung der Sprachwissenschaft*. Halle, 1905 (*Jaberg* 1937. 128-130; *Coseriu* 1962. 282).

Э. Косериу решил вернуться еще раз к отношениям Габеленца и Соссюра. По его мнению, за исключением двух исследователей — Шпитцера и Иордана (*Coseriu* 1967. 75), «весьма тесное родство между идеями Фердинанда Соссюра и Габеленца остается незамеченным». Косериу не известно, что наряду со Шпитцером и Иорданом и другие также уже заметили переключку между соссюрскими аналогиями и идеями *Sprachwissenschaft* (см. выше). Радикальное отличие *К. О. Л.* от *Sprachwissenschaft*, однако, не выпало из поля его зрения: «Соссюр более систематичен, чем Габеленц... Так, например, он [Габеленц] не приходит к тем заключениям, которые Сосеюр выводит из определенных идентичных или почти (выделено мной. — *T. De Mauiu*) исходных позициях. Во-вторых, Соссюр... почти всегда ясно определяет основные понятия своей системы. Габеленц же, напротив, часто ограничивается использованием различий, уже признанных и принятых немецкой лингвистикой. Но Габеленцу не хватает точного понятия функциональности и оппозиции... Он не приходит к понятию дистинктивной оппозиции. У Габеленца нет ничего, что можно было бы сравнить со второй частью *К. О. Л.* (синхроническая лингвистика) и в особенности с главой об идентичности и лингвистических значимостях...» (91); «Можно со-

гласиться с тем, что идеи Габеленца не остаются у Соссюра без изменений. То, что у Габеленца часто имеет форму интуитивной догадки или, иногда, форму второстепенного утверждения, у Соссюра становится ясно сформулированным тезисом, частью системы...» (99).

288

Косериу отмечает этим различие качества и уровня Соссюра и Габеленца: с одной стороны, такой ученый, как Габеленц, в высшей степени осознающий различие между коллективным наследием и индивидуальным использованием языка, между описанием языка и определенной стадией описания развития этого языка, между историей форм и функций языка и историей культуры и цивилизации (различие, присутствующее у стольких других ученых XIX в., которых называли предшественниками Соссюра: см. с. 285—293), с другой стороны, тот, кто наряду с немногими другими (Пирс, Нурен) подчиняется необходимости формальной систематизации, ощущаемой интуитивно, и превращает здравый смысл в науку, является человеком гениальным. В. Пизани не по назначению использует исследования Косериу, когда пишет (Paideia. 1967. 22.377,378, прим. 3), что «среди этих соссюрских фетишистов.. .есть отсылка к нему как к изобретателю теорий, которые были уже у Габеленца, и которые женевский лингвист присвоил себе, см.: *Coseriu E. G. v. d. Gab. et la linguistique synchronique*, появилось в *Melanges Martinet*, которую мне довелось видеть в рукописи».

Годель пишет, внося равновесие и ясность, об отношениях между Сос-сюрсом и Габеленцем (*Godel* 1967. 116-117): «Среди его предшественников [Соссюра] в этом отношении [синхрония—диахрония] часто называют Х. фон дер Габеленца. Еще в прошлом году в журнале *Phonetica* некий R. H. Rensch заметил, что в своей книге *Die Sprachwissenschaft* и т. д. фон дер Габеленц разделял и противопоставлял до Соссюра *die sprachgeschichtliche* и *die ein-zeisprachliche Forschung*. Можно отметить также и другие совпадения. Соссюр.. .никогда его не цитировал; а в записи 1894 г. [см. *S. M.* 33] он пишет, что уже много лет назад у него появилось убеждение, что лингвистика является двойной наукой (то есть синхронической и диахронической), что было бы ложью, если бы он взял эту идею из книги, опубликованной едва ли три года назад (действительно, см. здесь на с. 330, 331, 337 свидетельства относительно интуитивных догадок о различии между статической лингвистикой и лингвистикой эволютивной, восходящей КMemoire, диссертации и парижским лекциям 1881 г., «что практически уничтожает проблему первоисточников»,—как отмечает *Mounin G.* 1968.46.— *T. деМауро*). В этом и в других случаях следует ограничиться констатацией совпадения взглядов, не говоря о влиянии или зависимости. Впрочем, Соссюр был весьма щепетильным в том, что касается подобных вопросов: он не требовал права первенства на открытие носового сонанта, которое он сделал вместе с Бругманом, он часто подчеркивал, что находится в долгу у американского лингвиста У. Д. Уитни, отмечал свое особое уважение к казанским лингвистам, Бодуэну де Куртенэ и Крушевскому».

В действительности, проблема «первоисточников» Соссюра, по-видимому, осложнена не только так называемым «фетишизмом», но в еще большей степени мнением, что оригинальность Соссюра заключается в том, что он высказал ту или иную особую точку зрения. Сам Соссюр в разговоре с Ридлингером 19.01.1909г., цитируемом здесь (с. 264), позволяет нам это опровергнуть: «Теория должна быть системой, такой же точной, как язык. В этом-то и заключается трудность. Довольно просто выстроить друг за другом утверждения, взгляды на

язык, но главное—это скоординировать их в систему». Мы еще раз обязаны тонкому разуму Годеля, выразившего лучше других смысл, глубокое движение соссюрской мысли: «Мы имеем право говорить о соссюрской лингвистике. Пусть эта лингвистика вписывается в поток идей, первыми свидетелями которого стали Уитни и Винтелер, но она тем не менее не становится от этого менее оригинальной. Соссюр более чем кто-либо другой старался углубить проблемы, выделить принципы

289

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О Ф. ДЕ СОССЮРЕ

теории Уитни о конвенциональности заключается в том, что она останавливается перед *означаемым*, рассматриваемым как долигвистическая, логико-природная данная величина, что сводит язык к системе этикеток, к простой номенклатуре, перечню, в котором произвольность воздействует лишь в плане внешней формы. Если Соссюр, начиная с определенного периода, избегает говорить о конвенционализме (S. M. 195), это происходит потому, что его присоединение к конвенционной теории Уитни (Derossi 1965.94-95) было для него лишь первым шагом к концепции радикальной произвольности языка.

Если эта произвольность понимается в ее реальном значении, она становится синонимом радикальной историчности любой лингвистической систематизации, поскольку систематизация имеет не вне себя, а содержит внутри себя ту норму, при помощи которой опыт разделяется на означаемые, а звуки — на означающие: этим он связан не с объективной структурой вещей или акустической реальностью, но, используя их в качестве материи, он в основном обуславливается обществом, дающим ему жизнь в соответствии со своими потребностями. Вот почему язык является радикально социальным и историчным. В такой интерпретации пересечения с предшествующими по времени позициями Уитни и младограмматиков или с философами романтической эпохи, занимающимися языком, но не открывшими, как известно, ничего нового, а лишь повторявшими идеи философов конца XVII и XVIII вв. (Verburg 1952.413-417,468-469; De Mauro 1965.47-63), становятся уже не просто любопытными фактами. *Antinomic linguistiques* (Paris, 1896) Виктора Анри, которые, по-видимому, познакомили Соссюра с гегелевскими идеями относительно диалектики реальных и когнитивных процессов (Jakobson 1933.637-63S; Alonso 1945.10), возможно, лишь вдохновили Соссюра на прохождение этого пути, уже начатого иным способом «великим первооткрывателем лингвистических антиномий» (Jakobson 1962. 237). В действительности, как мы это уже показывали (выше с. 238, 272), Соссюр ознакомился с идеями философов романтической эпохи и с Гегелем уже в годы ранней юности благодаря Пикте и, с его помощью, благодаря двоюродной бабушке Альбертине Адриене. То есть вполне вероятно, что Соссюр имел перед глазами теорию знака Ф. Шлегеля (Nisse 1962.26,70) и что он извлек пользу из исследований Штейнталя, развивавшего идеи Гумбольдта (Hjelmslev 1928. 112-113; Buysens 1961. 26). Возможно также, что он ознакомился, по крайней мере, с фундаментальным трудом Штейнталя, *Cha-rakteristik der hauptsachtlichsten Typen des Sprachbaues* (Berlin, 1860), переработанным швейцарским лингвистом Францем Мистели (1841-1903 гг.), профессором из Базеля в издании 1893 г., ставшим вторым томом *Abriss der Sprachwissenschaft* Штейнталя и Мистели (Arens 1955.217 и ел., 325; Taglia-vani 1963.136-137).

В таком случае встречи с Гумбольдтом, вполне вероятно, имели место (Mathesius 1933; Trier 1934. 174; Porzig 1950. 396). Посмертный труд Гумбольдта *Über*

die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ih-ren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (Berlin, 1836), включавший понятие «внутренняя форма» (CVII-CVXII), возможно, подал Соссюру идею об аморфном характере мысли вне формы, которую придают ей означаемые языка (*К. О. Л.* 112 и ел.; *Alonso* 1945. 9; *Buyskens* 1961. 26). Различие *ergon* — *energia* (LVII) станет предшественником различия язык—речь (*Lazicius* 1939; *Coseriu* 1962. 52; *Jordan—Bahner* 1962. 426; лишь *Verhaar* 1964. 749 справедливо отмечает, что Гумбольдт, напротив, опровергает утверждение, что *die Sprache* является *ergon*, так что это пересечение является скорее противоречием),

различие между *Form* и *Staff* (LXI и ел.) предвосхитит различие между *формой* и *субстанцией* (*Coseriu* 1962. 178) и понятия языка как формы (*Harlmann* 1959 = 1963. 24-26). Следовательно, можно предполагать, что Соссюр испытывал влияние «холизма», концепции систематичности единиц языка (LIX и LXII: *Chomsky* 1964. 60), и различия (XVIII) между сравнительным исследованием и исследованием языка как «innerlich zu-sammenhangenden Organismus» [нем. целостного взаимосвязанного организма] (*Wartburg—Ullmann* 1962. 9-Ю)¹.

Туллио де Мауро

¹⁴ Такое множество предвосхищений и предшественников могло бы навести на мысль, что Р.-Л. Вагнер (1947. 21) был прав, утверждая, что Соссюра следует прославлять «скорее не за высказывание революционных взглядов, а за систематизацию и придание весьма плотной формы понятиям, которые до него были несколько расплывчатыми». Остается сделать лишь один шаг, чтобы вместе с Коллиндером прийти к выводу, что Соссюр представляет собой не более чем посредственного интерпретатора ценных идей других.

На утверждения такого рода можно ответить разными способами. Показав мучительный процесс формирования соссюровских тезисов (выше с. 264-268), вновь изложив их во всей глубине и оригинальности (выше с. 269-275), рассмотрев непонимание, встречающее тех, кто, как Нурен и Марта, высказывал идеи, сходные с его идеями (выше с. 290), непонимание, бывшее знаком того, что некоторые идеи обгоняли свое время и средний уровень ученых того времени. Можно, однако, ответить иначе. От Хрисиппа до Финка никто из тех, кого называют предшественниками Соссюра, не вызывал такого потока критики и иногда даже оскорблений, которые сопровождали *К. О. Л.* Даже краткое описание судьбы труда Соссюра дает представление о характере этой критики. Концепция произвольности, понятая лишь как отсутствие мотивации означаемого (см. № 137 в *К. О. Л.* 70), подвергалась разнообразным нападкам, приведем лишь некоторые из них: она уловила лишь часть языковой реальности, а не конкретный язык, живой и поэтический, являющийся, напротив, мотивированным и символическим (*Lerch* 1939; *Alonso* 1950. 19-33); она обманном путем вводит экстралингвистическую реальность (*Pichon* 1937. 25-30; *Jakobson* 1966. 22 и ел.; 1962. 653;

Pichon 1941); формулируя ее, Соссюр якобы неоправданно обобщил условия, присущие швейцарскому двуязычию (*Pichon* 1937 цит.) и якобы грешил «удивительным непониманием нормальной процедуры» процесса формулировки определения, в целом по причине «наивности» (*Ogden, Richards* 1923.5, прим. 2). Тавтология, противоречие, «etwas magst» в определении знака отмечали, помимо прочих, Огден, Ричардс (цит.), Граур (*Zeichen und System*, 59), *Nehring* 1950. 1; *Otto* 1954. 8. Различие между языком и речью ведет к «абстрактной» концепции языка (*Meillet* 1916. 35;

Schuchardt 1917; *Будагов* 1954), порождает «неизбежную двусмысленность» (*Palmer* 1954. 195), является психологизированным, по мнению *Antal* (1963. 17 и ел.), математизированным, по мнению *Шухардта* (цит.), идеалистическим, по мнению *Коэна* (1956. 89-90), позитивистским, по мнению *Пизани* (1959. 10). Это касается и различия между синхронией и диахронией: если оно не рассматривалось как устаревшее и уже давно известное, оно отвергалось по самым разнообразным причинам (см. № 178 в *К. О. Л.* 85). Наконец, Соссюра называли «непонятным» (*Buhler* 1934. 17), неспособным объяснить, как функционирует язык (*Ogden—Richards* 1923.232), «грубым и примитивным в философском плане» (*Pisani* 1966. 298).

Туллио де Мауро **Примечания**

См. с. 245 и ел., 256, 265 и ел. О Вертгеймере см. выше с. 240, о наследовании см. с. 264. О трех курсах см. выше с. 264 и ел. Речь идет о записях, изданных Р. Годелем на основе копии Сеше в С. Ф. S. 12, 1954, 49-71: первые семь взяты из до-сье *Фонология*, ненайденного, относящегося, по-видимому, к 1897 г. (S. M. 13); девятая является фрагментом книги, начатой между 1893 и 1894 гг. (S. M. 36, выше 266), записи с 10-й по 16-ю взяты из наброска статьи в память об Уитни, написанного Соссюром в течение лета—осени 1894 г. (выше 266); запись 17 представляет собой заключение вводной лекции курсов в Женеве, прочитанной в 1891 г.; серия записей 19-21 (имеющих фундаментальное значение для возникновения идеи семантической произвольности, оппозиционного характера и системы семантической реальности) сделана позже 1894 г. (S. M. 37). Даты записей 8, 18, 23 установить невозможно. Все рукописные авторские записи, касающиеся общей лингвистики, в данный момент находятся в процессе публикации в шестой графе критического издания (ссылки на него обозначены здесь как *F Engler*). О прилежном посещении Балли и Сеше курсов в Женеве см. с. 257.

О *Мшуаре* см. выше с. 241 и ел.

Некоторые рукописные источники, использованные издателями, не сохранились в общественной библиотеке университета Женевы, часть из них (например, тетради П. Регара) не была найдена даже Энглером. Напротив, тетради с записями, не учтенные издателями, сохранились и были использованы Энглером, например, записи Ф. Бушарди и Э. Кон-стантэна. Весь рукописный материал воспроизведен в критическом издании Энглера, которое мы уже называли. О сохранении источников, известных издателям, и о других источниках см.: *S.M.15; Godel* 1959.24; *Godel* 1960; *К. О. Л. Engler* XI-XII.

Речь идет о записях, сделанных на курсе греческой и латинской этимологии (1911-1912 гг.) Л. Брютшем и использованных в приложении к *К. О. Л.*, с. 189-189.

А. Ридлингер прослушал курсы исторической лингвистики Соссюра в 1907, 1908-9, 1910-11, 1911-12 гг. (выше, с. 257, № 8) и лекции по общей лингвистике в 1907 и 1908-9 гг. (выше, с. 264), делая весьма точные записи (S. M. 96). Он также посещал Соссюра и вне университета, отдельные моменты этих встреч отражены в интервью г-на Ф. де С. о курсе общей лингвистики (19 января 1909 г.), сохранившемся в библиотеке Женевы (S. M. 17 и 29-30).

[9] Об особом содействии Сеше см. ниже № 13 и S. M. 97.

[10] С расстояния в пятьдесят лет можно выражать свое несогласие с мнением издателей: начиная с 1957 г. были опубликованы в полном объеме и в порядке,

соответствующим порядку их записи слушателями второго курса: *Курс общей лингвистики (1908-9). Введение (согласно записям студентов)*, С. F. S. 15, 1957. 5-103. Издание Энгпера содержит весь материал записей, расположенных в том порядке, в котором слушатели выстраивали материал лекций; сеть внутренних ссылок и указатель в конце позволяют читать различные рукописные источники в их первоначальном порядке.

[11] Идея создания антологии записей, возможно, была предложена П. Рега-ром, писавшим через несколько лет после публикации *К. О. Л.*: «Что касается самой книги и вопроса посмертной публикации всего материала, можно только порадоваться блестящему успеху, увенчавшему попытку гг. Балли и Сеше. Конечно, и они сами почувствовали это лучше других, проект, задуманный и осуществленный ими, не может избежать критики. Ученик, лично прослушавший значительную часть лекций Ф. де С. по общей лингвистике и знающий многие документы, ставшие основой публикации, неизбежно испытывает разочарование, поскольку уже не чувствует исключительного и захватывающего очарования лекций мэтра. Способствовали ли некоторые повторы в публикации записей более точному сохранению мысли Ф. де С., с его мощью, его оригинальностью? А сами вариации, которые издатели, вероятно, не решились представить на всеобщее обозрение, не представляют ли они особого интереса?» (*Reg id 1919, 11-12*).

[12] Третий курс является основой произведения, но не его организации. Курс построен на анализе языков, и студент должен был осознать необязательный, исторически случайный характер организации означаемых и означающих в языке, ознакомиться с анализом универсальных аспектов, присущих всем языкам, или с анализом языка вообще. Далее, следовало бы перейти к общему анализу языка, анализу индивидуальной «реализации» (см. выше 265 и *К. О. Л. 21*, № 65; 190, № 291; 232, № 305). Издатели же, исходя из идеи о том, что «первейшая истина» должна располагаться в книге на первом месте (S. M. 98), и других утверждений подобного рода (№ 65), нарушили это порядок. Следствием явилось то, что в *К. О. Л.* сначала говорится о языке, затем о некоторых проблемах «реализации» и под конец о языках (см. *К. О. Л. 140*, № 269). Как бы там ни было, записи третьего курса являются основным источником Введения (в меньшей мере — главы V и *Основ фонологии*), первой, второй и четвертой частей и двух последних глав пятой части. Первый курс, напротив, стал основой третьей части (диахроническая лингвистика) и главы III пятой части (реконструкция). Второй курс использовался в качестве дополнительного источника, но он является основой нескольких глав, которые, хотя и остались незамеченными при традиционном «прочтении» *К. О. Л.*, несомненно,

295

ПРИМЕЧАНИЯ

имеют наибольшее значение для более точного воспроизведения соссюрговской мысли: Введение, глава V (внутренние и внешние элементы языка; Соссюр подчеркивает значение внешней лингвистики, а не ее бесполезность или незаконность, как считает «вульгата Соссюра»); вторая часть, глава III (тождество, реальность, значимость—вот с чего Соссюр начинал свою речь), глава VI (механизм языка), глава VII (грамматика и ее разделы); третья часть, глава VIII (понятие единицы, тождества и реальности в диахронии); пятая часть, глава I (две перспективы диахронической лингвистики), глава II (наиболее древний язык и праязык).

[13] В столь тонком деле издатели неизбежно должны были допустить разного рода ошибки, которые мы сегодня начинаем замечать благодаря кропотливым комментариям Р. Годеля и Р. Энглера. Явные ошибки встречаются редко (*К. О. Л.* 9, № 23; 153, № 277). Чаще издатели излагают текст таким образом, что теряются ценные нюансы, находящиеся в записях (*К. О. Л.* 10, № 26; //, № 32; 21, № 64; 28, № 82; 68, № 129; 76, № 148; 110, №221), либо колебания в плане понятий {*К. О. Л.* 17, №53; 68, № 128 и 129; 105, №212) или в плане терминологии (*К. О. Л.* 13, № 38; 29, № 87; 68, № 128; 69, № 130; 71, № 140; 80, № 162). Решение соединить отрывки, часто далекие друг от друга, неизбежно привело к появлению в тексте интерпретаций и добавлений, поясняющих то, что было неявно выражено в записях, дабы получить грамматически правильный текст. В некоторых местах издатели сделали это не очень удачно и в какой-то степени форсировали соссюр-скую мысль (*К. О. Л.* 17, № 49; 23, № 70; 46, № 116; 70, № 139; 74, № 147; 79, № 161; 89, № 185; 92, № 192; 94, № 193; 100, № 199; 125, № 250). Эта работа по сближению и соединению имеет часто более серьезные последствия для понимания даже подлинной мысли Соссюра (*К. О. Л.* 17, № 51; 44, № 111; 69, № 132; 70, № 136; 72, № 145; 89, № 183). Во многих местах можно найти элементы крайней произвольности (*К. О. Л.* 21, № 63; 21, № 65; 24, № 74; 68, № 128 и 129). Достаточно часто встречаются изменения, иногда весьма серьезные, касающиеся введения терминов, которых Соссюр избегал (*К. О. Л.* 44, № 111; 78 № 156; 82, № 166; 88, № 182; 92, № 192; 103, № 204; 103, № 206; 113, № 228; 119, № 235; 120, № 240; 128, № 256; 128, № 257;

130, № 259; 144, № 270; 221, № 301). Знаменитая заключительная фраза *К. О. Л.* (с. 232) представляет собой пример необоснованного «угадывания» намерений.

[14] Термином *семантика* издатели обозначают, как они поясняют это в примечании 33 к *К. О. Л.*, дисциплину, «изучающую изменения значения»;

в том же примечании они добавляют, что на с. 77 Соссюр предложил фундаментальный принцип семантики, понимаемой таким образом, то есть семантики диахронической. Этот принцип действительно имеет большое значение для возникновения структурной диахронии. В то время существовало лишь одно значение термина *семантика*, о котором

296

говорят издатели (*Malmberg* 1966. 186). Однако если под семантикой понимать не только диахронические исследования, но также и исследования синхронические и общие исследования означаемых, то можно утверждать, что Соссюр, наряду с пониманием произвольности знака, связанного с различием означаемого и означающего, разработал базовые принципы лингвистики настолько четко, что в течение нескольких десятилетий к нему приблизился лишь один Нурен (см. выше и *Malmberg* 1966.185,194).

[15] См. *К. О. Л.* 26-27 и примечания, а также № 305.

[16] Лишь недавно достойные слова издателей нашли отклик и критики смогли различить, где присутствует «мэтр», а где его «толкователи». Проблема верности редакции *К. О. Л.*, поставленная издателями с такой откровенностью и деликатностью, вновь возникла с выходом в свет *Курса* П. Регара, критические замечания которого, впрочем, остались в одиночестве (см. выше 265,267 и № 11). В 1931 г. на международном лингвистическом конгрессе в Женеве еще один из редакторов предупредил ученых, отметив, что, по его мнению, в от-

рывке *К. О. Л.*, посвященном фонеме, присутствует «редакторская ошибка» (см. № 115). Но предупреждение вновь не получило отклика, и ученые продолжали дискуссию, считая вопрос о верности и связанности редакции окончательно решенным (*Godel* 1961. 295). Таким образом, появилось некое «подобие идеальной вульгаги... учения Соссюра, впитанного европейской мыслью (по крайней мере, что касается важнейших пунктов *Курса*), при этом проблема точной реконструкции (или возможности реконструкции) позиций Соссюра не затрагивалась» (*Lepshy* 1962.69-70); как мы сможем подтвердить это ниже, *К. О. Л.* «не был принят европейской лингвистикой во всем своем объеме... Скорее, лишь некоторые пункты *Курса* имели успех, и эти пункты были часто изолированы от соссюровского контекста...» (*Lepshy* 1961.200-201). Эти «пункты» еще сегодня встречаются в некоторых учебниках, оторванные друг от друга и от своего прародителя (см., например, *Leray* 1965. 77-94; *Lepshy* 1966. 42-53; *Mbrifers* 1966.55-70).

Время такой манеры изложения соссюровской мысли прошло. С 1939 г., когда возник ученый спор о произвольности (см. № 137), началось осознание того факта, что *К. О. Л.* превратил мысль, несомненно колеблющуюся, в мысль твердую либо по глубоким концептуальным причинам, либо, что более вероятно, потому что она была высказана со всем несовершенством и колебаниями, присущими устной лекции. В 1950 г. в статье на страницах малоизвестного журнала (*Engler* 1964. 32; *Godel* 1966. 62), М. Лючиди недвусмысленно подчеркивает расплывчатый характер текста *К. О. Л.* и пронизательно выявляет различные причины этого (*Lu-cidi* 1950.185 и ел.). Двумя годами позже, занимаясь проверкой реального смысла (предполагая, что он отличается) различия и оппозиции, Фрей первым попытался исследовать рукописные первоисточники (*Frei* 1952. 5. М. 196 и ел.; *Godel* 1961. 295). Появляется осознание масштабов

297

ПРИМЕЧАНИЯ

работы по соединению и обезличиванию, о которой, впрочем, ясно предупреждали издатели.

В 1954 г. Мальмберг ставит уже не только эту проблему, но и проблему разнописий и колебаний, если можно так выразиться, синхронических, присущих соссюровской мысли к 1910 г. и, возможно, скрытых издателями; в то же время он ставит проблему диахронической стратификации теиста, замаскированной единой архитектурой, приданной издателями материалу *курса*. В том же выпуске С. Ф. S., в котором вышла статья Мальмберга, вновь выходят в свет «старые наброски» в копии, сделанной Сеше (см. *К. О. Л.* 5, № 4). Эффект не заставил себя ждать: две или три последние страницы статьи Мартине о двойной артикуляции и произвольности как будто предвосхищают примечания 19-21 (см. №137 и *Martinet* 1957). Примечаниями мы обязаны Р. Годелю, взявшему на себя кропотливое изучение рукописных первоисточников: через три года появился труд, на иоторьм мы1 здесь ссылаемся как на S. М. Соссюр предстал в новом свете (*feinmann* 1959), и даже некоторые аспекты предстали как совершенно новые. Помимо нововведений, на которых остановится данный комментарий *К. О. Л.*, произошло глубокое изменение типа наших отношений с Соссюром. Унитарное строение, навязанное издателями, рассыпается и рушится, сталкиваясь с проблемами формирования текста и, еще более, формулировки соссюровской мысли. Из этого строения высвобождается соссюровская мысль, проблематичная, подлинная, живая, освобожденная от всего того догматического и необоснованного (см. № 65), данного ей издателями с наи-

лучшими намерениями. Это уже не совокупность догм, а терпеливое изучение связей (в действительности проигнорированных «идеальной вульгатой») между различными «точками зрения», по словам Годеля 1961.295.

Эти слова можно сравнить со словами Витгенштейна, открывающими его *Philosophische Untersuchungen*: «После многочисленных неудачных попыток соединить результаты моих исследований в подобное единство, я понял, что мне должно быть это никогда не удастся. Что лучшие вещи, которые я могу написать, останутся навсегда не более чем философскими замечаниями. Что мои мысли застывали, как только я пытался навязать им силой определенное направление, противоположное их естественному направлению. Это, несомненно, тесно связано с характером самого исследования. Оно вынуждает нас вести свои поиски во всех направлениях широкого поля мысли. Философские замечания этой книги—это, если можно так выразиться, наброски пейзажей, появляющиеся в ходе продолжительных путешествий, состоящих из тысяч опальных путей. К одним и тем же пунктам, или почти к одним и тем же, постоянно подходишь различными путями, с различных направлений, получая все новые картины» (*Философские исследования/Пер. на фр.* Р. Klossowski. Париж, 1961. С. 111).

Когда знаешь, что Соссюр исследует то же «широкое поле», что и Витгенштейн, и что множество тропинок там пересекаются, пути совпадают (*Verburg* 1961, *De Man* 1965. 156, 168, 173, 184, 202 и *К. О. Л.* 30, № 90; 68, № 129; 78, № 157; 90, № 186; 110, № 223),

298

понимаешь, что сходные трудности, с которыми сталкивалась при движении в почти неизученном культурном пространстве интеллектуальная и научная традиция Канта в начале XX в., подсказали представителям венской школы и представителям Женевы один и тот же путь, один и тот же «метод». Следовательно, вполне закономерно, что слова Витгенштейна будто бы перекликаются с тем, что написал Соссюр шестьдесятю годами ранее, в записях, которые не были изданы, в момент, когда он садился «без энтузиазма» составлять эту книгу по общей лингвистике, о которой он говорит Мейе в 1894 г.:

«Действительно, имеется полное отсутствие какой-либо отправной точки, и если какой-либо читатель соблаговолит внимательно проследить нашу мысль от начала до конца этого тома, он признает, мы в этом убеждены, что было, если можно так выразиться, невозможно следовать строгому порядку.

Мы позволяем себе иногда три или четыре раза предлагать вниманию читателя одну и ту же мысль, поскольку, действительно, кроме нее не существует другой отправной точки, позволяющей основать наши объяснения» (№ 56-57).

Однако наряду с проблемами объяснения и демонстрации уже в течение этих лет и в течение последующего периода Соссюр занимается, прежде всего, проблемой начала и порядка, в котором следует расположить материал, даже посредством совершенного приуменьшения значения каждого утверждения, исключительно в угоду порядку, в котором оно будет предложено и объяснено (см. выше 265, 272). В период второго и третьего курса он, весьма вероятно, видел достойное решение, и он указывает его своим ученикам (*К. О. Л.* 232, № 305; 108, № 216). Но решение относительно организации своего материала было для него еще только рабочей гипотезой в работе, продолжению которой воспрепятствовала смерть. Действительно, еще в период трех курсов общей лингвистики «его мысль развивалась во всех направлениях, однако не противореча самой себе»,—писали, весьма проникновенно, издатели (*К. О. Л.* с. 6).

Сегодня, когда издания S. M. и Энглера нарушили образ внешней законченности текста, когда «пункты» «идеальной вулы-аты» были возвращены в свой подлинный контекст, вот что мы обнаружили помимо новых достижений, обогащающих комментарии, и приглашений к новым исследованиям. В авторских записях, в записях разговоров, в записях учеников, которые, как мы сегодня можем утверждать, в точности вторили голосу мэтра (*К. О. Л. Engler XI, § 2*), наконец, и в особенности, на многих страницах *К. О. Л.*, где пронизательность издателей позволила **им** сконцентрировать соссюрговскую мысль на основе рукописных первоисточников, мы обнаруживаем мобильность мысли, способность пробудить желание к новым исследованиям в различных и плодотворных направлениях—те качества, которые завораживали и вели за собой студентов.

[17] Второе издание/С О. Л. вышло в свет в 1922 г. О наиболее важных исправлениях см. *К. О. Л. 29, № 89; 31, № 94; 42, № 109; 94, № 193; 176, № 286.*

299

ПРИМЕЧАНИЯ

- См. № 272 о досадной опечатке, повторившейся во втором издании 1922 г. В обоих изданиях в тексте остаются различные недоработки и формальные неточности, особенно в использовании личных местоимений (*К. О. Л. 70, § 2, 2-й абзац: местоимение оно обозначает понятие [?]; 92, § 6, 1-й абзац: местоимение они обозначает законы; 106, первый абзац: местоимение оно обозначает изменение и т. д.*). См. также S. M. 120-121.
- [18] Третье издание *К. О. Л.* вышло в свет в 1931 г. (следствие конгресса в Гааге?); четвертое же, напротив, вышло лишь через восемнадцать лет (1949 г.). Затем интервалы уменьшились: в 1955 г. выходит пятое издание, переизданное затем в 1959, 1962, 1968 гг. и т. д. О переводах *К. О. Л.* и их повторных изданиях см. выше 275. В 1967 г. издатель Harrassowitz из Висбадена начинает публикацию фундаментального критического издания Рудольфа Энглера (публикация будет состоять из четырех выпусков).
- [19] Понятия из истории лингвистики, схематические, нов меньшей степени, чем текст издателей, были даны Соссюром в нескольких рукописных примечаниях (см., например, ниже № 32) и главным образом в курсе лекций II (S. M. 75: лингвистика с 1816 по 1870 год *ujunggram-matische Richtung*), использованных издателями также в *К. О. Л.*, с. 216 -217, к первой лекции третьего курса (S. M. 77). Негативные замечания, сделанные здесь по поводу традиционной нормативной грамматики, необходимо рассматривать в совокупности с ее позитивными оценками, в основном в плане синхронии, данными в третьем курсе лекций по статической лингвистике и использованными издателями в *К. О. Л.*, с. 84.
- [20] О переводах ключевого термина язык в *К. О. Л.* см. № 68.
- [21] Уже в этом пассаже понятие объект взято в своем техническом значении схоластической традиции, иными словами, в значении греческого *τέλος*, и противопоставляется понятию *предмет*: см. *К. О. Л. 14, № 40; с. 232, № 305.*
- [22] См. выше № 19 и *К. О. Л.*, 84.0 прочих критических высказываниях Соссюра по поводу традиционных грамматических категорий, в основном идущих от Аристотеля, см. *К. О. Л.*, 108, 134-136 и примечания.
- [23] Текст издателей не понятен, поскольку известно, что Ф. А. Вольфу в 1777 е было 18 лет и он еще не написал ничего значительного. В действительности же в примечаниях к лекциям читаем: «Ф. А. Вольф в 1777 п пожелал назы-

ваться филологом» (9 В Engler)—и с еще большей ясностью это выражается в примечаниях Константена: «в 1771: Ф. А. Вольф, будучи студентом, пожелал называться филологом (9 В Engler). Из примечаний видно, что Сос-сюр хотел сослаться на эпизод, о котором он, возможно, прочитал в недавно изданном труде Sandys и в иэтором говорилось о зачислении Вольфа в Университет Геттингена: он попросил разрешения записаться в качестве студента филологии (*studiosus phihiogiae*), ректор ответил отказом и предложил ему обычное название *studiosus fheologiae*, но Вольф, порывая с вековой традицией, настоял на своем требовании. Отныне термин *studiasus phihiogiae* вошел в официальную номенклатуру университета (*Sandys J. E. A History of*

Classical Scholaischip. 1-е изд.. New Yoric, 1908, Т. 3. С. 51 (переиздано в 1958 г.); см. также *Meillet* 1937.463.

- [24] Филология таким же образом, как она изучает «историю литературы, быта, социальных институтов», может изучать и языки, исходя из текстов. Однако языки не входят в «объект» (в техническом значении этого термина: *К. О. Л. 14, №. 40*) ее исследований, которым, напротив, остается критика текстов. Тема различий между лингвистикой и филологией была одной из излюбленных тем Соссюра, включая его частные разговоры: «Он часто предупреждал нас, профанов, чтобы мы не путали... старую филологию с лингвистикой, этой новой наукой со своими законами...» {*De Сгие, т F. d. S. 18*). Если это свидетельство верно, оно позволяет предположить, что для Соссюра различие между филологическим и лингвистическим подходами к рассмотрению фактов заключается в систематическом характере второго, который приводит от фактов к «законам», к системе (см. *К. О. Л. 14, № 40* и 40-43). Во всяком случае, частое упоминание этой темы Соссюром является отголоском противопоставления лингвистики и филологии, наблюдавшимся в начале XIX в. и смягчившимся, по меньшей мере отчасти, с появлением работы *Г. Курциуса* (*Thompson G. Historia de la Linguistica/ Пер. с дат. Мадрид, 1945. С. 92-93; Meillet 1937,462-63; RocherL. Les philologues classiques et les debuts de la grammaire comparee // Revue de l'Universite de Bruxelles 1958. 10.251-86; Leroy 1965,31-32; о Курциусе см. К. О. Л. №3\ ). Однако различие между лингвистикой и филологией остается проблемой: одна сторона отмечает, что принятие структуралистской гипотезы вынуждает лингвистический анализ к поиску наибольшей филологической точности (см. выше 262; другая сторона утверждает, что филология по своему существу является «толкованием» (*Mounin 1963.243-45*). Тесную интеграцию лингвистики и филологии встречаем в критике семантики *А. Паглиам* (*Saggi di critica semantica*. 1-е изд. Massine-Florence, 1953; 2-е изд. 1961. С. VII; *Nuovisaggi di critica semantica*, ibi 1956. С. 236-58). **См.** также *К. О. Л. 29, № 81*.*
- [25] Фридрих Вильгельм Ричль (1806-1876) занялся исследованиями о Плавте и весьма заинтересовался древней латынью, к изучению которой он приступил одним из первых.
- [26] Ф. Бопп (1791-1867) по окончании своего пребывания в Париже, где он изучал санскрит, арабский и персидский языки, опубликовал труд, упомянутый в тексте: *Uber das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachei*. Frankfurt S. M., 1816. Основным трудом Боппа является *Vergleichende Grammatik des Sanakrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Altslavischen und Deutschen*. 1-е изд. Берлин, 1833-52; 2-е изд. 1857-63; 3-е изд. 1868-70.0

проблеме позиций Боппа в истории лингвистики см. *De Майю*, 1965,60-62,73 и ел. (и противоположное мнение см.: *Bolelli T. Saggi e studi linguistic*; 6,1966,207-08) и *Mounin* 1967, 152-159, 168-175. По этой проблеме и по проблеме связей в лингвистике мнение Соссюра было более определенным и

301

ПРИМЕЧАНИЯ

нюансированным, чем это показано в тексте. Это показывают рукописные первоисточники, см. В 18-25 *Engler*:

«Датой [происхождения] лингвистики считается первая работа Ф. Боппа *Du systems de la conjugaison sanscrite compare avec celui des langues latine, grecque, persane et gennanique*, 1816. Хотя Бопп был немцем из Майнца, с этими языками и со Шлегелем и Гумбольдтом он познакомился в основном в Париже, где провел четыре года (1808-1812) [когда он готовил эту первую работу]. Новым в данной работе является [вовсе] не то, что впервые санскрит рассматривался как язык, родственный греческому и латыни: [несомненно, что именно после изучения санскрита Бопп признал индоевропейскую семью языков, но] не Бопп был первым, кто признал [аналогию санскрита с другими индоевропейскими языками]. Первые индологи не могли не признавать этой родственной связи. Говоря об этом признании, необходимо упомянуть одного из французов [в Пондишери], П. Керду (1767 г.), ответившего на вопрос аббата Бартелеми (эллиниста) докладом для Регистрационной Академии: *Как объяснить [наличие] в языке samscroutane [большого количества слов, общих с греческим и, в особенности, с латинским языками]*. В. Джрунз (известный английский востоковед), будучи одним из первых известных филологов, занимавшихся санскритом, в 1786 г., во время своего пребывания в Индии (9 лет [ум. в 1794]) сделал доклад в академии Калькутты о языке санскрит [в котором он говорил: «Каким бы древним ни был язык санскрит, его структура более совершенна, чем у греческого и латинского языков», и он утверждал, что это языки родственные]. Он выделил несколько основных групп языков, происходящих от индоевропейского, наряду с санскритом, которому он дал положение брата (не праотца!) в этой семье. Он говорил уже о готском и кельтском языках (о которых [почти] ничего не было известно!)... Но эти несколько [изолированных попыток, эти несколько] просветов [пришедших вовремя и попавших в точку] не позволяют утверждать, что в 1816 г. уже было сформировано [в общих чертах понимание значения санскрита]. [Это может доказать] *Mithriaates oder allgemeine Sprachenkunde* Иоганна Кристофа Аделунга, описание всех известных тогда языков мира, не содержащее критики [ни научных тенденций]: санскрит фигурирует [лишь] среди немонасиллабических азиатских языков, что не мешает ему составить 26 страниц слов санскрита, сравниваемых с греческими, латинскими и немецкими словами; [он признает сходство], но он ни на секунду не задумывается над [изменением] плана своего труда, над перемещением той или иной идиомы с тем, чтобы поместить ее в ту же семью. Первый том Аделунга вышел в 1806 г.: интересная дата, до 1816 г.! Такой классификатор языков как Аделунг, которому известны высказывания Джоунса, не замечает [серьезного] последствия, вытекающего из этого сходства. Этот факт кажется ему странным, неуместным. «Казалось, что, заметив это сходство, [филологам] оставалось [только] уступить место [этнологам и историкам]». Нововведение Боппа имеет

большое значение [оно заключается в том, что факт сходства языков касается не только историков и этнологов, но этот факт может быть изучен и проанали-

зирован сам по себе]. Его заслуга заключается не в обнаружении родственных связей санскрита с европейскими языками [или его принадлежности к более широкой группе], а в утверждении, что в самих отношениях двух родственных языков существует материал для исследования. Феномен разнообразия сходных идиом этих языков представляется ему достойным изучения сам по себе. До него никто не пытался объяснять один язык через другой, [объяснять, если возможно, одну форму через другую]; [когда требовалось] объяснить что-либо в языке, никто и не задумывался, что формы — это нечто [данное, что их необходимо изучать].»

- [27] О Вильяме Джоунзе (1746-1794) см. предыдущее примечание и *Waterman* 1963.15-16.21.
- [28] Отметим, что Соссюр использует здесь и далее знак *g* для транскрипции звонкого палатального звука письменности деванагари, тогда как после IX конгресса востоковедов, состоявшегося в Женеве, используется знаку. В 1931 г. Герман упрекает Соссюра за приведение формы *jonassu*, поскольку, по его мнению, она «является более ранней формой локатива, упоминать о которой не имеет смысла». В действительности *Jonoxho* и *janahsu* сосуществуют в санскрите *ijonassu*, форма уже ведическая, является также формой более древней с точки зрения относительной хронологии (см.: *Thumb A., Hauschild R. Handbuch des Sanskrit Heidelberg*, 1958.1. I. §333,150). Кроме того *Jonassu*— форма, более подходящая для достижения цели, поставленной Соссюром.
- [29] Гримм Я. (1785-1863)—автор монументальной *Грамматики немецкого языка* (*Deutsche Grammatik*, где «*Deutsche*» обозначает не «немецкая», а скорее «германская»). 1-е изд. Т. I. Гёттинген, 1819; Т. II-IV, ibi 1822-36. Август Фридрих Потт (1802-1887), известный своей *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanische Sprachen*, изд. 1-е, том 2, Lemgo 1833-36, в значительной мере содействовал тому, что семантические исследования были заброшены в угоду исследованиям, посвященным морфологическим аспектам языков (*Meillet* 1937,462) Адальберт Кун в 1852 основал «KZ»—*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* (*Meillet* 1937,463-640; см. *К. О. Л.* 225). Теодор Бенфей (1809-1881)—востоковед и лингвист. Был профессором в Гёттингене. Теодор Ауфрехт издал, несколько позже М. Мюллера (ниже), ведический текст, фундаментальный еще сегодня (*Die Hymnen des Rigveda*. 1-е изд. Бонн, 1851-1853. Т. 2; 2-е изд., ibi 1877).
- [30] Макс Мюллер (1823-1900), ученик Боппа, издал ведический текст в Англии, где жил сам, успешно пропагандировал лингвистику,

ПРИМЕЧАНИЯ

особенно своей работой *Lectures on the Science of Language* (Оксфорд, 1861), переведенной на различные языки.

- [31] Георг Курциус (1820-1885)—автор фундаментальных *Grundzuge der griechischen Etymologie* (Лейпциг, 1858-62; 5-е изд. ibi, 1879), учитель К. Бругмана и Соссюра, содействовал признанию сравнительной лингвистики классическими филологами (см. выше № 24).
- [32] Август Шлейхер (1821-1868), автор знаменитого *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, 1-е изд., Веймар, 1861, сыграл фундаментальную роль в истории глоттологии (*Le-tu* 1965,33 и ел., *Vollelli* 1965,120-36). В *Примечаниях* 59 (=52 *Engler*) находится больше, чем>. Соссюр говорил на своих лекциях и чем в том, по сообщению издателей,

суровом мнении Женева о Шлейхере:

«Это [на все времена] станет темой философских размышлений: за 50 лет лингвистическая наука, рожденная в Германии, развивавшаяся в Германии, ценившаяся в Германии бесчисленной категорией индивидуумов, не попыталась подняться на уровень абстрагирования, достаточный, чтобы подняться, с одной стороны, над тем, что делают, с другой стороны, в том, что делают, и, тем не менее, она на законных основаниях входит в ансамбль наук. Вызывает удивление и то, что, казалось бы, [выйдя] из этого застоя, она привела к жалкому этюду Шлейхера, не выдерживающему никакой критики. Престиж Шлейхера, попытавшегося высказать нечто обобщенное о языке, велик настолько, что он представляется личностью выдающейся [еще сегодня] в истории [лингвистических] исследований [и, если речь заходит об этом великом человеке, лица лингвистов принимают уморительно торжественное выражение... Из всего, что нам удалось проверить, видно, что это была личность совершенно посредственная (что не исключает амбиций)]».

- [33] Теория чередования гласных в восстановленном индоевропейском языке впервые была систематизирована в *Мемуаре* Соссюра (см. выше 242-244).
- [34] Фридрих Кристиан Диц (1794-1876), автор *Грамматики романских языков* в трех томах, Бонн, 1836-43, является основателем романистики, которую наряду с германистикой Соссюр всегда рассматривал как передовой сектор лингвистики. См. *К. О. Л.* 212, 218.
- [35] Эту точку зрения, уже высказанную Соссюром на вводной лекции курса в Женеве (см. процитированный выше отрывок, 252, № 7), энергично защищали К. Бругман и Г. Остгоф в предисловии к *Morphologis-che Untersuchungen auf-dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, I, Лейпциг, 1878.
- [36] Об Уитни см. 247-248, 269-271, 286, 291-292 и *К. О. Л.* 18, 76, 78, 79.
- [37] Несмотря на ожесточенную полемику, которую руководители движения младограмматиков вели против теорий реконструкции и методов структурного анализа молодого Соссюра (см. выше 241-245), его отношение к представителям и даже к некоторым идеям направления

младограмматиков относительно проведения исследований всегда отличалось самым глубоким уважением. К. Бругман (1849-1919), преподававший в Лейпциге во время, когда там жил Соссюр, имевший случай сблизиться с ним (см. выше, 242), занимал должность профессора в том же университете, начиная с 1882 г. Г. Остгоф (1847-1909), будучи профессором в Гейдельберге, также читал лекции в Лейпциге в то время, когда там находился Соссюр (см. выше 242). Он стал наиболее суровым критиком Соссюра и Мёллера (см. выше 243). В. Браун и Э. Сивере возглавляли наиболее значительный журнал германистов, «*Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache und Literature* с Германом Паулем (1846-1921), автором одного из основных теоретических текстов того периода, несомненно упоминаемого более других, *prinzi-pien der Sprachgeschichte* (Halle, 1880). Помимо лекций Брауна по истории немецкого языка, Соссюр также посещал в Лейпциге лекции по славянскому и литовскому языкам А. Лескина (1840-1916), первого защитника принципа регулярности фонетических изменений (см. выше 241). Об отношениях между теориями Соссюра и антитеологическими теориями младограмматиков см. выше 291.

- [38] Заботы о терминологии были постоянным фактором в интеллектуальной биографии Соссюра: см. выше 270. Он изучал мотавированность каждого используемого термина: «.. и не подумаешь, что имеешь дело с основоположником

принципа произвольности языкового знака» (Engler 1966, 39). В действительности, именно постольку, поскольку Соссюр отстаивает принцип произвольности, а значит, понимание языка как формы, точно определенной произвольными соединениями звуковой и семантической субстанции, он отлично понимает, что позиция, с которой он рассматривает языковые факты, является основной для представления их как таковых (как единиц языка) или как явлений, чисто звуковых, когнитивных или психологических и т. д. (выше 271). Поэтому он уделял много внимания всему, что составляет позицию, точку зрения: «вещам» (К. О. Л. 22, № 68) не меньше, чем терминологии (№ 133). Отсюда и крайняя осторожность при введении и при исключении терминов. В частности, об *организме* см. ниже К. О. Л. 28, № 83. О других терминах Соссюра, обсуждаемых в этом комментарии, см. К. О. Л. 14, № 40 и 41; / 7, № 53; 22, № 63-68; 23, № 70; 27, № 78; 28, № 83; 39, № 103; 44, № 111; 46, № 115; 58, № 122; 61, № 123; 68, № 128; 69, № 130; 70, № 134; 71, № 140; 72, № 145; 78, № 155; 78, № 156; 80, № 162; 83, № 169; 86, № 178; 88, № 182; 92, № 190; 100, № 199; 103, № 204; 103, № 206; 105, № 211; 114, № 231; 119, № 236; 120, № 240; 123, № 247; 123, № 248; 125, № 250; 128, № 255; 130, № 259; 134, № 266; 172, № 282.

Осознавая новизну затронутых проблем, Соссюр не только не чурается невинных «анимистических» метафор, но также постоянно ищет сравнения для пояснения концепций, которые он справедливо считает радикально новыми.

305

ПРИМЕЧАНИЯ

Язык — это симфония, не зависящая от ошибок при исполнении (К. О. Л. 26); это как игра в шахматы: чтобы в них играть, не важно знать, где их изобрели, в Индии или в Персии (30 и см. № 90), игра имеет правила, сохраняющиеся при простом движении (96). Язык подобен алфавиту азбуки Морзе, не зависящему от работы электрического аппарата передатчика (26); это соглашение, договор (74); это алгебра со всегда сложными членами (121), это река, текущая постоянно, непрерывно (140); это платье, на которое с течением времени ставили заплатки из его же ткани (172).

Лишь по некоторым аспектам язык можно сравнить с растением, берущим себе пищу извне (29); в действительности, в языке ценится его внутренняя сила, также как в ковре ценится сочетание цветов, а техника изготовления не имеет значения (39); все заключено в комбинации частей, как в каждой фазе игры в шахматы (107). Знак объединяет означаемое и означающее связью более реальной, нежели связь души и тела (103), более неразрывной, чем химическое соединение (103); означаемое и означающее — это как *лицевая* и *обратная сторона* листа бумаги (113, 115), знаки подобны волнам, появляющимся на поверхности моря при контакте с воздухом (113). Языковая единица подобна фигуре в шахматной игре: важно не то, из чего она сделана, а то, как она функционирует (110); она подобна поезду, отправляющемуся в 20⁴⁵, или улице, на которой проводят ремонтные работы, но которая остается при этом все той же улицей (109); ее нельзя сравнивать с одеждой, которую у тебя украли и которая, если заменить ее другой, подобной вещью, но из новой ткани, уже не будет твоей (109); ее можно сравнить с буквами алфавита: важно то, что их нельзя спутать друг с другом (119). Слово — это как денежная единица: не важно, металлическая ли это монета или бумажная банкнота, важна ее номинальная

стоимость (7/5, 118).

Неподвижное состояние языка подобно границе, к которой стремятся все логарифмические ряды: даже если мы ее не достигаем, мы ее постулируем (102); это проекция тела на данную плоскость, и тело—это диахрония (/09); это поперечный срез, при диахронии—это срез продольный (89); это как положение в шахматной игре, не зависящее от положений, которые были ранее (90, см. также 116). Панораму рисуют, находясь в определенной, постоянной точке; картину языка также можно создать, исходя из некоторого неподвижного состояния (83). Но язык к тому же постоянно погружен во время, вынужден постоянно изменяться: того, кто воображает себе язык как нечто неизменное, ожидает участь курицы, высиживающей утиное яйцо: утенок, вылупившись, уходит по своим делам (79). [39] Первоисточник — вводная лекция III курса (28 октября 1910 г.). [40] Для Соссюра предмет — это совокупность всех фактов, которые на уровне разговорного языка можно рассматривать как «лингвистические». Это разнородная масса (К. О. Л. 16 и ел.), поэтому она может изучаться множеством дисциплин; отличие лингвистики от этих

306

дисциплин заключается в том, что ее объектом является язык. Важность различия между предметом и объектом подчеркивал К. Борг-стрем, 1949 г. (см. также: *Frei H. A propos de l'editorial du vol. IV, A. L. 5, 1949* и ответ Л. Ельмслева, а также *Hjelmslev 1954, 163*).

Термин объект использовался Соссюром в значении «конечная цель какой-либо деятельности», то есть в схоластическом значении, где *obi-ectum*, как и аристотелевский *τέλος*, — конец какой-либо операции, а в случае *obiectum* науки — это предмет знания, известный и изученный («*obiectum operationis terminal et perficit ipsam et est finis eius*», по мнению Фомы Аквинского, *In 4 libros sent. mag. Petri Lombardi*, 1,1 2.1; см. также: Дунс Скот, *Opus Oxoniense*, Prol. q. 3, a. 2, η. 4; и об отношении с греческим *τέλος* см.: *De Майю. II nome del dat. e la teoria dei casi greci// Rend. Accad. Lincei. 1965. С. 1-61*). Это значение сохранилось в философской традиции (*Eisler 1927, Abbagnano 1961 s. v.*). Так, например, Дж. Дьюи пишет в конце VI главы своей *Логике*:

«Слово объект обозначает предмет, тему, разработанную по мере ее производства и систематизации в процессе исследования; то есть объекты—это цели исследования. Двусмысленность, которую можно встретить в использовании термина "объект" в этом значении (поскольку правило требует, чтобы это слово употреблялось для обозначения вещей, которые можно наблюдать или о которых можно думать) не более чем видимость. В действительности вещи существуют для нас как объекты лишь постольку, поскольку они были предварительно определены как результаты исследования».

Связь с предметом и очевидность написания двух глав помогают показать, что для Соссюра язык не является вещью, на которую, исключив все прочее, лингвистика должна направить свои исследования, напротив, он является *obiectum* лингвистического исследования, которое, исходя из всего того, что тем или иным образом может быть названо «лингвистическим», и критически перерабатывая субъективное сознание говорящих (К. О. Л. 184 и ел.), должно привести к реконструкции языковой системы, функционирующей в определенной исторической ситуации. Совокупность явлений, которые можно назвать языковыми, составляет предмет; язык, как формальная система, составляет объект. Конечно, во многих отрывках слово объект имеет свое обычное значение «вещь», например, К. О. Л. 89.

Двусмысленные толкования К. О. Л. большей частью связаны с неправильным пониманием этого отличия: поняв слово *объект* в его обычном значении, то есть в значении *предмет*, и забыв, как и множество других отрывков, вступление этой второй главы, Соссюру приписали исключительное видение лингвистики, которой следовало бы порвать связи со всеми дисциплинами (см. К. О. Л. 17, № 51) и заняться только системой, только языком, а не тем миром языковых явлений, внутри которого язык определяется *in re* и для лингвиста. Так, например, с точки зрения Роггера (Rogger, 1941,163), мнение Соссюра заключается в том,

ПРИМЕЧАНИЯ

что «для лингвиста важно сохранить взаимоотношения отдельных явлений языка». Лингвистика Соссюра, напротив, с вниманием относится к замечаниям любого типа (психологического и социологического, физиологического и стилистического) по поводу языковых явлений, и единственной постоянной проблемой является координация этого множества замечаний, их объединение со специфической целью реконструкции системы ценностей, превращающей языковую единицу в эту особую лингвистическую единицу. Выражение Р. Якобсона «Linguista sum: linguistic! nihili a me alienum puto» («Я лингвист, и ничто лингвистическое мне не чуждо») является выражением подлинной точки зрения Соссюра, использование которой дает свои результаты во всех областях исследований (указание этих областей см.: *De Mauro. Unita e to-demita della linguistica // Almanacco letterario Bompiani 1967. Milan, 1966. С. 162-165; Heilmann 1966, XXIV-XXV; Chomsky N., Halle M. Preface. С. IX-XI; Chomsky 1966*). См. также К. О. Л. 28, № 83. Против этой интерпретации: *VardarB. in Quinzaine Litteraire 57, 16-30, сентябрь 1968*; за нее: *Ваитер 1968, 88-89; Engler 1969,16; Godel 1970,38*.

[41] В/С О. Л. часто кажется, что *история* противопоставляется *описанию* и, таким образом, является эквивалентом *диахронии*. В К. О. Л. 83 появляются некоторые сомнения относительно возможности использования этого термина, который, как справедливо отмечается, может обозначать как развитие, так и состояние. Действительно, Соссюр и сам во вводной лекции в Женеве использовал слово *история* в разных значениях:

«Чем больше изучаешь язык, тем больше проникаешься тем фактом, что в языке *все* является *историей*, следовательно, он является объектом исторического анализа, а не абстрактного, он состоит из *фактов*, а не из *законов*; все, что кажется в языке *органическим* и основным, в действительности является *побочным* и совершенно случайным» (цит. по: *Engler 1966,36*).

Этот отрывок следует сравнить с другим, более ранним, чем первый курс («Ни один закон, работающий с современными терминами, не имеет обязательного значения» [зачеркнутые варианты: «обязательной силы», «значения императива»] S. M. 51 et p.), и рассуждениями в тексте 1894 г. об Уитаи по поводу случайных совпадений между французским и семитскими языками (прим. 61-62 и К. О. Л. 227*Н ел.*). Соссюр так и не оставил эту позицию, как и в конечном счете акцидента-листскую, антителеологическую концепцию диахронии, хотя они и были окружены другими его взглядами из области синхронии (см. ниже К. О. Л. 81-100 и прим.).

[42] Соссюр знакомится с проблемой языковых универсалий через Бреалья, *Les idées latentes du langage*, Париж, 1868, стр. 7-8 и др. (см. *Mounin 1967, 218-19*). Совсем недавно эта проблема вновь возникла с прежней остротой: сначала

ла в статье *Aginsky B. и D. The importance of Language Universals, W 3, 1948, 168-72*, затем, базируясь на теоретических позициях Р. Якобсона и Н. Хомского,— в других статьях (см. *Lepschy*

308

- 1966, 38, 76, 124-28). См. также *Mounin 1963, 191-223* и др.; *К. О. Л. 191, № 305*.
- [43] О той важности, которую Соссюр, в силу своих предположений относительно произвольности, должно быть, придавал этой задаче, см. выше 362 и ел.
- [44] Видимо, здесь Соссюр имеет в виду антропологию как биологическую дисциплину, а не как антропологию культуры, тесно связанную с лингвистикой в США. См.: *Jakobson, 1953; Martinet, 1953, Hoijer H. Anthropological Linguistics // Trends in European and American Linguistics 1930-1960. Utrecht-Anvers, 1961. P. 110-127; Leroy 1965, TI 45*.
- [45] Это первый из отрывков, в котором Ельмслев (1943, 37 и ел.) отметил существование понятия *языка* как «схемы» или как «чистой формы» (см. также *К. О. Л. 26, № 76; 39, № 103; 118, № 234; и т. д. и К. О. Л. 21, № 65*, об истории вопроса); наряду с этим понятием у Соссюра существуют понятия *языка* как нормы реализации, или как материальной формы (*К. О. Л. 22, № 70*), и понятие *языка* как *узуса*, или как «совокупности устных языковых привычек» (*К. О. Л. 27, 79*). Работа над ельмслевской проблематикой, ставшей плодом первого внимательного прочтения всего *К. О. Л.*, была продолжена Фрейем, Косериу (см. *К. О. Л. 21, № 65*) и Мартине (*К. О. Л. 117, № 232*). О ельмслевских понятиях, упомянутых здесь, см. прим. 225.
- [46] Первоисточники § 1: второй урок третьего курса (4 ноября 1910г.: *S. M. 77*), первый урок второй части того же курса (25 апреля 1911г.: *S. M. 81*), первый урок второго курса (*S. M. 66*) и, кроме того, две собственные авторские записи, одна 1893-94 гг. (прим. 55 и ел.), использованная по предложению Сеше (*S. M. 97*), и вторая, должно быть, рецензия работы Сеше *Программа и методы...* Женева, 1908. Запись 1893-94 гг., которую Балли, видимо, решил оставить в стороне, использована во втором абзаце главы: «Возможно, это было центром размышлений Ф. де С.» (*S. M. 136*).
- [47] См. *К. О. Л. 20, №40*.
- [48] По утверждению Якобсона, 1938=1962, 237, Соссюр — «великий открыватель антиномий лингвистики»: речь идет о природной склонности (выше, 323, 359), усиленной (а не созданной) чтением *Языковых антиномий* (Париж, 1896). Виктора Анри; выявление антиномий содержится уже в Записях между 1891 и 1894 гг.
- [49] Интересный отрывок, показывающий, как действовали издатели, чтобы объяснить соссюрскую мысль, иногда несколько ее форсируя. Соссюр, в противоположность тому, как это показано в тексте издателей, не связывает проблему речевой деятельности детей с проблемой происхождения языка. Говоря о попытках найти «интегральный объект», исходя из того или иного аспекта языковой реальности, он приводит в качестве примера попытку исходить из речевой деятельности детей (146 В *Engler*), столь же безуспешную, как и другие. Он сразу же добавляет фразу: «Итак, с какой бы стороны...» Промежуточная же фраза («Нисколько, ибо величайшим

309

ПРИМЕЧАНИЯ

заблуждением...») взята из совершенно фугой лекции (147 В *Engler*) и слова «Нисколько, ибо» добавлены издателями, чтобы связать проблему речевой деятельности детей с проблемой происхождения языка. Другие упоминания о речевой деятельности детей см.: *К. О. Л. 22*, № 69; 37,106, 205,231.

- [50] Этот тезис о происхождении языка уже высказывался Г. Паулем для оправдания негативной позиции, занятой лингвистикой XIX в., типичным проявлением которой было принятое в 1866 г. решение Лингвистического общества Парижа (*M. S. L. 1*, 1868, p. 111) не принимать доклады, касающиеся этой проблемы. Тем не менее недавно эту проблему вновь начали обсуждать (см.: *Tovar A. Linguistics and Prehistory*, W. 10, 1954. P. 333-350; *Leroi-Gowhan A. Le geste et la parole. Vol. 2. Paris, 1964-65*; и см. ниже прим. 54,55).
- [51] Рукописный текст, из которого взята эта фраза гласит: «Для определения места лингвистики не следует брать язык со всех сторон. Очевидно, что в этом случае многие науки (психология, физиология, антропология, грамматика, филология и т. д.) смогут потребовать, чтобы язык считался их объектом. Значит, такой путь анализа никогда ни к чему не приведет». Следует отметить, что в этом отрывке, как и в других подобных отрывках из рукописей, отсутствовала часть фразы «которые мы строго отграничиваем от лингвистики». Эта фраза контрастирует с тезисом Соссюра (см. *К. О. Л. 23* и ел.), согласно которому лингвистика является частью семиотики, которая, в свою очередь, является частью социальной психологии. Она контрастирует также с позициями Соссюра, живо интересовавшегося, как лингвист-историк и теоретик языка, смежными науками, от фонетики до этнографии, политэкономии и т. д. Здесь и в других местах Сос-сюр старается определить, есть ли у лингвистического исследования специфическая цель и какова эта цель: она не заключается в том, чтобы закрывать двери перед другими дисциплинами и препятствовать обмену с ними. Однако издатели приписали ему это стремление.
- [52] О вопросах, поднятых вокруг соссюровской концепции языка, см. *К. О. Л. 21*, № 65. Об определении в рукописях см. ниже *К. О. Л. 21*, №64.
- [53] Изначально Соссюр полагал иначе. Он писал в *Заметках 65* (то есть в тексте, относящемся к 1891 г.): «Язык и речевая деятельность суть одно и то же; одно есть обобщение другого» (см. *S. M. 142*). Различия нет еще и в начале второго курса (*S. M. 132*).
- [54] Вопрос о естественности языка находится сегодня на пересечении областей быстро продвигающихся вперед исследований. Еще несколько лет назад (1955 г.) появление видадамо (*homo*) связывали с появлением протоан-тропов или аркантропов (питекантропов, синантропов, аглантропов), а австралопитеки, после преодоления первоначальной неуверенности, рассматривались как архантропы (см.: *Leroi-Gowhan A. Les hommes et la prehistoire. Paris, 1955*). Но в 1959 г. супруги Лики обнаружили (Олдувай, Танганьика) череп австралопитека, предметы домашней утвари и орудия,

310

что сегодня позволяет думать, что австралопитеки являются предками человека (*Furon R. Manuale di preistoria. Turin, 1961. P. 161-62*). Поскольку «орудие и язык связаны между собой на неврологическом уровне» и поскольку «оба они неразрывно связаны в социальной структуре человечества» {*Leroi-Gowhan A. Le geste et la parole; I: Technique et langagei. Paris, 1964. P. 163*}, «возмож-

ность» вербального языка отодвигается в эпоху появления австралопитека, то есть к концу третичного периода, примерно миллион лет назад (что, говоря в дополнение к К. О. Л. 17, № 50,263, делает невозможным какие бы то ни было исследования по выработке гипотезы относительно формы, которую имели языки эпохи, столь отдаленной от первых языковых документов). Такая возможность подтверждается тем фактом, что, исключая лобные доли (о которых см. ниже, № 57), у австралопитеков уже были развиты головные центры вербального языка (*Leroi-Gowhan*. Op. cit, 314, № 45). То есть проявление способности к языку относится к отдаленной древности, и ее хронологическое происхождение составляет одно целое с происхождением рода.хожо (*homo*).

Кроме того, проблема усложняется наличием более многочисленных и более убедительных исследований, посвященных общению у других видов отряда приматов и у других отрядов животных (*Cohen* 1956, 43—48; *Animal Sounds and Communication*, ed. par W. E. Lanyon, W. N. Tavolga, W. 1960), показывающих, что способность различения разнообразных ситуаций, взаимно однозначно объединяющая классы, пользующиеся положениями, и классы, пользующиеся сигналами (различного характера: мимически визуальными, неголосовыми звуками, голосовыми звуками и т. д.), присуща многим другим видам, наряду с человеческим. Этот последний, вероятно, является носителем языка, начиная с весьма древних стадий эволюции. То есть создание общества связано не столько со способностями к языку, сколько с овладением особым языком, не столько со способностями семантического различения и коммуникации, сколько с овладением специфическим различением и специальными знаками определенного языка.

[55] Об отношениях Соссюра с Уитни см. № 36. Тезис Уитни, уже оспаривавшийся в наброске поминовения У, в 1894 г. (S. M. 44,166-68 Ф. Engler) снова обсуждается во втором курсе (166 В Энтоер). Он был изложен американским ученым в *Life and growth cit.*, p. 291, и в *Language and the study of language, cit.*, p. 421-23.

Отношения между языком жестов и вербальным языком рассматривались как отношения хронологического следования сначала Н. Марром, затем Я. ван Гиннекенем (*Типологическая реконструкция архаических языков человечества*. Гаага, 1939), оба они полагали, что человек пользовался исключительно жестами и другими визуальными сигналами до относительно недавнего периода (3 500 до н. э.). Это тезис не имеет доказательств, как и другие утверждения относительно характеристик языка, на котором говорили люди доисторической эпохи; см. Коэн 1956.75,150. Конечно, общение жестами, столь же точное, как и общение словесное,

311

ПРИМЕЧАНИЯ

вполне возможно. Это много раз показывалось, начиная с исследования *Mallery G. Sign Language (First annual report on the bureau of american anthropology)*, Нью-Йорк, 1981 (но интерес такого типа существует давно, достаточно упомянуть «хиромию» (*chiromie*) *Requento V. Scoperta della Chi-ronomia ossia Dell'arte di geste con le mani. Panne*, 1797), до более поздних работ *Cocchiara G. II linguaggio del gesto*, Turin, 1932 (богатая библиография), *Critchley M. The language of gesture*, London, 1939; *Vuillemeu P. La pensee et les singes autres que ceux de la langue*, Paris, 1940, и до исследования по тактильной и визуальной коммуникации и по «кинесике» группы «Exploration» (1953-1959): см. антологию *Explo-*

ration in Communication, изд. Carpenter E., McLuhan V., Boston, 1960.

О взаимодополняемости визуальных сигналов жестов и вербальных сигналов см.: *Meo-Zilio G. Consideracione sobre el lenguaje de los gestos // Boletin de filologia (Santiago, Chili) 12.1960.225-48; El lenguaje de los gestos en el Uruguay//Ibid. 1961.13. 75-162*. Что же касается письменного использования языка (исключая случаи комиксов и т. п.), этой взаимодополняемости, естественно, не существует, что оказывает значительное влияние на организацию письменной речи по сравнению с устной речью: см. *К. О. Л. 28*, № 86.

[56] Реализуя на практике утверждения Соссюра в ЛО.Л./4 («...задача лингвистики входит... обнаружение фактов, постоянно и универсально действующих во всех языках»), мы можем отметить, что здесь впервые употребляется термин «универсальный» в отношении лингвистики (см. *К. О. Л. 14*, №42). Способность создания систем означаемых (различия между возможными значениями) и означающих (психические различия (см. *К. О. Л. 22*, № 70) возможных звуковых реализации), соединенных в знаках, предшествует появлению самих языков, но трансцендентна по отношению к знакам (в том смысле, что, предшествуя каждому языку в отдельности, она в то же время не существует без какого-либо из этих языков). Однако эта способность обусловлена способностью разрабатывать «целую систему "схем", предвосхищающих некоторые аспекты структур классов и отношений» (где «схема—это... то, что можно обобщить в данном действии»), согласно *Piaget J. Le langage et les operations intellectuelles*, p. 54, в *Problemes de psycholinguistique*, Paris, 1963, p. 51-61.

[57] В 1861 г. французский хирург П. Брока доказал, что один из больных потерял способность говорить вследствие повреждения третьей лобной извилины левого полушария большого мозга (*Penfield W., Roberts L. Langage et mecanismes cerebraux. Paris, 1963. P. 11-12*). Это открытие дало новые основания для исследований локализации в мозгу мыслительных функций. Сегодня карта поля коры головного мозга, ответственной за интерпретацию, выработку языка и за произношение, значительно сложнее, чем Брока мог бы себе представить и, учитывая средства, которыми он располагал, установить: на практике, здесь участвуют различные участки коры левого полушария головного мозга (*Penfield W., Roberts L. Op. cit. P. 126* и ел.), а также подкорковые центры (*Ibid. 220* и ел.). См. также *Brain*

312

Function. Как многократно повторяет Соссюр, мозг—это языковой центр (*К. О. Л. 20* и см. ниже № 64).

[58] См. ниже № 60 и 68.

[59] Первоисточники — три лекции третьего курса (4 ноября 1910 г.) и две лекции от 25 и 28 апреля 1911 г.

[60] Отметим, что сходную отправную точку можно найти у Л. Блумфилда и у постблумфилдистов, для которых единственной действительной языковой реальностью является индивидуальное языковое поведение, серия/речевых актов, тогда как *язык*—это чистое научное «соглашение» (*Garvin 1944. 53-54* и см. выше 279).

[61] Напротив, насколько сегодня известно, слух может рассматриваться вовсе не как простой рецептивный механизм, пассивная фиксация. См., например, вывод, к которому приходит *Miller A. G. Langage et Communication (Paris, 1956. P. III)*: «Слушание речи — процесс не пассивный и не автоматический. Слушающий выполняет избирательную функцию, отвечая на одни аспекты общей си-

туации, а не на другие. Он отвечает на стимулы, согласно избранной им организации. Он заменяет отсутствующий или противоречивый стимул способом, соответствующим его потребностям и прошлому опыту». См.: *Thomatis A. L'oreille et la langue. Paris, 1963.*

[62] См. выше № 56.

[63] Издательская обработка рукописного текста 160 В Эншер нарушила ясность в *К. О. Л. 17*, что касается определения *языка*, а здесь—понятия *речи*. В рукописи читаем: «*Язык*—это совокупность необходимых соглашений, принятых обществом для обеспечения реализации способности к языку у индивидуумов [определение]. Способность к языку—явление, отличное от языка, но не имеющее возможности реализоваться без него. *Речью* называют действие индивидуума, реализующего эту способность посредством общественного договора, коим является язык [определение]». Определение устраняет любую двусмысленность: те, кто подобно Иг/ш 1964.23, упрекают Соссюра за то, что он не назвал *discours* (речь, слова) *parole* (речью, словом), ошибаются. Утверждение Беларди в *Lucidi 1966, XVII*, также верно лишь отчасти: «У Соссюра "речь" (*parole*) это не *res acta*, а "речь" индивидуума»; см. *К. О. Л. 22, № 67.*

[64] Вот рукописные первоисточники этого отрывка, важность которого очевидна (229-240 *Engler*): «*Рецептивная и координирующая часть, вот что формирует отложение у различных индивидуумов, которое получается е значительной степени сходным у всех индивидуумов. Язык — это общественный продукт. Этот продукт можно представить себе очень точно. Если бы мы могли увидеть и изучить отложение словесных образов у индивидуума, сохраняемых и располагаемых в определенном порядке и классификации, мы увидели бы там общественную связь, образующую язык. Эта общественная часть является чисто умственной, психической (см. статью Сеше: *La langue a pour siege le cerveau seui, Un equilibre**

313

ПРИМЕЧАНИЯ

s 'etablie entre les individus). Каждый индивидуум имеет внутри этот общественный продукт, язык. Язык — это клад, составленный из того, что виртуально находится в нашем мозгу, и вложенный в мозг совокупности индивидуумов одного общества, клад, полный в массе индивидуумов и более менее полный в каждом индивидууме.

[65] Различие *язык* — *речь* носит явно диалектический характер (см. *Frei 1952*); язык (взятый здесь также как «схема»: *К. О. Л. 15, № 45*) — это система границ (естественно, произвольных, а также имеющих социальное и историческое происхождение: *К. О. Л. 70* и ел., *141* и ел.), в которой находятся, функционально самоопределяются (*К. О. Л. 108, № 217*) «значения» и звуковые реализации слов, то есть значения и звуковые воплощения отдельных речевых актов; такая система руководит речью, находится над ней; и именно здесь заключается единственная причина ее существования (ее границы, то есть различие между одним означаемым и другим, между одной означающей единицей и другой, не зависят ни от одной решающей причины, принадлежащей к области мира, разума или звука); можно сказать, что *язык* существует лишь для того, чтобы управлять *речью*.

Согласно *Hjelmslev 1942. 29 (1959. 69)* это различие является «первейшим тезисом» в *К. О. Л.* Это, по-видимому, верно в хронологическом смысле: уже во время пребывания в Лейпциге и поездки в Литву Соссюр уловил различие ме-

жду рациональным пониманием языковых единиц и пониманием физиологическим, между исследованием звуков «историческим» и «физиологическим» (см. 298, 304, 327), хотя терминологическое разграничение языка и речи относится к более позднему периоду (S. M. 142). В логическом смысле утверждение Ельмслева следует, скорее, связать с другими, чем исправлять. Публикация дискуссий с Ридлингером (S. M. 30) подтверждает, что для Соссюра в 1911 г. это различие действительно является «основной истиной» его системы общей лингвистики; с другой стороны, в третьем курсе лекций Сос-сюр представляет «произвольность знака» как «основной принцип» (К. О. Л. 70 и ел.). Между этими двумя высказываниями нет противоречия, если полностью разобраться в соссюрском понятии произвольности знака.

С другой стороны, чтобы разобраться в этом понятии, необходимо исходить из рассмотрения речи в ее конкретном аспекте. Лишь при таком рассмотрении мы сможем осознать тот факт, что, понимая содержание и словесные формы отдельных речевых актов как реальность индивидуальную и неповторимую (К. О. Л. 108 и ел.), мы можем идентифицировать (как это постоянно делает говорящий) две различные звуковые формы различного содержания как «одно и то же слово», имеющее «одно и то же означаемое», при одном условии: взяв за основу идентификации не фоно-акустическую реальность звуковых форм или психологическую реальность содержания (неизбежно различные в акустиче-

314

ском и психологическом плане), а то, что означают эти звуковые формы и содержание, их значение. В одной и той же речи слово *война* может быть произнесено по-разному, значение термина тоже может быть разным, и различие фоно-акустическое и психо-семантическое возрастает, когда переходишь от одного индивидуума к другому: установление идентичности между различными реализациями возможно лишь тогда, когда они представляют одно и то же значение. Так, две различные монеты в 5 франков остаются одной и той же денежной единицей, поскольку они представляют одинаковую ценность, значение (*valeur*) (К. О. Л. 115); так, экспресс Женева—Париж, отправляющийся в 20⁴⁵, каждый день остается одним и тем же, хотя вагоны, пассажиры и т.д. меняются (К. О. Л. 109). Значения звуковых форм являются означающими языка, значения содержания являются его означаемыми. Такие значения не определяются звуковыми формами или содержанием и являются произвольными, как с фоно-акустической точки зрения, так и с точки зрения логико-психологической. Они взаимно отграничиваются друг от друга, то есть образуют систему (К. О. Л. 112 и ел.). И эта система значений является образованием, отличным (диалектически и трансцендентально) от реализации звуковых форм и содержания (см. № 231) и от отдельных актов речи. Следует сразу же добавить, что эта система значений означаемых и означающих формируется соответственно не из фоно-акустического и логико-психологического материала, но именно она превращает этот материал в определенные фигуры: в этом смысле она является формой (К. О. Л. 113). Эта форма абстрактна с точки зрения конкретных явлений, данных нам в ощущениях (но Соссюру весьма сложно называть ее таковой после полутора веков восхищения конкретными явлениями: см. ниже № 70); она является конкретной с точки зрения сознания говорящих, ограничивающихся этой системой в речи (К. О. Л. 103 и ел.). Язык как форма берет свои значения у них и у них одних и является формой, совершенно социальной (К. О. Л. 79 и ел.). Эти формальные характеристики можно измерить только в синхронии; но, поскольку эти характеристики являются результатами разного рода слу-

чайностей, произошедших с течением времени (*К. О. Л. 80*), язык как форма также является совершенно историческим (*ibid.*).

Если наша интерпретация верна (она будет проверена в примечаниях, соответствующих упомянутым пунктам), становится совершенно ясно, что хотел сказать Соссюр, говоря об «основной истине» и об «основном принципе». Произвольность знака занимает первое место в *ordo rerum*: это фундамент, на котором возводится здание языка как формы, это фундаментальное правило лингвистической игры. Различие между языком как формой и *речью* как реализацией содержания и фоно-акустической реализацией является основной истиной, к которой приводит признание полной произвольности знака. Но для признания этой характеристики следует «вновь опуститься до

315

ПРИМЕЧАНИЯ

конкретного» (Прието), до отдельных, индивидуальных, неповторимых актов речк. Это означает, что в изложении *prius* (*прежде*) должен быть не «основной тезис» или «основной принцип», а анализ конкретного, то есть обсуждение темы, которую мы встречаем в 1759-1765 В Энглер и которая приводит к вопросу, на каком основании говорящие идентифицируют два акта, различных с фоно-акустической и психо-семантической точки зрения. Другими словами, если вся эта интерпретация верна, *К. О. Л.* должен был бы начинаться страницами 249-250 и 150-152 о диахронной и синхронной идентичности, затем должно было следовать признание произвольного характера знака, а значит, формального характера языка, и первая часть должна была бы завершиться анализом методологического различия между рассмотрением языкового явления как явления, представляющего определенное значение (*язык*), и как фоно-акустического или психологического проявления (*речь*).

Издатели же, напротив, увлекшись материальностью утверждения, адресованного Соссюром Ридлингеру, о приоритете различия между языком и речью, поставили это различие в начало *К. О. Л.*: без какого-либо контекста, без объяснения, кроме обещания гарантировать лингвистам автономию (см. № 51), это различие представало как необоснованное, было всеми способами опровергнуто и неправильно понято. Также неправильно был понят и «основной принцип» произвольности, оторванный от всех пояснений (не считая посредственного дидактического примера) и открывающий собой первую часть (см. *К. О. Л. 69, 70*). Весь этот комментарий имеет целью возразить всем тем, кто утверждает, что великие соссюрские тезисы висят «in der Luft» (в воздухе) (Роггер); но следует признать, что до того, как Го-дель (S. M.) восстановил истинный смысл соссюрских идей, было трудно избежать подобных высказываний (лишь такие гениальные личности, как Ельмслев, могли интуитивно восстановить прочный и глубокий фундамент тезисов), цель комментария—возразить всем тем, кто представил и представляет идеи Соссюра как совокупность тезисов, идущих друг за другом без какой-либо внутренней логической связи, но такое представление почти неизбежно, если за основу берется «вульгата» *К. О. Л.*, •е которой взаимосвязи различных тезисов, взаимосвязи, выявлению которых Соссюр посвятил всю свою жизнь, нарушены произвольным дроблением частей, к которым обращались издатели. .

Учитывая все это, в традиционных комментариях почти неизбежной была интерпретация дихотомии *языка* и *речи* как различия между двумя отдельными, противоположными реальностями, двумя разными «вещами» (одной — в обществе, другой — в душе индивидуумов); оставалось только тем или иным образом упрекнуть

Соссюра (материалисты обвиняли его в идеализме, спиритуалисты—в грубом позитивизме) за это разделение.

316

Исторические очерки о проблемах интерпретации и теоретических рассуждениях: *Coseriu* 1951;! 962. 18 и ел., *Spence* 1957 (см. также *Spence* 1962), *Слюсарева* 1963. 35 и ел.

Ниже приводится библиография, относящаяся к категории различия: *Ab-sil* 1925; *Amman* 1934. 261-62 (абстрактный характер языка), 267-68 (трудность различия); *Baldinger* 1957. 12 (коллективный виртуальный язык, актуализированная индивидуальная речь), 21 (различие между семасиологией и стилистикой и его фундамент); *Bally* 1926; *Bolelli* 1949. 25-58; *Brondal* 1943.92 и ел.; *Будагов* 1954.11 (упрек в абстрагировании от языка); *Чиюбава* 1959. 97-994; *Devoto* 1951. 3-11; *Domszewski* 1930, 1933 о и *b*, 1958 (источники различия); *Gardiner* 1932.62106 и ел. (защита дихотомии от критиков); *Gardiner* 1935; *Gill* 1953; *Gipper* 1963. 19 и ел.;

Herman 1936. 11; *Jespersen* 1927. 573 и ел., 585 и ел. (весьма негативная критика), 1933.109 и ел. (также); *Selected Writings* 398 (также); *Jespersen* 1925. 11,12, 16-23,125; *Junker* 1924. 6 и ел.; *Korinek* 1936. 45^t6; *Lemy* 1965. 85-87; *Lohmann* 1943; *Malmberg* 1945. 5-21,1954.10-11,1963. 8 и ел.; *Mailer* 1949, *Otto* 1934.179 и *ca.-.Pagliaro* 1952.48-61; *Pagliam* 1957. 377; *Palmer* 1954. 195; *Penttila* 1938; *Pierson i. L. Three Linguistic Problems// S. L. 7. 1953. 1-6; Langue—parole? Signifiant—signifie—signe? // S.L. 1964.17.13-15; Rogger* 1941.173-83; *Rogger* 1954 (против тезиса об актуализации); *Щерба* 1957; *Schmiat* 1963 (язык как потенциальность, речь как действительность); *Sechehayе* 1933; *Sechehayе* 1940; *Spang-Hans-sen* 1954.94; *Terracini* 1963.24,26 (абстракция); *Tezisy* 1962; *Vasuiu* 1960; *Vendryes* 1921 (=1952.18-25); *Verhaar* 1964.750 и ел.; *Vidos* 1959.108-10; *Vmay-Darbelnet* 1958. 28-31; *Волков* 1964; *Wartburg—Ulhnam* 1962. 4-6; *Waterman* 1963. 64.

О предвосхитивших соссюрские дихотомии см. выше 287 и ел.; добавим сюда мнение Пизани, согласно которому различие производится «под внешними социологическими обликами», А. Шлейхера и Макса Мюллера.

О параллелях с соссюрскими различиями в математической лингвистике и в теории информации в моррисовской семиотике и в философии позднего Витгенштейна см.: *Herdan* 1956.80; *Ellisll Zeichen и. System* 1.48. Вена, 1963. 3 и ел., ср. выше 378, ниже № 66. Коэн (1956.89-90) отбросил соссюрское различие как идеалистическое (см. также работу *Timpanaro S. Considerazioni sul materialis-mo//Quademi piacentini* 5: 28. 1966. 76-97. P. 96-97, обсуждавшуюся в *DeMauro: Strutturalismo idealista?//La Culture. 1967.5.113-116*).

[66] Итак, интерпретация языка как «кода» восходит к Соссюру; эту точку зрения находим также у *Martinet* 1966. 29, *Lepschy* 1966. 30-31 и т. д.

[67] То есть речь для Соссюра является как актом коммуникации, так и отдельным результатом, особым языковым инструментом, используемым в действии, как в этом акте коммуникации (см. выше № 63). Еще сегодня, следуя за *Prieto* 1966, говорят о двух сторонах речи, «содержании» и «звуковой форме» (*phonie*): оба термина являются *nomina actionis*, но

317

ПРИМЕЧАНИЯ

используются также и как *potta rei*. Можно упрекать Соссюра в том, что он не определил терминологическое различие между *Sprechhand-lung* (речевым действием) и *Sprachwerk* (языковым механизмом) (используя различие и уточнение Buhler 1934. 48 и ел.), но в этом отрывке различие концептуально ясно, а отсутствие терминологического различия присуще в аналогичных случаях всем индоевропейским языкам, а также лингвистической терминологии. Vachek 1939. 95-96, напротив, утверждает, что речь идет о концептуальной ошибке в той мере, в какой пункт 1 («...комбинации, в которых...») принадлежит сфере *языка*.

[68] Это высказывание имеет позитивистскую окраску: оно встречается в начале *Trattato di sociologia generate*, В. Парето (I, 1, 108—119). В действительности же «дискуссия с вещами», попытки «исходить из вещей, а не из слов» суть миражи профессоров либо неудачные метафоры. Нам никогда не освободиться от сетей вербальных символов, с помощью которых мы идентифицируем наш опыт: это возможно лишь в той мере, в какой мы можем отказаться от одной сети в пользу другой, либо изменить ту, которой мы располагаем, обогащая, улучшая ее и т. д. Впрочем, существует доказательство того факта, что Соссюр так и не освободился от того, чтобы «исходить из слов» в сложных случаях, дискуссиях и полемике вокруг проблемы перевода на другие языки триады *язык—речь—речевая деятельность (langue—parole—langage)* (но это доказывает также, что научная работа может соответствующим образом дать некоторым тонким техникам широкое лингвистическое применение); АРАБСКИЙ ЯЗ.: *lisan* «язык», *kalam* «речь» (Kainz 1941. 19-20). ЕГИПЕТСКИЙ ЯЗ.: *mudet* «язык», *w* «речь» (Gardiner 1932. 107). ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗ.: *γλώττα* «язык», *λαγός* «речевая деятельность» (Kainz 1941. 19-20). ЛАТИНСКИЙ ЯЗ.: *lingua* «язык», *sermo* «речевая деятельность—речь», *oratio* «речевая деятельность—речь» (Kainz 1941. 19-20). НЕМЕЦКИЙ ЯЗ.: Еще более чем в английском, мы увидим это ниже, перевод соссюрских терминов на немецкий язык представляет собой проблему: на обыденном уровне термин *Sprache* колеблется между значениями *язык и речевая деятельность*, термин *Rede*—между значениями *язык, речь, слова (discours)*. Отсюда необходимость ввести на техническом уровне третий термин и одновременно с этим уточнить значение двух уже существующих терминов. Это приводит к многочисленным попыткам, показывающим отсутствие варианта, принятого повсеместно. Ломмель решил при переводе оставить за *Sprache* значение *язык*, обозначить *речевую деятельность* как *menschliche Rede* («человеческая речь»), *аречь* как *Sprechen* (франц. «Je parler» — *речь, язык, манера говорить*, этот вариант с большим или меньшим постоянством принимают Dieth—Brumier 1950. 3, 16, Wartburg—Ullmann 1962. 4, Gipper 1963. 19). Другие предпочли назвать речь *Rede* (Baldinger 1957. 12,21, Penttila 1938, Wartburg—Ullmann 1962. 6), что, учитывая двух- и даже

318

трехвалентность *Sprache* на обыденном уровне (Gipper 1963. 22 и ел.) приводит к использованию для уточнения различных производных:

Sprachtum «язык», *Sprechakt* «речь», *Sprache* «речевая деятельность» (Herman 1936.11; Otto 1934. 174,182); *Sprachgebilde* «язык», *Sprechakt* «речь», *Sprache* «речевая деятельность» (Trubeckoj 1939 5); *Sprachbesitz* «язык», *Gesprach, das wirkliche Sprechen* «речь», *Sprache* «речевая деятельность» (Porzig 1950. 108); (Mutter)*Sprache* или (Einzel)*Sprache* «язык», *Sprech(akt)* «речь», *Sprach(jahigkeit)*

«речевая деятельность» (*Gipper* 1963. 22 и ел.).

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗ.: Перевод трех сосюрговских терминов представляется проблематичным. Заимствование из старофранцузского *language* на обыденном уровне имеет скорее значение «язык» («*idiome*»), чем «языковая деятельность», и является полным эквивалентом «язык» (см.: *Palmer* 1924.40; *Jespersen* 1925. 11-12; *Gardiner* 1932.107 и ел.);

до недавнего перевода Баскина (*Baskin*); но *Lepschy* в своем указателе терминов, сделанном, кроме того, на пяти языках, в *Martinet* 1966. 207 и ел., предлагает *language* как двусмысленный эквивалент «языка и речевой деятельности». Переводы «речи и речевой деятельности» колеблются в большей степени, с большими или меньшими основаниями и успехом были приняты термины *speech* и *speaking*.

Speech соответствует/речм согласно *Gardiner* 1932.107 (но см. ниже *Kainz* 1941.19-20, *Sommerfelt* 1952. 79, *Carmil* 1953. 11-12, *Malmberg* 1963. 9), но оно, по-видимому, означает и речевую деятельность у того же *Gardiner* 1935. 347 (см.: *Coseriu* 1962. 24) и означает речевую деятельность у *Palmer* 1924.40, *Jespersen* 1925.11-12. Перевод *W. Baskin* представляет собой блестящее решение, которое, вероятно, станет окончательным: он выбрал *language* для обозначения «языка», *speech* или *human speech* для обозначения речевой деятельности и *speaking* (франц. «*Je parlen*») для «языка».

ИСПАНСКИЙ ЯЗ.: *Lengua*, *lenguaje* и *habia* (см., например, перевод *Alonso A. C.* 54 и ел.) четко совпадают с «языком», «речевой деятельностью» и «речью» (однако встречаются также *circuito de la palabra*, *palabras*, с.53-54).

НИДЕРЛАНДСКИЙ ЯЗ.: Использование также колеблется; *taal* означает в основном «язык» (*Gardiner* 1932.107), *spraak* означает речевую деятельность и «речь», а это второе значение может передаваться *rede* (*Gardiner*, но см. *Kainz* 1941. 19-20).

ВЕНГЕРСКИЙ ЯЗ.: «Язык» обозначается *nyelv* (франц. «язык» — «*idiome*»), «речь» — *beszed* (франц. «речь» — «*discours*»), речевая деятельность — *nyelvezef* (*Lorinczy E. Saussure magyar forditasa ele. Op. cit. P. 282*).

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗ.: Перевод пары «язык—речевая деятельность» не представляет трудности в итальянском языке, способном на *lingua—linguaggio*. Уточнение в сосюрговском смысле этих двух терминов отныне принято едва ли не всеми: лишь несколько философов от науки и от языка под влиянием английского термина *language*, мало

319

ПРИМЕЧАНИЯ

осведомленные о происходящем в лингвистике, продолжают использовать *linguaggio* в значении «язык» (см. недавний перевод *Philosophische Untersuchungen* Л. Витгенштейна, Турин, 1967, выполненный *Trincherо I*, с. 9,10 и ел.). Перевод термина «речь», напротив, представляет собой проблему. Наиболее близкий итальянский эквивалент—естественно, *parola*. Вне контекста этот перевод может показаться допустимым: из 21 значения франц. слова *parole* («речь»), представленного, например, в словаре *Petit Larousse*, лишь одно (франц. *porter la parole*— «проповедовать») не представлено или плохо представлено итальянским термином *parola*, а в итальянском словаре, по объему сходному с *Larousse*, например в *Zingarelli*, все значения *parola* могут быть переданы французским *parole*. Но анализ этих словарей обнаруживает расхождение в действительном употреблении двух терминов в их различных значениях: из 21, значения, указанного в *Larousse*, одно близко к «*vocabole*» («слово»), тогда как остальные 20 близки скорее понятию «манера выражаться, вербальное проявление»; в аналогичном итальянском сло-

варе ситуация обратная и половина примеров приближается к «vocable» («слово»). А при более тщательном анализе можно увидеть, что итальянские фразы, в которых *parola* имеет значение «вербальное проявление», являются в некотором роде исключениями (устаревшее: *Se io ho ben la tua parola intesa*; религиозные: *la parola del Signi-ore, il dim della parola*; полубюрократические: *chiedere la parola, dare la parola*) и что использование *parola* в значении «vocable» («слово»), напротив, распространено, тогда как во французском языке ситуация обратная. Иными словами, в подавляющем большинстве случаев итальянское *parola* соответствует не французскому *parole* (речь), а французскому *mot* («слово»). Именно здесь заключается очевидный источник затруднений: в тексте, где не говорится о *слове* (*mot*), *parole* (речь) может вполне быть переведено (с незначительным искажением языкового обычая) как *parola*; но в тексте, где речь идет и о *слове* (*mot*) и в котором, следовательно, возникнет *parola* в значении «vocable» («слово»), перевод французского *parole* (речь) итальянским *parola* приводит к очевидной двусмысленности. Тем не менее этот перевод был принят Pagliaro 1957.32, Lepschy в Martinet 1966. Он не был принят при переводе на итальянский язык К. О. Л. Есть и другие переводы, уже принятые или возможные: пишут PAROLA, если слово означает речь, и *parola*, если оно означает *слово* (*mot*) (Devoto, личное письмо от 12 февраля 1964 г.); переводят как «atto linguistico» (Conte M. E. Sigma 10, 1966.45), однако теряя при этом двусмысленность термина *речь* (см. выше № 66); переводят как (*il*) *parlare* или *espressione*, что позволяет избежать опасности, подстерегающей нас в предыдущем случае, но в варианте возникает довольно тяжеловесное выражение, а во втором—двусмысленность, учитывая связь, установленную на уровне культуры, между *espressione* и эстетико-лингвистической концепцией Кроче. Предпочтительней оставить в итальянском языке французское слово.

320

ПОЛЬСКИЙ ЯЗ.: язык переводится *Ksmjzyk*, речевая деятельность как тема, речь как *towajednostkova*.

РУССКИЙ ЯЗ.: фр. *langage* переводится как речевая деятельность (Введенский 1933.12; Lepschy в Martinet 1966.211, напротив, дает в качестве эквивалента язык), *langue* и *parole* переводятся как язык и речь (Введенский. *Op. cit.*; Валков 1964; Lepschy *cit.*; и т. д.). ШВЕДСКИЙ ЯЗ.: язык обозначается как *sprak*, речь может обозначаться как *tal*, но, как правило, с уточнением *talsom konkretfenomen* (или с уточнением подобного рода), поскольку *tal* в качестве изолированного слова может обозначать и речевую деятельность (Regnell 1958. 10; Maimberg. *Spraket och mdmiksan*. Стокгольм, 1964. С. 12; Kaim 1941.19-20). Все это наводит на мысль, что Соссюр, хотя и проповедовал веру в «вещи», с меньшими затруднениями смог разработать свое классическое деление на три части, поскольку он использовал при этом французский язык (в этом духе см. Kronasser 1952.21).

[69] О проблеме обучения языку Л. Витгенштейн написал страницы, ставшие классикой, и, кроме того, совершенно в духе Соссюра (*Phihsop-hische Untersuchungen*, § 1 и ел.).

Проблема обучения ребенка родному языку лишь едва затронута Сос-сюрсом (см. выше 17, № 49); по этому вопросу существует обширная библиография, которую можно найти в обзорных трудах Miller G. *Langage et communication*, Paris, 1956 (полезно будет также прочитать с. 191-234, написанные под воздействием ассоцианизма), Language Acquisition, Bilingualism and Language Change (очерки J. B. Carrol, R. Jakoo-son, M. Halle, W. E. Leopold. J. Berco и дру-

гих авторов) в Psycholinguistics. New York, 1961, p. 331 и ел., Titone R. La psicolinguistica oggi, Zurich, 1964. Следует заметить, что поскольку, помимо возможности использования историко-естественного языка, у Соссюра была способность разделять и группировать содержания в означаемые, а звуковые формы в означающие, соединяя одни и другие (см. прим. 56), К. О. Л в плане теории обучения гармонирует скорее с позициями Ж. Пиаже (№ 56), чем с позициями бихевиористов и ассоцианистов. Этим объясняется широкое использование соссюровских тезисов в недавних исследованиях по теории обучения; см.: *Francescato G. II linguaggio infantile. Strutturazione e apprendimento. Turin, 1970. P. 25, 26, 78-79, 109-111, 113, 114, 119, 192, 195.*

[70] Согласно *Hjelmslev* (1942. 37 и ел.) в этом отрывке следовало бы видеть также присутствие понятия языка как нормы, регулирующей языковое поведение различных социальных групп (см. *К. О. Л. 15*, № 45). Отметим, что в рукописных первоисточниках в 4-м абзаце письменность ни разу не упоминается (263-269 Энглер). То есть идея о том, что подтверждением конкретного характера знака и возможности его реализации является возможность его письменной фиксации, не принадлежит Соссюру, а является попыткой издателей интерпретировать его мысль. Сегодня в рамках гносеологии, совершенно отличных от тех, в

321

ПРИМЕЧАНИЯ

которых Соссюр развивал свою мысль, эти термины нам понятны. Соссюр показал, что отождествление двух различных звуковых форм или двух различных содержаний не базируется и не может базироваться на звуковом или психологическом сходстве, что оно базируется на интерпретации той и другой звуковой формы или того и другого содержания как сигналов одного типа, как физически и психологически разное использование идентичных языковых единиц. Эта идентичность, лишенная физико-акустических и логико-психологических подтверждений, является единственным доказательством того факта, что внутри определенного общества и определенной культуры содержания объединены в одни классы, а не в другие (означаемые), и звуковые формы в одни классы, а не в другие (означающие). Таким образом, введение разграничений в массу содержаний и в массу звуковых форм является введением произвольным (разграниченные реальности, не мотивированные физиологическими, акустическими, психологическими, логическими характеристиками). Такие разграничения являют собой абстрактные схемы, по которым устанавливаются конкретные содержания и звуковые формы. Само собой разумеется, что эти абстракции в действительности работают «конкретным» образом, когда они регулируют языковое поведение индивидуума.

Придя к этому двойному заключению («абстрактный» характер языковых единиц и их «конкретное» действие), Соссюр наталкивается на гносеологическое и терминологическое препятствие, связанное с его эпохой и его образованием. Анализ Соссюра располагается на заднем плане гносеологии Канта, идеалистической и позитивистской. В такой гносеологии абстракция — это «eine negative Aufinerksamsainkeit» (отсутствие внимания) (Кант), это нечто ограниченное, отделенное или еще «Falsch» (ложное) (Гегель), в самых начальных позитивистских интерпретациях она не имеет силы «факта» (*Эйслер 1927. sv. Abstrakt, Abstraktion, Abbagnano 1961 sv. abstrazione*). Тогда как абстрактное есть «ein isoliertes, unvollkommenes Moment des Begriffs» (изолированный несовершенный момент представления) (Гегель. *Werke. V. P. 40*) живое есть «schlechthin Konkrete» (совершенно конкрет-

ное) (*Eisler. Op. ей.*).

Движение по переоценке «абстрактного» имеет сложные и разнообразные корни, с точки зрения философии и общей гносеологии можно назвать повторное открытие роли условных и абстрактных символических единиц, сделанное, отталкиваясь от различных положений, такими исследователями как *Ch. S. Pierce. Coll. Pap.* 4.235, 5.304; *E. Mach. Erkennt-niss und In-turn. Skizzen zur Psychologie der Fonnenn,* Leipzig, 1905, гл. VII;

E. Cassirer Philosophic der symbolischen Formen, изд. 2-е, 3 т., Оксфорд, 1954; *J. Dewey Logic Theory of Inquiry,* Нью Йорк, 1938, гл. 23; *R. Car-пар. Empiricism, Semantics and Ontology // Revue Internationale de Philosophic,* 4, 1950. 20-40; см. также случаи непонимания и дискуссии, упоминаемые *Barone F. II neopositivismo logico,* Турин, 1953, с. 371 и ел. Определенную роль в этом философском движении сыграл А. Марта (см.

322

Eisler, Absrakti). Помимо философии следует упомянуть и другие разделы науки: психологию восприятия, генетическую гносеологию, различным образом содействовавшие выявлению важности процессов абстрагирования и абстрактных единиц. Соссюр принадлежит к корням этого движения. Но как раз по этой причине, не располагая достойными гносеологическими основами и соответствующей терминологией, он вынужден, с одной стороны, признавать и подчеркивать неконкретный, формальный, а следовательно, и абстрактный характер языковых единиц (*К. О. Л. 113*); но, с другой стороны, связанный терминологией и гносеологией, в которой *абстрактное* означает не более чем «второстепенное» (*marginal*) (Пирс), «нереальное», «ложное» (*irreel, faux,*), он вынужден заявить, что единицы языка «вовсе не абстрактные» (*263 Engler*), поскольку они действительно функционируют (*К. О. Л. 137, 183* и ел.). И для указания их неконкретного, нематериального характера он решает заявить, что они являются «духовными», «нематериальными» (*spirituelles*) (*263 Engler*), вовсе не являясь при этом спиритуалистом (см. постоянные ссылки на неврологическую и мозговую реальность языка).

[71] Первоисточники абзаца—четыре лекции: две (4 ноября 1910г. и 25 апреля 1911 г.) из третьего курса и две (12 и 16 ноября 1908 г.) из второго; см. *S. M.* 66-67, 77, 103.

[72] Конечно, потому что выработка и контроль за функционированием других возможных семиотических систем происходит для человека внутри какого-либо исторического языка. Кроме того, исторический язык создан таким образом, чтобы дать возможность осмысления любого человеческого опыта (так называемое «невыраженное» является таковым лишь по отношению к лучшему выражению, оно должно быть выражено тем или иным образом, чтобы о нем можно было говорить), это отличает язык от неязыковых семиотических систем.

[73] Соссюр несомненно думал о семиотике до 1900 г., он говорит о ней в Навиле в 1901 г. (см. с. 263, № 9). О термине см. 287 и № 12. Об отношениях с Пирсом см. *К. О. Л. 70, № 139*. О семиотике (пользу которой оспаривают *Borgeaud—Brocker—Lohmann* 1943.24) см.: *Frei* 1929.33, 246; *Firth* 1935.50 и ел.; *Buysse* E. Les langages et les discours. Essai de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la semio-logie. Bruxelles, 1943; *Sprang-Hansen* 1954.103-105; *Hjelmslev* 1961.107 и ел. (который, помимо исследований *Buysse*, видит применение семиотики в структурных этнологических исследо-

ваниях П.Богатырева). Наиболее системные и успешные исследования в данной области были проведены *L. Prieto*, см.: *Principes de Noologie*. La Haye, 1964 и *Messages et signaux*. Paris, 1966. См. также об известной интерпретации из этой области исследований: *Barth R. Elements de semiologie*. Paris, 1964.

[74] Из рукописных первоисточников видно, что Соссюр продолжительное время настаивал на критике концепции языка как номенклатуры, словника (302 и ел. *Engler*). Об этом можно прочитать и у Ельмслева 1961.49

323

ПРИМЕЧАНИЯ

и ел. (относится к 1943 г.). *Martinet* 1966.15-17 (относится к 1960 г.). Издатели *Курса* не обратили внимания на эту критику, как и множество современных лингвистов, не понявших ее значения и продолжающих ограничиваться концепцией номенклатуры, происхождение которой восходит к Аристотелю (*De Mawo* 1965.73 и ел.). Примеры тому находим в семантических теориях С. Ульмана и Л. Антала (*De Mawo* 1965. 170-73; об Ульмане см. также выше 280 и № 129). Итак, вполне понятно, почему понятие произвольности знака в/С. О. Л. долгое время омрачалось неудачным примером и в особенности банальной интерпретацией: понятие базируется на открытии произвольности объединения значений в дискретные означаемые, открытии, связанном с критикой концепции языка как номенклатуры. Но об этом см. *К. О. Л. 70-71* и прим.

[75] Первоисточники главы—различные лекции второго и третьего курса: S. M.103.

[76] Это понятие языка-схемы согласно Ельмслеву (см. *К. О. Л. 15*, №45). См., однако, *К. О. Л. 55*, где определенное место отводится феномену инертности речевых органов как условию структуры фонематических систем. Но эти условия не играют решающей роли, фонематические различия могут быть и являются различными в различных языках, и значит, исследование фонации не дает рамок фонематических систем.

Сравнение отношения язык—речь с отношением симфония—исполнение также убедительно приводится последователями Хомского:

Katz J. J., Postal P. M. An Integrated Theory of Linguistic Description // Cambridge (Mass.), 1964. P. IX

В следующем абзаце, где отмечается опосредованное воздействие фонетических изменений на организацию языка, появляется, согласно Ельмслеву, понятие языка *как узуса*, о котором см. *К. О. Л. 79,115*.

[77] Об использовании термина «психический» для определения языка и его исследования см. выше *К. О. Л. 22*, № 70.

[78] См. выше №65.

[79] О понимании языка как «модели» и вообще об использовании моделей в лингвистике см.: *Guiraud* 1959. 19; *De Mauro*. *Modelli semiologici. L'arbitrarietà semantica//Lingua e stile*, 1966. I. 37-61. С. 37-41; *Рев-зин И.* Модели языка. 1966.

[80] См. № 63, *К. О. Л. 22*, № 67; *125*, № 251.

[81] Согласно распространенному мнению, *речь*, поскольку она «das sfindig Wechselnde» («постоянно изменчива»), «nicht Gegenstand der Wissenschaft sein kann» (не может быть объектом науки) (*Brockner* 1943. 382). В действительности, непонятно, почему научное описание должно заниматься лишь реальностью, которая не изменяется; оно может учитывать постоянные формы этих изменений. А постоянные формы речи не являются единицами языка, но яв-

ляются постоянными формами психологии, физиологии и акустики.
324

О лингвистике речи см.: *BuysSENS* 1942; *Cikoba va* 1959.11-125; *Skalic-ka* 1948. О примате лингвистики речи («Вначале было слово»: см. *К. О. Л.* 99) см.: *Sechaye* 1940.9; *Quadri* 1952. 84. В Италии А. Паглиа-ро осуществил объективный и научный анализ речи со своей собственной критикой семантики, представляющей собой настоящую лингвистику речи (*Pagliari* 1957. 277-378).

О психолингвистике как о лингвистике речи (согласно Осгуду) см. выше 284.

[82] Основной первоисточник этой главы — лекция второго курса, прочитанная в ноябре 1908 г. (S. M. 68-69). Название лекции в записях Рид-лингера — *Division interieure des chases de la linguistique* (Внутреннее деление вещей в лингвистике). Заголовок, выбранный издателями, не очень удачен: следовало бы заменить слою лингвистика словом язык.

[83] Вот полный текст записей Ридлингера, ставших источником первого абзаца главы:

«Сделаны замечания по поводу использования термина *организм*: язык нельзя сравнивать с живым существом, он постоянный продукт тех, от кого он зависит! Однако это слово можно употреблять, не утверждая, что язык является отдельным существом, существующим вне разума, независимым. [Если хотите], можно вместо *организма* говорить о системе. Это предпочтительней, но это приводит к тому же. Итак—[определение]—внешняя лингвистика = все, что касается языка, но не входит в его систему. Можно ли говорить о внешней лингвистике? Если у вас есть некоторые сомнения, можно говорить: внутреннее и внешнее исследование лингвистики. Во внешнюю область входят: история и внешнее описание. В эту область входят важные вещи. Слово "лингвистика" в основном наводит на мысль об этой совокупности» (370-374 *Engler*). Как видим, внешнее исследование языка является для Соссюра важной частью лингвистики, поскольку внешние факторы занимают важное место в структуре языка. См. также *Regard* 1919.10-11. Различие между внешним и внутренним исследованием языка уже рассматривалось Паулем 1880. 12. Однако он считал, что лингвистика должна заниматься лишь отношениями, в которых находит выражение *Vorstellungsinhalt* (содержание представления); это, как видим, исключаящий, односторонний тезис (внешнее исследование не является лингвистическим), ошибочно приписанный Соссюру (см. *К. О. Л.* 14, № 40). Введенский, 1933.12, критикует различие, называя его «буржуазным», именно вследствие этой ошибки.

[84] О прочих высказываниях по данному вопросу см. *К. О. Л.* 205-211, 223-232 и примечания, см. *Amman* 1934. 276-277.

[85] Об отношении между политико-социальным событием и событием лингвистическим см. *Cohen* 1956.273-354 (введение в суть проблемы и библиография). О лингвистической романизации в Италии см.: *De Mauro*, *Storia ling. Dell'Italia Unita*; *Bari* 1963. 306 и ел.; возможно, Соссюр подразумевал

325

ПРИМЕЧАНИЯ

работу *Budinszky*A. Die Ausbereitung der lateinischen Spraehe uber Itali-en und die Provinzen des romischen Reiches, Berlin, 1881, либо работы Шухардта.

О переменах, произошедших в Норвегии, отказавшейся от старого средневеко-

вого литературного языка и использовавшей датский язык (*riksma-al*) в течение всего периода союза с Данией, затем создавшей вновь (на основе крестьянских диалектов) автономный литературный язык (*land-smaat*), см.: *Indrebo G. Norsk malsoga*. Bergen, 1951; *Seip D. A. Norsk sprak-historie til omkring 1370*. 2-е изд. Осло, 1955. О понятии специального языка (или, скорее, специального использования языка) см.: *Cohen* 1956.175-226; *De Маиго*, *II linguaggio delle cri-ticad'arte*. Florence, 1965. 21-28.

[86] Исходя из этого отрывка, утверждали, что Соссюр сохранил связь с позитивистскими предрассудками о неестественном аспекте литературного и научного использования языка, этого принципа придерживался еще *Paul* 1880.48, и этот отрывок был связан с *К. О. Л.* 150 (см. № 273). В действительности же, Соссюр предлагает здесь весьма интересную идею, оценить которую мы способны лишь сегодня. Как мы теперь знаем, языковой знак невозможно интерпретировать вне его отношения с ситуацией, в которой он был использован (*De Маиго* 1965.147 и ел.). Это отношение получает в устном варианте языка разнообразную поддержку, исчезающую из письменного варианта. Отсюда необходимость для последнего соблюдать дополнительные правила (порядок слов, синтагматическая системность и связанность, графическая дифференциация фонетически идентичных сочетаний и т. д.) настолько, что это приводит к созданию (как это заметил Л. Прието для французского языка, несомненно представляющего крайний случай) другого языка с другой системой (см. *К. О. Л.* 20 и ел.).

[87] См. *К. О. Л.* 190 и ел. Об использовании слова «организм» см. выше №83.

[88] В этом отрывке место от слов «Возьмем для примера...» до слов «развивался тот или иной язык» является интерпретацией примечаний к лекциям: издатели взяли эту цитату из прим. 61.

[89] Текст издания 1922 г. и последующие предлагают иной вариант, нежели текст 1916 г. В последнем говорилось: «О некоторых языках, таких как авестийский и старославянский, неизвестно даже, какие народы на них говорили». А то, что мы читаем в рукописи (409 *Engler*), в большей степени соответствует состоянию вопроса: «Есть языки, о которых неизвестно, какие народы на них говорили (например, авестийский: язык мидян? старославянский: древний болгарский или древний словенский язык?)». Издатели, ознакомившись с отчетом *fVackemagel* 1916.166, добавили слово «в точности», чтобы смягчить текст первого издания. О других вариантах между 1-м и 2-м изданиями см. *К. О. Л.* 31, № 94; 42 № 109; 176, № 286 и см. № 17.

Фраза, завершающая абзац («Во всяком случае...»), добавлена издателями.

326

[90] Речь идет о сравнении, которое, как известно, было дорого Соссюру: см. *К. О. Л.* 90, № 223. Сравнение встречается также в *Philosophische Untersuchungen Л. Витгенштейна* (§ 31, 136, 200); см. *Verburg* 1961 и прим. 16 и 38.

[91] Концепция языка как системы (язык-схема Ельмслева: *К. О. Л.* 15, № 45), уже изложенная на с. / 7 и 22, здесь впервые определена четко и ясно. О значении этой концепции для лингвистики и обо всей современной научной гносеологии см.: *Frei* 1929. 39; *Jakobson* 1929 == 1962. 16 и ел. («краеугольный камень современной теории языка»); *Brondal* 1943. 92 и ел.; *Cassirer* 1945.

- 104; Чикобава 1959. 13; Gipper 1963. 20;
Beneviste 1966. 21; *Rostello* 1966; *Garroni* 1966. 14-16; *Mounin* 1966.
- [92] Первоисточники абзаца—две разные лекции третьего курса (S. M. 77, 79,103). О проблеме отношений устного и письменного использования языка см. *К. О. Л.* 28, № 86; о семиотических высказываниях относительно письма см. *К. О. Л.* 119, № 238. Ср. *Laziczius* 1961.15.
- [93] Подобная практика сегодня не является исключением. Сегодня существует множество центров даже по исследованию такой относительно мало изученной области, как итальянский язык, где собраны устные материалы и документы, основной из них—*archivio entico linguisti-co-musicale* Государственной фонотеки.
- [94] Первоисточники абзаца: помимо второй лекции третьего курса, упомянутой в прим. 92, некоторые замечания были взяты из других лекций (S. M. 104). В четвертой и третьей строке от конца второго параграфа второго издания *К. О. Л.* (и в последующих) читаем: «...столь же верное изображение...»; в издании 1916г. было написано:«.. более верное изображение...». В этом случае речь также идет об искажении текста рукописи (Соссюр сказал, что литовский язык, вследствие своей древности, представляет «большой интерес для лингвиста, чем латинский язык второго века до Рождества Христова»: 453 *Engler*), исправленном после вмешательства Ваккернагеля (*Wackernagel* 1916. 166.). См. выше ЛО.Л.29,№17и89.
 О медленном характере фонетических изменений, не отмеченных в письме, см. *Menedez—Pidal* 1956. 532-533.
- [95] Г. Дешам (род. в 1861 г.), разносторонний автор, весьма известный в конце прошлого века, заявил в 1908 г., говоря в Академии о Р. Е. М. Bert-helot (1827-1907), что ученый «возражал против разрушения французского языка» и высказывался против попыток реформы орфографии, предпринятых французскими властями между 1901 и 1905 гг. (*Ври-not F., Bruneau Ch. Precis de grammaire historique de la langue francaise.* 4°. Paris, 1956. С. XXXIII; и 474 В *Engler*).
- [96] О первоисточниках абзаца см. № 94 (S. M. 104).
- [97] О письменности в более ранние периоды см.: *Gelb I. J. Study of Writing. The Foundation of Grammatology.* London, 1952; *Cohen M. La grande invention de l'écriture.* vol. 3. Paris, 1958 и ел., *Hockett Ch. F. A course in Modern Linguistic.?* New York, 1958. P. 539-549; *Belardi* 1959.39-45; *Robins R. H. General Linguistics.* London, 1964. P. 121-125;

327

ПРИМЕЧАНИЯ

Leroi-Gowhan A. *Le geste et la parole.* Vol 2. Paris, 1964-^5.1. P. 261-300; II, С. 67-68, 139-162; *Mounin* 1967. 28-31, 35^t7, 52-57, 71-81. [98] О первоисточниках см. № 94 (S. M. 104). [99] О первоисточниках абзаца см. выше № 94 (S. M. 104). [100] Учитывая взаимно однозначное совпадение большей части латинских фонем с большей частью букв латинского алфавита (за исключением двенадцати гласных и полугласных фонем, передаваемых графически лишь пятью буквами), учитывая также, что как фонематическая, так и орфографическая системы итальянского литературного языка близки латинскому языку, в итальянском языке случаи противопоставлений написания и произношения встречаются относительно редко. Например, созвучие [t(] обозначается в зависимости от контекста либо графемой с (*села*), либо буквосочетани-

ем *ci* (*ciocco*); тогда как графема *c* в транскрипции выпадит либо как [ç] (*се-ла*), либо как [k] (*саго*) и т. д. [101] В развитии итальянской фонологии тенденция калькировать произношение с написания занимает первостепенное место: см. *De Maum. Storia linguistica dell'Italia unita*. Bari, 1963. P. 258-60.

[102] Источники абзаца — два намека, во втором курсе — на то, что последователи Боппа игнорируют фонологию, тогда как младограмматики проявляют к ней интерес (S. M. 104 и 75), лекция третьего курса (декабрь 1910 г.; S. M. 104 и 79) и об отношении между тем, что Соссюр называет *фонетикой*, и тем, что он называет *фонологией*, рукописная запись самого Соссюра (640 F Engler).

[103] Термин *phonology* используется в англосаксонских странах с 1817 г. P. S. Duponseau (*Abekotble*, 1967.169). Во Франции использование термина *phonologic* относится к *Ehifriche-Desgenettes A. Sur les differentes es-peces d'r et d'l*, B. S. L. 3 ; 14, 1875.71-76, Соссюр вновь использовал его и обобщил (см. К. О. Л. 44, № 111). Об отношении *фонология* — *фонетика* в понимании Соссюра см. *Dieth—Brwmer* 1950. 8. Сегодня термины *phonetique—phonetics—fonetica* и другие, подобные им, в основном не отсылают к диахроническим или синхроническим исследованиям фонематической системы (однако, в особенности в исторической индоевропейской лингвистике, устаревшее использование этого термина и поныне имеет определенный вес, в чем можно убедиться, обратившись к работам Мейе и его учеников, см., например: *Meillet A., Vendryes J. Traite de grammaire comparee du grec et du latin*. 2-е изд. Париж, 1948. С. 26: «Наши знания о звуковом строе греческого и латинского языков, естественно, зависят от того, как эти звуки записывались, то есть фонетическое исследование этих языков должно начинаться с изучения их алфавита»; а отсылают скорее к исследованиям (артикуляторным, аудитивным, акустическим) *речи*. Функциональное диахроническое или синхроническое исследование звуковых аспектов языка обозначается терминами *phonemics*, или *fonematica*, или в противоположность соссюровской традиции, продолженной во Франции М. Граммоном, термином *phono-logie*, а в работах пражских исследователей, написанных на немецком

328

языке, — *Phonologic* (об этой противоположности см. № 115). В Италии *vuwmjbnetica* в основном используется для обозначения физических исследований, тогда как функциональное диахроническое или синхроническое исследование обозначается терминами *fonematica* и *umfonohgia*. Во Франции такая же ситуация с *phonetique* в первом случае и *sphonemauque* или *phonologic* — во втором.

[104] Первоисточники этого и следующего абзаца — несколько лекций третьего курса (S. M. 104 и 79-80).

[105] Графическое изображение звуковых явлений происходило двумя различными путями: а) неалфавитное изображение, в котором с помощью специальных символов стараются отметить любое движение или изменение артикуляции (т. е. будет один символ для обозначения звонкости звука, другой — для обозначения ее отсутствия, знак для обозначения гласного звука, для обозначения согласного, зубного и т. д.); б) алфавитное изображение, в котором каждую возможную комбинацию движений и изменений артикуляции стараются обозначать специальным символом (т. е. будет символ для обозначения комбинации окк-

люзив-ны и — звонкий—зубной неносовой, символ для комбинации неносовой — гласный переднего ряда и т. д.).

Первой системой руководствовался А. М. Белл при написании *Visible Speech* (не путать со спектрографическими исследованиями: *Potter U.K., Kopp G A., Harriet C. Green. Visible Speech. N.Y., 1947*) и О. Есперсен в неалфавитной нотации (использованной в *К. О. Л. 46* и ел., имевшей в целом малый успех: *Abercombi 1967.114,174*). Второй системой руководствовались в своих попытках многие исследователи, среди которых *Marey, Rousselot, F. Techmer* (у которого см.: *Zur veigle-ichenden Physiologic der Stinune und Sprache. Phonetik. Leipzig, 1880*, в особенности с. 55-58 и прим.), *J. Pitmann, K. R. Lepsius. Standart Alphabet* (о первых попытках см.: *Albright R. W. The International Phonetic Alphabet: its Backgrounds and Developmen//Itntemational Journal of American Linguistics. 1958. Part III. 24:1. P. 19-37*). Именно исходя из одной из этих систем, Лодке Г. Суита (*Albright. Op. cit. 37-42*), после создания Международной фонетической ассоциации был разработан международный фонетический алфавит, являющийся сегодня самой распространенной системой транскрипции (*Albright. Op. cit. 47-65*; см.:

The Principles of the I. Ph. Ass. Being a Description of the International Phonetic Alphabet. Лондон, 1948; новое изд. 1958; *MunissiN. Principi di trascrizione. Не-аполь, s. d.*).

Точка зрения Соссюра на проблему транскрипции представляется сегодня относительно спорной, однако, как мы увидим позднее, критика является чисто соссюрской. Кажется, что Соссюр уверен здесь в наличии возможности получения фонетической транскрипции (или, используя его термины,— «фонологической») «без двусмысленности», основанной на предварительном анализе «речевой цепи», в последовательности ее «элементов», и на классификации ее сегментов, имеющей

329

ПРИМЕЧАНИЯ

фонетическую и только фонетическую базу. Подобное убеждение имело бы основания, если, в противоположность тому, что Соссюр доказывает психо-акустические явления обладали бы некоторой способностью, если бы у них была некая потребность объединяться в определенные группы и если бы внутри звуковых цепочек существовали границы психо-акустического характера. Несомненно, Соссюр испытывал определенное доверие к этой точке зрения в период трех конференций по фонологии (см. *К. О. Л. 44* и ел.) и в период курса общей лингвистики в том, что касается собственно проблемы транскрипции (впоследствии эта точка зрения нашла защитников в лице американских лингвистов—последователей Блумфилда, таких как Пайк, Блок и т. д., убежденных в возможности членения звуковой цепочки, без использования фонем, на сегменты, которые впоследствии можно классифицировать на исключительно фонетической основе, объединяя их в «семьи звуков» или «фонемы»). Но эта точка зрения опровергнута прежде всего и в частности соссюрскими страницами об аморфном характере звукового содержания: см. *К. О. Л. 112* и ел., см. также *К. О. Л. 44, № 111*. Развивая эту соссюрскую точку зрения, мы, напротив, приходим к заключению, что членение без предварительного фонематического анализа невозможно или, точнее, возможно, но оно приводит к результатам, изменяющимся от одной речи к другой, или даже в одной и той же речи, в зависимости от элемента артикуляционного аппарата, взятого за основу для измерения максимальных и минимальных значений, опре-

деляющих сегменты (ср. демонстрацию этого у Беларди (Belardi) 1959. 124-132); таким же образом классификация сегментов речи на исключительно психологической или акустической основе приводит к самым непредсказуемым результатам и, во всяком случае, не совпадает с функциональными фонематическими единицами (по этой проблеме см. De Mauro 1967). Из этого следует, что классификация через графемы произношений, которые возможно выделить в речи, либо приводит к изменяющимся результатам, либо, если она предполагает членение по фонематическим критериям, всегда приводит к результатам, в определенной степени приближительным, а значит, сомнительным: учитывая, каким образом произносят слова *сале* (собака) в зависимости от определенной темы и от определенного момента, можно дать транскрипцию [Тса:пе], чтобы подчеркнуть долготу [а], [Тса:+пе], чтобы подчеркнуть также передний характер того же произношения [1<+а:п+е], чтобы указать также на вероятность среднего положения [Ц, |Тс+а:п+е], чтобы указать также на закрытый характер [е] и т. д. и т. д. Множество обозначений никогда не сможет передать все бесчисленные фоно-акустические характеристики конкретного *речевого* акта. Вот почему фонетическая транскрипция всегда является неточной. Конечно, рамки этой неточности можно уменьшить в зависимости от целей фонетической транскрипции: именно поэтому важно Знать, «для чего и для кого мы

330

транскрибируем» (см.: Martinet A., *Savwar purkwa ε pur ki I'O traskri. Le Maitre phonetique*, 1946.14-17; Hammaristrom G. Representation of Spoken Language by Written Symbols//Miscellanea Phonetica. 1958. 3. 31-39). О другой возможной интерпретации позиций Соссюра см. ниже, К. О. Л. 44, №111.

- [106] Вероятно, Соссюр думает о случаях, подобных случаю с аффрикатами, обозначаемыми в международном фонетическом алфавите [fl, [ttʃ], [pf], [ppf] и т. д., или случаю с глухими носовыми согласными, обозначаемыми [hm], [hn] и т. д. (см.: *The Principles. Op. cit.f.* 14-16).
- [107] Несмотря на утверждения Соссюра, а затем и других, предложения о реформе орфографии появляются часто, даже там, где необходимость в них невелика, как, например, в случае с итальянским написанием, которое по сравнению с другими индоевропейскими написаниями является почти фонологическим (см. № 100) и в котором, однако, периодически проводятся реформы (по меньшей мере, в пожеланиях и в текстах некоторых ученых). По этой проблеме см.: *Castellani E. Proposte ortografiche // Studi linguistici italiani*. 1962. 3.
- [108] См. выше №104.
- [109] В издании 1916 г. здесь далее приводилось замечание по поводу авестийского языка (687 Энглер), взятое издателем из весьма схематических намеков в записях студентов. Это замечание критиковали *Wa-ckernagel* 1916. 166 и *Meillet* 1916. 23, и в издании 1922 г. оно было убрано.
- [110] *Nyrop K. Grammaire historique de la langue francaise*. Т. 6.1. 3-е изд. Копенгаген, 1908 (II-VI, 1930).
- [111] О первоисточнике этого абзаца и следующих см. ниже № 112.
- Термин *фонема* впервые был использован французским фонетистом А. Дюфриш-Деженеттом (о котором см. S.M. 160) в докладе Парижскому лингвистическому обществу 24 мая 1873 г. *О природе носовых согласных* (B. S. L.

2:8,1873. LXIII), резюме которого содержится в «Критическом журнале» («Revue critique»), 1,1873,368. Для анонимного автора, написавшего это резюме, «слово *фонема*... — отличная находка для общего обозначения гласных и согласных». Этот термин, так же как и термин *фонология*, встречается и в других работах Дюфриш-Деженет-та (см. А'. О. Л. 44, № 103). Он был принят Соссюром в *Мемуаре* и использован в более современном значении «элемента фонологической системы, где, какой бы ни была его точная артикуляция, он признается отличным от любого другого элемента» (S. M. 272 и см. Rec. 114).

В своих рецензиях на работы Бругмана и *тМемуар* (фуадевский также использует этот термин, и, исходя из его использования в *Мемуаре*, предлагает различие между «звуком» и «фонемой», принятое впоследствии Бодуэном де Куртене {*Versuch einer Theoriephonetischer Altemationen. Ein Kapitel aw cfer Psychophoneti*^}. Страсбург, 1895. С., 6 и ел.;

см., кроме того, выше 252, №7), для которого проблемой, является «единое представление, принадлежащее фонетическому миру, которое

331

ПРИМЕЧАНИЯ

возникает в душе посредством психического слияния впечатлений, полученных с помощью произношения одного и того же звука = психический эквивалент звука языка. С единым представлением фонемы связано (но не ассоциируется) некая сумма отдельных ант-ропофонетических представлений».

То есть фонема рассматривается Бодуэном де Куртене как абстрактное психическое представление звуков языка. В действительности это концепция Трубецкого. И с этой точки зрения справедливо утверждение о существовании цепочки Крушевский — Куртене — Трубецкой, в которой Соссюру принадлежит довольно ограниченное место (*Трубецкой* 1933. 229 и ел., *Firth* 1966. 60-61 и прим.). Р. Якобсон (личное письмо от 04.03.1968) добавляет важное свидетельство: «Знакомство Трубецкого с идеями Бодуэна произошло очень поздно, и так же с Соссюром. Я должен признаться, что благодаря мне Трубецкой рано подвергся влиянию идей Соссюра и Бодуэна, или даже скорее Щербы. Что же касается моей концепции и термина "фонология" из *Programme et Methodes* Сеше (позже воспринятым Трубецким и пражским кружком), см. мой обзор *Phonology* ван Вийка, воспроизведенный в моих *Избранных работах*, том I».

Соссюр действительно углубил понятие «элемента фонологической системы», обозначенное в *Мемуаре* термином *фонема*, рассматривая его как элемент исключительно дифференциальный и предназначенный для противопоставления, как чистую формальную схему, лишенную какой бы то ни было конкретной звуковой формы, и которую, следовательно, невозможно мысленно отделить от звуковых реализации (см. ниже). Этим объясняется его отказ называть этот элемент *фонемой*: «Именно потому, что слова языка являются для нас акустическими образами, не следует говорить о "фонемах", их составляющих» (К. О. Л 69). Поэтому Соссюр старательно избегает говорить о *фонеме* в своих лекциях, когда он хочет сослаться на «минимальные неделимые единицы» означющего (К. О. Л. 130). Термин *фонема* он, напротив, употребляет, когда речь идет о единицах, которые возможно идентифицировать в речи.

Эта интерпретация позиции Соссюра совпадает с отказом называть фонологией функциональное исследование «минимальных неделимых единиц» означющего (см. выше К. О. Л. 40, № 2) и с тем, насколько старательно он избегает в своих лекциях использовать термин *звуковой* (*phonique*), говоря об означаемом (К. О. Л

103, № 204 и 206). Кроме того, она прекрасно гармонирует с концепцией языка как формы (К. О. Л. 113) и с коррелятивной концепцией «конкретных единиц языка» (К. О. Л. 103 и ел.), концепцией, неизбежным следствием которой она является, тоща как обе они имеют посылкой концепцию произвольности знака, понятую как независимость организации означающих и означаемых по отношению к внутренним характеристикам звукового содержания (*substance phonique*) и содержания знаменательного (*substance significative*) (К. О. Л. 69 и ел.).

К сожалению, издатели недостаточно ясно поняли смысл позиции Соссюра и допустили ошибку, «не восприняв всерьез ограничение, о котором говорилось в третьей лекции ... относительно термина *фонема*» (S. M. 113), и ввели этот термин в серию высказываний, где сам Соссюр его не использовал по причинам, указанным выше, говоря не о звуковых реализациях, а о *мшмльных неделимых единицах* (см. К. О. Л. 130, 118, 116, 198, 284), так же безосновательно они ввели термин *звуковой (phonique)*, говоря об означающем (К. О. Л. 103.104, 105.120.121, 128, 159). Заметим, что в противоположность замыслу Соссюра структурная лингвистика продолжает использовать термин *фонема* (и соответствующие ему термины в других языках) для обозначения минимальных неделимых функциональных единиц. Можно понять хаос, на десятилетия воцарившийся в интерпретациях и комментариях соссюрских формулировок (см. К. О. Л. 45, № 115), поскольку критики, и давке благонамеренно настроенные последователи, не поняли, что Соссюр называет *фонемой* единицу материальную, а не формальную, которую можно выделить не в плане языка, а в плане речи, что это в целом — предшественник «сегмента» Пайка (и что определение, возможна ли дифференциация того или иного минимального сегмента исключительно в плане фонетики, как считал Пайк, или, напротив, дифференциация невозможна без необоснованного проведения предварительного звукового анализа, как справедливо полагают другие, является проблемой фонетики: см. К. О. Л. 40, № 105); тоща как, с другой стороны, почти все то, что мы называем фонемой, в действительности соответствует соссюрским «минимальным неделимым единицам», исключительно дифференциальным и формальным.

Следует, однако, признать, что Соссюр, по меньшей мере, дал точку опоры в этой двусмысленности (согласно *Mahnberg* 1954.20-21, он попросту стал ее жертвой) со своей концепцией минимальных неделимых единиц и означающих как «звуковых образов»: в соответствии со своим мнением относительно полной пассивности слухового аппарата (см. К. О. Л. 20, Ns 61), он, несомненно, хотел подчеркнуть этим не оперативный, а исключительно схематический и формальный характер означающих единиц. Но результатом в действительности стала еще большая путаница: учитывая признание оперативного, а значит, «материального» (неформального) характера слухового восприятия, то есть учитывая многообразие слуховых восприятий, включенных в одну означающую схему, и учитывая, что Соссюр обозначает термином *звуковой (acoustique) сторону речи* (см. № 113), с легкостью было сделано заключение, что он рассматривал означающее как (фоно-)акустическую абстракцию, как совокупность элементов, присущих множеству (реализаций-)восприятий.

[112] Этот абзац и другие абзацы главы, а также последующих глав приложения получены путем соединения двух разных первоисточников: серии лекций начала первого курса (1906, S, M. 54, номера 4-6) и стенограмм, сделанных Ш. Балли на трех конференциях 1897 г. по теории слога.

ПРИМЕЧАНИЯ

Malmberg 1954. 11-17, возможно, введенный в заблуждение тем, что не понял, что когда Соссюр говорит о *фонеме*, он подразумевает нечто иное, чем фонема (см. выше, № 111), высказал сомнение относительно качества редакции издателей и настаивал на том факте, что, чтобы понять, что Соссюр думает о фонеме (в нашем, постсоссюровском понимании), следует обратиться к *К. О. Л.* 118-122. Хотя это мнение является абсолютно приемлемым, сомнения относительно редакции не имеют оснований, если понимать *фонему* в том смысле, в котором ее понимал Соссюр (соответствующие пояснения мы дали в прим. 111).

[113] *Акустическое (acoustique)* здесь означает «слуховое» (auditif): «В голосовом акте присутствует две стороны: а) сторона артикуляционная (рот, гортань); б) сторона слуховая (ухо)» (715 *Engler*). В других местах, как и в *К. О. Л.* 69, *слуховой (acoustique)* означает «относящийся к психическому образу звука» (S. M. 253, s. v. *слуховой*). Двусмысленность усилила путаницу, о которой говорилось в прим. 111.

С другой стороны, двусмысленность оказала более глубокое воздействие **и**, возможно (да будет нам позволено оценить ее значение), не негативное. Иными словами, вероятно, возможна и другая, более полная интерпретация позиции Соссюра. Мы уже отмечали тщетность попыток, предпринятых Пайком, Вдохом и другими последователями Елумфидда, делившими речевую цепочку на артикуляционные единицы («сегменты») до любого анализа по фонемам. В действительности, такое деление на сегменты невозможно, или, скорее, оно возможно (ничто не запрещает делить на одну или несколько частей последовательную цепочку артикуляций), но оно приводит к результатам, различным в зависимости от элемента артикуляционного аппарата, взятого за основу (демонстрацию этого см. у *Beladi* 1959.128 и ел.). Фонетическое исследование сегментов, соответствующих фонемам, предполагает фонематический анализ: «Аналитик, считающий возможным идентифицировать в какой-либо последовательности фонетическую единицу [п], не учитывая ее возможную функцию в языке, не замечает, что идея соединения артикуляционных показателей в одно сложное единство навеяна лишь тем, что происходит в плане языка, и о соединении в единство можно говорить только в этом плане, когда у явления есть причина существования; вне этого есть невнятный голос без артикуляции» (*Belardi* 1959.128). Вполне вероятно, что Соссюр руководствовался именно этим рассуждением и что, занимаясь поиском объекта того, что он называл *фонологией* (для нас — фонетика: *К. О. Л.* 39, № 103), он нашел его в звуковых и слуховых единицах, соответствующих «минимальным неделимым единицам» *rew* (и определяемых через них). Нашу интерпретацию подкрепляют и такие отрывки из записей, как: «Однако это не первая [сторона], данная нам, а вторая, психическое [акустическое] впечатление» {716 *Engler*), в котором, как нам кажется, следует подчеркнуть слово *психическое* по отношению к *К. О. Л.* 22, № 69.

Эта интерпретация могла бы также придать смысл утверждениям Соссюра относительно транскрипции, вероятно, не содержащим в себе

двусмысленности (*К. О. Л.* 18, № 105). Тогда как это было бы совершенно невозможно (как мы увидели в соответствующем примечании) для чисто фонети-

ческой транскрипции последовательности фонем (в соссюрском понимании этого термина) могут быть однозначными и являются таковыми, поскольку они базируются на взаимно однозначном совпадении между графемами и фонемами. Конечно, можно найти относительно однозначные транскрипции; когда учитываются типы фоно-акустических реализации в соответствии с фонемами того или иного языка, то есть фонетические транскрипции предполагают фонетический анализ. Если точка зрения Соссюра заключается в этом, двусмысленность значения термина *слуховой (acoustique)*, естественно, не способствовала приданию ей ясности.

[114] Утверждение Соссюра о примате акустики (без выявлений ее двусмысленности) дало возможность Jakobson (1929 = 1962. 23, № 18) использовать этот тезис, развитый впоследствии, в известной теории *distinctive features*, имеющей акустико-слуховую базу. Историческое значение соссюрского тезиса о примате акустики подчеркивалось (при другом понимании) *Malmberg* 1954.17-19,21-22. Открытие Соссюра еще более замечательно тем, что он не был знаком с работами по акустической фонетике, начатыми Г. Л. Ф. Гельмгольцем благодаря его резонатору (1856) (*Die Lehre von den Tonempfindungen*. Braunschweig, 1863; *On the Sensation of Tone*. London; New York, 1895) и продолженными Э. Германом (см.: Trendelenburg F. *Manual of Phonetics*, Гаага. 1957. С. 19-21) *à Hugo Pippin*.

[115] О том, что касается замечаний относительно имплицитного анализа, подразумевающего изобретение алфавитного письма, см. (помимо библиографии, названной в прим. 97): *Meillet A. Aperçu d'une histoire de la langue grecque*. 1-е изд. Париж, 1913; 7-е изд. 1965. С. 59-60; и особенно *Meillet A. La langue et l'écriture//Scientia*. 1919.13:90. 290-293, где, возможно, слышатся отзвуки соссюрского учения (а также *К. О. Л.*).

Что касается определения *фонемы*, оно соответствует тому, о котором мы говорили выше, прим. 111. И именно с него, как мы подчеркивали, началось то, что мы могли бы назвать (если бы наше уважение к участникам не стало тому препятствием) комедией двусмысленности. На полях доклада Матезиуса на втором конгрессе лингвистов (*Mathesius* 1933) В. До-рошевский атаковал это определение *фонемы*, утверждая, что оно отсылает к «минимальной неделимой единице», к фонеме не в соссюрском смысле этого термина. Балли, доказывая, что ошибка была допущена уже издателями, соблаговолит спуститься на арену, дабы защитить мэтра (*Bally* 1933, 146): он заявил, что Соссюр имел здесь в виду не *фонему—функциональную* единицу, а *звук*, единицу исключительно фонетическую, что совершенно верно; но вместо объяснения того факта, что существует другое использование терминологии, присущее Соссюру, называвшему *фонемой* фонетическую единицу (а «единицей» («unite») или «минимальным неделимым элементом»—функциональную единицу

335

языка), Балли добавил, что этот отрывок является результатом «ошибки редакции». В действительности, здесь нет никакой «ошибки». В 752 В *Engler* читаем: «Фонема—сумма акустических впечатлений и артикуляционных актов, единица, которую слышат и произносят, причем одно определяет другое». Преувеличивая с самыми наилучшими намерениями, Балли добавляет: «В процессе ознакомления с трудом мэтра мы понимаем, что подлинным определением фонемы является звук, имеющий функцию в языке, функцию, определяемую в основном его дифференциальным характером». Однако это верно для единицы языка, которую мы назы-

ваем *фонемой* (и которая названа фонемой в *К. О. Л.* лишь вследствие ошибки издателей: см. выше прим. 111 и *К. О. Л. 118*, № 235), а не для того, что Соссюр называл *фонемой*. Своей «защитой» Балли увеличил двусмысленность интерпретации, уже допущенную Р. Якобсоном. Последний, в свою очередь, имел полное право на эту ошибку, поскольку исходил из текста *К. О. Л.* и, в отличие от Балли, не имел перед глазами рукописей. Исходя из этого текста, он отмечал (1929=1962), что из отрывка А10. Л 45 следует, что характер *фонемы* определяется тем, что она является наименьшим элементом фонетической цепочки, из *К. О. Л. 48*— тем, что она является одновременной комбинацией релевантных признаков, а.т.к. *К. О. Л. 118* — тем, что она является единицей «оппозитивной, отрицательной и относительной».

Можно задаться вопросом, не является ли излишним столь подробное толкование двусмысленности, допущенной Якобсоном, ведь, в конце концов, две характеристики, приписанные им тому, что он называет фонемой (и с полным правом, учитывая состояние текста *К. О. Л.*, считает, что Соссюр также называл это фонемой), являются в точности двумя характеристиками той «минимальной неделимой единицы», которую Соссюр не называл *фонемой*, но которая, однако, стала законной матерью, в концептуальном плане, фонемы Сепира, лингвистов Пражской школы, всей постсоссюровской лингвистики. Однако мы считаем необходимым настаивать на этой двусмысленности: соединив две уже упомянутые характеристики (лишь одна из которых, первая, является также характеристикой того, что Соссюр называл *фонемой*) с характеристикой фо-но-акустической единицы, присущей *фонеме* Соссюра, Якобсон пришел к концепции *фонемы* (и в основном означающего) как совокупности фоно-акустических характеристик, остающихся постоянными в фонетических реализациях, что не позволяет спутать их с другими элементами системы. При этом фонема, или, в более общем смысле, означающая единица, теряет свою характеристику чистой формы и принимает характеристику «фонетической абстракции».

Вероятно, можно добавить, что придание двусмысленности понятию *фонема* у Соссюра способствовало появлению другой двусмысленности: мнения о том, что у Соссюра *фонология* обозначает синхроническое исследование системы дифференциальных минимальных элементов (фонем, в постсоссюровском смысле). Речь идет о двусмысленности, которой не избежал даже

E. Alarms Lhrach. Fonologia espanola. 2-е изд. Мадрид, 1954. С. 23. Мы говорим об этом постольку, поскольку, возможно, эта двусмысленность сыграла определенную роль в перевороте значения термина *фонология* в процессе перехода от Соссюра к Пражской школе (№ 103). Помимо двусмысленности термина *фонема*, общая двусмысленность могла быть увеличена смешением недиахронного характера учения постсоссюровских структуралистов и вневременного характера *фонологии* Соссюра: «Фонология находится вне времени», читаем в *К. О. Л. 39*.

[116] Фраза «Их перечень...» добавлена издателями, поскольку один из них хотел придать *К. О. Л.* вид готового учебника по общей лингвистике. Полный список трудов, названных издателями в примечании, таков:

Sievers E., GTvaiaz.. O.Ph(m. 5-е изд. Leipzig, 190\., Jespersen O. Lehibuch d. Phon. 2-е изд. Leipzig, 1913; 5-е изд. 1932; Roudet L. Elements de phonetique generate. Paris, 1910.

В лекциях Соссюр утверждает (709 *Engler*): «Сегодня большой прогресс. Фитор (Victor) в Германии; Поль Пасси во Франции» (или еще 709 *C Engler*. «Фитор

(Германия), П. Пасси во Франции реформировали идеи»). То есть издатели с пользой могли бы назвать *Victor W. Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Franzosischen*. 7-е изд. Лейпциг, 1923; и, особенно, замечательный том ученика Соссюра *Pas-syP. Petite phonetique comparee des principal es langues eurpeeimes*. Лейпциг, 1901, по-видимому, вдохновивший Соссюра на признание первостепенной важности в артикуляции полости рта (не совсем ясное в *К. О. Л. 48*, первый абзац, более ясное в 777 В *Engler*).

[117] Точные данные о труде Есперсена см. выше, № 116. *Malmberg* 1954. 22, утверждает, что на с. 118 и ел. находится не только расплывчатая идея, но и первая систематизация релевантного признака. Вполне возможно, что эти страницы были прочитаны и оказали определенное влияние как страницы, на которых говорилось о «дифференциальных элементах» минимальных единиц (как в случае с Лепши (*Lepschy*) в 1965.24, note 7, находившимся под впечатлением от Якобсона и не знавшим о Годеле), то есть о релевантных признаках фонемы в постсоссюровском смысле; но что бы мы ни говорили (см. выше №111,113,115), эти утверждения по Сос-сюру действительно касаются дифференциальных элементов различных видов фонетических единиц.

[118] О первоисточниках абзаца см. выше № 112. О ротовой артикуляции см. *Grammont* 1933. 59.

[119] Этот и следующие абзацы главы—одна из немногих частей *К. О. Л.*, приписанная одному из авторов, в данном случае—Ш. Балли (S. M. 97). Вся эта глава важна для современной теории слога (*Malmberg* 1954. 23-27). Звуковые сегменты (фонемы в соссюрсовском смысле) живут, если так можно выразиться, в слоге. Так, в последовательности английских фонем /m//a//i//t//r//e//i//p/ можно выделить две различные последовательности, в зависимости от того, идет ли речь о /mai trein/ или о Anait rein/. В первом случае мы имеем ai «fully long», t «strong», r «voicelasse»;

337

во втором — ai «shorter allochrone», t «weak», r «fully voiced», либо «нерелевантные» варианты с точки зрения Пражской школы, дающие, однако, в плане нормы ценную информацию о слоговой (а значит, монемной) структуре, как это произошло в итальянском языке в реализации *ип 'arnica (подруга)* и *ипа mica (крошка (хлеба))* и в других подобных случаях (см.: *Malmberg* B. *Remarcs on Recent Contribution to the Problem of the Syllable*. S. L. 1961.15.1-9; стандартный спектрографический анализ *Visible Speech* подтвердил предчувствия Соссюра: см. *Martinet* 1955. 23-24).

[120] Соссюр имел в виду (883 *Engler*), например, о *Sweet H. Handbook of Phonetics*. Oxford, 1877; *A Primer of Phonetics*. 3^e ed. Oxford, 1906; *A Primer of Spoken Englisch*. Oxford, 1890.

Из этого утверждения Соссюра вытекает тенденция поиска сущности также и в фонетике: см. *Puebia de Chaves* 1948. 100.

[121] О редакции параграфа см. № 119. В последнем абзаце («Высказывалась мысль...»), критика предназначается: *Meillet A. Introduction a l'etude...* (*Meillet* 1937). 1-е изд. Париж, 1903. С. 98.

[122] Большая часть параграфа взята из стенограммы Балли (969-982, 984-90 В *Engler*). Это в равной мере относится и к следующим параграфам.

[123] О редакции см. выше № 119,122.

О соссюрсовской теории слога см.: *Vendryes* 1921. 64 и ел.; *Frei* 1929. 102 и ел.; *Grammont* 1933. 98 и ел.; *Dieth—Brunner* 1950. 376; *Rosetti* 1959.13; *Laziczius*

1961. 174 и ел.

Наряду с обычным термином *согласный* (*consonne*) (в противоположность *гласному*), Соссюр вводит здесь термин *консонант* для обозначения элементов не сонантов.

Об этих терминах см.: *Abergotble* 1967. 79-80, № 15 (называющего в качестве предшественника Соссюра *Darbishire H. D. Reliquiae philo-logicae*. Cambridge, 1895. P. 194 и ел., для термина *absonant*).

[124] См. №119,122.

[125] См. №119,122.

[126] См. №119,122.

[127] В действительности, Соссюр хочет сослаться на Бругмана (1095,1061 В Энглер).

[128] В третьем курсе (S. M. 82, № 114) в лекции от 2 мая Соссюр приступает к главе второй части «Язык»: после обсуждения главы «Язык, отделенный от речи» (S. M. 81, № 111), использованной издателями в качестве основы для введения в *К. О. Л.* (с. 19 и ел.), он переходит ко второй главе, которую первоначально предлагает назвать «Природа языкового знака». В знаке «акустический образ соединен с понятием» (*К. О. Л.* 1095 В. *Engler*). Двумя неделями позже, в приложении к уроку от 19 мая (S. M. 85, № 124), Соссюр возвращается ко второй главе, предлагая новый заголовок и вводя два новых термина. Новый заголовок: «Язык как система знаков» (1083-1084 В *Engler*), Он обусловлен, вероятно, тем, что, объяснив и обсудив два фундаментальных принципа, установив последствия для языковых единиц (S. M. 83-84),

338

Соссюр, должно быть, ясно увидел возможность предложить в качестве темы главы уже не общее исследование «природы знака», а специфический тезис об интерпретации языка как системы знаков. Слушатели проигнорировали новый заголовок. Что касается новых терминов, то речь идет о двух знаменитых терминах, базы чрезмерной систематизации, разработанной Соссюром: «Эти формулировки можно улучшить [формулировки лекции от 2 мая], используя эти термины: *означающее* и *означаемое*» (1084 В *Engler*). Каков смысл введения этих терминов? В этом видели кальку с терминологической пары стоиков (см. с. 286). Действительно, в плане терминологии она является признаком полного понимания автономности языка как формальной системы, по отношению к слуховой, акустической, концептуальной, психологической, предметной природе субстанции, которую он организует. *Означающее* и *означаемое* являются «организаторами», «дискриминантами» сообщаемой субстанции и субстанции общающей. То есть введение двух терминов является следствием принципа исключительной произвольности языкового знака. Издатели смешали (из опасения потерять что-либо) старую и новую терминологию. Действительно, здесь утеряно нечто: смысл возможного контраста между двумя терминологиями, связь между новой терминологией и глубочайший смысл принципа произвольности.

[129] Об аристотелевском происхождении концепции языка как номенклатуры и о сохранении ее в современной эпохе через рациональную грамматику Пор-Рояля см.: *DeMaum* 1965.38-47,56-58,73-83. После Соссюра критикой этого направления среди лингвистов занимались в основном Л. Ельмслев с 1943 г. (1961. 49-53) и А. Мартине (1966. 15-17). Что касается философской традиции той же концепции, она была объектом критики в XVII и XVIII вв. (*De Mawo*

1965. 47 и ел.;

также нельзя исключать гипотезы, что эти критики тем или иным образом связаны с Соссюром через Крушевского: см. выше 252), затем вновь появилась в XIX в. и в XX в. нашла в лице Л. Витгенштейна периода *Трактата* наиболее последовательного защитника, а позже, в период *Философских исследований*, — своего наиболее радикального критика. Поздний Витгенштейн утверждал, что не объект лежит в основе значения слов, а, напротив, использование слова объединяет разрозненный опыт с точки зрения восприятия, составляя, таким образом, в социально определенных условиях и по социально определенным причинам то, что называют «объектом». Витгенштейн приходит, таким образом, к концепции, весьма близкой соссюровской, несмотря на то, что отправные пункты различны (*De Mauro. Ludwig Wittgenstein. His Place in the Development of Semantics. Dordrecht, 1967*). Было бы ошибкой считать, что значение этой критики было в целом понято лингвистами. Огден и Ричардс (1923. 11), предлагая «семантический треугольник», в котором звуковой символ соединен (причинной связью) с понятием (*thought*), в свою очередь, причинно определенным

339

«вещью» (*referent*), очевидно, не дошли до критики Соссюра, мысль которого они не поняли (*К. О. Л. 71, № 140*). Даже один из приверженцев Соссюра, С. Ульман, приняв семантический треугольник Огдена и Ричардсона (*Ullmann 1962. 55-57*), показывает, что он также не понял сути соссюровской позиции (*Godel 1953; De Mauro 1965.172-73*):

«...семантика Ульмана принадлежит дососсюровской эпохе» (*Frei 1955. 51*). Последствия этого непонимания можно сравнить с последствиями непонимания понятия *фонема*: и те и другие значительно уменьшили возможность понимания соссюровской доктрины произвольности знака, языка как формы, значения. О критике Соссюра см. помимо прочего *Mounin 1963. 21-26*.

Продолжение отрывка взято из двух различных источников. Прежде всего, записи лекции третьего курса: «Некоторым филологам кажется, что содержание языка, приведенное к своим первичным признакам, является не более чем номенклатурой. Но даже допуская, что язык происходит от номенклатуры, можно показать, в чем заключается языковой элемент, объект [рисунки дерева и лошади], названия [*arbos euyos*]. Есть два термина: с одной стороны — объект вне субъекта; с другой стороны — название, другой термин — звуковой или мысленный: *arbos* может быть взято в двух этих различных значениях» (1085, 1092, 1087, 1093, 1090 в *fng/er*). Здесь, как и далее, записи стали основой шавы. Учитывая характер записей, важно отметить: здесь говорится о речи *ad usum Delphini*, схема которой такова: «Наконец, если бы язык был не более чем номенклатурой (хотя это не так), двойной характер языкового знака выделялся бы еще лучше». То есть речь развивается в очевидно дидактическом направлении, об этом следует помнить при оценке некоторых других формулировок.

Другой первоисточник, взятый издателями лишь частично и сконцентрированный ими в трех фразах («... такое представление... отношениях», «... оно предполагает... предшествующих словам», «...наконец, оно позволяет думать... далеко от истины»), — длинное авторское примечание, уже частично изданное (*Notes 68 и ел.*) на основе копии, сделанной Сеше и воспроизведенной здесь полностью (1085-1091, 1950-1956 *fEngler*).

«Проблема языка представляется большинству мыслителей лишь в форме номенк-

латоры. В IV главе Книги бытия Адам дает названия вещам [...] В главе *Семиотика*: [Большинство концепций, которые создают либо, по меньшей мере, предлагают] философы от языка [...] наводят на мысль [о нашем праотце] Адаме, звавшем к себе [различных] животных и дававшим им каждому свое имя. В той данной величине, которую философ считает данной величиной языка, неизменно отсутствуют три вещи:

1. [Прежде всего, эта истина, на которой **мы** даже не настаиваем], что сущность языка складывается не **из** наименований. Языковой знак начинает совпадать по смыслу с определенным объектом, таким как

к лошадь, огонь, солнце [а не с какой-либо идеей, такой как $\epsilon\beta\eta\chi\epsilon$ «он поставил»] совершенно случайно. Какова бы ни была важность этого случая, нет никакой [очевидной] причины считать его типичным для языка. Несомненно, [со стороны тех, кто так считает] это, в некотором смысле, не более чем ошибочный выбор примера.

Но здесь подразумевается определенная тенденция, [которую мы не можем не признавать и] которой мы не можем позволить восторжествовать над тем, что [в результате] стало бы языком: тенденция знать номенклатуру объектов. [Объектов, прежде всего, данных.] *Сначала* объект, затем знак; то есть (то, что мы всегда будем отрицать) внешняя основа, данная знаку, и строение языка исходя из следующего:

объекты $\wedge$

-b /названия,

тогда как истинное строение таково: а— б—в, вне какого-либо [знания действительного отношения типа $\wedge$ — а, основанного на объекте]. Если бы объект мог где бы то ни было быть термином, за которым закреплен знак, лингвистика мгновенно перестала бы быть тем, чем она является, от [вершины] до [основания]; впрочем, и человеческий разум тоже [это очевидно, исходя из этой дискуссии]. Но это является, как мы только что сказали, лишь побочным упреком, который мы адресуем традиционной манере брать язык для его философского обсуждения. [Конечно,] очень жаль, что начинают с того, что примешивают сюда в качестве первостепенного элемента [эту данность,] *обозначенные объекты*, не образующие в нем никаких элементов. Однако здесь нет ничего, кроме [факта] неудачно выбранного примера, и поставив вместо $\eta\lambda\iota\omicron\varsigma$, *ignis* или *Pferd* нечто вроде [], перемещаешься за пределы этой попытки свести язык к чему-либо внешнему.

Намного серьезнее вторая ошибка, которую допускают в основном философы, и которая заключается в представлении:

2. Как только объект обозначен наименованием, в нем содержится все, что будет передаваться, и нет необходимости предусмотрения какого-либо другого феномена! Но если произойдет изменение, то [опасаться его следует] лишь со стороны названия: то, что *было/гахтш* (лет. *ясень*), становится *frepe* (франц. *ясень*). Однако также и со стороны идеи: []. Вот над чем следует поразмышлять: о слиянии идеи и названия при вмешательстве этого непредвиденного фактора, совершенно незамеченного в философской комбинации,—ВРЕМЕНИ. Но здесь также не было бы ничего шокирующего, ничего характерного, ничего специального, присущего языку, если бы существовали лишь эти два вида изменений, и этот первый вид разъединения, посредством которого идея самопроизвольно покидает знак, независимо от того, изменяется он или нет. Две [вещи] до этого момента остаются единицами

разделенными. Характерным же является то, что во многих случаях изменение знака меняет в свою очередь идею, а не наоборот, когда вдруг видишь, что от одного момента к другому не существовало никакой разницы между суммой выдающихся идей и суммой отличительных знаков.

Два знака можно спутать по причине фонетического изменения. Идея в какой-то мере (определенной совокупностью других элементов) будет искажена.

Знак дифференцируется тем же слепым способом. За этим, только что появившимся различием он неизбежно закрепляет определенный смысл.

Вот примеры тому, но отметим сразу же всю бессмысленность попыток исходить из отношения идеи и знака вне времени, вне передачи, лишь посредством которой мы можем экспериментально установить,

что означает знак.

[130] О замене *понятия* и *акустического образа* означаемым и означающим см. выше № 128; об *акустическом (acoustic) см.* К. О. Л. 69, № 111, об *образе* см. К. О. Л. 72, № 145.

О соссюрловском определении знака см.: *Weisgerber 1927; Weisgerber 1928. 130; Bally 1939; Lerch 1939; Lohmann 1943; Gwdmer 1944;*

Brocker—Lohmann 1948; Nehring 19501; Spang—Hanssen 1954.94 и ел.;

Otto 1954.8; Fonagy 1957; Ammer 1958.46 и ел.; Vmay—Dwbelenet 1958. 2Sr-

3l;HjelmslevW6l,AT,Christensen 1961.32,179-91; Graur в Zeichen und System I. 59;

Gipper 1963. 29 и ел.; Miclau 1966.175. Вероятно, здесь Соссюр хотел обозначить

словом *знак* (как это показывает, хотя и спорное, обозначение *имени, названия (пот)*) единицу, размерами меньшую, чем фраза, возможно, слово; однако тот же Соссюр пишет в другом месте: «Как правило, мы говорим не изолированными знаками, но сочетаниями знаков, организованными множествами, которые в свою очередь тоже являются знаками» (К. О. Л. 128). Так что *Godel (1966. 53-54)* может справедливо утверждать, что это определение подходит также и к любой единице языка: монеме, синтагме, предложению, фразе. Для избежания двусмысленности Лючи-ди (*Lucudi*) предложил в 1950 г. ввести термин *гипосема (hyposeme)* для обозначения функциональных элементов, выходящих за рамки анализа знака, понимаемого как продукт сложного языкового акта (*Lucudi 1966. 67 и ел.*).

Бейсенс в 1960 г. также почувствовал необходимость уточнить соссюрловское определение: языковым знаком следовало бы назвать наименьший сегмент, который, в плане произношения или в плане значения, делает возможными две операции: ассоциативное соединение фраз, в целом разных, и противопоставление фраз, в целом подобных. О смещении *знака* от «знака» к «означаемому» см. К. О. Л. 69, № 133. [131] О соссюрловском использовании термина *физический см.* К. О. Л. 22, №70.

342

О следующем из этого приговоре термину «фонема» см. К. О. Л. 44, №111.

[132] Это один из отрывков, показывающий, к каким серьезным последствиям привели, казалось бы, скромные вмешательства издателей. Лишь первое и второе изображения взяты из рукописных источников, третье, с рисунком дерева, было добавлено, так же как и стрелки на всех трех изображениях, и фраза «Оба эти элемента теснейшим образом связаны между собой и Предполагают друг друга» (поясняющая словами смысл стрелок), а также использование *слова* для обозначения *дерева*. В результате у читателя создается впечатление, что для Соссюра означающим является слово, означаемым — образ

вещи и что одно предполагает другое, как утверждают те, кто считает, что язык — это номенклатура. Таким образом, мы соскальзываем к противоположности соссюровской концепции. Ср. S. M. 115-116.

[133] Во всем этом отрывке чувствуется типичное для Соссюра стремление избежать технических неологизмов: об этой позиции, ставшей причиной некоторой поверхностной двусмысленности в *К. О. Л.*, но также и совершенного отсутствия мистификаций, см. № 38 и ср. S. M. 132-133, *Engler* 1966. Аналогичная позиция другого основателя современной науки содержится в толковом исследовании: *Altieri Biagi M.L. Galileo e la tenninologia techico-scientifica*. Флоренция, 1965. *О знак = означающее см. if^o 155.*

[134] **См.** *К. О. Л.* 68, № 128. О текстах, которые могли навести Соссюра на мысль ввести два термина, см. 286-287. *Означающее* (*signifiant*) и *означаемое* (*signifio*), как субстантивированные причастия, до Соссюра не имели перевода во французском языке и вызвали определенные трудности при переводе их на другие языки: переводчики Соссюра использовали *das Bezeichnete* и *das Bezeichnen-de*, *signified* и *signifier* в немецком и английском, итальянский язык взял для *означаемого* *significato*, в действительности соответствующее французскому слову *значение*, испанский язык, имеющий традиционное *significado*, оказался в положении, подобном итальянскому. Нет уверенности, что у итальянского языка, имеющего в своем распоряжении готовое слово *significato* для обозначения соссюровского *означаемого*, есть в этом плане какие-либо преимущества. Иногда создается впечатление, что вместе с этим простым лингвистическим уравнением на соссюровское понятие (техническое и, как мы увидим, содержащее в себе мало двусмысленности) выплескивается все то «расплывчатое и неопределенное» (*Lucidi* 1966. 75), что несет в себе обычное слово *significato*, а в других языках—такие слова, как *Sim*, *Bedeutung*, *meaning*, *signification* и т. д.

[135] «Первый исходный принцип: языковой знак является произвольным. Так, понятие *сестра* не связано никаким... ит. д.» (1121,1123,1224 В *Engler*), 0 рукописных первоисточниках параграфа см.: *Engler* 1959. 128-131 и ниже.

343

[136] Фраза соединяет первую формулировку, данную Соссюром (см. № 135), и формулировку, данную после введения терминов *означающее* и *означаемое* (см. выше № 128 и S. M. 86, № 124): «Связь, соединяющая означающее с означаемым, совершенно произвольна» (1122 В *Engler*). Слово «совершенно» исчезло из текста издателей: поскольку речь идет о формулировке, не раз обдуманной Соссюром, вряд ли можно допустить, что наречие используется как общий усилительный плеоназм. Более оправдано предположение, что оно имеет здесь свое собственное значение: связь произвольна *radicitus* (лат. *совершенно*) в самой своей основе, поскольку она соединяет два образования, произведенные одинаково благодаря произвольному делению в звуковой субстанции и в субстанции значения (см. № 231).

[137] Исходя из этого понятия произвольности как отсутствия мотивации означающих в двух различных языках по отношению к одному «означаемому», считающемуся постоянным и одинаковым, Соссюра обвинили в непоследовательности (см. *К. О. Л.* 71, № 138 и 141) и объявили его эпигоном тех, кто от софистов, от Платона и Аристотеля (и не только от стоиков), до Буля и П. Вальери понимали язык как номенклатуру, то есть, как перечень названий, каждое из которых прилагается $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$, «по соглашению», к вещам или к их мысли-

тельным эквивалентам, таṽта пṽси, «одинаковых для всех» (см. выше 286). Непосредственным источником этой конвенционалистской концепции для Соссюра, несомненно, стал Уитни (см. выше 247), ср.: *Language and Study of Language*. Op. cit. С. 32 («...внутренняя и сущностная связь между идеей и словом. .. ее нет в любом языке на земле», так что знак является «произвольным и конвенциональным»), 71, 102, 132, 134, 400 («произвольным знаком мысли») и т. д.; *Life and Growth of Language*. Op. cit. С. 19,24,48, 282, 288. Следует отметить, с точки зрения терминологии, что у Уитни *произвольность* тесно связана в различных его контекстах с конвенциональностью: как видим (выше, 287), Соссюр старательно избегал этого термина в 1894 г. и впоследствии, имея на то теоретические причины, поскольку термин справедливо означает, что конвенциональность неизбежно предполагает концепцию означаемого и означающего как двух фактов, относительно которых происходит вторичное соглашение людей для их соединения. Иными словами, как мы это видели (274), конвенционализм не посягает на концепцию языка как номенклатуры. Вследствие этого Соссюр отказывается от термина *конвенционный, условный (conventional)* как определения знака: в определенный период, он, по видимому, стремится заменять также и второй термин из пары Уитни термином *независимый* (С. М. 45,143 и см. № 140) или *немотивированный (символ)*. Следует учитывать все это, чтобы оценить факт использования термина *произвольный* в К. О. Л. Соссюру нельзя приписать *sic et simpliciter (так просто)* конвенционалистской концепции: весь К. О. Л. (см. выше № 128,129 и К. О. Л. IS 2 и ел.) представляет собой именно борьбу с этой концепцией. Соссюр пришел к ис-

344

пользованию термина *произвольный*, поскольку это прилагательное обозначает именно отсутствие причин, естественных, логических и т. д., определения *артикуляций* звуковой и смысловой субстанции. Однако на с. 70 и 71 К. О. Л. (можно подумать, что некоторые прочли лишь эти две страницы) на том же уровне выступает понятие произвольности Уитни, а с ним и концепция языка как номенклатуры. Двойственность термина *произвольный*, еще отягощенного уитневским значением, возможно, сыграла определенную роль, спровоцировав на этих страницах, то есть в лекции от 2 мая, отклонение, возврат к концепциям, раскритикованным и отброшенным самим Соссюром. Однако представляется маловероятным, что примером с *сестрой* и *быком* и упоминанием конвенционалистской концепции произвольности Соссюр всего лишь хотел высказать идею, в первом приближении, «совершенной» произвольности (см. № 136) знака, так же как маловероятно то, что, чтобы высказать идею о фундаментальной двойственности знака, он напоминал своим ученикам о концепции языка как номенклатуры (см. К. О. Л. 68 и № 129).

Лючиди уже в 1950 г. понял, что споры, поднятые вокруг двух этих страниц (см. ниже № 138), были слегка преувеличены: «.. отрывки несут на себе отпечаток этой приблизительности, охватывающей все изложение *Курса*, следствие неизбежное, если учесть, каким образом создавалась книга. Общеизвестно, что она родилась из устных лекций и была составлена из нескольких курсов, не предназначавшихся для публикации. Так, например, предложение „означаемое \"бык\" (фр. *boeuf*) выражается означающим *b-o-fno* одну сторону границы и *o-k-s* (нем. *Ochs*) по другую сторону ее" является неточным по отношению к последующему развитию теории Соссюра, так как, поскольку означаемое является

лишь обратной стороной означаемого, нельзя говорить об означаемом "bseuf", противопоставленном означаемым *b-o-fu o-k-s*, следует говорить об означаемом "bosuf и об означаемом "Ochs". Эта неточность является, однако, лишь внешней, поскольку причину неоспоримого противоречия с последующим развитием теории можно объяснить, если обратить внимание на то, что неточной манере выражать свои мысли способствовал тот факт, что де Соссюр пользуется здесь еще временными определениями (означаемое = понятие)» (*Lucidi* 1966.49). Последний отрывок замечателен еще и тем, что он был написан за несколько лет до того, как с помощью анализа рукописи удалось выяснить, что этот неудачный пример (1124 В *Engler*) принадлежит первой лекции Соссюра на эту тему, лекции, прочитанной ранее введения более подходящих терминов *означающее* и *означаемое* (см. выше № 128).

[138] Абзац является точным отражением рукописных первоисточников (1125-1127 В *Engler*); примечания Константанэна (не использованные издателями) излагают с еще большей ясностью: «В иерархии место этой истины находится на самой верхушке. Лишь постепенно начинают признавать, сколь многие факты являются не более чем ответвлением, скрытыми последствиями этой истины» (1125-1127 Е *Engler*).

345

Отрывок важен, по меньшей мере, по двум причинам: он подталкивает нас к выводу, что Соссюр нашел в принципе произвольности *prius* систематизации «теорем» лингвистической теории (см. 265 и № 65); кроме того, в подтверждение предыдущего замечания, он показывает, что Соссюр считал, что этой формулировкой он сделал лишь первый шаг на пути глубокого понимания принципа произвольности. Это означает, что глубокий смысл принципа произвольности, согласно ясной рекомендации самого Соссюра, должен быть понят не по прочтении лишь этих двух страниц, а по прочтении всего *К. О. Л.*: прежде всего, следует рассматривать учение о языке как форме (*К. О. Л.* 113,122); во вторую очередь—смежное учение, согласно которому различия в языке являются «независимыми» (см. № 137) от внутренних характеристик семантической и акустической субстанций, в которые введены эти различия. Однако, чтобы прийти к этому выводу-интерпретации, необходимо было пройти «многими окольными путями», связанными с двусмысленностью и со сложной дискуссией о «произвольности знака».

История вопроса произвольности: *Engler* 1962; *Lepshy* 1962; *Engler* 1964; *Leroy* 1965. 81-84; *Demssi* 1965. 70-103. Конвенционалистская интерпретация соссюровской произвольности первоначально получила наибольшее распространение ср.: *Jespersen* 1917; *Devoto* 1928.243; *Amman* 1934.263; *Pichon* 1937.25-30 (приписывает Соссюру конвенционалистский взгляд, согласно которому знак является условным по отношению к объекту; критикует этот взгляд, поскольку «между означаемым и означаемым», напротив, существует «духовная связь»; он видит здесь рационализацию опыта швейцарского двуязычия). Некоторые из тезисов Пишона были повторены через два года Бенвенистом в статье *Nature du signe linguistique*, опубликованной в первом номере «Acta Linguistica» (*A. L.* 1,1939.23-29 = *Benveniste* 1966.49-55). Бенвенист также настаивает на том факте, что отношение между означаемым и означаемым является «необходимым», а не произвольным; но, в отличие от Пишона (который впоследствии несправедливо будет заявлять свои права на отцовство в вопросе о произвольности: *Pichon* 1941), Бенвенист подчеркивает (справедливо) контраст между принципом произвольности, по-

нятым с точки зрения конвенционализма (и который невозможно понять иначе, исходя из содержания с. 70-71), и остальной частью соссюрговской мысли. Это, а также критика конвенционализма и концепции языка как номенклатуры, приводит к заключению, что невозможно представить себе «знак», автономный по отношению к «означающему» определенного языка. Следовательно, невозможно взять означаемое «всеш» в качестве единицы, присущей двум языкам, и показать таким образом, что, поскольку звуковые формы означающих, которые в двух языках обозначают одно, предполагаемое общим, означаемое, являются различными, сами означающие являются произвольными. Бенвенист справедливо заметил, что сущность соссюрговской

мысли в *К. О. Л.* 112 и ел. заключается в концепции языка как системы относительных значений, а значит, значений несравнимых. Статья Бенвениста, прежде всего, открыла дорогу серии критических работ, нападающих на Соссюра, в которых ему приписывалась конвенционалистская позиция и утверждалось, что знак не является произвольным:

Lerch 1939; Rogger 1941. 166-167; Naert 1947; Bolelli 1949.36-40 (о его двусмысленности см. *Lucidi* 1966. 56, 63-64); Bolinger 1949; Alonso 1952. 19-23; Jakobson 1962. 653; Jakobson 1966. 26 и ел. Другие, выходявшие иногда на арену для, так сказать, весьма благородной защиты (как уже отмечал Лючиди в 1950 г., эти защитники соссюрговской позиции защищали истинность конвенционализма), были убеждены, что Соссюр является конвенционалистом: Bally 1940; Bally, Sechaye, Frei 1941;

Штат 1959.83 и ел. (см. с. 85: «есть ли некий внутренний смысл в существовании английского слова, обозначающего "агбог" ("древо")? Очевидный ответ: да. Причина этого в существовании некоей экстралингвистической реальности, которая должна быть поименована»: это именно то, что отрицается в *К. О. Л.* 112 к ел.; но о границах соссюризма Ульмана см. выше 280 и № 129); Waterman 1963.62-63; Abercrombie 1967.12.

Среди критиков, для которых совершенно ясно, что знак мотивирован с точки зрения оноματοпоэтической, эстетической, духовной и т. д., и среди защитников, для которых также ясно, что знак произволен, поскольку для одного означаемого мы находим различные означающие в различных языках, есть группа, первоначально немногочисленная, учитывающая оба эти требования. Первое требование: углубить аналитическую интерпретацию текста *К. О. Л.*, в которой начинают находить изъяны ткани, натянутые швы, двусмысленные противопоставления; второе требование: углубить внутреннее значение самого понятия произвольности, особенно в его семантическом аспекте, поскольку, если фонематика постепенно углубила соссюрговское понятие относительного характера фонематических значений, то семантика, со своей стороны, в эпоху дебатов, когда некоторые этим занимаются, в основном не отходит от аристотелевской веры в универсальность означающих. Проблемное соединение двух требований очевидно у Buysens 1941 (с. 86: произвольность означает, что выбор звуков не навязан самими звуками); Sechaye 1942.49 (ср. Sechaye 1930.341); Bor-geaud—Brockner—Lohmann 1943; Gardiner 1944 (в особенности с. 109-110); Rosetti 1947. 13; Wells 1947; Ege 1949; Lucidi 1950 (=Lucidi 1966); Devoto 1951.12-15; Mandelbrot 1954.7 и ел. Работы Лючиди и Эге ясно выдвигают требование проверить первоисточники текста *К. О. Л.* С другой стороны, углубление понятия языка как чистой формы и понятия формы содержания, которым лингвистика обязана Л. Ельмслеву, проливают свет на вдвойне произвольный характер знака и на совершенно относительный характер

означаемого. S. M. P. Гodelя (Go-del) является ответом на первое требование. И в этот же период в
347

«Cahiers Ferdinand de Saussure» статья A. *Martinet*. Arbitraire linguistique et double articulation (*Martinet* 1957. 105-116) предлагает решение проблемы в основном: «Читатель (К. О. Л.) должен определить сам, что характеристика "произвольный", применительно к тому или иному означающему или означаемому, представляет собой одну сторону автономности лингвистики, вторая ее сторона содержит в себе выбор и делимитацию означаемых. Фактически, независимость языка перед лицом нелингвистической реальности проявляется, еще более чем в выборе означающих, в его манере отражать эту реальность своими собственными терминами, устанавливая, конечно, советуясь с ней, но безапелляционно, то, что называют понятиями и что мы бы назвали скорее оппозициями».

[139] Отметим, что в нижеследующих строках «способ выражения» и «система выражения» взяты не из рукописных первоисточников, где говорится о «системах, иных, чем произвольные» (1128 В *Engler*) и о «системах произвольных» (1129 В *Engler*). В этом отрывке, и с еще большей ясностью в рукописном источнике, Соссюр напоминает, что одной из задач семиотики является классификация различных систем на основании большей или меньшей их произвольности: «Куда приведет семиотика? Трудно сказать. Область этой науки будет простираться все дальше и дальше. В нее войдут знаки, например, жесты вежливости; они имеют определенное значение, следовательно, являются языком; они являются безличными (за исключением нюансов), но то же самое можно сказать о знаках языка, они не могут быть изменены индивидуумом и продолжают свое существование вне его. Одной из задач семиотики станет установление уровней и различий» (1131В *Engler*).

Эта задача семиотики, едва намеченная здесь Соссюром, в действительности уже обсуждалась Ч. С. Пирсом в его рукописных работах, остававшихся мало известными до публикации *Collected Papers*, 6 vol., Cambridge, Mass., 1931-1935. В работе *Semiotic* (которую в 1867 г. он предложил называть *Universal Rhetoric*: Огден и Ричарде 1923.282) *signs* (знаки) разделены на *icons* (ионические), *indices* (индексы) и *symbols* (символы) в зависимости от степени их произвольности. Тезисы Пирса многократно использовались Р. Якобсоном, чтобы подчеркнуть присутствие в лингвистических знаках элементов не символических, а иконических, см.: *Jakobson* 1966. 24, 27 и ел., и сборник очерков Якобсона 1966.7,27,57 и ел., 68 и ел.

[140] Термин *символ* был использован Соссюром в 1894 г. в поминальной речи Уитни: «Философы, логики, психологи смогли показать нам, каковым является фундаментальное соглашение между идеей и символом [первая редакция, исправленная впоследствии: *между конвенциональным символом и разумом*], в особенности с независимым символом, который ее представляет. Под независимым символом мы понимаем категории символов, чьей основной характеристикой является отсутствие какой бы то ни было видимой связи с объектом,

348

который они обозначают, и невозможность зависеть от него, даже опосредованно, в своей дальнейшей судьбе» (цит. по: В S. M. 45). Впоследствии он предпочел отказаться от него по причинам, указанным в К. О. Л., при переходе ко второму курсу (в первом курсе *символ* появляется еще один раз). Однако,

как мы видели, *знак* удовлетворяет Соссюра не полностью, поскольку тот озабочен отклонением от «единицы с двусторонней сущностью» к «внешней стороне единицы» (К. О. Л. 69). Отсюда попытка терминологического нововведения, предпринятая в записи, дата которой не известна (но см. ниже): слово (говорит запись), лишённое жизни, сведённое к *звуковой субстанции*, является не более чем аморфной массой, *soma* (греч. *тело*) (и он добавляет: «Отношение значения к *soma* произвольно», тогда как живое слово — это сема (франц. *seme*) (игра слов: ср. *сома* — от греч. *soma*, тело — все клетки животного или растения за исключением половых, и франц. детег—сеять): S. M. 51). Соссюр, однако, подчеркивает даже в этой заметке, насколько сложно найти термины, которые обозначали бы *знак* во всей его совокупности без отклонений и соскальзывания к одной из двух его сторон. Несомненно, что именно убежденность в неизбежности этого риска двусмысленности привела его, после первого курса, где он, по-видимому, избегает *знака* (S. M. 192), к *знаку* (см. № 155).

Соссюровский отказ от символа резко критиковали Огден и Ричарде 1923.5-6, увидевшие в этом «specimen» (образчик) «naively» (наивности), характерной, по их мнению, для Соссюра. О *символе* и *знаке* см. *Frei* 1929.132 и особенно *Buysens* 1941. 85, который замечает (возражая Лерху (*Lervh* 1939), что языковой *знак*, каковы бы ни были оноματοпоэтические или иконические значения, характеризуется тем, что он является грамматическим, подчиняющимся определенной системе и что его значение вытекает именно из этого, а не из его возможного «символического» или «иконического» характера.

[141] О значении термина *произвольный* и об обсуждении этого отрывка см. выше №136,137,138.

[142] *Jespersen* 1922. 410 (ср. *Kantor* 1952. 172) критикует тезис Соссюра об ономапоэе и упрекает его в том, что он путает синхронию с диахронией. Соссюр, конечно, весьма далек от этого смешения. Он лишь напоминает сторонникам оноματοпоэтического происхождения слов (то есть лицам, которые, забыв синхронически функциональный аспект (а не оноματοпоэтический), проецируют во времени момент, когда слово якобы было звукоподражанием), что как раз напротив очень часто случается, что слова, в которых можно было бы увидеть нечто оноματοпоэтическое, оказываются вовсе не звукоподражательными, если удастся выявить предшествующие фазы их существования. В любом случае слова действительно зву-косимволического происхождения или слова, которые могут показаться таковыми, составляют весьма малую группу в лексике. И замечание Бёйсенса (*Buysens* 1941. 85) верно также и для них: то есть они тоже

349

являются тем, чем они являются в соответствии с их интеграцией в грамматическую и в особую фонематическую системы, не имеющие связей с ономапоэей. О тезисе Соссюра см. также *Derossi* 1965. 62.

Было бы ошибкой утверждать, что в данных лингвистических сообществах определенного языка можно выявить звукосимволические значения в тех или иных словах либо в тех или иных классах звуков:

известно, что в поэзии при организации языковых знаков автор, желая использовать звукосимволическое значение, придаваемое означающему, иногда может по собственному желанию приписывать ему определенную роль: см. из весьма обширной литературы по данному вопросу Ульмана (*Ullmann*)1959. 266 и ел.,

305, Граммона (*Grammont* 1933), с его исследованиями и замечаниями о «субъективной фонетике», и работы многих других ученых, пытавшихся после него придать панхронические масштабы этим исследованиям, утверждая, например, что идея «малой величины» ассоциируется со звуками типа [и] (приводя в качестве примера слова *piccino, minor, minimus, petit, little*); но можно с легкостью найти слова, тем или иным образом близкие по смыслу с «малой величиной» и не имеющие артикуляции [и] (*small, parvus*), а также слова с [и], близкие к противоположному смыслу (*big, infini*), и, конечно, бесчисленное множество слов во всех языках, в которых имеется артикуляция [и], но значение которых никоим образом нельзя связать со значением «большой величины», «малой величины» и другими подобными вещами.

Очевидность этих утверждений не мешает, однако, ученым периодически заниматься обсуждением подобных проблем. Пишут множество страниц с целью выяснить, зовут ли чаек *Эмма* (Моргенштерн однозначно утверждает в одном из своих стихотворений, что их зовут *Эмма*). Читая всю эту прекрасную литературу, вспоминаешь забавный случай, произошедший, как рассказывают, с Бенедетто Кроче. Однажды один глупец, желая угодить ему, спросил, как зовут «этого милого котика», восседающего на его письменном столе. Философ сухо ответил: «А как бы вы хотели, чтобы его звали? Его зовут кот».

[143] *Fonagy* в *Zeichen und System I*, 52 и Гиро 1966. 29 и ел. критикуют утверждение Соссюра, поскольку, по их мнению, междометия являются конвенционными, а не немотивированными. *Vendryes* 1921. 136 и *Wackernagel* в *^oriesungen uber syntax*, 2 vol.. *Bale* 1926,1. 70 и ел. подчеркивают более корректно тот факт, что междометия находятся на полях языковой системы. Это очевидно как с точки зрения структуры, так и с точки зрения фонематической устойчивости: во многих языках многие звукосимволы плохо вписываются в рамки нормальной фонематической системы и их графическое изображение часто представляет собой проблему именно из-за их особого характера.

[144] Этот параграф также явился итогом слияния лекций от 2 мая (S. M. 83, № 115) и от 19 мая (S. M. 83, № 123), причем последняя была прочитана после введения пары *означающее—означаемое* (см. выше № 128).

350

Если первый признак является всеобщим семиотическим принципом, действительным для всех типов знаков (S. M. 203 и *Godel* 1966. 53-54), то второй принцип касается только означающего, это специфический принцип для знаков со звуковым означающим, то есть знаков вербального языка. О проблемах интерпретации см. № 145.

[145] Означающее языкового знака, будучи не «образом» (*image*) в обывденном смысле, а «фигурой» (*figure*) (классом возможных конфигураций) звуковой субстанции (1138 *Engler*), организовано таким образом, что его элементы выстраиваются в цепочки. Этими элементами для Соссюра являются синтагмы и конкретные единицы языка, или, используя термин Фрея, монемы, но не фонемы. Рукописные первоисточники (1168-70 В и особенно Е *Engler*) говорят в пользу такой интерпретации: «Этот принцип имеет множество применений. Он бросается в глаза. Если мы можем разграничивать слова во фразе, то это вследствие этого принципа. Он выражает одно из условий, которому подчиняются все средства, коими располагает лингвистика. В противоположность такого рода знакам (визуальным знакам, например), которые могут складываться в различ-

ных измерениях, звуковые знаки могут складываться только в пространстве, и их можно представить себе в виде линии. Нужно, чтобы все элементы знака располагались один за другим, чтобы они образовали цепочку». Слова «разграничивать слова во фразе» не оставляют никаких сомнений относительно того факта, что Соссюр использует *знак* и *означаемое* в самом широком смысле этих терминов (см. выше *К. О. Л.* 69, № 130) и, с другой стороны, не подразумевает последовательность «наименьших неделимых единиц», последовательность фонем, не в соссюрском понимании этого термина (см. *К. О. Л.* 44, № 111). См. также *Godel* S. M. 203 и ел.

Соссюрский принцип в основном был понят как подразумевающий также последовательность фонем (не в соссюрском понимании этого термина): см., например. *Martinet* 1966.21 («Линейный характер высказываний объясняет последовательность монем и фонем. В этих последовательностях порядок фонем имеет такое же различительное значение, как и выбор той или иной фонемы... Ситуация несколько иная в отношении единиц первой артикуляции»). Принцип был понят в том же смысле и Р. Якобсоном, для которого он противоречит определению фонемы как «набора совместно действующих отличительных свойств» (*Jakobson* 1956.60-61, № 117), то есть не касается того, что Соссюр называл «наименьшими неделимыми единицами» и что мы сегодня называем «фонема». Но решающее замечание находится в другом месте. Соссюр говорит о принципе, управляющем структурой означающих; он не думает о «наименьших неделимых единицах» (неважно, подходит ли или нет для них определение, называющее их комбинациями релевантных признаков), поскольку эти единицы являются элементами означающего, а не означающими: для Соссюра там, где нет означаемого, нет и означающего, нет иного означающего, чем семантическое подобие

351

листа бумаги с лицевой и обратной стороной, а «наименьшие неделимые единицы» не имеют означаемого, не являются знаками, это элементы, составляющие знак. Принцип линейности действителен не для них, а для означающих, так что не может быть противоречия между этим принципом и возможным одновременно разнородным характером наименьших неделимых единиц, фонем в нашем современном понимании.

По этой проблеме см. также *Lepschy* 1965 (который к тому же считает, как и Якобсон, что в *К. О. Л.* 48 речь идет о фонеме в несоссюрском смысле: с. б, № 7), обратиться к данной работе полезно и в связи с другими вопросами, а также к ряду иных работ, в которых критикуется второй принцип Соссюра, в особенности в отношении понятия синтагмы.

[146] Первоисточники этого и следующего параграфов — лекции конца мая месяца 1911г., следующие непосредственно за серией лекций о конкретных единицах языка, о пределах произвольности и об уточнении двух принципов: произвольности и линейности знака (S. M. 85-86, № 125-130). Сам Соссюр (1175 В *Engler*) предупреждает учеников, что эта глава о неизменчивости и изменчивости знака следует непосредственно после главы о природе языкового знака, и это указание было принято во внимание издателями.

Эта глава находится в зоне К.О.Л-, которую читали меньше всего. Она вставлена между страницами, посвященными произвольности знака, и страницами, посвященными различию между синхронией и диахронией, ставшими полюсами притяжения внимания специалистов, гипнотизировавшими их. Неконвенциона-

листский смысл соссюрдовской произвольности, глубокое осознание исторической необходимости знака, осознание в целом исключительной историчности языковых систем выражены на этих столь мало читаемых страницах с предельной точностью. Читая эти страницы, не можешь заставить себя поверить, что Соссюра восхваляли, а чаще порицали, как создателя лингвистики антиисторичной и девственной, провозглашающего понимание языка как статичной системы, вне жизни общества и вне хода истории. Вот с таким призраком часто сражались вместо Соссюра.

- [147] Уточним, что рукописные источники говорят о «происхождении языков» (*langues*) (а не «языка» (*langage*); 1191 В *Engler*). О позиции Соссюра относительно этой проблемы см. *К. О. Л. 17*, № 49-50. В конце абзаца читаем слова: «... то есть почему он не поддается никакой произвольной замене». Здесь присутствует добавление издателей, в котором слово *произвольной* взято в обыденном значении «по прихоти, зависящей от индивидуального произвола», то есть не в соссюрдовском смысле, и это в тексте, в котором как раз говорится (см. конец предыдущего абзаца) о произвольности соссюрдовского знака.
- [148] Отметим, что этот пункт, поставленный издателями под номером 4 (даже с замечанием, что он «главенствует» над остальными), в рукописных первоисточниках стоял на первом месте (1226 В *Engler*).

352

- [149] Это как раз то понятие исторической необходимости знака, на котором в основном настаивал *Pagliam A.* 1952. 60-61.
- [150] Если бы означаемые отражали предшествующие **им** объективные различия, если бы означаемые имели определенное строение по причинам, свойственным звуковой субстанции, если бы связь между означаемым и означающим зависела от сходства одного с другим, если бы в целом знаки не были совершенно произвольными, они принадлежали бы традиции не иначе как поверхностным образом, тогда как в своей глубинной структуре знаки не имели бы ничего общего с историей (например, вполне возможно, что движение по дороге на свайном основании, по камням Священной улицы и по нашим современным асфальтированным дорогам осуществлялось различным способом, но речь идет о поверхностных различиях, не имеющих никакого влияния на сам фундаментальный механизм движения). Если бы знаки не были произвольными, они были бы естественными, природными и находились бы вне истории. И, с другой стороны, тот факт, что разделение значений на означаемые, разделение звуковых форм на означаемые, соединение означаемых и означающих суть явления, базирующиеся не иначе как на историческом выборе, обусловленном в плане временном, географическом и социальном,—все это, то есть совершенная историчность знака, делает его также и совершенно произвольным.
- [151] О первоисточниках параграфа см. выше № 146; два последних абзаца с. 78 взяты из авторских записей об Уитни (см. ниже № 157, 158).
- [152] Примечание издателей к этому отрывку показывает их растерянность перед фактом диалектики, возникающей в языке между непрерывностью и изменчивостью. См. также мнение *Rogger* 1941. 169 и ел., не понявшего этого.
- [153] Соссюр имеет в виду диахроническую морфологию, диахроническую семантику и т. д., и, как это видно из рукописных первоисточников, теории этих областей исследования (1246 В *Engler*).
- [154] Здесь мы имеем одно из доказательств того факта, что для Соссюра диахро-

ническое исследование производится в союзе с рассмотрением общей функциональности системы. Вот его стройная формулировка, проигнорированная издателями, из записей в тетрадях Константэна:

«Не будем говорить об изменении знаков, как мы делали это только что для большей ясности. Это заставляет нас считать, что речь идет только о фонетике: об изменениях в форме слов, об искажениях звуковых образов или об изменении смысла. Это было бы неправильно. Каковы бы ни были различные факторы изменения и их природа (самая разнообразная), все они, действуя вместе, приводят к изменению отношения между идеей и знаком или отношения между означаемым и означающим. Возможно, вернее было бы сказать: перемещение отношения между идеей и знаком» (1248-1250 E Engler).

Или: какими бы разнообразными и случайными ни были изменения частей языка, поскольку они происходят с системно коррелированными

353

частями, они а) действуют вместе, «заодно»; б) вызывают смещения, отличные от отношения между означаемыми и означающими, то есть приводят к иной конфигурации системы (см. К. О. Л. 85, № 176).

[155] Это один из многих отрывков, где, даже в рукописных первоисточниках, значение термина *знак* демонстративно соскальзывает к значению термина *означающее*, см.: К. О. Л. 70, № 133, о *знаке* в значении *означающее* см. К. О. Л. 18, 19, 23, 118, 120 и т. д.

[156] Выражение «звуковой материал» здесь также идет от издателей: см. К. О. Л. 44, №111.

[157] Абзац взят из записей 1894 г. об Уитни. Мы цитируем текст (1261 и ел. F Engler), поскольку в нем делается акцент (исчезнувший при использовании издателями) на совершенно особом характере истории языков по сравнению с историей других установлений (*institute*), не являющихся совершенно произвольными:

«Другие установления, действительно, в той или иной степени основаны на естественных отношениях, на сходстве вещей как целевом принципе. Например, правовая система государства или политическая система и даже мода на одежду, даже капризная мода, определяющая нашу одежду, не имеющая возможности ни на мгновение отклониться от данных величин пропорций человеческого тела. Из этого следует, что все изменения, все нововведения... продолжают зависеть от первого принципа, действующего в той же сфере, находящегося не где либо, а в глубине человеческой души. Язык же и письмо не основаны на естественном отношении между вещами... Уитни неустанно повторял это, чтобы дать лучше почувствовать, что язык является чистым, стопроцентным установлением людей. Однако это доказывает гораздо большее: что язык является установлением, *не имеющим аналогов* (если присоединить сюда и письмо), и что после этого было бы действительно самонадеянным считать, что история языка должна походить, хотя бы отдаленно, на историю какого-либо другого установления» (1261,1264 F Engler).

Б. Кроче настаивал с 1908r. (*Filosofiadellapratca. I ed.; Bari, 1908, 6ed.; Bari, 1950. P. 148, 379-380*) на институциональном (*insntutioimel*) характере знака, но с другой целью, заботясь прежде всего об отношении между индивидуальным выражением и межличностной координацией выражения. С этой точки зрения (в подтверждение которой Кроче приводит позаимствованное из романа Вольдемар Ф. Г. Якоби сравнение языка и права, которым пользовались

историки права в XIX в.) язык предстает как «привычка», как «установление». Данное направление развивали в основном итальянские лингвисты, такие как Necioni 1946.155 и ел. и *De-voto G. Studi di stilistica*, Florence, 1950, p. 3-53; *Devoto* 1951 (ср.: *Piova-ni P. Mobilita sistematicita, istituzionalita della lingua e del diritto // Studi in onore di A. S. Jemolo* (отрывок). Милан, 1962; *De Mourn* 1965.158-160, 165-168). Наконец, ср.: *Devoto G II metodo comparative e le correnti*

354

linguistiche attuali: Доклад на X международном конгрессе лингвистов (28 августа — 2 сентября 1967 г., Бухарест). С. 13 отрывка. Глубинной сущности соссюрговской позиции гораздо более близко понимание означаемого как «обычая» (*Gebrauch*), которого придерживается Витгенштейн в своей работе *Философские исследования* (ср. ОелАгого1965.169исл.).

[158] Об указаниях относительно Уитни см. выше *К. О. Л.* 70, № 137.

[159] О том, что касается «универсальных» и искусственных «международных вспомогательных» языков, см.: обширный трактат *CoutwatL.; Leau L. Histoire de la langue universelle*. Paris, 1907 (излагает историю попыток); о недавнем обсуждении см.: *Отчеты седьмого международного конгресса лингвистов*. Париж, 1949. С. 93-112, 409-416, 585-600 и, об их окончании, Leroy 1965.146-147/

[160] Углубленный анализ проблемы **см.** далее в *К. О. Л.* 92.

[161] Согласно *Ельмслеу* 1924.37 и ел. этот соссюрговский отрывок наилучшим образом иллюстрирует *ид.ею языка-обычая*: см. *К. О. Л.* 15, № 45. Вся эта часть *К. О. Л.*, и это вновь приводит нас к тому, что мы говорили выше, в № 146, свидетельствует о глубокой историчности соссюрговского видения языка во всей его совокупности.

[162] Как говорится в авторских записях, можно рассуждать об «антиисторичности языка», если речь идет лишь о состоянии, поскольку «особенностью любой данной позиции является то, что она свободна от прошлого» (1484 Ф Энтоер): это единственная идея, которую сочли соссюрговской. В действительности, в этом отрывке *К. О. Л.* мы находим последующее развитие идеи и полный смысл сравнения с игрой в шахматы: «Язык можно сравнить лишь с *полной* идеей партии в шахматы, включающей в себя одновременно *ходы* и *позиции*» (1489 F Engler). Именно в этом смысле объект лингвистики «может быть историчным» (1485 F Engler). Когда *Malmberg* 1967. 4 пишет: «Временной фактор является экстралингвистическим», он выражает мысль Соссюра лишь по отношению к состоянию языка, но не к языку, не к «живому языку», являющемуся временной, исторической реальностью.

[163] Первоисточники этого и последующих параграфов — серия лекций конца третьего курса (S. M. 86-88, прим. 130-139), соединенных с некоторыми записями из второго курса и с несколькими авторскими записями (S. M. 106).

[164] Уэллс 1947. 30-31 критикует точку зрения Соссюра и утверждает, что даже астрономия, геология и политическая история могут изучаться в синхронии и в диахронии; но ведь Соссюр придерживается именно этого мнения (см. в особенности *К. О. Л.* 81), он хочет лишь установить градацию: от наук, для которых временной фактор игнорируется *de facto*, либо является второстепенным (но при необходимости может быть введен, при разграничении утверждений из области синхронии и диахронии), до наук о вещах, имеющих определенную ценность, в которых разграничение напрашивается *de facto*, и до

таких наук, как лингвистика, в которых разграничение необходимо, поскольку значение имеют лишь различия между субстанциями, то есть значения заключаются исключительно в системе различий.

- [165] Отрывок интересен тем, что показывает, что Соссюр относился с вниманием не только к социологической дискуссии между Дюркгеймом и Тардом (см. 287), но также (и мы можем здесь сказать это с уверенностью, подкрепленной его собственным недвусмысленным свидетельством) и к дискуссии между «исторической» и «теоретической» школами в политической экономии того времени: речь идет о *Methodenstreit* (споре о методах), разгоревшемся после того, как в 1883 г. Карл Менгер атаковал (*Untersuchungen über die Methoden der Socialwissenschaftlichen und der Politischen Oeconomie insbesondere* (Исследования о методах социологических наук, и в частности политической экономии). Лейпциг, 1883) историческую школу, возглавляемую Густавом Шмол-лером (ср. Schumpeter J. A. *History of Economic Analysis* (История экономического анализа). N.Y., 1955. С. 809, 814-815). В обширной литературе, посвященной спору о методах, сложно найти труды, которые Соссюр не захотел упомянуть: в лекциях (1314ВиЕ Engler) он говорит не только о «недавних» работах, но и о работах, «которые стремятся быть научными»; это может, помимо прочих, навести на мысль о *Mapi-ale di economia politico* Вильфредо Парето, вышедшем в 1906 г. и переведенном на французский язык в 1909 г., характерной чертой которого является его математическая теоретическая база. Другие упоминания экономических вопросов см. в К. О. Л. 115; о другом возможном намеке на Парето см. № 68.
- [166] Последняя фраза лишь частично отражает мысль Соссюра, лишь первую часть того, что содержится в рукописных первоисточниках: «В политической экономии сталкиваешься с понятием значимости, ценности — но в меньшей степени, чем в лингвистике — и с системой ценностей. Политическая экономия изучает равновесие между некоторыми социальными ценностями: ценностью труда, ценностью капитала» (1317,1318 E Engler). Вторая часть фразы («В обеих науках ... означаящим») добавлена издателями, притом весьма произвольно, учитывая сравнение, которое она содержит в себе (S. M. 116).
- [167] Отрывок весьма ясно показывает связь между произвольностью знака и методикой синхронического анализа. Прочертим еще раз путь соссю-ровской мысли: языковой знак совершенно произволен в двух своих составляющих, означаемом и означающем. Следовательно, единственным фактом, определяющим конфигурацию каждого отдельного означаемого или означающего, является тот факт, что другие означаемые и означающие, сосуществующие с ними в одной системе, разграничивают их таким образом, а не иным. С объективной точки зрения это означает, что любое значение знака зависит, через систему, от общества, определенным образом дающего жизнь всей совокупности системы, а значит—от исторических изменений общества (это тезис предыдущей

главы, незаслуженно проигнорированный теми, кто считает Соссюра «антиисториком»), так что языковое значение является совершенно социальным и совершенно историчным (или, отдавая предпочтение менее двусмысленному термину, случайным (*contingente*)). С точки зрения методики, это означает, что

для исследования знака в его знаковой реальности следует рассматривать его в системе, из которой он получил свое значение. В противоположность тому, что утверждал Трубецкой 1933.243 и ел., мы должны согласиться с тем, что Соссюр настаивал на синхронии не только по причине возникновения возможной полемики.

[168] См. *К. О. Л. 14*, № 41, № 162 и *К. О. Л. 134*. См. также № 199.

[169] Рукописные первоисточники свидетельствуют о сомнениях, еще больших, нежели это представлено в тексте издателей, когда они предлагают два термина—«статическая» и «эволюционная» (1338-1342 В *Engler*).

[170] В этой паре терминов, имевших необычайный успех после Соссюра, его изобретением является лишь второй, *диахроническая*: впервые этот термин встречается в одной из тетрадей (S. M. 48, № 12), в которой также появляется термин *семиотика*: тетрадь, по-видимому, написана позднее 1894 г. (S. M. 47, № 26).

Соссюр употребляет преимущественно термин *идиосинхрония*: см. ниже № 191. О предшественниках соссюровского различия см. 286-287.

[171] См. выше №163.

[172] С этим частично совпадают оценки Л. Шпитцером учения младограмматика В. Мейер-Любке, хотя они получили совершенно иное применение: «Но когда я начал посещать лекции по французской лингвистике моего великого учителя Вильгельма Мейер-Любке, мы не получили там представления о французском народе, о его духе языка: на этих лекциях. .. мы никогда не рассматривали феномен в его неподвижном состоянии, мы никогда не смотрели "в упор"; мы смотрели вокруг да около его соседей, его предшественников, мы постоянно оглядывались назад... Наряду с данной им французской формой, Мейер-Любке приводил формы из старопортугальского, современного бергамасского, немецкие, кельтские формы, формы из древней латыни...» (*Spitzer L. Critica stilistica e semantica storica*. Van, 1966. P. 74). Идея о необходимости научного описания в плане синхронии, несомненно, витала в воздухе. В 1910 г. К. von Ettmayer в тексте с красноречивым заголовком (*Benoti-gen wir erne wissenschaftlich deskriptive Grammatik? (Нужна ли нам научная дескриптивная грамматика?) II Prinzipienfragen der romanischen Sprachwissenschaft (Основные вопросы романского языкознания)*). Halle, 1910. В. 2. С. 1-16) заключал: «Я думаю, что здесь начинается путь современной научной дескриптивной грамматики, дело осталось лишь за сознательным отстранением от исторических целей и взглядов назад, и за исследованием функций слов, поскольку их можно синтаксически выделить» (С. 16). Реализация этой всеобщей потребности принадлежит Соссюру, обнаружившему ее и давшему ей глубокое теоретическое обоснование (см. № 167).

357

[173] См. *К. О. Л. 9*, № 19. Новая оценка *грамматики* Пор-Рояля была предпринята с осторожностью Вербургом (Veiburg 1952.330 и ел.) и недавно акцент на ней поставил Н. Хомский (*Chomsky N. Cartesian Linguistics*. N. Y., 1966. С. 33 и ел.); ее негативные аспекты (доисторичность, универсализм, априорность, примат значения) подчеркивали Glinz 1947. 28 и ел., DeMaum 1965.57,171 и ел., Mounin 1967.126-128. См. *К. О. Л. НО*, №219,221.

[174] По крайней мере, согласно пожеланиям Соссюра, новая статическая лингвистика должна была сохранить следы диахронических исследований: в этом, как удачно заметил Vendryes 1933.173, она реально превосходит диахрониче-

ские и синхронические исследования. Однако новая оценка Хомского несет на себе отпечаток рациональной грамматики. Еще раз забыв о Соссюре, он предполагает возможность для лингвистики ограничиться статическими исследованиями без истории, теша себя иллюзией (названной «рабочая гипотеза»), что языки отражают (при необходимости, на неисследованном уровне глубины) врожденные, присущие «разуму» человека, правила и логические структуры.

[175] См. выше №163.

[176] Мы сталкиваемся с другим *сгук* (лат. *орудие пытки*) интерпретации продолжения соссюрских тезисов. Почти все участники высказывались за «преодоление разделения» на синхронию и диахронию. Все уверовали в то, что для Соссюра различие находится *in re*: объект «язык» имеет синхронию и диахронию, как мсье Дюран имеет шляпу и пару перчаток. При таком понимании различия возникли возражения со стороны лагеря историков и со стороны лагеря структуралистов: было заявлено, что элементы диахронии присутствуют в синхронии (архаизмы, неологизмы, появление новых тенденций, отмирание частей системы), с другой стороны, утверждалось, что система функционирует также и в диахронии и что диахронические изменения определяются интенциональностью. Поскольку Соссюр, напротив, утверждал, что изменения носят случайный характер и не объединяются в систему, ему приписывали позицию младограмматиков относительно лингвистической эволюции или называли его антиструктуралистом: иными словами, поскольку он не увидел, что в состоянии языка сталкиваются тенденции выравнивающие и тенденции слабеющие, его назвали антиисториком.

Дискуссия начата в 1929 г. молодыми лингвистами Пражской школы: Якобсон, Карцевский, Трубецкой 1929 атакуют антитеологическую концепцию системы (фонологической) и заявляют, что изменения системы происходят «в зависимости» от реорганизации самой системы; тезис о «слепоте» трансформаций системы (*К. О. Л. 152*) снова подвергается нападкам в *Theses 1929 г.*, где утверждается, что не следует «воздвигать непреодолимых барьеров» между синхроническим анализом и анализом диахроническим, так как, с одной стороны, в синхронии говорящие осознают, что одни стадии находятся на пути

358

развития, другие—на пути исчезновения, так что невозможно отделить диахронические утверждения от утверждения синхронического (*Theses 1929. 7—8*), и, с другой стороны, концепция функциональной системы также принята и в диахронии, поскольку трансформации происходят для системы (*Theses 1929.78*). Опираясь на высказывания представителей Пражской школы, из более традиционалистского лагеря в дискуссию вступает В. фон Вартбург, возвращавшийся во многих работах (*Wartburg 1931, 1937, 1939; Wartburg-Ullmann 1962. 11, 137-147*) к вопросу о необходимости, особенно в данный момент, перехода к диахроническим утверждениям в синхроническом описании, а **из** лагеря модернистов — *van Wilk 1937, 1939 a, 1939 b. 305-308*, напротив, настаивающий на необходимости использования понятия «система» в диахроническом анализе.

Представители Пражской школы неоднократно возобновляют нападки на соссюрское различие:

Trubeckoj 1933. 245; Тмка 1934 и особенно Якобсон (см.: *Jakobson 1928 a, 1928 b) 1929.17* и позже, *1931.218, 1933. 637-638*. Преодоление соссюр-

ского разделения, радость действительного преодоления становятся общей темой большой группы исследователей, работающих в данном направлении: *Amman* 1934. 265-273, 281; *Rogger* 1941. 183-193, 203 и *сн.*; *Porzig* 1950. 255 и *ел.*; *Benveniste* 1954 = 1966.9; *Бу-дагов* 1954. 18; *Zirmunskij* 1958; *Vfdos* 1959. 108-121; Чикобава 1959. 105-111; *Zirmunslaj* 1960; *Leroy* 1965. 88-90. Целые государственные лингвистические школы занимаются критикой соссюрдовской дихотомии: испанцы (*Catalan Menedez Pidal* 1955. 28-29, 33-37), русские (*Слюсарева* 1963.44 и *ел.*). Представители Женевской школы отступают перед массивными атаками в "honrosa retirada", говоря словами *Alonso* 1945. 19 (и *ср.* также с. 12 и *ел.*); *Bally* 1937 (полемика с Вартбургом); *Sechaye* 1939; *Sechaye* 1940. Наконец те, кто понял значение соссюрдовского различия (как *Lepschy* 1966. 44), испытывают потребность рассмотрения возможности "структурной диахронии", которой, "как это, вероятно, можно понять из *Курса*", Соссюр не увидел, и говорят так же, как об исследованиях, которые следует провести в будущем, о внимательном изучении точек "нарушения равновесия", "размытых границ системы", то есть секторов, в которых система изменяется и для которых синхронической модели недостаточно» (*Lepschy* 1966.45).

Как и другие дискуссии вокруг *К. О. Л.*, эта дискуссия также включала в себя определенную двусмысленность, в этот раз гораздо в меньшей степени спровоцированную состоянием текста, чем в других случаях (но см. № 183). Мнение Соссюра заключалось в том, что противопоставление синхронии и диахронии является противопоставлением «точек зрения»; оно носит методологический характер, касается исследователя и его объекта (в значении, разъясненном в *К. О. Л. 14*, № 40), а не совокупности вещей, которыми занимается исследователь, его предмета. Исследователь постоянно сталкивается с лингвистической

З"

;*

359

эпохой: при этом Соссюр не только ясно знает, но и ясно говорит (невозможно поверить, что это могли забыть), что «каждое мгновение он [язык] предлагает одновременно и устоявшуюся систему и эволюцию;

в каждый момент он является одновременно современным установлением и продуктом прошлого»; и он добавляет: «На первый взгляд различие между системой и историей, между тем, что есть, и тем, что было, представляется весьма простым, но в действительности то и другое так тесно связано между собой, что разьединить их весьма затруднительно» (*К. О. Л. 17*). Соссюр, которого обвиняли в пустых утверждениях, в нежелании искать пути их проверки (как *Rogger* 1941; см. 262) сам встал здесь (конечно, так же, как и в других случаях) на путь осуществления. Страницы об «аналогии и эволюции» (*К. О. Л. 169—173*) проверяют высказанное утверждение: «Язык непрестанно интерпретирует и разлагает на составные части существующие в нем единицы... Причину этого следует искать в огромном множестве факторов, непрерывно влияющих на тот способ анализа, который принят при данном состоянии языка» (170); «Какова бы ни была причина изменений в интерпретации, эти изменения всегда обнаруживают себя в появлении аналогических форм»; «... наиболее ощутимым и наиболее важным действием аналогии является замена старых форм, нерегулярных и обветшалых, новыми, более правильными формами, составленными из живых элементов. Разумеется, не всегда дело обстоит так просто: функционирование языка пронизано бесчисленным

множеством колебаний, приблизительных и неполных разложений. Никогда никакой язык не обладал вполне фиксированной системой единиц» (171). Динамический аспект ситуации в языке вновь подчеркивается в *К. О. Л. 203* и ел. То есть Соссюр вполне осознает требование относительно точек нарушения равновесия, нечетких границ во всех языках. Понятие языковой «экономии» (даже если кажется, что этот термин идет от издателей: ср. *К. О. Л.*, № 282) вполне задействовано в *К. О. Л.* Такие исследования, как *Frei 1929*, *Malmberg 1942*, развивают это понятие, поскольку они подчеркивают тот факт, что в языке как в совокупности коллективных навыков (*К. О. Л. 79*) сосуществует множество функциональных систематизации (*Malmberg 1945. 22-23; Coseriu 1958*). Следовательно, ошибочно упрекать Сос-сюра в непонимании того факта, что в конкретной языковой ситуации встречаются тенденции, идущие из прошлого, и тенденции, предвосхищающие (как мы можем это наблюдать большей частью в прошлом) будущее (см. также *К. О. Л. 181*).

Что касается его концепции лингвистических трансформаций, прежде чем отрицать присутствие у Соссюра структурного видения диахронии, следует понять, что в этом видении, отраженном в трудах таких представителей Пражской школы, как ван Вийк, Мартине, сосуществуют различные элементы: а) телеология (для которой изменения происходят «по причине», с целью лучшей или, по крайней мере,

иной организации системы); б) антиатомизм (рассматривающий изменения в их взаимосвязях, как обусловленные системой, на которую они могут оказывать влияние). Из этих двух элементов лишь первый решительно чужд Соссюру, но не второй. С этой точки зрения показательными являются выводы отрывка о прилагательных типа *saecus* (*Rec. 599*). Но с наибольшей ясностью высказывается по этому поводу *К. О. Л.*: изменения зарождаются случайно, бесцельно, они слепо поражают какую-либо единицу или класс единиц и не имеют целью переход к иной организации системы; но именно потому, что, благодаря аналогии, язык стремится к системе, изменения «обуславливают» систему (87), изменение одного элемента может привести к появлению другой системы (86; 89). Исключение телеологии настолько же чрезмерно, как и утверждение о систематичности последствий любого изменения, даже минимального: «... значимость члена системы может изменяться без изменения как его смысла, так и его звуков исключительно вследствие того обстоятельства, что какой-либо другой, смежный член системы претерпел изменение» (*К. О. Л. 120*). Так что *Burger 1955. 20* и ел. может справедливо утверждать, что если критики соссюровской концепции изменений имеют в виду отсутствие упоминаний о системе при оценке этих изменений, то они не достигают своей цели, поскольку это упоминание ясно выражено в *К. О. Л.* в сравнении с воздействием на систему самого простого хода в шахматной игре (*К. О. Л. 90*); если, напротив, они имеют в виду тезис о случайном характере последствий изменений, критики сталкиваются с тезисом, действительно соссюровским, который, как показывает *Burger*, нелегко опровергнуть: для этого последователям телеологических изменений необходимо приписать языку наличие разума, вернувшись тем самым к мифологическим позициям, с которыми Соссюр легко расправляется, снова заявляя, что «язык... ничего не замышляет» (*К. О. Л. 90*), а Фрей—подчеркивая, что невозможно предвидеть, будет ли и каким образом будет принято конкретное нововведение (*Frei 1929.125*).

Итак, Соссюр осознает не только динамический аспект языковых ситуаций в определенный период, но и те последствия, которые вызывает любое изменение в плане системы. Как справедливо заметил *Ullmann 1959. 36*, «не язык является

синхроничным или диахроническим, но подход к нему, методика исследования, наука о языке». С точки зрения методики исследования и изложения, непонятно, как можно отрицать двойственность синхронической перспективы и перспективы диахронической: возможны ли утверждения, что значение языковой единицы зависит от значения, которое она имела в предшествующей фазе существования языка? Но тогда, если оставить в стороне все другие замечания, каково было бы значение новообразований? Или этим хотят сказать, что синхроническая организация языка определяет будущие изменения? Но тогда, каким образом осуществлялся бы переход от

361

систематического единого уклада к различным языкам? И почему, говоря о конкретном языке, нельзя предугадать его последующее развитие? В действительности, лингвистика не может отказаться от двойной перспективы, для этого ей пришлось бы отрицать, что значение единицы зависит от синхронической игры, частью которой она является, и, с другой стороны, впасть в анималистическое или псевдодетерминистическое видение языковых перемен. Две методологические перспективы — неоспоримое последствие введения понятия произвольности знака (см. *К. О. Л.* 82, № 167), инструмент, необходимый для исторического и позитивного видения языковой реальности, и тот, кто подчеркнул **их** новаторское значение, совершенно прав (*Wein* 1963. 11-13).

[177] См. выше №176.

[178] См. выше № 176. Выражения «упорядоченное целое» (*agencement*), «упорядоченные» (*agenees*) идут от издателей, в рукописи читаем лишь: «Эти диахронические факты, имеют ли они, по крайней мере, тенденцию изменять систему? Появлялось ли желание перейти от одной системе отношений к другой? Нет, изменение влияет не на систему, а на элементы системы» (1401-1402 В *Engler*).

[179] «Дано случайное состояние, и **им** пользуются: состояние = *случайное* состояние в терминологии. В каждом состоянии разум вдыхает жизнь в данную материю, как бы одухотворяет ее. Традиционная грамматика [лишенная диахронического опыта: см. *К. О. Л.* 84} никогда бы не приняла это понятие, неизвестное также большинству философов, рассуждающих о языке. С философской точки зрения нет ничего более важного» (1413-1417 В *Engler*). Ср. также отрывок об индоевропейских прилагательных типа *caecus*, о котором говорилось в № 176.

[180] Таким же образом, при переходе от латинского к итальянскому исчезновение роли количества как отличительной черты вокалических оппозиций и другие события меньшего масштаба (переход нескольких гласных [i] переднего ряда в [j] и т.д.) оказались в новой системе ударений: тогда как ударение в латинском языке мобильно, но обусловлено фонематической структурой ударной синтагмы, ударение в итальянском языке мобильно и не обусловлено, учитывая фонетические последствия, место ударения предсказать невозможно (ср. *capitano, cari-tano, capitano*).

[181] О понятии «нуля» см. *К. О. Л.* 118, № 234.

[182] Выражение *материальный знак* чуждо терминологической системе, развиваемой Соссюром (*S. M.* 112); действительно, в первоисточниках читаем: «Нет необходимости при рассмотрении идеи всегда иметь акустическую фигуру. Достаточно одной оппозиции и это может быть *х/нуль*» (1441-1442 В *Engler*).

[183] В первой фразе параграфа предложение «они могут изучаться только вне

ее» добавлено издателями (ср. 1448 В *Engler*), оно искажает мысль Соссюра, форсируя ее: изменения действительно происходят вне системы, не определяются ею ни как причины, ни как следствия, но

362

поскольку каждое имеет «свои последствия в системе», представляется необходимым сказать, что можно, по крайней мере, изучать изменения в соотношении с системой (см. № 176).

[184] См. выше №163 и 38.

[185] Ср. *Godel S. M.* 114, анализ весьма неудачного использования издателями рукописных первоисточников.

[186] Это сравнение дорого Соссюру (см. *К. О. Л.* 30, № 89, а также № 38 и *К. О. Л.* 110, № 223), оно показывает, как заметил *Burger* 1955.20, что любое изменение имеет следствие для всей совокупности системы.

[187] В действительности, «система языка может рассматриваться еще в большей степени с точки зрения синхронии, чем игра в шахматы», учитывая, что «правила шахматной игры любопытным образом включают в себя определенную информацию, которую можно назвать диахронической: к примеру, в некоторых обстоятельствах следует знать, перемещался ли король и вернулся ли на свое место или нет, чтобы решить, можно ли сделать рокировку, или знать, перемещалась ли пешка в предыдущем ходу, чтобы решить, можно ли взять ее через проход, или учитывать в эндшпилях количество сыгранных ходов, начиная с определенного момента. В языке нет ничего подобного...» (*Lepschy* 1966. 44-45).

[188] Заглавие параграфа принадлежит издателям, так же как и начало его (1493-1494 В *Engler*). В параграфе также использованы записи из второго курса (см. выше. № 163 и 1498,1500 и ел. В *Engler*).

[189] О ссылке на «знание» говорящих как отправную точку синхронического лингвистического анализа см. *К. О. Л.* 183-184.

Следует отметить, что для Соссюра «сознание»—действительная способность выстраивать синтагмы по данным аналогичным модулям (*К. О.Л.* /70-/77; см. таюке/53-/да). Одвухперспективах диахронической лингвистики см. *К. О. Л.* 212 и ел.

[190] Термины *проспективная перспектива* и *ретроспективная перспектива* вызвали определенные трудности при переводе *К. О.Л.*, в частности, это касается перевода первого словосочетания на итальянский язык, так как оба слова, и *перспектива* и *проспективная*, переводятся одним и тем же термином (*prospettiva*), это словосочетание было переведено *vss. pmspettiva prospettica*.

[191] О двух этих терминах см. *К. О. Л.* 83, № 170. Понятие *идиосинхронии* использовалось Ельмслевым (*Hjelmslev* 1928.102 и ел.).

[192] О соссюровском понятии закона см. *Frei* 1922.23; о критике приписывания императивности законам общества см. *Wells* 1947.30. Заметим, однако, что ссылка на юридические законы принадлежит издателям, в рукописях говорится лишь о «понятии закона» вообще (1525-1526 В *Engler*); ср. S.M.116.

[193] Третий абзац *К. О. Л.* 93 претерпел значительные изменения в издании 1922 г. по сравнению с изданием 1916 г.: признак некоторого дискомфорта издателей вследствие полной «подтасовки» этой части записей: на следующих страницах (94-96) «все примеры (семантические

- факты, синтаксические и морфологические изменения, фонетические изменения) принадлежат издателям» (S. M. 116).
- [194] См. выше № 176.
- [195] Идея создания «панхронии» была использована Ельмслевым (*Hjelmslev* 1928.101-111, 249-295), предлагавшим выделить панхронию, пан-синхронию, пандиахронию, идиохронию, идиосинхронию, идиодиахронию (ср. *Sommerfelt* 1938 = 1962.59-65). О панхроническом подходе см. *Штат* 1959. 258 и ел.; о проблеме универсалий см. *К. О. Л.* 14, №42.
- [196] В параграфе использованы примеры, взятые из второго курса, см. № 163. Пример со словом *depit* (досада) в выражении *en depit de* (несмотря на...), рассматриваемый не в плане синхронии, а со ссылкой на латинское *in despectu*, взят из *Hatzfeld A., Darmesteter A., Thomas A. Dictionnaire general de la langue francaise, depit, I.*
- [197] Параграф составлен на основе записей третьего курса.
- [198] См. *К. О. Л.* 21, *ifs* 63; 21, № 65 и 67; 27, № 81.
- [199] Использование термина *исторический* как противоположности термина *статический* принадлежит издателям и отсутствует в рукописных первоисточниках (1656 В *Engler*); в действительности, по-видимому, с определенного момента Соссюр начал думать, что термин «исторический» может использоваться как по отношению к какому-либо состоянию, так и к эволюции состояния: см. *К. О. Л.* 82 и /^, №41. Говоря о различии между «поверхностной» разнородностью и «глубоким» единством, Соссюр, несомненно, думает об универсальных аспектах языковой реальности, о которых см. № 42.
- [200] Глава взята из лекции третьего курса (S. M. 88-89).
- [201] Об этом см.: *Firth* 1956.133; *Malmberg* 1967. 1 и ел.
- [202] Трудно с точностью определить, какой тип упрощения подразумевает Соссюр. Возможно, как предполагает Сеше в одной рукописной записи, «вероятно, речь идет о соглашении, которое заключается в рассмотрении языковых способностей всех индивидуумов как идентичных, тогда как они таковыми не являются» (пит. по: S. M. 89, № 98). О понятии состояния языка и трудности разграничения состояний см.: *Frei* 1929. 29-30; *Firth* 1935. 51, № 1; *Malmberg* 1967.
- [203] Первоисточники параграфа — две лекции, от 5 и от 9 мая 1911 г. (третий курс), изложенные в S. M. 83. Соссюр предложил ученикам следующее название главы: «Каковы конкретные сущности, составляющие язык?» (1686 В *Engler*).
- [204] Выражение *звуковая субстанция* введено издателями: см. № 111. В отрывке из рукописных первоисточниках, знакомых издателям, говорится: «Если взять цепочку звуков, она является языковой (*linguistique*) лишь тогда, когда имеет материальную основу в виде идеи. Незнакомый язык не является для нас языковым явлением [использовано в третьем абзаце]. Для нас материальное слово—это абстракция. Различные понятия (*любить, видеть, дам*), если отделить их от представляющего их знака, уже не будут языковыми явлениями. Нужно, чтобы понятие было

364

лишь значением звукового образа. Понятие становится качеством звуковой субстанции (1962-97 В *Engler*).

Мысль представлена еще более ясно в соответствующих записях Кон-стантена (1693-1697 В *Engler*): «Так, если говорить о материальной стороне, цепочка

звуков будет языковым явлением лишь тогда, когда она будет рассматриваться как материальная основа идеи; но рассматриваемая сама по себе материальная сторона, является материей неязыковой, материей, которая может лишь относиться к исследованию языка, когда оболочка слова представляет собой материю, не являющуюся языковой. Незнакомый язык не является для нас языковым явлением. Следовательно, можно сказать, что материальное слово с точки зрения языка является абстракцией. Как конкретный объект, оно не является частью лингвистики. Следует сказать то же самое о духовной стороне языкового знака. Если различные понятия берутся сами по себе, отдельно от их представителя [представляющего их знака], получается цепочка психологических объектов: [любить, видеть, дам]. С точки зрения психологии можно сказать, что это сложная единица. Чтобы стать частью лингвистики, понятие должно быть лишь значением какого-либо образа. Или, если его включают в область лингвистики, это абстракция. Понятие становится качеством звуковой субстанции также, как звучание становится качеством субстанции понятийной». Две приведенные выше записи требуют двух примечаний: использование термина *абстракция* для обозначения «нереальной вещи» (см. № 70) и использование термина *представитель (representateur)*, технического термина, который Соссюр, должно быть, пробовал использовать для обозначения *означающего* либо *знака*, приближающегося к *означающему*, и который удивительным образом совпадает с *represen-tamen* Ч. С. Пирса (*Jakobson* 1966. 24).

[205] Развитие сравнения принадлежит издателям: Соссюр ограничился указанием границ своего сравнения, сказав, что даже если разделить два элемента химического соединения, то все равно остаешься в той же «области химии»; тогда как, разделив элементы «лингвистической воды», выходишь за рамки лингвистики как таковой (1699 В *Engler*). Возможно, расщепление атома сегодня позволило бы Соссюру найти соответствующее сравнение: расщепляя атом на его элементарные частицы, переходишь от одной единицы, имеющей химические свойства (или которую можно определить по ее валентности и т. д.), к единице, лишенной химических свойств, имеющей лишь свойства физические (массу, кинетическую энергию и т. д.), обязательно присутствующие также и в химической единице, но не превращающие ее в таковую. [206] Выражение «речевая цепочка» чуждо Соссюру: см. выше № 204. [207] Константэн еще раз дает наиболее ясную версию мысли Соссюра:

«Напротив, при разложении лингвистической воды на составляющие выходишь за рамки лингвистики: языковой единицы больше нет. Лишь тогда, когда существует ассоциация, мы имеем перед собой

365

конкретный языковой объект. Еще ничего не было сделано без отграничения этой единицы или этих единств. Их отграничение — операция не полностью материальная, но необходимая или возможная, благодаря присутствию материального элемента. Отграничив, мы сможем заменить слово *единство* словом *единица*» (1699-1701 *EEngler*). Соссюровские *единства* долгое время оставались без более точного названия. *Frei* 1941. 51 предложил название *монема* (определенное тогда как «знак, означающее которого неделимо»), впоследствии получившее признание (*Frei* 1948.69, № 24; *Frei* 1950.162. № 4: «означающее которого нераздельно, то есть его невозможно разделить на меньшие означающие»; *Frei* 1954. 136). В 1960 г. Мартине использовал это название в работе *Elements*, гл. 1, § 9 (*Martinet* 1966.20). Ср. *Sollberger* 1953.

В лингвистической традиции Соединенных Штатов минимальные единства, соответствующие монемам, называются *morphemes* («минимальный значимый элемент высказывания»: *Hockett. A Course. Op. cit.* P. 93).

Лючиди, напротив, исходя из соссюрских позиций, предложил название *iposema* (ср. *Lucidi* 1966. 71-72), использованное в значениях, несколько различающихся между собой и отличающихся от значения, использованного *Lucidi, Belardi* 1959.20; *Godel* 1966.62 (ср. также *De -Майю* 1965. 32, 81, 86-87 и т. д. и *De Mauro* 1967).

[208] Здесь также, в рукописных первоисточниках говорится о звуковой материи, представляющейся нам в качестве «звуковой цепочки», «что немедленно влечет за собой временную характеристику, имеющую лишь одно измерение» (1705 В *Engler*).

Идея, высказанная в последнем предложении, является, грубо говоря, соссюрской, но термин *значения* не встречается в первоисточниках, говорящих о необходимости «ассоциировать идею» с тем, что мы слышим, чтобы «разграничивать»; об использовании означаемого см. ниже № 210.

[209] Первоисточник параграфа — лекция третьего курса (S. M. 83).

[210] Предложение отказаться от значения при рассечении языковых цепочек (монем, или морфем, и фонем) высказывалось Б. Блоком (*Block B. A Set of Postulates for Phonemic Analysis, Lg* 24, 1948. 3-46. P. 5 и ел.; несмотря на всю критику, которую оно вызывает (см.: *Belardi* 1059. 127 и ел.; *Naert P. Limites de la methodes distributionnelle // S. L.* 1961. 15. 52-54), оно было принято *Chomsky N. Semantic Considerations in Grammar, in Meaning and Language Structures // Georgetown Univ. Monograph Series on Language and Linguistics.* 1955. 141-150; *Syntactic Structures. La Haye.* 1957. P. 94, и рассматривалось как научно обоснованное *Martinet* 1966.38-39; *Jakobson R., Font C. G, Halle M. Preliminaries to speech analysis, Cambridge, Mass.,* 1963. P. 11. Помимо критических замечаний Беларди (*Belardi*) и Наерта (*Naert*), см. *Frei* 1954; 1961 и *De Mauro* 1965.135-139, 1967.

[211] «Звуковой» здесь также добавлено издателями: см. *K. O. L.* 44, № 111. 366

[212] Параграф полностью взят из лекции второго курса, прочитанной в ноябре 1908 г. Об изменениях идей Соссюра относительно проблемы единиц и их разграничения см. S. M. 211 и ел.

[213] См.: *Martinet A. Le mot // Problemes du langage. Paris,* 1966. P. 39-53.

[214] См., например: *Frege G. I fondamenti dell'aritmética. Пер. с нем. Geymonat II Aritmética e logica. Turin,* 1948. P. 125; *Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus, 3.3* («Смысл имеет лишь предложение: слово имеет смысл лишь в соотношении с предложением»; несколько измененное повторение утверждения *Фреге* находится в *Phil. Untersuchungen, § 37*, где контекст, придающий смысл, является скорее эквивалентом соссюрской системы, чем предложением). Та же самая идея присутствует у Б. Кроче (Croce B.) *Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale, 1-е изд. Палермо, 1903; 8-е изд. Bari,* 1945. с. 159: «Выражение совершенно неделимо, имя существительное и глагол в нем не существуют, а являются абстракцией, созданной нами путем уничтожения единственной лингвистической реальности — предложения. Предложение нужно понимать не в обычном грамматическом значении, но как средоточие выражения воплощенного смысла, состоящего в равной мере из наипростейшего восклицания и поэтической глубины»; с. 163:

«Впрочем, границы слогов (равно как и слов) являются произвольными и различаются при эмпирическом использовании. Примитивная речь или речь необразованного человека есть непрерывность, лишенная представления о разделении речи на слова и слоги—продукты воображения, созданные для нужд образованного человека».

Ср. с техническими мотивировками у лингвистов: *Lucidi* 1966.69: «Акт речи как акт экспрессивный реализуется только и специфически в знаке, рассматриваемом во всей своей совокупности, а не в одном или нескольких словах, и никогда — в одном или нескольких словах, взятых как таковых. Говорящий выражает свои мысли не потому, что он произносит слова, а потому, что, произнося их, он осуществляет речевой акт: то есть знак означает то, что было выражено, не посредством произнесенных слов самих по себе и для самих себя, а посредством совершения речевого акта. Только речевой акт, состоящий из одного или нескольких слов (если он состоит из одного слова, оно перестает быть словом), является означающим единством, только это единство способно реализоваться в единице, которая может претендовать на то, чтобы называться знаком». Эти идеи Лючиди частично пересекаются с *Prieto L.* 1964. 16, определяющим *про-ело» речевой акт как производство знака, имеющего означающее (Прието, в противоположность Лючиди, допускает возможность анализа означающего в нотах).*

[215] Параграф извлечен из второго курса (S. M. 67).

[216] Глава сформирована большей частью из лекций, прочитанных в начале второго курса (30 ноября, 3 декабря 1908 г.) и посвященных природе языка, рассматриваемой изнутри (S. M. 68). То есть хронологически глава появилась раньше предшествующей. Она должна идти раньше и

367

в плане логики. Ее можно рассматривать как идеальное приближение к конечной редакции соссюрговской мысли: в разговоре с Рид-лингером 6 мая 1911 г. (S. M. 30) Соссюр утверждал по поводу этой «геометрической системы», которой, должно быть, по его мнению, является «общая лингвистика», что в подобной системе «первейшей истиной» будет следующая: «Язык отличается от речи (*parole*)». Это утверждение, несомненно, убедило издателей ввести различие язык — речь в предисловие к *К. О. Л.* Но почему же это «первейшая истина»? Почему необходимо различать *язык* и *речь*? Глава III предисловия к *К. О. Л.* ограничивается показом преимуществ этого различия:

оно, как говорят, обеспечивает гарантию автономности лингвистики. С общей научной точки зрения (а не с точки зрения преподавателей лингвистики), это различие, если единственная причина его существования — обеспечение гарантии автономности лингвиста, является совершенно безосновательным. И для многих, пораженных обоснованием, данным издателями в предисловии *К. О. Л.*, оно предстало именно в таком свете. В действительности, в этой главе можно найти научно обоснованные причины этого различия. Эти причины заключаются в необходимости ответить на вопросы, которые ставит эта глава, прежде всего на первый вопрос, что может рассматриваться как одна из наиболее важных *первых строчек* соссюрговской лингвистики: см. *К. О. Л.* 21 №65.

[217] В действительности, формулировка Соссюра более широкая. Это общая проблема (а не только проблема синхронии) определения оснований, исходя **из** которых можно было бы идентифицировать два факта как два проявления одной вещи, остающейся одной и той же. Проблема встает прежде всего перед

рассудочным разумом одного из лингвистов XIX в., выразившим ее в своих диахронических терминах: что позволяет идентифицировать французское слово *chaud* с латинским словом *calidus*! Этот вопрос и соответствующая дискуссия были отодвинуты издателем на страницу 182, тогда как Соссюр обсуждал **их** в связи с более радикальным вопросом синхронической идентичности (1759 и ел. В *Engler*), сводя диахроническую проблему к проблеме синхронической. Последняя заключается в определении основы, исходя из которой мы идентифицируем (как говорящие или как лингвисты) две фонемы как *экземпляры* одной и той же единицы, как *варианты* одного и того же *инварианта* (*Hjelmslev* 1961. 60 и ел.).

- [218] В этом пункте намерение Соссюра также носит прежде всего разрушительный характер, он стремится посеять сомнения относительно совокупности категорий и определений, имеющих гносеологически-универсалистскую базу, унаследованных современными грамматиками от аристотелевско-рационалистской традиции.
- [219] Соссюр остро почувствовал существовавшую потребность критики традиционных определений *частей речи* (*partes orationum*) и других
- 368

синтаксических категорий (разговор с Ридлингером, процитированный в S. M. 29); начатая им критика была продолжена *Glim* 1947 (взявшим в качестве заглавия, фразу Соссюра, следующую непосредственно за этим примечанием); *Benveniste E. La phrase nominale* // B. S. L. 46: 1, 1950.19-36 (= 1966.51-67); *Pagliari A. Logica e grammatica* // *Ricerche linguistiche*. 1:1, 1950.1-38; *Coseriu E. Logicismo e antilogicismo en la grammatica*, Montevideo, 1957; *Beneviste* 1966. 63-74 и ел. Я позволю себе отослать также к работе *Accusative, transitive, intransitive* // *Rendiconti dell'Accademia nazionale dei Lincei*. 14: 5-6, 1959. 233-258 и к последующей попытке *Frequenza e funzione dell' 'accusative' in greco*, *ibid.*, 15: 5-6, 1960. 1-22. К сожалению, это критическое направление не привлекло внимание лингвистов, которые до Хомского мало интересовались формальным анализом содержания (говоря ельмслевскими терминами) и занимались больше анализом плана выражения. Печальный результат, полученный школой Хомского, заключается в том, что синтаксические исследования, вновь введенные в моду, начали развиваться на основании старых, двусмысленных и причудливых категорий, среди глаголов, «которые проходят», и глаголов, «которые не проходят», агентов и жертв, случайностей акциденций, существенных качеств и т. д. Связь между забвением критики синтаксиса рационалистской традиции и возрождением старых синтаксических категорий появляется, например, у Хомского, который, сославшись на рационалистские тезисы Пор-Рояля, заявляет со всей искренностью: «Повсеместно считается, что эти предложения были опровергнуты или что последующее развитие лингвистики показало, что они не имели практического значения. Насколько мне известно, это не так. Или, скорее, они попросту оказались забыты, потому что и т. д.» (*Problemes du langage*. Paris, 1966. P. 16). См. также *K. O. L. 84*, № 173; *134*, № 265.

- [220] Фраза «Надо попытаться... для приведения в порядок подлежащих ее ведению фактов» в S. M. 116 названа «вставкой». В действительности, ее можно вывести из 1801 В *Engler*.
- [221] Здесь, в плане синтаксического анализа, вновь утверждается принцип «двухплановости» (Ельмслев) языкового знака и единиц, в которых его анали-

зируют (*Miclau* 1966.175): не существует категорий, единиц, классов содержания вне их индивидуализации в плане выражения; но категории, единицы, сегменты не могут быть даже индивидуализированы в плане «звуковой материи», если не учитывать, или делать вид, что не учитываешь (на манер Блока), что последняя может быть разделена на сегменты лишь при ссылке на «значимые элементы». В записях студентов мысль Соссюра еще более ясна, нежели в формулировке издателей:

«Можно ли выражаться категориально? Нет, так как в языке необходима языковая материя; последняя является линейной, всегда будет существовать необходимость ее разделения. Именно таким образом вырисовываются единства... Идея единств, возможно, станет более ясна для некоторых, если говорить о значимых единствах. Но следует настаивать на

369

этом термине *единство*. В противном случае мы приходим к ложной идее и убеждению, что есть слова, которые существуют сами по себе и к которым присоединяется определенное значение. Напротив, именно значение разграничивает слова в мысли» (1802 В *Engler*). См. К. О Л 103, № 204; 105, № 210; 136, № 267.

[222] Об отношении понятий *значимость—означаемое—значение* см. примечание к следующей главе.

[223] Для функционалистского подхода и сравнения с игрой в шахматы к этой фундаментальной соссюрской странице следует добавить некоторые параграфы *Philosophische Untersuchungen* Витгенштейна: например, 6 (конец), 35 (третий абзац), 108. См. № 16, К. О. Л. 30, № 90; 90, № 186-187. О совпадениях у Витгенштейна и Соссюра см., кроме того, *De Майю* 1965. 156,168, 173, 184,202.

[224] Основной первоисточник этого и следующих параграфов главы — серия последних лекций третьего курса, между 30 июня и 4 июля 1911г. Поскольку его аудитория была уже относительно обучена (S. M. 29), Соссюр может начать изложение сложных пунктов своего учения о языке.

[225] Из всех отрывков К. О. Л. этот, возможно, дает наиболее прямое опровержение странного утверждения Н. Хомского (*Chomsky N. Aspects of a theory of syntax*. Cambridge, Mass., 1965. P. 7-8), согласно которому Соссюр грешит «наивным видением языка», придавая «образ последовательности выражений, перекликающийся с аморфной последовательностью концепции»; но если Соссюр и желает что-либо оспорить, то именно такую картину языка. На американской земле прервавший молчание постблумфилдистов Хомский многократно привлекал внимание Соссюра и решительно утверждал наличие связи между позициями и проблемами, которые он относил к лингвистическим, и соссюрскими позициями и проблемами, начиная с признания того факта, что языковая реальность не ограничивается последовательностью *utterances*, *речевых* актов, поскольку наряду с языковым поведением существует язык (*Chomsky* 1965.4). Однако представляется, что он не всегда до конца понимал позицию Соссюра: и перед нами как раз пример тому.

Критика, развитая Ельмслевым, имеет другие основания. Он замечает, что тезис о долингвистической туманности «мысли» можно доказать лишь после «появления языка», так что предложение Соссюра является не более чем «педагогическим мыслительным экспериментом», возможно, эффективным с точки зрения дидактики, но решительно некорректным с точки зрения теории. В действи-

тельности, в связи с тезисом, в защиту которого мы хотим выступить, следует сказать, что нам никогда не встречается содержание мысли, еще не оформленное лингвистически, которое позволило бы нам сказать, является ли мысль до языка бесформенной или нет. Согласно *Hjelmslev* 1961. 49-54 (лучший комментарий отрывка), корректное доказательство соссюрковского утвер-

ждения следует искать не здесь рассуждения датского лингвиста, шее. Вот серия фраз:

jeg ved del ikke I do not know jenesaispas en tieda naluvava non so nescio
. Это доказательство, если принять может представлять из себя следующую-
датский язык английский язык французский язык финский язык эскимос-
ский язык итальянский язык латинский язык

Здесь возникает относительная теоретическая проблема: имеем ли мы право сопоставлять эти фразы и только эти фразы? Не выходим ли мы **из** цдиосинхронии, сопоставляя их? Право, то есть теоретическое обоснование сопоставления, является тем же правом, которое нам дано, когда вместе с Пирсом допускаем, что, имея один знак, всегда можно найти другой, более ясный и понятный: сопоставление двух различных знаков одного языка возможно, поскольку в череде обстоятельств они служат (даже если их означаемые являются разными) для характеристики одних и тех же ситуаций (*referrings*), или, говоря иными словами, имеют одни и те же значения. На этом же основании мы можем сопоставлять знаки, принадлежащие разным языкам. В особенности исходя из существования возможных одинаковых значений, мы можем заключить, что семь строк, приведенных выше, имеют нечто общее. «Этот общий фактор мы называем *смыслам*. Этот смысл, так полагают, существует временно, как аморфная масса, как неподдающаяся анализу сущность, которая определяется только по своей внешней функции, а конкретнее, по функции, по отношению к каждому из лингвистических высказываний, которые мы цитировали» (*Hjelmslev* 1961. 50-51). Этот *purport* (*смысл*) может быть проанализирован различными способами. Для показа разнообразия анализов нам нужно выбрать (мета)язык для описания: Ельмслев (loc. cit.) выбрал английский язык («un» anglais); мы выберем здесь латинский («un» latin) (мы не можем употребить здесь слово «английский» с определенным артиклем (l'anglais), что означало бы реальный язык, который при всей своей гибкости не допускает грамматического варианта / *know it not*, являющегося металингвистическим эквивалентом датской фразы, или *not know-do-I*, являющегося эквивалентом итальянской фразы; по тем же причинам мы не можем употребить «латинский» с определенным артиклем (le latin). Решение проблемы метаязыка, символизирующего означаемые различных языков, решение проблемы «международного семантического алфавита» является решающим для будущего функциональной семантики (или науки о сознании). Такой «международный семантический алфавит» может быть представлен совокупностью научных терминологий (*De Mai-t* 1967. § 7), а поскольку либо они являются латинскими (ботанические термины и подобные им), либо в них преобладают латинизмы, мы

371

выбираем здесь металингвистический символизм латинского происхождения. В металингвистических терминах наши семь фраз будут выглядеть следующим образом:

EGO SCIO ID NON

EGO AG(0) NON SCI(RE)

EGO NON SCI(O) PASSUM
EGO-NON-FACIO SCIRE
NON-SCIENS-(SU)M-EGO-ID
NON SCIO
NON- SCIO

датский язык английский язык французский язык финский язык эскимосский язык итальянский язык латинский язык

Разнообразие семантической «формы», которую принимает purport в различных языках, усиливается тем, что в каждом языке существуют, наряду с указанными нами, другие фразы, имеющие возможность обозначать то же самое (итальянское: /о поп со, поп то со I'ignoro, forse и т. д., французское: /e η 'en sais rien (я ничего об этом не знаю), Je ne le sais pas (я этого не знаю), j'ignore (мне это неизвестно) и т. д.), и что в каждом языке серия этих фраз такая же разная, как и парадигматические связи, присущие каждому из элементов этих семи фраз. «Таким образом, мы видим, что несформированный смысл, который можно извлечь из всех этих лингвистических цепочек, формируется по-разному в каждом языке. Каждый язык устанавливает свои собственные границы внутри аморфной "мысленной массы" и выделяет разные факторы в ней при разных порядках, переносит центр тяжести в разные места и придает **им** различные акценты... Как один и тот же песок может быть всыпан в разные отверстия, и одно и то же облако каждый раз может принять новые формы, так и один и тот же смысл формируется или структурируется по-разному в разных языках. Смысл остается всякий раз субстанцией для новой формы и не имеет иного возможного способа существования, кроме как являться субстанцией для той или иной формы. Таким образом мы узнаем в лингвистическом *содержании*, в его процессе специфическую *форму*, *форму-содержание*, которая независима от смысла и выступает по отношению к нему арбитром и преобразует его в содержание-субстанцию» (Hjelmslev 1961.52). Разнообразие серии знаков, сосуществующих одновременно со знаком, указанным для каждого из семи языков, базируется на разнообразии «*system of content*», о которой можно сказать то же самое: система форм, в которых организуется масса возможного опыта, система означаемых, присущих лексическим и/или грамматическим монемам, изменяется от одного языка к другому. Или еще, каждый язык на свой манер, в соответствии с присущей ему системой форм, превращает возможный опыт в субстанцию содержания (*content-substance*). «В этом смысле Соссюр однозначно прав, устанавливая различие между формой и субстанцией» (Hjelmslev 1961. 54).

[226] Абзац взят из второго курса (1830 В Engler). Об этом полезно напомнить, поскольку, по одному пункту он, возможно, не выражает
372

конечной мысли Соссюра, а лишь содержит один из моментов отрывка. Речь идет о выражении «в некотором роде таинственному явлению»: действительно, организация языковой системы кажется, и не может не казаться, таинственной вне социального окружения, в котором она находится, и, говоря шире, функционирование речевой деятельности (Соссюр говорит в абзаце о *речевой деятельности (langage)*: язык (*langue*)—это замена издателей) невозможно понять без социального контекста (De Mauro 1965. 152 и ел., 169 и ел.). После настойчивых утверждений о связи языка и общества, относящихся к 1894 г. (след этого можно найти в последних абзаца К. О. Л. 80), исключительно социальный аспект языка и рече-

вой деятельности отходит на второй план, Соссюр начинает интересоваться методологическими проблемами лингвистики и другими вопросами. В течение второго курса, как это уже отмечалось (*De Mai-go* 1965. 153 и ел.), Соссюр вновь говорит о социальном характере семиотических явлений, но полное подтверждение исключительно социального аспекта языка и речевой деятельности находим лишь в майских лекциях 1911 г. (S. M. 85-86, № 125-129), взятых за основу для главы о неизменчивости и изменчивости знака (*К. О. Л.* 74 и ел.). [227] В рукописных первоисточниках говорится: «Замечательно то, что язык-мысль (или мысль-язык) предполагает разделение на конечные единства лингвистики. Звук и мысль могут дополнять друг друга лишь через единства, что можно сравнить с двумя аморфными массами: водой и воздухом. При перемене атмосферного давления поверхность воды разделяется на последовательность единств (волна = промежуточная цепочка, не формирующая субстанцию). Эта волна представляет собой связь, или, если можно так выразиться, "спаривание" мысли с этой звуковой цепочкой, которая сама является аморфной. Их соединение порождает форму. Поле лингвистики — это поле, которое в обобщенном смысле можно было бы назвать общественным полем сочленений, или *articuli* (лат. *суставов*), маленьких звеньев, в которых мысль обретает сознание (значение? Бушарди: вариант значение подтвержден Константэном, 1832 E *Engler*) через звук. Вне этих сочленений, этих единств, занимаешься либо чистой психологией (мысль), либо фонологией (звук)» (текст Ридлингера процитирован по: S. M. 213-214, а также, конечно, у Энглера).

Соссюровское понятие языка как формы является прямым и заявленным предшественником языка-схемы Ельмслева: см. *К. О. Л.* 15, № 45. Понятие имеет, в свою очередь, предшественника—концепцию языка Гумбольдта, как это часто отмечалось (см. с. 383), в противоречие утверждению Фишера *Иёргенсет* (*Fischer Jorgensen*. 1952. 11).

Что касается знаменитого сравнения с листом бумаги, комментировавший его Вандриес (1952. 8) подчеркивал его валидность, выражаясь психологическим термином; Вартбург и Ульманн (1962. 157)

373

связывают точку зрения Соссюра с гипотезой Сепира—Уорфа. Однако отмечается, что в гипотезе Сепира—Уорфа мысль не имеет автономного существования вне языка, а следовательно, поскольку языки отличаются друг от друга, то, что мы называем мыслью, должно быть различным у различных народов. Соссюровской концепции удалось избежать этих невероятных последствий, поскольку Соссюр ограничился утверждением, что мысль вне языка является лингвистически аморфной. Соссюр не отрицает существования фонации, независимо от языков (напротив, он сторонник прав науки о фонации на независимость), не отрицает и существования способа восприятия, идеализации и т. д., независимо от языков и возможности изучения их психологией: здесь заключается явное различие с тезисами Уорфа (*Whorf*).

[228] О понятии произвольности см. выше/*С. О. Л.* 70, № 137-138.

Последняя фраза абзаца — пример неудачной редакции подлинной мысли Соссюра. В первоисточниках, с которыми издатели ознакомлены (кроме того, подтвержденных тетрадями Константэна), говорится: «Но значения остаются совершенно относительными, поскольку связь является совершенно произвольной» (1841 В *Engler*). Иными словами, прежде всего идет полная произвольность, а относительность значений означающих и означаемых (*articuli* двух аморфных масс) является следствием. В 1840-1841 E *Engler* говорится с еще

большей ясностью: «Если бы это не происходило произвольно, понадобилось бы ограничить эту идею значения, существовал бы абсолютный элемент. Без этого значения были бы в определенной мере абсолютными. Но, поскольку это соглашение совершенно произвольно, значения являются совершенно относительными». В редакции издателей относительность значений идет прежде, «.. вследствие чего,—добавляют они, — связь... произвольна...».

[229] Об исключительно социальном аспекте языка см. выше № 226 и К. О. Л. 74-80 и примечания. Следующий абзац стал основой происхождения понятия «семантическое поле»: Ullmann 1959. 78 и ел.

[230] См. выше №224.

[231] В переводе К. О. Л. на итальянский язык слово значение (*signification*) было обозначено как *significazione*. Этот термин получил в дальнейшем широкое признание (несмотря на то, что он чужд общим основам итальянского языка и, значит, является техницизмом), как и образованное от него прилагательное *significazionale*, наряду с другой парой: *sig-nificato* и *significative*) и в качестве ее противоположности. Перевод и использование терминов базируется на принятии трактовки Burger 1961 и теоретических тезисов Prieto 1964 (о различии между *означаемым* (*signifie*), абстрактным классом значений, находящимся в языке, и смыслом, или значением (*signification*), конкретным индивидуальным использованием *означаемого*, «особым социальным отношением, установленным посредством семического акта»),

374

Годель (S. M. 241-242) утверждал, что значение (*signification*) и смысл (*sens*) являются синонимами означаемого (*signifie*) (отмечая, однако, некоторое сопротивление в текстах), и заявил в конце концов, что «бесполезность слов *смысл*, *значение* бросается в глаза» (см. также S. M. *signification*), поскольку Соссюр хотел обозначить этими терминами либо *означаемое*, то есть значимость, либо понятие, принятое посредством абстракции, то есть нечто чуждое языку. Burger 1965. 5-8 показал, что нет сомнения в том, что Соссюр хотел четко различать значение и значимость (о чем свидетельствует утверждение из третьего курса, использованное здесь издателем: «Значимость не есть значение», 1854 В Engler) и различал значение и означаемое: фраза К. О. Л. 116 («Немецкие глаголы *schätzen* "ценить" и *urteilen* "судить" представляют совокупность значений, соответствующих в общем и целом значениям французских слов *estimer* "ценить" *njuger* "судить"»: правильное повторение из 1888 В Engler), поскольку для Соссюра одно означающее может иметь лишь одно означаемое, дает понять, что Соссюр говорил о «совокупности значений», «значения» одного слова являли собой нечто иное, нежели его означаемое. Фраза, оставляющая некоторые сомнения у Бюргера (1834 В Engler: «Знак является двойным: значение/слоги»), думающего, что, возможно, различие не было еще ясным для Соссюра во время второго курса, напротив, дает нам последующее подтверждение. Мы хорошо знаем, что «слоги» для Соссюра являются реальностью «фонологической», и не языковой. *à речевой*; а значит, Соссюр не случайно говорит о «значениях» в связи со «слогами», а не «понятиями» (этот термин во втором курсе еще не был заменен термином *означаемое*: см. выше № 128). Так что, как это увидел Бюргер, «значение» для Соссюра является эквивалентом фонации (*звучание* (*phonic*) у Прието), то есть оно есть реализация *означаемого знака*, осуществленная на уровне речи, исполнения. Тезис Бюргера был принят Гodelем (Godel 1966. 54-56), справедливо объединившим утверждения Бюргера с утверждениями Балли (Bally 1940. 94—195) и писав-

шим: «Мы видим, что А. Бюргер, относя, как и Балли, значение к "речи", отношение его со значимостью рассматривает иначе. Вероятно, он присоединяется к концепции Соссюра и в данном вопросе добровольно сдается на его милость. Тем не менее идею Балли стоило бы запомнить: совершенно верно, что в речи означаемые согласуются с реальностью данного момента, и то, что получается при этом согласовании, возможно, лучше было бы называть значением... То есть можно признать *значимость* за каждым элементом, принадлежащим языковой системе, включая фонемы [конечно, не в соссюрловском понимании этого термина, а в современном], ударение и т. д. Значение при этом, прежде всего, принадлежит высказыванию. Оно не происходит единственно из значимостей, использованных для составления сообщения, то есть из означаемого фразы: оно зависит также от ситуации, отношений говорящих, от их общих забот». Как

375

видим, развивая независимо от Прието соссюрловские идеи, интерпретированные Бюргером, Годель присоединяется к позициям *ноологии* Прието в том, что касается отношения *значение—означаемое*.

С точки зрения более тонкого лингвистического анализа, Соссюр отвечает требованию, подчеркивавшемуся многими логиками, требованию различать: а) конкретное обозначение, посредством знака, отдельного объекта, и б) способ, коим знак предлагает нашему субъективному представлению этот объект или всевозможные другие объекты. Знак *Венеры (Venus)* обозначает разные вещи, в зависимости от того, отсылает ли он к звезде, мерцающей в небе, или к ослепительной девушке, проходящей по улице; в первом случае он может обозначать одно и то же с другим знаком—*утренняя звезда*. Однако *утренняя звезда* может иметь значения, которых не имеет *Венера*, и наоборот:

это подразумевает, что два знака, в силу их различного обозначающего потенциала, при наличии сходных обозначений предлагают их различным образом. Различие между конкретным обозначением и тем, каким образом это происходит, выражено Соссюром как: а) *значение* (или *смысл*) и б) *означаемое*. Г. Фреге увидел это еще до Соссюра. В своей работе *Über Sinn und Bedeutung (О смысле и значении)* II Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 100.1892.25-50. P. 26 он различает: а) *Bedeutung* (значение) и б) *Sinn* (смысл), обсуждая проблему, уже поставленную Больцано (ср. *Egidi R. Ontologia e conoscenza matematica. Un saggio su G Frege. Roma, 1963. С. 213 и ел.*). Четкое разграничение Соссюра к сожалению часто размывается при плохом переводе: так, С. *Ogden*, переводя *Tractatus Витгенштейна*, передает *Bedeutung* как *meaning*, вместо *referring* или чего-либо подобного, как справедливо предлагает *Anscombe G E. M. Intmd. al Tractatus. Roma, 1966. С. 13*. О связи между *значимостью* и системой см.: *Ipsen 1930.15-16; Чикобава 1959.102-104; Christensen 1961.179-191*, а также уже упоминаемую статью Балли (*Bally 1940. 193 и ел.*).

[232] По поводу этой последней фразы, выражающей точку зрения Соссюра, но не присутствующей в таком виде в рукописных первоисточниках (1897 В *Engler*), *Martinet 1955.47* отмечает, что она не предполагает, что поле распространения языковой единицы (Мартине подразумевает, в частности, фонему) находит свои границы лишь в других единицах *языка*: норма реализации есть другая граница. То есть язык является не только совокупностью дифференциальных характеристик единиц (на уровне фонем — не только совокупностью того, что является фонологически существенным), как считал Трубецкой, *Принципы*, 1-15, но он является и совокупностью всего того, что является произвольным, то есть не

только дифференциальных комплексов, но также, на уровне фонем, групп вариантов. В целом он представляет собой сум-'му языка-схемы и языка как нормы реализации у Ельмслева (см. *К. О.Л. /5, №45*). Сходные мысли *СМ.уCoseriu 1952= 1962.90*исл.

376

- [233] По мнению Малмберга 1954. 11-17, этот параграф, и в особенности страницы 163-164, представляют собой лучший отрывок *К. О. Л.*
- [234] О понятии «нуль», помимо *Alen 1955* и *Haas 1957. 34,41, 46, см. 286*. Озабоченный «легионом фантазмов», порожденным соссюрской теорией нулевого знака (другие классические пассажи: *К. О. Л. 88, 138, 186*}, Гodelь (*Godel 1953*) подчеркивает, что нулевой знак—это не отсутствие знака, а имплицитный знак, то есть знак, означаемое которого выявляется из отношений, свойственных памяти, и/или дискурсивных (используя терминологию А. Фрея), а означающее которого не допускает звуковой реализации. *Якобсон 1939. 143-152* искал семантическую противоположность нулевому означающему. Гodelь замечает, что в плане означаемого возможны лишь нейтрализации (*Godel 1953.31, № 1*). В пользу тезиса Якобсона можно, однако, привести в качестве примера итеративные фразы римского диалекта: весьма известный пример — начало *Scoperta de l'America C. Pascarella* («Ma che dichì? Ma leva mano, leva!»), где, предположительно, неоднократное повторение *leva* имеет определенное значение. Но есть и такие примеры, как: *Si t 'acchiappo, sitta, Ma I 'hai sentito, I 'hai? So 'venuto da casa, so;* в этом случае повторяющиеся слоги имеют лишь одну функцию — ритмическую, они являются означающими сегментами нулевого означаемого.
- [235] Другой важный отрывок для разъяснения понятия языка как чистой формы, как языка-схемы Ельмслева см. в № 45.
- [236] В рукописных первоисточниках отрывка говорится о «фонических элементах», или «звуковых», но не о «фонемах», этот термин введен здесь и в других местах издателями для обозначения функциональных единиц: см. № 111.
- [237] Например, в итальянском языке широчайший диапазон в плане места артикуляции для реализации фонемы *hi*, так же как и во французском языке; или возможность произносить звук /j/ и как глухой, и как звонкий в таких словах, как *pied, chiave* и т. д.
- [238] Соссюр повторяет здесь высказывание из *К. О. Л. 31*, обобщая его. К семиотическому исследованию письма привлекали внимание *Va-chek 1939* и особенно, с 1943 года, Ельмслев (*Hjelmslev 1961. 105* и библиография). Другие библиографические указания по данной теме см. в *Lepshy 1965. 28-29* и примечание.
- [239] О первоисточниках см. выше № 224.
- [240] В отношении редакции этого отрывка заметим, что прилагательного «звуковые» нет в рукописных первоисточниках. Соссюр говорит о «различиях означаемых» и «между означающими», то есть между классами абстрактных единиц: см. № 111.
- [241] По мнению Гodelя (*S. M. 117*), со слов «смысловые различия» до конца абзаца речь идет о вставке издателей; он напоминает заключительную фразу *К. О.Л. 121*, также, по его мнению, добавленную издателями. В действительности, 1942-1943 В *Engler* (записи Рид-лингера) показывает, что фраза «Доказывается... изменение» имеет

полностью идентичного двойника в первоисточниках, где сказано: «Как и для всех значимостей, зависящих от социальных факторов, дать представление о знаке может не то, что входит в языковой знак. Это лишь использованная материя; значение может меняться при неизменности элементов».

Присутствие этого двойника в рукописных первоисточниках интересно не только с точки зрения филологии;

речь идет об отрывке, имеющем теоретическое значение: он подразумевает, *in ipse*, тот диахронический структурализм, за пренебрежение к которому общественное мнение упрекало Соссюра (см. А: О. Л. 55, № 176).

[242] Отрывок имеет большое теоретическое значение. Сочетание означающего и означаемого, то есть, знак является реальностью позитивной;

это значит, что он выступает «конкретной единицей». Но этот конкретный аспект есть результат сложной операции по систематизации (и соединению) в абстрактные классы звучаний и конкретных значений. Между знаками существует отношение противоположности, которое Соссюр стремится рассматривать как отличное от отношения различия (Тwi 1952, S. M. 196 и ел.).

Последняя фраза отрывка («Это даже единственный вид...») добавлена издателями: 1949 В *Engler*.

[243] Именно в этом заключается феномен функциональной индивидуализации, отвечающий всеобщему требованию экономии, посредством которой часть элементов, получающих новую жизнь в определенной языковой фазе, становятся функциональными, различающимися в следующей фазе. На фонематическом уровне это случай с феноменами фонематизации комбинаторных вариантов: так, в латинском языке V в. [fl] и [k] были комбинаторными вариантами (артикуляциями дополнительного распределения, первая из которых появлялась всегда только перед палатальными гласными, перед которыми никогда не появлялась [k]; в итальянском языке, после диахронических чередований (латинские /kl/ и /kw/, дающие /k/ перед *W* и /e/, как в *chi*, *che*, *inchino*; галлицизмы, испанизмы, арабизмы, пришедшие с *eu-*, *oid-*, *c/n-*; преобразование множественного числа по аналогии на *-chi*; переход от латинского /kjo/, /kja/ к /tjb/, /tfa/ и т. д.), окклюзивная артикуляция и артикуляция аффрикатов в конце концов получили возможность появляться в таких же фонематических контекстах, так что появились минимальные пары (/ki/ и /t|i/, /'kimitfi/ и /t(imit)i/, /bruka/ и /brutfa/ и т. д.), и различие между двумя артикуляциями стало фонематически существенным.

На лексическом уровне явления функциональной индивидуализации имели место в недавней истории итальянского языка, например, в семантическом различии *coltura* и *cultura*, *la fronts* и *il'fronts* и т.д. (об этих и других случаях см.: *De Mauro. Storia linguistica dell'Italia unita. Op. cit.* P. 31,178,260). Классический случай функциональной индивидуализации представляет собой история происхождения слова *missa*, «месса»: в

378

позднем латинском V в. заключительная фраза религиозной христианской службы, *lie, missa est*, была калькой греческой фразы πέμπεται, «это послано», подразумевающей святое причастие, посылаемое в конце мессы больным и отсутствующим. Обычай был утрачен, но формулировка сохранилась в религиозном употреблении, хотя смысл ее уже был непонятен, и причастие прошедшего времени *missa* было взято как существительное, дав жизнь слову женского ро-

да *missa* (см.: *Pagliari* A. *Altri saggi di critica semantica*. Messine; Florence, 1962. P. 129-182). Следующая фраза добавлена издателями (1957 В *Engler*) не без причины.

- [244] По мнению Теньера (Tesniere) 1939. 174, источник происхождения пражской фонологии раскрывается в этом отрывке; о проблеме отношений последней с Соссюром, см. выше 284 и *К. О. Л.* 39, № 103; 40, №105; 72, №145; 55, №176.
- [245] Здесь также *язык* — это чистая форма, «схема» Ельмслева: см. № 45.
- [246] Первоисточники этого параграфа—лекция, прочитанная в январе 1909 г. в течение второго курса (S. M. 72-73, прим. 74 и 75), и две лекции от 27 и 30 июня 1911 г. из третьего курса (S. M. 98-90, прим. 143-147). Соссюр вновь упоминает (*К. О. Л.* 18 и 20 и см. № 56 в *К. О. Л.* 18) о способности «объединять» звуковую и смысловую субстанции, способности, лежащей в основе языка. Такая «способность ассоциации и координации» проявляется через образование «групп» слов: однако, уточняет Соссюр (1892 В *Engler*, что не попало в текст издателей), под «группой» мы понимаем как «отношение» между *contre* (против), *contraire* (противоположный), *rencontrer* (встречать) и т. д., так и отношение между *contre* (против) и *marche* (ходьба) в *contremarche* (движение в обратном направлении). Или еще (как это уточняется в лекции второго курса: S. M. 72), в первом случае мы имеем «ассоциативные единства», или «группы в значении семьи», а во втором—«дискурсивные единства», или «группы в значении синтагмы». *Jakobson* 1967. 8-9. 19-20 указывает на Крушевского как на источник идеи двойного типа отношений.
- [247] Используя термин второго курса (см. выше № 246), *Freil* 1929.33 предлагает определять синтагматические отношения как «дискурсивные». Следует заметить, что издатели находят в первоисточниках (не используя его) термин «структура» для обозначения того, что они называют «речевой цепочкой» (1986 В *Engler*): см. № 259.
- [248] *Frei* 1929. 33 предлагает определять ассоциативные отношения как «относящиеся к памяти» («memoriels»). В употреблении закрепился термин *парадигматический*, отсутствующий у Соссюра, но сама идея подсказана отрывками, в которых флективные парадигмы приводятся в качестве типичных примеров ассоциативных отношений: см., например, *К. О. Л.* 126, 130, 136. О связи между ассоциативными и синтагматическими отношениями см., помимо прочего, *Vendryes* 1933. 176

379

(=1952.30); *Ombredane* 1951.280; *Spang—Hanssen* 1954.101-103; *Lep-shy* 1966. 46-48.

[249] См. выше № 246.

[250] В рукописных первоисточниках Соссюр, имеющий сомнения по данному вопросу (см. ниже № 251), ограничивается простым упоминанием («такие выражения, как *s'II vous plait* (пожалуйста)» 2014 В *Engler*). Другие примеры принадлежат издателям (вероятно, подразумевающие синтагмы, которые с точки зрения семантики представляют собой выкристаллизованные метафоры, лишённые смысла). Отметим недостаточно строгое использование в отрывке термина *значение* (см. № 231).

[251] Это одно из «незащищенных» мест в соссюрской концепции, и нам следует поблагодарить издателей, которые в данном случае не пытаются скрыть неуверенность Соссюра. Причины этой неуверенности указаны с достаточной ясностью. С одной стороны, протяженные комбинации синтагм подвержены ва-

риациям в том, что касается места конструктивных элементов, вариациям, зависящим от индивидуального свободного выбора: то есть синтагмы определенной протяженности, и в особенности фразы, будучи объектами свободного индивидуального выбора, по-видимому, принадлежат к области речк (*К. О. Л. 21, № 63; 22, № 67*). С другой стороны, не только минимальные элементы (монемы), но и синтагмы, такие как *cheval* (лошадь). *Le cheval* (лошадь (с определенным артиклем)), *Il est a cheval* (он сидит верхам) и т. д., принадлежат к перечню, хранящемуся в памяти, а значит, по-видимому, принадлежат языку. Есть еще один, более утонченный факт: даже если данная синтагма может быть незнакомой для индивидуума, синтагматический «тип» принадлежит языку. Например, даже если существительное *chomskisation* («хомскизация», производное от Хомский) никогда не использовалось, оно принадлежит языку, поскольку оно образовано согласно определенному синтагматическому «типу». Однако, утверждает Соссюр, «во фразе будет происходить так же» (2021 В Engler): правильные модели, общие типы фразы принадлежат языку. В этом смысле все возможные синтагмы, включая фразы, по-видимому, принадлежат языку. В том же смысле, в котором фразы принадлежат языку, два других данных факта, находящиеся в *К. О. Л.* и подтвержденные рукописными первоисточниками, свидетельствуют: 1) в *К. О. Л. 22* (=258 А В С Е Engler) утверждается, что если использовать выражение, записанное Константаном, что «когда мы имеем перед собой мертвый язык, его организм находится здесь, хотя на языке никто не говорит»: ясно однако, что мертвый язык дан нам через фразы, представляющие собой нечто иное, нежели речь; 2) в *К. О. Л. 27* (=258 Engler) утверждается, что речь включает в себя «...индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих». А первоисточники

добавляют: «индивидуальные комбинации, **фразы**, зависящие от воли индивидуума и отвечающие на его индивидуальную мысль» (258 Е Engler); или еще, фразы и синтагмы принадлежат речи в той мере, в какой они зависят от индивидуальной воли, а значит, не принадлежат речк во всей своей реальности. Колебания соссюрговской мысли по данному вопросу тщательно проанализированы в *S. M. 168-179*. Как это уже делал *Wells 1947. § 19*, Гodelь попытался дополнить соссюрговскую мысль, взяв, так сказать, основное направление ее эволюции. Оно, несомненно, совпадает скорее со вторым из двух путей, чем с первым: путь, согласно которому **все** синтагмы, включая фразы, принадлежат языку «потенциально». Гodelь (*S.M.I 78-179*) цитирует «глубокое замечание, сделанное относительно создания по аналогии», то есть утверждение из первого курса: «Так, слово *in-decorable* (*decorer* — украшать, *in-decorable* — "то, что невозможно украсить" ^ потенциально существует в языке, и реализация его является фактом, ничего не значащим в сравнении с существующей возможностью его образования» (Гodelь впоследствии усовершенствовал свой пояснительный теоретический тезис: *Godel 1970*; в том же роде *Amacker R. La sintagmatica di Henri Frei // La sintassi. Atti del III convegno internazionale di studi della Societa di Linguistica italiana (Rome 17-18 mag. 1969). Рим, 1970. С. 45-111*). Соссюр стремится рассматривать с этой «глубокой» точки зрения все синтагмы: «Мы говорим не иначе как синтагмами, и возможный механизм состоит в том, что мы имеем эти типы синтагм в голове» (2073 В Engler). (Применение этой точки зрения является синхроническим, а не диахроническим, как это утверждает *Lyins 1963. 31-32*, впрочем, вполне уловивший связь с Хомским). Действительно, мы не случайно говорим «фразы языка»: фразы принадлежат языку, как и другие составляющие элементы. Тот факт, что

мы встречаем здесь, как и вообще в синтагмах определенной протяженности, определенную свободу расположения, не должен препятствовать признанию их существования в языке: так же как и на уровне монем можно встретить выбор между двумя различными фонематическими последовательностями, являющимися монематическими эквивалентами (алломорфами), например, в итальянских парах *devoldebbo, tralfra* и т. д. или во французском языке *jereuxljepuis* и т. д. на уровне синтагм можно встретить два варианта последовательностей, монематически различных, но эквивалентных синтагматически. Итак, допустив, что две следующие фразы действительно являются эквивалентами с точки зрения означаемого (что было бы доказано, если бы все возможные значения первой были бы значениями второй и наоборот), *ifratelli e le sorelle sono arrivati, sono arrivati ifratelli e le sorelle*, мы получили бы две фразы, находящиеся между собой в аллосинтагматических отношениях. Разработка теории фразы как языкового факта находится 381

на начальном этапе и в том, что касается плана содержания, связана с независимыми исследованиями Теньера, Прието и Хомского. Что касается плана выражения, она была разработана в США постблум-филдистами: см., например, *Hockett. A Course. Op. cit.* P. 199 и ел., 307 и ел.

Возможно, что проведение этих исследований в отдельных языках принесет неожиданные результаты, в том смысле, что даже в таких языках, как итальянский, по общему мнению, характеризующихся большой синтагматической свободой на уровне фраз, количество действительно аллосинтагматических фраз (или действительно эквивалентных с точки зрения означаемого, в уточненном выше смысле) окажется гораздо меньшим, чем этого можно было бы ожидать.

[252] См. № 246.

[253] Об ассоциативных отношениях в памяти см.: *Frei* 1942; *Bresson* 1963. 27.

Идея ассоциативных полей оказалась плодотворной в семантике для структурного подхода к лексике: *Weisgerber* 1927, 1928; 5a // >'1940; *Wartburg—Ullmann* 1962. 156; *Lyons* 1963. 37 и ел. Фрейдистская теория *lapsus linguae* может рассматриваться как клиническое подтверждение лингвистической теории Соссюра (см., например *Фрейд* 3. Психопатология повседневной жизни). Затем исследования Юнга о языковых ассоциациях (*Jung C. G. Studies in Word-Associations*), рассматриваемых уже не как патология, а как явления физиологические и нормальные, и множество психологических исследований данного направления, имеющих большое значение для лингвистов (см.: *Miller. Langage et communication. Op. cit.* Chap. IX. P. 236-251), подтверждающих *ad abundantiam* (лат. е избытке) фундаментальное предчувствие, унаследованное Соссюром от Крушевского.

Godel 1953.49 напоминает, что серия ассоциаций, основанных просто на фонематических пересечениях (*enseignement—clement—juste-ment... «образование—милосердный—справедливо»*), в рисунке на с. 126 добавлена издателями; это не совсем верно, даже если примеры и принадлежат издателям, фундаментальная идея принадлежит Сос-сьюру, утверждавшему, как показывают первоисточники: «Может иметь место ассоциация просто с названием означаемого: образование, просвещение, обучение, воспитание и т. д., а также другие. Может иметь место простая совокупность звуковых образов: *blai* (синий), *durchblauen* и т. д.» (2026 В *Engler*). Пример *blai—durchblauen* был использован издателями в примечании на страницах 174 и 238.

[254] Тезис Соссюра был оспорен Якобсоном, который считал, что номинатив, бу-

дучи нулевым случаем, должен располагаться на первом месте в флективных парадигмах (*Jakobson* 1966. 49).

- [255] Параграф имеет множество источников: лекция первого курса о зависимости значимости элемента от синтагматического контекста (S. M. 59, № 27); две лекции второго курса (11 и 14 января 1909 г.) о связи в

382

«механизме состояния языка» между синтагматическими (или *дискурсивными*) и ассоциативными (или *интуитивными*) отношениями (S. M. 72-73, № 74 и 76); лекция третьего курса об уже использовавшихся синтагмах в *К. О. Л. 123-125* (S. M. 89, № 143).

- [256] Первый и второй абзац представляют собой типичное для издателей нагромождение элементов, частично неподлинных (выражение «звуковые и смысловые различия» настолько же дорого издателям, насколько оно чуждо Соссюру: S. M. 113 и см. № 131), частично соссюр-ского происхождения; например, выражение «синтагматические единства» (или «ассоциативные»), о которых см. 2105 В *Engler*.
- [257] Последняя фраза абзаца добавлена издателями (2053 В *Engler* и S. M. 117) и базируется на любопытной двусмысленности. Соссюр говорит весьма ясно, что синтагма *roulis* анализируется как *mult is*, и уточняет: «+ потому что, как всегда есть чередование, x потому что *roulis* есть результат, в котором *roul* и *is* есть факторы» (2053 В *Engler*). Исходя из этого, издатели приписали Соссюру другую идею о том, что значимость синтагмы зависит не только от суммы и продукта ее составляющих, но также и от отношения между всей суммой—продуктом и составляющими. Двусмысленность повторяется в *К. О. Л. 132*, второй абзац: «...*dix-neuf* (*девятнадцать*) солидарно... синтагматически со своими элементами *dix* (*десять*) и *пей'* (*девять*)». Отметим также, что первые слова следующего абзаца («Это есть общий принцип...»), как и три первые фразы следующего абзаца являются относительно безосновательными добавлениями издателей. В особенности в последнем абзаце параграфа допущенное замечание (состоящие из одной ремы или одной монемы фразы типа *да, нет, уже*), имеет мало смысла: так же как мы говорим, что монемы состоят из фонем, даже если и существуют монемы, состоящие из одной фонемы, мы можем говорить, что синтагмы состоят из монем, даже если и существуют фразы, состоящие из одной монемы.
- [258] Первоисточники параграфа — две лекции второго курса (S. M. 72-73, № 75-76).
- [259] В последнем абзаце параграфа находим одно из многочисленных не Соссюру принадлежащих употреблений терминов *фонема* и *фонологические элементы*; в этом случае, несмотря на необоснованность вставки, ясно, что отрывок такого рода в немалой степени способствовал разработке теории коммутации фонем (см. № 131). В рукописном первоисточнике (2079 В *Engler*) говорится лишь об *элементах*. Несколько далее появляется термин *структура*, который, именно в этом отрывке, не встречается в рукописном первоисточнике (2086 В *Engler*), но который, несомненно, используется Соссюром в этом смысле в других отрывках: см. № 247 и *К. О. Л. 178* (2969 В *Engler*) и 186 (2807 В *Engler*). То есть термин несомненно соссюр-ский: утверждение, что Соссюр не употреблял термина *структура*, является неточным (*Benveniste* 1962 = 1966, 92, но Бенвенист прав,

говоря, что для обозначения системы Соссюр использует не термин *структура*, а как раз термин *система*: см. ниже), как и утверждение, что он использует его, чтобы потом от него отказаться (*Mounin* 1966.24): в действительности, как это показано с очевидностью, еще большей, чем в *К. О. Л. 178*, Соссюр скорее имеет некоторые сомнения относительно термина *конструкция*, чем относительно термина *структура*. С другой стороны, Кукенхейм ошибается, говоря о Сос-сюре: «Из его теории вторая треть XX в. запомнит прежде всего магическое слово *структура*» (*Kukenheim* 1962. 94). Во второй трети XX в. использование термина *структура* было очень широким, в масштабах гораздо более значительных, нежели умеренное употребление его Соссюром, не использовавшим этот термин как одно из ключевых слов (см. *Benveniste* цит.).

Оно обозначает всегда линейное сочетание, синтагму, т. е. оно используется скорее в духе «американского», чем «европейского» структурализма. Следует заметить, наконец, что во всех отрывках рукописей или *К. О. Л.*, где появляется слово *структура*, слово всегда обозначает синтагматическое, линейное объединение, то есть оно используется скорее в «американском значении», чем в значении европейского структурализма.

[260] Первоисточники параграфа—две лекции третьего курса, май 1911 г. (S. M. 84, № 121).

[261] В рукописных первоисточниках (2100 В *Engler*) приводится пример *se-* во французском языке (*separer* (отделять), *seduire* (обольщать), *selection* (отбор)), по поводу которого Соссюр задается вопросом, «в какой степени .она [приставка] существует» как «известная приставка».

[262] Об относительной произвольности см.: *Bally* 1940; *Catalan Menedez Pidal* 1955. 18; *Завадовский* 1958; *Wartburg—Ullmann* 1962. 129; *Antal* 1963. 81; *Jaberg* 1965. 146. Прочие замечания в работе *Штат* 1959. 86 и ел.

[263] Утверждение последней фразы абзаца принадлежит издателям (2112, 2114В *Engler* и S. M. 117-118), но весь остальной параграф, столь ясно очерчивающий историческое видение лингвистической динамики, отражает рукописные записи лекций.

[264] Исследование лексикологических и грамматических языков было успешно продолжено: сравнение между немецким языком, являющимся грамматическим, и французским, лексикологическим, было продолжено *Bally*. *Ling. gen. Op. cit.* P. 341-345; *Wartburg W.* La posizione della lingua italiana. Florence, 1940. P. 93 и ел., напротив, сравнивает французский язык, в большей степени лексикологический, и итальянский, в большей степени грамматический. Утверждения Соссюра и понятие языковой экономии, разработанное Мартине по следам Соссюра, предоставляют более точные теоретические рамки типологических исследований, учитывающих факты и объективные методы научной лингвистики.

384

[265] Первоисточники параграфа — две разные лекции второго курса: S. M. 72 (№ 73) и 73-74 (№ 80).

[266] Об осторожном отношении к использованию термина *историческая* по отношению к *грамматике* см. *К. О. Л.* 20, № 46; 116.

[267] Первоисточники параграфа — несколько лекций второго курса: S. M. 72 (№ 73) и 73 (№ 76-78). С точки зрения методики синтаксических исследований,

утверждения Соссюра имеют наибольшее значение:

они вновь повторяются в следующей главе *К. О. Л. 18]* и поражают в самый корень методы, базирующиеся на содержании, преобладающие в традиционном синтаксисе, а также в синтаксисе, называемом историческим. Требование исходить в любом синтаксическом анализе из признания существования классов указателей, подлежащих индивидуализации в плане формы выражения, было вновь подтверждено, например, Х. Спанг-Хансеном (*Spang-Hanssen H. Actes du VI' congres de linguistique. Paris, 1949. P. 379-391*), нас. 360, и *Whatmough J. Language. A Modern Synthesis. London, 1956. P. 390*. Ср.: *DeMauro. Frequenza e funzione dell'accusativo in greco. Op. cit.* См. также № 219.

- [268] Первоисточник — лекция третьего курса: S. M. 83-84 (№ 120). В лекции чувствуется смущение Соссюра тем фактом, что он вынужден использовать термин *абстрактный* для обозначения процессов и схем, в действительности представленных говорящему: см. *ifs 70*.
- [269] Эта глава скроена типичным способом. Издатели используют разрозненные первоисточники: лекцию первого курса (S. M. 61, № 32), две лекции, относительно далекие друг от друга, второго курса (S. M. 70, № 67 и 74, № 83), лекцию третьего курса.
В следующих главах этой части издатели использовали, распределив их различным образом, лекции первого курса, идущие за Введением и *Принципами фонологии* (S. M. 55-63, № 9,11-18, 25, 26,28, 31,32, 35-39). В соответствии с последним планом Соссюра анализ истори-ко-эволюционных процессов должен был располагаться не после, а перед представлением языка (см. выше № 12, 65). Несомненно, если бы издатели избрали такой путь, третья, четвертая и пятая части *К. О. Л.* рассматривались бы с большим вниманием, и историческое видение языка, разработанное Соссюром, предстало бы читателю с большей ясностью. На деле же получилось совершенно иначе: эти замечания не только не были учтены, но, более того, недостаточно проникательные ученые в результате начали думать и утверждать, что вторая половина *К. О. Л.* не имеет значения и не заключает в себе особой новизны: ср. *Jaberg 1937. 136* и *Иг/того A. Storia, problemi e metodi della linguistica romanza. Неаполь, 1966. С. 212*.
- [270] См. № 269. Как обычно, в начале первого параграфа в рукописных первоисточниках читаем *элемент*, а издатели, вопреки намерению Соссюра, ввели термин *фонема*: см. № 131. Вся первая фраза второго параграфа принадлежит издателям.

385

- [271] «Спонтанные» изменения мы можем интерпретировать как процессы фонематизации свободных вариантов, а «комбинаторные» изменения — как процессы фонематизации комбинаторных вариантов.
- [272] Текст издания 1916г.: «...таковым является только...» (2281 *A.Eng-ler*). Начиная с издания 1922 г. здесь появляется опечатка («...таковым не является...»), полностью переворачивающая смысл фразы, делающая ее неверной.
- [273] *Wartburg—Ullmann 41* упрекали Соссюра за эту фразу: см. № 86.
- [274] В рукописных первоисточниках не говорится о *знаке*, а скорее о *фонетическом символе* (S. M. 112, № 34).
- [275] О «слепом» характере фонетической эволюции в понимании Соссюра и о полемике на эту тему см. № 176.
- [276] См. № 269.
- [277] Как отмечалось (*Herman 1931*), *bizan* в целом является не западногерман-

ским, а специфически древненемецким: в этом случае опять ошибка, и ошибка не Соссюра, поскольку в рукописных первоисточниках (2366 В Engler) не называется язык, к которому принадлежат данные слова.

При переходе от латинского языка к итальянскому также встречаются (но значительно реже, учитывая консервативный характер фонематической системы тосканского диалекта) случаи разрыва грамматической связи в словах, унаследованных напрямую: так, *domus* и *domesticus* дают *duomo* и *domestico* (при иной эволюции означаемых), *ductia* и (*aquae*) *ductus* дают *doccia* и *aquedotto*.

[278] Формулировка «звуковые различия», как обычно, чужда рукописям (см. №131).

[279] О первоисточниках см. № 269.

[280] О соссюрской концепции аналогии см.: *Frei* 1929. 27; *Delacroix* 1930. 265; *Wartburg—Ullmann* 1962.60. Кроме того, см. выше № 251 о роли аналогии в образовании синтагм: роль наиважнейшая, если учесть, что Соссюр называет синтагмами не только «слова», но и фразы, так что аналогия является источником созидательной способности языка, путем, следуя которым, язык приводит на свет теоретически бесконечное множество фраз. Соссюр справедливо называет свои лекции на эту тему: *Аналогия, как основной принцип новообразований в языке* (S. M. 57), заголовок использован издателями для третьего параграфа этой главы: с. 226.

[281] См. №176.

[282] Термин *экономия*, по-видимому, не встречается в рукописях (2570 В Engler). Он удачно введен издателями для обозначения равновесия между различными тенденциями, действующими в языке: в этом значении он позже использовался и *Martinet* 1955, сделавшим его ключевым термином современной структуралистской концепции языковой реальности.

[283] О первоисточниках см. № 269.

386

По народной этимологии существует обширная литература, о которой см. *Ullmann* 1959.92. Об антисоссюрских полемиках Иордана, *Wartburg—Ullmann* см. выше № 286. См., кроме того: *Orr J.* L'etimologie populaire // *Rev. Ling. rom.* 1954.18.129-142 и *Vendryes J.* *Powuneeumo*-logie statique // *B. S. L.* 1953.49:1. 1-19; *Hristea Th.* *Tipuri de ethnologic populara* // *Limba Romana.* 1967.16.23 7-251, вновь используют классификацию Соссюра.

[284] Экзамены в университете (что признало бы правоту тезиса о патологическом аспекте *Volksemiologie*) являются неплохим источником случаев народной этимологии, которые сложно заметить невнимательному преподавателю: множество студентов, изучающих классическую фонологию, убеждены, что *distraction homerique* (*гомерическая забава*) называется так по причине крайней невнимательности греческого поэта (фр. *distraction* = также *невнимательность*) (*quandoque bonus...*); многие думают, что *означающее (signifiant)*—это человек, который что-либо говорит, и т. д.

[285] Другой пример народной этимологии: в итальянском языке *doppiare* («дублировать фильм») было заимствовано из арго, *to dub*, и приближено к *doppio* («дубль»), во французском языке слово *ouvrable* (рабочий, будний) было связано с *ouvrir* (открывать) (в действительности *sevrer* = «работать»).

[286] В издании 1916 г. в этом отрывке (2670 А Engler) говорилось: «Народная этимология, представляет собой явление патологическое;

она выступает лишь и т. д.»; слова, начиная с *представляет собой* до *она* были

исключены, начиная с издания 1922 г., несомненно, в угоду лингвистическим тенденциям того времени, стремившимся рассматривать язык как сеть звуко-подражаний, междометий, «аффективных» слов, народной этимологии и т. д. Но реальная соссю-ровская мысль является именно таковой, каковую издатели исправили и подвергли цензуре: «В этом [в народной этимологии] есть нечто, что может прослыть порочным и патологическим, тогда как это является крайне необычным применением аналогии» (2670 В Engler). См.: *Jordan—Orr* 1937.173, № 1 = *Jordan—Bahner* 1962.204, № 1. *Wartburg—Ullmann* 1962. 125 оспаривают мнение Соссюра.

[287] О первоисточниках см. № 269. Об агглютинации см. *Frei* 1929. 109. Следует отметить с. 178, о термине *структура* см. № 259.

[288] Эта глава, имеющая большое значение в плане происхождения соссюровской проблематики (см. № 216, 217), представляет собой монтаж различных лекций второго курса (S. M. 110, № 60, 64, 69, 71), среди которых находится лекция о «вопросе о тождествах» (S. M. 60), разделенная издателями на две части: здесь они излагают вопрос о диахроническом тождестве и располагают в *К. О. Л. 108* второй фундаментальный вопрос о тождестве синхроническом (S.M.I 19).

387

Анализ «состояния» древнегреческого языка имеет первостепенную важность для иллюстрации соссюровской концепции перспективной диахронии: особый порядок, изначально индифферентный, представляющий собой следствие случайных причин, лежит в основе сложной реорганизации синтагматической и морфосинтаксической системы классического греческого языка, к концу периода существования которого относится исчезновение автономного значения генитива. Следует еще раз заметить, что ан-тителеологизм Соссюра не подразумевает полного отказа от органического видения эволюционных явлений; он подразумевает лишь достаточно строгое опровержение любой мистической концепции изменений. См. № 176.

[289] Заголовком этой части текста, начиная с издания 1916г., является: *Приложение ко второй и третьей частям*. В действительности, речь идет о приложении к **третьей и четвертой** частям, но вторая и третья части первое время рассматривались издателями как третья и четвертая, поскольку они предполагали составить первую часть из глав, посвященных письму и фонологии (*К. О. Л. 31-67*), что соответствует схеме первого курса (S. M. 54). В определенный момент, вероятно, это связано с данным строением соссюровского материала в целом (см. № 65), страницы, говорящие о письме и фонологии, были включены во *Введение* и третья (синхрония) и четвертая (диахрония) части стали второй и третьей, но издатели забыли исправить заголовок приложения (см. S. M. 100).

Что касается рукописных первоисточников, три приложения используют лекции первого курса (S. M. 110).

[290] О первоисточниках см. № 7. По мнению Малкея (ниже), Соссюр (то есть издатели) в приложении помещает речь об этимологии, поскольку этот раздел исследований не имеет автономии. Об общих методологических основах этой важной области лингвистических исследований см.: *Malkiel Y. Etymology and General Linguistics, in Linguistic Essays on the Occasion of the Ninth Inter. Congr. Of Linguists. 1962. W 18. 198-219*. Малкель, помимо прочего, отвергает и предложение Вандриеса, *Pour me ethymologie stat. cit.* (см. № 283).

[291] В последней концепции Соссюра относительно порядка, в котором должны располагаться лингвистические теоремы, страницы о «языках» должны были стоять на первом месте: с точки зрения педагогики, несведущий читатель (и мы знаем, сколь важно это было для Соссюра, для которого лингвистика не должна была оставаться исключительно областью тех специалистов, которых он, к слову сказать, не слишком уважал: *К. О. Л.* 15) и в особенности студенты, изучающие лингвистику (а Соссюр всегда с большим вниманием относился к дидактическим аспектам: выше 250,257,265) прежде всего ознакомятся с исторической произвольностью, преобладающей в жизни языков. Исходя из этой точки зрения, Соссюр открывает свой третий и

388

последний курс лекциями о разнообразии языковых форм, о переплетении и дроблении языков в пространстве и во времени, об изменениях («не имеющих постоянного характера»: S. M. 81), об их отношениях с внешними побочными историческими обстоятельствами и т.д. (S. M. 77-81, № 97-110). От конкретного исторического аспекта читатель и студент перейдут затем к ознакомлению с общими масштабами лингвистических явлений, и разговор перейдет от «языков» к «языку» (см. выше 265). Эта организация материала была нарушена издателями по причинам и способом, о которых уже говорилось (см. № 65). Последним результатом этих перемещений стало то, что материал, который должен был открывать *К. О. Л.*, был перенесен в две последние части.

О звуковых и психически константах, подразумеваемых в последнем абзаце, см. № 42.

[292] См. №291.

[293] См. №291.

Комментарий главы см. в *Amman* 1934. 273-276.

[294] Позже появилось множество лингвистических атласов. Подробное введение в «*verdadera montana de estudios de geografia linguistica*» (*A. Allonso*) см.: *Pop S. La dialectologie*. Т. 2. Louvain, 1950. См. также: *Wdos* 1959. 44-90; *Malmberg* 1966. 82-107; *C. Grassi* готовит в настоящее время новое общее введение в этот предмет. Исследование романских говоров, на которое ссылается Соссюр на странице 277: *Glossaire des patois de la Suisse romande*, составлен *L. Gauchat, J. Jeanjaquet, E. Tappolet, E. Muret, P. Aebischer, O. Keller* и др., под руководством сначала *Gauchat*, затем *K. Jaberg*. Сбор материалов начался в 1899 г.

[295] О первоисточниках см. № 291.

О динамическом отношении между «тягой к взаимообщению» и «духом родной колокольни» см. *Frei* 1929. 292. О проблеме отношений фонетических изменений и заимствований см. *Jakobson* 1962.239.

В конце первого параграфа «заимствование фонемы» представляет просто «заимствование» рукописных первоисточников: см. *К. О. Л.* 44, №111.

[296] Работа И. Шмидта относится к 1872 г., а не к 1877, эта дата повторяется далее, 3058, 3059 В *Engler*.

[297] Издатели используют здесь лекции второго курса (S. M. 74, № 81) и первого курса (S. M. 63, № 41), уже использовавшиеся ранее. Вся пятая часть представляет собой сборник отрывков, не приводившихся в других местах: см. № 291. О двух перспективах см. *К. О. Л.* 85, № 176, 128 и *Ullmann* 1959. 38.

[298] Заголовок принадлежит издателям; в первом издании было: «и первобытный язык», что впоследствии было исправлено на «празык» (•*SIOS Engler*).

Эти страницы взяты из лекций второго курса (S. M. 75), страницы, посвященные истории лингвистики Боппа и младограмматикам, изложены издателями в первой главе введения (*К. О. Л. 9-13*).

[299] О Пикте см. выше 238 и *К. О. Л. 225*.

[300] В качестве первоисточника использована серия лекций первого курса о *Методе реконструкции и его значении* (S. M. 64-65): здесь Соссюр впервые анонсирует тему языка как чистой формы (см. № 45): «Чтобы действительно представить себе звуковые элементы языка, следует рассматривать их не как звуки, имеющие абсолютное значение, а как со значением исключительно оппозиционным, относительным, негативным... Язык не требует ничего кроме различия.. . В этой констатации следует идти еще дальше и рассматривать все значение языка как оппозиционное, а не как позитивное, абсолютное» (S. M. 65). Мы сталкиваемся с «прошлыми» утверждениями: несомненно, с **первым** центром теоретических размышлений Соссюра, зародившихся в рамках опыта *Мемуара*, под давлением полемики с Остго-фом, при ознакомлении с исследованиями Крушевского и Бодуэна (241-244, 252) с целью заставить сравнительных лингвистов, «понять, что они делают».

[301] В рукописных первоисточниках «обстоятельств» на самом деле «два»: первое и второе. Третье, в качестве обстоятельства, добавлено издателями (S. M. 119), тогда как в действительности оно является скорее общим условием первого и второго.

[302] В данной главе издатели перемешивают содержание лекции второго курса о заблуждениях постбоппской лингвистики (см. выше № 298) и содержание лекции введения в «обзор» языковых семей, в которой Соссюр настаивает на фундаментальном тезисе исторически случайного аспекта языковых систем: «Нет постоянных характеристик, не подверженных влиянию времени» (S. M. 80). О языке и расе у Соссюра см. *Amman 1934. 276-277. С. 226*: «"Зять" (муж сестры)» — ошибка, присутствующая в рукописях, о «"зяте" (брате мужа)» (= греческое *δαῖρ*) см. S. M. 121.

[303] Об этой теме у Соссюра см. *Amman 1934. 277-280* и *Ullmann 1953*. Цель критики Соссюра заключается в претензии на получение выводов относительно характеристик «духа» или «гения» народа, исходя из рассмотрения фономорфологических фактов. Но это вовсе не означает, что лингвистика должна игнорировать то, что язык, полностью связанный с историческими условиями, существует не иначе как в отношении с определенным обществом, погруженным в исторические процессы, согласно тезису *К. О. Л. 74-80*. Признание принципа произвольности, поскольку оно исключает тот факт, что организация человеческой речи воспроизводит в плане выражения и в плане содержания фоно-акустические или психолого-онтологические структуры, «естественные», или сложившиеся ранее, по-

дразумевает, что в языке все, и означаемые, и означающие, опирается лишь на общественный договор. Границы или условия заключаются здесь лишь в необходимости гарантии и сохранения во времени различий, произведенных в плане означающих и означаемых, при соблюдении требования создания нового, то есть возможности создания бесконечного множества новых знаков, благодаря механизму аналогии. Такое видение функциональности языка, его жизненной

сущности и его действительной жизни требует от лингвиста организации своих исследований в соответствии, с одной стороны, с общей теорией знака, и с другой стороны, с социо-психоло-гическими исследованиями, согласно классификации, представленной в общих чертах в *К. О. Л.* 23-25. Однако не существует явления, которое можно квалифицировать как лингвистическое на уровне обыденного языка и которое можно было бы исключить из области исследований чисто соссюрговской лингвистики; любые лингвистические факты являются предметом дисциплины (*К. О. Л.* 14-15, 28-30), в той мере, в какой они ставят задачу исследования «нормы **всех** других проявлений языка» (*К. О. Л.* 17), то есть языка, представляющего собой форму речи. Об интерпретациях такого типа см. № 40,51,56,65,83,129,137,138,150, 167, 176,204, 225, 226, 227, 231.

[304] Эта последняя глава также построена из отрывков различных лекций третьего курса (S. M. 80-81, № 105, 106,109).

[305] Как первым обнаружил Годель (S. M. 119 и 181), последний абзац *К. О. Л.* является «заключением издателей»: иными словами, в рукописных первоисточниках ничто не показывает, что Соссюр произносил эту знаменитую фразу, и еще менее, что она представляет собой «фундаментальную идею» его учения. По мнению Яберга (*Jaberg* 1937. 128-130), автономия лингвистики в соссюрговской концепции основана на этой последней фразе. Однако в утверждении Яберга остается определенное поле для двусмысленности, которое, по нашему мнению, могло бы сделать его приемлемым. Недвусмысленное выражение этого непонимания смысла слова *объект* и всего заключительного предложения находится в отрывке, таком как у Леруа: «Наконец, есть утверждение, завершающее *Курс*, и выражающее его квинтэссенцию: "единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя". Что в результате этого продолжительного размышления, коим является *Курс общей лингвистики*, определяет как истинную лингвистику то, что в предшествующую эпоху называли внутренней лингвистикой, в противоположность лингвистике внешней... Преимущественное внимание к системе заставляло его рассматривать внешние явления как второстепенные» (*Leroy* 1965. 90-91). Если, как мы увидим далее, все это может быть объектом дискуссии по поводу верной интерпретации соссюрговской мысли, Леруа абсолютно прав,

391

подчеркивая «программное значение, которое эта фраза... имела в развитии лингвистических учений последних сорока лет» (С. 91):

совершенно верно, что значительная часть лингвистов структуралистского направления сочли, что следование идеям Соссюра означало игнорирование фактов неуравновешенности в системе, синхронической динамики, влияния общества, эволюционных явлений, связи последних с историческими условиями, всей совокупности языковых явлений, из которых и благодаря которым язык сформировался. Добавление последней фразы является результатом издательских манипуляций соссюрговскими записями, на них отчасти лежит ответственность за однобокость позиции структурализма, в особенности в постблумфилдистских течениях в США.

Написав эту фразу, издатели, конечно, не создали *e nihilo*: Годель уже подчеркивал тот факт, что они считали, что для того, чтобы соответствовать принципу *К. О. Л.* 17: «следует расположиться с самого начала на территории языка и взять его в качестве нормы всех других проявлений речевой деятельности». Но Соссюр, как

это было выявлено множество раз (выше № 303), вовсе не собирался предписывать этим необходимость односторонней, исключительной позиции. *Язык* является нормой и формой крайне неоднородной материи, входящей всем своим объемом (К. О. Л. 14-15} в законную область лингвистических исследований. То есть язык является объектом лингвистики не только в обыденном смысле «Gegenstand» (Ломмель), как «вещь», но и в смысле принципа, направляющего лингвистические знания (см. № 40). «Вернемся к плану. Вспомним этот термин: *языки*. Лингвистика должна изучать лишь продукт общества — язык. Но этот продукт общества проявляется в великом множестве и разнообразии языков (то есть конкретным объектом является этот общественный продукт, помещенный в мозг каждого). Нам даны языки. Прежде следует изучить языки, разнообразие языков. При рассмотрении этих языков будет выделено то, что является универсальным. Наряду с этим будет существовать совокупность абстракций: это будет *язык*, где мы будем изучать то, что наблюдается в различных языках. В третью очередь предстоит заняться индивидуумом. Реализация имеет значение, но не является главной. В исследовании не следует смешивать общий феномен и механизм индивидуальной реализации» (427—429 В Engler). Многочисленные языки, инструменты, разработанные обществом с определенной историчностью, с признанием универсальных аспектов языковой техники, рассматриваемой вне ее «поверхностной» неоднородности, в ее «глубинном единстве» (К. О. Л. 100), с обновленным рассмотрением «стороны реализации» (К. О. Л. 21), «индивидуальной реализации» — вот та *Umweg* (нем. *окольная дорога*), которую Соссюр предлагает лингвистике.

Библиография Список сокращений

- A. L. — «Acta Linguistica»,
 B. S. L. — «Bulletin de la Societe de Linguistique de Paris», C. F. S. — «Cahiers Ferdinand de Saussure», I. F. — «Indogermanische Forschungen», F. d. S. — Ferdinand de Saussure, J. Ps. — «Journal de Psychologie Normale et Pathologique», Z. V. S. — «Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung», Lg. — «Language», NPh. — «Neophilologus»,
 PBB — «Paul und Braune's Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur»,
 T. C. L. C — «Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague»,
 T. C. L. P. — «Travaux du Cercle Linguistique de Prague»,
 ВЯ. — «Вопросы языкознания»,
 V. R. — «Vox Romanica»,
 W. — «Word»,
 Z. R. Ph. — «Zeitschrift für Romanische Philologie».
- Абаев В. И. Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // ВЯ. 1965. 14: 3. 22—43.
 Будагов Р. А. Из истории языкознания (Соссюр и соссюрианство). М., 1954.
 Введенский Д. Н. Ф. д. С. и его место в лингвистике // Ф. д. С. Курс общей лингвистики. М., 1933. 5—30.
 Волков А. Г. О теоретических основаниях дихотомической гипотезы языка и речи Ф. де Соссюра // Вестник МГУ. 1964. VII. 19: 2. С. 40—53,
 Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1930.
 Жирмунский В. М. О синхронии и диахронии в языкознании // ВЯ. 1958. 7: 5.43—52.
 Жирмунский В. М. О соотношении синхронного анализа и исторического изуче-

ния языка. М., 1960.

Леонтьев А. А. И. А. Бодуэн де Куртенэ и петербургская школа русской лингвистики // ВЯ. 1961. 10:4. 112—124.

Поспелов С. О лингвистическом наследии Карчевского // ВЯ. 1957. 6: 4. 46—56. Тезисы докладов на конференции «Язык и речь». М., 1962.

Чикобава А. С. Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959.

Чикобава А. К вопросу о путях развития современной лингвистики // ВЯ. 1966. 15:4. 45—61.

395

Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Пб., 1912.

Щерба Л. В. И. В. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 85—96.

Abbagnano N. Dizionario di filosofia. Turin, 1961.

Abego E. Compte rendu du C. L. G. // Wissen und leben. 1923. 10 aout 919—920.

Abercrombie D. Elements of general phonetics. Edimbourg, 1967.

Absil Th. Sprache und Rede. Zu de Saussure's «Allgemeiner Sprachwissenschaft» // Nph. 1925. 10. 100—108, 186—193.

Ajuriaguerra J. de. Speech Disorders in Childhood // Brain Function. 1906. 117—130.

Alien W. S. Zero and Panini // Indian Linguistics. 1955. 16. 106—113.

Alonso A. Prologo a la edicion espanola // Saussure F. de. Curso de linguistica general. Buenos Aires, 1945. 7—30.

Alonso D. Poesia espaniola. Ensayo de metodos y limites estilisticos. 1^a ed. Madrid, 1950; 2^e ed. 1952.

Ammann H. Kritische Wiirdigung einiger Hauptgedanken fon F. d. S. «Grundfragen der Sprachwissenschaft» // 1. F. 1934. 52. 261—281.

Ammann H. Compte rendu de F. d. S. «Grundfragen der allgem. Sprachwissenschaft» // 1. F. 1934. 52. 304.

AmmerK. Einfuhrung in die Sprachwissenschaft. Halle, 1958.

AntallL. Questions of Meaning. La Haye, 1963.

Antinucci F. Introduzione // Chomsky N. Le strutture della sintassi / Trad. et introd. de F. A. Ban, 1970. vii—xxxii.

Apel A". O. Die Idee der Sprache in der Tradition des Humanismus don Dante bis Vico. Bonn, 1963. («Archiv. f. Begriffgesch.», Via.)

Arens H. Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Monaco, 1955.

Baldinger K. Die Semasiologie. Versuch eines Uberblicks. Berlin, 1957. («Deutsche Akad. der Wissens. zu Berlin. Vortrage und Schriften». Heft 61.)

Bally Ch. // Journal de Geneve. 1908. 18juil. (= F. d. S. 32—33).

Bally Ch. Traite de stylistique franchise: In 2 vol. Heidelberg, 1909.

Bally Ch. II La semaine litteraire. 1000. 1913. 1 mars. (= F. d. S. 51—57).

Bally Ch. F. d. S. et l'etat actuel des etudes linguistiques. Lecon d'ouverture du cours de linguistique generale, lue le 23 octobre 1913. Geneve, 1913 (= Le langage et la vie. 3^e ed. Geneve, 1952. 147—160).

Bally Ch. Langue et parole // J. Ps. 1926. 23. 693—701.

Bally Ch.: cm. Mathesius, 1933.

Bally Ch. Synchronie et diachronie // V. R. 1937. 2. 345—352.

Bally Ch. Qu'est-ce qu'un signe? // J. Ps. 1939. 36. 161—174.

Bally Ch. L'arbitraire du signe. Valeur et signification // Le francais moderne.

1940.Д. 193—206.

Bally Ch. Sur la motivation des signes linguistiques // B. S. L. 1940. 41. 75—88 (= Linguistique generale et linguistique française. 2° ed. Berne, 1944. § 197—212).

Bally Ch.: см. Martin V.

Baumer I. Compte rendu de F. de Saussure «Corso di linguistica generale» / Introd., trad. et comment, de T. De Mauro. Γ ed. Bari, 1967 II C. F. S. 1968. 24. 85—94.

Belardi W. Elementi di fonologia generale. Rome, 1959.

396

Benveniste E. Nature du signe linguistique // A. L. 1939. / . 23—29 (= 1966. 49—55).

Benveniste E. Tendances recente en linguistique generale // J. Ps. 1954. 47—51. 130—145 (= 1966. 3—17).

Benveniste E. «Structure» en linguistique // Sens et usage du terme «structure» dans les sciences humaines et sociales / Edits par R. Bastide. La Haye, 1962 [trad. italienne: *Usi e significati del termine «struttura»*. Milan, 1965. 27—35] (=1966. 91-98).

Benveniste E. Saussure apres un demi-siecle // C. F. S. 1963. 20.1—21 (= 1966.32—45).

Benveniste E. Documents pour l'histoire de quelques notions saussuriennes, reunis et presentes par E. B. // C. F. S. 1964. 21. 131—135.

Benveniste E., 1964 = Saussure. Lettres. 91, 126, 129—130.

Benveniste E. F. d. S. a l'ecole des Hautes Etudes // Ecole Pratique des Hautes Etudes. IV section. Annuaire 1964—1965. 1965. 21—34.

Benveniste E. Problemes de linguistique generale. Paris, 1966.

Birnbaum H. F. d. S. och den moderna sprakvetenskapen. Till 100-arsjubileet av hans ffdelse // Filol. meddelande f. Ryska inst. v. Stochholms hogskola. 1957. 1. 7—10 (litogr.).

Bloomfield L. Compte rendu de Sapir «Language» // Classical weekly. 1922. 15. 142—143.

Bloomfield L. Compte rendu du C. L. G // Modern Language Journal. 1924. 8.317—319 (=C.F.S. 1964. 21. 133—135).

Bloomfield L. A Set of Postulates for the Science of Language// Lg. 1926.2. 153—164.

Bloomfield L. Language. New York, 1933.

Boilelli T. Tra storia e linguaggio. Arona, 1949.

Boilelli T. Per una storia della ricerca linguistica. Naples, 1965.

Bouncer D. L. The sign is not arbitrary // Boletin del Institute Caro y Cuervo. 1949. 5. 52—62.

Boreaud W., Brocker W., Lohmann J. De la nature du signe // A. L. 1942—1943. 3. 24—30.

Borgstrom C. H. The Technique of Linguistic Descriptions // A. L. 1945—1949. 5. 1—14.

Borgstrom C. H. Innforing i Sprogvidenskap. 3^e ed. Oslo; Bergen; Lund, 1963.

Bourdon B. Compte rendu du C. L. G. // Revue philosophique. 1917. Jan. 90—96.

Brain Function III: Speech, Language and Communication / Edite par E. C. Carterette. Los Angeles, 1966.

Breall M. II Le Temps. 1913. 25 fevr. (= F. d. S. 49—50).

Bresson F. La signification // Problemes de psycholinguistique. Paris, 1963. 9—45.

Brocker W. Uber die Prinzipien einer allgemeiner Grammatik // Z. R. Ph. 1943.63.367—383.

Brocker W., Lohmann J. Vom Wesen des sprachlichen Zeichen // Lexis. 1948./24—33.

Brondal V. Linguistique structurale // Essais de linguistique generale. Co-penhague, 1943.

Buhler K. Die Axiomatik der Sprachwissenschaft // Kantstudien. 1933. 38. 19—90.

Buhler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Iena, 1934.

397

Burger A. Phonematique et diachronie. Apropos de la palatalisation des con-sonnes romanes//C. F. S. 1955. 13. 19—33.

Burger A. Significationsetvaleurdu suffixe verbal francais//C. F. S. 1961. 75.5—15.

Burnet E. L. Saussure, Ferdinand de // Dictionnaire historique et biographique de la Suisse. Neuchatel, 1930. Vol. 6.

Buysse E. Lanaturedu signelinguistique//A.L. 1940—1941.2.83—86.

Buysse E. Les six linguistiques de F. d. S. // Revue des langues vivantes. 1942.15—23,46—55.

Buysse E. Mise au point de quelques notions fondamentales de la phonologie//C. F. S. 1949. 5. 37—60.

Buysse E. Dogme ou libre examen? // C. F. S. 1952. 10. 47—50.

Buysse E. Le structuralisme et l'arbitraire du signe // Omagiu lui Al. Gra-ur. Studii 5; Cercetari Lingvistice. 1960. 7. 403—416.

Buysse E. Le signe linguistique // Revue beige de philologie et d'histoire. 1960.35.705—717.

Buysse E. Origine de la linguistique de Saussure // C. F. S. 1961. 18. 17—33.

Can-oil J. B. The Study of Language. A Survey of Linguistics and Related Disciplines in America. Cambridge (Mass.), 1953.

Cassirer E. Structuralism in Modern Linguistics // W. 1945. 1. 99—120.

Catalan Menendez Pidal D. La escuela linguistica espanola y sa concepcion del lenguaje. Madrid, 1955.

Chomsky N. Formal Properties of Grammars // Handbook of Math. Ling. (ed. Chomsky, Miller), 1963. 323—418.

Chomsky N. Current Issues in Linguistic Theory // Fodor J. A., Katz J. J. The Structure of Language. Readings in Philosophy of Language. Englewood Cliffs (N. J.), 1964.

Chomsky N. Aspects of a Theory of Syntax. Cambridge (Mass.), 1965.

Chomsky N. Cartesian Linguistics. A Chapter in History of Rationalistic Thought. New York, 1966. [Trad. française: Paris, 1969.]

Chomsky N. Language and Mind. New York, 1968. [Trad. française: Paris, 1970.]

Chomsky N., Miller G. A. Introduction to the Formal Analysis of Natural Languages // Handbook of Mathematical Psychology / Ed. by R. D. Luce, R. R. Bush, E. Galanter: In 2 vol. New York, 1963. Vol. 2. 269—322.

Christensen N. E. On the Nature of Meaning. A Philosophical Analysis. Co-penhague, 1961.

Cohen M. Pour une sociologie du langage. Paris, 1956.

Collinder B. Lautlehre und Phonologismus // Actes du 4^e Congr. int. des linguistes, 1936. Copenhagen, 1938. 122—127.

Collinder B. Les origines du structuralisme // Acta Societatis linguisticae Uppsallensis. 1962. 1. 1—15.

Coseriu E. Sincronia, diacronia e historia. Montevideo, 1958.

Coseriu E. Teoria del lenguaje y lingüística general. Cinco estudios. Madrid, 1962.

Coseriu E. Georg von Gabelentz et la linguistique synchronique // W. 1967. 23. 74—100.

- Croce B.* Sulla natura e l'ufficio della linguistica // Quaderni della critica. 1946. 6. 33—37 (= Letture di poeti. Bari, 1950. 247—251).
- David J. E.* II Gazette de Lausanne. 1913. 25 fevr. (= F. d. S. 35—39).
- Delacroix H.* Le langage et la pensee. 2e ed. Paris, 1930.
- 398
- DeMauro.* Studi italiani di filosofia del linguaggio (1945—1955) // Rass. di filosofia. 1955. 4. 301—329.
- DeMauro.* Introduzione alla semantica. Bari, 1965. (4e ed. 1972. Trad. française: Une introduction à la semantique. Paris, 1969).
- De Mauro.* Eliminare il senso? // Lingua e stile. 1967. 2. 131—151.
- Derossi G.* Segno e struttura linguistici nel pensiero di F. d. S. Trieste, 1965.
- Derossi G.* Compte rendu de F. de Saussure «Corso di linguistica generale» / Introd., trad. et comment, de T. De Mauro. Bari, 1967 // II pensiero. 1968. 3. 327—330.
- Devoto G.* Una scuola di linguistica generale // La cultura. 1928. 7. 241—249.
- Devoto G.* I fondamenti della storia linguistica. Florence, 1951.
- Dielh E.* Vademecum der Phonetik. Phonetische Grundlagen für das wissenschaftliche und praktische Studium der Sprachen / Unter Mitwirkung von R. Brunner. Berne, 1950.
- Dimeen F. P.* An Introduction to General Linguistics. New York, 1967.
- Doroszewski W.* «Langue» et «parole» (une page de l'histoire des idées générées en linguistique) // Otbitka z prac biolog. 1930. 45. 485—497.
- Doroszewski W.* Sociologie et linguistique (Durkheim et de Saussure) // Actes du 2e congrès international de linguistes. Genève. 25—29 août, 1931. Paris, 1933. 146—148.
- Doroszewski W.* Quelques remarques sur les rapports de la sociologie et de la linguistique: Durkheim et F. de Saussure // J. Ps. 1933. 30. 82—91.
- Doroszewski W.* Le structuralisme linguistique et les études de géographie dialectale // Proceedings of VIII Int. Congr. Ling. Oslo, 1958. 540 et sv.
- Duchosal H.* Les Genevois célèbres. Notes et souvenirs sur un linguiste de génie: F. de S. // Tribune de Genève. 1950. 27 dec.
- Ege N.* Le signe linguistique est arbitraire // T. C. L. C. 1949. 5 (= Recherches structurales 1949. Interventions dans le débat glottématique publiées à l'occasion du cinquantième de M. Louis Hjelmslew. Copenhague).
- Eisler R.* Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Historisch-quellenmassig bearbeitet. 4e ed. Berlin, 1927.
- Ellis J.* II Zeichen und System. I. 48.
- Engler R.* C. L. G. und S. M.: eine kritische Ausgabe des "Cours de linguistique générale" // Kratylos. 1959. 4. 119—132.
- Engler R.* Théorie et critique d'un principe saussurien : l'arbitraire du signe // C.F.S. 1962. 79. 5—66.
- Engler R.* Compléments à l'arbitraire // C. F. S. 1964. 21. 25—32.
- Engler R.* Remarques sur S., son système et sa terminologie // C. F. S. 1966. 22. 35—40.
- Engler R.* Lexique de la terminologie saussurienne. Utrecht-Antwerp, 1969.
- Engler R.* Compte rendu de F. de Saussure // Corso di linguistica generale / Introd., trad. et comment, de T. De Mauro. 1re ed. Bari, 1967. In V. R. 1970 (tiré à part de 19 pages).
- Favre E.* Allocution de M. E. F. prononcée à la séance du 24 février 1913 // Bulletin

de la Societe d'histoire et d'archeologie de Geneve 1913. 3· 8 342—346 (= F. d. S. 27—34).

F. d. S. (= Ferdinand de Saussure (1857—1913) / Ed. hors commerce. Ire ed. Geneve, 1915; 2^eed.1962).

Firth J. R. The word «phoneme» // *Le maitre phonetique*. 1934. Avril-juin. 44—46.

Firth J. R. The Technique of Semantics // *Transaction of the Philological Society*. 1935.36—72.

399

Firth J. R. Linguistic Analysis and Translation // For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday. La Haye, 1956. 133—139.

Fischer Joi-gensen E. On the Definition of Phonemic Categories on a distributional Basis // *A. L.* 1952. 7. 8—39.

Fleury M. Notes et documents sur F. d. S. (1880—1891) // *Ecole Pratique des Hautes Etudes*. IV⁰ section. Annuaire 1964—1965. 1965. 35—67.

Fonagy I. Uber die Eigenart des sprachlichen Zeichens (Bemerkungen zu einer alten Streitfrage) // *Lingua*. 1956—1957. 6. 67—88.

Fonagy I. II Zeichen und System. I. 52.

Frei H. La grammaire des fautes. Paris; Geneve; Londres, 1929.

Frei H. Qu'est-ce qu' un dictionnaire de phrases // *C. F. S.* 1941. /. 43—56.

Frei H. Ramification des signes dans la memoire // *C. F. S.* 1942. 2.15—27.

Frei H. Note sur l'analyse des syntagmes // *W.* 1948. 4. 65—70.

Frei H. La linguistique saussurienne a Geneve depuis 1939 // *A. L.* 1945—1949.j.54—56.

Frei H. Zero, vide et intermittent // *Zeitschrift f. Phonetik*. 1950. 4. 161—191.

Frei H. Saussure contre Saussure? // *C. F. S.* 1950. 9. 7—28.

Frei H. Compte rendu de V. Brondal «Theorie des prepositions. Introduction a une semantique rationnelle» / Trad. P. Naert. Copenhague, 1950 // *C. F. S.* 1955. 13.45— 50.

Frei H. Langue, parole et differenciation // *J. Ps.* 1952. 45. 137—157.

Frei H. Criteres de delimitation // *W.* 1954. 10. 136—145.

Frei H. Compte rendu de Ullman «Principles» // *C. F. S.* 1955. 13. 50—61.

Frei H. Desaccords // *C. F. S.* 1961. 18. 35—51.

Funke O. Innere Sprachform: eine Einfuhrung in A. Marty's Sprachphilosophie. Reichenberg, 1924.

Gabelentz G von der. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891.

Gardiner A. H. The theory of Speech and Language. 1re ed. Londres, 1933 (reimprime: Oxford, 1951; 1960).

Gardiner A. H. The Distinction of «Speech» and «Language» // *Atti del 3 Congr. Intemaz. di linguisti*. Florence, 1935. 345—353.

Gardiner A. H. De Saussure's Analysis of the «signe linguistique» // *A. L.* 1944.4. 107—110.

Garroni E. Introduzione a II Circolo linguistico di Praga // *Le tesi del'29*. Milan, 1966. 11—18.

Garvin P. L. Referential Adjustment and Linguistic Structure // *A. L.* 1944. 4. 53—60.

Gaulhiot R. II Bulletin de l'Association des eleves et anciens eleves de l'Ecole Pratique des Hautes Etudes. 1914. 49—55 (= F. d. S. 87—95).

Gautier L. La linguistique generale de F d. S. // *Gazette de Lausanne*. 1916. 13 aout.

- Gazdaru D.* Correspondancia F. d. S.—G. I. Ascoli // Controversias y documentos linguisticos. La Plata, 1967. 179—184.
- Geschiere L.* Plaidoyer pour la langue // Nph. 1961. 45. 21—37.
- Geschiere L.* La «langue»: condamnation ou sursis? // Nph. 1962. 46. 201—210.
- Gill A.* La distinction entre langue et parole en semantique historique // Studies in Romance Philology and French Literature presented to John Orr. Manchester, 1933.90—101.
- Gipper H.* Bausteine zur Sprachinhaltsforschung. Neuere Sprachbetrachtung im Austausch mit Geistes- und Naturwissenschaft. Dusseldorf, 1963.
- 400
- Glim H.* Geschichte und Kritik der Lehre von den Satzgliedern in der deutschen Grammatik. Beme, 1947.
- Godel R.* Ch. Bally // C. F. S. 1947. 6. 68—72.
- Godel R.* Compte rendu de S. Ullmann «Precis de semantique francaise» // C.F.S. 1953.//.49—50.
- Godel R.* La question des signes zero // C. F. S. 1953. // 31—41.
- Godel R.* Compte rendu de A. Martinet «Economic des chang. phonet» // C. F. S.1956. 14. 56—59.
- Godel R.* Nouveaux documents saussuriens: les cahiers E. Constantin // C. F. S. 1958—1959.16. 23—32.
- Godel R.* Inventaire des manuscrits de F. d. S. remis a la bibliotheque publ. et univ. de Geneve // C. F. S. 1960. / 7. 5—11.
- Godel R.* L'ecole saussurienne de Geneve // Trends in European and American Linguistics 1930—1960 / Ed. par C. Mohrmann, A. Sommerfelt, J. Whatmough. Utrecht-Anvers, 1961. 294—299.
- Godel R.* De la theorie du signe aux termes du systeme // C. F. S. 1966. 22. 53—68.
- Godel R.* F. d. S. et les debuts de la linguistique moderne // Semaine d'etudes Geneve 1967. Aarau, 1967. 115—124.
- Godel R.* (ed.) A Geneva School Reader in Linguistics. Bloomington, 1969.
- Godel R.* Theorie de la phrase // La sintassi. Atti del III convegno della Societa di Linguistica Italiana. Rome, 1970. 11—41.
- Gombocz Z.* Compte rendu de F. d. S. «C. L. G.» // Magyar Nyelv. 1925. 21. 41—43.
- Grammont M.* Compte rendu du C. L. G. //Revue des langues romanes. 1917. 59.402—410.
- Grammont M.* Traite de phonetique. I^e ed. Paris, 1933; 2^e ed. 1939.
- Graur A.* f/ Zeichen und System, I. 59.
- Gregoire A.* Compte rendu du C. L. G // Revue beige de philol. et d'hist. 1923.107—108.
- Greimas A. J.* L'actualite du saussurisme // Le francais moderne. 1956. 24. 191—203.
- Guderina P.* La methode audio-visuelle structuro-globale et ses implications dans l'enseignement de la phonetique // Studia romanica et anglica Zagrabien-sia. 1961.//.3—20.
- Guillaume G.* La langue est-elle ou n'est-elle pas un systeme? // Cahiers de linguistique de l'Universite de Quebec. I. Quebec, 1952.
- Guiraud P.* Problemes et methodes de la statistique linguistique. Dordrecht, 1959.
- Guiraud P.* La semantica. Milan, 1966 (trad. it. de «La semantique». Paris, 1955).
- Guntert H.* Grundfragen der Sprachwissenschaft. Leipzig, 1925.
- Haas W.* Zero in Linguistic Description // Studies in Linguistic Analysis. Oxford, 1957.33—53.

Harris Z. S. Compte rendu de Trubetzkoy, 1939 // Lg. 1941. 17. 345—349.
Hartmann P. Die Sprache als Form. La Haye, 1959.
Hartmann P. Theorie der Grammatik. La Haye, 1963.
Hattori Sh. Saussure no langue to Gengokateisetsu // Gengo Kenkyu. 1957. 32. 1—42.
fiavdricourt A. G., Juilland A. G. Essai pour une histoire structurale du phonetisme francais. Paris, 1949 (avec une preface de A. Martinet, ix-xiv).

401

Havel L. Compte rendu de «Melanges de linguistique offerts a M. F. d. S » // Journal de Geneve. 1908. 16—23 nov. (cm. Favre, 1913).
Heilmann L Introduzione//Jakobson, 1966.VII-XXV.
Heinimann S. F. de Saussure «Cours de ling. gen.» in neuer Sicht // Z. R Ph 1959.75. 132—137.
Herdan G. Language as Choice and Change. Groningen, 1956.
Herdan G. The advanced Theory of Language as Choice and Chance. Berlin 1966.
Herman H. Compte rendu de F. d. S. «Grundfragen der Sprachwissen-schaft» / Trad. H. Lommel // Philologische Wochenschrift. 1931 51 1388—1390.
Herman K. Die Anfänge der menschlichen Sprache: In 2 vol. Prague 1936—1938.
Hintze F. Zum Verhältnis der sprachlichen «Form» zur «Substanz» // Studia linguistica. 1949. 3. 86—106.
Hjelmslev L. Principes de grammaire generale. Copenhague, 1928.
Hjelmslev L. Langue et parole // C. F. S. 1942. 2.29—44 (= Hjelmslev, 1959 69—81).
Hjelmslev L. Compte rendu de B. Collinder «Introduktion i sprakvetenska-pen». Stockholm, 1941 //A. L. 1944. 4. 140—141.
Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language / Trad. du danois (Omk-ring sprogteoriens grundlaeggelse. Festskrift udgivet afKobenhavns Universi-tet i aniedning at Universitets Aarsfest. 1943. Nov. 3—133; 1" 6d. angl. trad. F. J. Whit-field. Memoir 7 of «Internal. Journal of American Linguistics» Baltimore, 1953); 2^e ed. Madison, 1961.
Hjelmslev L. Structural Analysis of Language // Studia Linguistica. 1947 / 69—78 (= Hjelmslev, 1959. 27—35).
Hjelmslev L. Metod struktumogo analiza v lingvistike // A. L. 1951. 6. 57—67.
HjelmslevL. La stratification du langage//W. 1954. 10. 163—188.
Hjelmslev L. Essais linguistiques (T. C. L. C. 12). Copenhague, 1959.
Hockett Ch. F. Compte rendu du T. C. L. C. 1949.5 // International Journal of American Linguistics. 1952. 13. 86—99.
Jordan I. Einführung in die Geschichte und Methoden der romanischer Sprachwissen-schaft / Ins deutsche übertragen, ergänzt und teilweise neubear-beitet von W. Ban-ner. Berlin, 1962.
Ipsen G. Sprachphilosophie der Gegenwart. Berlin, 1930.
Izui H. Recent Trends in Japanese Linguistics // Trends in Modem Linguistics. 1963.38—55.
JabergK. Ferdinand de Saussure's Vorlesungen liber allgemeine Sprachwissenschaft («Sonntagsblatt des Bundes». 17-12-1916. 790—795; 24-12-1916. 806—810 =) // Sprachwissenschaftliche Forschungen und Eriebnisse. 1" ed. Paris; Zurich; Leipzig, 1937.
JabergK. Sprachwissenschaftliche Forschungen und Eriebnisse. 2^e ed.: In 2 vol. Zu-

rich, 1965.

Jakobson R. O hiaskoslovnem zakonu a teleologicckem hiaskoslovi // Caso-pis pro modemi filologii. 1928. 14. 183—184 (= Jakobson, 1962. 1—2).

Jakobson R. Quelles sont les methodes les mieux appropriees a un expose complet et pratique de la grammaire d'une langue quelconque? // Premier con-gres international de linguistes. Propositions. Nimeeue, 1928. 36—39 (= Jakobson, 1962. 3—6).

Jakobson R. Remarques sur revolution phonologique du russe comparee a celle des autres langues slaves//T. C. L. P. 1929. 2 (= Jakobson, 1962. 7—116).

402

Jakobson R. Prinzipien der historischen Phonologie // T. C. L. P. 1931. 4. 247—267 (trad. et remaniement in: Troubetzkoy, 1949. 315—336) (= Jakobson, 1962. 202—220).

Jakobson R. La scuola linguistica di Praga // La Cultura. 1933. 12. 633—641.

Jakobson R. Sur la theorie des affinites phonologiques entre les langues // Actes du 4^e Congres international de linguistes tenu a Copenhague du 27 aout au 1er septembre 1936. Copenhague, 1938. 48—58 (= Troubetzkoy, 1949. 35—165; Jakobson, 1962. 234—246).

Jakobson R. Signe zero // Melanges Ch. Bally. Geneve, 1939. 143—152.

Jakobson R. Notes autobiographiques de N. S. Troubetzkoy communiquees par R. J. // Troubetzkoy, 1949. xv-xxix.

Jakobson R. An appraisal of Anthropology Today / Edite par S. Tax, L. C. El-seley, I. Rouse, C. F. Voegelin. Chicago, 1953. 310—311.

Jakobson R. Two Aspects of Language and Two Types of Aphasia Disturbances // Jakobson R., Halle M. Fundamentals of Language. La Haye, 1956. 53—82.

Jakobson R. Serge Karcevski // C. F. S. 1956. 14. 9—13.

Jakobson R. Selected Writings. I: Phonological Studies. La Haye, 1962.

Jakobson R. A la recherche de l'essence du langage // Problemes du langage. Paris, 1966. 22—38.

Jakobson R. Saggi di linguistica generale. Milan, 1966.

Jakobson R. L'importanza di Ruzzewski per lo sviluppo della linguistica generale // Ricerche slavistiche. 1967 [1965]. 1 —20.

Jakobson R., Karcevskij S., Troubeckoj N. S. II Actes du Premier congres international de linguistes a La Haye. Leiden s. d. (mai 1929). 33—36.

Jespersen O. Compte rendu du C. L. G // Nordisk Tidskrift for Filologi. 1917. 6. 37—41 (= Jespersen, 1933.108—115).

Jespersen O. Language. Its Nature, Development and Origin. 1er ed. Londres, 1922 (reimprime: 1949).

Jespersen O. Mankind, Nation and Individual from a Linguistic point of view. 1er ed. Oslo, 1925 (reimprime: Londres, 1946).

Jespersen O. L'individu et la communaute linguistique // J. Ps. 1927. 573 et sv. (= Jespersen, 1933. 119—133).

Jespersen O. Linguistica. Selected Papers in English, French and German. Londres, 1933.

Jespersen O. Selected Writings. Londres; Tokyo, s. d.

Jones D. The Phoneme. Its Nature and Use. Cambridge, 1950.

Junker H. F. J. Die indogermanische und die allgemeine Sprachwissenschaft // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift fur Wilhelm Streitberg. Heildeberg, 1924. 1—64.

Kainz F. Psychologie der Sprache. Vol. 5: I. Grundlagen der allgemeinen Sprachpsy-

chologie. Stuttgart, 1941; III. Physiologische Psychologie der Sprachvorgänge, Stuttgart, 1954; V. 1. Psychologie der Einzelsprachen. Stuttgart, 1965.
Kantor J. R. An Objective Psychology of Grammar. Bloomington (Ind.), 1952.
Kobalava I. Ponologiis is'toriidan (Ponologiis sa'kitxebi P. de-Sosiurian) // Iberiul-k'av'kasiuri enatmecniereba. 1964. 14. 89—99.
Kolmar-Kulleschitz F. Ist das Phonem ein Zeichen? (Stratifizierung der Bedeutung) // *Phonetica*. 1960. 5. 65—75.
Kolmar-Kulleschitz F. Einige Bemerkungen zum de Saussureschen Zeichenschema (Stratifizierung der Bedeutung) // *Phonetica*. 1961. 6. 137—161.

403

- Korinek J. M.* Einige Betrachtungen über Sprache und Sprechen // *T. C. L. P.* 1936.6.23—29.
Kronasser H. Handbuch der Semasiologie. Kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. Heidelberg, 1952.
Kukenheim L. Esquisse historique de la linguistique française et de ses rapports avec la linguistique générale. Leiden, 1962.
Laziczius J. van. Das sogenannte dritte Axiom der Sprachwissenschaft // *A. L.* 1939. / .162—167.
Laziczius J. van. Die Scheidung langue-parole in der Lautforschung // *Proceedings of the 2nd Intern. Congr. Phonetic Sciences 1938.* Gand, 1939. 13—23.
Laziczius J. van. La définition du mot // *C. P. S.* 1945. 5. 32—37.
Laziczius J. van. Lehrbuch der Phonetik. Berlin, 1961.
Lepschy G. Aspetti teorici di alcune correnti della glottologia contemporanea // *Ann. Scuola Norm. Sup. di Pisa.* 1961. 30. 187—267; 1965. 34. 221—295.
Lepschy G. Ancora su «l'arbitraire du signe» // *Ann. Scuola Norm. Sup. di Pisa.* 1962. ^ .65—102.
Lepschy G. Sintagmatica e linearità // *S. S. linguistici.* 1965. 5. 21—36. *Lepschy G.* *La linguistica strutturale.* Turin, 1966 (mise à jour et refonte de *Lepschy, 1961; Lepschy, 1965.* 221 et sv.) (trad. française: *La linguistique structurale.* Paris, 1967).
Lepschy G. *A Survey of Structural Linguistics.* Londres, 1970 (remaniement de *Lepschy, 1966*).
Lerch E. Vom Wesen des sprachlichen Zeichens oder Symbols // *A. L. I* 939. / .145—161.
Leroy M. Benedetto Croce et les études linguistiques // *Revue internat. de philosophie.* 1953. 7. 342—362.
Leroy M. Profilo storico della linguistica moderna / Trad. italiana de A. Davies Morpurgo, avec ajouts et corrections (Les grands courants de la linguistique moderne. Paris; Bruxelles, 1963). Ban, 1965.
Lohmann J. Karl Buhlers «Drittes Axiom» // *A. L.* 1942—1943. J. 5—16.
Lommel H. Compte rendu du C. L. G. *II* *Getting. Gelehrt. Anzeig.* 1921. 232—241.
Lommel H. Compte rendu du C. L. G. // *Philologische Wochenschrift.* 1922. 42. 252—257.
Lommel H. Compte rendu du C. L. G. // *Deutsche Literaturzeit.* 1924. 45. 2040—2046.
Lotz J. Plan and Publikation of Noreen's Vart Sprak // *Studia Linguistica.* 1954. (y. 82—91).
Lucidi M. L'equivoco de «l'arbitraire du signe» L'iposema // *Cultura neolatina.* 1950. 10. 185—208 (= *Lucidi, 1966.* 47—76).

- Lucidi M.* Saggi linguistici. Naples, 1966.
- Lyons J.* Structural Semantics. An Analysis of Part of the Vocabulary of Plato. Oxford, 1963.
- Lyons J.* Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968.
- Malmberg B.* Die Quantitat als phonetisch-phonologischer Begriff. Eine allgemeine sprachliche Studie. Lund; Leipzig, 1944.
- Malmberg B.* Systeme et methode. Trois etudes de linguistique generale // Vetenskaps-societeten i Lund. Arsbok. Lund, 1945.
- Malmberg B.* Till fragan om sprakets systemkaraktar // Vetenskaps-societeten i Lund. Arsbok. 1947. 147—173.
- 404
- Malmberg B.* F. de Saussure et la phonetique moderne // C. F. S. 1954. 12. 9—28.
- Malmberg B.* Structural Linguistics and Human Communication. Berlin; Gettlingen; Heidelberg, 1963.
- Malmberg B.* Les nouvelles tendances de la linguistique. Paris, 1966.
- Malmberg B.* Synchronie et diachronie. Rapport au Xe congres intern. des linguistes (28 aout — 2 sept. 1967). Bucarest, 1967.
- Mandelbrot B.* Structure formelle des textes et communication // W. 1954. 10. 1—27.
- Marouzeau J.* Compte rendu du C. L. G. // Revue des etudes latines. 1922. /. 61—«I.
- Martin V., Bally Ch.* Albert Sechehaye // C. F. S. 1947. 6. 63—67.
- Martinet A.* La double articulation linguistique // T. C. L. C. 1949. 5.30—37.
- Martinet A.* Structural linguistics // Anthropology Today. An Encyclopedic Inventory. Chicago, 1953. 574—586.
- Martinet A.* Economic des changements phonetiques. Traite de phonologie diachronique. Berne, 1955.
- Martinet A.* Arbitraire linguistique et double articulation // C. F. S. 1957. 15. 105—116.
- Martinet A.* Elementi di linguistica generale (trad. augmentee des «Elements de linguistique generale». Paris, 1960). 1^e ed. Ban, 1966; 2^e ed. 1967.
- Mathesius V.* La place de la linguistique fonctionnelle et structurale dans le developpement general des etudes linguistiques // Actes du 2^e congres internat. de linguistes. Geneve, 24—29 aout 1931. Paris, 1933. 145—146.
- Meier G. P.* Ein Beitrag zur Erforschung der Zusammenhange von Sprache und Denken und der Entwicklungsgesetzmassigkeiten der Sprachen // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universitat Leipzig. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe. 1952—1953. 4—5. 517 et sv.
- Meillet A.* F. d. S. // B. S. L. 1913. 18: 61. CLXI—CXXXV (= Linguistique historique et ling. generale, //). Paris, 1936. 174—184; = F. d. S. 69—85).
- Meillet A.* Compte rendu du C. L. G // B. S. L. 1916. 20: 64. 32—36.
- Meillet A.* Compte rendu du C. L. G. // Revue critique de philologie et d'histoire. 1917. 83. 27 Jan. 49—51.
- Meillet A.* Introduction a l'etude comparative des langues indo-europeennes. 1^e ed. Paris, 1903; 8^e ed. Paris, 1937.
- Menendez Pidal R.* Origines del espanol. 4^e ed. Madrid, 1956.
- Merleau-Ponty M.* Signes. Paris, 1960.
- Miclau P.* Le signe dans les fonctions du langage // Zeichen und System, III. 174—194.
- Mikus F.* Edward Sapir et la syntagmatique // C. F. S. 1963. 11. 11—30.
- Moller K.* Contribution to the Discussion concerning «Langue» and «Parole» // T. C. L.

C. 1949. 5.87—94.

Mounin G. Les problemes theoriques de la traduction. Paris, 1963.

Mounin G. La notion de systeme chez Antoine Meillet // *La linguistique*. 1966. 2:1. 17—29.

Mounin G. Histoire de la linguistique des origines au XXe siecle. Paris, 1967.

Mounin G. Saussure ou le structuralisme sans le savoir. Paris, 1968.

Mourelle-Lema M. The Geneva School of Linguistics: a Biobibliographical Record.: cm. Godel, 1969. 1—25.

Muret E. *II* Journal de Geneve. 1913. 26 fevr. (= F. d. S. 41-¹⁸).

Mulder J. W. F. Sets and relations in phonology. An axiomatic approach to the description of speech. Oxford, 1968.

405

Naert P. Arbitraire et necessaire en linguistique // *Studia Linguistica*. 1947 *
.5—10. ï

Nehrino A. The problem of linguistic sign // *A. L.* 1950. 6. 1—16. :'

Nencioni G. Idealismo e realismo nella scienza del linguaggio. Florence i 1946.

;

Niedermann M. Compte rendu du C. L. G // *Zurcher Zeitung*. 1916. Aout. ,

Nusse H. Die Sprachtheorie Friedrich Schlegels. Heidelberg, 1962. ?

Ogden C. E., Richards I. A. The Meaning of Meaning. A Study of Influence '.,.
of Language upon Thought and of Science of Symbolism. 1 ed. Londres, 1923 (10^e,
dont viennent les citations, 1949; trad. italienne de L. Pavolini: Milan, 1966).

;

Oesterreich T. K. Die deutsche Philosophie des XIX Jahrhunderts und der ,;
Gegenwart (Friedrich Uberwegs Grundriss der Gesch. der Philos., Ill T., 12^e 1
ed.). Berlin, 1924. 'y

Oltramare A. La resurreccion d'un genie // *La semaine litteraire*. 1916. 27 i
mai. 256—259. .*

Ombredane A. L'aphasie et l'elaboration de la pensee explicite. Paris, 1951. fe

Osgood Ch. E. Contextual Control in Sentence Understanding and Crea- ;? ting
// *Brain Function*. 201—229. f

Otto E. Grundfragen der Linguistik // *1. F.* 1934. 52. 177—195. ?

Otto E. Stand und Aufgaben der allgemeinen Sprachwissenschaft. Berlin, 1954.

\;

Pagliari A. Sommario di linguistica arioeuropea. Rome, 1930. '

Pagliari A. II segno vivente. Saggi sulla lingua e altri simboli. Naples, 1952.

Pagliari A. La parola e l'immagine. Naples, 1957. †

Palmer H. Memorandum on Problems of English Teaching. Tokyo, 1924.

Palmer L. R. The Latin Language. Londres, 1954.

Paul H. Prtncipien der Sprachgeschichte. I^o ed. Halle, 1880 (5^e, d'ou viennent
les citations, 1920).

Penttila A. Einige Bemerkungen uber die Unterscheidung von Sprache und Rede
// *Actes du 4e Congres international de linguistes*. Copenhague, 1938. 157—
163.

Perrot J. La linguistique. Paris, 1953.

Pichon E. La linguistique en France. Problemes et methodes // *J. Ps.* 1937. 34.
25—18.

Pichon E. Sur le signe linguistique. Complément à l'article de M. Benveniste // *A. L.* 1940—1941. 2. 51—52.

Pippino R. Om några grundtankar i F. d. S. fereslasningar ever allman språkvetenskap // *Vetenskaps-societeten i Lund. Arsbok.* 1946. 17—28.

Pisani V. Saggi di linguistica storica. Scritti scelti. Turin, 1959.

Pisani V. Profilo storico della linguistica moderna // *Paideia.* 21, 1966. 297—308.

Porzig W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft. Berne, 1950.

Pos H. J. Phenomenologie et linguistique // *Revue internationale de philosophie.* 1, 1939. 354—365.

Prieto L. Principes de noologie. La Haye, 1964.

PuebladeChaves M. V.A. Problemas de fonética experimental. La Plata, 1948.

Quadri B. Aufgaben und Methoden der onomasiologischen Forschung. Eine entwicklungsgeschichtliche Darstellung. Beme, 1952.

Redard G. F. d. S. Pionnier de la linguistique // *Journal de Geneve.* 1957. 23—24 nov.

406

Regard P.-P. Contribution à l'étude des prépositions dans la langue du Nouveau Testament. Paris, 1919.

Regnell H. Semantik. Filosofiska och språkvetenskapliga grundfrågor inom betydelse-laran. Stockholm, 1958.

Rensch R. H. F. d. S. und Georg von der Gabelentz // *Phonetica.* 1966. 15. 32-41.

Robins R. H. Ancient and Medieval Grammatical Theory in Europe, with Particular Reference to Modern Linguistic Doctrine. Londres, 1951.

Robins R. H. General Linguistics in Great Britain, 1930-60 // *Trends in Modern Ling.* 1963. 11—37.

Rogger K. Kritischer Versuch über de Saussure's Cours general // *Z. R. Ph.* 1941. 61. 161—224.

Rogger K. Compte rendu de Sechehaye, 1940 // *Z. R. Ph.* 1941. 62. 98—106.

Rogger K. Langue-parole und die Aktualisierung // *Z. R. Ph.* 1954. 70. 341—375.

Ronjat J. Le Cours de linguistique de F. d. S. // *Journal de Geneve.* 1916. 26 juin.

Rosetti A. Le mot. Esquisse d'une théorie générale. 2e ed. Copenhague; Bucarest, 1947.

Rosetti A. Sur la théorie de la syllabe. La Haye, 1959.

Rosiello L. La semantica moderna e l'opera di S. Ullmann, voir Ullmann, 1962.

Rosiello L. Struttura, uso e funzioni della lingua. Florence, 1966.

Rossi A. Gli anagrammi di Saussure: Potiziano, Bach e Pascoli // *Paragone-Letteratura.* 1968. 19. 113—127.

Rudhardt J. Reflexions philosophiques à l'occasion d'un exercice de traduction // *C. F. S.* 1964. 21. 55—85.

Ruwet N. Introduction à la grammaire générative. Paris, 1967.

Schaff A. Sprache und Erkenntnis (trad. de «Język a poznanie». Varsovie, 1964). Vienne, 1964.

Schaff A. Introduzione alla semantica (de la trad. anglaise de «Wstęp do semantyki». Varsovie, 1960). Rome, 1965.

Schmidt W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Ein Beitrag zur Theorie der Wortbedeutung. Berlin, 1963.

Schogt H. G. Baudouin de Courtenay and Phonological Analysis // *La linguistique.*

1966. 2;/. 15—29.

Schuchardt H. Compte rendu du C. L. G // *Literaturblatt für germanische und romanische Philologie.* 1917. 38. 1—9 (= Hugo Schuchardl-Brevier / Edite par L.

*Spitzer I.*⁰ ed. Halle, 1922; 2e ed. 1928. 135, 318—320, 329—330, 408—411-¹², 418, 420, 434).

Sechehaye A. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Psychologie du langage. Paris; Leipzig; Genève, 1908.

Sechehaye A. Les problèmes de la langue à la lumière d'une théorie nouvelle // *Rev. Philos.* 1917. 84. 1—30.

Sechehaye A. L'école genevoise de linguistique générale // *I. F.* 1927. 4. 217—241.

Sechehaye A. Les mirages linguistiques // *J. Ps.* 1930. 27. 337—366.

Sechehaye A. La pensée et la langue ou comment concevoir le rapport organique de l'individuel et du social dans le langage? // *J. Ps.* 1933. 30. 57—81.

Sechehaye A. Evolution organique et évolution contingentielle // *Mélanges Bally.* Genève, 1939. 19 et sv.

Sechehaye A. Les trois linguistiques saussuriennes // *V. R.* 1940. 5. 1—48.

407

Sechehaye A., Bally Ch., Frei H. Pour l'arbitraire du signe // *A. L.* 1940—1941. 2. 165—169.

Sechehaye A. De la définition du phonème à la définition de l'entité de langue // *C.P.S.* 1942. 2. 45—55.

Sechehaye A. Compte rendu de Buysens, 1942 // *C. P. S.* 1944. 4. 65—69.

Segre C. Nota introduttiva // *Bally Ch. Linguistica generale e linguistica francese / Trad. du franc.* Milan, 1963. 11—35.

Sierlsema B. A Study of Glossematics. Critical Survey of its Fundamental Concepts. La Haye, 1955.

Skalicka V. The Need for a Linguistics of la parole // *Recueil linguistique de Bratislava.* 1948. /. 21—38.

Sliisareva N. Quelques considérations des linguistes soviétiques à propos des idées de F. de Saussure // *C. F. S.* 1963. 20. 23—46.

Sollberger E. Note sur l'unité linguistique // *C. P. S.* 1953. //. 45—46.

Sommerfelt A. Points de vue diachronique, synchronique et panchronique en linguistique générale // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap.* 1938. 9. 240—249 (= *Sommerfelt*, 1962. 59—65).

Sommerfelt A. Tendances actuelles de la linguistique générale // *Diogene.* 1952. /. 77—84.

Sommerfelt A. Diachronic and Synchronic Aspects of Language. La Haye, 1962.

Spang-Hanssen H. Recent Theories on the Nature of the Language Sign // *T. C. L.* 1954. C. 9, 95—99.

Spence N. C. W. A Hardy Perennial: the Problem of la longue and la parole // *Archivum linguisticum.* 9, 1957. 1—27.

Spence N. C. W. Langue et parole yet again // *NPh.* 1962. 46. 192—201.

Springer O. Probleme der Bedeutungslehre // *The Germanic Review.* 1938. 13. 157—174.

Starobinski J. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure, textes présentés par J. S. // *Mercure de France.* 1964. 350. Fevr. 243—262.

Starobinski J. Les mots sous les mots: textes inédits des cahiers d'anagrammes de Ferdinand de Saussure // *To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday.* La Haye; Paris, 1967. 1906—1917.

Starobinski J. Le nom cache. Textes inedits extraits des cahiers d'anagrammes de F. d. S. // L'analisi del linguaggio teologico: il nome di Dio. Rome, 1969.55—70.

Stelling-Michaud S. Notice biographique [Serge Karcevskij] // C. F. S. 1956. 14. 5—7.

Streitberg W. F. d. S // Indogermanisches Jahrbuch. 1914 (1915). 2. 203—213.

Sturtevant E. H. An Introduction to Linguistic Science. New Haven, 1947.

Tagliavini C. Introduzione alla glottologia: In 2 vol. Bologne, 1963.

Terracini B. A. Compte rendu du C. L. G. // Bollettino di filologia classica. 1919.25.73—78.

Terracini B. A. Paleontologia ascoliano e linguistica storica // Silloge linguistica dedicata alla memoria di G. I. Ascoli. Turin, 1929. 649—655.

Terracini B. A. Compte rendu de Troubetzkoy, 1939 // Revista de filologia hispanica. 1942. 4. 173—180.

Terracini B. A. Guida allo studio della linguistica storica. Rome, 1949.

Terracini B. A. Pagine e appunti di linguistica storica. Florence, 1957.

Terracini B. A. Lingua libera et liberta linguistica. Introduzione alla linguistica storica. Turin, 1963.

408

Tesniere L. Phonologie et melange de langues // T. C. L. P. 1939. 8. 183—194.

Theses. Melanges linguistiques dedies au premier congres des philologues slaves // T. C. L. P. 1929. /. 5—29.

Titone R. Le lingue estere. Metodologia didattica, avec la collaboration de J. B. Carroll. Zurich, 1966.

Trends in Modern Linguistics I Ed. in the occasion of the Ninth International Congress of Linguists, by Chr. Mohrmann, F. Norman, A. Sommerfelt. Utrecht, 1963.

Trier J. Deutsche Bedeutungsforschung // Germanische Philologie. Festschrift für O. Behagel. Heidelberg, 1934. 174—200.

Trnka B. Synchronie a diachronie o strukturalnim jazykozpylu // Casopis pro moderni filologii. 1934. 20. 62—64.

Troubetzkoy N. S. [Trubeckoj] Principes de phonologie / Trad. [de Trubetzkoy, 1939] par J. Cantineau. 1re ed. Paris, 1949; 2^e ed. 1964, avec «Notes autobiograph.» par R. Jakobson. xv-xxix.

Trubeckoj N. S. La phonologie actuelle // J. Ps. 1933. 30. 227—246.

Trubetzkoy N. S. [Trubeckoj] Grundzüge der Phonologie (= T. C. L. P. 7). Prague, 1939.

Vhlenbeck C. C. Compte rendu du C. L. G // Museum. 1923. Juil. Col. 257.

Ullmann S. Word-form and Word-meaning // Archivum linguisticum. 1949. A 126—139.

Ullmann S. The Principles of Semantics. 1re ed. Glasgow; Oxford, 1951; 2^e ed. (avec ajouts) 1959.

Ullmann S. Descriptive Semantics and Linguistic Typology // W. 1953. 9. 225—240.

Ullmann S. Semantics: An Introduction to the Science of Meaning. Oxford, 1952 (trad. ital.: Bologne, 1966, avec int. de L. Rosiello. vii-xlvi).

Urban W. M. Lenguaje y realidad. La filosofia del lenguaje y los principios del simbolismo (trad. de l'anglais: Language and Reality. Londres, 1939). Mexico, 1952.

Vachek J. Zum Problem der geschriebenen Sprache // T. C. L. P. 1939. 8. 94—104.

Valin R. La methode comparative en linguistique historique et en psycholinguistique du langage. Quebec, 1964.

Vallini C. Problemi di metodo in Ferdinand de Saussure indoeuropeista // Studi e

saggi linguistici. 1969. 9 (tire a part de 84 pages).

Valois N. F. d. S. // Comptes rendus de l'Academie des inscriptions. 1913. 68—70 (= Saussure «Lettres» 126—128).

Vasiliu E. «Langue», «parole», stratification // Revue de linguistique. 1960. 5. 27—32.

Vendryes J. Le caractere social du langage et la doctrine de F. d. S. // J. Ps. 1921. 18. 617—624 (= Vendryes, 1952. 18—25).

Vendryes J. Le langage. Introduction linguistique a l'histoire. 1^e ed. Paris, 1921; 5^e ed. Paris, 1950.

Vendryes J. Sur les taches de la linguistique statique // J. Ps. 1933. 30. 172—184 (= Vendryes, 1952. 26—38).

Vendryes J. Sur la denomination // B. S. L. 1952. 48. 1—13.

Vendryes J. Choix d'etudes linguistiques et celtiques. Paris, 1952.

Verhaar J. V. M. Speech, Language and Inner Form (Some Linguistic Remarks on Thought) // Proceedings of the 9th International Congress of Linguists. Cambridge (Mass.), 1962; La Haye, 1964. 748—755.

Verburg P. A. Taal en functionaliteit. Wageningen, 1952.

409

Verburg P. A. Het schaakspel-model bij F. d. S. en bij Wittgenstein // Wijsgeurig perspectief op maatschappij en wetenschap. Amsterdam, 1961. 227—234.

Vidos B. E. Manuale di linguistica romanza / Trad. du neerlandais. Florence, 1959.

Vinay J. P., Darbelenet J. Stylistique comparee du francais et de l'anglais. Paris, 1958.

Wackernagel J. Ein schweizerisches Werk iiber Sprachwissenschaft // Sonntagsblatt der Basler Nachrichten. 1916. 15 et 22 oct. 165—166, 172.

Wagner R. L. Introduction a la linguistique francaise. Geneve, 1947.

Warburg W. von. Das Ineingreifen von deskriptiver und historischer Sprachwissenschaft // Berichte iiber die Verhandlungen der Sachsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Kl. 1931. 83: 1. 1—23.

Warburg W. von. Betrachtungen uber die Gliederung des Wortschatzes // Z. R. Ph. 1937. 57. 296—312.

Warburg W. von. Betrachtungen uber das Verhaltnis von historischer und deskriptiver Sprachwissenschaft // Melanges de ling. offerts a Ch. Bally. Geneve, 1939. 3—18 (partiellement repris in W. v. Warburg. Von Sprache und Mensch. Beme, 1956. 159—165).

Warburg W. von. Einfuhrung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft (1^e ed. Halle, 1943), zweite, unter Mitwirkung von S. Ullmann verbesserte und erweiterte Auflage. Tubingen, 1962.

Waterman J. T. F. d. S. Forerunner of Modern Structuralism // Modern Language Journal. 1956. 40. 307—309.

Waterman J. T. Perspectives in Linguistics. An Account of the Background of Modern Linguistics. Chicago, 1963.

Wein H. Sprachphilosophie der Gegenwart. Eine Einfuhrung in die europaische und amerikanische Sprachphilosophie des 20. Jahrhunderts. La Haye, 1963.

Weisgerber L. Die Bedeutungslehre — ein Irrweg der Sprachwissenschaft? // Germanisch-Romanische Monatsschrift. 1927. 15. 171—183.

Weisgerber L. Vorschlage zur Methode und Terminologie der Wortforschung // 1. F. 1928. 46. 305—325.

Weisgerber L. Compte rendu de F. d. S. «Grundfragen der allgemeinen Sprachwis-

- senschaft» // *Teuthonista*. 1932. 8. 248—249.
- Wells R. S.* DeSaussure's System of Linguistics // *W*. 1947. I. 1—31.
- Wells R. S.* Compte rendu de «Recherches structurales 1949» (= *T. C. L. C.* 5) // *Lg*. 1951. 27. 554—570.
- Wijk N. van.* Umfang und Aufgabe der diachronischen Phonologie // *Melanges de ling. et de philol. offerts a J. v. Ginneken*. Paris, 1937. 93—99.
- Wijk N. van.* De Saussure en de phonologische school // *Album philolog. voor Th. Baader*. Amsterdam, 1939. 9—14.
- Wijk N. van.* L'etude diachronique des phenomenes phonologiques et extraphonologiques // *T. C. L. P.* 1939. 8. 297—300.
- Zawadowski L.* The So-Called Relative Motivation in Language // *Proceedings of 8th Congr. Ling. Oslo*, 1958. 420—422.
- Zawadowski L.* The So-Called Relative Motivation in Language // *Omagiul lui Iorgu Iordan*. Bucarest, 1958. 927—937.
- Zeichen und System der Sprache*, Veröffentlichung des 1. Internationalen Symposium. «Z. u. S. d.S.» vom 28.9. bis 2.10.1959 in Erfurt: In 3 vol. Berlin, 1961—1964.

410

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1998.
- Димитрова С.* [Recensio / Соссюр Ф. де. Курс по общей лингвистике. Обнародован от Шарл Баи и Албер Сеше със сътрудничеството на Албер Рид-лингер. С., 1992] // Съпоставително езиковедение. С., 1993. Г. 18, № 6. 74-78.
- Зубкова Л. Г.* Язык в зеркале знаковых теорий: к определению детерминанты лингвистической концепции Ф. де Соссюра // *Вести. Рос. ун-та дружбы народов*. Сер.: лингвистика. М., 1995. № 2. 5-16.
- Кобалава И. Д.* К истории понятия «системы» в лингвистике // *Иберийско-кавказское языковедение*. Тбилиси, 1989. 28. 37-47.
- Кучерова Л. Н., Кашичкина О. А.* Петер Вундерли об анаграммах Ф. де Соссюра // *Фоносемантические исследования*. Пенза, 1990. 87-100.
- Лернер К. Б.* О двух интерпретациях социальности языка в лингвистике // *Иберийско-кавказское языковедение*. Тбилиси, 1989. 28. 13-23.
- Лернер К. Б.* Социальная природа языка и процесс языкового взаимодействия // *АН ГССР. Ин-т языковедения им. А. С. Чикобава*. Тбилиси: Мецниереба, 1989.
- Нарумов Б. П.* Социальная концепция языка Ф. де Соссюра : (На материале пер. «Заметок по общей лингвистике») // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* М., 1992. Т. 51, № 2. 90-100.
- Паррэ Г.* Регулярности, правила и стратегии // *Язык. Наука. Философия*. Вильнюс, 1986. 55-87.
- Пузырев А. В., Шадрин Е. У.* Жан Старобинский о теории анаграмм Ф. де Соссюра // *Фоносемантические исследования*. Пенза, 1990. 69-86.
- Страусов В. Н., Страусова С. К.* Категория произвольности/мотивированности языкового знака // *Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та*. Пятигорск, 1997. №1/2. 31-34.
- Сухотин А. М.* Тезисы к докладу-реферату о «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра // *ВЯ*. М., 1994. № 6. 142-143.
- Торсуева И. Г.* [Рецензия: Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990] // *Науч. докл. высш. шк. Филол. науки*. М., 1991. №4. 124-126.

Факторович А. Л. [Рецензия: Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990] // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1992. Т. 51, N 1. 99-102.

Шадрина Е. У. Письма Фердинанда де Соссюра к Джованни Пасколи // Фоносемантические исследования. Пенза, 1990. С. 100-112.

Aarsleff H. Breal, «la semantique», and Saussure // Intern, j. of Slavic linguistics and poetics. Columbus (Ohio). 1982. Vol. 25/26. 23-39.

Amsterdamska O. Schools of thought: The development of linguistics from Bopp to Saussure. Dordrecht etc.: Reidel, 1987.

Antelmi D. Ferdinand de Saussure e la linguistica tra ottocento e novecento // Quaderni patavini di linguistica. Padova, 1991. 8-9; 1989-1990. 3-25.

Arrive M. Linguistique et psychanalyse: Freud, Saussure, Hjelmslev, Lacan et les autres / Pref. de Coquet J.-C. P.: Meridiens Klincksieck, 1986.

411

Attridge D. Language as history/history as language: Saussure and the romance of etymology // Post-structuralism and the question of history. Cambridge etc., 1987. 183-211.

Berardi G. Studien zur Saussure — Rezeption in Italien. Frankfurt a.M. etc.: Lang, 1989.

Bei-gounioux G. [Recensio: Saussure F. de Phonetique. 11 manuscritto di Harvard/ Ed. by Marchese M. P. Padoue; Florence. 1995] // Bull. de la Soc. de ling. de Paris. P., 1997. T. 92, fasc. 2. 13-20.

Bergounioux G. [Recensio: Saussure F. de. Cours de linguistique generale (premier et troisieme cours, d'apres les notes de Riedlinger et Constantin. Tokyo, 1993] // Bull. de la Soc. de ling. de Paris. P., 1994. T. 89, fasc. 2. 12-16.

Boas H. U. (R)REST — Chomskys Annäherung an Saussures «Langue»-Konzeption? // Amsterdam studies in the theory and history of ling. science. Ser. 3: Studies in the history of the ling. sciences. Amsterdam, 1987. Vol. 38. 665-676.

Bouquet S. Le «Cours de linguistique generale» de Saussure et la philosophie // Histoire. Epistemologie. Lang. P., 1989. T. 11, fasc. 2. 103-119.

Callebaut B. [Recensio: Wunderli P. Principes de diachronie: Contribution a l'exegese du «Cours de linguistique generale» de Ferdinand de Saussure. Frankfurt/a.M. etc., 1990] // Ztschr. für fr. Sprache u. Lit. Wiesbaden; Stuttgart, 1993. Bd 103, H. 1. 107-108.

Cenematique et phonologie: Les proprietes des oppositions binaires et la loi de Saussure // Bull. de la Soc. de ling. de Paris. 1987. T. 82, fasc. 1. 163-187.

Costachescu A. Analogii ale limbii cu jocul de sah la Saussure si Wittgenstein // Studii si cercet. lingvistice. Buc., 1985. A. 36, N 5. 382-387.

Culler J. De Saussure's theory of language // Language and literacy from an educational perspective. Milton Keynes; Philadelphia, 1988. Vol. 1: Language studies. 28-39.

Doroszewski W. Quelques remarques sur les rapports de la sociologie et de la linguistique: E. Durkheim et F. de Saussure // Essais sur le langage. P., 1987. 97-109.

Engler R. CLG und SM // Cahiers Ferdinand de Saussure. Geneve, 1985. 38. 1984. 29-31.

Falk J. S. Roman Jakobson and the history of Saussurean concepts in North American linguistics // Historiographia ling. Amsterdam; Philadelphia, 1995. Vol. 22, N 3. 335-367.

Feldbusch E. «Quel est l'objet a la fois integral et concret de la linguistique?» — Zur Gegenstandsbestimmung der Sprachwissenschaft im «Cours de linguistique generale

// *Linguistik in Deutschland: Akten des 21. Ling. Kolloquiums, Groningen, 1986. Tübingen, 1987. 341-352.*
Feldbusch E. Die linguistische Wertkonzeption im «Cours de linguistique generale» // *Text-Etymologie. Stuttgart, 1987. 353-371.*
Ferrari-Bravo D. II concetto di «segno» nella linguistica russa (da Potebnja a Saussure) // *Mondo slavo e cultura italiana. Roma, 1983. 122-139.*
Free G. Language, speech and writing: Merleau-Ponty and Derrida on Saussure // *Human studies. Dordrecht etc., 1990. Vol. 13, N 4. 293-307.*
Gandon F.-M. Linguistique saussurienne et theorie des quanta: Dialectique de la saisie et dualite de l'objet // *Bull. de la Soc. de ling. de Paris. P., 1994. T. 89, fasc. 1.401-407.*
Godel R. F. de Saussure's theory of language // *Cahiers Ferdinand de Saussure. Geneve, 1985. 38; 1984. 83-97.*
Godel R. La semiologia saussuriana // *Cahiers Ferdinand de Saussure. Geneve, 1985.38; 1984.99-114.*

412

Gordon W. T. Bridging Saussurean structuralism and British linguistics // *Historiographia ling. Amsterdam; Philadelphia, 1994. Vol. 21, N 1/2.*

123-136.

Gordon W. T. Saussurean structuralism and J. R. Firth // *Proceedings of the XIIIth International congress of linguists, August 22 — September 4, 1982, Tokyo. Tokyo, 1983. 860-863.*

Gregersen F. Saussure, palatalloven og prioritet // *En slavist i humanismens tegn. Kobenhavn, 1994. 45-52.*

Harris R. [Recensio: Holdcroft D. Saussure: signs, system and arbitrariness. Cambridge, 1991] // *Semiotica. Berlin ; N.Y., 1994. Vol. 98, N 1/2. 181-186.*

Harris R. Jakobson's Saussure // *Acta linguistica hafniensia. Copenhagen, 1997. Vol. 29. 75-88.*

Harris R. Reading Saussure: A crit. comment, on the «Cours de linguistique generale». L.: Duckworth, 1987.

Harris R. Signs and sentences // *Semiotica. B.; N.Y., 1993. Vol. 95, N 1/2. 141-146.*

Helsloot N. Anagrammar. In defense of Ferdinand de Saussure's philology // *Beitr. zur Geschichte der Sprachwissenschaft. Munster, 1995. N 5.2.231-252.*

Hermann M. [Recensio: Thilo U. Ch. M. Rezeption und Wirkung des «Cours de linguistique generale». Oberlegungen zu Geschichte und Historiographie der Sprachwissenschaft. Tübingen, 1989] // *Ztschr. für fr. Sprache u. Lit. Wiesbaden; Stuttgart, 1992. Bd 102, H. 3. 321-323.*

Joseph J. E. [Recensio / Gadet F. Saussure: Une science de la langue. P., 1987] // *Linguistics: An interdisciplinary j. of the lang. sciences. B. etc., 1989. Vol. 27, N 2. P. 341-352.*

Koerner E. F. K. The place of Saussure's «Memoire» in the development of historical linguistics // *Papers from the 6th International conference on historical linguistics. Amsterdam etc., 1985. 323-345.*

Koerner K. Saussurean studies = Etudes saussuriennes / Avant-prop. de Engler R. Geneve: Slatkine, 1988.

Lanigan R. From Saussure to communicology: The Paris school of semiology // *Henrienneutics and the tradition. Wash., 1988. 124-135.*

Lee B. Peirce, Frege, Saussure, and Whorf: The semiotic mediation of ontology // *Semiotic mediation. Orlando etc., 1985. 99-128.*

Leska O., Nekvapil J., Soltys O. Ferdinand de Saussure and the Prague Linguistic Circle // *Philologica pragensia*. Pr., 1987. Roc. 69, c. 2. 77-109.

Leska O., Nekvapil J., Soltys O. Ferdinand de Saussure and the Prague linguistic circle // *Studies in functional stylistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1993. 9-50.

Leska O., Sgall P. F. de Saussure po cesku v roce 1990 // *Slovo a slovesnost*. Pr., 1992. Roc. 53, c. 1.65-67.

Levin J. F. Saussure and the ARBRE «tree»: A fundamental misunderstanding // *The semiotic bridge*. Berlin; N.Y., 1989. 355-362.

Marchese M. P. I manoscritti harvardiani di F. de Saussure // *Quaderni del Dipartimento di linguistica*. Padova, 1991. 1. 1990.61-73.

Martinet A. [Recensio: Saussure F.de. Troisieme cours de linguistique generale (1910-1911) de Ferdinand de Saussure, d'apres les notes d'Emile Constantin, et version anglaise: Saussure's third course of lectures on general linguistics (1910-1911) / Ed. par Komatsu E. et Harris R. Oxford; Tokyo, 1993] // *Linguistique*. P., 1995. Vol. 31, fasc. 1. 143-144.

McNamara O. Saussurian linguistics revisited: can it inform our interpretation of mathematical activity? // *Science & education*. Dordrecht etc., 1995. Vol. 4, N 3. 253-266.

413

MeyJ. L. [Recensio: Gregersen F. Sociolingvistikkens (U)mulighed: Viden-skabshist. Studier i Ferdinand de Saussures og Louis Hjelmslevs strukturalis-tiske sprogteorier: Vol. 1-2. Copenhagen, 1991] // *Nordic j. of linguistics*. Oslo, 1993. Vol. 16, N 1. 71-79.

Mignot X. [Recensio: Redefining linguistics / Ed. by Davis H.G, Taylor T. L.; N.Y., 1990] // *Bull. de la Soc. de ling. de Paris*. 1992. T. 87, fasc. 2.31-33.

Minissi N. F. de Saussure, J. Baudouin de Courtenay and the linguistics of the time // *Jan Niecislaw Baudouin de Courtenay a lingwistyka swiatowa*. Wroclaw etc., 1989.149-156.

Nerlich B. Le meme et l'autre: Le probleme de l'identite en linguistique chez Saussure et Wittgenstein // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. Geneve, 1984. 37. 13-34.

Peelers B. Encore une fois «ou tout se tient» // *Historiographia ling.* Amsterdam; Philadelphia, 1990. Vol. 17, N 3. 427-436.

ProsdocimiA. L. Sul fenomeno Saussure. Fra storiografia e biografia // *Energeia und Ergon*. Tubingen, 1988. Bd 2. 225-246.

ProsdocimiA. L., Marchese M. P. Notes on Saussure as an Indo-Europeanist and phoneticist // *Prehistory, history and historiography of language, speech, and linguistic theory*. Amsterdam; Philadelphia, 1992. 89-111.

ProsdocimiA. Sul Saussure delle leggende germaniche // *Cahiers Ferdinand de Saussure*. Geneve, 1984. 37. 35-106.

Rauch I. Pierce, Saussure, Uexkull // *Amsterdam studies in the theory a. history of ling. science*. Ser. 3, *Studies in the history of the lang. sciences*. Amsterdam, 1987. Vol. 38. 575-583.

Reichler-Beguelin M.-J. [Recensio: Gadet F. Saussure: Une science de la langue. P., 1987] // *Bull. de la Soc. de ling. de Paris*. 1988. T. 83, fasc. 2.71-72.

Schutzzeichel R. Sprachwissenschaft nach F. de Saussure: Zum Gedenken an Herbert Kolb, 6. Jan. — 17. Sept. 1991 // *Sprachwissenschaft*. Heidelberg, 1991. Bd 16, H. 3/4.470-482.

Strozier R. M. Saussure, Derrida, and the metaphysics of subjectivity. Berlin etc.: De Gruyter, 1988.

- Strozier R.* Saussure and the intellectual traditions of the twentieth century // *Semiotica*. The Hague, 1985. A. 57, N 1/2. 33-49.
- Swiggers P.* [Recensio: Koerner K. Saussurean studies / *Etudes saussuriennes*. Geneve, 1988] // *Rev. de ling. romane*. Strasbourg, 1989. T. 53, N 211/212. 498-503.
- Tallis R.* Not Saussure: A critique of post-Saussurean lit. theory. Basingstoke; L.: Macmillan press, 1988.
- Tobin Y.* *Semiotics and linguistics*. L., 1990.
- Tobin Yishai.* Will the real professor de Saussure sign in, please? The three faces of Ferdinand // *Semiotica*. Berlin; N.Y., 1996. Vol. 112, N 3/4. 391-402.
- Vasiliu E.* A pre-Saussurian answer to a Saussurian problem: (Lazir Saineanu a. the conceptual nature of meaning) // *Analele Univ. Bucuresti. Limbi si lit. straine*. 1992. A. 41. 5-6.
- Vasiliu E.* From de Saussure to «Cratylus» and backwards // *Rev. roum. de linguistique*. Bucarest, 1986. T. 31, N 6. 491-502.
- Vasiliu E.* Name and sign // *Rev. roum. de linguistique*. Bucarest, 1988. T. 33, N 3. 139-145.
- Vasiliu E.* Nume si eidos: de la Cratylus la F. de Saussure // *Analele sti. ale Univ. Al. I. Cuza din Iasi. Sect. 3-e. Linguistica*. 1987. T. 33. 1-7.
- Vincenot C.* Cematique et phonologie: A propos des «coefficients sonantiques» de Ferdinand de Saussure // *Bull. de la Soc. de ling. de Paris*. 1987. T. 82, fasc. 1. 357-361.
- 414

- Wunder U P.* Saussure et l'architecture de la langue // *Energie und Ergon*. Tubingen, 1988. Bd 2. 283-299.
- Wunder U P.* Saussure et la diachronie // *La linguistique genetique*. Lille, 1988. 143—199
- Zuberberg C.* Le «Memoire» de Saussure lu par L. Hjelmlev // *Versus*. Milano, 1986. N. 43. 59-90.
- Zilberberg C.* Retour a Saussure? P., 1985.

ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аблаут* 142, 158-160
- Агглютинация* 170, 177-179; определение 177; три фазы агглютинации 177-178; агглютинация и аналогия 178-179
- Аккомодация* 59
- Акт речевого общения* 19-20; его этапы 20-21
- Алфавит*: заимствование алфавита 34-35; греческий алфавит, его преимущества 34, 45; см. также *Письмо*
- Анализ* объективный 183-185; анализ субъективный 183-185; анализ субъективный и выделение единиц низшего уровня 185-188
- Аналогия* 161-173: ее важность 166; аналогия уравнивает действие фонетических изменений 161; определение 161; заблуждения первых лингвистов по ее поводу 163; аналогия — образование, а не изменение 163-164; ее механизм 163-164; она принадлежит к грамматическим явлениям - с. 165-166; возникает в речи - 165, 169; аналогическая форма — четвертый член пропорции 161, 164, 165, 167; две концепции по поводу аналогии 166-168; аналогия и формирующие элементы 162, 171; аналогия — фактор развития 169, 172-173; аналогия — симптом изменений в интерпретации 170-172; аналогия — фактор со-

хранения 172-173;
аналогия и народная этимология 174-176; аналогия и агглютинация 178-179
Антропология и лингвистика 14, 223
416
Артикуляционные характеристики звуков 49
Артикуляция и акустика 16; представление артикуляций 69 сноска; два значения слова «артикуляция» 18, 113; ротовая артикуляция, ее виды 48-49; ее значение для классификации звуков 49; артикуляция выдержки 56 и сноска
Ассоциация, способности к ассоциации 21
Ауфрехт Теодор 11
Афазия 19
Аффрикаты 50
Беглые звуки см. Звуки
Бенфей Теодор 11
Вопл Франц 10-11, 32, 84, 184, 216.
Брауне Вильгельм 13
Брака Поль 19
Бругман Карл 13
Велярные 50, 51
Венкер 201
Вернер, закон Вернера 146
Вибранты 52
Вибрация голосовых связок 48
Вид глагола 117
Вокалическая точка 61
Волны инноваций 201, 205
Вольф, Фридрих Август 9
Время глагола 117
Время, его воздействие на язык 77, 80, 197-198
Выдержка 56 и сноска
Генетическое родство языков и общественные связи 224
Географическое разделение и лингвистическая дифференциация 198, 210
Географическое распространение языков 29; см. также *Географическая лингвистика*

Гласные и согласные 52; сонанты 61; гласные открытые и закрытые 53; шепотные 53, глухие 53;
слабые 50; назализованные 53
Говорящий коллектив 79-80
Голосовая щель 47
Голосовой тон 48
Голосовые связки 47
Гортань 47
/оотскмйязык 217
Грамматика: определение 134; общая грамматика 101; сравнительная грамматика 10; традиционная, или классическая грамматика, ее нормативный характер 9, 84; статическая грамматика 84; «историческая» грамматика 141-142, 142 сноска
Грамматические факты и языковые единицы 121
Гримм, Якоб 11, 32
Губно-зубные 50

Губные 50

Двусторонность явлений речевой деятельности (дихотомии) 16-17

Дериваты как продукты аналогии 179

Дети, их роль в эволюции звуков 149-150

Дмсоунз Вильям 10

Диалектные признаки 201-202

Диалектный, заимствование диалектных форм 156

Диалекты естественные не существуют, есть только естественные диалектные признаки 201;

разграничение между языками и диалектами 202-203; диалект и литературный язык 29, 194-195

Диахрония 83; см. также *Диахрон-ная лингвистика*

Дифтонг, имплозивный отрезок, нисходящий дифтонг 64

Дифференциация языковая: на смежной территории 199, на изолированных территориях 208-211

Диц Фридрих 12

Древний (ancien) язык: три значения термина 216-217

Дублеты этимологические, их нефонетический характер 155-156

Дух колокольни (локальной ограниченности) 205-206; уравнивается тягой к взаимообщению 205

Единицы низшего уровня в слове 105,128,129,185-188

Единицы языковые 103-104; определение и ограничение 104-105;

сложные единицы языка 106, 123; проблема классификации единиц, ее важность 113; дифференциальный характер единиц 121-122; языковые единицы и факты грамматики 121-122;

новообразования и языковые единицы 169-170; диахронические языковые единицы 181

Единство слова и фонетические изменения 95

Жильерон Жюль 201

Заднеязычные звуки 50; палатальные и велярные заднеязычные 50,52

Заимствования 29, 43, 155-156, 226

Закон Вернера 146

Закон наименьшего усилия как причина фонетических изменений 148-149

Законы лингвистические 92; законы синхронические — всеобщие, но не обязательные 93-94;

законы диахронические — обязательные, но не всеобщие 94;

фонетические 95-96; некорректность формулировок фонетических законов 146; законы чередования 158

Звук: комплексный характер звука 16, 132; звук и акустическое впечатление 44; и шум 52; не принадлежит языку 119

Звуки: классификация звуков 49-53; звуки звонкие и глухие 49; звуки открытые и закрытые 53; беглые 221; аморфный характер звуков 112

Звукоподражание 71

Зияние 63

Знак языковой, его состав 69; его неизменчивость 74—77; его изменчивость 77-80; знак в целом 120-122; немотивированный и

417

относительно мотивированный знак 131; нулевой знак 88, 118, 186-187 *Знаки* учтивости 70 *Значение*, противопоставленное

значимости 114 *Значимость* в целом 81-82; регулирующие факторы значимости 115-116
Значимость лингвистическая 110, 112-114; ее концептуальность 114; противопоставленность значению 114; ее материальный аспект 118-119
Зубные звуки 50
Игра в шахматы, см. *Шахматы*
Идиома 190
Изменение (alteration) знака 77-78, языковые изменения, их несистемный характер 86-87, 89
Изменения семантические 94, изменения морфологические и синтаксические 94.
Изменения согласных в германских языках 32, 145, 206
Изменения фонетические 144-152;
происходят в речи, не затрагивая язык как систему знаков, 39;
затрагивают звуки, а не слова 95; их регулярность 144; фонетические изменения абсолютные и относительные, спонтанные и комбинаторные 144-145;
см. также *Фонетика*
Изменения языковые, их источник в речи 26, 99; изменению подвержена не система, а отдельные элементы 86-87, 88
Изменчивость знака 77
Изоглоссы, линии изоглосс 202
Имплозия 56-58; ее продолжительность 63
Индоевропейский язык, его особенности 229
История древних эпох (доистория) и лингвистика 14, 224-227
История лингвистики 9-13
Климат и языковые изменения 148, 198
/&йне29, 195, 204
Композиты как продукты аналогии 179 и сноска; композиты германские 141-142, 227;
4)8
композиты индоевропейские 179 и сноска, 227
Консонант 61
Конструкция и структура, различные смыслы этих слов 178
Координация, способность к координации 21
Корень: определение 186; особенности корня в немецком 186-187; во французском 187; в семитских 187, 230-231
Кун, Адальберт 11, 225
Курциус, Георг 11
Латеральные согласные 52
Лексикология не может быть исключена из грамматики 135
Лескин Август 13
Лингвистика как часть семиологии 23; лингвистика языка и речи, см. *Язык*; лингвистика внешняя и лингвистика внутренняя 28-30; лингвистика синхроническая или статическая 83, 100, 101; лингвистика «историческая» 83, или эволюционная, или диахроническая 83, 101, 140-141; географическая лингвистика 190
Лингвистическая картография 201-202.
Лингвистическая палеонтология 224
Лингвистические атласы 201-202.
Литовский язык 32, 216
Междометия 72
Метод сравнительный 12-13; во внешней и внутренней лингвистике 91—92; в син-

хронической и диахронической лингвистике 91-92; проспективный и ретроспективный 212

Механизм языка 128-131, 217

Миграции 203; теория миграций 209-211

Младограмматики 13, 184

Множественное и двойственное число 116

Moda 78, 151

Морфология, ее неотделимость от синтаксиса 134-135

Мотивация, мотивированное 132

Мысль, ее аморфный характер 112

Мюллер, Макс 11

Назализованные, назализованный гласный 49, 53

Написания «косвенные» 35; колеблющиеся написания 35; см. также *Письмо*

Нёбная занавеска 47

Нёбные 50

Неизменчивость знака 74-77

Немотивированность, см. *Произвольность*

Непоследовательность орфографии 35-38.

Неслоговой (unsibilisch) 65

Нёбо 47

Носовой резонанс 48-49.

Носовые 50

Образ акустический 19-20, 23, 69;
его физическая природа 69; = означающее 70; и письмо 23, 33

Общественное явление, язык есть общественное явление 18, 23

Общности синтагматические и ассоциативные 128

Ограничение произвольности языкового знака и языковая система 133

Однородность речевого потока 44-45

Означаемое 70, 103; см. *Означающее*

Означающее определение 70; его линейный характер 72, 123; существует только через означаемое и на основе взаимности 103-104

Окончание; нулевое окончание 185

Оппозиция и различие 121

Орфография 33; чтение и орфография 40-41; см. также *Письмо*

Основа 185-186

Остгоф Герман 13

Открытые звуки 53

Отношения синтагматические и ассоциативные 123-124; их взаимосвязь 129-130;
их роль в выявлении фонем 130; они являются основой для грамматической классификации 136; два типа синтагматических связей 125; два признака ассоциативных связей 126

Отрезок (= группа) эксплозивно-имплозивный 58;
имплозивно-эксплозивный 59;
эксплозивный 59; имплозивный 60, 61; разорванный 61, 63

Палатализованные 50

Панхрония, панхроническая точка зрения в лингвистике 96-97

Парадигма флексий, как тип ассоциативных связей 126

Пари Гастон 216

Пауль Герман 13

Пермутация как синоним чередования 160
Перспектива синхроническая и диахроническая 84,89,92; перспектива проспективная и ретроспективная 212-213
Пикте Адольф 225
Письмо и язык 23; письмо и языковая система 31, 119; необходимость изучения письма 31; отличие от языка 31-32; не является условием языковой стабильности 32; его значимость возрастает в литературном языке 33; развивается менее быстро, чем язык 34; заимствования и письмо 34—35; непоследовательность орфографии 34-35; этимологический принцип орфографии 35; интерпретация фактов письма 41-42.; эксплозия и имплозия, обозначаемые на письме 57,64, 65; фонологическое письмо 40; не может заменить практическую орфографию 40; системы письма 33-34; письмо идеографическое (китайское), звуковое 33; слоговое (киприотское) 33, 45,54; консонантное(семитское) 45
Плавные 50, 52
Политическая история в связи с языком 28; с фонетическими изменениями 150
Политическая экономия 81
Полости ротовая, носовая 46-49.
Полугласные 53
Понятие 19, 69; = означаемое 70, 103,113-114
Потт Август Фридрих 11
Предлоги, неизвестные индоевро-пейскому языку 180
419

Предложение как тип синтагмы 123; как единица речи 106-107;
эквиваленты предложения 128

Префикс. 187
Придыхательный h 53; во французском 37
Прием, противопоставленный процессу 177
Приставки глагольные, неизвестные индоевропейскому языку 180
Произвольность знака', определение 70; произвольность = немотивированность 71; произвольность знака - фактор его неизменчивости 75-76; произвольность знака — фактор изменчивости 78; произвольность абсолютная и относительная 131-133;соотнесенность с фонетическими изменениями 152, 166, с аналогией 165
Произношение и написание 34-35; этимологически зафиксированное 37; деформированное написанием 38; относительная свобода произношения 119
Перспективная перспектива, см. *Перспектива*
Психология социальная и лингвистика 14, 23
Разграничение языковых единиц 104-105; разграничение фонем, 45-46
Различия языков 190-192; в родственных языках 191, 197; абсолютные различия 191
Различия, их роль в структуре значимости 115, 118; в языке нет ничего, кроме различий 120
Раса и язык 223; и фонетические изменения 147
Раствор: степень раствора как база классификации звуков 49-53; влияние степени раствора на имплозию и эксплозию 57
Реальность синхроническая 110;
реальность диахроническая 182

Реконструкция лингвистическая 219-222
Ретроспективная перспектива см. *Перспектива*
Речевая деятельность, язык и речь 17, 80; ненормативный 420
характер речевой деятельности 17-18; природная способность к речевой деятельности 18; членораздельная речевая деятельность 19
Речевой аппарат 46-49
Речь как индивидуальный акт 20, 26; противопоставленность языку, см. *Язык*;
речь как источник всех изменений языка 27, 99, 142 сноска, 169
Ричль 9
Ротацизм в латинском языке 144, 147
Санскрит, его открытие, его значение для индоевропейской лингвистики 10; преувеличение роли санскрита 216-217; его древность 217
Свобода произношения 119
Сдвиг отношения между означающим и означаемым 78
Семантика 23 сноска
Семиология определение 23; основана на системах произвольных знаков 70-71
Сивере Эдуард 13, 62, 65, 66
Символ, противопоставленный знаку 71
Сингармонизм гласных в урало-алтайских языках 230
Синтагма определение 123; см. *Отношения*
Синхрония 83; см. также *Синхроническая лингвистика*
Система фонологическая 41, 222
Система языка 17, 30, 76, 82, 112-113, 132; см. также *Механизм*
Системы письма, см. *Письмо*
Синтаксис, связь с морфологией 132; с синтагматикой 136
Слова, противопоставленные языковым единицам 105, 114
Словесная игра и произношение 43
Слог 54, 61-63; слоги долгие по природе и по положению 63-64
Слоговой (sibilisch) 65
Слогообразующий (Sibendildend) 62
Слогораздел 61-62
Случайный характер конкретного языкового состояния 86-87
Смычные 50

Согласные 52, 61; согласные звонкие и глухие 41
Сонант 10; сонанты индоевропейские 54-55, 61
Сонорность, ее роль в слогообразовании 62
Сопоставления неродственных языков 190; родственных языков 191-192; сопоставление родственных языков и реконструкция 12, 191, 219
Состояние языка 101-102
Сохранение языковых форм, два фактора этого процесса 173
Социология и лингвистика 14
Спиранты 50
Способность к речевой деятельности 17-18, 19; способность артикулировать слова 19; способность создавать языковые факты 19; способность к ассоциации и координации 21
Сравнительная грамматика, ошибки школы 11-12, 32, 163, 183, 209, 216
Стабильность политическая и фонетические изменения 150

Экономические науки 81
 Экспирация (выдох) 48-49
 Эксплозия 56-57; ее продолжительность 63
 Этимология 189; недостоверность этимологии 225-226; этимология и орфография 35, 38
 Этимология народная 174-176;
 без деформации 174; с деформацией 175; неполная 175; сравнение с аналогией 174, 175-176.
 Этимология слова dominus 226- 227
 Этнизм 224; итало-германский эт-низм 227
 Этнография и лингвистика 14, 28, 223
 Этнология и лингвистика 28
 Этруски и латиняне 224
 Язык Авесты (зендский язык) 30, 42
 Язык литературный и орфография 33; и диалект 29, 194-195; независимость от письма 195; его относительная стабильность 140, 150.
 Язык, норма явлений речевой деятельности 17; не может быть сведен к номенклатуре 24, 68;
 его социальная природа, однородность и конкретность 22-23;
 противопоставленность речи 21, 26-27, 79-80, 165; тем не менее тесная связь с ней 27; способ существования языка 27; он -форма, а не субстанция 113, 122; язык и диалекты 202-203
 Языки германские 217; изучение германских языков 13, 213; романские языки 212, 218; изучение романских языков 13, 212;
 семитские языки, их особенности 230-231; одна из их синтаксических особенностей 227
 Языки, границы между ними 202-204; языки, наложившиеся друг на друга на одной территории 193-194; языки «лексические» и языки «грамматические» 133; языки специальные 28;
 языки искусственные 79
 Языковые семьи 14, 191; не имеют постоянных признаков 229; индоевропейская языковая семья 10, 191, 203; 209, 229; семья банту 191; финно-угорская языковая семья 191; семитская языковая семья 191
Язычок 47
 L зубной, небный, велярный, носовой 52
 Participe present во французском 97
 г раскатистое и г грассирующее 52

Содержание

Предисловие к первому изданию	5
Введение	9
Глава I. Общий взгляд на историю лингвистики	9
Глава II. Предмет и задача лингвистики; ее отношение к смежным дисциплинам.....	14
Глава III. Объект лингвистики	16
§ 1. Определение языка	16
§ 2. Место языка в явлениях речевой деятельности	19
§ 3. Место языка в ряду явлений человеческой жизни. Семиология	23
Глава IV. Лингвистика языка и лингвистика речи	26
Глава V. Внутренние и внешние элементы языка	28

Глава VI. Изображение языка посредством письма	31
§ 1. Необходимость изучения письма	31
§ 2. Престиж письма; причины его превосходства над устной формой речи . .	31 §
3. Системы письма	33
§ 4. Причины расхождения между написанием и произношением.....	34
§ 5. Последствия расхождения между написанием и произношением.....	35
Глава VII. Фонология	39
§ 1. Определение	39
§ 2. Фонологическое письмо	40
§ 3. Критика показаний письменных источников	41
Приложение к введению основы фонологии.....	44
Глава VIII. Фонологические типы.	44
§ 1. Определение фонемы	44
§ 2. Речевой аппарат и его функционирование	46
§ 3. Классификация звуков в соотношении с их ротовой артикуляцией	49
Глава II. Фонема в речевой цепочке	54
§ 1. Необходимость изучения звуков в речевой цепочке	54
§ 2. Имплозия и эксплозия	56
§ 3. Различные комбинации эксплозии и имплозии в речевой цепочке	58
§ 4. Слогораздел и вокалическая точка	61
§ 5. Критика теории слогаделения.....	62
§ 6. Длительность имплозии и эксплозии.....	63
§ 7. Фонемы четвертой степени раствора. Дифтонги и вопросы их написания .	64
Часть первая	
Общие принципы.....	68
Глава I. Природа языкового знака	68
§ 1. Знак, означаемое, означающее	68
§ 2. Первый принцип: произвольность знака.....	70
§ 3. Второй принцип: линейный характер означающего.....	72
Глава II. Неизменчивость и изменчивость знака	74
§ 1. Неизменчивость знака	74
§ 2. Изменчивость знака	77
Глава III. Статическая лингвистика и эволюционная лингвистика	81
§ I. Внутренняя двойственность всех наук, оперирующих понятием значимости.	81
§ 2. Внутренняя двойственность и история лингвистики	83
§ 3. Внутренняя двойственность лингвистики, показанная на примерах ...	85
424	
§ 4. Различие синхронии и диахронии, показанное на сравнениях	
§ 5. Противопоставление синхронической и диахронической лингвистик в отношении их методов и принципов	
§ 6. Синхронический закон и закон диахронический	
§ 7. Существует ли панхроническая точка зрения?	
§ 8. Последствия смешения синхронии и диахронии	
§ 9. Выводы	
Часть вторая	
Синхроническая лингвистика.	
Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	
Глава II. КОНКРЕТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СУЩНОСТИ.	

§ 1. [Конкретные языковые] сущности и [речевые] единицы. Определение этих понятий	
§ 2. Метод разграничения сущностей и единиц.....	
§ 3. Практические трудности разграничения сущностей и единиц	
§ 4. Выводы.....	
Глава III. ТОЖДЕСТВА, РЕАЛЬНОСТИ, ЗНАЧИМОСТИ.	
Глава IV. ЯЗЫКОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ	
§ 1. Язык как мысль, организованная в звучащей материи.	
§ 2. Языковая значимость с концептуальной стороны	
§ 3. Языковая значимость с материальной стороны	
§ 4. Рассмотрение знака в целом	
Глава V. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И АССОЦИАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
§ I. Определения.....	§ 2. Синтагматические отношения .....
§ 3. Ассоциативные отношения.	
Глава VI. МЕХАНИЗМ ЯЗЫКА	
§ 1. Синтагматические единства	
§ 2. Одновременное действие синтагматических и ассоциативных групп . . . §3. Произвольность знака, абсолютная и относительная.	
Глава VII. ГРАММАТИКА И ЕЕ РАЗДЕЛЫ.	
§ 1. Определение грамматики; традиционное деление грамматики.	
§ 2. Рациональное деление грамматики	
Глава VIII. РОЛЬ АБСТРАКТНЫХ СУЩНОСТЕЙ В ГРАММАТИКЕ. . . .	
Часть третья	
Диакроническая лингвистика.	
Глава I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	
Глава II. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ	
§ 1. Абсолютная регулярность фонетических изменений.	
§ 2. Условия фонетических изменений.	
§ 3. Вопросы метода	
§ 4. Причины фонетических изменений	
§ 5. Неограниченность действия фонетических изменений ....'	
Глава III. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ.....	
§ 1. Разрыв грамматической связи	
§ 2. Стирание сложного строения слов	
§ 3. Фонетических дублетов не бывает	
§ 4. Чередование	
§ 5. Законы чередования.	
§ 6. Чередование и грамматическая связь	
Глава IV. АНАЛОГИЯ	
§ 1. Определение аналогии и примеры.	
§ 2. Явления аналогии не являются изменениями	
§ 3. Аналогия как принцип новообразований в языке	
Глава V. АНАЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ	

§ 2. Образования по аналогии—симптомы изменений интерпретации ... 170 § 3. Аналогия как обновляющее и одновременно консервативное начало . . 172 Глава

VI. НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ	174
Глава VII. АГГЛЮТИНАЦИЯ	177
§ 1. Определение агглютинации	177
§ 2. Агглютинация и аналогия	178
Глава VIII. ПОНЯТИЯ ЕДИНИЦЫ, ТОЖДЕСТВА И РЕАЛЬНОСТИ В ДИАХРОНИИ	180
ПРИЛОЖЕНИЕ КО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧАСТЯМ.	183
А. Анализ субъективный и анализ объективный	183
Б. Субъективный анализ и выделение единиц низшего уровня	185
В. Этимология	189
Часть четвертая географическая лингвистика	190
Глава I. О РАЗЛИЧИИ ЯЗЫКОВ	190
Глава II. СЛОЖНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ГЕОГРАФИЧЕСКИМ РАЗНООБРАЗИЕМ ЯЗЫКОВ.....	193
§ 1. Сосуществование нескольких языков в одном пункте.	193
§ 2. Литературный язык и диалекты	194
Глава III. ПРИЧИНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЯЗЫКОВ . .	197
§ 1. Основная причина разнообразия языков—время.	197
§ 2. Действие времени на язык на непрерывной территории	199
§ 3. У диалектов нет естественных границ	200
§ 4. У языков нет естественных границ	202
Глава IV РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ВОЛН	205
§ 1. Сила общения и «дух родимой колокольни»	205
§ 2. Сведение обеих взаимодействующих сил к одному общему принципу .	207
§ 3. Языковая дифференциация на разобщенных территориях	208
Часть пятая Вопросы ретроспективной лингвистики	212
Глава I. ДВЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ. .	212
Глава II. НАИБОЛЕЕ ДРЕВНИЙ ЯЗЫК И ПРАЯЗЫК	216
Глава III. РЕКОНСТРУКЦИЯ.	219
§ 1. Характер реконструкции и ее цели	219
§ 2. Степень достоверности реконструкций.	221
Глава IV. СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫКА В АНТРОПОЛОГИИ И ДОИСТОРИИ	223
§ 1. Язык и раса	223
§ 2. Этнизм	224
§ 3. Лингвистическая палеонтология	224
§ 4. Языковой тип и мышление социальной группы.	227
Глава V. ЯЗЫКОВЫЕ СЕМЬИ И ЯЗЫКОВЫЕ ТИПЫ	229
ПРИЛОЖЕНИЯ	233
Дс Мауро Т. Биографические и критические заметки	
ОФ.ДЕСОССЮРЕ.....	235
Де Мауро Т. Примечания	294
Библиография	395
ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	416

Научное издание

Фердинанд де Соссюр Курс общей лингвистики

Редактор *Н. В. Чапаева* Ответственный редактор *В. Е. Беспалов*

Изд. лиц. 020257 от 22.11.96. Подписано в печать 20.04.99 г. Формат 84x108 Чу.
Бумага писчая. Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 27,73. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 1 000

экз. Заказ №178.

Издательство Уральского университета 620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУИПП «Уральский рабочий» 620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13